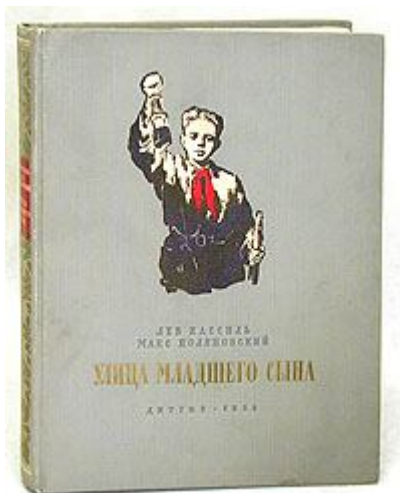

Лев Кассиль Макс Поляновский Улица младшего сына

Аннотация

Повесть о жизни и смерти юного партизана Володи Дубинина — героя Великой Отечественной войны.

*Пионерский галстук имеет три конца в знак нерушимой дружбы трех поколений — коммунистов, комсомольцев и пионеров.
(Из «Книги вожатого»)*

Улица в Керчи

Не так уж много на свете мальчиков, по имени которых названы целые улицы. И потому мы оба разом остановились на перекрестке, когда случайно прочли то, что написано на табличке, прибитой к стене углового дома...

В Керчь мы приехали накануне.

Крымский город, с улиц которого видны два моря — Черное и Азовское, имеет длинную и затейливую историю. Прах всевозможных древних легенд курится над горой Митридат, высящейся над Керчью. Но уютный южный город, стоящий на слиянии двух морей, успел снискать совсем иную славу в бурные годы первых пятилеток и двух войн — гражданской и Великой Отечественной. За годы предвоенных пятилеток Керчь превратилась из небольшого рыбацкого городка в крупный индустриальный центр, в город руды, металла, судостроения. Огромные заводы выросли вокруг Керчи. Миллионы тонн чугуна, стали, проката давала ежегодно стране керченская металлургия. Руда из Камыш-Буруна шла на построенные в Приазовье огромные металлургические заводы.

Осматривая город, мы вышли на центральную улицу. Прямая и тенистая, она носит имя Ленина. Под сенью акаций белеют невысокие, но красиво построенные из камня-ракушечника дома, многие из которых были изуродованы фашистскими бомбами во время войны.

Дул теплый ветер с пролива, и в этом ветре чувствовалось дыхание двух морей.

Неожиданно издали донеслось громкое пение птиц; над головами прохожих мы заметили несколько клеток, которые висели на белой каменной стене. В трех из них прыгали юркие чижи, а в одной совался толстым клювом в прутья крупный дубонос.

Под клетками, покуривая, сидел на стуле, должно быть, сам хозяин, вынесший в воскресное утро своих птиц погреться на солнышке. На нем была выгоревшая от солнца, но

опрятная военная гимнастерка с расстегнутым воротом и медалью Отечественной войны на ленте, аккуратно обернутой в прозрачный целлофан. Под гимнастеркой виднелась чистенькая, хотя и полинявшая тельняшка. По какому-то знаку хозяина все примолкшие было птицы засвистели, залились, защелкали на всю улицу, на одном из домов которой была прибита табличка:

УЛИЦА ВОЛОДИ ДУБИНИНА

Крымское солнце и ветры двух морей почти обесцветили буквы на жестяной табличке, и не было уверенности в том, что мы верно прочли название.

— Простите, как называется эта улица?

Человек в гимнастерке поднял свое загорелое лицо, сделал опять какой-то знак птицам — и в клетках мигом затихло.

— Зовется бывшая Крестьянская, а в настоящее время и во веки веков — улица Володи Дубинина, — глухим, но внятнм голосом произнес он.

— А кто это — Володя Дубинин? Чем он заслужил такую честь?

— Заслужил, — строго сказал птицелов. — Уж он-то заслужил. Я могу вам как местный житель разъяснить, кто такой Володя Дубинин, керченский наш сынок...

Пели, заливались чижи, сыпались сверху из клеток семечки, тихо стояли собравшиеся вокруг керченские мальчишки, слушая, видно, хорошо уже знакомый им рассказ о своем славном земляке.

Потом мы направились по их совету в городской музей. В большом зале среди портретов людей, прославивших Керчь, мы увидели на отдельном алом бархатном щите уже знакомое имя Володи Дубинина. С портрета на нас глянуло лицо мальчугана, большелобого, с веселым, упрямо выпяченным ртом, с огромными глазами, полными ясного света и смотрящими на мир с таким пытливым задором, с такой прямой, открытой отвагой, будто перед ними все на свете должно немедленно раскрыться настезь.

А вечером у такого же портрета, висевшего на стене в чистенькой горенке, мать Володи Дубинина, Евдокия Тимофеевна, тихо рассказывала нам про своего сына. И Володина сестра, Валя Дубинина, вставляла словечко, чтобы дополнить рассказ матери, если та что-нибудь не могла припомнить.

На другой день в школе № 13, которая называется «Школа имени Володи Дубинина», мы разговаривали с учителями и товарищами Володи, и все, что узнали, так глубоко взволновало и захватило нас, что мы надолго еще задержались в Керчи. История недавних дней, правдивая, во сто крат более прекрасная, чем все, что могли рассказать нам мертвые камни раскопок, раскрывалась перед нами слово за словом, день за днем, шаг за шагом.

Мы уехали из города, успев завязать много новых чудесных знакомств, собрав самые разнообразные сведения о мальчике, именем которого названа улица в Керчи.

Впоследствии нам удалось списаться со многими людьми, которые ныне живут уже в других городах, но хорошо помнят Володю. Люди, знавшие Володю, охотно откликались на наши письма. Они присылали свои дневники, заметки о днях Великой Отечественной войны, записи о делах и подвигах Володи. Потом пришлось еще не раз побывать в Керчи, чтобы походить по всем местам, которые связаны с именем Володи Дубинина, с его короткой, но доблестной жизнью, еще и еще расспросить всех родных и друзей, сверстников и старших боевых товарищей Володи о делах, которыми прославился керченский пионер.

Так страничка за страничкой писалась эта книга. В ней почти нет вымысла. Все, о чем рассказывается здесь, — правда, столь прекрасная, строгая и чистая, что не было нужды приукрашивать ее. Едва ли не каждая страница в этой книге может быть подтверждена документами и фотографиями, свидетельствами и записями — их прислали и продолжают присылать нам хорошие советские люди, знавшие мальчика, в честь которого названа улица в Керчи.

Часть первая «РАСТИ, МАЛЬЧУГАН!»

Глава I Надпись в подземелье

В этот день, который Володя запомнил навсегда, мать взяла его и сестру Валю в Старый Карантин. Каждую весну они приезжали сюда из Керчи к дяде Гриценко. Здесь у Евдокии Тимофеевны был небольшой огород. А с Ваней Гриценко, своим троюродным братом, Володя давно сдружился. Мальчики считали себя давнишними друзьями.

— Мы с Гриценко Ваней старинные товарищи, — любил говорить Володя.

— Кто старинные, а кто и не очень, — неизменно возражал при этом Ваня Гриценко. — Еще носом не дорос до старинного.

— Ну, а ты сам?

— Я — другой вопрос. Ты себя со мной не равняй, — отвечал Ваня.

Он был на целый год старше Володи. Ему уже минуло девять лет.

Володя любил поездки в Старый Карантин. Здесь он с матерью и сестрой Валею обычно проводил лето. Целые дни дети бегали по холмам, заросшим колючим татарником с большими розоватыми цветами, мохнатыми и похожими на толстый помазок для бритвы. Они бегали к рыбакам-забродчикам Камыш-Буруна и сами ловили бычков и барабулек, а потом возвращались в беленький домик дяди Гриценко, сложенный из камня-ракушечника, и требовали, чтобы их добыча непременно шла в общий котел. И, когда был хороший улов, все ели да похваливали удачливых рыболовов, а дядя Гриценко, сам бывший рыбак, говорил:

— Ну, ну, рыбаки, питатели семейства!.. Языком не болтай, жуй на оба бока, костями не давь! — и легонько стучал ложкой по носам рыболовов.

Да, это было распрекраснейшее место на свете — Старый Карантин. Здесь можно было купаться в море, где у берега совсем неглубоко, пускать корабли, помогать рыбакам смолить их лодки, растягивать сети на просушку. А сколько уголков для игры в прятки таилось на холмах за поселком, где торчала пирамидальная, похожая на форму для творожной пасхи вышка над стволом шахты, лежали сложенные стенами, аккуратно нарезанные, как сахар-рафинад, белые камни ракушечника, слепящего глаза на солнце, а дальше, среди заросших холмов, открывались порой незаметные входы в шурфы и штольни каменоломен.

Правда, мать и особенно сам дядя Гриценко строго-настрого запрещали прятаться в этих полуобвалившихся тоннелях. На эти места здешними мальчиками был наложен запрет, и считалось «чур, не игра», если кто-нибудь прятался там. Но все же было очень соблазнительно заползти в такую дыру и прятаться там, пока тот, кто куликал, сбившись с ног рыскал по поверхности, а потом неожиданно выскочить у него за спиной, прямо из-под ног, и что есть духу нестись наперегонки к большому камню, возле которого брошена «палочка-застукалочка».

И все это можно было снова испытать сегодня!

День был воскресный. Мать надела черную кружевную шаль, нарядила Валентину в новое платье, прошитое широкой тесьмой, а Володя по случаю поездки в Старый Карантин надел матросскую курточку. Конечно, она была не совсем матросская. Непонятно, например, зачем понадобилось привешивать под вырезом воротника что-то вроде галстучка. Неправильно это было. Не носят таких штук настоящие матросы. И, надо признаться, Володя один раз оторвал этот совершенно девчачий бантик, когда с матерью ходил в гости. Но сестра Валентина специально, чтобы доказать, что она старше и главнее, нашла за сундуком этот хвостик от курточки. И матросский вид Володи был снова испорчен.

Вани Гриценко не оказалось дома. Он был во дворе за домом и занимался в уединении делом, о котором всякий иной мальчик мог лишь мечтать.

Утром он выменял у одного из соседских мальчишек, отец которого работал в аптеке, на свою шпульку с летающей жестяной вертушкой — разбитый медицинский термометр. И вот сейчас, стоя в тени за домом, Ваня держал перед самыми глазами картонную коробочку из-под папирос. По дну ее бегала тяжелая зеркальная капля ртути. Она то вытягивалась, то

сжималась, как живая, внезапно распадалась на две-три выпуклые лепешечки, которые вдруг снова сливались вместе. Все это доставляло счастливому владельцу ртутной капли огромное удовольствие.

Володя подкрался неслышно сзади и застыл, любуясь через плечо товарища поистине замечательным зрелищем. Увлеченный своим занятием, Ваня не заметил его. Но вдруг он почувствовал, как две горячие шершавые ладони крепко сжали ему виски, не давая обернуться. Ваня попробовал вырваться, но руки у него были заняты коробочкой со ртутью.

— Пусти! — проворчал он.

Сзади не отпускали.

— Брось, слушай!.. Кто это?

Сзади молчали, продолжая крепко сжимать ладонями Ванину голову. Ваня потоптался на месте, поворачиваясь то влево, то вправо, но тот, кто держал, ловко увертывался, все время оказываясь за спиной. Пришлось смириться и действовать по правилам, то есть начать отгадывать.

— Знаю! Толька Ковалев?

— Ым...

— Витюха, ты?..

— Ы!..

— Серега с Камыш-Буруна?

Сзади опять промычали отрицательно.

Избычившись, Ваня сумел заглянуть себе под ноги и заметил за ними пару ног в новеньких, но уже покрытых белой пылью ботинках. Тот, кто держал сзади, вероятно, был мал ростом, потому что вставал на цыпочки, чтобы справиться с головой Вани. Белая же ракушечная пыль на ботинках говорила о том, что владелец их пришел издалека и со стороны каменоломен, где останавливался автобус из Керчи.

— Вовка, что ль, Дубинин? — неуверенно назвал Ваня.

Сзади разом отпустили руки. Ваня оглянулся и увидел троюродного братишку. Друзья не виделись давно, с самой зимы. Оба быстро оглядели друг друга, примериваясь глазом, насколько вырос каждый. При этом Ваня Гриценко с удовольствием отметил, что Володя не догнал его, хотя и тянулся сейчас что есть силы.

— А я сразу подумал, что это ты, — сказал Ваня, — только проверить хотел сперва.

— Да, да! — вставая на носки и задирая свой без того задорно торчавший нос, смеялся Володя. — Сразу догадался! А сам всех перебрал. И Тольку и Серегу. Здорово я тебя подловил! Я знаю, ты меня по ногам узнал, а то бы никогда не догадался.

— Да ну, «не догадался!» Ты вот гляди, что у меня есть, — проговорил Ваня, протягивая приятелю коробочку. — Видал?

У Володи загорелись было глаза, но он тотчас же справился с собой. — А ну, покажи! Это там что?

Зеркальный живчик бегал по коробке, не оставляя следа, бесшумно и неуловимо, как бегают солнечный зайчик.

— Дай мне покатаь, — попросил Володя.

— Но-но... — отвечал Ваня, отводя Володину руку в сторону локтем. — Дорости сперва. Ты не тянись. Это знаешь что? Ртуть называется. Такая вода из железа. Ну, понимаешь, ртуть? Она знаешь ядовитая какая! Вот эту каплю проглотить — она сразу в кишки прыг, в сердце закатится — и конец человеку. Так и будет там кататься...

— Дай я немного покатаю.

— Да ты с ней обращаться не умеешь. Еще упустишь.

— Вот увидишь, не упусти.

Наконец Ваня согласился и уступил. Володя неверными от волнения руками принял коробочку и стал гонять по ее дну ртутную каплю. И вдруг от слишком резкого движения серебряная капля скользнула в угол наклоненной коробочки и выпрыгнула из нее на землю. Там она тотчас же рассыпалась на мелкие блестящие брызги, словно в землю по самую

головку вкололи десятки булавок.

— Ну вот! — чуть не плача проговорил Ваня. Он ужасно рассердился. — Говорил, что упустишь! Где тебе со ртутью дело иметь, такому малявке!..

Володя был убит. Он сел на корточки, пытаясь собрать ртутные брызги. Но из этого ничего не вышло.

— Это потому, что ты меня торопил очень, — оправдывался Володя. — Ну ладно, ты не сердись. Я тебе, хочешь, золотую проволочку вот такой длины подарю? У меня есть. А могу бабочку «мертвая голова», сушеную... Или перо от ястреба... Что хочешь.

— На что мне твое перо! Мне ртуть нужна.

— А зачем тебе она?

— «Зачем!» Опыты делать... по физике. Мы будем скоро уже физику проходить. Уже через два года... если этот не считать.

Ах, это был новый удар! Володя и позабыл совсем, что Ваня этой весной уже перешел во второй класс. Володе же предстояло осенью поступить лишь в первый, а пока он ходил еще в детский сад.

— Хуже нет с дошколенками связываться! — продолжал Ваня и пренебрежительно плюнул.

— Ну и не больно тебя просят связываться! — обиделся Володя. — Я не люблю, когда так говорят... Ты лучше не смей обзывать!..

— А что мне будет?

— А вот уйду сейчас и не приду к вам больше — и все.

— Тебя не спросят. Мать привезет.

— Не захочу — не привезет. Вот возьму и сейчас уеду.

— На чем? На палочке верхом? А деньги на билет, на автобус, есть?

— А я пешком пойду, вот так, — проговорил Володя, одернул курточку, сел на землю, мигом разулся, взял в руки ботинки с засунутыми в них чулками и зашагал прочь со двора. Лицо у него было решительное, выпяченные губы пухлого рта были крепко сжаты.

Он шел не оглядываясь, сердито выворачивая босыми пятками пыль. И Ваня понял, что Володя действительно уйдет и отшагает все семь километров до города. Он знал характер своего младшего друга: уж если Володя что сказал, так он это сделает во что бы то ни стало. Надо было остановить Володю, чтобы не попало обоим. Но Ване не хотелось унижаться.

— Эй, Вовка, брось! — крикнул он. — Гордый какой, в самом деле! — Ваня влез на забор, перевесился наружу. — Хватит тебе, говорю! Давай назад!..

Володя уже был за калиткой. Маленькая его фигура в запыленной матросочке быстро двигалась по улице поселка. Володя даже не обернулся. Ваня выбежал за ним на улицу.

— Стой, Вовка, погоди!.. Я какую загадку знаю, вот реши! Ни в жизнь не отгадаешь!

Володя чуточку замедлил шаг и обернулся, поглядев через плечо на догонявшего его приятеля.

— Вот слушай, — запыхавшись, проговорил Ваня, настигнув его наконец. — Вот что это значит: «Детина полуумный на диване»?

Володя остановился.

Действительно, что это значит? Ну, сумасшедший на диване... В чем тут хитрость?

— Это никто не решит, — утешил его Ваня. — У нас в классе никто не отгадал. Я тоже сперва не разобрал, — добавил он, чтобы окончательно смягчить положение.

— «Детина полуумный...» — повторил Володя. Ваня видел, что он уже не уйдет, пока не узнает.

— Идем домой, — проговорил он, — а я тебе сейчас отгадку скажу.

Володя постоял с минуточку в раздумье, потом медленно пошел в сторону дома Гриценко.

— Ну, говори отгадку, — сказал он, остановившись возле калитки. — А то не пойду.

— За калиткой скажу. Прошли во двор.

— Ну, вот теперь слушай, — важно проговорил Ваня. — Это значит; дети на полу,

умный на диване. Здорово?

Да, за этим стоило вернуться! Эх, скорее бы в школу, чтобы самому узнать все эти ученые штуки!

Теперь все уже пошло гладко. Друзья стали вспоминать всякие приключения, бывшие с ними зимой во время разлуки.

— Ты под Новый год поздно лег спать? — спрашивал Володя. — Ты до какого часу не спал? А я сперва не хотел ложиться, а потом нечаянно разоспался и уже даже не хотел вставать. А после по радио заиграли «Вальс-каприс», и я развеселился. А тут еще Валька стала дразниться, что я одним глазом сплю, а другим дремлю. И я уже не стал хотеть спать совсем.

Потом решили идти купаться.

— А помнишь, как я утонул, когда маленький был?

И опять была рассказана пренеприятная, уже хорошо известная Ване история. Дело в том, что прошлым летом Володя еще не умел плавать и должен был во время купания с мальчишками довольствоваться тем, что барахтался у самого берега. Правда, Володя вскоре выучился водить по дну руками, болтая при этом ногами. И казалось, что он плавает. Но раз на берег пришли ребята в городской окраины Глинки, считавшиеся в Керчи самыми отчаянными, и сразу заметили обман.

— Эй ты, грязнуха, землечерпалка! — крикнул один из них. — Чего по дну корябаешься?

Володя сказал:

— Не видел, так не ври... — И для большей убедительности добавил: — У меня только ногу свело, а то бы я показал вам, как плавать надо.

Большие глинковские мальчишки засмеялись. Один из них поддразнил:

— А ну-ка, покажи, лягушонок, как ты пузыри пускаешь! Может быть, нас поучишь?

— Он, как воробышка, только в пыли купаться может.

Володя уже собирался уходить и натягивал штанишки, прыгая на одной ноге по берегу, но тут он содрал их с себя и отбросил в сторону.

— А что, не покажу, думаешь? Вон сейчас с того места прыгну!

— А ну, прыгни! — поддразнивали мальчишки из Глинки.

Володя влез на камни мола и огляделся. Как назло, никого из керченских друзей поблизости не было; значит, не на кого было надеяться. Однако надо было спасти честь керченских пловцов. Володя посмотрел вниз. Он знал, что здесь возле мола глубина — два раза с головой... Но делать нечего, отступать уже было поздно. «А может быть, и выплыву», — подумал Володя, припоминая часто слышанные им рассказы о том, что если человека сбросить на глубокое место и он сразу не испугается, так непременно выплывет. Володя зажмурился, набрал в грудь как можно больше воздуха (даже за щеками запас сделал) — и прыгнул. Он звонко шлепнулся, отбив себе сразу живот, охнул, отчего весь воздух, распиравший его щеки и грудь, вырвался наружу. Почувствовав, что погружается, Володя отчаянно заработал руками и ногами, открыл со страху глаза, — зеленовато-желтая, как огуречный рассол, влага, тяжелая, мутная, сдавила ему грудь, раздвинула насильно зубы и, казалось, заполнила его всего целиком ужасным холодом и разрывающей болью. Володя захлебнулся и пошел ко дну.

Глинковские мальчишки, с насмешливым равнодушием взиравшие на Володю до его прыжка, видя, что нырнувший мальчуган не показывается на поверхности, забеспокоились и стали звать на помощь, бросаться в воду, нырять, чтобы вытащить Володю. Ближе всех к месту происшествия был пожилой рыбак, возвращавшийся из моря в своей шлюпке. Он видел прыжок Володи, слышал крики мальчишек и, как был, не раздеваясь, бросился с лодки в том самом месте, где еще минуту назад всплывали небольшие пузыри.

Он вынырнул, отплеываясь, зажал большими пальцами уши, а ладонями нос и рот — и снова погрузился в воду.

Через минуту Володя уже лежал на каменных плитах мола и спасший его рыбак

растирал неподвижное тело мальчика, переворачивая его со спины на живот, подставляя под него свое колено, разводил руки Володи. Вскоре Володю стошнило, дыхание подняло его грудь. Медленно раскрылись глаза, еще бестолково глядевшие на белый свет, куда он снова возвращался.

— Ну, а теперь пускай полежит, обсохнет на солнышке, — сказал рыбак, обжимая на себе мокрые штаны и блузу. — Вы матери его ничего не говорите, а то будет ему дома... Ничего, отойдет. А второй раз не полезет, где глубоко.

Рыбак пошел на берег, куда мальчишки подтянули брошенную им лодку. Кто-то принес Володе его штанишки.

Икая, трясаясь, мокрый и жалкий, как цыпленок, только что вылезший из яйца, Володя побрел домой. Но он нашел в себе силы остановиться, узнал в окружавшей толпе мальчишек главного глинковского обидчика и, справившись с прыгающим подбородком, икая, процедил сквозь лязгавшие зубы:

— А в-в-в... вв... все-таки прыг... ик!.. нул... Он бы, может быть, еще что-нибудь сказал глинковским, но вдруг почувствовал, что его подхватывают на руки, тут же одной рукой дерут больно за ухо, другой прижимают голову к чему-то мягкому, знакомому, пахнущему всеми родными, домашними запахами, и на лицо его часто закапало соленым, как море, но теплым... Это прибежала из дому мать, которой кто-то уже успел сообщить о происшествии, крикнув под окном: «Тетя Евдокия, ваш Володя утонул!» И героя унесли на руках укутанным в материнскую шаль. Впрочем, никто не смеялся. Никто. Даже глинковские...

Дома Володя, предварительно докрасна натертый скипидаром, отогрелся под тремя одеялами, а отогревшись, сказал матери:

— Мама, дай мне три рубля.

— Это за что тебе три рубля, дрянюшка такая? Всю ты мне душу надорвал... Никуда ты больше не пойдешь от меня! Минуты с тобой покоя нет... Вот напишу отцу обо всем. Вишь ты, еще имеет столько дерзости, что после всего трешку просит! Да за что тебе деньги давать? Володя высунулся из-под одеяла и серьезно сказал:

— За то, что не утонул до смерти. Эх ты, жалко!.. Другая бы мама даже десять рублей дала, раз не утонул...

— Ты у меня вот сейчас заработаешь...

— Дай, мама... Я пойду леденчиков для того рыбака куплю. И чай пить к нам позову. Что он, зазря меня спасал, что ли? А я знаю, где он на базаре сидит. Он там бычками торгует.

И в тот же вечер рыбак, вытащивший Володю из моря, сидел, несколько смущенный, на почетном месте за столом у Дубининых, пил чай, и не только чай — мать хорошо угостила его. Рыбак откушал, поблагодарил и на прощание сказал:

— Очень вас благодарствую... Извините за излишнее беспокойство. Напрасно вы все это заведение устроили. Этого у меня и в мыслях не было, когда я туда за ним нырял... А сынок у вас, видать, боевой растет. Далеко поплывет. Главное, видать, что принципиальный, даже чересчур, я так скажу...

Но это было давно. А теперь Володя был уже отличным пловцом, за которым в море не могли угнаться мальчишки даже старше его на много лет. И сейчас они с Ваней выбрали место поглубже, разделись и прыгнули в еще холодную по-весеннему воду. У них захватило дух, но, фыркая, отплевываясь, сами себя подбадривая зверскими выкриками, они старались перефорсить друг друга всякими фокусами, которые хорошо знают все черноморские мальчишки. Ваня вскоре так застыл, что вылез на берег весь синий и пупырчатый, а Володя все еще куролесил в море: то он плыл «пароходиком», то есть подняв вверх одну ногу и руку, как мачты; то делал «березку», ныряя вниз головой и выставляя над поверхностью воды ноги растопыркой; то изображал «свайку», для чего на глубоком месте вылезал по пояс из моря, уверяя, что там мелко и он стоит на дне.

Исчерпав все штуки, которым его обучили ребята у керченского мола, Володя как ошпаренный выскочил на берег, кинулся надевать штаны и матросочку, лязгая зубами и

прыгая, чтобы согреться.

После этого решили сыграть в прятки там, где всегда играли, за каменоломнями.

— Только, чур, Володька, в шурфы, штольни не лазить! — предупредил Ваня. — Смотри, уговор был.

Володя хорошо знал это правило, но каждый раз его так и подмывало укрыться в таинственно чернеющем каменном жерле, откуда тянуло сыроватой духотой. Он много раз еще в прошлом году пытался уговорить Ваню спуститься вместе с ним в один из ходов, заброшенных, полузаросших татарником. Но Ване крепко-накрепко было наказано отцом ни в коем случае не лазить в эти черные ходы и даже близко к ним не подходить. О заброшенных штольнях, зиявших меж холмов поодаль от главной вышки каменоломен, среди мальчигов Старого Карантина ходили недобрые слухи. Говаривали, что по ночам в штольнях блуждают какие-то огни, заманивающие одиноких прохожих, и человек, рискнувший пойти на огонек, уже больше не возвращается обратно. Во времена гражданской войны места эти были обильно политы кровью. Кое-где меж камней сохранились безымянные могилы. Ребята обходили эти места; а Ваня Гриценко уверял, что он однажды сам видел, как у входа в один из шурфов бегали бледные лиловые огоньки и уходили, скрываясь под землю.

Днем эти запретные места неотвратимо влекли к себе мальчишек, и любопытный Володя давно уже помышлял о том, чтобы заглянуть хоть немножко в черную глубину каменоломен. В Старом Карантине говорили также, что подземелья эти оберегают тайну забытых кладов. А тут еще в Керчи, на Митридате, ученые, занимавшиеся раскопками, нашли какие-то ценные древности. Все это очень тревожило воображение ребят. Кто знает... может быть, и здесь, в заброшенных шурфах старых каменоломен, тоже таятся какие-нибудь сокровища!

Куликать первому пришлось Володе. Он терпеливо отсчитал до двадцати четырех, крикнул: «Двадцать пять — я иду искать!» — и, вскочив с земли, где он лежал ничком, сразу заметил зеленевшие за большим камнем штанишки Вани Гриценко, который, тщательно упрятав голову, совсем забыл о других, более приметных частях своего тела. Застучав Ваню и убедившись, что он, в свою очередь, плотно закрыв руками глаза, лежит, как подобает, ничком, Володя, нарочно громко топая, отбежал в сторону. Там, коварно изменив направление, сначала на цыпочках, а затем сняв немилосердно скрипевшие ботинки, в одних чулках, он осторожно двинулся в другом направлении и притаился за невысоким холмом, припав к земле.

Отсюда хорошо был виден весь залив. Прямые улочки Старого Карантина с беленькими домиками тянулись до самого моря. За широким проливом слева, больше угадываемые, чем видные, едва синели возвышенности Тамани, предгорья Кавказа. Справа, у Камыш-Буруна, высились корпуса железорудного комбината. Дальше море было уже безбрежным — открытым Черным морем. Большой наливной пароход подходил к бухте. Слепящие алмазные вспышки электросварки, видные на много километров, возникали на берегу то здесь, то там, как будто кто-то перекачивал неуловимые капельки ртути, и Володя еще раз твердо сказал себе, что он непременно достанет где-нибудь для Вани новую ртуть вместо упущенной им сегодня так неловко...

Но тут он услышал шаги Вани, шорох бурьяна и стал спешно отползать с холма вниз, чтобы не попасться на глаза приятелю. Володя пятился задом. Из-под него во все стороны прыскали кузнечики, колючий татарник цеплялся за курточку. Володя отползал, не сводя глаз с вершины холма, и вдруг пятки его уперлись во что-то твердое. Он огляделся через плечо и увидел, что он заполз в небольшую расщелину между двумя рухнувшими глыбами ракушечника. Из расщелины тянуло затхлой прохладой. Володя заглянул за камень и заметил, что позади обвалившейся глыбы открывается подземный ход, уходящий в глубь земли. Это был один из давно заброшенных шурфов. Вход в него полуосыпался, рухнувшие глыбы земли почти завалили отверстие, но все же оставался проход, за которым просунувший туда свою голову Володя разглядел тонувшую в сумраке, круто уходившую

под землю галерею.

Володя помнил уговор, но шаги Вани раздавались совсем уже близко, а отверстие шурфа как бы само засасывало в себя. Володя решил, что он только на минуточку заберется в темный проход, пока Ваня не пройдет мимо, а потом сейчас же выкарабкается обратно. Он заполз в отверстие галереи и замер там. Но внезапно, когда Володя немножко отодвинулся назад, под левой ногой его оборвался ком земли, и он почувствовал пустоту. Что-то похожее на ощущение, памятное по истории у мола, охватило Володю. Он забарахтался, теряя опору, и, обдираясь об осыпающиеся камни, полетел вниз.

Ваня Гриценко долго лазил меж камней, ища Володю. Наконец он сдался и закричал: — Вылезай, Володька! Перепрячься. Я опять куликать буду.

Ответа не последовало.

Ваня покричал еще, обшарил все заросли татарника, заглянул во все расщелины меж камней и забеспокоился не на шутку: Володя исчез, словно сквозь землю провалился.

А может быть, он действительно провалился сквозь землю? Эта мысль так перепугала Ваню, что он, перебегая от одного провала к другому, стал заглядывать в каждый, крича в темноту:

— Вовка!.. Где ты? Э-гей, Вовка!.. Если тут — вылезь!.. Чур, не игра! Это против уговора!..

Но Володя не откликнулся.

Ваня продолжал внимательно осматриваться, ожидая со стороны Володи какого-нибудь сюрприза: вот как выскочит сейчас из-под самого носа, словно перепелка, и застучит у камня. Но тут он заметил помятые кусты татарника с обломанными и оборванными бутонами и, подойдя поближе, обнаружил свежий провал у входа в один из самых заросших шурфов, считавшийся среди мальчиков Старого Карантина залятым. Превозмогая робость, Ваня подполз поближе, заглянул в провал и закричал:

— Э-ге-гей!.. Э-гей!.. Вовка!..

И вдруг откуда-то снизу из темноты донесся замирающий голосишко:

— Э-эй-эй...

— Ты там?

— Ага, — донеслось снизу. — Только я отсюда никак вылезть не могу.

— А где ты?

— Я сам не знаю где, — отвечал из-под земли голос Володи.

Ваня попробовал было спуститься к товарищу, но, заглянув вниз, ничего не мог разглядеть, кроме тьмы, которая заполняла круто уходящий вниз разрушенный наклонный колодец.

— Ты зачем туда залез?

— Я не сам... Оно тут все провалилось, я и съехал...

— Ну тогда сиди там, а то еще глубже провалишься, а я сейчас за нашими сбегаю.

Ваня знал, что другу его крепко влетит от старших: Володя нарушил строжайший запрет и полез прятаться в шурфы, — но надо же было как-нибудь вытащить его из-под земли! Вот как его угораздило! Здесь еще в прошлом году провалилась корова одного из соседей Гриценко.

Прибежав домой, Ваня не решился сразу сообщить старшим о происшествии. Лучше было действовать через старшую сестру приятеля, степенную толстушку Валю.

— Валя, — шепотом сказал Ваня, делая знаки Володиной сестре, — выдь-ка во двор, я тебе скажу что... Любопытная Валя охотно вышла с Ваней во двор.

— Слушай, Валя, — начал Ваня, оглядываясь по сторонам, — ты только сразу не волнуйся... Ничего такого... Ну, просто Володька ваш в шурф провалился. Он не виноват. Там само так все и поехало...

— Ой, Ваня, он живой?

— Еще бы не живой — живой, как был, только вылезти оттуда не может. Там в прошлом году корова дядьки Василия провалилась, так и то не вылезла сама. А уж взрослая

корова совсем!..

Но Валя, отведа его рукой в сторону, кинулась в дом:

— Ой, мама, дядя!.. Володечка в колодец упал, в этот...

— В какой колодец? — встрепенулась мать. — Что ты такое говоришь?

— Да не в колодец совсем, — сказал из-за спины Вали Ваня Гриценко, — То шурф, а не колодец. И не упал он вовсе, а просто там провал вышел... все поехало, ну и вместе с Володей. Я хотел его вытащить, да больно глубоко. Там дядьки Василия корова в прошлом году и то...

— Да цыц ты со своей коровой! — закричал дядя Гриценко. — Тысячу раз было сказано: не лазить туда! Было сказано или нет?

— Было, — согласился Ваня.

— То-то, что было... Руки-ноги-то целы у него?

— Целы, — буркнул Ваня.

К заброшенному шурфу можно было пройти через шахты главного ствола, где и сейчас шли разработки камня-ракушечника. Но день был воскресный, клеть подъемника не действовала, а поднимать шум на все управление каменоломен из-за одного озорника дяде Гриценко было совестно. Поэтому он решил добыть Володю из-под земли более кустарным способом. Вооружившись карбидной лампочкой-шахтеркой, заправив ее, прихватив длинную веревку, дядя Гриценко в сопровождении Вани, Вали и Евдокии Тимофеевны отправился к обвалившемуся шурфу.

— Где ты, шутенок? — крикнул дядя Гриценко в провал.

— Это кто?.. Это вы, дядя, да? — раздалось снизу.

— Ты отвечай, что спрашивают, а меня уж не пытай! — рассердился дядя Гриценко. — Ты где сидишь-то, свет видишь?

— Вижу чуть-чуть, самую капельку.

— Ну, сиди смирно, я к тебе сейчас слезу. Потерпи маленько.

Дядя Гриценко обвязал веревкой большой камень, один конец с большим мотком пропустил себе за пояс и, перехватывая туго натянувшуюся веревку, стал опускаться в провал, светя перед собой шахтеркой.

Прошло несколько минут, затем снизу раздался голос:

— Эй, на горе!.. Тащи!

Евдокия Тимофеевна, толстуха Валя и Ваня Гриценко, схватив веревку, стали с усилием вытаскивать ее, и вскоре над краем провала показалось бледное лицо Володи. Он выкарабкивался, жмурил глаза от солнечного света, нос у него был в грязи, большая ссадина виднелась на подбородке, а матросская курточка... Эх, да что тут говорить о таких мелочах, когда человека вытащили из-под земли! Только Валентина одна и решилась сказать:

— Ой, Вовка, а матросочка-то... ведь новая была совсем... Вы только глядите, мама!

Но мама глядела не на курточку, а в бледное, расцарапанное и счастливо-смущенное лицо сынишки. Володя же только зубами заскрипел, и то не столько от негодования, сколько оттого, что у него был полон рот мелкого ракушечника. И язык, который он все-таки успел укрдкой высунуть сестре, тоже был весь в белом песке.

Проделав это, Володя, отряхиваясь и выбирая из-за воротника колючий ракушечный песок, показал Вале, что бантик он там под землей оторвал, благо это было (разумеется!) сделано нечаянно.

Вскоре вылез из-под земли и дядя Гриценко. Он потушил лампочку, смотал веревку, и все направились домой.

— Ну, будет тебе, погоди! — погрозила сестра Валентина.

Но Володя, казалось, не слышал ее. Что-то, видно, поразило мальчика и целиком занимало теперь все его мысли. Когда взрослые с Валеи прошли вперед, он, слегка поотстав, придержал Ваню за руку и тихо сказал ему:

— Ваня, а там под землей про нас написано. Ваня поглядел на него с недоумением.

— Чего зря выдумал?

— Ну честное же слово, Ваня! Там чуток свету было. И я гляжу, а на стене выскреблено что-то. Большие буквы такие...

— Ну и что?

— Ну и написано про нас с тобой — Дубинин и Гриценко. Так и написано. Там еще что-то было, да я не разобрал.

Пораженный Ваня остановился, поглядел недоверчиво на Володю, но сразу увидел, что тот не врёт. И, ошеломленные этим странным открытием, приятели долго стояли на дороге, молча глядя друг на друга.

Глава II Владелец ртутной капли

Всю неделю, до следующего воскресенья, Володю одолевали мысли о подземной надписи, которую он обнаружил в старой галерее. Он тогда соскучился сидеть в темноте и, заметив в отдалении еле-еле брезживший свет, пошел на него. Идти одному по темному, незнакомому тоннелю было, конечно, невесело, но Володя все-таки дошел до того места, откуда, как казалось ему, исходил тусклый, неверный свет. В этом месте подземный ход делал крутой поворот, а за поворотом был еще один полуобвалившийся шурф, вертикально уходивший на поверхность. Глаза Володи уже привыкли к полумраку, да и свет в этом месте, проникавший с поверхности, вообще давал возможность немножко осмотреться. Вот тут, оглядевшись, мальчик и увидел врезанные в пористую стену буквы.

Володя только что научился разбирать буквы и складывать из них слова. Мир для него теперь был полон грамоты, и он читал афиши кино, вывески кооперативов, названия пароходов, стоявших у стенки в керченской бухте. Разумеется, ему захотелось прочесть и надпись на стене, возле которой было вырезано что-то наподобие пятиконечной звезды. Разобрать всю надпись Володя не мог: он был еще не большим грамотеем, а на стене попадались какие-то совсем непонятные буквы. Но то, что смог разобрать Володя, бесконечно поразило его. «В. Дубинин. И. Гриценко», — прочел он. И сам не поверил. Прочел еще раз... Нет, несомненно, именно так было написано на камне...

Когда Володя вылез из каменоломни и сообщил под секретом обо всем Ване Гриценко, мальчики решили непременно в следующий же воскресный приезд Володи совершить подземную экспедицию.

И вот всю неделю Володя томился под гнетом нерешенной загадки. Почему, в самом деле, в этом таинственном и каверзном подземелье на камне начертаны их имена — там, где они с приятелем никогда в жизни не были? Неужели ему лишь показалось в темноте? Вот поднимет его тогда на смех Ваня! Проверяя себя, он везде и всем — и прутиком на мокрой после дождя земле, и ножичком на скамейке, и карандашом в детсадовском альбоме для рисования — чертил: «В. Дубинин. И. Гриценко». Нет, именно так было написано под землей!

Была и еще одна забота, терзавшая Володю. Ведь он обещал Ване Гриценко достать ртутный шарик вместо упущенного им в прошлый раз. А где его достать? У мамы был градусник, но Володя даже не знал, куда мать прячет его. Между тем Володя был человек слова. Мальчишеская честь требовала, чтобы к следующему воскресенью он раздобыл ртуть. Иначе как он покажется на глаза Ване Гриценко? Тот окончательно перестанет ему верить и ни в какие подземные походы с ним не пойдет.

Несколько дней ломал голову над разрешением этой задачи бедный мальчуган. По ночам ему снились зеркальные пруды из ртути: тяжелая серебряная влага сверкала вровень с берегами, ртуть можно было брать ведрами. Но в жизни такого не бывало. Володя перебирал в памяти все градусники, известные ему на свете...

Случай помог Володе найти выход.

На заднем дворе того дома, где жили Дубинины, бурно разрослась крапива. Володя играл с Валею в прятки и тихонько заполз под эти зеленые опасные заросли.

Куликавшая Валя закричала:

— Володька, я знаю, где ты! Только имей в виду, я туда не полезу тебя искать. Обстрекаешься еще, смотри!

Тогда Володя, чтобы доказать свое бесстрашие и стойкость, вылез из укрытия и заявил:

— Эх ты, бояка! Всего трусишь. А вот я, хочешь, голой рукой сейчас крапиву сорву? Ну, говори: хочешь?

— Ну, и что докажешь?

— А то докажу, что у меня характер закаленный. На, гляди!..

И он действительно крепко сжал в маленькой руке несколько крапивных листьев — пильчатых, волосатых, жалящих нещадно. Жгучий зуд, нестерпимая чесотка жарко опалили ему ладонь и стиснутые пальцы. Но он отпустил руку только тогда, когда просчитал до десяти.

— Ну и глупо! — сказала Валя. — Только и доказал, что глупый, ровным счетом больше ничего. Смотри ты, рука — прямо как scarlatina!..

Володя растопырил пальцы, на которых вспучились белые волдырики, обведенные красными венчиками. Тут ему и пришла в голову одна замечательная мысль, которую он решил использовать завтра же.

На другой день Володя приступил к исполнению задуманного плана. Это требовало, правда, большой стойкости, но зато сулило необыкновенно простое решение ртутного вопроса. План этот можно было осуществить и дома, но Володя представил себе испуганное лицо матери, ее глаза, полные тревоги и нежного участия, переполох в квартире, — в ему стало жалко мать. Он решил перенести действие в детский сад: ходить туда Володе уже порядком надоело. Он быстро обогнал по всем статьям своих ровесников в старшей группе, мечтал уже скорей поступить в школу и не чаял избавиться от унижительной, как ему казалось, клички «дошкольник».

В детский сад он ходил уже без провожатых, ни в коем случае не позволяя матери или сестре отводить его туда. В это утро, прежде чем идти в сад, Володя пошел в тот угол двора, где росла крапива. Он огляделся по сторонам, плотно, что есть силы, зажмурил глаза и прыгнул в самую зеленую гущину, как прыгал когда-то с мола, еще не умея плавать. Он сразу почувствовал тысячи мелких укусов, но счел это недостаточным и стал кувыркаться в зарослях крапивы, кататься в ней. Ему казалось, что он попал в пчелиный улей. Все тело его горело и чесалось. Лоб, щеки, нос, уши — все горело огнем.

После этого Володя помчался в детский сад. Пока он дошел, ужаленные крапивой места обволдырились, покраснели, и руководительница Сонечка только руками всплеснула, когда к ней явился запухший, воспаленный мальчик с раздутым носом, с красными и толстыми ушами.

— Кто это?.. Володя! Что с тобой? — в ужасе спросила Сонечка.

— Наферное, шарлатина, — с трудом отвечал Володя.

— Зачем же тебя выпустили из дому?

— У меня это шражу фдруг шделалось...

— А горло не болит? — всполошилась Сонечка.

— А-а-а!.. Э-э-ы...

Володя с готовностью широко разинул рот, закинул голову и показал язык.

— Довольно, хватит! В изолятор, в изолятор! — скомандовала Сонечка.

И Володя очутился в небольшой комнате, едко пахнувшей больницей. Стены тут были выкрашены белой эмалевой краской, на них висели плакаты. Если бы Володя хорошо читал, он узнал бы, что там написано: «Мухи — разносчики заразы», «Не болейте гриппом». Плакаты были нарисованы очень красиво, на них сидели румяные, толстые младенцы, а рядом — хилые и бледные дети, которых, видно, не уберегли от мух, разносчиков заразы. Вообще тут было на что посмотреть; но Володе некогда было долго разглядывать эти красивые картинки. Надо было спешить, пока не кончилась его внезапная болезнь. И он послушно лег на небольшой, низенький диван, обитый белой клеенкой. Несмотря на то что день стоял теплый, клеенка была холодная, и Володя с удовольствием прижал к ней свои

горячие руки. От прохладного прикосновения клеенки зуд стал легче.

— Боже мой! — убивалась Сонечка. — Неужели скарлатина? Кошмар!.. Нет, вернее всего, корь; краснуха — это в лучшем случае.

— У меня, наверное, даже температура есть, — решил перейти к делу Володя.

— Верно, Вовочка. Ты прав, мой умница... Ты совершенно горишь! Сейчас я тебе поставлю термометр. У тебя определенно жар.

И вот наконец Володя ощутил у себя под мышкой желанный щекотный холодок — кончик термометра.

— Держи крепко, положи руки вот сюда... Так. Лежи тихонько, я сейчас вернусь, только к Ксении Петровне схожу, — сказала Сонечка и быстро ушла в коридор.

Володя тотчас же оттянул воротник курточки, сунул туда нос, заглянул себе под мышку, приподняв руку локтем вверх. Зеркальный кончик градусника, наполненный ртутью, выполз из-под руки. Володя осторожно вынул термометр из-под рубашки.

Теперь надо было привести градусник в негодность, чтобы его можно было попросить у тети Сони насовсем. Володя взял градусник за зеркальный кончик и несколько раз стукнул его об пол. Градусник не ломался. Пришлось положить его на пол и пристукнуть сверху ножкой белой табуретки, которая стояла возле дивана. Только после этого термометр легонько хрустнул. Убедившись сперва, что ртуть не вытекла из трубки, Володя отчаянно закричал:

— Тетя Сонечка! Тетя Сонечка!.. Я градусник нечаянно разбил!

Тетя Соня примчалась в сопровождении Ксении Петровны, заведующей детским садом. Начались охи да ахи.

— Как же это ты ухитрился? Смотри, что ты наделал!

— Я переворачивался с того бока на этот, а меня как затрясло всего, он сразу выскочил на пол да как кокнется, — хитрил Володя. — А он уж теперь разве негодный совсем?

— Ну куда же он годен!.. Поаккуратнее надо было бы...

— А мне его можно себе взять? — спросил Володя, замирая в ожидании ответа.

— Да погоди ты! Куда тебе его? Еще обрежешься стеклом. Его надо выкинуть!..

— Ой, что вы, тетя Сонечка, зачем выкинуть! Он мне знаете как нужен будет... если, конечно, я поправлюсь, — поспешил добавить Володя, испугавшись, не испортил ли он все дело, проявив такой интерес к разбитому градуснику.

Он терпеливо дал всунуть себе под мышку второй термометр и, не шелохнувшись, вылежал положенные десять минут с прижатой к боку рукой, которую теперь уже крепко держала тетя Соня.

Впрочем, температура у него оказалась совершенно нормальной. Его опять заставили показать горло. Но и в горле ничего не обнаружили. Решили все же послать за мамой. Она прибежала всполошенная, и Володя старался не смотреть в ее встревоженные глаза. К этому времени краснота и волдыри стали уже сходить с его кожи. Разбитый градусник с уцелевшей ртутью давно находился в кармане курточки. Вообще болеть дальше не было никакого смысла.

— Мама, у меня уже почти вылечилось все... У меня нет температуры, — успокаивал он Евдокию Тимофеевну. — Смотри, уже почти ничего не осталось...

— Странная вещь, — сказала Сонечка. — Весь совершенно горел, как в огне. Едва успели поставить градусник — и вдруг температура так резко упала.

— Да она же нечаянно упала! — в отчаянии закричал Володя, которому показалось, что тетя Соня заподозрила что-то неладное и, чего доброго, еще отнимет термометр.

Все рассмеялись, а Ксения Петровна заметила:

— Типичная крапивная лихорадка. Вероятно, съел что-нибудь. Придется дать касторки, пусть очистит...

Вот этого Володя не ожидал! Но что делать, товарищи: как известно, добыча ртути вообще дело нелегкое. Ради высокой цели стоило потерпеть.

Володя, зажмурившись, проглотил полную столовую ложку отвратительной

маслянистой жидкости и, чтобы окончательно доказать всем, что он изо всех сил хочет исцелиться, даже облизал ложку.

Ему дали заесть касторку черным хлебом, посыпанным солью. Вся эта возня начинала надоедать Володе, но, когда он опускал руку в карман своей вельветовой курточки и нащупывал там гладкий, прохладный кончик градусника, в котором хранилась заветная ртуть, — он чувствовал себя совершенно счастливым и готов был претерпеть любые муки, если потребуется...

— Сам можешь идти? — спросила мать.

Он вскочил. Конечно, он мог идти сам. У него все совсем прошло. И мать повела его за руку домой.

На этом испытания Володи не кончились. Дома Евдокия Тимофеевна раздела сынишку, уложила его в постель, накрыла периной и двумя одеялами, напоила чаем, положила к ногам горячие бутылки.

— Лежи, потей, — велела она.

И он лежал. И он потел. И он готов был все перетерпеть, но, когда взглянул в лицо матери, низко склонившейся к нему, и увидел, какой вполношенной нежности, какого страха и вопрошающего участия были полны ее глаза, ему вдруг стало не по себе. Его обдало изнутри жарким стыдом, более жгучим, чем крапива. Ему стало ужасно жалко мать, которая так тревожилась понапрасну и готова была все сделать для того, чтобы ему было легче.

— Мама... — начал он, уткнувшись носом в одеяло, — мама, ты это зря... Я ведь не больной совсем. Ты только не говори никому, ладно? Это я... крапивой так, нарочно.

— Да что ты болтаешь-то? Лежи тихонько, заснуть старайся.

— Да неохота мне спать!

Володя откинул одеяло и спустил ноги с постели. Он вытянулся, лежа на спине поперек кровати, пока не достал подошвами пола, пробежал босой, стуча пятками, через комнату и сам стал в угол носом.

— погоди!.. Какая крапива? Ты что это? Ты что это натворил? Ты что это такое придумал? — так и обомлела Евдокия Тимофеевна.

Из угла сквозь сопение и всхлипывание донеслось:

— Мама, ты не сердись, я думал, тебя не позовут... я думал, только поставят градусник, и все...

— Да зачем же тебе все это понадобилось? Горе ты мое! Разнесчастная я мученица с тобой! Ты что это придумал?

Теперь уж пришлось во всем сознаться. Евдокия Тимофеевна терпеливо слушала. Она знала, что Володя в конце концов никогда не соврет, если чувствует за собой вину.

— Что ж ты такую кутерьму-то, безобразие такое натворил? Людей перепугал, меня чуть не до смерти... Попросил бы, дала бы я тебе этот окаянный градусник, раз уж он тебе так понадобился.

— Да мне тебя жалко было. У тебя градусник только один, а в детском садике их много.

— Гляди, какой расчетливый, — раздался низкий, грудной голос от входной двери.

Володя поглядел искоса через плечо и увидел соседку по квартире, толстую Алевтину Марковну, портниху, которую ребята звали «Алевтина из ватина».

— А я-то зашла наведаться. Сказали, что у Вовочки скарлатина. А он вон какой сообразительный! Ну, скажи на милость, до чего теперь дети понимающие растут, до чего же с малых лет практичные! Ну, Евдокия Тимофеевна, это у вас хозяин будет, свое добро бережет. Молодец, Вовочка! Это уж вырастет у вас скопидом.

— погодите, Алевтина Марковна, — остановила ее мать. — Вы нас извините, мы уж тут сами меж собой договоримся, а потом милости просим, заходите.

— Ах, извиняюсь, не знала, что помешала воспитанию, — фыркнула Алевтина Марковна и, круто повернувшись всем своим станом, удалилась через дверь в коридор.

Володя еще теснее вжался плечами, лбом и носом в угол.

— А ну-ка, повернись, погляди-ка на меня, — проговорила Евдокия Тимофеевна негромко, отдельно и твердо. — Нет, из угла не вылезай, стой там и на меня гляди.

Володя послушно повернулся в углу и посмотрел на мать исподлобья, низко опустив голову.

— Ай да сынок хороший, ай да Володя Дубинин, отличился! Вот отец-то обрадуется, когда напишу: свое жалко, так он смошенничал; семейное добро пожалел, а совесть, честь не пощадил. Кого же это ты обмануть решил? А? Нет, ты мне скажи, кого? Ведь это чей детский сад?.. Наш он, для наших портовых ребят! Чьи там градусники?.. Наши они, общие, для всех ребят, значит, и для тебя, глупая твоя голова. Ведь отец-то узнает, так сгорит со сраму... Разве это чужие градусники? Ты сам подумай!.. Это все общее, детское, для всех. За что отец-то в гражданскую воевал, жизни не жалел? Разве только за свое? И за свое и за общее воевал, чтобы у всех все было.

— Он за градусники не воевал, — буркнул Володя, упершись подбородком во вздернутое левое плечо.

— Вот и неправда! И за то воевал, чтобы у всех детей градусники были, если кто заболит. Вот мы, спроси отца, когда с ним маленькие были, так сроду такого градусника и в глаза не видали. Бывало, занеможешь, все тело ломит от жару, а тебе шлеп по лбу да по носу щелк: «Ничего, лоб горячий, зато нос холодный, здорова!» Ну, вылезай из угла, хватит тебе, настоялся! Сама себя раба бьет, что нечисто жнет. Завтра пойдешь в детский сад, сам Ксении Петровне градусник отдашь.

— Так он же весь разбитый! — испугался Володя.

— Да не про тот я, глупая ты голова! Целый возьмешь, наш.

И Володя побрел из угла.

— Мама, ты не сердись, — попросил он. — Ну, я больше не буду... Слышишь, мама?

— Ты вот подумай, что я тебе сказала, и запомни.

— А ты правду сказала, что папа за градусник воевал?

— И за землю воевал, и за хлеб наш, и за детский сад папка наш воевал... и за градусник.

Весь день до позднего вечера Володя ходил пораженный этим открытием. До этого ему как-то не приходилось связывать в одно такие не похожие друг на друга вещи, как, например, выцветший, пожелтевший портрет отца в форме краснофлотца с надписью «Незаможник» на бескозырке и блестящий градусник в детском саду. А оказывается, здесь была какая-то лишь сегодня обнаружившаяся связь. И он ходил, повторяя про себя слова матери: «И за градусник папка воевал...»

Потом он вынул из кармана курточки треснутый термометр, выпросил у матери, окончательно с ним помирившейся, круглую коробку, надломил трубку градусника и осторожно вытряс на дно коробки тяжелую ртутную каплю. Он прикрыл коробку обломком стекла, найденным на дворе, долго любовался, как бежит под стеклом веселый ртутный живчик, потом принес коробку матери:

— Посмотри, мама, это у меня будет ртутный компас! И вечером, утомленный этим беспокойным днем, уже засыпая, он вдруг сел на кровати и спросил мать:

— Мама, а чего это Алевтина Марковна утром говорила, что я этот... ну как?.. Скипидар?

Валентина, готовившая за столом уроки, так и покатила. Мать тоже засмеялась, прикрывая одной рукой рот, а другой махая на Володю:

— Ой, Вовка, помрешь с тобой!.. Скопидом — она говорила.

— Ну, скипидом. А как это — скипидом?

— Да не скипидом, а скопидом. Слово такое было. Ну, человек, значит, такой, который все в дом тащит, добро наживает, живет себе, капиталы копит.

— Это все равно, значит, что капиталист?

— Ну, вроде того.

— Нет, мама, — вмешалась ученая Валентина, — капиталист — это если очень

богатый... ну, завод там имеет, фабрику, эксплуатирует. А это — ну, вот как единоличник все равно.

Володя помолчал немножко, устраиваясь спать, перевернулся на другой бок, к стенке, накрылся с головой, потом опять высунулся. И уже сонным голосом, больше для собственного успокоения, сказал:

— Врет она. Я разве единоличник? Раз я в детском саду...

Все оставшиеся до воскресенья дни Володя вел себя так примерно, что и мать и Сонечка, которой он принес новый градусник (умолчав, впрочем, об истории своей болезни), только дивились. Первые два дня Володя был целиком поглощен всякими опытами с ртутной каплей. Он вырезал круглую картонку размером с доньшко коробки, проделал по кругу отверстия, возле которых нарисовал химическим карандашом цифры. Картонку с дырочками он поместил в коробку. Ртуть теперь задерживалась в отверстиях, и Володя переименовал свой компас на часы. За этим занятием Володя даже позабыл немного о таинственной надписи под землей. Однако, по мере того как приближалось воскресенье, мальчик все больше и больше задумывался о своем странном подземном открытии.

Неделя эта тянулась крайне медленно. Уж давно пора бы, по расчетам Володи, прийти воскресенью, а на календаре все еще был только четверг.

— Мама, у нас календарь отстаёт, — жаловался Володя, подумывая, не содрать ли один листок календаря, чтобы скорее шло время...

И вот подошел желанный день. Накануне Володя очень беспокоился: а что, если мать отменит поездку в Старый Карантин из-за погоды? Шел дождь. Серая пелена его закрыла пролив. С горы Митридат, урча, неслись мутные потоки воды. Акации на улицах, вдоль которых журчали ручьи, напоминали своими обвисшими, съезжившимися ветвями мокрых кур. Казалось, что все пропало, поездка не состоится.

Но утром в воскресенье Володя, проснувшись, увидел голубое небо в окне и перистые ветви воспрянувших акаций. И море вдали было голубовато-зеленым, только у берега стояла еще желтоватая муть, поднятая прошедшим штормом.

— Ты что ж, ехать не хочешь? Проспал? — пошутила мать. Она уже была в воскресном платье.

И Валентина тут же не преминула пустить шпильку:

— Он всегда торопит всех, а сам последний собирается.

Эх, стоило ли в такой день связываться! Голубое весеннее небо выгибалось над морем, над городом, над Митридатом. В коробке, аккуратно обернутой газетой, бегала под стеклом добытая ртуть. Где-то далеко трубили автобусы, уходя в рейс на Старый Карантин. День обещал быть чудесным. Подземелья ждали путешественников. Стоило ли тут обращать внимание на обиды от какой-то девчонки, хотя бы она и была старшей сестрой? И Володя промолчал. Он только поспешил сунуть в рот зубную щетку и яростно принялся тереть стиснутые зубы, причем делал это так старательно, что сейчас же забрызгал мелом висевшее рядом на стуле Валино платье. Он даже безропотно позволил надеть на себя матросскую курточку с ненавистным, никому не нужным, все дело портящим новым бантом-галстуком. После завтрака он сам бросился убирать посуду со стола, — только мыть ее он и на этот раз отказался категорически. Впрочем, никто особенно на этом и не настаивал. Дома уже давно знали, что Владимир готов выполнить любую работу — мыть полы, таскать дрова и уголь, бегать в лавку, топить, чинить, убирать, — но посуду мыть ни за что не станет. Володя считал, что это не мужское дело, и уговоры тут были бесполезны.

Наконец все было готово, посуда вымыта и составлена в буфет, в комнатах наведен порядок.

И они поехали в Старый Карантин.

Зеленый автобус мчался, подпрыгивая на неровностях дороги, все в нем ходуном ходило, все скрипело, ерзало, дрожало. Однако привычные пассажиры, заполнившие

машину, чувствовали себя превосходно. Они подхватывали слетавших с колен ребят, ловили катящиеся по автобусу баулы, перебрасывались шутками, причем слова вылетали у них из горла при толчках то смешным, то екающим, то дребезжащим звуком, словно вприпрыжку.

Обычно Володя даже любил эту тряску: но сегодня он, как всегда успевший занять переднее место возле кабины водителя, чувствовал себя тревожно. Обеими руками он прижимал к себе сверток с коробкой, где хранилась ртутная капля. Не хватало еще, чтобы драгоценная ртуть, добытая ценой таких испытаний, выскочила из коробки. И так как руки у него были заняты и он не мог держаться за сиденье, то его немилосердно подкидывало, он взлетал, как мячик, на пружинной кожаной подушке, его бросало из стороны в сторону, но он крепко стискивал коробку.

— Ты бы, мальчик, полегче толкался; если на месте не держишься, руками укрепишь, — посоветовал ему пожилой сосед, рыбак. — А то колотишься — сил нет! — М-не-е-е... не-е-е-чем... дер-жа... жа-жаться!..

Тут автобус так тряхнуло, что Володя больно прикусил себе язык и уже молчал потом всю дорогу.

Но все его муки, все, что перетерпел он и в детском саду, и дома, и в дороге, — все было забыто, когда он вручил наконец Ване Гриценко круглую коробку под стеклом.

— Это что у тебя? — удивился Ваня.

— А вот то, что я в воскресенье говорил! — торжествуя, пояснил Володя и сдернул бумагу с коробки. — Ртутные часы! Раз сказал — значит, уж точка. Я не из таких, что обещают, а потом не делают. На, бери!

Ваня бережно принял из Володиных рук коробку, заглянул в нее, чуточку наклонил. Ртутная лепешечка, меняясь мгновенно в своей форме, словно гримасничая и подмигивая, покатила по коробке и запала в одно из нумерованных отверстий.

— Восемь, — прочел Ваня.

Володя осторожно наклонил коробочку в другую сторону, ртуть побежала и затекла в другую дырку.

— Двенадцать! — объявил Володя. — Значит, я выиграл.

— Ну ладно, потом сыграем, а сейчас пойдем, куда хотели.

— Это туда?... — понимающе и многозначительно, сразу переходя на шепот, спросил Володя. — Все припас?

— А то нет, тебя дожидался!

— Как уговор был. У тебя готово?

— За тобой дело, если не струсишь.

— Это кто? Я? Сам, гляди, назад не подайся.

— Чего? Ты говори, да не заговаривайся!

— Я не заговариваюсь. У меня раз сказано — все! Сказал я в прошлый раз: достану ртуть из градусника. Видишь — тут!

— Ну и у меня тоже: раз уговор был — точка.

Поговорив в таком духе минут пять, позадававшись друг перед другом сколько полагается и почувствовав себя окончательно достойными великих дел, на которые они решились, приятели наконец пришли к общему выводу.

— Ну и хватит! — отрезал Володя.

— И будет! — подтвердил Ваня.

Он осторожно огляделся, потом поманил к себе пальцем Володю, мотнул головой в сторону сарая, и оба мальчика исчезли в нем.

— Вова! Ваня! Пошли на море гулять, — позвала Валя, сбегая с крыльца во двор. — Дядя Ваня лодку обещал взять... Ребята, где вы?

Никто не откликнулся на ее зов, и она, обиженно пожав плечами, вернулась в дом.

Вышел сам дядя Гриценко, покричал мальчиков, обошел двор, заглянул и в сарай. Вани и Володи нигде не было. Не было их и в сарае. Но если бы дядя Гриценко пригляделся повнимательнее, он заметил бы, что из сарая исчезли также два фонаря «летучая мышь» и

большой моток толстых бельевых веревок, обычно висевших на стене.

Тем временем приятели наши уже спускались по наклонной галерее, которая вела от обвалившегося шурфа в глубину каменоломен. Мальчики обвязали себя веревкой, зажгли фонари. Ваня, как старший, шел впереди.

После яркого солнечного дня подземный сумрак, сгущавшийся с каждым шагом, показался мальчикам непроглядным и зловещим. По мере того как они продвигались вперед, опускаясь и опускаясь под землю, мрак обступал их все плотнее. Светлое отверстие входа осталось уже давно позади, а сейчас вокруг друзей была сыrovатая, чуточку затхлая темень. Тусклый свет фонарей вяз в этой тьме, метались по стенам крылатые тени, воздух становился все более холодным и влажным. Иногда казалось, что холодные лапы тьмы неслышно елозят по щекам. Тогда мальчики быстро поднимали фонари над головой, и черные щупальца отпрянувшей тьмы на мгновение выпускали ребят, соскальзывали в углы подземного коридора, таились за выступами камня, слабо освещенного фонарем. В одном месте Володя, подняв фонарь, увидел у самого своего лица два комочка, прицепившихся к стене. Они были похожи на крохотные сломанные зонтики, размером в кулак. То были летучие мыши — нетопыри. Вспугнутые светом Володиного фонаря, они закружились вокруг мальчиков. Щеки ребят чувствовали шелковистое касание воздуха, стекавшего с крыльев нетопырей. Мальчики отмахивались фонарями; тени и крылья, казалось, заполнили все пространство.

— Давай бегом! — крикнул Ваня, бросаясь вперед и увлекая за собой натянутой веревкой Володю.

Они добежали до поворота галереи, очутились в коридоре-штреке и остановились, чтобы отдышаться. Летучие мыши остались позади, в штольне.

— Слушай, — обратился Ваня к своему спутнику. — Мы верно пошли? Ты то место помнишь?

Володя уже сам начал сомневаться, верно ли они идут. В прошлый раз он не успел хорошо осмотреться — не до того было. Сегодня, перед тем как спуститься, все казалось очень простым и легким. А сейчас, под землей, в темноте, он растерялся. Все у него перепуталось в голове. Он не смог найти ни одной своей заметы, сделанной в прошлый раз... Зря, пожалуй, полезли они вдвоем под землю. Так хорошо, солнечно сейчас там, наверху! И небо сегодня такое было ясное, и море гладкое. И ходят там автобусы, летают птицы, плывут корабли, и столько хороших добрых людей везде, а они вот тут, вдали от всех заблудились...

Оба почувствовали себя одинокими, заброшенными, отторгнутыми от всего живого. И тишина была вокруг такая, что страшно было громко говорить, — мальчики невольно разговаривали шепотом.

— Ну вот, — тихо произнес Ваня, — сказал, сразу дорогу узнаешь, а сам тычешься невесть куда. Да и, наверное, почудилось тебе тогда, что написано там про нас. Быть того не может!

— Ну как не может, как не может? — заторопился Володя. — Я все же такие буквы уже знаю. Своими глазами видел, так и написано: «В», потом точка поставлена. А потом написано «Дубинин». А потом «И» написано, опять точка и — «Гриценко». Разборчиво так.

— Ну и ищи теперь!

— погоди, Ваня... Вот сейчас, я помню, надо повернуть налево, потом прямо, а там уж немножко светло станет. Там ведь как раз колодец, провал сверху есть. Вот я и разглядел, потому что свет сверху был. Понятно тебе это? Ну, пусть, я вперед пойду, а ты за мной.

Он оттеснил плечом Ваню и пошел впереди; Ваня плелся за ним. Володя повернул в левый коридор, прошел немного, остановился, убрал фонарь за спину.

— Видишь?.. — прошептал он.

Впереди чуть брезжил голубоватый, рассасывающийся в темени подземелья свет.

— Видишь? Раз сказал — значит, знаю где. Ваня схватил его за плечо.

— А может, это... Может там... то самое... — прошептал он на ухо Володе. — Знаешь, что люди про тот шурф говорят? Слышал?

— Ну... а что? Ничего... Пойдем поглядим. Я в прошлый раз ничего такого не заметил. Идем, Ваня! Ну, пошли!..

И Володя решительно зашагал вперед, натянул веревку и потащил за собой Ваню.

С каждым шагом в коридоре становилось все светлее и светлее, и вот мальчики очутились в небольшой подземной пещере, куда сверху через отверстие провала, зиявшего над их головами, проникал дневной свет.

— Гляди, — сказал Володя и поднес фонарь к каменной стене.

Поднял свой фонарь и Ваня. Приятели склонились к буквам, которые были глубоко вырезаны в белесоватом камне-ракушечнике, но от времени сильно повыбились.

— Где же ты тут про себя-то нашел? Разве это буква «В»?

Володя молчал. Теперь, при свете фонаря, он уже и сам разглядел, что там вместо буквы «В», почудившейся ему в прошлый раз, была коряво вырезана на стене буква «Н», по краям осыпавшаяся. Но все же, все же Ваня мог теперь убедиться, что в остальном он не ошибся. Да и Ваня сам стоял пораженный. Уже десятый раз он читал, шевеля губами, надпись на стене:

Н. ДУБИНИН, И. ГРИЦЕНКО

— Володя, — вдруг тихо проговорил он, — глупые мы с тобой оба. То ж не про нас написано, где ж наши головы раньше были? То же мой папа да твой расписались. Они ж тут, когда была гражданская война, от белых скрывались. Они ж тут партизанами были. Вот видишь: И. Гриценко — значит Иван Гриценко, батька мой, а это видишь — Н. Дубинин, то дядя Никифор, папа твой. Понял ты теперь?

— Это они тут воевали? — задыхнувшись от волнения, переспросил Володя.

— Ну ясное дело, что тут! Мне папаня как-то говорил... Да знаешь, он рассказывать не любит у нас. А в штольни эти никто не ходит. Тут где-то похоронены белые... ну, которых тогда поубивали в бою... Так, знаешь, всякие сказки ходят...

— Мы сейчас пойдем и расскажем, что видели, — предложил Володя.

— Наверяд ли стоит, — возразил, подумав, Ваня. — Нам же сюда ходить не велели, приказывали, чтобы никогда не лазили.

— Нет, все-таки лучше сказать.

— А не выдерут?

— Ну вот еще, бояться... А разве тебя дерут?

— Не... В этом году еще ни разу, — припомнил Ваня.

— И меня тоже нет. Ну, бывает, когда мама очень уж на меня разозлится, так, случается, поддаст разок.

— Нет, лучше никому не скажем! — сказал Ваня мечтательно. — Тут не в том дело, что заругают, а пусть это у нас с тобой тайна такая будет. Мы про то никому не скажем, а сюда с тобой ходить станем, играть тут будем.

— Идет, — согласился Володя. Он помолчал, потом добавил: — Нет, я все-таки, когда папу увижу, все у него выпрошу. Я уж у него сколько раз спрашивал, а он все: потерпи маленько, подрастешь — все расскажу. Вот он скоро придет из плавания в Мурманск, а мы с мамой туда поедem. Я у него там все выпытаю.

— А до того — никому ни слова!

— Никому.

— Смотри!

— Будь уверен.

— Уговор?

— Могила.

Желтоватый свет фонаря, сливавшийся с голубоватыми проблесками, сочившимися сверху, с поверхности земли, призрачным, двухцветным сумраком заполнял подземелье. Ни звука не доносилось сверху. Слышно было, как курлыкает пронырливая вода, сочась через

расщелины камня. И долго, сдвинув фонари, наклонив головы к стене, стояли мальчики в подземной шахте, еще и еще раз вглядываясь в надпись, вырезанную в камне, — знак боевой, таинственной и прекрасной молодости их отцов.

Глава III Флаг отца

За серыми диабазовыми скалами, за лысыми сопками показался вдруг кончик мачты. Издали можно было подумать, что по скалам и сопкам, плавно скользя, движется влекомый странной силой шест. Но люди на берегу зашевелились; вглядываясь, показывая друг другу пальцами, все подались поближе к деревянному настилу пирса, зашумели, переговариваясь. И Володя понял, что это показалась за скалами мачта корабля. Длинный узкий флаг развевался на ней, подхлестнутый холодным северным ветром.

И под этим флагом плыл отец.

Через короткое время теплоход должен был показаться из-за поворота.

Приближался давно ожидаемый час встречи.

Уже четыре дня, как Евдокия Тимофеевна с Володей приехали в Мурманск. И без малого месяц прошел с того воскресенья, когда Володя и Ваня разглядели в подземелье Старого Карантина каменную зарубку о партизанских годах своих отцов.

Весна в Мурманске еще только начиналась. Весна осталась там, далеко отсюда, на знакомых берегах теплых морей. Там уже все было зелено, солнце светило и грело совсем по-летнему, а когда поехали, лето словно начало отставать от поезда. С каждым днем путешествия становилось холоднее. В Москве, где надо было пересаживаться и ехать на трамвае с одного вокзала на другой, лил холодный дождь. Мама велела застегнуть пальто на все пуговицы и замотала Володе голову теплым платком. Народу в трамвае было очень много. Как ни продирался к стеклам Володя, разглядеть ему ничего не удалось, тем более что мама укутала его чуть не по самые глаза. Так Володя и не разглядел Москвы.

В Петрозаводске, где он отпросился у матери сбегать с одним моряком на станцию за кипятком, стояли холодные, серые лужи. В них отражались сосны, мрачные, как будто зазябшие и не совсем еще проспавшиеся. А тут, в Мурманске, на теневой стороне сопки еще лежал снег, небо было по-зимнему бледным, а перед закатом приобретало какой-то странный серебристый отлив, переходивший в нежно-розовый тон. И на небе этом редко вырисовывались казавшиеся черными ели. Днем земля раскисала, и грязь хватала за ноги, стаскивая новые галоши, купленные Володе Евдокией Тимофеевной, а утром почва отзывалась на каждый шаг с кованой звонкостью, и белые скорлупки легко ломались над лужами, которые под коркой льда оказывались пустыми, словно их за ночь успели до дна выпить заморозки.

Однако оказалось, что это все-таки не настоящая Арктика, челюскинцы жили на льду не тут.

Каждый день мать ходила в порт справляться, когда придет теплоход «Леонид Красин», на котором плавал отец. Остановились в общежитии порта, где съехались семьи и других моряков из команды теплохода. Корабль возвращался из заграничного плавания. Из такой дальней дали, из тех стран и морей плыл отец, что и Ваня Гриценко еще не учил по географии, а Валентина хотя и учила, но знала еще нетвердо... Теплоход ждали со дня на день. И вот наконец в конторе порта сообщили, что «Леонид Красин» прибывает завтра в полдень.

Уже с утра в порту на стенке, где швартуются для выгрузки суда, возвращающиеся из дальнего плавания, собрались семьи моряков, местные и те, что приехали издалека, чтобы провести вместе со своими мужьями, отцами и сыновьями короткие дни моряцкого берегового роздыха.

Володя продрог на ветру, хотя одет он был тепло и старался укрыться от порывов нордового ветра за спиной матери. Уже год почти не виделся он с отцом. Мальчик и прежде всегда скучал по отцу, когда долго не видел его, а уж теперь было о чем поговорить с ним.

Володя твердо решил, что непременно попросит отца рассказать ему о гражданской войне, о партизанах старокарантинского подземелья. Да и кроме этого, у Володи накопилось немало вопросов, которые он мог разрешить только с отцом.

Теплохода все не было. Володя уже давно приставал к матери, чтобы она еще раз сходила в контору и узнала, почему до сих пор нет «Красина». Он вставал на цыпочки, вытягивая шею, чтобы первым увидеть, когда появится мачта корабля за сопками.

В порту шла обычная работа: маленький широкотрубый, очень петушившийся и все время покрикивавший паровозик, подталкивая вагоны сзади, осторожно загонял их за ограду порта. У берега старательно стучали, выхлопывая из труб колечки дыма, буксирные катера. Все было занято своим делом. Словно и не касалось никого то, чего так ждал Володя. Только высокие портовые краны вытягивали свои длинные стальные шеи, будто пытались вместе с Володей заглянуть за те сопки, где должен был показаться флаг корабля.

И вот он показался! И под этим флагом плыл отец.

А потом из-за поворота медленно выполз высокий черный корпус корабля. И вот стал виден он весь: от носа, где, надвое разваленный, вскипал белый бурун, до красиво выгнутой кормы, за которой разбегались торопливые волны и три струи сплетались, как три пряди в косе. Низкое северное солнце осветило белую надстройку, черную трубу с красным перехватом, красный кормовой флаг, алый узкий вымпел торгового флота на мачте. Блеснули на носу золотые буквы: «Леонид Красин». Белые чайки, распластав чуть подрагивающие крылья, то падали плашмя на воду, едва касаясь поверхности ее, то вдруг возносились над кораблем, наискось пересекая ветреное пространство бухты. Они, казалось, высматривали сверху теплоход и потом вели его за собой, кружась под его носом. Могучий, густого, низкого тона рев внезапно огласил всю округу, отозвался в пакгаузах, пронесся меж строений порта, над городом, вернулся из-за сопки, повторенный эхом, и уплыл туда же, замирая.

Это «Леонид Красин» могучим своим тифоном дал подходный гудок.

Уже махали с берега платками, шапками и отвечали тем же с борта теплохода, который был теперь совсем близким и оказался очень высоким, как стена большого дома. Стена эта надвигалась. Между ней и пирсом kloкотала вода, пролетали со свистом тросы, которыми притягивали теплоход к берегу. Глаза Володи, полные жадного нетерпения, обегали палубу корабля, иллюминаторы, надстройку, мостик. Наконец Володя увидел и сразу признал: на мостике, перегнувшись через поручни, что-то крича матросам, которые подтягивали канат, перехватывая его руками, в кожаном черном пальто с меховым воротником, в шапке-ушанке с гербом торгового флота стоял отец его — Никифор Семенович.

— Вон папа... смотря, мама!.. Вон, на самом верху, выше всех! — обрадовался Володя и крикнул: — Папа!..

— Да тише ты! — остановила его Евдокия Тимофеевна. — Ну, где ты увидал? Разве можно так кричать? Ведь не один ты тут...

Володя сконфуженно огляделся. Да, он был не один, кругом было много народу, но все, не стесняясь нисколько, кричали что-то, и трудно было разобрать, кто и что кричит в этом шуме.

— Здорово, Семен Тарасыч!..

— Коленька, родной, глянь сюда!..

— Подтрави носовой!

— Кранцы давай!

— Маша, здравствуй!..

— Э-гей, Васюха!..

— С благополучным прибытием!

— Как погодка?

Потом черная железная стена с круглыми иллюминаторами совсем нависла над головами встречающих. Завизжали блоки, и большая лестница-трап медленно опустилась сверху вдоль борта, и пеньковые леера, пропущенные через металлические стойки,

протянулись как перила этой корабельной лестницы. Начальник порта и сопровождавшие его моряки и военные в зеленых фуражках (Володя знал, что это были пограничники) поднялись по трапу на палубу корабля. Володя стоял под самым бортом на пирсе, закинув голову. Там, наверху, над ним, все козыряли и здоровались. Отца сейчас уже не было видно на мостике; он скоро появился немного пониже, на палубе, перевесился через борт, закричал:

— Дуся, здравствуй!.. Приехала? Здорово, Вовка! Ну, как ты там?..

Мать молчала, подняв голову, держась обеими руками за воротник пальто, не сводя с Никифора Семеновича устремленных вверх истосковавшихся глаз, а Володя закричал:

— Папа! А я тебя первый увидал и сразу узнал. Ты на мостике командовал. Папа, можно к тебе?.. Папа, а Валя не приехала: она учится, у них еще занятия не кончились!

И кругом все тоже переговаривались с моряками, стоявшими на борту корабля, и кричали что-то. Поэтому ответа отца не было слышно. Он помахал рукой и исчез. «Должно быть, его позвал сам капитан», — подумал Володя. Потому что кто же мог быть главнее, чем папа, плававший на «Леониде Красине», как известно, помощником капитана по политической части.

Немало времени прошло, пока наконец отец показался снова на палубе, и решетчатые ступени парадного трапа, окованные медными плашками, прострекотали звонко и коротко под его быстрыми каблуками, словно клапаны баяна под пальцами гармониста. И прежде чем Володя успел разглядеть вблизи отца, он вдруг увидел себя на мгновение отразившимся в круглом стекле бортового иллюминатора — так высоко подбросили его сильные руки отца. У него зашло дыхание, и он изо всех сил обхватил руками твердую отцовскую шею, ни за что не желая больше расставаться с папой и отказываясь повторить полет свой. Не спуская его с рук, Никифор Семенович наклонился к жене, расцеловался с вей. А Володя, озорничая, чтобы скрыть ту внезапную застенчивость, которая вдруг сковала его, потому что он уже немножко отвык от папы, совался головой между щекой отца и головой матери и чмокал их обоих — то одного, то другого...

Вскоре все трое уже сидели на высокой, аккуратной прибранной койке в каюте Никифора Семеновича. Койка была просторная, у изголовья ее ограждал деревянный бортик. Володя уже не раз бывал на морских судах, но никогда еще не попадал на такой большой корабль. Он с интересом разглядывал красивую каюту, где все сверкало, все казалось гладким, чистым, носившим отпечаток того особого, скромного, строго выверенного, расчетливого уюта, который свойствен всем помещениям и суровым предметам на большом современном корабле. Где-то внизу, под ковриком, постеленным перед койкой, стучал движок, и свет в электрической лампе под потолком каюты слегка подрагивал в такт этому звуку. На стене каюты была укреплена полочка. Там в особом гнезде, как клушка, сидел толстобокый графин; из соседнего маленького гнезда высовывался стакан. Тяжелая медная пепельница стояла на столе против стопки книг. Книги были тоже толстые, в крепких переплетах; вертящееся кресло перед столом выглядело тяжелым и очень прочным. Все было солидным, надежным, ладно пригнанным, крепко сработанным, готовым служить моряку на совесть. Все напоминало о том, что рядом, отделенная всего лишь тонкой стенкой борта, плескалась сила, с которой надо было считаться... И неожиданной, совсем уж никак не вяжущейся с корабельной обстановкой, показалась Володе хорошо ему знакомая домашняя фотография. На ней были сняты мать, сестра Валя и он сам, крепко прижавшийся к отцу. И ему сейчас же захотелось повторить в жизни то, что было изображено на карточке.

— Ну, бабулька керченская, как дела двигаются? — спросил Никифор Семенович, прихватив сынишку крепко рукой за затылок и оттягивая его голову назад. — Растешь ты, брат; гляди, какой парень стал!..

— Я уже маме даже выше самого локтя, — поспешил сообщить Володя, который на самом деле рос медленно, отставал от сверстников и относился к этому очень болезненно. — Ты, мама, встань, покажи папе, до чего я дорос.

— Очень уже самостоятельный стал, — пожаловалась мама. — Знаешь, Никиша, как он с детский садиком сообразил...

— Мама!.. Ну тебя... — Володя решил, что мать собирается рассказать про градусник.

— А ты не мешайся!.. Ты слушай, Никиша... Увидел он в прошлом году, что мимо нас руководительница детей водит на площадку. Он туда — раз-раз через забор и прямым манером становится в пару. «Ты кто такой? Чей это, откуда взялся?» А наш не сконфузился: так, мол, и так, Володя, мол, Дубинин.

— Я сказал: сын товарища Дубинина Никифора Семеновича.

— Да... Маряка, мол, дальнего плавания. И хочу заниматься в вашем садике. Ему, конечно, велели мне передать, чтобы я заявление написала, так он сейчас же домой и говорит: «Мама, тебе руководительница в детском садике велела про меня заявление писать». Что ты думаешь, так ведь и устроился! Целый год ходил. Озорной только, сил у меня нет справиться с ним.

— Я уж читать умею и писать знаю печатными буквами! — похвастал Володя.

— Да ну! — изумился Никифор Семенович. — Это здорово, если не загибаешь.

— Ну вели мне, чтоб я почитал чего-нибудь...

И Володя стал искать глазами вокруг. Он соскочил с койки отца, схватил со стола красивую цветную книжку, в один прыжок вернулся с ней назад и поднес ее к глазам.

— «Мы... А...» — прочел он и замолчал.

— Ну, что же ты, грамотей?.. — насмешливо протянул отец.

— А тут буква какая-то шиворот-навыворот... Это «Я»? — Он ткнул пальцем в жирно напечатанное на глянцевиной обложке латинское «R». — О, догадался, это «Я» оборотное!

— Весь свет обошел, такой буквы еще не слышал, — засмеялся отец. И ткнул пальцем в обложку книги: — Ну, а это?

— Это?..

Володя растерянно уставился в незнакомую, изогнувшуюся змеей букву, в точности похожую на рыболовный крючок.

— Это?.. У нас такой не учили.

— Эх ты, читатель! Вот не надо иметь привычки со стола без спросу книжки хватать. Тут же не по-нашему написано. Это книжка английская, морской справочник. Я в Лондоне купил. Сначала, друг, спросить надо, а потом уж за книжку братья.

Отец взял из рук Володи английскую книжку, бросил ее на стол, вынул из стопки толстый том в красном переплете и протянул Володе:

— Ну-ка, прочитай, что тут написано.

— «В... И... Ле... ни... н...» Знаю! «В. И. Ленин... Сочи... сочине... сочинения».

— Грамотный... ей-богу, грамотный!.. — закричал, подхватывая его на руки, отец. — Ты подумай, Дуся, до чего дожили: уже Вовка в грамоте разбирается. Вот время-то идет!

Едва только речь зашла о грамоте, Володя мгновенно вспомнил надпись в каменоломне. Но, конечно, сразу спросить отца о ней он считал неуместным. Этот разговор надо было отложить до более подходящего случая. Тогда же следовало бы спросить и про градусник: действительно ли в гражданскую войну отец сражался из-за градусника, как утверждала мама... Для такого разговора надо было остаться с отцом вдвоем, с глазу на глаз.

И отец, словно чувствуя, что сыну хочется побыть вдвоем с ним, открыл шкаф, снял с полки форменную фуражку, бросил в шкаф походный трех, поправил китель и наклонился, чтобы глянуть в зеркало.

— Смотри, Дуся, похож на меня делается, ей-богу же! Не находишь?

— Да, это всем заметно. Глаза-то сравни: один в один!

— Ну что таращишься, пучеглазый, гляди сморгнешь! — пошутил отец и легонько шлепнул Володю по лбу. — Хочешь со мной по судну пройти, теплоход наш посмотреть?.. Отпустишь его со мной, Дуся?

— Да конечно, пусть идет, ему небось интересно. А я тут побуду, вещи разберу твои.

— Ну и хорошо! — воскликнул Никифор Семенович. — И в баньке помоемся. Никогда, верно, на корабле не парился? Знаешь, как моряки парятся? Семь шкур спустят, семь потов сгонят. Пойдем, сынок!

Никифор Семенович долго водил Володю по теплоходу, показал ему все судовые помещения. Он поднялся с ним на мостик, познакомил со старшим помощником. Сам капитан съехал на берег и отправился в город. И Володя был нескрываемо разочарован, узнав, что у капитана, кроме папы, имелся еще другой помощник, да к тому же еще старший. Потом, придерживаемый отцом, скользя подошвами с железных ступеней почти вертикального трапа, хватаясь за толстые стальные скобы, Володя спустился вместе с Никифором Семеновичем в нижнее помещение теплохода. Тут было самое интересное — машина. Сейчас громада ее была неподвижна. Люди в промасленных темных куртках ходили по скользким железным мостикам, что-то перевинчивали, мазали, вытирали тряпками. Все здесь было железным и скользким. Ярко горели сильные лампы в железных сетках, напоминающих намордники. И хотя машина была сейчас молчалива и неподвижна, Володе казалось, что она каждую минуту готова встрепенуться, ожить и проявить свою чудовищную подспудную силу, которой следовало остерегаться: недаром она была везде ограждена стальными поручнями и решетками.

— Вот, Володя, знакомься, это главный над всеми духами начальник, дядя Виллой, — сказал Никифор Семенович, подводя Володю к огромному пожилому машинисту, который возился у какого-то механизма.

Дядя Виллой разогнулся, выпрямился и оказался на полторы головы выше Никифора Семеновича. Потом он вытер замасленные руки веретем очень тщательно и протянул Володе широкую мясистую ладонь с резко вычерченными линиями, в которых темнело неоттертое масло.

— Сынок? — пробасил он. — Встретились, значит? Машину показать привели, Никифор Семенович? Интересуется? Звать как?.. Вова? Володя, значит. Ну, Владимир Никифорович, идем, я тебе все наше хозяйство покажу.

И дядя Виллой повел Володю по узким железным мосткам, по скользким вертикальным лесенкам и решетчатым настилам, объясняя устройство машины.

— Вот это, видишь, у нас дизеля стоят. Потому что, что мы тут имеем? Теплоход. Коли был бы пароход, так тут бы котлы стояли, а у нас дизеля. Понятно тебе это слово? Так вот, стало быть, как! Ты, как большой будешь, кем стать собираешься? Моряком небось?

Это был нелегкий вопрос. Когда-то Володя мечтал быть моряком. Потом, когда его спас рыбак, искусно вернувший маленького утопленника к жизни, и после истории с градусником ему захотелось стать доктором. Узнав происхождение таинственной надписи в каменоломнях, Володя стал мечтать о партизанской жизни, и каждое воскресенье они с Ваней Гриценко играли в «партизан». Но сегодня, после встречи с отцом на этом громадном и дивном корабле, он опять вернулся к своим первоначальным намерениям, решив про себя, что сперва можно стать моряком, а потом, на земле, выучиться и на партизана.

— Моряком, значит?.. Хорошее дело. Папаша у тебя моряк справный. Давай и ты в эту линию... Ну, а вот у нас тоже не хуже, чем на пароходе, и котел имеется.

Они остановились у черной железной громады, от которой шел жар. Внутри нее что-то гудело, и казалось, железный пол возле дрожит.

— А для чего нам котел, спрашивается? А очень просто: для всяких хозяйственных нужд. Горячую воду в камбуз подаем, на кухню. Вот видишь, краники всякие — синие, красные... И в душевую, в баню. У нас, между прочим, и баня имеется. Русская, настоящая. За границей таких нет. Так что живем, видишь, прилично. Вот сейчас как раз вахта мыться пойдет.

А сверху уже доносился голос отца, звавшего Володю в баню.

В бане пахло так, как пахнет во всех обыкновенных банях, — мокрым пареным деревом, мочалкой, щелоком, душным паром. Отец снял с себя китель и оказался в тельняшке, которую носил по старой краснофлотской привычке. Он нагнулся, закинул за плечи руки, выставив вперед локти, и стащил с себя фуфайку. Володя с уважением и восторгом посмотрел на его мускулистую спину, на шарообразные мускулы, катавшиеся под кожей рук.

— Ну, давай, давай, чего же ты? Разоблачайся! Клади вот сюда, — говорил отец, растирая сильную и выпуклую грудь. — Идем, я тебя поскребу как следует. Давно я тебя не мыл... А ты ничего, масластенный. Это у тебя отчего тут?.. Дрался, что ли?.. А это?.. Э-э, да ты, видно, тертый калач! Бывал в деле. Доставалось не раз, гляжу!..

Пахнуло прохладным воздухом, и в баню, на ходу стремительно сдирая с себя спецовки, пропахшие мазутом и маслом, с грохотом бросая под лавки тяжелую обувь, ворвались какие-то черные люди, со сверкающими белыми глазами и блестящими зубами. Володя оторопело глядел на них и на всякий случай подвинулся к отцу.

— Машинная вахта мыться пришла, — объяснил отец.

Моряки сразу напустили горячего пару в бане, стали обдавать друг друга водой, с размаху пускать из рук в руки летящие по скользкой скамье шайки. Они шумели, фыркали, отплевывались, громко разговаривали, стараясь перекрыть ими же поднятый шум. Тела их, окатываемые горячей водой, побелели на глазах у Володи, и теперь можно было рассмотреть якоря, змей, корабли, русалок и орлов, вытатуированных на коже у некоторых машинистов. Отец, посадив Володю на высокую полку, крикая от удовольствия, яростно тер ему спину намыленной, нестерпимо горячей мочалкой.

— Уй-уй-уй!.. Папа, больно же!.. — не выдержал Володя.

— Терпи, терпи, здоровее будешь! Надраю так — блестеть станешь. А ну, закрой глаза, да крепче! Я тебя сейчас окачу...

И Володя захлебнулся в обжигающей горячей воде, разом хлынувшей на него сверху. Казалось ему, что он сейчас уже не выдержит, наглотается, задохнется. Но вот все кончилось, рот и ноздри его втянули горячий воздух, сильные руки отца обжали его волосы на голове, согнали остатки воды с лица. Он осторожно открыл глаза.

— Вот теперь чисто! — сказал довольный отец. — Ну, иди одевайся, а я еще немножко тут попарюсь... Парфенов, поддай пару еще!

Что-то свирепо зашипело, ахнуло на всю баню, и Володя стремглав выскочил из огромного облака пара в предбанник. Там он быстро оделся, хотя и чулки, и штанишки, и рубашки с трудом налезали на распаренное тело, ботинки показались грубыми и тесными, а пальцы рук стали смешные — с белыми кончиками, сморщенные, шершавые, как грецкие орехи.

От жаркой духоты, от пара, которым надышался Володя, в голове у него было мутно, и, когда он вышел в узкий коридор, где вдоль противоположной стены шли длинные поручни, он совсем забыл, откуда они пришли с папой и куда теперь надо идти. Где-то высоко над головой бухали шаги и словно проползало с шумом что-то длинное, тяжелое. Слышались приглушенные железом голоса. На минуту Володе показалось, что он снова очутился в узкой галерее старокарантинских каменоломен, глубоко под землей. Но здесь было светло и под ногами вместо каменной тверди что-то зыбко подрагивало.

Володя побродил по коридору, прошел в один конец его, осторожно пробуя дверные ручки кают, потом вернулся назад, дошел до большой желтой стены с окошками, перехваченными тонкими медными прутьями; поднялся, заглянул: внизу под ним, за стеклом, была гулкая бездна, из пучин которой поднимались стальные массивы, оснащенные колесиками, медными приборами, похожими на часы, с неподвижными стрелками под стеклом. Володя узнал эти скользкие мосточки, переходы, вертикальные лесенки, решетки, настилы.

Приоткрыв дверь с окном, также забранной медной решеткой, он вошел туда и по знакомой лесенке, прижавшись животом к ее жестким стальным круглым перекладам, нащупывая их сперва носком одной ноги, а затем приставляя к ней вторую, спустился на нижнюю железную решетку. Вот и котел, о котором говорил дядя Вилюй. Володя сразу узнал эти красные, синие колесики кранов на толстой трубе, укутанной во что-то промасленное и немного похожее на клеенку. Рядом никого не было. Володя принялся с интересом разглядывать краны. Сперва он тронул синий и чуть-чуть повернул его влево. Острая стрелочка за стеклом прибора, похожего на часы, ожила и быстро закачалась из

стороны в сторону, словно запрещая: «Ни-ни, не трогать!» Володя не стал спорить со стрелочкой и взялся за другой кран — красный. Он легонько повернул колесико влево, опасливо покосившись на прибор. Но стрелка на этот раз оставалась невозмутимой. Подбодренный ее молчаливым согласием, Володя стал поворачивать красное колесико влево.

И вдруг под ним что-то заверещало, засвистело, сразу запахло баней, из-под решетки повалил густой пар и заволок всю машину. Послышались перепуганные голоса, топанье босых ног. Кто-то налетел в облаке пара на Володю, споткнулся, упал через него. Мимо свалившегося Володи, перепрыгивая через него, проносились голые ноги, с которых стекало жидкое мыло. Володя видел только ноги, потому что все остальное закрывал пар. Наконец кто-то, должно быть поняв, в чем дело, быстро повернул рукоятку крана и перекрыл паропровод. Пар стал медленно рассеиваться, и Володя увидел перед собой совершенно голого, огромного, показавшегося еще более высоким, чем прежде, Вилю. Но дядя Вилей не видел Володи, потому что густая белая пена, взбитая, как сливки, на его намыленной голове, теперь сползла ему на глаза. И дядя Вилей, отплевываясь и протирая кулаками глаза, которые нещадно ела мыльная пена, кричал:

— Тьфу, будь ты неладно! Вот наелся мыла досыта. Да дайте, братки, мне лицо-то сполоснуть!.. Все очи мне выело... Ух, щиплет, окаянное!..

Кто-то принес в кружке воды и плеснул в лицо дяде Вилею. Он, отдуваясь, приоткрыл краевые, еще подслеповатые глаза.

— Это кто ж тут начудил? Кто пар на баню перекрыл?

И тогда под ногами у него возник из пара перепуганный Володя.

— Это я... нечаянно... Я только чуть-чуть, а оттуда сразу как ухнет...

Но крепкая рука отца уже сильно сжала его повыше локтя и вытащила из машинного отделения в коридор. Отец был еще босым, но уже в клешах, хотя и голый до пояса. Он сердито тряхнул Володю:

— Ты что же это себе позволяешь? Ты имеешь представление, где находишься? Это что тебе — корабль или игрушка? Ты видишь, что людям натворил? А ну, стой здесь, пока я оденусь. И сейчас же я тебя вон с корабля! Списывайся отсюда живо на берег. Пойдешь сейчас в общежитие. Видно, еще не дорос ты, рано тебя на судно пустили... Ты только посмотри, что наделал!..

Отец хотел добавить еще что-то более сердитое, но вдруг схватился рукой за рот и быстро отвернулся от Володи, бессильно отмахиваясь другой рукой; а вокруг в узком коридоре, прикрываясь кто скомканной тельняшкой, кто шайкой, а кто просто так, руками, стояли намыленные люди, выковыривали пену из ушей, тарачили залепленные глаза. Они слушали разговор отца с сыном, поглядывали на переконфуженного, готового зареветь Володю, и вдруг один за другим прыснули, захохотали, только брызнуло мыло во все стороны.

Через полчаса Володя молча плелся за мамой в общежитие.

— Хорошо! — приговаривала мать. — Главное — красиво! Пустили его, как человека, на морское судно и в бане с людьми помыли, а он сообразил... Как еще, спасибо, беды не наделал... А отцу-то, думаешь, за тебя не совестно? По политической части помощник капитана, а у сына сознания ни на столечко!..

Володя только покряхтывал сзади, а мать волокла его за руку по дощатым настилам да иногда оборачивалась, чтобы сказать еще:

— Ну, иди как следует! Разучился? Что тебя волоком-то тянуть приходится! Погоди, будет тебе еще баня!..

Володю в наказание оставили одного в маленькой комнате общежития, а мать вернулась в порт и пошла с отцом гулять в город. Ей было жалко Володю, и она бы охотно его простила, но знала, что Никифор Семенович в таких делах строг и, пока не отойдет, лучше с ним о Володе не заговаривать.

А Володя сидел один на железной кровати, покрытой толстым, колючим одеялом, на

котором, совсем как на письме, только в десять раз больше, стоял штемпель: «Мурманск. Порт». Мать строго-настрого велела ему никуда не выходить и оставила еду на тарелке, прикрытой сверху газетой «Полярная правда».

Володе было очень скучно одному. За окном быстро темнело. Кончился короткий мурманский день. Володя сидел, прислушиваясь к гудкам пароходов. Порт был совсем рядом. И там стоял теплоход «Леонид Красин». И на нем был отец, вернувшийся уже, наверное, из города. Володя понимал, что теперь уже ему не скоро удастся поговорить с отцом по душам, спросить о каменоломнях и про градусник. Но тут ему вдруг так захотелось сейчас же оказаться рядом с отцом и сделать все так, чтобы он больше не сердился, что Володя решительно соскочил с койки, надел пальтишко, шапку, обернул шею шарфом, осторожно приоткрыл дверь в коридор общежития. Там никого не было. Он вытянул изнутри ключ из замка, вставил его со стороны коридора, запер дверь, положил ключ в карман и вышел на улицу.

Вахтер у ворот порта окликнул его.

— Я с «Красина», — поспешил ответить Володя.

— Ну ходи!

Вахтенный у трапа «Леонида Красина» давно уже заметил маленькую фигурку, бродившую в темноте по пирсу возле теплохода.

— Эй, малый! — крикнул он вниз с борта. — Чего тут выхаживаешь, кого ожидаешь?

— Дядя, — слышалось снизу, — я к помощнику товарищу Дубинину, по политической части.

— Чего? — удивился вахтенный. — Что за дело такое по политической части у тебя?

— Вы ему только скажите, что Вова его просит.

— Вова? Есть доложить, что Вова! А чей ты будешь, Вова? Вов на свете знаешь сколько?

— Нет, не знаю... А вы ему скажите, что Дубинин Вова.

— Стой! Ты кем же помполиту нашему будешь?

— Я ему буду сын.

— Го-о! Ну, силен... Это ты давеча полундру устроил, пар упустил, всех наших духов на прогулку голяком выпустил?

— Ну, я... — сказал Володя, вздохнув, и зашагал прочь от корабля. Видно, все уже знают про ту историю с паром и нечего больше соваться на корабль.

— Го-о! Стой! Куда же ты? Помполит сейчас придет. Куда пошел?..

Володя остановился, потерся щекой о плечо, подумал, опять вздохнул и тихо побрел прочь. Но в это время с борта «Леонида Красина» слышался очень знакомый раскатистый, низкий голос:

— Эй, Дубинин-второй! Владимир Никифорович, погоди! Стой ты!.. Стой, помощник по паровой части, обожди, не тушуйся!..

Володя узнал голос дяди Вилюя. Забухали его шаги по трапу. Гигантская фигура приблизилась к Володе.

— Зачем после бани по ветру гоняешь? Простынешь! — пробасил дядя Вилюй. — Что?.. Была надрайка от отца? Но про то разговор окончен. Идем на судно.

— Мне папа не велел... Он меня на берег списал.

— Э-э, плохо твое дело! Ну, погоди, он из города вернется, я тебе выхлопочу обратную приписку. Чего стал? Идем, говорю, а то простынешь. Э-э, буду я тут с тобой толковать! Сказано — пошли!

И Володя взлетел вверх, поднятый могучей рукой дяди Вилюя, который посадил мальчика к себе на плечо. Было уж совсем темно, и Володе показалось, что он плывет в воздухе. Потом он почувствовал, что подымается все выше и выше, увидел перед собой свет, его быстро опустили вниз, и под ногами у него оказалась опять твердая, размеренно подрагивающая палуба.

Когда помполит вернулся из города, вахтенный доложил ему, что его дожидается у старшего механика сынишка. Никифор Семенович спустился на жилую палубу и еще издали услышал хохот, доносившийся из каюты дяди Вилюя. Он подошел поближе, но войти в каюту не смог, хотя дверь ее была открыта. В коридоре толпились матросы, механики, машинисты. Из каюты густо валили клубы табачного дыма и слышался звонкий голос уже осмелевшего и, видно, хорошо прижившегося на судне Володи. Его заставляли в десятый раз рассказывать историю с паром, так как в коридор прибывали все новые в новые слушатели.

— Ну, ну, так, стало быть, как же это у тебя получилось? Как тебе дядя Вилюй устройство объяснил?

— Он мне показал краники и говорит: «Тут пар, и мы живем прилично, с баней даже». А потом я помылся, и мне стало жарко. Я пошел маму искать. А где машина, там никого нет. Я стал разбираться в краниках, а оно как фукнет, и тут все стали голые бегать, без всего, только с мылом. А оно с них капает...

Новый взрыв хохота.

— Вовка, ты что это там разговорился? — раздался голос помполита, и все разом смолкли, расступились. — А вы уж тут рады, аврал устроили! Гляди-ка, и председатель судкома и комсомольский секретарь!.. Так вас не соберешь, когда надо, а тут полная явка налицо.

— Да больно мальчишка забавный, Никифор Семенович, — оправдывались моряки.

— Вот орел!.. Устроил маскарад!

— Ну, хватит тебе, идем, — сказал Никифор Семенович и повел Вову к себе в каюту. — А мама где? Наверху? — спросил он по дороге.

Володя молчал.

— Чего молчишь? Мама, спрашиваю, где? Глухой, что ли? Паром уши заложило?

— Я не знаю...

— Как так — не знаешь?

— Я один, — чуть слышно признался Володя. — Я все сидел и сидел один, ну в пошел к тебе... Я думал, мама тут. Я к тебе захотел... я соскучился.

— Ф-фу! — только выдохнул отец. — Ну, погоди, будет тебе сейчас от матери! Ключ-то ты где оставил?

— Он вот.

Отец, выхватив у него из рук ключ, побежал куда-то.

До Володи донесся его голос:

— Парфенов! Будь друг, снеси этот ключ в общежитие портовое, там небось жена с ума сходит. Галчонок этот мой удрал и ключ взял.

Парфенов спросил что-то, и отец ответил:

— Да у меня он. Я бы сам сходил, да мне скоро на вахту заступать. А потом, разве его можно одного тут оставить!

— Шустрый...

— Вот я возьмусь за него сейчас, за шустрого!.. Вернувшись в каюту, Никифор Семенович плотно закрыл за собой дверь, медленно прошел к столу, сел в вертящееся кресло. Володя угрюмо перебирал на занавеске у койки помпоны, похожие на огрубевшие одуванчики.

— Ну, Владимир, — начал отец, — давай разговаривать. Брось ты там занавеску щипать! Иди сюда. Что же это, Вова?.. Долго это у нас так будет продолжаться с тобой? Мать на тебя жалуется — сладу, говорит, с тобой нет... То чуть не утонул, то в каменоломню провалился, всех перепугал. А сегодня только ногой ступил на корабль — и опять тарарам на весь белый свет! Это, по-твоему, хорошо? И опять: мать сажает тебя в комнату, велит до вечера ждать ее, а ты самовольничаешь. Кто тебя сюда звал?

— Я не хочу на берег... — Володя хныкнул. — Папа, ты меня не списывай!..

— Будешь еще так безобразничать, и спишу мигом! Если хочешь быть на корабле, так изволь подчиняться. У нас тут дисциплина, брат! Ах ты, Вовка, Вовка, отчаянная ты голова!

Ну, лезь сюда. Что, самому небось совестно?

Володя забрался на колени к отцу, и, хотя ему было уже совсем хорошо, он пробормотал: «Совестно», — сам в душе ужасаясь, до чего же он бессовестный, потому что никаких угрызений он в эту минуту больше не чувствовал.

— Ну, расскажи что-нибудь, — попросил отец. — Как ты там в садике занимаешься, как Валя? Ссоришься все с ней?

Володя, чувствуя, что все утряслось и наступил самый подходящий момент для разговора, пока не пришла мать, устроился поудобнее на коленях у отца и, заглядывая ему прямо в глаза, задал вопрос, который давно уже мучил его.

— Папа... — сказал он, — папа, а правда ты за градусник воевал?

— То есть как это понимать, в каком смысле за градусник? — удивился Никифор Семенович.

— Вот мама говорит, что ты воевал за градусник.

— Это ты чего-то, Владимир, сочиняешь.

— Ну честное же слово!.. Я, когда градусник разбил... ну, нарочно, так... а она говорит, это был общий, а папа воевал не за свой, а за общий градусник. И велела отдать потом.

— Погоди, давай-ка разберемся по порядку, — сказал отец. — Ты уж выкладывай все, как было.

Пришлось Володе рассказать всю историю с крапивой и термометром. Никифор Семенович, хмурясь, но с невольным уважением посмотрел на пухлые, отмытые ладони Володи в ласково взял его за кончики пальцев:

— Однако же! И вытерпел? Ведь она жжется, наверное... Больно, чай, было?

— Еще как!.. Нет, правда, не очень, так, чуть-чуть.

— Ну, вот что, — проговорил отец и стал очень серьезным. Лицо его как будто отвердело, и большие глаза под темными густыми бровями наполнились каким-то торжественным светом. — Вот что я тебе скажу, Вовка: хорошая у нас с тобой мамка! Это она тебе все правильно сказала. Она главное тебе объяснила, а мне уж мало что и осталось. Честно говоря, я бы с тобой и толковать не стал, если бы ты всю эту штуку с градусником ради самого себя сочинил. Оно и так дело вышло противное, но все-таки уж тут одно тебе прощенье, что действовал ради слова, которое товарищу дал. Только вот запомни на будущее: слово надо давать с умом, когда твердо знаешь, что в силах его сдержать. А ты сперва нахвастался, а потом уж пришлось тебе расхлебывать. Ну, а насчет своего да общего это тебе, Вовка, мать все верно сказала. Это она тебе хорошо объяснила, правильно: и за общий градусник мы воевали, чтобы для всех ребят детские сады были, и чтобы игрушки у всех были в тех садах, и градусники — за то, брат, тоже дрались. Ясно?

— Ясно.

— Ну вот то-то. И заруби себе на своем курносом... — Отец легонько потрепал Володю за нос, но тотчас отнял руку и очень серьезно проговорил: — Лучше сто раз свое собственное отдать, чем то, что общим стало, над чем народ хозяйствует, себе присвоить. Мы, когда надо, жизни своей не жалели ради общего дела. А ты — градусник...

Володя взглянул в лицо отцу, облизал свои от волнения пересохшие губы и тихо сказал:

— А я знаю, папа, где ты жизни не жалел...

— Ну, ясно где: когда в гражданской воевали.

— Нет, я то самое место видел, где ты воевал... Я туда сперва провалился... Я, папа, честное слово, не виноват. Там даже корова дяди Василия один раз провалилась. Я как съехал — стал там шариться — мы в прятки играли, — а потом сверху свет пошел через дырку, и я прочел на стене, как вы с дядей Гриценко расписались, когда еще вы были партизаны.

— Брось! Быть того не может! — проговорил отец, откинулся в кресле и как бы издали посмотрел на Володю, словно художник, проверяющий точность картины. — Да неужели

сохранилось до этих пор? Ты, признайся, не сочиняешь?

— Да нет, папа, ты слушай... Мы сперва думали — это про нас там написано, потому что там неразборчиво... и темно было. А потом, как я ртуть достал, мне Ваня поверил. И мы пошли туда опять с фонарем... Только мы маме не говорили, а то она меня заругала бы опять. И это вовсе оказалось не про нас, а про вас с дядей Гриценко. Так и написано: «Н. Дубинин», потом такая закорючка и — «И. Гриценко». Значит, про тебя с дядей. И под этим еще вот такие цифры, как на часах бывают. Сперва один час, потом девять часов, а потом опять один и опять девять. Это почему?

— То написано: одна тысяча девятьсот девятнадцатый год, сынок! — произнес Никифор Семенович, бережно снял сынишку с колен, встал с кресла, поднял на сиденье Володю, чтобы стал сын сейчас ростом вровень с ним, чтобы можно было разговаривать, как с большим.

А сам прошелся по каюте, словно помолодев, затем остановился перед креслом и положил обе руки Володе на плечи:

— Ну, Вовка, это такое ты мне сказал, прямо словно сердце теплом обдало... погоди, подрастешь, все тебе расскажу.

— Папа, да я уж давно подросток... Я уж маме выше даже локтя. А сейчас я, смотри, даже выше тебя стою. Я все пойму. Вот увидишь!

— Ну, слушай тогда, коли поймешь. Слушай, Вовка, как мы в девятнадцатом году белую моль из Крыма выбивали. Дядя Гриценко лихой был пулеметчик. А я тогда из батраков в партизаны пошел. Белые Крым захватили. Понимаешь? Белогвардейцы.

— Буржуи, знаю, капиталисты, — быстро пояснил Володя и тотчас же добавил: — Скопидомы...

— Ну да, правильно, кулаки, помещики. А мы все были за Советскую власть, пролетарии, бедняки.

— А ты, папа, был бедняк?

— Ну ясно, батраком был у помещика, ничего у меня не было — ни своего, ни общего. Понял? Только жизнь своя была молодая. Да вот общее было то, что все мы с народом одну общую думку имели, чтобы была у нас наша Советская власть. И ушли мы в каменоломни. Они ведь с тех пор так и зовутся — Краснопартизанские. Слышал, наверное? И, как ни хотели нас беляки из-под земли выковырять, ничего у них не получилось. Ушли мы под землю, вклешились в камень, — попробуй вытяни! Мы, как дубы, корнями в землю ушли. Кто сунется — тому пулю. Круто нам пришлось. Но и мы им из-под земли давали жару. Английские миноносцы пришли. Ну, пришли... Начали бить по нашим каменоломням. За один день три сотни снарядов выпустили. А что?.. Только камень перекрошили. А у нас народ крепче камня был. Правда, один раз пришлось нам туго. Полезли на нас со всех сторон. Генеральную атаку повели. Вот мы тогда как раз с дядей Гриценко в том штреке и отбивались. Как вышла передышка, закурили мы с Иваном Захаровичем, он и говорит: «Давай хоть на камне о себе памятку оставим. Может, будем живы, а может, и нет». Вот я тесаком тогда и вырубил расписку. Насчет грамоты я тогда был слабоват... Ошибок-то там нет? Эх, Вовка, досталось вашим батькам... Вот однажды было, помню...

Евдокия Тимофеевна, которую привел на корабль матрос, посланный Никифором Семеновичем, остановилась у двери каюты и прислушалась. Она уже представляла себе, как сейчас попадает Вовке от отца. Она слышала громкий голос Никифора Семеновича, что-то грохало в каюте, как будто кулаком били по столу. Евдокия Тимофеевна не выдержала и постучалась.

— Входите! — крикнул Никифор Семенович и увидел, оглянувшись, входившую в дверь Евдокию Тимофеевну. — погоди, Дуся... — И, стуча кулаком по столу, продолжал: — Тут, понимаешь, мы их с левого фланга — бах-бах-бах!.. погоди, мать, не мешай, прошу минуточку, это я Вовке про девятнадцатый год рассказываю...

— погоди, мама... правда, погоди... — нетерпеливо прошептал Володя. Глаза его горели. Он стоял на кресле и восторженно слушал рассказ отца.

Глава IV Буква к букве

Володя долго не мог решить, кем ему быть, когда он вырастет. Недалеко было то время, когда он мечтал стать доктором. Потом, как и многие его сверстники в те годы, он решил, что будет полярником и станет плавать на льдине под красным флагом. Вскоре после этого собирался стать пограничником и сражаться на Дальнем Востоке против японских самураев. Затем видел себя на краснокрылом самолете, совершающем рекордный беспосадочный перелет. А шесть раз подряд посмотрев в кино «Чапаева», начал готовить себя к военной будущности и, оседлав хворостину, гарцевал во дворе, на полном скаку рубя деревянной шашкой воображаемые вражеские головы в папах.

Когда он побывал с матерью в Мурманске и попал на большой корабль, все заслонила мечта быть моряком. И не просто моряком, а обязательно машинистом на большом теплоходе, вроде «Леонида Красина». Хоть и неприятная вышла тогда история с этим паром, все же Володя своими руками потрогал одну из тайн в грозном хозяйстве дяди Вилюя, и сам, пусть нечаянно, но все-таки разбудил дремавшую силу, жившую в машине.

Все лето Володя провел на Севере. Сперва жили в Мурманске, потом перебрались в Архангельск. Хотели выписать туда и Валентину, но она заболела — у нее долго не проходила простуда, и доктор сказал, что ехать на Север ей опасно. Поэтому решили, что к осени Евдокия Тимофеевна вместе с Володей вернется в Керчь.

Отец летом уходил на полтора месяца в дальнее плавание; а потом «Леонид Красин» отставался на якоре у входа в широкую Северную Двину, возле Соломбалы. Здесь царил над всем вечно терпкий, даже беломорским ветром не сдуваемый аромат распиленного смолистого леса. Лежали штабеля досок, высились целые горные хребты из наваленных бревен, и почва, по заверениям соломбальских мальчишек, с которыми Володя быстро сошелся, на два метра в глубину состояла из одних сплошных древесных опилок.

Не привычны были для Володи бесконечно длинные дни северного лета, ночи, светлые напролет, прохладная бледность северного неба, окающий неторопливый говор его новых друзей. Но жареная треска и искусно приготовленная камбала оказались не менее вкусными, чем черноморская скумбрия, бычки и барабульки. Да и соломбальские мальчишки ни в чем не уступали товарищам Володи, которых он оставил в Старом Карантине, Камыш-Буруне и на своей улице в Керчи.

Из-за одного спора с этими соломбальскими мальчишками у Володи опять вышли неприятности. Он похвастался, что может прыгнуть в воду с высокого борта «Леонида Красина». Мальчишки не поверили. Вода в Северной Двине была холодной. Скуповатое на тепло архангельское лето еще не успело прогреть ее. Купались только отчаянные. Да и вообще выдавшие виды мальчишки из Соломбалы сомневались, чтобы такой малыш прыгнул с высокого корабельного борта на рейде, то есть далеко от берега.

Спорили на коньки. У Володи коньков никогда еще не было, да и мало у кого водились они в Керчи. Но в Керчи была речка Мелекчесме, она зимой ненадолго замерзала, и керченские ребята делали себе деревянные полозы или привязывали железки, если не было настоящих коньков, и катались на льду реки. Соломбальские же мальчишки, рассказывая маленькому черноморцу о лютости беломорской зимы, хвастались своими лыжами и коньками, — и Володе страстно захотелось иметь коньки. Он представлял себе, как будут завидовать ему керченские приятели, когда он промчится перед ними на «снегурках» или «нурмисах» по первому ледку, как он будет шаркать сверкающими лезвиями влево, вправо, туда, назад — как правят бритву на ремне... Да и следовало проучить соломбальцев, чтобы они впредь не зазнавались перед черноморцами, крымчанами, керченцами...

Со своей стороны, Володя отвечал на спор новеньким карманным компасом, который ему привез из плавания отец. Володя называл его адмиралтейским. Он не расставался с этим чудесным прибором, на доньшке которого под выпуклым стеклом жила беспокойная красно-синяя стрелочка, острым красным носиком своим словно принохивающаяся: «А ну,

где тут у вас север?.. « Володя носил компас в маленьком замшевом чехольчике, сверялся с ним на каждом шагу, надо не надо, вообще никогда не расставался с ним, да и не собирался расставаться. Он был уверен, что соломбальским мальчишкам не видать его компаса у себя; а сам он уже протер до дыр подошвы своих сандалий, пробуя на деревянном настиле архангельского тротуара, как он будет кататься на коньках... »

Соломбальские спорщики не знали, что имеют дело с человеком твердого слова... В назначенный день они собрались на плоту у берега, уселись на бревнах и стали ждать компас, который, как они были уверены, крымский хвастунишка им уже проспори́л. Володя в этот день отправился к отцу на корабль. Он должен был улучшить удобный момент, когда его оставят на палубе одного.

«Леонид Красин» стоял на якоре метрах в двухстах от берега. Мальчишки с берега хорошо видели, как над кормой, украшенной золоченой надписью «Леонид Красин», возле флагштока появилась маленькая фигурка в голубых трусиках. Она постояла минутку на планшире борта, потерлась плечом о щеку, вскинула вверх тоненькие руки и ринулась вниз. Мальчишки на берегу вскочили.

Вечером, получив выигранные коньки, которые посрамленные спорщики вручили ему с хмурым уважением, Володя не удержался, показал свой трофей отцу и на первый же вопрос отца: «Это ты где их раздобыл?» — отвечал чистосердечным признанием. После этого ему было запрещено показываться на «Красине» три недели. Впрочем, две из них он проболел, простудившись в ледяной двинской воде.

Но и на берегу Володе хватало дел.

Оправившись после болезни, он решил ни в чем не отставать от соломбальских и поэтому попросил одного из старших своих береговых друзей нататуировать ему на руке якорь. Операция эта, проводившаяся при помощи булавки и химического карандаша, оказалась более мучительной, чем история с крапивой. Дело кончилось тем, что доктор соломбальской больницы, крепко выбравив Володю, забинтовал ему руку и сказал, что если парень не хочет стать калекой на всю жизнь, то пусть бросит эти глупые и вредные затеи. А отец, узнав обо всем, увидев забинтованную руку Володи, сказал ему сердито:

— Не с того краю взялся! Если хочешь моряком быть настоящим, так мозги подготовь хорошо, а уж кожу портить не для чего! И вообще это дело всем пора теперь бросить. Я вот нашим молодым ребятам на корабле давно уж рассказал, какой у нас случай был в гражданскую войну. Матрос у нас служил один. Тоже вот так, по молодости лет да по собственной дурости, наколол себе когда-то во всю грудь украшение: двуглавый орел с короной — понимаешь? — и всякие лозунги старого режима — за веру там, за царя и тому подобное. Ну, и что же в конце концов получилось? Человек за Советскую власть воевать решил, в мозгах у него уже давно прояснилось... На нашем же миноносце «Незаможник» служил красный моряк, все честь честью, а кожа у него старая, со всякими глупостями от старого режима. Ни в баню пойти, ни с ребятами искупаться. Как, бывало, разденется, так сразу к нему братва: «Эй, ты, за веру-царя!» Ребята говорят: «Давайте мы с ним в орлянку сыграем: подкинем да загадаем, чем он ляжет — орлом или решкой!» Он уж и к докторам ходил, да те говорят, что ничего вытравить нельзя. Пересадку кожи думали сделать с другого места, да больно он уж широко разукрасился — вся грудь. Куда уж тут пересаживать! Так и мучился человек. А хороший был моряк!

— Папа, так ведь я же не старого режима значок хотел, а якорь, — возразил Володя.

— Не для чего, брат, это дикое дело. Ну, может быть, еще раньше, на старом флоте выгодно было, чтобы человека заклеить навечно; а мы людей снаружи не метим. Мы народу сознание прививаем. А дикарство — это чепуха! Человек должен себя уважать. Что за радость тавро на себя ставить?

— Папа, — нерешительно, но глядя, как всегда, прямо в глаза отцу, сказал Володя, — а у тебя у самого на руке якорь и звезда нататута... ированы...

Никифор Семенович не смутился.

— Ну зататукал!.. А что же ты думаешь, — проговорил он, — и во мне прежде было

достаточно темноты. Поглядишь — совестно станет за прошлую несознательность, зато старое припомнишь — новых глупостей поменьше натворишь. А уж вам, молодым, повторять этого не следует. Вам уже с детства к культурности приучаться надо. Вот о чем разговор идет, сынок...

В прохладный августовский день «Леонид Красин» уходил в дальний рейс. На берегу собрались провожающие: друзья, жены, матери, ребяташки. За черным, заново выкрашенным бортом корабля, которым он касался береговой стенки, уже стукотали дизеля. В последний раз торопливо обняв Евдокию Тимофеевну и Володю, Никифор Семенович прыгнул на нижнюю решетчатую площадку трапа и, держась за леер, скомандовал наверх: «Пошел трап! Вира!»

И, вносясь вместе с трапом, крикнул сверху:

— Ну, счастливо!.. Пошел, Вовка, в науку! Расти, мальчуган!..

Перезвякнулись на мостике и в машине. Взвились отданные на корабль концы. Между бортом и берегом образовалась ширящаяся с каждым мгновением пропасть, в которой бурлила вода. Маленький буксирный катер с толстой, сплетенной из канатов подушкой над форштевнем, словно с прищепкой на носу, уперся ею в борт «Красина» и стал отпихивать его от берега, чтобы помочь теплоходу выйти из узкого пространства бухты. Огромное тело корабля сперва казалось неповоротливым, но, очутившись на просторе устья и словно обретя привычную свободу, стало выглядеть ловким и мощным. «Красин» коротким гудком отблагодарил буксир за подмогу, тот отвечал ему своим пискливым голоском. Теплоход загудел торжественно, долго, то затихая, то снова оглашая все окрестности своим тягучим прощальным ревом...

Отец ушел в новое плавание.

На другой день Евдокия Тимофеевна с сыном уехала в Керчь: через неделю Володе надо было впервые идти в школу.

А еще через месяц Володя уже твердо решил, что самое интересное в жизни — это входить с журналом в класс, неся глобус или чучело какой-нибудь птицы, и чтобы все в классе сразу вставали, как только ты появишься, и громко хором здоровались с тобой. Ты садишься важно за стол, вешаешь красивую картину на стену, и ты все знаешь, тебя все уважают, все слушаются и даже немного побаиваются. Ты можешь читать все, что написано в классном журнале, и заглядывать в любые отметки. Ты имеешь право вывести из класса любого силача, если он забалуется, и толстым красным карандашом или — даже более того — совершенно красными чернилами подчеркивать ошибки в тетрадях и подписываться внизу страницы: «Смотрел В. Дубинин, 100 ошибок. Очень плохо»...

Словом, все было ясно: Володя знал теперь окончательно, что, когда он вырастет большой, он станет учителем. И учился он сам в двух первых классах отлично.

Потом опять стали появляться силуэты кораблей, сперва на промокашке, а потом на полях черновичков, где на пробу решались домашние задачки. И уже захотелось быть не просто учителем, а специально морским преподавателем. И каждая чурбашка, попавшая в руки Володе, через час превращалась в подобие какого-нибудь судна, две-три лучинки становились мачтами, спички — реями. И весь стол Володи был заставлен маленькими самодельными кораблями, линкорами, миноносцами, фрегатами с парусами из папиросной бумаги и алыми вымпелами, вырезанными из конфетных оберток. А рядом с моделями кораблей, понемножку тесня их и занимая все больше и больше места на Володином столе, все растущей стопочкой укладывались книги.

Книги стали новой страстью Володи. Они не вытесняли прежних увлечений — наоборот, они питали старые мечты и порождали новые, еще более увлекательные. Путешественники, воины, революционеры, люди отважные, презиравшие смерть, не знавшие страха, великодушные, воители за правду, ненавистники лжи и насилия действовали в этих особенно любимых мальчику книгах. Герои врубались в полярные льды, чтобы проложить новые дороги для человечества. Они открывали новые моря и материки, они резко бросали вызов несправедливости, дрались на баррикадах... Одни из них умирали в

неравном бою под красным знаменем, но другие вставали на их место, подхватывали алый стяг, поднимали его высоко над всем потрясенным миром...

Володя читал много и частенько без разбора. Не спросясь, брал он книги у Валентины.

— Ну что ты всегда берешь без спросу! — сердилась сестра. — Ты же все равно ничего не поймешь в этой книге. Я ее сама только в прошлом году, когда уже в пятом классе была, прочла. Это же серьезная книга. Видишь? Тут написано: «Для среднего и старшего возраста».

— А я уже почти что средний.

— И ничего подобного, ты еще младший. Средний считается уже с пятого класса. Тебе еще далеко до среднего. Тебя еще даже в пионеры не приняли.

— Во-первых, я тебе, Валентина, определенно заявляю, что меня вот-вот примут... А во-вторых, пионерам, если они настоящие, не следует нос задирать перед теми, кто еще не принят. Потому что, когда примут, неизвестно еще, кто будет лучше по пионерской линии. Вот смотри, будешь переходить в комсомол, я тебе отвод дам!

— Так тебя и спросят!

— Пока еще не спросили, так спросят. А «Спартак» я все равно возьму. Я его уже прочел и еще читать буду, потому что эта книжка не для вас, она не девчачья. Это боевая книга про гладиаторов, революционная. Это тебе не твои романы! Я вот брал у тебя позавчера, так живо бросил. Что за интерес? Разговаривают, разговаривают все про любовь одну, переживают, говорят, спорят, а никаких приключений не происходит, никто даже не сражается.

— А Спартак твой не переживает? Его тоже Валерия Мессала как полюбила!

— Ну и что ж, что полюбила? — не сдавался Володя. — Полюбила потому, что он справедливый был, всех смелее, за рабов воевал, за свободу. А не просто так полюбила!

— А он тогда ее за что полюбил, если она была, совсем наоборот, римская богачка?

— А он ее перевоспитывал, и она стала тоже за него... Эх, что ты понимаешь! А я прямо даже наизусть помню там. — И Володя, схватив линейку со стола в правую руку, а левую продев через ручку круглой корзины, стоявшей на стуле, выставив ее, как щит, перед собой, двинулся на Валентину: — «С громовым „барра“, которое потрясло окрестные холмы, могучий Спартак двинул своих гладиаторов против многотысячных легионов римлян... „Свободы и света! — воскликнул он. — Победа или смерть!“

— Мама! Чего Володька опять книжки берет без спросу и еще лезет! — пищала Валентина, отбивая выставленным вперед веником атаку восставших гладиаторов.

Появлялась мать, молча отнимала у Володи корзину и линейку, вырывала из рук Валентины веник и разводила враждующие стороны по разным комнатам.

Часто теперь, мастера новый корабль или какую-нибудь другую хитроумную самоделку, Володя упрашивал мать почитать ему вслух. Евдокия Тимофеевна брала книгу, садилась возле стола. Она сама давно уже полюбила книги. Голос у нее был негромкий, немножко монотонный, но каждое прочитанное слово произносила она с уважением, истово и доверчиво. И лицо у нее при этом было по-хорошему строгим, будто она сообщала сыну какие-то очень важные, только им двоим доверенные тайны. Володе очень нравилось работать, слушая чтение матери. Иной раз он даже вскакивал со своего места, кидался на шею к Евдокии Тимофеевне и целовал ее, приговаривая:

— Ну, знаешь, мама, ты так читаешь, так читаешь, что прямо я будто своими глазами все вижу! Так никто не может читать, как ты!

Так они прочитали пушкинские сказки, «Воздушный корабль» Лермонтова. Взялись читать Гоголя. Особенно понравился Володе «Тарас Бульба». Какие удалые и сильные люди были описаны в этой книге, с какой веселой отвагой рубились они в бою с врагами русской земли! Ах, как захватила обоих — и мать и сына — эта дивная книга, где слова сами и пели, и смеялись, и плакали, и передавали то свист сабли и стремительный топот казачьей конницы, то тишину теплой приднепровской ночи...

Немало новых мечтаний вызвала эта книга у Володи. Не раз всплакнула над ней

Евдокия Тимофеевна. На всю жизнь запомнил Володя, как читала ему мама те страницы, где описывалось, как мать пришла ночью посмотреть на сыновей, которых утром она должна была проводить в Сечь. Как хорошо читала мама эти страницы!

»... Одна бедная мать не спала. Она приникла к изголовью дорогих сыновей своих, лежавших рядом; она расчесывала гребнем их молодые, небрежно всклокоченные кудри и смачивала их слезами; она глядела на них вся, глядела всеми чувствами, вся превратилась в одно зрение и не могла наглядеться. Она вскормила их собственной грудью, она взрастила, взлелеяла их — и только на один миг видит их перед собой. «Сыны мои, сыны мои милые! что будет с вами? что ждет вас?.. «

Светло было в комнате, где мать читала эти строки своему сынишке. Весело пересвистывались птицы на деревьях за открытым окном. И столько интересных дел, книг, новостей приносил Володе каждый день, так славно жилось ему, что не понял он в тот час, почему на какой-то миг с внезапной тревогой глянула на него мать, вскинув глаза и тотчас же снова склонившись над страницей, с которой она незаметно для сына стерла оброненную слезу.

Зато оба одобрили суровую решимость Тараса, когда тот, проговорив: «Я тебя породил, я тебя и убью!» — сам застрелил собственного сына Андрия за то, что тот продал своих и изменил казачьему воинству, родной земле...

А когда мать читала последнюю страницу и дошла до того места, где враги схватили старого Тараса, привязали его над костром, и уже огонь поднимался, захватывая его ноги, когда прочла мать чудные и грозные слова: «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!» — Володя не выдержал, вскочил и закричал:

— Конечно, не найдутся! Верно, мама? И мать согласилась:

— Выходит, что так.

Начинал Володя уже рыться и в отцовских книгах. Никифор Семенович перевелся работать в Черноморский торговый флот. Он служил в Керченском порту и учился в вечернем комвузе. Однажды, роясь в книгах отца, которые тот держал на этажерке, Володя среди толстых, тяжелых книг нашел потрепанную, всю исчерканную карандашом книжечку без обложки. На первой пожелтевшей странице ее Володя прочел слова, которые заставили его сразу взять книжку и усесться тут же, возле этажерки, на полу. Судя по началу, книжка должна была быть захватывающей.

— «Призрак бредит по Европе, — прочел Володя, — призрак коммунизма».

Володя перешел на диван, пристроился поуютнее, поджав ноги. Начал снова: «Призрак бродит по Европе...» Интересно! Но дальше дело не пошло. Две следующие фразы Володя кое-как осилил, хотя в там сразу же попались совершенно непонятные слова — Меттерних, Гизо, радикалы... Но дальше уже Володя совсем ничего не понял. Вздыхая, он перелистал книжечку, взглянул в конец:

«Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения...»

Володе понравилось. Это пришлось ему во душе, он сам был таков — по крайней мере, хотел считать себя таким.

»... Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией, — прочел Володя, шепча про себя слова, точный смысл которых он не понял до конца, но почуял их железное звучание: словно тараном били в крепостные ворота! — Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир».

И под этим крупно было написано:

«ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!»

Услышав шаги отца, Володя вскочил и тотчас же положил книжечку на место. Отец не позволял трогать без него книжки.

Отец умылся под рукомойником, вытерся, подошел к Володиному столу, бросил

полотенце на ходу точно на стенной крючок.

— Ну как?.. На завтра все приготовил, задачки все порешал? Не будет конфуза, как в прошлый раз? Смотри у меня!.. А у тебя, Валенька, как уроки на завтра?

Валя, аккуратно переписывавшая домашнее задание, оторвалась на минутку от тетради:

— Я скоро... Знаешь, сколько задавать нам стали — просто ужас!

— Ну, мы тебе мешать не будем, занимайся, а мы с Володей вон там устроимся, в уголке.

Отец прошел в дальний угол, подвинул настольную лампу, сел в плетеное кресло, взял из рук Володи тетрадку.

— Так... значит, какое тут условие? Ага... Задача на пропорции. Так. Как же ты ее решал?.. Стоп, стоп! Что это ты тут накрутил? погоди! Это называется левой пяткой правое ухо чесать!

— А по ответу сходится.

— Мало ли что по ответу! Вот не имей такой привычки — под ответ подгонять. Это и в жизни не годится. Надо решение найти, нужно я нему правильным путем добираться, а не тыкаться в разные стороны, где выйдет, да не подлаживаться под готовенькое. Не годится твое решение. Садись сюда, давай снова решать.

Володя подсел к отцу, расправил тетрадку, пригладил ладонью страничку, обмакнул перо в чернила.

— Что это у тебя руки-то чуть не по локоть в чернилах? — спросил отец, переворачивая ладонь Володи, оттягивая рукав и осматривая Володину руку со всех сторон. — На тебе, и левая вся! Ты что это, татуироваться снова вздумал, что ли?

— Это, папа, я сам сделал автоматическое перо, самописку. Вот видишь, тут обматывается вот такой проволочкой, потом макается. Оно вот сюда натекает, можно писать, только брызжется немножко.

— Мм-м... да! Что брызжется — это хорошо видно. Вот жаль, что писать как будто не пишет. Давай-ка мы, брат, возьмем нормального типа ручку, поднатужимся да и решим эту задачку. Взяли? Ну, давай!

Отец и сын склонились над тетрадкой, почеркали, побормотали минут пять и, довольные, откинулись оба разом.

— Ну вот, это другой разговор! А то плутал — семь верст и все лесом. А ну-ка, давай сюда твою самописку, теперь разглядим... Это ты, в общем, довольно хитро придумал. Здорово! Только ты бы вот сюда, чудак, наконечник с ручки взял, а по дереву желобок проточил, тогда она и писать будет и брызгать не станет. Эх ты, самопис! Измазюкался...

Отец задумался, поглядел в окно.

— Вот гляжу на твои руки в чернилах... даже и выругать тебя пришлось! Выругал-то поделом. Пора уже с письменными принадлежностями обращаться как надо. Но знаешь, Вовка, что мне вот сейчас припомнилось... Когда я первый раз в жизни на своей руке чернила увидел, так загордился даже. Ведь это же великое дело, пойми, — грамота! До той поры у меня в чем руки были? В дегте, в мазуте. Я у помещика в экономии батрачил, вот тут недалеко, за Камыш-Буруном. В семнадцатом году только первые буквы узнал, а через полгода писать стал учиться. Так можешь себе представить, когда первую букву чернилами вывел да сам обмазался весь, не хуже тебя сейчас, — и язык-то у меня был в чернилах, и волосы, везде чернила, — так руки отмывать жалко было. Хожу да напоказ всем кляксы на пальцах выставляю: вот, дескать, поглядите, грамотный, писать умею... Да, у нас тогда в жизни решать надо было все самим, готовых ответов не было, до всего сами доходили.

Отец помолчал немного, видно вспоминая прошлое, покачал головой, закурил трубочку, тщательно приминая большим пальцем табак.

— Ну, может быть, спросить тебя и устное по заданному?

— Можешь спросить, только я правда все хорошо выучил.

Отец знал, что если Володя говорит так уверенно, то его можно не проверять.

— Слушай, Вова... — он застенчиво улыбнулся и скрыл лицо за клубами табачного

дыма, потом осторожненько подул, разгоняя его, — тогда, может быть, ты мне немножко поможешь? А то мне завтра, понимаешь, на семинаре доклад делать в комвузе. Подготовился я как будто солидно, всю ночь сегодня сидел. Но все-таки года уточнить следует. Я бы Валентину попросил, да она вон еще сама не управилась. Не стоит ее отрывать.

Отец встал, подошел к этажерке, снял оттуда толстую книгу.

— Это кто у меня тут кувыркком все поставил?

— Это я книжки смотрел.

— А ведь было, по-моему, сказано: не лазить.

— Папа, я там книжку у тебя одну увидел. Начинается очень интересно. Там про призрак, как он бродит по всей земле, а все цари, короли и полицейские против него и пугаются... Но дальше там очень трудное. А в конце, я посмотрел, опять все понятно. И написано, как в газете: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

— Вовка! Не хватайся ты раньше времени за то, что еще понять никак не можешь. Всему свое время. Это, брат, такая книжка, что она всем книгам книга! От этой книги все пошло и началось. Манифест Коммунистической партии это! Ну, как бы тебе это сказать... Манифесты и у царей были — скажем, когда война или когда там крестьян царь обманул, обещал освободить их, а земли не дал. А этот манифест истинную правду всем народам на свете открыл. Девяносто лет этой книжке, а она не остыла. По нынешний день огнем пышет. Ленин по ней свое великое дело начал. От нее все мы, коммунисты, и пошли... — И пионеры от нее пошли?

— И пионеры и комсомольцы — все! Ну, это ты все еще сам учить будешь. Этого всего ты сейчас еще понять не в силах.

— А нам уже про это объяснили! — крикнула из своего угла Валентина.

— Ну, так ты у меня уж почти комсомолка.

— Папа, я тоже понять в силах, — отозвался Володя, — ведь меня в том месяце уже в пионеры примут.

— Это еще неизвестно, — не унималась Валентина.

— Тебе, может быть, неизвестно, — отрезал Володя, — тебе многое неизвестно! Зато мне ясно.

— Что за характеры у вас! Хватит вам цапаться! — рассердился Никифор Семенович. — Что это такое, в самом деле! Ты, Валентина, не сегодня-завтра в комсомол вступишь. Этот — без пяти минут пионер. Делить вам нечего, а вы все скандалите... Ну, Вова, давай подзаимемся. Ты, следовательно, бери мои записи: вот с этого места, где отчеркнуто, будешь следить за годами, а я, значит, тебе расскажу. Разберешься? Так-то я все усвоил, знаю твердо, вот только года бы мне не спутать. Ты за годами следи.

— А у вас года строго спрашивают? — поинтересовался Володя.

— Да уж как положено...

И Володе показалось, что отец сделался как-то моложе и будто оба они были школьными товарищами.

— Ну, довольно нам болтать, давай делом заниматься. Следи... Стало быть, так... — Никифор Семенович откашлялся и проверил для чего-то пуговицы на кителе. — В 1903 году было решено...

— Тут у тебя в тетрадке написано: «Летом 1903 года», — строго поправил Володя.

— Да, летом 1903 года большевики решили оборудовать в Тифлисе подпольную типографию, на окраине города, в Авлабаре...

И Никифор Семенович стал подробно излагать увлекательную историю авлабарской типографии, которую хитроумно и смело устроили глубоко под землей кавказские большевики. Володя следил по конспекту, то и дело отрываясь от него и восхищенно поглядывая на отца. Иногда же он вдруг останавливал отца:

— Тут написано: «было поручено».

— Это одно и то же. Ты, брат, придираешься. Я ведь тебе слово в слово по записи не обязан отвечать. Ты следи, чтобы года верные я называл. А так, я вижу, с тобой до утра каши

не сваришь.

— Ну хорошо, хорошо... Рассказывай дальше.

— Так, значит...

И отец продолжал рассказывать, как бесстрашно работали революционеры в подземной типографии.

Иногда, не удержавшись, Володя ударял кулаком по столу и кричал:

— Ура!.. Молодцы!

— Володька, тише ты, мешаешь сосредоточиться, — замечала из своего угла Валентина.

— Тише ты, в самом деле, Володька!

— Папа, я не могу, я ж переживаю!

— Уж переживай как-нибудь про себя. Ну, следи дальше... В феврале того же года... Я и говорю: того же, значит, 1904 года...

Наконец Володя бросился обнимать отца:

— Папа, ты здорово все это знаешь! Я бы сразу так не мог запомнить. Ты все в точности рассказываешь... Конечно, — добавил он после минутного раздумья, — если бы нас такому интересному учили, я бы тоже всегда кругом только одни «отлично» получал.

— Ну, студенты, скоро учиться кончите? Будет вам друг дружке экзамены устраивать, — сказала, входя в комнату, мать. — Валенька, ты освободилась? Ужинать давайте, а то бычки простынут. Такие сегодня жирные — смотреть и то слюнки текут!

Они сели ужинать, и, взволнованный всем услышанным, Володя, вытаскивая изо рта обеими руками колючие рыбы кости, все порывался рассказать матери о подземной типографии.

— Да говори ты помедленней, — останавливала его мать. — После ужина доскажешь. Ты бы лучше уроки свои готовил.

Володя очень волновался на другой день — как пройдет у отца доклад. Было уже поздно, а Никифор Семенович все не возвращался, и мальчик совсем извелся от беспокойства. Он ни за что не соглашался лечь до прихода отца, хотя спать ему хотелось нестерпимо; и в конце концов Володя заснул за своим столом, где разбирал маленький электромоторчик, который ладил уже вторую неделю. Он тотчас же проснулся, когда услышал в коридоре внизу твердые, моряцкие шаги отца. Отец легко, как по корабельному трапу, взлетел вверх по лестнице. Володя кинулся к нему навстречу:

— Ну как, папа?..

— На «отлично», — сказал отец.

— Да вели ты ему лечь! — вмешалась мать. — Уже два часа его никак в кровать не загоню. Все тебя ждал. Вот получит завтра из-за тебя с недосыпу «плохо», будет тогда дело!

Но Володя долго не мог заснуть. Он лежал с открытыми глазами в темной комнате и представлял себе, что глубоко в каменоломнях устроена типография и он сам печатает газету, которая называется «Юный красный подземный революционер». А наверху рыскают, содрогаясь, господствующие классы — короли и полицейские, — хотят убить его, во у них ничего не выходит. Он исчезает, как призрак, и бродит по Европе, разбрасывая напечатанную газету с грозными словами...

С этой ночи Володя стал подумывать: не сделаться ли ему в будущем печатником?.. Он упросил отца подарить ему к Новому году печатный игрушечный набор «Типограф». Набор состоял из деревянных компостеров, в которые вставлялись резиновые буквы. Имелась еще подушечка, пропитанная фиолетовой краской. Можно было набрать в компостер целую строку, затем прижать составленные в нем буквы к подушечке, как штемпель на почте, в оттиснуть на бумаге все, что хочешь. Были еще тут всякие штампы с изображением бабочек, зайцев, слонов, самолетов. Бабочки и слоны явно ни к чему не могли пригодиться; а самолет и прежде всего имевшаяся в наборе пятиконечная звездочка сейчас же пошли в дело. И вскоре на всех тетрадях, промокашках Володи появились фиолетовые, очень бледные или, напротив, жирные и слегка размазанные титры:

владимир дубинин
пролетарии всех стран соединяйтесь

(больших букв в наборе не оказалось). А по бокам — самолет и звезда.

У Володи был придуман замечательный план — устроить подземную типографию на дне того шурфа, где были обнаружены надписи на каменной стене. Он поделился этим планом с Ваней, но Ваня сказал со своей обычной трезвой деловитостью: «А чего это под землей печатать? Это можно и тут». Володя сперва обиделся, сказал, что Ваня не понимает игры. Но Ваня стоял на своем. «А призрак бродит по Европе?» — не сдавался Володя. Но и этот довод не склонил Ваню. Тогда Володя объявил, что он один спустится в каменоломни. «Иди попробуй, — сказал Ваня. — Только имей в виду, что там уже все загородили, потому что ребята туда повадились. Теперь и не пролезешь».

Так это дело и провалилось.

Глава V «Верное слово, точное время»

Теперь отец стал плавать капитаном на грузовой шхуне «Ударник». Шхуна совершала малое каботажное плавание, то есть ходила в порты Крыма в Приазовья. После больших океанских кораблей, которых Володя насмотрелся на Севере, «Ударник» казался ему до обиды маленьким, оскорбительно тихоходным судном. Единственной достопримечательностью шхуны была маленькая рыжая собачонка Бобик — лохматая, хвост бубликом, над левым глазом черное пятно, словно один глаз от удивления вылез на лоб. Бобик всей собачьей душой привязался к капитану. Он лежал у его каюты на шхуне, неотлучно следовал за капитаном по берегу, ждал его у конторы порта, сопровождал домой и жил во дворе, пока Никифор Семенович не уходил опять в рейс. Все соседи уже знали: если Бобика нет во дворе, значит, и хозяина нет дома; а появился Бобик — следовательно, и хозяин дома. Встретится Бобик в порту, будьте уверены — «Ударник» прибыл...

Придя из школы, наскоро поев, Володя собрал остатки еды, чтобы отнести во двор Бобику.

— Не трудись, — предупредила его Валентина. — Бобик с папой в рейс пошел.

Володя насторожился. У него давно был задуман один план, выполнить который было бы лучше в отсутствие отца. Дело в том, что в электромоторчике, который он наконец смастерил, не хватало одной шестеренки, точно такой, какая была в отцовских часах — хронометре, который тикал всегда на тумбочке возле кровати Никифора Семеновича. Володя давно уже подбирался к этому хронометру, открывал его, рассматривал сложный механизм. Там он и заметил шестереночку, которая великолепно бы пригодилась в его электромоторе. Через нее можно было бы пропустить ось, и тогда электромотор заработал бы. А без этого пускать моторчик было нельзя. Володя прикрыл дверь в большой комнате, где находились его рабочий стол, этажерка отца и столик Валентины. Комнату эту называли в семье Дубининых залой. Валентина ушла в Дом пионеров, мать была на кухне. Можно было приступить к делу.

Володя бережно снял с тумбочки хронометр, положил на стол мягкое полотенце и, наклонив над ним, стеклом вниз, часы, ножичком слегка поддел заднюю крышку. Чпок! — крышечка отскочила. За ней оказалась вторая, открыть ее было немного труднее, но Володя справился, и тончайшие колесики, пульсирующие стальные волоски, миниатюрные зубчатки, крохотные и цепкие сочленения мудро придуманного механизма открылись перед Володей в тикающем маленьком мирке, таком лучистом, хрупком и странно живом. Секторы лоснящихся бликов скользили, расходились веером и пропадали в полированном металле. Зеркально сверкали головки шурупчиков; плоские зубчатые шестереночки, напоминающие о работе сказочных гномов, застыли в кажущейся неподвижности, и глаз примечал только, как учащенно дышит тонюсенькая пружинка из стального волоска, то расширяясь, то сжимаясь,

то расширяясь, то сжимаясь...

Стараясь не дышать, так как металл сразу же запотевал, Володя при помощи самого маленького лезвия своего перочинного ножа с величайшей осторожностью извлек шестереночку. Тикание разом прекратилось, часы стали, словно Володя лишил их жизни. Но это не испугало Володю: он знал, что стоит только поставить на место вынутую шестеренку, и часы снова заработают.

Теперь надо было укрепить шестеренку на надлежащем месте в моторчике. Володя недаром трудился над ним три недели! Сюда пошли две катушки от старого электрического звонка, колесико от сломанного заводного паровоза, немало винтиков, проволочек, шелковисто-зеленых, в обмотке, и голых, отсвечивающих медью. Но вот шестереночка из хронометра была водворена на уготовленное для нее место. Можно было запускать мотор. Володе хотелось, чтобы его торжество разделила мать. Он сбегал за ней на кухню и после долгих уговоров притащил в комнату.

— Садись, мама, вот сюда, — пригласил он, подставляя матери табурет, — и смотри, как он у меня сейчас заработает. Это я сам все сделал.

— Ох, Вовка, ты мне лучше скажи: не будет, как в прошлый раз, когда потом все окна открывать пришлось?

— Ну что ты, мама, то же было совсем другое дело! Это я готовил бездымный порох для фейерверка.

— Хорошенькое дело — бездымный! Еле отчихались все. Бобик и тот чуть не подох.

— Но то же было совершенно другое дело. Это просто произошло совершенно случайно. А сейчас я все рассчитал. Ну вот, смотри. Я сейчас включаю... Одну минуточку... Что такое?.. «А-а, понял. Тут контакт отошел. Ну вот, сейчас. Раз...

Из розетки, куда сунул штепсель Володя, метнулся огонь. Сейчас же громко щелкнуло где-то в другом конце квартиры. Из маленькой машинки, которую соорудил Володя, повалил желтый дым, обмотка проводов вспыхнула. Страшно запахло паленой резиной, и во всем доме стало темно. Всюду захлопали двери, на лестнице послышались переполошенные голоса:

— Что такое?.. Пробки, что ли, перегорели?

— Это опять там, у Дубининых, что-то!

— Ну да, я слышала, как у них чиркнуло.

— Форменное безобразия! Когда же это кончится? В прошлый раз такую вонь развели, а теперь сиди в темноте!

Но в зале, где произошла катастрофа, к сожалению, уже не было темно: от вспыхнувших проводов занялась бумага на столе, взметнулось синее пламя от опрокинутого Володи спирта.

— Что же ты наделал! — закричала мать, бросаясь тушить руками уже тлевшую скатерть. — Ведь пожар!..

Позади них раскрылась дверь, с грохотом вбежала Алевтина Марковна, соседка.

— Боже мой, горим!.. Так и знала, поджег-таки!.. Боже мой, воды!..

Володя, в темноте налетевший на нее, кинулся стремглав на кухню, прибежал оттуда с большой, очень тяжелой лоханью, в которой мокло белье. Не разобравшись, в чем дело, он вывернул ее на стол. Огонь, шипя, погас. Все молчали, тяжело дыша. Слышно было только, как сперва медленно — кап, кап, — потом частыми каплями и, наконец, в несколько струй хлынула вода, стекавшая со скатерти...

Потом что-то мягко и мокро шлепнулось на пол, словно жаба.

— Посветил бы кто, — виновато проговорил в темноте Володя.

Алевтина Марковна чиркнула спичками и поплыла к столу.

— Боже мой! — раздался ее голос, — Моя новая сорочка... Люди, граждане, смотрите, во что он ее превратил! Евдокия Тимофеевна... нет, вы посмотрите... Володя, кто тебе позволил брать лоханку с моим бельем? Ой!..

Догоравшая спичка обожгла пальцы Алевтины Марковны, и она смолкла на мгновение,

чтобы снова, став уже невидимой, огласить своим криком темную комнату:

— Евдокия Тимофеевна, примите меры, я отказываюсь жить под одной крышей с подобным элементом! Я из-за него обожгла руку. Боже мой, как раз палец для наперстка!

На лестнице в темноте продолжали топтать, сталкиваться и перекликаться жильцы...

— Ну погоди, будет тебе! — пригрозила Евдокия Тимофеевна. — Смотри, опять какой ералаш натворил... У-у, чтоб тебя!

Она не выдержала и мокрым полотенцем звонко хлестнула два раза по согбенной спине Володи.

— Ну-ну, мама, — негромко, но внушительно заметил в темноте Володя, — постеснялась бы все-таки... А еще Восьмое марта празднуешь, на собрания ходишь! Не стыдно?

Потом он обратился туда, где шумно дышала в темноте Алевтина Марковна:

— Кричать на меня нечего, белье ваше я не загубил. Хотите, могу сам постирать.

— Да, воображаю, на что оно будет похоже!

— А вы лучше дайте мне ваши спички, и я сейчас поправлю пробки.

— Умоляю, не надо! — закричала Алевтина Марковна. — Евдокия Тимофеевна, я вас заклинаю, не разрешайте ему! Он взорвет весь дом!

Но Володя уже, выхватив у нее спички, выбежал на лестницу. Потом он притащил снизу стремянку, приставил ее к стене, полез в угол, где был счетчик и предохранительные пробки. Ему было очень неудобно работать одной рукой, так как другой он светил себе, зажигая одну спичку за другой. Звать кого-нибудь на помощь было бесполезно. Внизу бранились в темноте рассерженные соседи, рядом, на уровне его коленок, бушевала и гудела Алевтина Марковна. Но сквозь этот шум Володя услышал неожиданно звук, от которого чуть не свалился со стремянки. Внизу весело залился лаем Бобик.

Значит, отец вернулся! Снизу уже доносился его голос. Жильцы жаловались ему на Володю. Говорят, что в подобных случаях хочется провалиться сквозь пол. Володе же, наоборот, хотелось проскочить сквозь потолок, который сейчас был гораздо ближе к нему, чем пол. Но бедняга только замер на своей стремянке.

— Опять набезобразничал? — загремел в темноте отец. — Где ты тут хоронишься?

— Я, папа, здесь.

— Это тебя куда там занесло?

— Папа, я потом тебе все объясню... Я только сейчас, я только пробки починю...

— И слезать не смей, пока не исправишь! Нашкодил? Теперь сам налаживай. Давай я тебе посвечу.

И снизу ударил в угол воронкообразный луч карманного фонарика. Он выхватил из темноты две перепачканные руки, которые вертели фарфоровые пробки на щитке предохранителя.

Минуты через три во всех комнатах на обоих этажах вспыхнул свет, и перепачканный, сконфуженный Володя медленно сполз со стремянки.

Отец пошел в залу, чтобы посмотреть на место катастрофы, Володя поплелся за ним, предчувствуя, что главный скандал еще впереди.

Никифор Семенович вошел в залу, поглядел на лужу, растекавшуюся возле стола, на подгоревшую скатерть, взял в руки еще пахнувший горелой резиной мотор.

— Как же это ты его включал? — поинтересовался он. — Прямо от штепселя? Умник! А трансформатор? Звонок-то ведь через трансформатор ставят, а ты напрямую соединил. Вообще, Володька, давай все-таки условимся раз и навсегда, чтобы ты таким самостоятельным не был. Вот будешь проходить в школе физику, станешь учить электричество, тогда уж и орудуй. Эх ты, изобретатель, шут тебя возьми!

Володя молчал. Так вот оно в чем дело! Ну кто ж его знал, этот трансформатор!..

Отец подошел к тумбочке. Прислушался, наклонился и присвистнул:

— Фью-у! Что-то у нас сегодня все не так — и часы стали!

Он поднял хронометр, потряс его, приложил к уху»

— Стоят. С двадцать седьмого года, не стояли, как я со сверхсрочной пришел. Володька, твоих рук дело?

— Папа, ты не беспокойся, — сказал Володя, — они сейчас же пойдут. Я давно уже в них разобрался. Просто я из них на минуточку вынул одну шестереночку. Она мне в моторе была нужна.

— Вынул? Ты что, в своем уме? Ну, хватит, Владимир! Я терпел, терпел, да и кончилось мое терпение. Чтоб сейчас же все эти твои крючки, закорючки да проволоки разные, весь этот хлам твой — вон отсюда! И если хоть что появится, я сразу же в помойку! Слышишь?

— Ну вот, довел отца! Так и знала, что когда-нибудь доведет, — сокрушалась Евдокия Тимофеевна.

— Папа, я больше никогда не буду.

— Не будешь, потому что не с чем будет. Чтоб завтра ничего здесь этого не было! Давай сюда шестеренку... Вот. И завтра утречком отнесешь вместе с хронометром часовому мастеру на углу, и, если не починит, — лучше ты мне на глаза не попадайся! Так и знай!

Володя положил злосчастную шестереночку возле молчавшего хронометра.

— Папа, ты дай, я только попробую... Я же знаю как!

— Вот я тебя раз навсегда от этого хвастовства отучу, чтобы ты не брался, за что тебе не положено!.. На, бери, ставь!.. — Отец в сердцах подтолкнул концами пальцев хронометр к Володе. — Ну, принимайся, а я погляжу. Тоже мне — точная механика!

— Папа, ты только не кричи на меня, — остановил его Володя, — потому что, у меня и так руки трясутся, а тут еще ты...

Володя раскрыл ножичком обе крышки хронометра, потом осторожненько поставил шестеренку в пустовавшее гнездо, подвинтил шурупчик, приладил зубчатое колесико, слегка подул, протер запотевший металл концом чистой тряпочки, потряхнул хронометр.

Колесико слабо двинулось, пружинка вздулась, опала, и все опять замерло. Володя еще раз потряс хронометр, поковырял ножичком колесико... Механизм оставался неподвижным. Часы не шли. Володя почувствовал, как у него начинают жарко чесаться набухшие мочки ушей. Он еще ниже склонился над хронометром. Но как ни тряс он и как ни дул и ни вертел — часы не шли.

— Вот теперь и видишь сам, что обещаниями швыряться не надо, — проговорил отец, махнул рукой и пошел в другую комнату, сам огорченный, потому что ему в эту минуту очень хотелось, чтобы Володя справился с хронометром и сдержал свое слово.

Володя отказался от ужина. Как ни звал его отец, как ни уговаривала мать, он сидел за своим столиком и тоненькой проволочкой старался расшевелить оцепеневший механизм часов.

Пришла из Дома пионеров после спевки Валентина. Она узнала от домашних о происшествии и тихонько вошла в залу. Володя, обернувшись, метнул на нее недобрый взгляд и сжался весь, приготовившись выслушать колкости. Но Валентина не хотела дразнить брата: она хорошо понимала, каково ему сейчас.

— Вова, хочешь, я тебе сюда чайку принесу? Мама сухари ванильные купила.

— Не хочу я!

— Зря ты мучаешься, раз уж видно, что не выходит...

— Уйди ты, Валентина... Я тебя честно прошу: уйди!

— Ну, пожалуйста, только без психики, — обиделась Валя.

Володя швырнул в нее линейкой.

— Не трогай ты его, — тихо посоветовал отец. — Ему хочется свое доказать. Ну и пусть помучается.

— Гордый, принципиальный, не приведи бог, — согласилась мать.

И, Володю решили оставить в покое, чтобы не мешать. Он слышал, как убрали посуду со стола, как потушили свет. Потом все в доме затихло. Володе смертельно хотелось спать. Рот у него разлезался во все стороны от зевоты, а глаза, наоборот, было очень трудно

держат открытыми, они сами собой смыкались. Но Володя упрямо сидел над хронометром, отвинчивал и ставил снова на место колесики, тряс часы, прислушивался.

Часы молчали. Вместо их тиканья уши Володи начинали улавливать какой-то ноющий, слегка звенящий гул. Он прислушался, но кругом стояла тишина. Первый раз в жизни Володя бодрствовал в такое позднее время. Он посвящался в неслышные тайны ночи, обычно скрытые от него сном... В полу и стенах, в филенках шкафов возникали какие-то блуждающие трески, от которых Володя вздрагивал. Слышалось сильное — на всю квартиру — дыхание отца. Что-то пробормотала во сне Валентина. Издалека ветер принес свисток паровоза. Где-то в море прогудел пароход... И, чем больше прислушивался к тишине Володя, тем явственнее становился звенящий гул. И не сразу понял сморившийся мальчуган, что это звенит у него в ушах, что это тихонько ноет его затекшее от долгого сидения тело. Так вот что значат, когда люди говорят: все кости гудут...

Но он все сидел и сидел, разбираясь в мелкоте часового механизма. Уже стало голубеть за окнами, и неприятной, чахлой желтизной наполнился свет электрической лампочки, прикрытой газетным колпаком, на котором проступило паленое пятно. Володя в сотый раз перебрал колесики, попробовал все шурупы, опять поставил шестерню на место, прислушался. Хронометр слабо тикнул и снова замолк. И Володя уронил голову на стол.

Должно быть, он заснул, потому что ему показалось, будто кто-то качает возле самой его головы тяжелый маятник и он звонко щелкает над ухом при каждом взмахе — влево, вправо, чок-чик, чок-чик... Володя встрепенулся, поднял голову, испуганно огляделся, плохо соображая, почему он сидит один за столом, а перед ним...

А перед ним громко и четко стучал хронометр: тик-так, тик-так, тик-так!..

Володя, еще не веря, боясь неосторожным движением испугать ожившие часы, долго вслушивался в этот сладостный стук. Потом он с величайшей осторожностью закрыл двойную крышку часов, сбегал на кухню, посмотрел на ходики, перевел дрожащей рукой стрелки хронометра на нужный час, поставил хронометр перед собой в, подперев обеими ладонями падающую от усталости голову, долго еще сидел так, смотря на циферблат, по которому медленно совершали свое дремотное и неусыпное движение стрелки, и наслаждаясь тихоньким благовестом часового механизма.

Потом он, еле передвигая онемевшие, затекшие ноги, в которых крапивные, игольчатые мурашки устроили страшную кутерьму, побрел к своей кровати, подтащил стул к изголовью, положил на него часы и, прислушиваясь к тому, как буквое дерево стула отзывается на тикание хронометра, стал тихонько раздеваться. Он снял один ботинок, решил на секунду передохнуть, перед тем как снять второй, да и заснул одетый, с одной ногой, свесившейся с кровати. Таким и увидел его рано утром отец, когда встал, собираясь в порт.

— Ты что это так рано одеваться вздумал? — спросил он, решив, должно быть, что Володя начал уже вставать и заснул на полдороге.

И тогда Володе захотелось схитрить.

— Да вот хочу пораньше к часовому мастеру... чтобы ты не сердился, — сказал он, лукаво поглядывая запухшими от сна глазами на отца.

— Значит, своего не доказал, не справился?

— Нет уж, не вышло...

Никифор Семенович поглядел на забытую, горевшую на столе лампу, на заспанную, бледную, но бесконечно счастливую физиономию сына и только тут прислушался...

Четко, победно стучал на стуле исправленный хронометр.

Глава VI Пионерская душа

Выйдя со школьного двора на улицу, Володя огляделся, снял с себя красный пионерский галстук, свернул его и спрятал в карман. С минуту он стоял под большой акацией, что росла перед школьным зданием, ожесточенно тер вздернутым левым плечом щеку, потом тяжело, медленно вздохнул и зашагал по улице прочь от школы, подальше от

дома...

Он нарочно дождался сегодня, чтобы все соседские ребята, с которыми он обычно возвращался вместе домой, уже ушли из школы. Он не остался на тренировку футбольной команды, где подвизался в качестве левого края. Ему надо было побыть одному, и потому он решил возвращаться домой далеким, кружным путем.

Никогда еще Володя не выходил из дверей школы в таком дурном настроении. Были беды, что говорить, и не малые... Приходилось иной раз получать табель с неважными отметками, лежала кое-когда в сумке, оттягивая руку, тетрадка с пометкой «неудовлетворительно»... Ох, как тяжела была в такие дни маленькая клеенчатая сумка, скроенная портфельчиком! Будто вся тяга земная, о которой говорится в былине про богатыря Микулу Селяниновича, таилась в ней. Случалось, что, прежде чем идти домой, нужно было мыться на школьном дворе под краном, чтобы скрыть следы только что гремевших битв, и даже припудривать потом боевые заметы штукатуркой или пылью ракушечника. Но в таких случаях оставалось хоть утешение, что противнику уже и штукатурка не помогала.

Бывали проигрыши по футболу с постыдным «сухим» счетом, неудачи и злоключения в классе с последующими дразнилками со стороны девчонок. Эх, да чего только не было! Всякое бывало. Но вот такого еще не случилось...

Дома уже знали, что галстук, снятый при возвращении домой, — знак бедствия.

Еще осенью того года, к Октябрьским праздникам, Володю приняли в пионеры. Накануне он замучил мать и сестру, заставляя их в десятый раз выслушивать слова торжественного обещания, которые он должен был произнести перед лицом товарищей у красного отрядного знамени. И еще раз пришлось прослушать слова пионерского обещания отцу, когда тот вернулся поздно вечером из порта. Никифор Семенович заставил Володю несколько раз промаршировать по зале, повернуться «налево кругом», отдать салют. Вообще на долю отца — так как Володя знал обещание уже наизусть — выпали в тот вечер занятия главным образом по строевой части, а не по политической.

А на другой день Володя был главным человеком в доме. Да, это было настоящее торжество. Самой Валентине пришлось поздравлять его в школе при всех от имени комсомола. И домой он пришел, выпятив грудь, на которой горел, пылал, пламенел завязанный по всем пионерским правилам красный галстук о трех концах, свидетельствующий о нерушимой боевой связи трех поколений революции.

В школе не было зеркала, и потому Володя по дороге домой несколько раз заглядывал в окна, чтобы увидеть свое отражение, но в темных стеклах отражался лишь силуэт его, гасли краски, потухал огонь галстука. Зато дома он долго не мог оторваться от зеркала, все прилаживал галстук, вытягивая один конец, укорачивая другой, чтобы точно соблюсти пионерский обычай: полагалось, чтобы комсомольский конец галстука на груди был длиннее, чем пионерский, а на спине большевистский широкий угол приходился точно посередине, меж плеч, далеко выступая из-под отложного воротничка.

Если говорить правду, то у Володи был уже некоторый опыт в обращении с галстуком: часто, когда Вали не было дома, он тайком брал ее пионерский галстук и, стоя перед зеркалом, прилаживал на себе, мечтая о том времени, когда он и сам станет законным носителем этого знака революционного отрочества. И вот это время пришло, и ему доверили, ему вручили желанный знак. Рискуя простудиться, несмотря на все увещевания матери, просившей его застегнуть пальто, он ходил по двору нараспашку, чтобы все видели его галстук. Он нарочно придумывал всякие поводы, чтобы зайти к соседям. Он был так вежлив и тих в тот торжественный день, что даже Алевтина Марковна поздравила его: «В пионеры записался? Ну, прими и мое поздравление. Будем надеяться, что это тебя хоть немножко исправит. Может быть, и нам спокойнее будет теперь...» А отец вечером, вернувшись с моря, долго и подробно расспрашивал, как все было: и как Володя вышел, и как произнес он обещание, и что сказал вожатый, и не было ли каких замечаний.

Потом отец сел, обнял Володю, подтянул его к себе, придержал коленями, обеими

руками разгладил галстук на груди сына, легонечко потянул за его кончики.

— Смотри же, Вовка, — сказал он, — смотри теперь! С тебя спрос уже другой с сегодняшнего дня.

Внезапно отец расстегнул пуговицу кителя, отвернул борт его. Широкая, выпуклая грудь, туго обтянутая полосатой синей матросской фуфайкой, которую он всегда носил, показалась за отворотом.

— Почему ношу? Привычка только, думаешь? Нет, боевая матросская память! Как это зовется, знаешь?

— Ну, тельняшка.

— А еще как?

— Ну, фуфайка.

— Морская душа зовется — вот как! А ты теперь на сердце галстук красный носить станешь. Вот и будем считать, что это твоя пионерская душа. Понятно?

Как приятно было на каникулах отправиться в Старый Карантин и уже разговаривать с Ваней Гриценко как равный с равным, как пионер с пионером! Как хорошо было в разговоре невзначай сказать: «Вот у нас в отряде все наши пионеры решили...»

Все это было прекрасно. А вот сегодня история произошла очень скверная.

Случилось это так. После второй перемены в класс, в котором медленно оседал шум, вошла Юлия Львовна, учительница литературы и классная руководительница. С ней был незнакомый человек маленького роста, с шапкой густых, мелко вьющихся волос, настолько черных, что седина на висках выглядела так, будто он нечаянно тронул в этих местах голову обмеленными пальцами. Из-под роговых очков, сидевших на большом носу, смотрели очень выпуклые близорукие глаза. Юлия Львовна подошла к передней парте.

— Ребята, — сказала Юлия Львовна, — у нас большая, хорошая новость. С сегодняшнего дня в вами будет заниматься по истории ваш новый педагог — Ефим Леонтьевич. Все слышали? И, надеюсь, уже все разглядели?

И сухое, тонкое лицо Юлии Львовны с чуткими, подвижными бровями внезапно облетела та лукавая, искристая улыбка, которая заставляла ребят говорить про учительницу: «Строгая она ужас до чего! А все-таки какая-то своя...»

— Вот, — продолжала Юлия Львовна, — надеюсь, и Ефим Леонтьевич хорошо рассмотрит всех вас вместе и каждого в отдельности. Ему труднее: вас много, а он один. И давайте, по нашим правилам, считать, что первые пятнадцать минут первого урока Ефим Леонтьевич — наш дорогой гость, а вы — хозяйева класса, хозяйева, я уверена, радушные, старающиеся не посрамить своего собственного дома. Ну, а потом уж, когда Ефим Леонтьевич осмотрится, хорошенько приглядится к вам, хозяином с той минуты станет он. И на все эти часы, когда он поведет вас за собой по дорогам замечательной науки — истории, я всецело доверяю вас ему... Итак, Ефим Леонтьевич, принимайте на попечение...

И она широко развела руки, словно забирая в свои объятия весь класс, и повернулась к новому учителю, как бы передавая ему всех.

Учитель молчал, застенчиво щурясь из-под очков. Ребята смотрели на него выжидательно. По школьной привычке Володе захотелось прежде всего найти в учителе что-нибудь смешное. Но ничего забавного во внешности нового педагога он приметить не смог. Разве вот только большая голова не по росту... Но уж кто бы говорил об этом!.. Достаточно досаждал Володе его собственный маленький рост. Он отставал от всех сверстников, он был одним из самых маленьких в классе. И, предчувствуя, что нового учителя будут исподтишка поддразнивать «коротышкой», а он сам участвовать в этом не сможет, Володя ощутил какую-то неприязнь к Ефиму Леонтьевичу.

Между тем Юлия Львовна оставила учителя у стола, внимательно оглядела класс, пошла к дверям, еще раз оглянулась, тряхнула белой своей головой, словно говоря: «Ну, смотрите не осрамите меня», — и вышла из класса.

Ефим Леонтьевич не садился. Он прошелся вдоль передних парт, всматриваясь в лица ребят, потом как будто поискал глазами, кого бы спросить, и протянул короткую руку по направлению к парте, где сидел Дима Кленов — смешливый, озорной ученик, с близко поставленными к переносице глазами, отчего лицо его казалось неестественно широким.

— Как твоя фамилия? — мягко спросил учитель. Голос у него был негромкий, но такой густой и низкий, что все переглянулись от неожиданности.

— Кленов Дмитрий, — отвечал ученик неожиданно таким же густым басом, хотя обычно он писклявил.

Все в классе зафыркали, и Володя обрадовался, чувствуя, что дело принимает превеселый оборот.

Но учитель делал вид, что ничего не замечает.

— Ну, Кленов Дмитрий, поделись, пожалуйста, со мной, чем вы до меня занимались.

— Мы занимались историей, — совсем уже невозможным басом прохрипел Кленов, чувствуя, что становится героем дня. — Мы проходили древние времена.

— Отлично, — продолжал учитель. — А скажи мне, Кленов; у тебя всегда такой голос или ты сегодня болен?

И учитель вдруг весело глянул на класс, словно приглашая теперь уже учеников принять участие в шутке.

— Удивительный случай, — продолжал Ефим Леонтьевич, — сколько занимаюсь в школе, такого густого голоса у мальчика не слышал. У тебя нет налета в глотке? А ну-ка, скажи: «А-а-а-а...»

Кленов растерянно посмотрел на класс, но не нашел поддержки.

— А-а-а-а!.. — захрипел он.

Класс уже еле сдерживался. Девочки закрывали рты руками, мальчишки надували щеки, уставившись в парты.

— Налета нет, — невозмутимо пробасил Ефим Леонтьевич. — Удивительный случай! А голос такой, словно у тебя ангина. Сейчас я тебя мигом вылечу. Ну, пой за мной: «Тра-ля-а-а-а-а...»

— Ля-а-а... а-а-а!.. — попробовал было Кленов, весь красный от натуги в конфуза. Он уж не рад был, что начал все это.

— Ну, что же ты? Такой бас, а нижнее «фа» взять не можешь? Ну, давай выше; «Тра-ля-а-а...» Еще выше: «Ля-а-а-а...»

— Я не могу... У меня горло болит, — соврал Кленов.

— Если болят связки, иди к Юлии Львовне, чтобы она отпустила тебя домой. Может быть, ангина — это опасно для класса. А если ты не болен, пой за мной.

Кленов беспомощно оглянулся и затынул:

— Ля-ля-ля...

— Наконец-то! — воскликнул Ефим Леонтьевич. — Вот сейчас я слышу естественный голос. Пожалуйста, оставайся на этой ноте. Ну-ка, скажи что-нибудь.

— А чего говорить? — своим обычным писклявым голосом спросил окончательно сбитый с толку Кленов. И весь класс так и грохнул.

— Ну вот, наконец-то я тебя дотянул до твоего нормального звучания! А ты хотел меня обмануть. Не надо! А теперь давай-ка заниматься. Я думаю, что каждый человек должен отлично знать, что было когда-то на той земле, где он сегодня живет и растет. Верно?

Неожиданно дернув головой, он судорожно передохнул, причем не то горло, не то губы его издали странный, хлюпающий звук. В классе насторожились, зашептались, обнаружив у нового учителя очень существенную странность, которую он умело скрывал до поры до времени: у него была всхлипывающая одышка. До этой минуты он как-то справлялся с нею, а сейчас, начиная уже самый урок, перейдя к любимому предмету, увлекшись с первого же мгновения, он, должно быть, перестал следить за собой.

— Верно, друзья? — переспросил учитель и глотнул воздух.

Сейчас же с той парты, где сидел Кленов со своим неразлучным приятелем Мишей

Донченко, откликнулись:

— Верно! Тлип-тлип!..

Учитель даже не взглянул в ту сторону. Он подошел к окну, поднял руку.

— Взгляните! Наша школа стоит на склоне горы, — он опять странно, с придыханием хлопнул, — горы Митридат...

— Мит-тлип-дат, — послышалось с парты Кленова. Ребята стали оборачиваться, поглядывая туда.

— А известно ли вам всем, что именно тут две с половиной тысячи лет назад был город Пантикапей, столица Боспорского царства? И отсюда понтийский царь Митридат VI Евпатор грозил всем окрестным владениям. Он вел войны с Римом, завоевывал земли... И когда его жестокости и неудачные войны с могучими римлянами привели к восстанию в Боспоре и его родной сын Фарнак ему изменил, он, по преданию, поднялся на гору и закололся мечом. Более точные сведения, правда, указывают, что он оказался не в состоянии убить себя сам, очень медлил, но копья врагов поторопили его.

Так легенда связывает эту вершину в вашем городе с именем жестокого и хищного владыки Боспорского царства. Мы с вами как-нибудь сходим в музей, в лапидарий, и посмотрим памятники этой эпохи. Ими интересовался еще Пушкин. Он был в Керчи 15 августа 1820 года. «Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапея», — писал поэт в своем дневнике. Он поднялся на вершину Митридата, сорвал цветок на память... Через десять лет поэт писал о Крыме в «Путешествии Онегина»:

Воображенью край священный:

С Атридом спорил там Пилад,

Там закололся Митридат...

Но знаете ли вы, — продолжал учитель, — что места эти издревле связаны со славой старинных русских мастеров, от которых и пошло название вашего города? Керчь!.. Вслушайтесь в это слово: «Керчь»! На древнерусском языке было слово «корчий», или «керчий». И обозначало оно — кузнец. Уже в самые давние времена здесь добывали железную руду и, по-видимому, на этих местах стояли кузницы, по-старинному — керчиницы. И славились тут своим искусством тавроскифские, а позже их потомки — древнерусские кузнецы — керчи, или корчии. Кстати, в древнерусских писаниях Керчь везде называется «Корчев», то есть город кузнецов — так сказать, Кузнецк. Интересно, друзья? — Учитель блестящими своими глазами обвел весь класс. — А я вам расскажу сейчас еще одну интересную вещь. Я вот как-то взял труды академика Васильевского, изданные Академией наук в 1908 году. Так знаете, что я там прочел? Вот был такой древний герой Ахиллес, непобедимый и неуязвимый. В следующий раз я принесу «Илиаду» Гомера и прочту вам о той, как хромой кузнец Гефест выковал непроницаемые доспехи для Ахиллеса. Так вот, академик Васильевский пишет, что на Керченском полуострове княжил когда-то Ахиллес и был он родом тавроскиф, и вот ему тавроскифские керчии и сковали знаменитые доспехи, каких не было ни у кого из ахейских вождей и троянцев...

Пока он говорил так, борясь со своей одышкой, зажигаясь сам и сумев уже увлечь часть класса, в отдаленном углу разрастался шум. Донченко и Кленов — сперва тихо, а потом смелее — все громче и громче передразнивали учителя. Только и слышалось: «Тлип-тлип... город Керчь... Тлип-тлип... Митридат...» Это постепенно заражало всех тем жестоким, ни в чем не считающимся весельем, которое иногда охватывает класс, и тогда ребята уже не в состоянии остановиться, хотя и сознают, что дело принимает самый дурной оборот. Так и сейчас — после каждой повторенной Донченко или Кленовым фразы все сильнее слышалось хихиканье. Сидевшие впереди уже не могли смотреть на учителя, а отворачивались или низко склонялись над партами. Володя тоже фыркал вместе со всеми, захваченный общим настроением. Напрасно староста класса — тоненькая и высокая Светлана Смирнова, дочка Юлии Львовны, — несколько раз привставала на своей парте и, вскинув маленькую свою

голову с разлетающимися золотистыми косами, грозно поглядывала в угол, где сидели проказники. Уже ничего не помогало.

— Новая прекрасная история пишется ныне у подножия горы Митридат, в вашем родном городе, друзья, — сказал учитель. — Глип, друзья! — повторило проказливое эхо.

И учитель внезапно замолк.

Он медленно подошел к своему столу, тяжело и шумно дыша, сложил журнал, поправил очки.

— Я давно все слышал, — очень тихо, низко гудящим своим голосом произнес он. — Я думал: ну побалуется — и надоест. Вы — дети тех, кто дал новую славу этим местам, вашему городу... Да, да, говорю как умею, как позволяет мне сердце... которое не совсем у меня в порядке. Я ничего не хочу добавить, я только скажу вам: мне стыдно за вас. Я заметил, я хорошо разглядел и запомнил тех, кто смеялся надо мной. Но я не хочу жаловаться на них. Не хочу даже знать, как их зовут. Но больше я с вами заниматься не буду. Я ухожу из вашего класса. Вы мне сделали очень больно. Прощайте!

И никто уже не посмел передразнить его. Все молчали, когда учитель с поникшей головой пошел к дверям. Он ступал сперва медленно, а потом вдруг как-то весь подался вперед, рванул дверь и исчез за ней в тишине пустого коридора.

Класс растерянно молчал, оцепенев сперва. Потом возник говор, все вскочили, зашумели — и опять разом стало тихо.

Вошла Юлия Львовна. Она вошла и остановилась у учительского стола. Тонкие, сухие черты ее лица еще больше заострились. Она не хмурила бровей, концы которых слегка вздрагивали, она смотрела на класс так же прямо и открыто, как всегда, только строгий рот ее был сжат плотнее, чем обычно, и в уголках ее залегли две маленькие резкие складки.

— Это правда? — спросила она. Класс молчал.

— Это правда, что вы гадко, постыдно обидели своего нового учителя? Ефим Леонтьевич не хотел мне говорить, но ему стало плохо... У него скверно с сердцем. Одышка от астмы... А это великолепный педагог, старый, заслуженный учитель. Он переехал на юг потому, что здоровье не позволяло ему оставаться на севере. Провожая его, ученики плакали. Его ученики завидуют вам, что вы можете учиться у такого замечательного педагога. А вы?.. Как вы встретили его?

Все молчали, стоя за своими партами, положив руки на края откинутых крышек.

— Кто затеял эту гадость? Вы не думайте, что я буду допытываться, Ефим Леонтьевич сказал, что не назовет зачинщиков, мне тоже неинтересно вылавливать их. Они должны сами найти в себе мужество и помочь классу смыть с себя это позорное пятно. Да-да! Пусть они выйдут сейчас и перед всем классом скажут мне, как могло это случиться! Я жду...

И Юлия Львовна зашла за стол и села в ожидании.

Но все стояли не шевелясь.

— Значит, те, кто затеял эту гадость, ко всему еще и трусы. Они надеются, что законы товарищества укроют их. Ну что ж, оставляю все это на совести класса. Очевидно, я ошиблась в вас. Должно быть, я занималась с вами плохо... Я попрошу директора освободить меня от вашего класса.

И она вышла — прямая, непреклонная. И, хотя в классе было около сорока мальчиков и девочек, всем вдруг показалось, что в классной комнате сделалось очень пусто.

Вскочила Светлана Смирнова, староста:

— Я вам делала знаки, а вы уж разошлись! Не остановить вас!.. А он так интересно про Керчь рассказывал...

— Они все время мешали, ничего не слышно было, — присоединилась к ней полная аккуратная девочка.

— По-моему, — продолжала Светлана, — надо Кленову и Донченко прямо пойти к Ефиму Леонтьевичу и извиниться перед ним. И Дубинину тоже. Он там рядом сидел, а вместо того чтобы остановить, сам первый смеяться стал. Ну и, конечно, весь класс тоже извиниться должен. По крайней мере, я, как староста... потому что не могла остановить. А

уж тебе, Дубинин, стыдно! Чуть что: «Мы пионеры», — а сегодня...

— А при чем тут Дубинин? — возмутился Володя. — Вот так уж сразу и Дубинин! Чуть что — всегда Дубинин виноват. Ты — староста, ты и отвечай. А то выбрали тебя, а ты моментально — Дубинин! Кленов начал, пусть он первый и извиняется. А я не дразнил.

— Ну, все равно — смеялся.

— Тебе хорошо, ты в другом конце сидишь! Ты бы вот села рядом, посмотрела бы, как Кленов-то обезьянничал, и на тебя бы смех напал.

А Донченко и Кленов, которых окружил весь класс, упрямо твердили:

— Посмеяться-то все рады, а чуть что — так на нас вали!

Да, скверная вышла история!

И теперь Володя тихо шел по улице, обдумывая все, что произошло. И что смешного он тут сам нашел? Как это его сумел рассмешить Кленов? Всегда он с ним ссорился, и до драки дело не раз доходило, а тут оказался невольно с ним заодно... И ведь что-то интересное начал рассказывать новый учитель. Послушать даже не дали... Опозорился класс!

Домой идти не хотелось. Володя спустился улицей ниже — школа находилась на горе, и даже двор ее был расположен террасами — «по долинам и по взгорьям», как шутили ребята, играя в войну между верхними и нижними дворами. Спустившись, Володя свернул на большую каменную лестницу, которая вела вниз, на Крестьянскую улицу... Он остановился и, хотя уже сотни раз видел надпись, вырезанную в камнях, прочел сегодня ее еще раз:

«Эта лестница сооружена в 1866 году иждивением керченского первой гильдии купеческого сына Василия Константинова».

Эх ты, купеческий сын Василий Константинов! Был ли ты когда-нибудь в такой трудном положении, в каком находился сейчас медленно спускающийся по этой лестнице моряцкий сын Владимир Дубинин?..

Володя прошел по широкой прямой улице Ленина и свернул на улицу Энгельса. У красивого здания новой гостиницы громко пели чижи в клетках, висевших над головой знакомого птицелова Кирилюка. Сюда часто приходил послушать чижей и поболтать с их хозяином Володя. Птицелов знал все городские новости. Вокруг него всегда собирались береговые друзья Володи.

— Ну, что ты такой скучный? Арифметика не выходит? — спросил Кирилюк.

— Да нет, какая тут арифметика! — сказал Володя, присаживаясь на тротуар. — Так, в классе у нас ерунда одна получилась...

— Подрался, что ли, с кем? Нет, личность у тебя вполне целая, без последствий.

— Да не подрался я совсем! Хуже...

— Ну-у? Выгнали, что ли?

— Выгнать не выгнали, да могут. Может, и следовало бы... Правда, я сам не виноват — я только потом уж смеяться стал, а начал-то не я...

И Володя рассказал своему старому приятелю, как было дело. Кирилюк только присвистнул. Чижи, обрадовавшись сигналу, тоже принялись свиреть.

— Цыма! — закричал на них Кирилюк, — Вашей музыки тут еще не хватало!.. Слушай, Вовка, а дело-то вроде и правда некрасивое. Это вы старика в корень обидели.

— Вот теперь что делать — и не знаю, — вздохнул Володя. — И сестра придет — дома наверняка нажалуется. А отец знаешь у меня какой...

— Да, уж мало тебе не будет, — согласился Кирилюк. — Ну, в случае чего, приходи ко мне ночевать, тогда и договоримся...

Володя побрел к морю. Оно встретило мальчика равнодушным шумом прибоя, который медленно накатывал слоистые валы и ворошил гремучую гальку за бетонным парапетом. По вечерам здесь, на набережной, бывало гулянье, а в этот час берег пустовал; и большие гипсовые львы, возле которых любили фотографироваться керчане, оскалили пасти, словно раздираемые зевотой от скуки. Володя перелез через парапет, пустил несколько плоских

камешков по воде так, чтобы они рикошетом несколько раз стегнули по поверхности. Он глубоко вздохнул, втягивая открытым ртом и ноздрями запах рыбы, моря. Ветер набился ему в рот так, что он чуть не задохнулся, даже слезы выступили на глазах. Тогда Володя повернулся к ветру боком, вытянул губы колечком, то сжимая его, то расширяя. И ветер сам громко сказал у его рта: «Уо-уо-уоу!..» Но сегодня и это занятие не развлекало Володю. Он медленно повернулся спиной к ветру и пошел обратно.

Надо было возвращаться домой.

Увидев, что на Володе нет галстука, Евдокия Тимофеевна сразу поняла, что приключилась какая-то беда.

— Ну, выкладывай, чем отличился? — спросила она.

— А Валентина еще не приходила?

— Нет, задержалась что-то.

«Наверное, уже знает, придет сейчас, растрезвонит!» — подумал про себя Володя.

— Ну, что у тебя вышло-то? — допытывалась мать.

— Да ничего не вышло.

— А почему галстук снял?

— Снял, и все.

Мать не стала более допытываться. Она знала, что бесполезно. Володя врать не станет — он никогда не врал уж из одной только гордости. Придет час — сам все скажет. И она оставила сына в покое.

Оставшись один, Володя подошел сперва к этажерке, где стояли книги отца. Возможно, что в этих книгах, за толстыми переплетами и корешками, на которых стояли имена великих людей, все понимавших на свете и век свой посвятивших тому, чтобы людям жилось хорошо, по правде и справедливости, — возможно, что в книгах этих где-то имелся мудрый, дельный совет, как быть пионеру, оказавшемуся в таком некрасивом положении. Но в последнее время Володя уже научился по-настоящему уважать книги и не хватался за них без разбору и спросу. Да и на какой странице искать то, что нужно?.. Он осторожно провел рукой по выпуклым корешкам, пожалел, что не дорос он еще до таких книг, и пошел к своему столу. Не радовали его в этот день ни модель новенького линкора, почти уже законченная; ни новая летающая вертушка, которую можно было пускать со шпильки; ни портрет Спартака в полном облачении гладиатора, совсем готовый — оставалось только красным карандашом закрасить пурпурный плащ на латах вождя восставших рабов...

Нет, не такие, должно быть, люди плавали на линкорах, поднимались в небо и водили людей на битвы за свободу. Никогда бы ни Спартак, ни Чапаев, ни Чкалов не поступили подобно пионеру Дубинину, очутившись в таком положении!

Володя послушался по комнате; мать из кухни слышала, как он включил радио и тотчас же вытащил вилку из штепселя обратно: радио в зале умолкло. Евдокия Тимофеевна знала, как Володя любит послушать хорошую музыку. Она вдруг вспомнила, как, бывало, маленьким он прибежал на кухню и тащил мать за юбку: «Мама, идем в залу, там радио хорошо играет, мое любимое — „Матрос Железняк“. Я нарочно выключил, чтобы без тебя все не сыграли...» А когда наконец мать, уступая ему, шла за ним в залу и он вставал на стул, чтобы включить в штепсель вилку репродуктора, — оказывалось, что передают уже совсем другую песню. Он огорчался, малыш, ему казалось, что если он вытянет вилку из штепселя, то песня не вытечет вся из репродуктора...

«Видно, сильно чем-то расстроился — и радио слушать не хочет», — подумала мать.

Вскоре пришла из школы Валентина. Володя слышал, как мать спросила ее о чем-то шепотом и Валентина также шепотом ответила, а потом неуверенно вошла в залу.

— Дома уже? — спросила она.

Володя взглянул на нее и увидел, что она все знает.

— Ну что? Нажаловалась уже?

Сестра плотно закрыла за собой дверь, которая вела в коридор.

— Володя, можно мне с тобой поговорить?.. Только так, знаешь, как вот мне приходится... бывает... с пионерами на сборе говорить.

— Пожалуйста, говори, как хочешь.

— Слушай, Володя... У меня нет никакой охоты скандалить с тобой. Я, правда, Володя, с тобой хочу по серьезному... Все-таки я ведь уже комсомолка, ты — пионер; если ты меня за старшую сестру не хочешь признавать, то как-никак я по общественной линии старше тебя...

Володя не выносил, когда с ним разговаривали свысока, он не терпел окрика, на малейшую грубость отвечал еще большей резкостью. Но он чувствовал себя совершенно беспомощным, когда с ним говорили внимательно, терпеливо, мягко — словом, по-хорошему. И сейчас он молча стоял у своего стола, вертя в руках незаконченную модель линкора. Он уже мечтал, чтобы сестра сказала что-нибудь обидное, тогда бы он мог разом прекратить этот нудный разговор. Но Валентина — ох, хитрая! — продолжала говорить таким убитым голосом, что он никак не мог оборвать ее.

— Ты, верно, думаешь, что я уже пожаловалась кому-нибудь?

— А то нет?

— Конечно, нет, Володя. Ну что толку будет, если я пожалуюсь, а мама огорчится да скажет папе? И будет тебе нагоняй. Я думала, Володя, ты сам поймешь...

— А я что — не понимаю?

— Ну, если понимаешь, тогда тебя и учить нечего. Она подошла к нему совсем близко, села на край стола.

— Не рассаживайся... Видишь, у меня тут разложено, — больше для порядка, чем из желания как-нибудь поставить сестру на место, проворчал Володя. — Ну что ты на меня так уставилась?

Он отвернулся.

— Вовка... ну правда же, не время сейчас нам ссориться с тобой. Оба не маленькие уже. Я сама расстроилась, как узнала. Мне ваши пионеры рассказали. Я знаю, что не ты первый затеял, а все же и ты виноват. Верно?

Володя беспомощно вскинул глаза на сестру:

— Здоровая ты, Валентина, выросла, а ничего не понимаешь! Что я, боюсь, думаешь? Мне пойти самому ничего не стоит. А ведь станут спрашивать, кто первый. Что же мне, по-твоему, выдавать их?

По лестнице застучали когтями собачьи лапы, из кухни послышалось просительное повизгивание Бобика, который вернулся из рейса проголодавшимся и, должно быть, прибежал домой раньше хозяина. Потом донесся голос отца. Слышно было, что мать что-то тихо говорила ему. Дверь открылась, и отец, неся на руке брезентовый плащ, вошел в залу. Он был в высоких рыбацких сапогах, в толстом суконном бушлате, форменной фуражке моряка торгового флота. Лицо у него было красное, обветренное.

— Здравствуй, Валя! Здорово, Вовка! — поздоровался он с ребятами и сел на диван, стаскивая с себя тяжелые сапоги. — Валенька, дай, будь добра, шлепанцы. Вон я их в том углу оставил... Ну, чего вы оба такие? Случилось что? В чем дело, Валентина? — Он переводил внимательный взгляд с лица дочери на расстроенную физиономию сына, вглядываясь в обоих. — Володька, почему галстук из кармана торчит? Место ему там? Если снял дома, повесь аккуратненько. А это что за мода, в каком это уставе сказано, чтобы пионерская душа из кармана выглядывала?

Валентина, вся краснея, не зная, куда девать руки, схватила со стола какую-то книгу и сделала вид, что углубилась в чтение.

— Ты бы, милая, на голову встала, а то ведь не разберешь ничего, — хмуро усмехнулся отец. — Либо уж книжку переверни, а то держишь ее вверх ногами... Да что у вас, в самом деле, такое приключилось? Владимир, я тебя спрашиваю. Можешь мне ответить?

— Могу, — сказал Володя.

И Валя с грохотом уронила книгу на пол.

Никифор Семенович внимательно приглядывался к побледневшему лицу сына. Володя заметно волновался и теребил пальцами край курточки.

— Ну, выкладывай живей, что там у тебя? Выгнали, что ли?

— Нет, папа... Ничего особенного, вообще-то... Но мне надо с тобой посоветоваться... Мне надо с тобой... ну все равно что по партийному делу посоветоваться.

— По партийному? — удивился отец. — Ты, брат, этим словом поосторожней орудуй. Что это значит; по партийному?

— Я хочу, чтобы ты мне... вот как коммунист... прямо так и сказал. У нас сегодня в классе, понимаешь, что вышло... нечаянно...

И Володя, чуть не плача, рассказал обо всем отцу, а Валентина стояла, прижимая к себе поднятую книгу, ни жива ни мертва и с ужасом подумала о том, что сейчас произойдет.

Отец, надевавший в это время на уставшие ноги войлочные покойные туфли, медленно разогнулся. Лицо у него было багровое. И Володя тоже порядком перетрусил.

— Все? — спросил отец.

— Все, — еле слышно заключил Володя.

— Дай, там кисет на столе лежит... Ну, кисет, кисет, говорю, дай!

Володя метнулся к столу, подал отцу кисет.

Отец развязал мешочек, сунул туда руку с короткой капитанской трубочкой, пошарил ею там, вытащил, отряхнул, вставил обкусанным, порыжевшим мундштуком в рот, крепко стиснул белыми, чистыми зубами, которых не брал обычный для курильщиков налет, вынул зажигалку, чиркнул, шумно выпустил огромное облако дыма. Потом он помахал рукой и развеял дым.

— Ну что ж, будем разговаривать. Партийный разговор, говоришь, хотел? Что же, может быть, нам и Валентину отсюда попросить, или уж позволишь ей, как члену ВЛКСМ, остаться?.. Так, юный пионер! Интересно ты поступаешь! — Он развел руками, коротко качнул головой. — Громко говорить полюбил, слова всякие знаешь, швыряться ими себе позволяешь. «Партийный разговор»! — сердито повторил он. — Да как у тебя совести хватает после того, что ты в классе натворил, мне эти слова говорить? А?

Отец загремел так, что на раскаты его капитанского голоса прибежала с миской и полотенцем в руках мать и встала у дверей.

— Нет, Дуся, — продолжал отец, — нет, ты слышала, сынок-то наш отличается! Ему, видишь ты, разговор учителя не таким показался, как требуется. Учитель им про родные края говорить стал, и про старые времена, и про все, что нам вот этим горбом досталось, — отец кулаком ударил себе сзади по шее, — и про то, что кровью нашей мы добыли и отстояли... Сорванцы, хулиганье, попугайничать стали, а наш-то умник вместе с ними — хи-хи да ха-ха! Не то чтоб оборвать безобразников — с ними же заодно!

— Папа, не я же начал... я же только...

— Молчи! Если ты хороший пионер — за честь всего класса отвечаешь... Нет, Дуся, ты обрати внимание. Он, видишь ли, объясняет, что, мол, у учителя выговор смешной, с придыханием... А ну дай сейчас же твою тетрадку по русскому языку. Вот тут что написано? «Тетрадь по русскому языку ученика 4-го класса Дубинина Владимира». И вот гордится этот Дубинин Владимир, что он гладко говорит, а пишет по-русски с ошибками. Вот, пожалуйста, диктант. «Удивляется» написано, а оказывается, тут мягкий знак требуется. Вот видишь, красным подчеркнуто. А тут «мальчишка» написано, после «ш» мягкий знак поставлен, а его тут и не надо вовсе! Зачеркнула учительница. Как же ты, неуч неграмотный, смеешь над учителем смеяться, над образованным человеком, который в тысячу раз больше тебя знает? К чему вы там придрались у него? А?..

Отец встал, прошелся по комнате, выстукал трубку о тяжелую корабельную пепельницу.

— Вот Алексей Максимович Горький, когда мы были у него в Сорренто... Помнишь, Володя, я тебе рассказывал, когда я на «Незаможнике» служил и мы в двадцать пятом году в

Италию ходили...

Володя перевел дух. Он уже много раз слышал от отца рассказ о встрече с Горьким в Италии, куда отец ходил на миноносце. Никифор Семенович любил вспоминать про эту встречу, про то, как радушно принял их великий писатель, как запросто разговаривал он с молодыми моряками на своей даче. И то, что отец нечаянно вспомнил сейчас про большой день, который бережно хранила его память, уже предвещало благоприятный поворот в разговоре.

— Максим Горький нам тогда, когда мы про культуру с ним говорили, что сказал? — продолжал отец. — Он нам тогда так сказал: «От хулиганства до фашизма расстояние, говорит, короче воробьиного носа». Он тогда нас учил, как надо человека уважать. «Человек, говорит, великий творец, и ему поклоняюсь». Рассказал нам тогда Алексей Максимович случай один из детства своего: как он мальчишкой любил камешками фонари бить на улице. Звон ему, видишь, нравился. А вот раз поймал его ламповщик да, вместо того чтобы по шее наложить, как следовало бы, рассказал о стекле, как его дыханием своим стеклодувы на заводе из горячего варева выдували и легкие у человека гибли, тратились вконец. «Вот, — говорит ламповщик тот, — дыхание свое человек и труд положил, а ты — камнем!.. «Вот, Вовка, хочу, чтобы ты человека уважать учился, каждое дыхание его берег, Все я понятно говорю?»

— Все.

— Ну хоть пробрало тебя как следует? — уже добродушно осведомился отец и вытер платком рот, чтобы скрыть улыбку. — Да, погорячился немножко... Очень ты меня, Вова, расстроил. Ну, а как же исправлять решаешь?

— Я сам не знаю... Я бы, папа, пошел, да ведь выпытывать начнут, кто первый зачинщик был. А я их выдавать не хочу.

— Это ты правильно, — неожиданно для Володи согласился отец. — Нафискалить — не велика доблесть.

— Ну, так я скажу, что я сам начал.

— И за то не похвалю. Это уж, понимаешь, постный разговор, церковное покаяние, мученический венец. Не по-нашему получается, Владимир. Чужую вину к своей прибавлять не надо; и своя хороша. Вот товарищам своим так всю суть объяснить, чтобы они вместе с тобой пошли, чтобы они всю пакость захотели с плеч сбросить, перед учителем начистоту повиниться, — вот это было бы дело. Это — другой разговор, это уж будет по-пионерски.

— А если они не захотят?

— Если не захотят, тогда ставь вопрос перед всем классом. Пусть коллектив ваш воздействует. И сам перед классом полностью свою вину признай. Вот если уж и тогда артачиться станут, если им всего класса честь не дорога, свое трусливое копеечное самолюбие дороже, чем общая добрая слава, — тогда уж решайте всем классом: сказать вам про них директору или нет; а самому, конечно, первым бежать на других ябедничать — это дело не шибко доблестное. Да я уверен, что ты на них воздействуешь. Ведь они тоже, верно, по глупости больше, чем со зла.

Володя вскочил, кинулся к пальто, нахлобучил кепку.

— Куда ты? — всполошилась мать. — Поздно уж, темно на улице.

— Верно, погоди, куда ты? — спросил и отец.

— Воздействовать! — отвечал Володя и показал свой небольшой, но крепкий кулак. — На Донченко-то я сразу воздействую, а вот Кленов здоровый. Ну ничего, я сперва на Донченко повлияю, а уж потом мы с ним вместе за Кленова возьмемся.

Как воздействовал на своих товарищей Володя Дубинин, какие доводы привел он, что за методы применил в тот вечер, когда вызвал на улицу Мишу Донченко, а потом после небольшого препирательства во дворе отправился с ним к Димке Кленову, — все это так и осталось неизвестным. Никаких подробностей сообщить мы вам об этом не можем, но зато можем рассказать, что произошло дальше.

Было уже очень поздно, и Юлия Львовна, закончив читать последнюю письменную

классную работу, сложила на своем столе аккуратной стопочкой голубые и желтые тетрадки. Она потерла кулаками усталые, покрасневшие глаза, хотела встать от стола, но опять задумалась, вспоминая тяжелую утреннюю историю в классе. Светлана уже собиралась спать и пошла на кухню умыться на ночь; и тут Юлия Львовна услышала, что она тихо переговаривается с кем-то на кухне. Там шептались:

— Ты ей скажи только... Скажи, что мы пришли...

— Да что вы в такую позднотищу? Она вас погонит сейчас... Она устала, расстроенная...

— А ты только скажи ей!

— Светлана! — позвала Юлия Львовна. — С кем это ты там?

Светлана вбежала в комнату. Она была вся красная от смущения, но лицо ее выражало плохо скрываемую радость.

— Мама! Там наши мальчишки — Кленов, Донченко и... Дубинин с ними.

— Ну, что такое, что за время для разговоров? — проговорила Юлия Львовна и медленно пошла на кухню, прямая, спокойная, как всегда, словно входила «на не в маленькую кухню при школьной квартире, а в актовый зал. Такой, по крайней мере, показалась она всем трем приятелям, которые не могли слышать, как радостно бьется сердце учительницы, так много пережившее в этот день.

Все трое стояли у входной двери, сняв шапки с повинных голов. Володя искоса грозно взглянул на двух своих спутников, старавшихся все время оказаться за его спиной.

— Добрый вечер, Юлия Львовна! — проговорил Володя и с неудовольствием поглядел на Светлану, которая стояла в дверях и была тут совершенно ни к чему. В то же время он успел локтем больно ткнуть уже скрывшегося было за ним Донченко. Тот, в свою очередь, двинул коленом Кленова, жавшегося к нему.

— Добрый вечер, Юлия Львовна! — сказали оба провинившихся.

— Здравствуйте, — отвечала Юлия Львовна. — Что это вы вздумали так поздно, на ночь глядя?

— Да, поздно, — пробормотал Володя. — На них скоро не воздействуешь... Ну, говорите, как обещали. Все уж говорите, чего там...

Он решительно повернулся к своим спутникам.

— Юлия Львовна... — начал Донченко.

— Юлия Львовна, — заторопился Кленов, — вот мы все — Миша Донченко, и я, и Володя...

— Обо мне можешь не говорить, я сам, — остановил его Володя.

— Юлия Львовна, — сказал Кленов и толкнул вперед Донченко, — мы просим у вас прощения. Это я первый начал, я больше не буду.

— А потом я уж... — тихо добавил Донченко.

— А я, вместо того чтобы на них воздействовать, сам начал смеяться... потому тоже виноватый. Я, Юлия Львовна, вовсе не отпираюсь. И мы решили сейчас пойти сперва к вам, а потом прямо к Ефиму Леонтьевичу... Только мы не знаем, где он живет.

— Ефим Леонтьевич очень плохо себя чувствует после сегодняшнего. Он больной человек, — сказала Юлия Львовна. — Я думаю, он уже лег. Сейчас я пойду постучусь к нему.

Все трое невольно попятнулись к дверям.

— А разве он тут?..

— Да. Ефим Леонтьевич пока что остановился в нашем общежитии, ему дали комнату. На днях ему обещали квартиру от горсовета. Только вряд ли она ему понадобится, потому что он как будто собирается уехать из Керчи.

Мальчишки переглянулись в смутении.

— Может, еще останется?.. — нерешительно спросил Володя.

— Мы его попросим, — подхватил Кленов.

— Вытрите ноги и проходите ко мне, а я сейчас погляжу: может быть, он еще не спит.

— А вы уже сами нас простили? — решил уточнить Володя.

Юлия Львовна пожала прямыми плечами:

— Ну, это там видно будет, это теперь все зависит от Ефима Леонтьевича: если он согласится простить вас, тогда уж и мне придется.

Она вышла из кухни, проводила мальчиков к себе. Светлана подставила ребятам стулья, а сама встала в сторонке, у стола, где лежали сложенные классные тетрадки.

— Поди, все отметки подсматриваешь? — съехидничал Володя. — Хорошо, когда мать учительница!

— Как тебе не стыдно, Дубинин! — возмутилась Светлана. — Ты что, маму не знаешь? Она ко мне еще строже, чем ко всем, и дома ни одной тетрадки не показывает.

За дверью слышались шаги, мальчики вытянулись, вскочив со стульев.

— Вот пожалуйста, Ефим Леонтьевич, — сказала учительница за дверью, распахнула ее и пропустила вперед Ефима Леонтьевича.

Ребята робко взглянули на учителя. Он был в том же пиджаке, что и утром, но, должно быть, без воротничка, потому что левой рукой придерживал на груди поднятый отворот.

Ребятам показалось, что Ефим Леонтьевич очень оброс за день — так потемнели его щеки, и глаза под очками были красные, словно обожженные.

— Здравствуйте. Вы ко мне? Что скажете? — тихо спросил учитель.

И Володя, став прямо перед ним, отвечал:

— Ефим Леонтьевич, пожалуйста, простите нас!

— А разве ты у них главный? — удивился учитель, вглядываясь в лицо Володи.

— Нет... Я весь день все думал. Я и папе все сказал, а он говорит: иди прямо и воздействуй. Я вот на них воздействовал, и они тоже теперь... Ну, говорите, что же вы молчите!

— Это я передразнивал, — еле слышно признался Кленов.

И опять Донченко тихо добавил:

— И я немного тоже...

— А я... — сказал Володя, — я тогда на них не повлиял, а стал сам... Моя фамилия Дубинин Владимир, — неожиданно закончил он и поднял голову, прямо глядя в лицо учителя. — И мы вас очень просим, чтобы вы с нами занимались по истории!

Ефим Леонтьевич беспомощно развел руками. Пиджак на груди у него раскрылся, обнажив что-то привязанное полотенцем — круглое, красное, булькнувшее водой. Поймав удивленный взгляд ребят, Ефим Леонтьевич обеими руками запахнул пиджак и извиняющимся голосом забасил:

— Это пузырь у меня тут с холодной водой. Сердце у меня, ребята, немного пошаливает, горячее чересчур... Вот я его и решил остудить. А теперь уж не надо! — И он словно из груди вырвал пузырь и отбросил его на стул. — Я, ребята, из той породы чудаков, о которых один поэт сказал: «Извиниться перед таким — значит стать его лучшим другом...» Ну, вообще-то пустяки. Раз, говорите, заниматься — так все в порядке. Будем заниматься, друзья.

— А в музей ходим? В лапидарий, на Митридат пойдём? — осторожно поинтересовался Володя.

— И в лапидарий пойдём, и на Митридат пойдём, и все облазим, и все будет хорошо. Верно, друзья?

И мальчики вместе со Светланой восторженно, раскатисто гаркнули:

— Верно!

Едва очутившись в темном дворе, друзья принялись от радости колотить друг друга и толкаться, а потом, обнявшись, плечом к плечу зашагали вниз по крутым темным улицам, распевая во всю глотку песню из кинокартины, которую они видели только в прошлое воскресенье:

Три танкиста, три веселых друга —

Экипаж машины боевой...

Дома уже начали беспокоиться, когда на лестнице закрипели перила, хватаясь за которые Володя в три приема перемахнул через все ступеньки, и вот он сам появился в зале с довольной, улыбающейся физиономией.

— Ну? — спросил отец, загоразивая ладонью, как щитком, глаза от стоявшей возле него настольной лампы. — Грех с души, душа на место?

Володя уже расстегнул пальтишко: под ним алел пионерский галстук.

Глава VII Научная экспедиция

Это случилось вскоре после того, как Ефим Леонтьевич выполнил свое обещание и сводил весь класс в лапидарий.

Удивительные вещи открылись перед маленькими экскурсантами во время посещения музея. Прежде всего оказалось, что название «лапидарий» происходит от слова «ляпис», что по-латыни обозначает «камень». Поразительное дело: сколько раз Володя и его товарищи лазили по склонам Митридата, видели серые рубчатые колонны музея, иногда, разглядывая картинки в учебнике старших классов, находили на страницах изображения зданий с такими же колоннами и удивлялись, сколько везде было лапидариев. А оказалось, что музей в их городе по архитектуре своей скопирован со старинного греческого храма Тезея и внутри него хранятся источенные временем каменные плиты, надгробия, драгоценные для ученых, знаменитые на весь мир.

Самые озорные притихли, когда Ефим Леонтьевич вместе с руководителем музея — смуглым и светлоглазым человеком с седыми, коротко подстриженными усиками — повел ребят мимо монументов, гробниц, каменных ванн и плит, огромных кувшинов — амфор и пифосов, внутри которых можно было бы поместиться целому пионерскому звену. И странно было думать, что все эти вещи сделаны руками людей, которые жили тут же две с лишним тысячи лет назад. Диковинные украшения, искусно вырезанные на камне цветы, узоры, боги, галеры, изображения грифонов (львов с орлиными головами), фигуры воинов, угловатые греческие буквы, обломки каменных скамей — все это хранило следы давно прошедших веков, когда Керчь была еще Пантикапеем, а Камыш-Бурун звался очень смешно — Дия-Тиритака. Но и тогда, в те далекие времена, в каменоломнях добывался светлый ракушечник, и из него строили города, дома и храмы. Из того же камня и теперь был выстроен город.

Володя осторожно обходил ноздреватые полустершиеся камни, каждый из которых имел свою тысячелетнюю историю, а Ефим Леонтьевич рассказывал о древних войнах, от которых дрожали камни Пантикапея, о жестоком царе Митридате, имя которого приняла гора, где теперь стоял музей. Рассказал Ефим Леонтьевич о солнцеголовом Савмаке — отважном вожде восставших в Пантикапее скифских рабов, которые сделали его, тоже раба, своим царем. Держава Савмака простиралась почти на весь Босфор, но Савмак пал в неравной борьбе с Митридатом.

Володя сразу возненавидел Митридата... Но тут он узнал, что почти в те же годы один из римских полководцев, которые назначались сенатом Рима для борьбы со Спартаксом, не мог прибыть по назначению, потому что воевал с Митридатом. После этого Володя кое-что простил владыке Боспорского царства, который хоть немножко помешал римлянам в борьбе со Спартаксом.

Так открывались в мире какие-то ошеломляющие связи, о которых Володя даже и не подозревал раньше, как ни задумывался он, когда был совсем маленьким, над связью, что существовала между градусником в детском саду и пометкой отца в каменоломнях...

Глядя на высеченные в камне буквы, Володя опять вспоминал про закрытое теперь подземелье, где осталась на камне памятка, вырезанная отцом в дни его славной молодости. «Вот так когда-нибудь тоже вырежут тот камень, положат в лапидарии, придут люди и

прочтут: „Н. Дубинин, И. Гриценко, 1919“. И увидят люди звезду о пяти концах. И поймут, какие храбрецы бились в камнях в 1919 году нашей эры...»

Володе понравилось, что сотрудник музея говорил о прошлом так, будто он сам только что был во владениях Митридата, беседовал с рабами, пробовал вино из амфор, зажигал светильники, присутствовал при ссоре Митридата с сыном...

И хотя на сотруднике музея была серая толстовка, из кармана которой торчал карандаш, а на ногах сандалии «Скорород», верилось, что он бы не заблудился на улицах Пантикапея и в случае чего дотолковался бы с древними, и Савмак или сам Спартак приняли бы его как своего человека. А когда он рассказал, что высокое плоскогорье и гребень холмов, начинающийся вершиной Митридата, тянутся до самой Феодосии, где сейчас идут раскопки, Володя сразу решил, что необходимо посмотреть и эти раскопки, и где кончается гребень, идущий от Митридата. Однако когда он сказал об этом Ефиму Леонтьевичу, тот объяснил, что поездка такая — дело хлопотливое, отнимет немало времени, и если уж предпринимать ее, то разве только в дни каникул. Да и надо еще сначала кое-что пройти в классе по учебнику, прежде чем пускаться в археологию.

Но Володя не любил откладывать исполнение своих замыслов надолго. Через день у него дома состоялось совещание с Мишей Донченко и Аркашей Кругликовым. Донченко «огласился сразу, услышав план Володи, но тихонький Кругликов стал говорить, что ему потом влетит дома. Кроме того, ни у него, ни у Донченко не было денег на поездку.

— Эх, люди вы! — рассердился Володя. — Люди для науки ничего не жалели, а вы... «дома влетит, денег нет!» Скопидомы!.. Ладно, я вас везу.

— Как так — везешь?

— Очень просто. На свой счет.

Володя подошел к своему столу и снял с него гипсовую копилку, отлитую в форме зайчика. Копилку эту подарила Володе Алевтина Марковна при его поступлении в школу, когда она ему пожелала «громких успехов, тихого поведения, сундук денег, золотой берег, сто рублей на мелкие расходы». Тогда же она взяла с Володи слово, что он будет терпеливо копить деньги, бережно хранить копилку и не отобьет доньшко раньше чем через три года.

Володя поднес копилку к уху и потряс ею. В зайчике зазвенело, забренчало, затукало.

— Слышали?

И мальчики долго трясли копилку, по очереди припадая к ней ухом, чтобы убедиться, как велик капитал, бренчавший в зайчике.

— Я даже и сам не знаю, сколько у меня там. Я хотел на часы накопить к тому году. Ну, раз решил — не жалко.

— Володя, может, не стоит? — попытался остановить его Аркаша Кругликов. Самовольная экскурсия в Феодосию не слишком его радовала. Дома Аркашу держали строго. Но авторитет Володи был для него тоже непререкаем.

Более спокойный и расчетливый Донченко с недоверием прислушивался к бренчанию копилки. Он знал, что Володя всегда готов по первой же просьбе дать «насовсем» карандаш, краски, одолжить буравчик, снабдить товарища гвоздями, шпагатом. И все-таки ему казалось невероятным, чтобы человек просто так, ради чистой науки, отдал все свое состояние, накопленное, должно быть, путем лишений и отказа себе во всем, даже в мороженом...

— И не жалко тебе? — спросил он.

— А чего жалеть?

Володя поднял зайчика, перевернул его вниз ушами, схватил молоток со стола и ударил по задку. Плоское гипсовое дно копилки сразу зазяло черным отверстием. Володя перевернул зайца, и на стол посыпались медяки и серебро — все бренчащее, сверкающее содержимое копилки.

— Вот другой разговор! — обрадовался Володя. — А то я пробовал через щелочку добывать — уж и проволокой доставал и вытряхал... Ну, иногда выскочит гривенник — и все. А тут, по крайней мере, разом.

Все трое склонились над Володиным богатством. Принялись пересчитывать.

Оказалось, что Володя накопил, начиная с первого класса, шестьдесят один рубль тридцать пять копеек.

— Живем! — торжествовал Володя. — За такие деньги в Москву съездить можно, не только в Феодосию. Верно?

Решено было, что в ближайшее воскресенье Володя поедет в Старый Карантин, отпросится из дому к ребятам, а те скажут, что идут к нему, и все вместе отправятся на вокзал, а оттуда поездом в Феодосию, чтобы посмотреть, как выглядит Митридат с той стороны.

Сделали так, как задумали. В воскресенье Володя отправился пораньше на вокзал и купил на свои собственные деньги три билета до Феодосии. Потом он стал ждать Донченко и Кругликова на условленном месте. Ребят долго не было, и Володя уже стал беспокоиться — не помешало ли им что-нибудь. Он вышел к подъезду, чтобы посмотреть, не идут ли товарищи, и наткнулся прямо на Алевтину Марковну.

— Вовочка! Ты зачем тут! — удивилась соседка.

— Да тут по одному делу...

— Ах, скажите, какие уже секреты! Я вижу, ты все ходишь, на часы поглядываешь. Кому это ты свидание назначил?

А Донченко и Кругликов уже стояли в стороне и делали знаки, торопя Володю, подзывая его к себе. С перрона донесся пресный, словно слежавшийся между двумя жестянками голос репродуктора: «Поезд на Феодосию отправляется со второго пути через три минуты...»

— Ну, счастливо вам, Алевтина Марковна! — выдавил из себя Володя. — Я пошел, а то ждут меня...

Алевтина Марковна, несмотря на свою толщину, с необыкновенной быстротой стала оглядываться по сторонам:

— Где? Кто? Кого ждешь, кто ждет?..

— Едем, что ли, Вовка! — закричал простодушный Донченко. — Что ты там встал, поезд сейчас отойдет!

— Поезд? Какой поезд? Ты куда это собрался, Вова? А мне ничего не известно!..

Видя, что от нее не отделаться, Володя отрезал:

— Чего вы удивляетесь? У нас историческая экскурсия. Мы едем в научную экспедицию. На раскопки... Вот Миша, Аркаша и я.

— Впервые слышу! Странно, живу за стенкой и ничего не знаю. Очень интересно! Мама, надеюсь знает?

— Ну, ясно, знает, — отчеканил Володя. — До свиданья, Алевтина Марковна!

— Стой, стой, Вова!.. По глазам вижу, что врешь!

Уже отбежавший было Володя обернулся и медленно подошел к Алевтине Марковне. Маленький, с огромными сверкающими глазами, презрительно выпятив пухлую нижнюю губу, он стоял перед дородной соседкой, поглядывая на нее так, как будто смотрел не снизу вверх, а по крайней мере с высоты Митридата.

— Вы, по-моему, знаете уже, Алевтина Марковна, что я никогда не вру. Раз я сказал, что мама знает, значит, так и есть. Всего вам!..

И, резко повернувшись на месте, Володя побежал к своим друзьям.

А паровоз уже рывкнул, шумно задышал, словно наспех заучивал: «У!.. Эф!.. Ха!.. Це! Че! Ша! Ща!.. «Потом затопал на месте всеми колесами, шваркнул по перрону струей пара, поднатужился, вагоны передали что-то друг другу — и поезд тронулся. Мальчишки едва успели вскочить в последний вагон.

— Билеты у вас есть? — спросил проводник в тамбуре.

Володя торжественно предъявил три твердых картонных билета с красным просветом посередине и круглой дырочкой в центре.

Мальчишки долго разглядывали билеты, смотрели их на свет, читая буквы и цифры, пробитые компостером.

— Тебе правильно дали? — беспокоился Донченко.

— Уж можешь не беспокоиться. Что я, в первый раз, что ли? Я уж и в Москве был и в Мурманске.

Хотя Володя и держался начальнически, на душе у него было беспокойно. Во-первых, еще как все это пройдет дома? Хорошо, что хоть отец ушел на два дня в рейс... А во-вторых, кто знает... может быть, его надули с билетами; видят, что парень собрал одну медяшку... Кассирша и так ругалась, пересчитывая деньги. Может быть, взяла да и подсунула старые билеты? И Володя с беспокойством ждал контроля. Но контроль не шел; а поезд уже обогнул возвышенность, примыкающую к Митридату, и, весело виляя коротким составом из маленьких вагончиков, несся по направлению к Феодосии. Паровоз шикал на зазевавшихся ворон, обиженно отлетавших в сторону, и вываливал на холмы пышный, скручивающийся жгутом дым...

В вагоне нашлось два места у окна. Их заняли Володя и Миша, а Кругликов, повиснув на плече у Володи и вытянув шею, тоже принял участие в обозрении окрестностей, проносившихся за мутным стеклом вагона.

Слева, за вагонным окном, тянулась цепь холмов. Это была, как рассказал на днях Ефим Леонтьевич, гряда древних курганов числом около ста, тянущихся от Митридата до самой Феодосии. Володя, щеголяя своей памятью, указывал наобум:

— Вот этот, видишь, плоский?.. Кресло Митридата называется... А там — Золотой курган, потому что там золото зарыто было... А вон виднеется Сахарная голова...

— А там что, сахар был, в голове этой? — спросил Донченко. Его уже разморило, и он клевал носом, стучаясь лбом в стекло.

— А у тебя, видно, мякина в голове! — сказал Володя. — Ну, чего разевался, как скумбрия!

— Спать мне чего-то охота...

— «Мене-тебе»! — передразнил его Володя. — Только сел в поезд и уж на бок валится. А еще место у окна занял! А ну отсюда! Дай человеку, который интересуется, посмотреть!.. Садись сюда, Аркаша, поменяйся с ним.

Донченко пересел на место Аркадия и через минуту, грузно привалившись к Володе и притиснув его к самому окну, блаженно засопел. Володя раз-другой двинул его плечом, но Донченко, откачнувшись, тотчас же снова приваливался к нему. В конце концов Володе надоело это, в он смирился: ничего не поделаешь, начальнику научной экспедиции, вероятно, придется терпеть и не такое еще. Но, как известно, зевота — вещь очень заразительная. Сонное настроение постепенно охватывало и Володю, тем более что ночь он спал дурно. Теперь его тоже начала одолевать дремота. Он долго боролся с ней, уже два раза стукнулся больно носом в холодное стекло, испуганно поглядел на Кругликова, который сидел напротив, но тот уже давно откинулся в угол и спал, широко открыв рот. Володя нахмурился, поглядел на стриженую макушку Донченко и сам привалился к его голове...

Он вскочил как встрепанный, когда услышал над своим ухом:

— А ваши билеты?..

... А между тем Алевтина Марковна, предвкушая, как она наконец уличит этого вруна Вовку, этого несносного мальчишку, в бессовестной лжи, изобличит его и выведет на чистую воду, поднималась по лестнице. Евдокия Тимофеевна, только что вернувшаяся домой с рыбного базара, еще издали услышала раскаты ее контральто:

— Евдокия Тимофеевна, душенька, вы только не волнуйтесь... Я вам должна такое сообщить!.. Ваш-то негодник, Вовка, вы знаете, где я его встретила? Вы даже не догадываетесь! Он с мальчишками в Феодосию уехал!

Крупный, еще живой бычок выскользнул из рук Евдокии Тимофеевны в лоханку и заплескался в ней, разбрызгивая воду по всей кухне.

— Ой, что это вы говорите такое, Алевтина Марковна?

— Поздравляю! Я так и знала, что он ко всему еще и наврал. Мне просто интересно было проверить. Он мне клялся, что вы знаете. Конечно, вы ничего и не слышали об этом?

— Куда же это он?..

— В научную экспедицию, говорит. На раскопки отправился. Ему, изволите видеть, необходимо Митридат с того боку разглядеть, отсюда ему мало!

— Господи, да что же он со мной делает! — окончательно разволновалась Евдокия Тимофеевна. — И Валентины, как на грех, нет, и Никифор Семенович в рейсе. Что же мне делать-то?

— Меня, главное, возмущает эта наглая ложь! И он еще, знаете, имеет дерзость отрицать. Вы бы только слышали, как он со мной разговаривал! Вы его недопустимо разбаловали, Евдокия Тимофеевна. Не мое дело вмешиваться в чужое воспитание, но если вы хотите послушаться доброго совета, то я вам скажу любя, по-соседски...

Но Евдокия Тимофеевна не слушала ее:

— Погодите, Алевтина Марковна... Погодите говорить! У меня и так голова кругом... Ведь он мне что-то сказал, когда утром уходил. Ей-богу, что-то сказал. Вот и вспомнила! Ну да, конечно, я на базар шла, а он к товарищам отпросился, к Кругликову, а потом подошел да и говорит: «Мама, как вернешься с базара, посмотри там у меня на столе, я тебе кое-что оставил, так ты обязательно погляди». А я, признаться, думала, опять какую-нибудь машину сообразил или корабль. Он уж меня прямо извел ими! Поглядеть надо...

Она торопливо прошла в комнату, где стоял Володин стол. Необыкновенный порядок царил сегодня на нем. Все было прибрано. Ни стружек, ни сора, ни обрывков картона, ни лужи от клея. Все стояло на местах: модели, банки с красками. Книги были сложены стопочкой, инструменты убраны в ящик, а посередине стола лежала уголком засунутая под линейку четвертушка бумажного листа с крупно выведенными буквами. Боясь почему-то взять записку в руки, Евдокия Тимофеевна нагнулась и прочла:

«Дорогая мама! Пожалуйста, не волнуйся. Я с ребятами поехал смотреть Митридат с обратной стороны. Это видно в Феодосии. Деньги на билет я взял из своей копилки. Володя».

Алевтина Марковна, любопытствуя, заглядывала через плечо. Потом она обернулась к комоду, где стоял на прежнем месте заяц, схватила его, заглянула под донышко в черный пролом, потрясла.

— Плакали денежки, адью!.. А я-то, наивная, подарила ему, рассчитывала, что это как-то повлияет, остепенит...

— Что же мне делать-то теперь? Побегу на вокзал! — сказала Евдокия Тимофеевна.

Она быстро собралась, заперла комнату, отдала ключ Алевтине Марковне, наказала, что передать Валентине, бросилась к дверям, на пороге обернулась и сказала:

— А все-таки, Алевтина Марковна, ведь не соврал!

Начальник вокзала сказал Евдокии Тимофеевне, что ближайший поезд на Феодосию отправится не раньше чем через пять часов. Он посоветовал обратиться в милицию и сам отвел туда совершенно растерявшуюся женщину. В милиции спросили, как зовут мальчиков, каковы они на вид, велели заполнить длинную анкету, написать заявление и обещали выяснить. Начальник вокзала сказал, что даст телеграмму в Феодосию.

Евдокия Тимофеевна осталась ждать поезда.

— Ваши билеты! — повторил контролер в узких железных очках.

Володя в страшном волнении предъявил три билета.

— А кто с вами? — спросил контролер.

— Вот они.

Володя указал на проснувшегося разом Кругликова и на Донченко, который дремотно взирал на мир.

Контролер внимательно и, как показалось Володе, с большим подозрением оглядел поверх очков всех троих. Потом он взял билеты, расправил их веером, держа в пальцах, так карты, посмотрел через них на свет и, тщательно сложив вместе, смачно прокусил все три

билета сразу огромными зубастыми щипцами, после чего вернул билеты Володе и заглянул под лавку.

Когда контролер ушел, мальчики облегченно вздохнули.

— Чуть не придрался, — сказал Кругликов.

— Видать, что волокитчик, — решил Володя. — Такому только попадись!.. А у нас все в порядке, нам что...

Когда поезд прибыл в Феодосию, Володя прежде всего повел своих товарищей в буфет. Там все трое сели за стол и почувствовали себя настоящими мужчинами и путешественниками.

К ним долго никто не подходил. Ко всем другим столам подходили, а мимо них официанты проходили, словно не замечая. Тогда Володя выгреб из кармана оставшиеся у него деньги и сложил кучкой на столе, чтобы все убедились, какие богатые пассажиры прибыли наконец в буфет станции Феодосия. Но вид несметных Володиных богатств тоже не прельстил тощего, прыщавого официанта, который уже в пятый раз проносился мимо мальчиков, уснастив пальцы обеих рук, как чудовищными перстнями, ручками тяжелых граненых кружек, полных янтарного пива.

За соседним столом двое только что подсевших командированных в стоящих коробом брезентовых плащах с капюшонами, положив на колени туго набитые портфели, нетерпеливо оглядывались. Они, наверное, тоже ждали официанта. Потом один из них поднял латунную пепельницу и постучал ею о тарелку, на которой стоял горшок с хилой гортензией. К ним сейчас же подлетел официант.

Тогда Володя тоже взял пепельницу и забарабанил ею о тарелку.

— В чем дело, мальчик? Что за стук?

Шаги и голоса в этом зале отдавались где-то под потолком, и мальчикам показалось, что и голос прозвучал откуда-то свыше. Но наконец и к ним подошли.

— Пожалуйста, дайте нам две... — Володя посмотрел на отложенные в сторону деньги, — нет, три булки и порцию халвы.

— Еще что пожелаете?

Володя был крайне польщен, что с ним говорят на «вы» и так вежливо. Он готов был из благодарности заказать все, что виднелось за стеклом буфета, но, покосившись опять на деньги, выложенные возле пепельницы, отвечал:

— Больше ничего не пожелаем.

Когда они выходили из вокзала, к ним подошел милиционер.

— Долго себя ждать заставляете! Где пропадали? — сказал он.

Мальчики убито переглянулись, но Володя только плечами пожал:

— Никто у нас не пропал. Это вы нам говорите, дядя?

— «Дядя, тетя»! — прервал его милиционер. — Нечего зубы заговаривать!

— Да что вы, товарищ милиционер, — быстро сообразил Володя, — вы обознались, наверное? Мы все три брата, наша фамилия Терещенко. Мы приехали к своей родной бабушке.

— Ну ладно, пока пойдем к дедушке! — не улыбаясь, сказал милиционер и на всякий случай взял Володю за локоть.

— Пожалуйста, без рук! — обиделся Володя.

— Ладно, можно и без рук, — согласился милиционер. — Только давай уж на совесть, чтобы не бегать. Все равно поймаю!

Их привели в дальнюю комнату на вокзале, где за столом сидел человек в фуражке, с такими длинными сивыми усами, толстыми под носом в тонкими на концах, что казалось, будто он придерживает верхней губой веретено.

— Ага, прибыли! — закричал он устрашающе, басовито громко и для большего эффекта еще хлопнул рукой по бумагам, лежащим перед ним на столе. — Это еще что у меня за побродяги?! Это вы что придумали? Это что?.. Это как так?.. А?..

Донченко заробел, лицо его стадо плаксивым. Кругляков спрятался за спину Володи, а

Володя, который не переносил, когда на него начинали кричать, сразу очень рассердился и, видя, что дело уже все равно пропало, подошел к столу начальника, ухватился за край его и звонким, высоким от волнения голосом сказал:

— А что вы кричите? Мы разве украли что-нибудь?

— Как? Спрашиваешь? Вопросы задаешь? Мне... Что?.. — загремел начальник.

— Вы, пожалуйста, не кричите на нас, — повторил Володя, — Раз вы советский начальник, а мы советские ученики, так и надо говорить как надо... то есть следует говорить как следует... Моя фамилия Дубинин Владимир. У меня папа моряк дальнего плавания... А это Кругликов Аркадий... У него папа доктор. А это Донченко Михаил. Мы приехали на экскурсию.

— Что... Как?.. Гм... А?..

Начальник оторопело взглянул на мальчиков, привстал, снова опустился на стул, поглядел Володе в глаза и сказал вдруг тихо, совсем иным голосом, словно про себя:

— На вас не кричать, так вы неизвестно куда еще заедете! Скажи пожалуйста, как разбираться стали! А кто вам дал право без спросу из дому уезжать? Вон — три телеграммы уже о вас тут пришли. Да по селектору еще передали. Людей мне на всех выходах ставить пришлось. Нет, скажи пожалуйста, а?.. И не крикни на них! А как же я должен с вами разговаривать, интересно? — Голос начальника крепчал. — «Добрый день, с благополучным прибытием, спасибо, что посетили ваш город! Не желаете ли посмотреть исторические достопримечательности?» Так, что ли? — И он опять загрохотал: — А?.. Я спрашиваю!..

— А мы, товарищ начальник, вот для того и приехали, по истории...

Милиционер, приведший мальчиков и стоявший позади них, даже рукой себя по бедру хлопнул:

— Эх, и мальчишки — бой!

— Хлопунин! — рявкнул начальник. — Что за звук! Тихо там! Отведи их в дежурку! Сейчас из Керчи целый эшелон ихних мамок прибудет!

Милиционер, которого начальник назвал Хлопуниным, вывел мальчиков и усадил их на широкую длинную скамью, которая стояла возле двери кабинета начальника.

— Ну вот и сидите тут покуда и дожидайтесь. Сейчас матери приедут, вам еще не то будет! Экспедиторы! Научные работники! В школе-то учитесь вы хорошо?

— Хорошо, — твердо отвечал Кругликов.

— Кто как, — уточнил Володя. Донченко вздохнул и промолчал.

— Что же это вам... теперь про Феодосию нашу на уроках объясняют?

— Нам про Керчь объясняли, а уж мы хотели заодно и вашу Феодосию выучить.

— У нас город хороший, — убежденно сказал Хлопунин. — Учить тут, конечно, мало чего есть, а поглядеть стоит. Айвазовский — художник был знаменитый. Слышали? Бурю на море рисовал. Ну, иногда и тихую погоду. Только больше все бурю... Между прочим, в прошлом был наш житель. Теперь, конечно, давно уже помер. Но есть картины, целая галерея. Посмотреть стоило бы, раз вы мальчишки такие любопытные. Недалеко тут, как выйдете из вокзала.

— Да, сами забрали, а теперь раззадориваете!

К дверям кабинета подошла полная перепуганная женщина. Она еще раз порылась в раскрытой дерматиновой сумочке, захлопнула ее, громко щелкнув замочком, охлопала себя по всем карманам и издала низкий, протяжный стон:

— Украли... или потеряла. Нигде нет. Хорошее дело! Она взялась за ручку двери и обратилась к Хлопунину:

— Где ваш начальник главный! Тут ваш начальник?

И, получив утвердительный ответ, сильно забарабанила кулаком в дверь кабинета. Из-за двери послышался голос начальника. Женщина резко рванула на себя дверь и вошла в кабинет.

— Он ей сейчас покажет! — предсказал Володя.

— Это что же у вас за порядки? — послышалось из кабинета. — Товарищ начальник, у

меня из сумочки паспорт пропал. Вот сейчас только был, а уже нет! За чем же вы смотрите тут? Для чего вы тут посажены?

Мальчики прислушивались замирая: сейчас, предвкушали они, раздастся оглушительный бас начальника — и женщина, кубарем выкатится из кабинета. Но, к их удивлению, голоса начальника не было слышно, из кабинета доносился только раздраженный крик женщины, потерявшей паспорт. Когда она замолкла, слышно было, как кто-то тихо отвечал ей — слов даже нельзя было разобрать.

— Эге, — проговорил Володя на ухо своим спутникам, — сразу теперь тихим сделался...

— Это кто? Жевлаков? Начальник, что ли? — подивился милиционер. — Да он у нас всегда тихий. Голосу не услышишь. Это он на вас нарочно так. Когда он меня отряжал за вами, так говорит: «А ну, давай их сюда, путешественников, я их, говорит, сейчас продеру с песочком! Раз, говорит, дома не управляют, так я их сам перевоспитаю, припугну, чтоб неповадно было».

Дверь кабинета начальника растворилась, и откуда вышла женщина, потерявшая паспорт.

— Где я буду искать? — крикнула она, оборачиваясь в дверь. — Я уже везде переискала, теперь вы ищите!

— Вы не волнуйтесь, гражданка. Поищите лучше как следует, — раздался из кабинета мягкий, успокаивающий голос начальника.

Он подошел к самым дверям, увидел мальчиков и сейчас же рывкнул, топорща усы:

— Сидеть у меня, сидеть! А?.. Я вам дам, шатущие!

Время тянулось очень медленно. Мальчикам надоело сидеть в дежурке. То и дело сюда входили милиционеры, оборачивались на ребят, спрашивали у Хлопунина:

— С поезда?

— С поезда, — отвечал Хлопунин.

— Задержал?

— Да, пришлось.

— Зайцы, что ли?

— Нет, — отвечал Хлопунин. — Научные работники.

— Это по какой же науке?

— По науке «бери ноги в руки».

— Ну это, видно, наука новая!

— Вот у них в Керчи уже обучают.

Все смеялись, поглядывая на нахохлившихся ребят.

Прибежала давешняя тетка, та, что потеряла паспорт.

— Нашелся! — крикнула она, распахивая дверь в кабинет начальника. — Нашелся! В чемодан я его засунула. Вот ведь оказия!..

— Бывает, — только и сказал начальник. Наконец в соседней большом зале люди забегали, заторопились. Двинулись к выходу на перрон носильщики. Из кабинета вышел сам начальник. Он покрутил кончики своих веретенообразных усов, застегнул плащ на все пуговицы, поправил фуражку, сказал Хлопунину:

— Побудешь тут, а мне встречать придется... Ну вы, стрекачи, историки, марш живо со мной!.. Куда идешь?.. Куда? Берись за руки, вот так! Шагай! За мной!..

Он вывел их на перрон, выстроил в ряд:

— Вот, становись. Так и стойте для всеобщего обозрения.

Гудок, пар, широкие тени, перемежающиеся узкими светлыми расщелинами, налетели на вокзал, все заслонили и заглушили. Над головой ребят проплыли вагонные окна, сперва быстро, потом медленно. Поезд остановился.

— Вот они, тут все! — раздался голос Евдокия Тимофеевны. — Слава тебе господи! Целы, невредимы!..

Она торопливо выбралась с площадки вагона, ступила с лестницы на перрон. За ней

показалась мама Аркаши Кругликова. Потом сошла на землю мать Миши Донченко. Все три матери кинулись к своим чадам, которые от смущения продолжали держать друг друга за руки, как приказал начальник. Послышались укоризненные восклицания, сетования, вздохи, всплескивания рук. Начальник вежливо козырял матерям и касался мизинцем острия своих усов.

— Принимайте, гражданки! Груз в полной сохранности. Пришлось немножечко пошуметь с ними. Но что делать... Пожалуйста, забирайте всех троих.

— А где же Янечка? — раздалось вдруг позади. И из соседнего вагона выскочила четвертая мать. — Куда вы дели моего Янечку? Я вижу Володю, я вижу Мишу, и Аркаша тут, а где же Яня?..

Начальник свирепо посмотрел на нашу троицу:

— Что? Четвертый был? Сбежал?! Простите, гражданка, в телеграмме ясно сказано — трое. Откуда же четвертый?

— Мне мальчики на улице сказали, что Яня пошел к Дубинину... Где мой Яня, я тебя спрашиваю!

— Да не знаю я, где ваш Яня, что вы, на самом деле! Я его утром видел, он к морю пошел.

— Ну, так я и знала! — сказала Янина мама, почему-то вдруг успокоившись. — Это он, значит, опять к рыбакам удрал. А я думала, что заодно уж с вами, хотела поймать его. Ничего, пусть только явится!..

Все пошли в кабинет начальника. Мамаши вынули из сумок и узелков бутерброды, но мальчики гордо отказались от еды:

— Спасибо, мы уже покушали.

— Нас Володя накормил, — пояснил Кругликов.

— Три булки, да еще халву, — добавил, жмурясь. Донченко. Он, видно, и сейчас был бы не прочь закусить, но ему неловко было перед Володей, так щедро его угостившим, и он заставил себя отвернуться от материнского узелка.

Матери были так счастливы, что нашли своих сыновей, которых они уже с перепугу сочли пропавшими без вести, что сперва даже и не ругали мальчиков. Только пообещали, что главное еще будет дома...

И тогда упрямый Володя решил, что можно действовать:

— Мама, ну ты потом меня дома поругай, а сейчас уж все равно приехали — давай пойдем посмотрим раскопки и как отсюда Митридат видно.

— Не будет тебе этого удовольствия! — рассердилась Евдокия Тимофеевна. — Ты лучше проси, чтобы отцу я ничего не говорила, когда он вернется. А то вот будешь иметь вид и с той и с этой стороны! — Она резко отвернулась от Володи. — У, глаза бессовестные, смотреть на тебя не хочу! До сих пор сердце не на месте...

— Так все равно же поезда еще два часа ждать.

— Вот и будешь тут сидеть! И не смей ни на шаг от меня отходить!

Володя вздохнул, но тут неожиданно помог грозный начальник:

— Да сводите вы их, раз у них такой интерес имеется. Ведь не отвяжутся или еще раз убегут. Нет уж, прошу вас, забирайте их отсюда и ведите куда угодно, только чтобы я их больше не видел. Полдня на них ушло!.. Что?.. — гаркнул он, повернувшись к мальчикам. Усы его стали остриями вверх. — У меня чтоб это в последний раз было! Ясно? А?.. И все!

И кончилось дело тем, что матери, посоветовавшись друг с другом и решив, что ждать на вокзале поезда два часа скучно, уступили просьбам ребят и отправились с ними смотреть Феодосию.

Они шли по чистеньким улицам. Много домиков было старинной архитектуры, с аркадами. За домиками с колоннами поднимались отовсюду видные, временем обгрызенные развалины генуэзских башен. С моря дул свежак... Флаги разных стран играли над крутыми кормами пароходов у причалов.

Когда проходили мимо ворот порта, оттуда вышел высокий моряк в брезентовом плаще

и фуражке торгового флота. Он уже свернул было за угол, но внезапно обернулся и остолбенел в изумлении. Глянув на него, Володя быстро юркнул за спину матери.

— Дуся?! — поразился отец. — Ты это что?.. И Володь-ка тут?.. Э, да у вас тут целая экскурсия! Что же вы мне не сказали? А я с вечера пришел, грузюсь... Скоро отваливать...

— Здравствуйте, Никифор Семенович, — заговорили наперебой мамыши, сами смущенные до крайности.

— Папа, мы идем смотреть раскопки, — быстро нашелся Володя.

— Не слышал, не слышал, чтобы вы собирались, — пробормотал, подозрительно приглядываясь к смущенным лицам жены и сына, Никифор Семенович. — Странное дело! Столкновение двух кораблей в тумане...

Володя готов был провалиться сквозь землю, уйти на морское дно, обратиться в пар и раствориться в воздухе.

— А ну гляди сюда! — сказал отец. — Небось это ты всему делу коновод?..

Вам, наверное, интересно знать, что было дальше? Э, да стоит ли рассказывать! Чего тут только не было! Был тут и смех, были и слезы. Были обещания, что больше этого никогда не будет, и были посулы, что дома еще не то будет. Много тут было сказано, много выслушано... Потом отец вернулся на шхуну и ушел в море, а экспедиция заспешила к вокзалу, потому что пора уже было отправляться домой.

Ехали назад все молча, никто слова не вымолвил.

Зато говорила об этом на другой день в учительской после уроков Юлия Львовна.

Что она говорила — легко себе представить!.. Володя запомнил эти слова надолго, и мы повторять их не собираемся...

Глава VIII Земля и небо

После многих приключений на земле и на море Володя решил заняться воздухом.

Это было в 1939 году, когда Володя уже перешел в пятый класс. К тому времени и относится взрыв, который произошел на верхнем школьном дворе. «Три Вовы», как звали их в классе, — Володя Дубинин, Володя Киселевский и Володя Бурлаков — решили пустить в небо воздушный шар, о котором они только что прочитали в книге «Физика для всех». Для этого они раздобыли в химическом кабинете немного водорода в колбе и попробовали наполнить им склеенный из папиросной бумаги шар. Но тут случилось непредвиденное: образовалась гремучая смесь — и в школьном дворе трахнуло так, что в окне сторожки вылетело стекло. Опять были неприятные разговоры, опять Юлия Львовна объясняла Володе, что он берется за дела, которые ему еще не под силу, что всякое умение опирается на знание, а когда человек еще мало знает, так из всякой хорошей затеи может получиться только беда.

Не одобрен был также проект нового гигантского воздушного шара, на котором, по точным расчетам трех Вов, можно было без труда долететь до Луны. Надо было лишь изготовить три оболочки. Первая — наружная — должна была бы лопнуть в субстратосфере. От второй шар, как полагали Вовы, освободится в стратосфере. Тогда его с разгона вытолкнет в мировое пространство так, что он долетит до Луны. Тут при спуске пригодится последняя оболочка шара. Все, таким образом, было рассчитано и предусмотрено.

Но учитель физики Василий Платонович забраковал проект, так как нашел его ненаучным, ибо аэростат не мог лететь в безвоздушном пространстве. Не пригодился бы он и при спуске на Луну, почти лишенную атмосферы. Кроме всего, учитель озадачил будущих аэронавтов одним очень простым вопросом:

— А как же вы, милые мои, собираетесь обратно лететь?

Над этим как раз ни один из Вов еще не задумывался.

И вот тогда учитель физики Василий Платонович посоветовал Володе вступить в авиамодельный кружок Дома пионеров.

— Ты пойми, — говорил Василий Платонович, — сейчас время авиации, а не

воздухоплавания, век аэропланов, а не аэростатов: победили аппараты тяжелее воздуха. Если хочешь завоевать воздух, берись пока за модели. Это — упойтельное дело. И вполне тебе по плечу. Только выдержкой запасись. Терпение требуется большое.

И Володя поступил в клуб юных авиастроителей — «ЮАС».

Инструктор Николай Семенович, сам похожий на школьника-переростка, круглоголовый, с облупленным носом и выгоревшими волосами, записал Володю. Он рассказал, с чего надо будет начинать, показал чертежи простейшей модели и ввел новичка в большую, просторную комнату, где сквозняк из открытой им двери тронул легкие, трепещущие модели, подвешенные под потолком. Острокрылые, кажущиеся невесомыми аппараты из тончайших реек, обтянутые навощенной полупрозрачной бумагой, словно парили на невидимых тросиках. Колыхнувшись от ветра, они с легким и тугим стуком задевали друг друга. Тут были большие, громоздкие модели, широко распластавшие хрупкие перепончатые крылья. Под ними висели, поворачиваясь на тросиках, модели маленькие, немногим больше, чем бумажные голуби, которых умели запускать Володины друзья еще в первом классе школы. Были тут обнаженные, еще не обтянутые бумагой каркасы будущих летательных аппаратов, со сквозным скелетом из тонких прямых планочек и гнутых ребрышек, гладко обточенных, протертых наждачной бумагой и шкуркой. Решетчатые сочленения моделей, крылья, хвосты, фюзеляжи громоздились на столах, за которыми трудились ребята такого же возраста, как Володя, и немного старше. И пахло здесь интересно: клеем, какой-то эссенцией, смолой и воском.

— Ты пока осмотрись, — сказал инструктор, — а я сейчас вернусь.

Неподалеку от Володи, присев на корточки перед столом, положив подбородок на край его, паренек с круглым лицом и широким вздернутым носом проверял, хорошо ли и ровно ли скрепил он заднее оперение стабилизатора своей новенькой модели.

Полукруглый край красиво выведенного крыла находился в нескольких сантиметрах от Володи. Мальчуган так увлекся работой, что не замечал новичка. Прищуривая то один, то другой глаз, прижимая подбородок к столешнице, он присматривался к своему аппарату справа и слева, отчего голова его качалась на столе, как ванька-встанька.

— Это у тебя летающая? — спросил у него Володя.

— Не знаю еще, — скромно отозвался тот.

Потом он встал, отошел в сторону, стал рыться в инструментах. Володя незаметно протянул руку и потрогал хвост модели. Но оказалось, что хвост был только приставлен к туловищу маленького самолета, и, едва Володя тронул его, хвост отвалился. Володя стал испуганно прилаживать его к тому месту, от которого он отскочил, но было уже поздно.

— Тебя просили трогать? — закричал владелец модели и хотел оттолкнуть Володю.

Но Володя крепко держался за нижнюю рейку фюзеляжа.

От толчка он не устоял на месте, отступил на шаг, не выпуская рейки, и почувствовал, что она, отломившись, осталась у него в руках.

— Ты что?.. Ломать все сюда пришел? — спросил разъяренный конструктор и мазнул рукой Володю по щеке. Рука у него была в саже, потому что он только сейчас готовил клей.

Володя с расвирепевшим, перепачканным в саже лицом бросился на него. По дороге он успел левой рукой зачерпнуть из жестянки клей и, в свою очередь, мазнул по физиономии противника, который, надо отдать ему справедливость, больше берег модель, чем себя. Отбиваясь одной рукой от Володи, он высоко держал над головой свою поломанную конструкцию, и низкорослый новичок, прыгая на негр, тщетно пытался ее достать.

Вдруг Володя почувствовал, что кто-то крепко обхватил его сзади, поднял в воздух и оттащил в сторону.

— Эй-эй!.. Что это за воздушный бой? Что за нападение орла-стервятника на самолет?

Взъерошенный, со щекой, исполосованной сажой, весь красный, Володя, тяжело дыша, стоял перед инструктором.

— В чем дело? Что такое?..

— Он мне всю мою новую «Чайку» изломал! — пожаловался Володин противник и,

скомкав на столе обрывок бумаги, тщательно вытер им физиономию. — Ну, я ему и дал раза!..

— Хорош! — сказал инструктор. — Орел! — повторил он насмешливо. — Парень приходит в первый раз к нам в клуб, а его тут же благословляют сажей! Ну, живо — раз-два! Вымойте оба руки. Вон, у рукомойника...

Противники молча побрызгались под рукомойником и вернулись к инструктору.

— Покажите-ка руки... Ну, более или менее приличные. А теперь протяните их друг другу, помириться, да уж и познакомьтесь заодно. Вот это наш новый кружковец — Дубинин Володя, а это, — он показал на Володиного противника, — Женя Бычков, наш рекордсмен. Его схематическая, типа «Чайки», модель недавно городской рекорд побила.

Потом инструктор усадил Володю за стол, дал ему острый стальной ножичек, вроде бритвочки, и показал, как из тонкой деревянной пластинки следует вырезать по нанесенному на ней чертежу ребрышки будущего крыла модели. Володя с жаром принялся за дело, но первое же ребрышко у него сломалось. Он прикусил губу, потерся подбородком о плечо, бросил исподлобья взгляд на Бычкова: тот продолжал возиться со своей моделью. Володя кинул сломанное деревянное ребрышко под стол, взялся вырезать второе, но поспешил, и от резкого движения у него треснула дощечка. Сзади, за столом у стены, кто-то хихикнул.

— Ты же не так держишь, — сказал вдруг Бычков, внимательно смотря на руки Володи.

— Рыба-бычок, цыц и молчок! — тихо ответил Володя и остался сам очень доволен своей находчивостью.

— Не хочешь, как хочешь!

Оба некоторое время молчали. У Володи дело не ладилось... Ребрышки или ломались, или выходили корявыми, неровными. А на другом краю стола — легкая, стройная, гладко обточенная, словно дразнила его, — модель Жени Бычкова. Женя уже обтягивал готовый каркас крыла тугой воценой бумагой, легонько щелкал по ней ногтем, и она отзывалась звонко, как бубен.

Володе хотелось бросить все и уйти отсюда, пока никто не обнаружил, сколько добра он перепортил, но не в его правилах было бросать дело, если он для себя решил довести его до конца.

— Ну, как твои успехи? — Инструктор Николай Семенович стоял за его спиной. — Э, — огорчился он, — так у нас с тобой дело не пойдет! Ты бы так и сказал, что у тебя не выходит. Попросил бы помочь... Женя, что же ты?.. Сидишь рядом и не можешь поправить товарища?

— Я хотел, а он хочет сам...

— Слушай, Дубинин, — сказал инструктор, — так не пойдет. «Сам»! У нас все сами, но есть такое правило: помогать друг другу в деле. Видишь, что у товарища не выходит, сам умеешь делать лучше — помоги. У самого не получается — обратись, чтобы другой подсобил. Вот что, Женя: ты сегодня уж поработал достаточно, хватит. Сядь и помоги Дубинину.

— Вы мне лучше покажите... я сам, — попробовал было возразить Володя.

— Сам будешь, когда научишься, а сейчас слушай, что тебе говорят... Начинай, Женя.

— Держать резец нужно так, — проговорил Женя и взял из неохотно разжавшихся пальцев Володи ножичек. — А дощечку ты клади сюда и придерживай ее вот этим пальцем. И не нажимай очень. Вот так слегка веди... Видишь, как хорошо пошло!

Володя молчал, с завистью приглядываясь, как, точно следуя по рисунку, нанесенному на дощечке, острым лезвием погружаясь в дерево, уверенно идет ножичек в твердой руке Жени Бычкова.

— А, я понял! — закричал через минуту Володя. — Я уже понял! Дай мне, я сам... У меня теперь выйдет.

— Ну, попробуй сам, — предложил Женя.

Володя взял у него инструмент и несколько минут старательно вырезал из дощечки

нужную фигуру. На этот раз получилось уже гораздо лучше.

— Видишь, и у тебя выходит, — похвалил Бычков, — Тут надо способность иметь.

— Нет, пока еще плохо, — признался Володя.

Придя домой, он до поздней ночи упражнялся в вырезывании из дощечки полукруглых ребрышек. Три дня не ходил он в кружок: все свободное время просиживал с ножичком над доской. Руки его покрылись ссадинами.

На четвертый день он снова явился в кружок. Инструктор спросил его, почему он не был эти дни.

— Тренировку делал, — сказал Володя. — Вот давайте ножичек, я теперь уже сам хорошо могу. Посмотрите, правильно я делаю?

Через двадцать минут все собрались у его стола, и инструктор, ваяв несколько вырезанных распорок и ребер, положил их на чертежи, снова повертел в руках, показал всем, сам удивляясь:

— Способность имеется! И упрямыства достаточно. А вот самолюбия излишек... Зря хвастался с первого раза. Вот ничего и не получалось. Ну, давай теперь приниматься за сборку. Покажу тебе, как это делается. Бычкова ты сейчас не тревожь: у него новая модель не вытанцовывается.

То было кропотливое, но увлекательнейшее занятие! Из кривых ребрышек, из тончайших распорок, дужек, скобочек возникал остов крыла, очень похожий на рыбий скелет. Крылья пристраивались к большой толстой рейке.

Но не так-то легко было добиться, чтобы собранная из этих палочек, реечек, планок легкокрылая конструкция могла парить в воздухе. Иногда Володя уже готов был любоваться своим сооружением — таким ловким и стремящимся ввысь выглядело оно в руках. Но стоило пустить его в воздух — и оно, вместо того чтобы плавно и полого опуститься вдалеке, беспорядочно вертелось, иногда на секунду беспомощно взлетало, тыкаясь в невидимую препопу, словно отгораживающую высоту, и со стуком валилось на землю. И всегда при этом что-нибудь ломалось.

Но, наверное, даже человек, первым в мире поднявшийся в воздух на планере, не испытал того восторга, который ощутил Володя, когда наконец тщательно выверенная, аккуратно собранная, простенькая схематическая модель, запущенная им в воздух на дворе Дома пионеров, мягко взмыла вверх, описала, слегка накренившись, широкую кривую линию в воздухе и тихо приземлилась, шурша о траву.

И новая упоительная страсть целиком овладела Володей. Он решил стать авиатором, конструктором. Он понял, что его дело и призвание — строить самолеты. Когда Володя дома снимал со своего стола или сдвигал в угол модели кораблей, он чувствовал сперва даже некоторое угрызение совести: не изменил ли он морю?.. Но тут же он утешал себя, что в крайнем случае станет морским летчиком и строителем гидросамолетов, вроде тех, которые иногда садились за Широким молом в Керченской гавани, касаясь поплавками собственного отражения на зеркальной поверхности спокойного моря.

В клубе юных авиастроителей «ЮАС» был заведен строгий порядок, по которому каждый «юас» должен был сперва научиться делать детали, затем собрать схематическую модель планера, потом уже переходить к рейковым моделям с резиновыми двигателями. После этого можно было конструировать фюзеляжную модель — некое подобие настоящего маленького самолета. Лучшие модели запускали с вершины Митридата. Однако нетерпеливому Володе восхождение по этой длинной лестнице показалось слишком медленным, и, подбодренный пробным успешным полетом своей первой модельки, он сейчас же задумал строить по собственным расчетам необыкновенно сложную модель, непременно фюзеляжную и обязательно с двумя резиновыми моторами. Женя Бычков только головой покачал, когда Володя поделился с ним своим замыслом, но Володя уверенно взялся за дело. Он решил действовать так: работать дома, секретно, а когда самолет его будет построен — явиться прямо на площадку «юасов» и показать Женьке Бычкову и всем другим, чего он стоит как авиамоделист.

Теперь весь Володин стол и подоконник возле него были завалены всевозможными вещами, необходимыми для авиаконструктора. Не хватало уже места для них, и, случалось, Валя находила под своими книгами, использованными в качестве пресса, какие-то прочно приклеившиеся к переплету скрещенные палочки, рейки, обмотанные натуго нитками. Тогда юный конструктор должен был отпаривать над чайником пострадавший учебник сестры, отчего, конечно, тот не становился лучше, а хозяйка его — добрее...

Но так или иначе, а задуманный самолет был построен. Он был так велик, что, когда Володя выносил аппарат через дверь, пришлось повернуть его боком, одним крылом вниз, другим вверх. Да и при этом он чуть не зацепился за притолоку. Все ребята на дворе сбежались взглянуть на дивное сооружение Володиных рук. Самолет был действительно великолепен. На широких, округло суживающихся к концам крыльях были выведены пятиконечные красные звезды. Такие же звезды были на фюзеляже, оклеенном плотной бумагой, и на хвосте. Как уверял Володя, это был самолет-амфибия, то есть он мог садиться и на землю и на воду. Даже Алевтина Марковна, раздвинув тюлевые занавески и высунувшись из окна своей комнаты, изрекла сверху:

— Наконец-то подходящим делом занялся Вовочка! Смотрите, какая красота! Абсолютный альбатрос! Неужели он и летать сможет?

Володя презрительно поглядел наверх. Правда, тут же доказать летные качества своего самолета он не мог.

— Двор у нас больно маленький, ему тут тесно. Он у меня на дальнюю дистанцию рассчитан. Ему должно быть кругом свободно... А ну, не трогай — не купишь. Смотри глазами!.. — осадил он какого-то малыша, который робко коснулся пальцем звездочки на крыле.

Дав всем вдоволь насмотреться на это сооружение, Володя потащил свой самолет в авиакружок. Он порядком измучился по дороге — так громоздок был его аппарат. Но когда он появился во дворе Дома пионеров, все «юасы» — да не только «юасы», но и члены шахматного кружка, где шел турнир, и даже участники литературного диспута «Что такое дружба?», который происходил в это время в зале, — высыпали во двор и окружили Володю. А он стоял посреди двора, гордый, торжествующий, держа перед собой обеими руками большой, красивый аэроплан с красными звездами. Он слышал, как пионеры восхищенно переговаривались между собой:

— Здорово сделал!.. Как настоящий совсем.

Маленький пионер-шахматист в больших очках обошел модель со всех сторон, близко склонясь к ней, словно обнюхивая, и потом очень вежливо спросил у Володи:

— Это какого типа?

— Амфибия, — отвечал Володя пренебрежительно.

И мальчики вокруг переглянулись с уважением: им было приятно, что у них в Доме пионеров есть такой замечательный парень, умеющий делать даже амфибии.

— Один делал?.. Сам? — спросил кто-то.

— Нет, мама помогала! — отвечал Володя. И все засмеялись.

Но вот подошел Женя Бычков. Он внимательно осмотрел модель, осторожно потрогал крыло, попросил у Володи разрешения подержать самолет минуточку в своих руках и вернул его обратно нашему конструктору.

— Не полетит, — тихо сказал он.

— Что-о?! — обиделся Володя. — Больно ты много знаешь!

— Потому что перетяжеленный, — так же негромко пояснил Женя Бычков. — И фюзеляж слишком короткий. Скапотирует.

— Ты не каркай! — закричал Володя. — Посмотришь вот...

Модель была так велика, что и двор Дома пионеров, по мнению Володи, оказался тесным для нее. Решили подняться на склон Митридата и там запустить модель для пробы.

Все повалили туда. Володя шел впереди со своей моделью. Решили высоко не забираться на первый раз. Выбрали подходящее место, и Володя закрутил в разные стороны

резиновые жгутики, приводящие в движение винты, зажав их пальцами, чтобы они не раскручивались без нужды. Затем он поднял свой самолет над головой, встал на цыпочки и толкнул в воздух модель, одновременно отпустив винты.

— Ура! — с готовностью закричали мальчишки, уже устремляясь вниз по склону за летящей над их головой моделью.

Самолет, задрвав нос кверху, вдруг резко клюнул вниз, закинул хвост, два раза перевернулся в воздухе, потом как-то косо съехал на одно крыло, ударился его концом о землю и закувыркался вниз по склону, как перекасти-поле. Мальчишки бежали вокруг, крича, подпрыгивая, но не решаясь задержать скатывающийся аппарат. Володя растолкал их, подхватил самолет на руки. Повреждения были невелики: в одном месте отошла стойка, кое-где чуточку порвалась бумага.

— Неправильно запустил, — объяснил Володя.

Он снова закрутил резинки винтов и с силой направил самолет в воздух.

Но модель, сделав неуклюжее сальто-мортале, со всего размаха врезалась в склон горы. Что-то хрустнуло. Ветер, внезапно подувший с моря, поволок исковерканную модель по траве. Она зацепилась за кустарник и затрепыхалась, стуча перепончатым лопнувшим крылом. Володя подбежал к ней — и понял, что все кончено.

А вокруг уже смеялись, сперва тихо, а потом все громче. И уже слышал Володя обидные замечания тех самых ребят, которые только пять минут назад расхваливали его модель:

— Одна декорация!

— Декорация!..

— Фасону много, а толку ни на копейку!

— Высоко взлетела, низко села!..

— Х-хе, вот тебе и амфибия!

— Эй, Дубинин, может быть, она у тебя только с воды летает?

— Она и там на дно кувыркнется!..

Володя, не отвечая на насмешки, осторожно высвобождал треснувшие крылья из цепких ветвей кустарника.

Вскоре его оставили одного со злосчастной моделью. Володя поднял ее — исковерканную, опозоренную — на руки. Она беспомощно вывернула крыло.

С моря поднимался сильный ветер. Из-за пролива, со стороны Тамани, быстро неслись тучи. Вдалеке уже пробормотал что-то, пока еще про себя, гром. Надо было спускаться. Но как теперь возвращаться домой, после такого поражения?

И вдруг Володя заметил, что он не один. К нему подходил Женя Бычков.

— Это у тебя отлетело? — сказал Женя, подавая Володе отлетевшую планочку и глядя в сторону. Володя молча взял у него деревяшку.

— Потому что перетяжеленная, — так же тихо, как прежде, сказал Женя. — И центровка неправильная. Потом, зачем ты такие нервюры толстые поставил?

Володя не слыхивал никогда ни о нервюрах, ни о центровке, но он и виду не подал.

— Я думал, крепче будет...

— Нет, ты смотри, Дубинин, — проговорил Женя. — Видишь, у тебя тут равновесия нет. Его так сюда и тянет. Я знаю: это трудное дело. Тут самому не справиться. Надо расчеты знать. Вот мы все вместе потому и делаем. А ты хотел один. Тут ребята неопытнее тебя есть, да и то...

Они сидели на корточках возле поломанной модели, разбирали ее недостатки, старались исправить повреждения и так увлеклись оба, что не заметили, как тучи накрыли весь город и вдруг внизу, под ногами у них, все исчезло, все заволокло серой пеленой тумана. Крупная капля дождя звонко, как в барабан, стукнула о перепончатую оболочку крыла на модели.

— Эх ты, смотри, как накрыло! — сказал Володя, поднимая голову. — Ну, нальет нам сейчас за шиворот! Ты беги, тут прямо можно спуститься, покороче будет.

— А ты?

— А я той дорогой пойду, а то съеду еще здесь, так окончательно все поломаю.

— Ну, уж тогда вместе пойдем, — сказал Женя Бычков. — Скорее надо, а то все у тебя размочит!

Взявшись за концы попорченных крыльев самолета, они начали быстро спускаться. Под ними была уже сплошная, медленно клубившаяся муть; она подступала со всех сторон... Гора, где они стояли, выглядела уже островком в море тумана, и было жутковато погружаться в него. Ветер несколько раз чуть не вырвал из рук мальчиков модель. Они в таких случаях приседали и старались быть поближе к земле. Дождь все усиливался, склон стал скользким. Ветер гнал на Митридат густое стадо туч и оглушительно щелкал над головой слепящим кнутом молний. Гроза была теперь совсем рядом. Стало казаться, что с Митридата, грохоча, катятся от самой вершины вниз огромные пустые железные бочки. Под ногами все ехало, расплывалось...

Вдруг Женя негромко охнул и провалился куда-то вниз. Не выпуская из рук модели, Володя сполз к нему:

— Ты что?

— Нога у меня чего-то...

Женя попытался подняться, но тихо ойкнул и повалился на землю.

— Вот так номер, — сказал он виновато, — ступить не могу. А больно до чего...

Лицо у него перекошило, он кусал нижнюю губу, но продолжал говорить тем же тихим голосом, каким обычно разговаривал в кружке:

— Ты уходи, а то тебе все размочит... Да и ветер поднимается.

Порыв ветра чуть не повалил Володю на землю. Дождь лил как из ведра. С вершины Митридата хлынули мутные, уже начинавшие греметь потоки.

— Идти никак не можешь? — спросил Володя, повернувшись спиной к ветру.

— погоди, у меня пройдет немножко, тогда я пойду... А ты не жди, ты беги.

— Куда я побегу? Давай уж вместе.

— Да не могу же я!

— Я и говорю, что не можешь. Значит, давай вместе. Забирайся ко мне на закорки.

— Да брось ты!.. Я ж тяжелый...

— Сам брось! Давай, говорю! Мне даже лучше будет — ты меня от дождя прикроешь.

— А модель как же?

— А ну, шут с ней, с моделью! Давай!..

Володя спустился на шаг ниже, подставил спину, припав на колени. Женя обхватил его за шею. Он был крупнее и сильнее Володи, но Володя поднатужился, схватился руками за мокрую траву, но она выдиралась из земли. Ему все же удалось встать. Женя, здоровой ногой отталкиваясь от склона горы и поджав другую, повис у Володи за плечами.

— Ну, держись теперь... Только горло не дави, а то мне дышать нельзя.

Их нагоняли потоки, несшиеся по склону. Вода несла камни, надо было увертываться от них. Володя наугад пробирался сквозь дождь. Вдруг что-то белое промчалось в потоке мимо него. На мгновение Володя увидел красную звезду и понял, что то была его погибшая модель... Струей ее прижало к камню, потом повернуло, и она исчезла.

Поминутно оступаясь, выбиваясь из последних сил, Володя тащил на себе Бычкова. Когда он очень уставал и чувствовал, что сейчас сам свалится, то сплевывал воду и говорил:

— Слушай, Бычков, ты постой на одной ноге, отпусти меня немного.

И Женя становился на одну ногу. Тогда Володя, откинувшись, с минуту отдыхал, опираясь на него, а потом, сказав: «Ну, давай, Бычков, грузись!» — тащил товарища дальше.

Так он дотащил Бычкова до первого строения на окраине. Там, под навесом, они переждали ненастье, а потом Володя сбегал домой к Жене и сообщил его родителям о случившейся беде.

С этого дня они подружились. Как известно, самая крепкая дружба всегда начинается со столкновений, с хорошей ссоры или небольшой драки...

Женя уже в скором времени сдал нормы первого разряда по моделям и стал инструктором «юасов». Володя теперь терпеливо, ступень за ступенью, поднимался по той лесенке, через которую он хотел перескочить одним махом. У него уже неплохо получались схематические модели. Кроме того, он стал художником стенной газеты «ЮАС». В первом же номере он сам мужественно нарисовал карикатуру под названием «Воздушный бой». В ней он изобразил очень смешно свое столкновение с Женей, не пожалев черной краски для собственной физиономии.

Инструктор Николай Семенович был теперь доволен им. Володя быстро схватывал все технические приемы, и с языка его не сходили новые словечки: «бобышка», «лонжерон», «нервюры»... Он построил уже вполне хорошую схематическую модель с резиновым двигателем. Она прошла испытания во дворе Дома пионеров. Решено было в следующий раз попробовать ее на Митридате, где все модели проходили, так сказать, выпускной экзамен на аттестат воздушной зрелости. Проба была назначена на субботу.

Но в пятницу Евдокия Тимофеевна была на родительском собрании в школе, и с нею долго говорила Юлия Львовна. Говорила она о том, что Володя в последнее время стал учиться хуже; и хотя мальчик он очень способный, но, видно, чересчур сейчас увлекается чем-то, и надо бы за ним следить поосторожнее. Словом, Евдокия Тимофеевна, вернувшись домой, не снимая даже шали, прошла прямо к столу, где что-то строгал Володя. Она молча выдернула у него из пальцев ножик, положила его на стол и сказала:

— Хватит! Построгал, побегал — и будет. С завтрашнего дня никуда больше не пойдешь. Срам было слушать, что мне Юлия Львовна про тебя сказала! Занятия запускаешь. Отставать начал. И говорит, что ты ее не слушаешься, мало уважаешь. А она ведь знаешь какая до тебя внимательная! Как родная мать все равно, старается для вас. Словом, с завтрашнего дня никуда не пойдешь. Все! Будет!..

На другой день во время урока русского языка Володя читал под партой книгу о Чкалове. Кругликов разбирал у доски сложносочиненное безличное предложение.

— Дубинин! — вызвала Юлия Львовна. — Как, по-твоему, правильно Кругликов говорит?

Володя вскочил, непонимающе посмотрел на Кругликова, прочел то, что было написано на доске:

— По-моему, правильно.

— Почему же, по-твоему, правильно?

Володя мог бы ответить, что Кругликов — хороший ученик и раз он отвечает, то, скорее всего, правильно. Но он переступил ногами под партой, поглядел в окно и сказал:

— Потому что я не слышал, что он ответил.

— Но, может быть, ты слышал хотя бы, о чем я его спрашивала?

— О предложении... о предложении, о безличном предложении, — подсказали сзади.

— Вы спрашивали разбор предложения, только я не знаю, про что, — сказал он и, вздернув подбородок, прямо посмотрел на учительницу.

— Где же это твои мысли витали, Дубинин? — спросила Юлия Львовна. — Где-нибудь, наверно, под облаками? «Вознесся выше он главою непокорной Александрийского столпа»?.. Все-таки иногда, Дубинин, надо и на землю спускаться. Ну, хотя бы на время уроков. Дай сюда книгу, которую ты читал.

Володя, понурившись, вытащил из-под парты книгу и понес ее к столу.

— «Чкалов», — прочла Юлия Львовна. — Ну хорошо. Раз ты увлекаешься этой книгой, становись тут и вот прочти... Ну, скажем, это предложение... — Она взяла книгу и отметила в ней Володе, что читать. — Давай разберем его по частям... Ты, Кругликов, можешь сесть на место.

— «Чкалов — прирожденный испытатель, — начал с чувством читать Володя, — его стихия — опыт, эксперимент, исследования еще неизведанных возможностей. Раньше он испытывал лишь машины и свою смелость. Теперь он стал...»

— Хватит, хватит! — остановила его Юлия Львовна. — Я же тебя просила одно

предложение...

— Пусть еще, еще прочтет! — закричали с парт. — Интересно...

— Тихо! Ему хватит и в этом разобраться. Раз уж сам столько взялся прочесть, пусть все разберет.

Володя прочел снова заданные фразы и, немного проплутав между дополнениями и определениями, добрался до истины, которую требовали правила синтаксиса.

— Вот, Дубинин, — сказала Юлия Львовна, — долго ты, признаться, плавал. Кое-как до берега добрался. Хочешь высоко летать, а пока что на земле спотыкаешься. Вот про Чкалова читаешь на уроках, хочешь, должно быть, стать похожим на него, а учиться стал хуже.

— А Чкалов тоже, наверно, не всегда уж на «отлично» отвечал, — возразил Володя.

— И тебе не стыдно, Дубинин, свою лень за Чкалова прятать! Когда и как Чкалов рос и как ты сейчас живешь? Если ты читал как следует про Чкалова, ты должен знать, что учился он превосходно. А как над собой Чкалов работал, когда свои силы почувствовал!.. На, Дубинин, бери свою книгу и обещай мне, что не будешь читать на уроках. Обещаешь?

— Нет, — последовал ответ. — Не удержусь.

— Ну, так я отниму у тебя ее.

— Что ж, отнимайте тогда. Я врать не люблю. Буду читать.

После уроков Юлия Львовна попросила Володю остаться и зайти к ней в учительскую.

— Послушай, Володя, — сказала ему Юлия Львовна. — Я очень ценю, что ты такой честный мальчик. Это — замечательное качество. Я сама привыкла тебе верить во всем. Но настоящий человек не должен бравировать, щеголять своими хорошими качествами: «Ах, какой я правдивый! Поглядите на меня, какой я честный!..», И потом, должна тебе сказать, Дубинин, что человек, который собирается сделать нечто нехорошее и прямо об этом заявляет, далеко еще не честный человек. Ты это пойми. Вот сегодня, например, в классе... Как ты мне ответил, когда я тебя спросила насчет книги? Послушать со стороны, так можно сказать: «Ах, какой прямодушный мальчик!» А, в сущности-то, ничего тут доблестного нет. По красоваться захотел?

— Вовсе и не так, — не согласился Володя, насупившись. — Просто я уж такой; раз обещал — значит, сделаю. А если не могу — не обещаю.

— Очень хорошо. Надо быть хозяином своего слова. Я в тебе это очень ценю, Володя. Только слово должно быть хорошее. Обещание должно быть полезное. От этого все и зависит; что за слово, что за обещание.

Потом Юлия Львовна еще раз сказала Володе, что он стал хуже учиться и она была вчера вынуждена поговорить об этом с его матерью.

— А кто вам сказал, что я вас не уважаю? — вдруг спросил Володя. — Наговорят зря вот всякое, а потом доказывай обратное! Я вас очень уважаю. Только мама говорит, что я должен вас любить, как родную мать. Сколько же у меня должно быть мам?

Тут впервые за все время разговора Юлия Львовна улыбнулась.

— Нет, этого я никогда от тебя не требовала, Дубинин, — сказала она. — Тут ты совершенно прав. Мать у тебя одна; но обе мы с ней хотим, чтобы ты вырос хорошим человеком. У тебя для этого есть все данные; только времени, я вижу, тебе не хватает. Ты и сейчас, смотрю, торопишься: все в окно поглядываешь.

Володя действительно очень торопился. Небо манило его через окно учительской. День стоял чудесный. На Митридите ждали Женя Бычков и друзья. Володя должен был сегодня впервые пустить собственную модель с вершины.

Но, когда он примчался домой и, наскоро поев, хотел было уходить, мама сказала:

— Я что, стенке вчера говорила, что никуда ты больше не пойдешь?

— Мама!.. — взмолился Володя, — Мама, меня же наши ждут на Митридите! Мы же условились. Ты пойми! Они специально собираются сегодня. Я же слово им дал! Ну, позволь в последний раз...

— Знать ничего не знаю!

— Мама, в какое же ты меня положение ставишь?

— Ты меня перед учительницей еще не в такое поставил!

Володя, волнуясь, два раза прошелся по комнате из угла в угол:

— Мама, ты должна меня пустить. Я все равно пойду, мама!..

Тут в дело вмешалась выплывшая из своей комнаты Алевтина Марковна.

— Боже мой, — зарокотала она, — какой тон! Слышали? Это он с матерью разговаривает, а? Он все равно пойдет! Евдокия Тимофеевна, вам известно, я не вмешиваюсь в чужое воспитание, но это уж, знаете...

— Ну что, привязывать я его буду, что ли?! — воскликнула Евдокия Тимофеевна.

— Мама, я тебя предупреждаю... Я дал слово. Алевтина Марковна зашептала что-то на ухо матери, выведя ее из зала:

— Ну что вы с ним спорите! А ключ на что?..

— И верно, — сказала мать. — Погляжу я сейчас, как ты уйдешь!..

Она захлопнула дверь перед самым носом Володи, который оставался в зале. Он услышал, как дважды повернулся снаружи ключ. Еще не веря тому, что мать решила на такую крайность, он толкнул дверь. Стукнул еще раз, навалился плечом, нажал. Дверь не подавалась.

— Мама... это ты нехорошо так поступаешь!..

Голос у Володи стал низким. Горло словно распухло внезапно от обиды. Независимый, гордо оберегавший свою свободу, он был потрясен, что мать прибегла к такому явному насилию.

— Мама, я тебя прошу серьезно! Открой, мама! Слышишь? Я тебе даю свое слово, что вернусь ровно в девять. Можешь заметить по часам.

Он припал ухом к дверной филенке. Он ждал, что мать ответит ему, но за дверью было тихо. Если бы Володя мог видеть сквозь дверь, он бы увидел, что мать, растерянно поглядев на Алевтину Марковну, уже протянула было руку к ключу... Но та замотала головой и, сжав пухлый кулак свой с дешевым перстнем на среднем пальце, показала Евдокии Тимофеевне, что надо хоть раз настоять на своем. Потом она поманила Евдокию Тимофеевну за собой и увела ее к себе в комнату.

— Вы должны показать, дорогая, что пересилили его.

— Никогда я с ним так не обходилась, — беспокоилась Евдокия Тимофеевна, а сама все прислушивалась...

— Вот потому он на всех верхом и ездит! А один раз осадите — только на пользу пойдет, уверяю вас, голубушка.

Из зала донесся стук швейной машины. Мать насторожилась. Правда, ничего особенного в том, что Володя сел за ее швейную машину, не было: он частенько сам кроил и сшивал паруса для своих кораблей, сам себе ставил заплатки на брюки, порванные во время игры в футбол. И все же она прислушивалась с тревогой.

— Что вы, золото мое, нервная такая стали? — успокаивала ее Алевтина Марковна. — Занялся своим делом; и очень хорошо, что смирился.

— Ой, беспокойно мое сердце! Ведь от него такое всегда жди, что и в голову другому не влезет.

А в зале продолжала гулко стрекотать швейная машина. Она то замирала, то опять начинала стучать, взывая. Потом раздался стук в дверь изнутри.

Послышался голос Володи:

— Мама!..

Евдокия Тимофеевна прикрыла рот рукой, боясь, что не выдержит и отзовется, — с такой обидой и с такой надеждой звучал голос Володи из-за двери.

— Мама!.. Ты только послушай...

— Ну, чего там тебе? Сиди уж! — не вытерпела мать.

— Мама, я последний раз спрашиваю: откроешь?

— Нет, — чуть не плача, отвечала Евдокия Тимофеевна.

— Ну, как знаешь.

За дверью стало тихо. Слышно было, что Володя отошел от нее. Потом Евдокия Тимофеевна услышала, что в комнате, как будто тут же за дверью, загудела проезжавшая машина, донеслись голоса с улицы. Она поняла, что Володя открыл окно. Обернувшись и видя, что Алевтины Марковны рядом нет, Евдокия Тимофеевна быстро нагнулась и припала глазом к замочной скважине двери. Она разглядела что-то белое, колеблющееся на голубом фоне неба в раскрытом окне. Дрожащей рукой она поспешила вставить ключ в замок, резко повернула его, отомкнула дверь, дернула на себя, вбежала в залу и увидела сына. Он уже стоял на подоконнике и привязывал к оконной раме скрученную жгутом длинную полосу белой материи. На мгновение в одном месте белый жгут развернулся, и Евдокия Тимофеевна увидела знакомую красную метку «Е. Д. «.

Сомнений не оставалось: то была большая простыня, разрезанная на полосы, сшитые в длину.

Володя стоял спиной к дверям и не слышал за уличным шумом, как вошла мать. Он уже наклонился над провалом улицы, одной рукой взялся за белую узкую ленту, спущенную за окно, другой схватился за край подоконника. Он согнулся, немного подавшись вперед, и... почувствовал, как его крепко обхватили сзади и стащили с окна.

— Ты что?! Ты что же это?.. Господи ты, боже мой! — задыхаясь, проговорила мать, повернув к себе лицом незадачливого беглеца, но не выпуская его из рук. — Да ты сам-то соображаешь? — Она зажмурилась, затрясла головой и вне себя от гнева и испуга размахнулась, чтобы дать Володе хорошего шлепка, но тут же снова уцепилась рукой за длинную белую полосу, привязанную к поясу сына.

А Володя стоял бледный, выпятив упрямо губу. Он не выпускал белого жгута, скрученного из кусков разрезанной простыни.

— Неужели правда бы выпрыгнул? — спрашивала его мать и трясла за плечи. — Нет, ты только мне скажи: так бы и выпрыгнул?

— А зачем же ты меня тут заперла? Я же слово дал ребятам, что приду.

— А обо мне ты хоть на столько вот подумал?.. А если б ты, не дай бог, убился?

— Мама, я все рассчитал, не беспокойся. Я бы вон за ту ветку схватился, если б у меня оборвалось. Ну, и снизился бы. Чего тут страшного! Невысоко совсем, всего второй этаж! Я бы и с третьего...

Тогда мать оттолкнула Володю обеими руками, села на стул и заплакала.

Володя, хмурясь, смотрел на нее. Слез он не выносил еще больше, чем грубости.

— Мама... из-за чего ты расстраиваешься? Ну правда же, я бы не убился.

— Уйди, уйди от меня!.. Сердца в тебе нет... Уходи куда хочешь.

Володя потоптался возле матери. Хорошо ей говорить теперь: «Уходи куда хочешь!» Как тут уйдешь?

— Я так, мама, не пойду. Я лучше совсем не пойду. Ладно, пускай скажут, что я от слова отступаю. Пускай!.. Раз тебе меня не жалко...

— Да иди, иди ты, бога ради! Иди, куда тебе надо.

— Нет, мама, ты меня не гони так. Я так не могу. Не пойду я тогда.

— Да как же я еще должна тебя уговаривать?

— Не уговаривать, а сказать: «Иди. Я тебе разрешаю. Чтобы в девять был дома». Ну, как всегда говоришь. Сама знаешь...

— Ну, иди, разрешаю. Отвяжись только! Чтобы к девять был, ровно!.. — рассмеялась мать и вытерла сперва один глаз, потом другой.

Володя бросился к ней на шею, принялся целовать, ворочать вместе со стулом. Она отбивалась, но он был очень цепкий. Ей пришлось сделать Володе двумя большими пальцами «под бочки», и только тогда он отскочил, визжа от щекотки, посмеиваясь и растирая ладонью бок.

— Ну, отпечился наконец, репей противный! — говорила мать, поправляя растрепавшиеся волосы. — Всю голову ты мне раскосматил. Иди отсюда! Чтоб я тебя до

девяти часов не видела!.. Ладно, сама приберу...

Солнце уже садилось за курганы Юз-Оба, когда Володя и все «юасы» во главе с Николаем Семеновичем, инструктором, поднялись на вершину Митридата.

Замечательный вид открывался отсюда.

Каждый раз, когда Володя бывал здесь, сердце его наполнялось особым чувством восторга, рожденным ощущением высоты и того сладостного, безграничного приволья, которое простиралось перед ним. Город внизу, под ногами, казался в этот час несказанно прекрасным. Он весь был виден отсюда. Скаты черепичных крыш, грани домов и строений, обращенные к западу, бронзовели, тронутые, как волшебной палочкой, пологими лучами заходящего солнца. Там и здесь, медленно пламенея, отражали закат стеклянные купола над лестничными пролетами больших домов. Расстояние и высота скрадывали изъяны, стирали неровности, подновляли, скрывали неприглядные мелочи, создавая прекрасные обобщения — все выглядело чистым, прямым, отмытым, свежим. Терраса за террасой убегала вниз, к подножию Митридата, большая лестница, в двести четырнадцать ступеней, как сосчитал Володя, неоднократно взбираясь сюда. На вершине, царившей над всем городом и заливом, прогуливался легкий ветерок, принимавшийся иногда посвистывать в мачтах метеостанции. Серые колонны часовни на могиле Стемпковского — знаменитого археолога, бывшего когда-то керченским градоначальником, — розовели от заката, и на них хорошо были видны всевозможные записи, сделанные керченскими школьниками, среди которых укоренилось поверье, что перед экзаменами и после них необходимо побывать на вершине Митридата. Поэтому стены часовни и ее колонны были испещрены надписями:

«В последние часы перед зачетом. Не поминайте лихом!.. «

«Ура! Сдали ботанику!»

«Науки юношей питают, а мысли в облаках витают...»

«Был здесь, глядел на город и мир, прощаясь перед гибелью по геометрии».

«Зря робел: не сдался и сдал на „отлично“.

«Я снова здесь, я снова молод, я снова весел и влюблен, но чему был равен x в задаче — так и не выяснил. Поживем — увидим!»

А сбоку тут же было приписано каллиграфическим старомодным почерком:

«Неучем будешь жить, неучем и помрешь, если вовремя за ум не возьмешься!»

... Вдалеке, на той стороне бухты, высились домны, напоминающие шахматные туры, и похожие на исполинский орган кауперы металлургического завода имени Войкова. Рядом с ним пестрел поселок, который керчане звали Колонкой. Хорошо были видны сверху зазубренные очертания Старой крепости и Генуэзского мола. Розовые плесы простирались по поверхности моря за маячком-моргуном на волнорезе. Прямо внизу, выступая в море, тянулся Широкий мол. К нему спешил катерок, оставляя хорошо видные сверху расходящиеся следы на поверхности моря.

Все это было знакомо и уже сто раз рассмотрено во всех подробностях. И все-таки, стоя сейчас на самой вершине древней горы, держа в руке легкую новенькую модель, вздрагивающую от ветра, словно порывающуюся в воздух, Володя опять испытал знакомое чувство восхищения и свободы, которое всегда словно поджидало его тут, на горе Митридат. Отсюда хотелось вступить в прозрачное бездонное пространство и поплыть, как во сне, над городом, над морем, перенестись туда, на далекий, полускрытый золотой стеной закатного света берег Тамани, за которым где-то уже близко вздымалось многоглавие Кавказа.

Володя держал модель над головой, как держат охотничьего сокола, готовясь отпустить его. Сейчас он только еще примерялся. Модель уже была испытана, опробована. Сам Василий Платонович — учитель физики — проверял расчеты Володи; инструктор Николай Семенович руководил постройкой. Верный Женя Бычков терпеливо помогал своему другу. И сейчас он заботливо оглядывал модель.

— Ну, заводи, — сказал Николай Семенович.

Володя присел на корточки. Возле него сейчас же оказался Женя Бычков. Он придерживал аэроплан за хвост, пока Володя накручивал резинку.

— Готово? — спросил Николай Семенович.

— Готово, — непривычно тихо сказал Володя. Он поднял модель обеими руками над головой, левой зажимая винт, а правой готовясь дать посылающий толчок.

— Приготовился!.. Внимание!.. Старт! — крикнул Николай Семенович.

Володя, сперва выгнувшись назад, занес модель далеко за голову. Затем выпрямился, мягким и сильным движением качнулся вперед и, одновременно опустив левую руку, правой послал свою модель в воздух.

И маленький белокрылый аппарат словно повис над склоном горы. Володя стоял, слегка нагнувшись. В нем все устремилось вперед: и взор, и протянутая рука, и выпяченная напряженно губа плотно сжатого рта, и каждая клеточка тела, — все тянулось за летящей моделью, только что выпущенной из пальцев, и словно поддерживало ее в воздухе.

А маленький самолетик все летел и летел. С горы казалось, что он парит над городом. Он уже пролетел над лапидарием, потом, как чайка, подхваченный восходящим потоком, который снес его чуть в сторону, описал широкую кривую, словно очерчивая пространство вокруг горы. Наверное, его видели и у школы на Пироговской, и на улице Ленина, и, может быть, даже птицелов Кирилюк поднял сейчас голову к небу, любуясь полетом чудесного аппарата, не подозревая, что видит дело рук своего маленького приятеля из школы имени лейтенанта Шмидта...

Уже давно должен был кончиться завод на модели, но она продолжала парить: теплые воздушные токи поднимались от нагретой за день земли, подпирая невесомые крылья и не давая модели снижаться. «Юасы», рискуя свернуть себе шеи, бежали вниз по крутому склону, закинув вверх головы, кричали что-то восторженно, спотыкались на осыпях известняка и античной черепицы, поднимались и снова бежали вслед за летящей моделью.

Но вот наконец она мягко опустилась далеко внизу носиком вперед, с разлету заскользила по траве, замерла и чуть-чуть шевельнулась снова, тронутая ветром. Прибежавший сюда Володя подхватил ее.

Все окружили его, поздравляя. С уважением поглядывали «юасы» на Володину модель. Володя поискал глазами Женю Бычкова.

— Видишь, — крикнул Володя, — планирует! — Потому что не перетяжелил, — сказал Женя. — Ты знаешь, Володя, она норму в полтора раза перекрыла наверняка.

Принесли рулетку, отмерили от ближайшего утеса расстояние до точки приземления модели. Сколько метров от утеса до вершины, было всем известно. Гора была уже давно размечена «юасами». Подсчитали, сложили, и оказалось, что модель пролетела по прямой без малого две нормы. А сколько она еще прошла по кругу!

— Ну, Дубинин, на этот раз поздравляю! — сказал Николай Семенович, когда все поднялись снова на вершину. — Еще немножко поработаешь — назначим тебя инструктором, новеньких обучать. Теперь могу сказать: своего добился.

Володя так и не понял, кто добился своего: сам он или Николай Семенович. Он не стал уточнять. Ему было очень хорошо. Пространство, уходившее внизу в густеющую синь вечера, теперь казалось ему достигаемым. Он там словно рукой ко всему прикоснулся. Стоя на вершине Митридата, он глубоко вдохнул в себя становившийся прохладным душистый вечерний воздух. Запахло морем, травой, далеким дымом — словом, всеми ароматами жизни, необъятность которой он сейчас вдруг ощутил...

И Володя снова запустил свою модель; а рядом с ним, выпущенные из верных рук его друзей, «юасов», взмыли вверх, понеслись по прозрачным, воздушным скатам, кружась, взлетая и приземляясь, ловко сработанные модели, за которыми ревнивыми и мечтательными глазами следили стоявшие на вершине древней горы мальчишки, гордые покорители воздуха.

Глава IX Испытания

— Вот, значит, какие у нас были главные перелеты, — закончил свой рассказ Володя и

строго оглядел сидевших перед ним малышей. — Потому что наши летчики — лучшие из всех в мире, они — смелые соколы! Им ничего не страшно. И конструкторы — это которые выдумывают и строят новые самолеты — у нас тоже самые лучшие. Ну, я все понятно рассказал?

— Все понятно! — радостно заторопились малыши. — Еще расскажи!..

— А раз все понятно, так я вас сейчас буду вызывать... Ну, то есть спрашивать, кто что запомнил.

С этого года Володя, уже перешедший в шестой класс, выполняя пионерское поручение, проводил беседы с ребятами первого класса. Началось все с того, что Володя как-то заступился на школьном дворе за маленького первоклассника, к которому приставал здоровенный парень из седьмого класса. Обидчик был на голову выше Володи, которому с ростом никак не везло: Володя все еще продолжал оставаться самым маленьким в классе. Но Володю, когда дело доходило до драки, рост не очень смущал. У него даже выработались особые приемы, сообразно росту. Он обычно налетал снизу и так ловко подсекал высокого противника, что тот кубарем летел через него. Прием этот Володя разработал, испробовав его на терпеливом Жене Бычкове. Впрочем, до настоящей драки на этот раз дело не дошло. Услышав, что малыш плачет и просит отдать отнятый у него красно-синий карандаш, Володя нагнал долговязого грабителя и сказал:

— И не совестно... у маленького?!

— Ты-то сам больно велик! — отвечал тот.

— Велик не велик, а на тебя хватит!

— Чего хватит?

— Да всего хватит. Ума, например.

Далее беседа шла в чисто парламентских выражениях.

— А известно тебе, что бывает с некоторыми, которые имеют привычку чужое хватать? — задал вопрос Володя.

— А я твое брал? — не сдавался обидчик.

— Сейчас узнаешь, чье брал.

— Отскочи, тюка цел!.. Нет у меня желания с тобой связываться.

— Тогда отдай, что у маленького взял.

— А ты кто такой выискался? Короток еще командовать!

— Короток, да до тебя достану. Не знаешь еще, кто повыше!

— Ну на, померься: ты мне с головкой — по шею.

— Ну, значит, равные.

— Как так — равные? Я ж вон тебя на голову...

— А кто твою голову в расчет брать станет? От нее толку-то никакого.

Тут далее последовало то, что обычно называется в газетах «бурная сцена в парламенте». Получив сверху «леща» по макушке, Володя успел ударить лбом под ложечку противника, отчего тот перегнулся разом в поясе, весь скрючился, а Володя, забежав сзади, ловко вскарабкался к нему на спину, колотя по шее и крича:

— Кузнец Вакула на черте! Отдай, что взял, а то я на тебе домой поеду!

И, как ни вертелся тот, стараясь сбросить с себя Володю, как ни пытался он стукнуть его о стену, пришлось сдаться и отдать Володе отнятый карандаш.

— Ну и все, — объявил Володя. — Можешь быть свободным. Только в следующий раз помни, что у меня такое слово: если сказал — значит, уж не отступлюсь.

Потом он вернулся к плакавшему малышу и вручил ему карандаш. Тот долго не мог успокоиться — очень уж велика была обида — и все всхлипывал. Володя сел перед ним на корточки, раскрыл свою сумку, поискал в ней бумажку и, так как свободной не нашлось, вырвал, не думая о последствиях, листок из тетрадки. Быстро переворачивая в пальцах карандаш, он нарисовал малышу синее море, красный корабль, из труб которого валил синий дым, а над ним синий самолет с красными звездами на крыльях. И малыш, окончательно ошарашенный, пошел домой, неся перед собой надетый на карандаш в виде флага этот

дивный рисунок.

С того дня Володю стали окружать во дворе школы малыши, с восторгом разглядывая его, дивясь силе и смелости этого тоже на вид не очень большого, но, очевидно, уже умудренного жизненным опытом мальчика. Володя охотно рисовал первоклассникам самолеты и корабли. Бумажные же голуби, которыми он одаривал малышей, побивали в первом классе все рекорды дальности полета.

И кончилось тем, что председатель штаба пионерского отряда Светлана Смирнова, должно быть по наущению Юлии Львовны (так, по крайней мере, подозревал сам Володя), нагрузила пионера Дубинина культурно-шефской работой в первом классе. Так и было записано в протоколе сбора.

Сперва Володя и слышать об этом не хотел: «Что я, нянечка, что ли, им? Ну их, этих малят! Носы вытирать?.. О чем я говорить им стану? Модели они строить еще не способны. Ну, назначили бы, в крайнем случае, по футболу тренировать их или плавать учить. Это я бы еще — туда-сюда. А то — веди работу! Как ее делать-то, эту культурно-шефскую?» Но потом с ним поговорила Юлия Львовна. А Юлия Львовна умела так говорить, что самые простые, обыкновенные вещи вдруг оказывались необыкновенно интересными, а самые сложные дела на поверку становились не такими уж трудными. Юлия Львовна посоветовала рассказать малышам о том, что интересует прежде всего самого Володю.

— Что же, я им буду про гражданскую войну, про Чапаева, что ли, рассказывать?

— Очень хорошо. Перечитаешь, что надо, и расскажешь.

— И про самолеты можно?

— И про самолеты.

— Они же ничего не поймут.

— А ты, когда такой был, разве ничего не понимал?

— Так тож я... Я же в их возрасте уже побывал везде.

— Ох, Дубинин, мало тебе, видно, попадало еще!

— С меня хватит, Юлия Львовна.

— Нет, еще добавить придется.

Пошутить пошутили, а за дело пришлось браться серьезно. Ребята задавали иной раз такие вопросы, что Володя попадал впросак. Поэтому он стал основательно готовиться к занятиям, чтобы не уронить перед малышами высокого звания шестиклассника. Сегодня он провел беседу «Исторические перелеты советских летчиков». Ребята слушали его хорошо. Володя держал малышей строго.

— Чтоб мне было тихо! — говаривал он и стучал указательным пальцем по столу. — Вы у меня смотрите! Я разгуливаться не дам. У меня главное — дисциплина. Понятно?

Он во всем старался подражать Юлии Львовне, ввертывая словечки, слышанные от Ефима Леонтьевича, а иногда применял отцовские выражения.

— Ну, кто хочет рассказать, повторить или вопрос какой задать? — спросил он, кончив беседу о перелетах.

— Володя, я хотела спросить... — начала была маленькая первоклассница, но Володя остановил ее.

— Что это за разговор — «я хотела»? На всякое хотенье есть терпенье. Желаете спросить — подними руку. Спросят — отвечай.

— Можно, я спрошу? — проговорила та же девочка, подняв руку.

— Теперь спрашивай.

— А Чкалов, когда был маленький, хорошо учился? Володя поглядел на нее строго, оправил куртку, сказал веско, совсем как отец:

— Учился хорошо. По всем предметам на «пять», Но по тому времени, конечно, поведение было у него иногда слабое, потому что не знал еще дисциплины. Понятно тебе это? И вообще, когда про таких людей учишь, имей в виду: надо не их ошибки повторять, а изучать, как они их преодолели.

Володя прислушался сам к своему голосу. Ничего... Звучит совсем как у Юлии

Львовны.

Малыши смотрели на Володю доверчиво и почти влюбленно. Им нравился этот старшеклассник, сам он не очень большой, но все знающий и, должно быть, силы необыкновенной — иначе он побоялся бы отлупить того долговязого... Увлеченный назидательной беседой, Володя долго не замечал, что сбоку один паренек все время тянется вверх, подняв уже затекшую руку. Наконец девочка, только что спрашивавшая его о Чкалове, опять вскинула руку вверх.

— Что? Опять у тебя вопрос?

— Нет, — сказала девочка, вставая, — я хочу сказать только, что Илюша Сыриков хочет вас спросить что-то. Он давно уже руку держит.

Тут только Володя заметил, что сидевший сбоку Илюша Сыриков не только поднял руку, но уже подпирает ее под локоть другой рукой.

— Ну, спрашивай, Сыриков.

— Володя Дубинин, можно вас спросить? — сказал, робея, паренек, — А вы тоже хорошо учились, когда были маленький?

— Это к делу не относится! — поспешно отрезал Володя, опасаясь, как бы разговор не перешел к сегодняшнему дню. — Понял? Это — во-первых. А во-вторых, если хочешь знать, я в твоём возрасте круглый отличник был.

Все малыши с уважением поглядели на Володю.

— А мне сегодня тоже «отлично» поставили, — сообщил Сыриков.

— По какому предмету?

— По физкультуре... Мы приседания делали. Володя поспешно сказал:

— Ну и хорошо!.. Вопросы еще есть по самолетам?.. Нет вопросов? Ну, хватит на сегодня. Будьте здоровы, ребята!

— До свиданья!.. До свиданья, Володя Дубинин! Спасибо!.. Как ты интересно рассказывал! — наперебой благодарили малыши.

Володя поправил пионерский галстук на груди и вышел в коридор. За дверью стоял его вожатый — девятиклассник Жора Полищук. Володя смутился. Неприятно было, что вожатый слушал его поучения малышам. Но Жора, сам как будто несколько смущенный, сказал:

— Кончил?.. Как прошла беседа? По-моему, живо, Молодец, справляешься! Видишь, а хотел отвертеться.

Володя промолчал. Вожатый заглянул ему в лицо и продолжал:

— Ты знаешь, что тебя на заседании штаба отряда ждут?

— Меня? — удивился Володя.

— Разве тебе не передавали? Как же это так?.. Ты Валю видел?.. Ну, если не знаешь, так я тебе сообщаю. Тебя вызывают на заседание штаба. Все собрались, ждут, дело за тобой.

... Солнце, готовясь сесть за склон Митридата, слало в класс свои прощальные низкие лучи. Яркие оранжевые прямоугольники, расчерченные тенями от переплетов оконных рам, горели на светлой стене класса. За столом сидела Светлана Смирнова — председательница штаба отряда. На ней было темное клетчатое платье, из которого она немножко уже выросла, отчего руки и ноги казались чересчур длинными. Золотистые косы она теперь носила уложенными вокруг головы, и от этого голова казалась крупнее, зато шея, вокруг которой был повязан красный галстук, выглядела такой тоненькой...

Члены штаба восседали на передних партах. Володя вошел и отсалютовал. Ему отвечали также вскинутыми вверх над головой ладонями. Он заметил, что некоторые члены штаба посматривают на него с недобрый любопытством, а другие, наоборот, отводят взоры, едва только он посмотрит на них.

Вожатый Жора Полищук зашел за спину сидевшей Светланы, что-то шепнул ей на ходу, чуть наклонившись, и, отойдя к стене, прислонился к ней, заложив назад руки.

— Ну, начнем, — сказала Светлана и встала. — Заседание штаба отряда шестого класса «А» считаю открытым. На повестке один вопрос: об успеваемости пионеров нашего класса.

Володя насторожился.

— Что мы тут имеем? — продолжала Светлана Смирнова, не глядя на Володю. — Мы имеем тут недопустимое явление... со стороны отдельных наших активных пионеров. И прежде всего — со стороны Дубинина Володи.

— Здорово живешь! — воскликнул Володя. — Значит, все дело во мне?

— Дубинин, ты получишь слово и тогда все скажешь. А сейчас я тебе слова не даю. Почему я так сказала, что прежде всего со стороны Дубинина? Потому что, ребята, у него большие способности. Это все учителя говорят. Он, когда захочет, может быть лучше всех. У него стало по дисциплине лучше, а зато по многим предметам мы у него имеем, то есть он сам имеет, отставание. Потому что он чересчур сильно увлекающийся. За что берется — у него получается. А потом он начинает чем-нибудь другим интересоваться, а это уже бросает. Потому что нет, мама говорит, усидчивости.

— То, что твоя мама говорит, я и без тебя знаю, — подал реплику с места Володя.

Но Светлана не удостоила его ответом и продолжала:

— И вот теперь что мы имеем? Наш класс всегда по успеваемости шел впереди. А теперь мы где? Конечно, тут дело не в одном Дубинине... Я так не говорю совсем. Но он имеет на других влияние. Он один из активных самых... А в последнее время сам становится отстающий и тянет назад других. Особенно это относится к русскому языку. Кто хуже всех написал сочинение в прошлый раз?

— Это только в смысле ошибок, — запротестовал, вскакивая, Володя, — а по смыслу, Юлия Львовна сказала, верно написано.

— А ошибки — это что? Уже не считаются? Ты три грамматические ошибки сделал, а работа пошла в гороно, и ты опозорил весь класс.

Все смотрели на Дубинина. Володя покраснел. Он почесал подбородок о плечо, тихо буркнул про себя:

— Я не виноват, что у меня в голове грамматика за смыслом не поспевает.

Как хорошо, что не видели его сейчас малыши, перед которыми он пять минут назад так уверенно разглагольствовал об ошибках знаменитых людей и их исправлении!

Жора Полищук оттолкнулся ладонями заложенных за спину рук от стены и медленно подошел к стулу, за которым сидела Светлана.

— Это ты сказал очень правильно, — заметил он Володе. — Смысла у тебя действительно в голове хватает. Но для того ты сейчас и проходишь грамматику, синтаксис, чтобы этот смысл мог толково передать другим, правильно выразить словами.

— Знаю. «Предложение есть мысль, выраженная словами». Проходили в третьем классе, — проворчал Володя. Ему пришла в голову забавная мысль. Вот сейчас Жора так хорошо и красиво говорит ему и другим пионерам об учении. А несколько минут назад он, Володя, поучал малышей. Кто знает... может быть, вечером на комсомольском собрании попадет самому Жоре за недостаточную успеваемость?.. Вот смешно было бы! И, осмелев, он поднял руку:

— У меня вопрос — можно?.. Я хочу спросить Жору: а как у него у самого с успеваемостью?

Тут наступила очередь смутиться вожатому.

— Это не имеет абсолютно никакого отношения к вопросу! — рассердилась Светлана.

— Ну и моя успеваемость не имеет никакого отношения к пионерской работе, если на то пошло, — сказал Володя. — Поручение от штаба я выполняю, замечаний не было. А ошибки мне в тетрадке Юлия Львовна подчеркнула. И хватит!

Жора Полищук положил руку на стол, покачал головой:

— Ты говоришь, Дубинин, «если на то пошло». Нет, у нас на то не пойдет. Дубинин, вероятно, думает, что ловко поймал меня. Здорово, мол, вожатого срезал, деваться некуда, к стене припер. Эх ты, Дубинин, Дубинин, а еще активный пионер, передовиком считаешься! Беседы проводишь с маленькими...

— Он наш авторитет подрывает, — пожаловалась Светлана.

— Да нет, — вожатый поморщился, — ты не думай, Смирнова, что я за авторитет боюсь. Правда прежде всего должна быть. Тебе, Дубинин, интересно выяснить мою успеваемость? Изволь. Да, не скрою, могла бы тоже быть лучше. Но по сравнению с началом года я сильно подтянулся, у меня теперь только по одному предмету «посредственно», два «хорошо», а все остальное — «отлично», И будь покоен, Дубинин, и это «посредственно» я скоро минимум на «хорошо» исправлю. Ты не думай, что отметки — это одно, а пионерское дело — другое. Знаешь, как меня на нашем комсомольском собрании прочесывали, когда я поотстал? Сразу предупредили, что живенько меня освободят от вас и не буду я больше вожатым. Думаешь, это приятная перспектива? Это — позор. И я взялся за дело. А сейчас я тоже предлагаю решить так: если Дубинин по русскому не подтянется, освободить его от занятий с младшими. Значит, он не справляется, ему времени не хватает. А если и после этого, не возьмется за ум и будет еще доказывать, что успеваемость пионера — это только его личное дело, достоин ли такой способный парень, не желающий заниматься в полную свою силу, считаться настоящим пионером?

Володя вскочил:

— Ну, знаешь, Жора!.. Это уж ты... Я понимаю, если бы я что-нибудь такое... — Володя обеими руками затянул галстук и замотал головой. — Ты так не можешь говорить!

— Там видно будет, могу я говорить или не могу, — ответил Жора. — Вообще, я ведь только предлагаю, — это как штаб решит. Но от занятий с маленькими я бы уже сейчас решил его освободить.

— Слышишь, Володя? — спросила Светлана. — Как ты сам считаешь?

— Дайте мне срок, — сдался Володя, — а потом решайте.

— Ух ты несчастный! — внезапно набросилась на него Светлана, сжимая худенькие кулаки: она нечаянно сорвалась с начальнического тона — так разозлил ее вдруг Володя. — Вот уж правда несчастный!

— Почему это я несчастный, спрашивается?

— Да потому, что всегда из-за тебя что-нибудь выходит! Грамматику до сих пор выучить не можешь!

— Ну насчет того, кто несчастный, так это еще посмотрим. Назначьте срок! Какой постановите — за такой и выучу все.

Светлана посоветовалась негромко с членами штаба и повернулась к Володе:

— Месяца тебе хватит?

— Смотря на что.

— Ну, чтобы ты согласования выучил, повторил пройденное, окончания все знал.

— За глаза хватит.

— Тогда мы так и запишем. Ну, смотри только, Дубинин, ты штабу слово дал!

— А где это было записано, чтобы я слово дал да отступился? — гордо заявил Володя. — А с малятами можно заниматься?

— По-моему, пускай пока занимается, — решила Светлана, обращаясь к членам штаба.

— У меня есть еще одно предложение по этому вопросу, — сказал вожатый. — Кто-нибудь должен проверять Дубинина и, если надо, помогать. За кем запишем? Может быть, ты сама возьмешься, Светлана? Тебе и Юлия Львовна в случае чего поможет, направит как надо.

— Я? — Светлана высоко вскинула брови.

— Она? — спросил, привставая, Володя. — Ну уж нет, спасибо!

— Да уж, пожалуйста... — проговорила Светлана.

— Обойдусь и один!.. — заупрямился Володя.

— Напрасно, напрасно отказываешься от товарищеской помощи, не годится так пионеру! — сказал вожатый. — А я бы все-таки записал это за Светланой.

Светлана смотрела в упор на Володю. По тоненькой шее ее расплзлось розовое пятно, потом стали краснеть уши, и вот вся она залилась нежной розовой краской до самых волос. Она досадливо встряхнулась и сказала:

— Если Дубинин не будет против — пожалуйста, как штаб решит. Мне совершенно безразлично.

По дороге домой дурное настроение Володи постепенно прошло. Он шел, размахивая сумкой, проводя ею по перекладинам попадавшихся на пути палисадников, чтобы она отбивала барабанную дробь, и, насвистывая, прикидывал в уме, как ему теперь надо распределить время, чтобы успеть и в «ЮАС» сходить, и с малятами позаниматься, и согласования выучить. То, что он за месяц успеет подтянуться, не вызывало у него никаких сомнений. «Захочу — и сделаю, раз обещал — точка», — думал он.

Еще в сенях у лестницы он почуял запах крепкого трубочного табака. Значит, отец был уже дома. Он не ожидал, что отец вернется сегодня из рейса. А вот и Бобик выполз из чулана под лестницей. Только вид у него был такой, будто ему только что крепко влетело. Он издали робко помахал хвостом, а когда Володя протянул руку, чтобы погладить его, припал к земле и быстро отскочил. Он даже тихонько взвизгнул, словно Володя замахнулся на него.

— Ты что это, Бобик? Чего испугался? Володя посвистел, подзывая Бобика, взбежал по лестнице, постучался в дверь. Ему открыла мать.

— Мама, дай какой-нибудь мосольчик, я Бобику кину, — заговорил Володя и стал снова подсвистывать собаку.

— Тихо ты, без свиста, пожалуйста! — вполголоса остановила мать. — И не приваживай сейчас собаку. Гавкает тут, вертится... Не до нее!

Мать закрыла дверь, пропустив в комнату Володю, и сказала еле слышно:

— Беда у нас, Володенька... Папу...

Она одной рукой закрыла лицо, другой рванула подол фартука и закусила край его зубами.

Володя, чувствуя, как что-то тяжелое и холодное накатывается ему на сердце, широко раскрытыми глазами посмотрел на мать, боясь спросить ее, что произошло.

— В зале он, — шепнула, всхлипывая, мать.

Володя почти бегом, стараясь не шуметь, бросился в залу. Он увидел там отца, который сидел у окна и держал в откинутой руке трубку. Он сидел спиной к Володе, и все — неподвижность его, непривычная сутулость широкой спины, какая-то оцепенелость всей фигуры, погасшая трубка в опущенной руке, — все это говорило Володе о том, что произошло несчастье. Чутьку поодаль, лицом к отцу, сидела на стуле Валя. Сложенные вместе ладони ее рук были втиснуты меж колен. Она сидела наклонившись, опустив плечи, и не сводила красных глаз с отца. Услышав, что входит Володя, сестра приложила палец к губам, поднялась и пошла навстречу брату. Она схватила Володю за руку и вывела за дверь.

— Папу с работы сняли, — с трудом выговорила она.

Она ждала, должно быть, что Володя, услышав такую весть, ахнет, ужаснется, кинется расспрашивать. Но у него только лицо стало серым, как ракушечник, словно помертвело, да и без того огромные глаза медленно расширились в горестном изумлении.

Сестра повторила:

— Из партии могут исключить. Понял ты?

Володя все молчал. Он медленно усваивал то, что сказала сестра. Он слышал ее слова, понимал их значение — каждое в отдельности, но смысл услышанного, вот то самое, про что сказано в грамматике — «мысль, выраженная словами», еще не проник в его сознание. Тогда сестра шепотом рассказала ему, что отец как-то дал рекомендацию в партию и на работу одному моряку, который плавал прежде на «Красине», где Никифор Семенович был помполитом, а человек этот оказался ненадежным. Он запустил корабль, имел уже две аварии, а на днях совершил совсем уже непростительный для всякого честного моряка поступок: вышел пьяным на вахту и разбил судно о скалы. Пострадало несколько моряков, погибло много ценного груза.

А отец ручался за него и как за коммуниста, и как за работника. И вот теперь того моряка будут судить, а отца временно отстранили от службы.

— Ты бы пошел к папе-то, — тихонько посоветовала подошедшая Евдокия

Тимофеевна. — А то он третий час вот так сидит, ни с кем ни слова. А как пришел, как сказал мне все, да и говорит: «Ох, Вовке это узнать просто будет убийство!» Он еще за тебя болеет.

И Володе стало страшней всего то, что отцу стыдно, тяжело сказать о происшедшем ему, сыну. Он решительно подошел к отцу. Никифор Семенович медленно повернул к нему свое большое, красивое, сейчас словно погруженное в сумрак лицо. Он поднял руку с потухшей трубкой, улыбнулся бледной, виноватой улыбкой и уронил снова руку вниз.

— Вот, Вова... Слышал? — проговорил он глухо, неловко усмехнувшись и как бы извиняясь перед сыном, что доставляет ему такую неприятность. — Такая, брат, незадача...

— Мне уж Валя сказала, — отвечал Володя. Оба помолчали.

— Видишь, как оно бывает, — продолжал отец. — Понадеялся вот на человека, а он...

Никифор Семенович повел рукой и опять устался в окно.

Сердце Володи царапала и сосала нестерпимая жалость. Никогда в жизни не видел он отца таким. Самое страшное было именно в том, что отец, которого Володя считал самым сильным, несокрушимым, образцовым, отец, которым он так гордился, чьей боевой молодости он завидовал, отец, всегда и во всем бывший его первой опорой, — вдруг попал в такую беду. Ужас, испытанный при этой мысли мальчиком, был, вероятно, подобен тому чувству потерянности, которое ощущают люди при землетрясении, когда земля — самое устойчивое и надежное из всего, что есть, основа основ — вдруг начинает колебаться, терять устойчивость и отказывается быть опорой для всего движимого и недвижимого. И все проваливается...

— Папа, — попытался утешить Володя, — ведь ты же все равно будешь за все это стоять... ну, бороться, в общем... Папа, у тебя ведь только партбилета не будет, ну, удостоверения... а ты сам будешь коммунист.

— Коммунист не может быть так, сам по себе, — отвечал отец. — Глупый ты еще! Тут у человека, пойми, сила оттого, что он с такими же еще, как сам он, в одно целое входит. А это целое — огромное, могучее — и есть, сынок, партия. А сам по себе что же? Один в поле не воин. Я, Владимир, с первого года Советской власти в партии. В партии человеком стал. В партии учился. Партия меня в люди вывела. Ну что я такое буду без партии? Ровным счетом ничего.

— А как же беспартийные? — спросил Володя. — Ведь есть же которые не в партии, а ведь тоже и в гражданской участвовали, и работают хорошо.

— Так кто ж, чудак, с этим спорит! Не про то ж разговор! — Отец устало повернулся к Володе. — Люди работают и великие дела творят — не все обязательно в партии. Но партия — это те, кто впереди. Это — гвардия народа. Партия — это всему народу головной отряд. И быть в его рядах — великая честь, сынок. Ее заслужить надо. А я вот как будто и заслужил эту честь, да поручился словом большевика и честью партийной за негодного, на поверку, человека и сам через то доверие партии могу потерять.

— Папа, а если исключат, это уж насовсем? — спросил Володя.

— Нет, это уж брось! Не такие мы с тобой, брат, чтобы так сразу насовсем нас вычеркивать. Мы, брат, Дубинины. Меня так, резинкой с листа, не сотрешь!

— Конечно, папа! — обрадовался Володя. — Помнишь, в каменоломне-то написано «Н. Дубинин». Сколько лет, и то с камня не стерли.

— Вот верно, Вовка, это ты мне хорошо напомнил. Спасибо тебе! Моя фамилия, конечно, не столь уж знаменитая, чтобы гремела, да люди добрые ее не хаяли. Я кровью своей в те партийные списки в восемнадцатом году фамилию свою вписал, Вовка. Ясно тебе, в каком смысле?.. Вот. И в камень я ее врубил с честью, и в бортовые журналы я ее вписывал без позора. А теперь что же? Нет, Вова, будет наша фамилия на должном месте. Еще посмотрим, что партийный комитет скажет. А не то еще и в горком пойду. Так тоже, сразу, нельзя... Хотя и виноват я, не спорю, но тоже так уж чересчур... Ну, выговор заслужил, и спорить не стану. А из рядов вон — это уж извини. Я, в случав чего, в Москву поеду и правду найду...

Он уже давно ходил по комнате, трубка в его руке дымила, а Володя стоял и поворачивал голову вслед за отцом то влево, то вправо, сосредоточенно следя за ним. И у мальчика постепенно проходило давешнее тяжелое чувство, когда ему казалось, будто какая-то могучая и неумолимая, строго шагающая людская громада, в рядах которой шел отец, продолжает двигаться своей дорогой, а отец отстал... Нет, отец еще зашагает в ногу со всеми!

Но отец, короткое возбуждение которого спало так же внезапно, как и возникло, вдруг замолчал и опять посмотрел на Володю тяжелым, полным боли и смущения взглядом.

— Да, Владимир, не пожелаю я тебе когда-нибудь испытать такое. Береги свое слово. Даром не бросайся им ни за себя, ни за других. А если будешь коммунистом, еще в сто раз пуще береги. Это большое дело — слово коммуниста...

Он подошел к Володе вплотную, вздохнул тяжело, как от боли, зажмурился, взял Володю обеими руками за локти:

— А сдаваться не будем. Верно, Владимир? Дубинины мы еще или нет?

— Дубинины, папа.

— Ну, значит, так пока и решаем.

Потом Никифор Семенович пошел с матерью к одному из своих товарищей посоветоваться, как лучше действовать. Володя остался один с Валентиной. Алевтина Марковна несколько раз выходила из своей комнаты и громко сочувственно вздыхала у дверей в залу, давая знать, что она в курсе дела и не прочь посудачить на эту тему. Володя встал и закрыл дверь перед самым ее носом.

— Прелестное обращение! — донеслось из-за двери. — Сынок в папашу!..

Володя почувствовал, как у него жарко загорелось все лицо, он хотел что-то крикнуть соседке, но посмотрел на сестру, сдержался и молча пошел к своему столу. Там он стал машинально перебирать свои книжки и тетради. Сестра подошла к нему и спросила, правда ли, что его сегодня вызывали на заседание штаба отряда.

— Ну, правда, — неохотно отозвался Володя. — А тебе уже заранее ваш Полищук наговорил? Ну ничего, я его сегодня осадил.

— Как же ты его осадил?

— А я ему насчет успеваемости его собственной тоже намек сделал. Он так сразу и сел.

— Все-таки цыпленок ты еще, Вовка! Верно зовут тебя: Вовка-птенчик. Чем же ты его осадил, когда у Жорки уже почти кругом «отлично», он у нас один из лучших сейчас в классе.

— Ну да?.. — недоверчиво протянул Володя.

— А ты и не знал? Ну, оставим его. Ты мне лучше скажи: подтягиваться думаешь?

Володя задумался, посопел, потерся щекой о плечо.

— Я, Валя, сперва собрался, даже слово ребятам дал. Но сейчас как-то мне уже стало все равно. Раз уж с папой так...

— Эх, Вовка, Вовка!.. — Валя почувствовала вдруг себя совсем взрослой. — Уши вянут слушать, что ты говоришь! Сейчас, наоборот, нам надо обоим подтянуться. У отца с матерью и так переживаний хватает.

— Да я бы начал подтягиваться... Только они ко мне хотят Светлану Смирнову прикрепить. Это потом все ребята задразнят.

— Ну и пусть их дразнят. А что за ошибки дразнят — это лучше? Вовка, а ты бы показал мне, в чем ты там отстаешь...

В другое время Володя бы пренебрежительно хмыкнул, посоветовал бы сестре не совать нос куда не надо, но сегодня он доверчиво вынул из сумки тетрадку, показал ошибки в письменной и сам попросил рассказать про согласование окончаний. И они сидели допоздна плечом к плечу, сдвинув стулья, склонившись над учебником, и Володя, смилив свою гордыню, терпеливо повторял правила, как того требовала сестра.

На другой день в школе после уроков, когда Володя уже собрался домой, его остановила Юлия Львовна.

— Я слышала, неприятности у твоего отца? — спросила она. — Тебе, верно, сейчас трудно, Дубинин. Может быть, мне тебя некоторое время не вызывать? Я почти не сомневаюсь, что у отца в конце концов уладится. Он такой человек, сколько сделал... Это все учтут... Так как же, Дубинин?

— Спасибо, Юлия Львовна, только это не надо... Вы меня, как всегда, вызывайте. Я дал слово, что выправлюсь, а вы знаете...

— Знаю, знаю: Дубинин дал слово — Дубинин не отступится. Ну, верю, верю. А ты бы к нам приходил, ведь, по-моему, штаб дал пионерское поручение Светлане тебя проверять, а?..

— Вот немножко выучу, тогда пусть проверяет, — отвечал Володя.

И на следующей неделе Володя попросил Светлану Смирнову остаться в классе после уроков, чтобы спросить его по русскому языку. Они сидели вдвоем в шестом классе, где с черной доски еще не были стерты параллелограммы, оставшиеся после урока геометрии, и свисала влажная тряпка, еще не успевшая высохнуть, а на отдушнике болтался бумажный чертик.

Светлана села за учительский стол, а Володя устроился на пюпитре передней парты и обхватил колени руками. — Ну, о чем тебя спрашивать? — спросила Светлана.

— Спрашивай по всему разделу, — предложил Володя.

— Ну, ладно, смотри, Дубинин! Если по всему, так скажи мне...

Несколько минут подряд она гоняла его по всему злополучному разделу грамматики. Володя отвечал без запинки, насмешливо поглядывая на серьезничавшую председательницу штаба.

— Вот видишь, какой ты способный, Дубинин, — сказала наконец Светлана. — Если бы ты не был такой баловной, так из тебя бы первый отличник вышел.

И где же было Светлане догадаться, что ее нерадивый подшефник все это время не сидел без дела! Еще в прошлую субботу он уехал с ночевкой в Старый Карантин к своему верному другу Ване Гриценко. На этот раз Володя должен был перебороть свой нрав и держался с непривычным для него смирением. Ваня сразу заметил перемену в своем младшем дружке.

— Ты что такой приехал?.. Живот, что ли, болит? Пошли в лапту играть, пока не стемнело. Чур, только я подавалой буду.

— Не за лаптой я к тебе, Ваня, приехал, — проговорил Володя, глядя в сторону. — А вот можешь ты меня, если друг по-настоящему, подогнать? — Куда подогнать?

— Ну, по занятиям. У меня согласования там не получаются... На отряде уже прорабатывали. И я дал слово, что подгоню. А мне Светланку приставили. Знаешь, Смирнова? Она у нас председательница штаба.

— С нянькой, значит, поздравляю тебя! — съязвил, не выдержав, Ваня.

У Володи сжались кулаки.

— Слушай, Ванька, если ты так будешь, тогда лучше сразу прощай! Я ведь к тебе, кажется, как к человеку приехал. Мне самому неохота, чтобы она о себе много понимала: вот, мол, какая я, подтянула Дубинина. А ты мне лучше помоги, я тогда сразу и слово выполню, и ей покажу, что мы и сами с усами. Понятно тебе? Я уж сам кое-что подучил. А ты меня проверь.

Ваня поглядел в окошко, за которым слышались голоса старокарантинских ребят, собравшихся играть в лапту, потом посмотрел на Володю. Ему понравилось, что Володя, всегда державшийся независимо, сегодня присмирел и разговаривает с ним почтительно. Признал-таки, видно, старшего. Все же он решил проверить Володю.

— Ладно, если просишь, идет, — сказал он снисходительно. — Только одно имей в виду: я насчет занятий строгий. Я уж тебя погоняю! Ты у меня вспотеешь. Так, чур, не отступать. Ну? Книжку захватил для занятий?.. То-то. Давай сюда. Показывай, где вы тут проходите? Что тут непонятно? Это, что ли?.. Оба сели к столу.

— Руки со стола прими! — продолжал Ваня еще более сурово. — И кошку под столом

оставь в покое. Нечего посторонними предметами заниматься.

— Кошка, кстати, не предмет. Она — одушевленное, — ехидно заметил Володя.

— А если ты сам такой уж ученый, так сам и занимайся! — рассердился Ваня и захлопнул учебник.

Пришлось Володе клясться, что он совсем не ученый и, ей-богу, больше ни одного замечания в жизни себе не позволит. Ваня смягчился и снова раскрыл книгу.

— Ну, читай, вот с этого места. Это совсем же легкое. Мы это в прошлом году за один урок все поняли и усвоили. Эх, голова! Ну, убери руки, сиди и не качайся.

Володя послушно убрал руки со стола. Он старался сидеть не качаясь и отгонял ногой кошку. Он по пяти раз читал каждый параграф правил. Он все решил стерпеть на этот раз, но выучить согласования, чтобы Светлана не могла гордиться перед ним и считать, будто все зависит только от нее. Нет, лучше уж стерпеть все здесь, от Ваньки, которому он потом, когда нагонит класс, оплатит за каждый выученный параграф!..

Весь субботний вечер и половину воскресенья приятели занимались. Ваня, которому занятия самому давались не так уж легко, заставил зубок выучить Володю все правила, все окончания. Дядя Гриценко и тетя Ньюша в тот день не могли надивиться на обоих приятелей: экое прилежание на них напало!..

И вот теперь, спустя неделю, Володя пожинал сладкие плоды учения, корни которых, как известно, всегда горьки. Светлана была очень довольна им.

— Как ты хорошо успеваешь и быстро схватываешь! — дивилась она.

Но Володя как-то быстро сгас.

— Ты почему в субботу с нашими ребятами в футбол не играл? — спросила Светлана.

— Так, неохота было... Мне не до футбола сейчас.

— Смотри ты, какой занятой человек стал! А я тебя то и дело вижу, как ты с отцом гуляешь, а впереди собачонка ваша. У тебя что, Дубинин, отец уже не плавает в море?

Володя вскинул на нее глаза, полные такого отчаянного и горького смятения, что она разом поняла: коснулась такого, что и словом тронуть больно...

— А ты разве не знаешь? — проговорил наконец Володя. — Тебе Юлия Львовна ничего не говорила?

— Нет, а что?

— У меня отец сейчас не работает... Ну, временно, конечно, — поспешил он добавить. — Вот он за человека одного поручился, а тот его подвел. Эх, дал бы я тому человеку!.. Я бы этого дядьку, попадись он мне только!..

— Ой, ты меня извини, Дубинин! Я про то не знала ничего...

Она стояла перед ним, теребя кончики галстука. Она была выше Володи ростом, во сейчас он сидел на парте и не чувствовал этого унижительного, как ему казалось, своего недостатка. И только теперь Светлана увидела, как похудел за последнюю неделю Дубинин, какая тень лежала у него под глазами, которые казались теперь еще больше.

— Я с ним нарочно хожу, понимаешь? — уже доверчиво сказал Володя. — Мы с ним ходим, я ему про Митридат рассказываю, всякие случаи из древней истории. А Бобик... Вот, знаешь, Смирнова, до чего, понимаешь, умный пес! Он отца все к морю утянуть хочет. Утром прибежит, гавкнет и на лестницу его зовет. А как мы выйдем с папой, так он прямо вперед к морю несется. Потом оглянется и стоит, ждет нас. Как увидит, что сейчас нам к морю уже не к чему, так он назад к нам. И все гавкает, скулит... Отец прямо еще хуже расстраивается...

— Тяжело ему, наверное, папе твоему? — посочувствовала Светлана.

— Еще бы не тяжело. Я вот... когда на штабе, помнишь, Жора сказал насчет меня, что вопрос поставит, какой я пионер, так во мне все аж на дыбки встало. А тут человек всю жизнь в партии был — и вдруг... Только ты, пожалуйста, не сомневайся, Смирнова, мы с отцом — Дубинины, нас так, резинкой, не сотрешь!

— Конечно, Дубинин, только ты уж смотри: я ведь тогда, когда ты со штаба ушел, тоже за тебя поручилась. Вот тебя с маленькими и оставили заниматься. Так уж смотри, не

подведи, ладно?

— Будь спокойна, Смирнова, — сказал Володя. — Спасибо тебе, что поручилась, не пожалеешь.

Они теперь частенько оставались в классе после уроков. Иногда заходила сюда Юлия Львовна, спрашивала, как идет дело, но в занятия не вмешивалась. Заглядывал в класс Жора Полищук, похваливал обоих. По субботам Володя занимался, как и прежде, с малышами. Все шло как будто своим порядком, но ребята видели, что Володя худеет. Не было в нем и прежнего веселья. Он забросил занятия в «ЮАС», отказался от места левого края в футбольной команде; вообще, как говорили в школе, не тот уже нынче стал Дубинин.

Дело Никифора Семеновича перешло в портовый комитет партии, и Володя каждый день, придя из школы, едва ему открывали дверь, спрашивал:

— Ну как? Решения еще нет?

Ему больно было видеть, как томится от невольного бездействия отец, которого он всегда привык видеть чем-нибудь занятым: он либо ремонтировал мебель, мастерил что-нибудь по хозяйству, либо читал, делая выписки в толстую тетрадь, которую запирали затем в стол. А теперь он мог часами неподвижно просиживать у окна в зале, с потухшей трубкой.

— Пошел бы погулять хоть, — уговаривала мать.

Вдвоем с Володей отец ходил по улицам, где пронзительный норд-ост гнал промерзшие листья, забившиеся в каменные водостоки, свистел в проводах, шуршал оторванными афишами кино. Бобик бежал впереди, обнюхивая выбеленные стволы акаций, отфыркиваясь. Хвост его был сдут набок ветром, но на каждом перекрестке, откуда открывалась дорога к морю, Бобик поворачивался выжидательно и замирал, дрожа, поглядывая, не пойдет ли наконец хозяин по знакомой улице к порту.

Но хозяин глядел в другую сторону и шел мимо перекрестка.

— Папа, тебя обязательно должны восстановить на работе, — подбадривал отца Володя. — Я просто уверен, только ты действуй.

— Я действую, действую, сынок.

Приходили к отцу его старые товарищи — моряки, закрывались с ним в зале, шуршали какими-то бумагами, много курили.

Как долго тянулось это холодное и печальное время. Володя уже подумывал, не начать ли ему действовать самому. У него даже появился план — написать письмо в Москву, рассказать там все про отца, про то, как он сражался в каменоломнях, как сохранилась там на камне его фамилия, как плавал он по всем морям под красным флагом. Но он решил немного повременить с этим письмом. Во-первых, надо было обождать, что скажет партийный комитет... А во-вторых, если уж честно говорить, Володя побаивался, как бы в таком длинном письме не оказалось столько ошибок, что он опозорит не только себя, но и Светлану Смирнову, и Юлию Львовну, и всю свою пионерскую организацию, и город Керчь. Поэтому он терпеливо занимался — и дома, сам, и со Светланой, после уроков.

И дело при его способностях и памяти шло, конечно, на лад.

Вскоре была назначена контрольная письменная по русскому языку. Неизвестно, кто больше волновался — Володя или его общественная репетиторша, Светлана Смирнова. И когда Юлия Львовна, мерно ступая по классу, держа перед собой на вытянутой руке, далеко от своих зорких глаз книгу, стала диктовать: «Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии!» — Светлана, позабыв обо всех своих строгих пионерских правилах и дочерних чувствах, стала тоненьким пальцем показывать Володе, что в конце фразы надо поставить восклицательный знак. И он поставил. Он писал старательно, слегка прикусив от рвения язык, тщательно обмакивая и вытирая о край чернильницы перо, как воробей клюв... На свою усовершенствованную автоматическую самописку самой новейшей собственной конструкции Володя на этот раз не понадеялся.

Иногда в затруднительные минуты он поглядывал на Светлану Смирнову, которая делала ему какие-то непонятные знаки насчет пунктуации, но тут вмешивалась Юлия

Львовна: «Светлана, что это за азбука для глухонемых?» Девчонки прыскали, мальчишки хмыкали в кулак, а бедная Светлана заливалась краской от белого воротничка до корней золотистых волос.

Прошло еще несколько дней; наконец Юлия Львовна пришла в класс со стопочкой тетрадок и принялась раздавать их, вызывая ребят по очереди. Тут и выяснилось, что Володя Дубинин написал контрольную письменную лишь с двумя небольшими ошибками и получил «хорошо».

Он спешил домой, радуясь, что сможет этим немножко развлечь отца, который последние дни опять совсем затосковал. Дома ему сказали, что отца вызвали в партком.

Никифора Семеновича ждали к обеду. Все не садились, прислушиваясь, не идет ли он. Потом мать кое-как уговорила Валентину и Володю поесть. Володя, наскоро пообедав, побежал в порт. У дверей парткома к нему с радостным визгом бросился Бобик, терпеливо поджидавший там своего хозяина. Володя постоял немного, основательно продрог и вернулся домой. Бобик же остался, как ни звал его Володя.

Уже поздно вечером ступеньки лестницы заскрипели и загрохотали под тяжелыми шагами отца. Прежде чем он успел вставить ключ в дверной замок, ему уже открыли дверь, распахнули ее. Отец вошел, обхватив рукой мать за плечи, увлекая ее за собой, прошагал сходу вглубь комнаты, остановился — и усталая, счастливая улыбка, светлая и широкая, какой давно уже не видывал у отца Володя, засияла на его лице. Он сунул руку за пазуху, осторожно извлек маленькую красную книжечку, высоко поднял ее над головой.

— Вот! — сказал он. — Был, есть и навеки будет со мной!

Он опустил руку, держа на раскрытой ладони партбилет. И все склонились над его рукой, словно впервые видя это маленькое скромное удостоверение, которое означало, что человек, владеющий им, принадлежит к доблестной гвардии великого народа, с мудрой дерзновенностью перестраивающего мир заново, к передовому, самому головному отряду освобождающегося человечества, — то есть состоит членом Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

Валентина, завизжав, кинулась на шею к отцу, целуя его. Мать припала к его плечу, А Володя... Володя, чувствуя, что сейчас с ним случится что-то очень ему несвойственное, что он сейчас просто-напросто расплачется, вдруг схватил большую, ставшую снова сильной руку отца и стал жадно целовать, целовать ее возле того места, где был вытатуирован маленький синий якорь.

До поздней ночи не ложились в этот день у Дубининых. Отец снова и снова принимался рассказывать, как его спрашивали в парткоме; как другие товарищи говорили о его беспорочной работе, как выяснилось, что тот человек, который подвел отца, стал таким плохим только за последний месяц, после перенесенного горя — у него умер сынишка, а до того времени был неплохим работником. Конечно, Никифору Семеновичу Дубинину как помполиту корабля надо было и раньше видеть, что человек этот нетвердый, но все же дурного за ним прежде не водилось. И портовый комитет партии счел нужным вернуть товарища Дубинина на работу, хотя и записал ему выговор.

Совсем уже ночью, когда Володя наконец лег, отец подошел к нему с полотенцем через плечо и сказал:

— Ну, Вовка, не спишь? Хотел до утра подождать, да самому не терпится. В Москву меня, оказывается, командируют. Насчет новых судов для нашего порта. Вот если не подкачаешь с отметками, двинем, брат, всей семьей до самой Москвы-столицы.

И Володя, как был в одной рубашке, затанцевал на кровати гопак.

Раздавая перед каникулами табеля, Юлия Львовна сказала:

— Ну, Дубинин Володя, получай. Два «хорошо», по всем остальным — «отлично». Вот только еще с русским языком у нас по-прежнему не совсем так, как хотелось бы: устный «хорошо», а письменный все-таки «посредственно». Ты, я слышала, в Москву едешь? Так вот, чтобы ты не отставал, я тебе, как и всем ребятам, даю задание на каникулы: ты мне пришлешь письмо, в котором подробно опишешь все, что видел в Москве. Вообще, пусть

каждый напишет мне домашнюю работу «Как я провел каникулы». Хорошо?

— Хорошо, — согласился Володя.

Уже подходили к концу зимние каникулы, когда в дом у школы, где жила Юлия Львовна, постучался почтальон. Он вынул из сумки большой пакет, вручил его Юлии Львовне и велел расписаться в книге. На тяжелом, объемистом пакете было написано внизу: «Москва, гостиница Ново-Московская, В. Н. Дубинин».

— Светлана! — позвала Юлия Львовна. — Смотри, Дубинин-то твой молодец какой! Выполнил задание. Вон какое письмище прислал! — Она принялась вскрывать конверт.

Внутри него оказались два больших куска картона. Из них выскользнул на стол тонкий — не то желатиновый, не то целлулоидный — диск. Юлия Львовна испуганно поймала его и принялась рассматривать, недоумевая и вертя в руках. По концентрическим бороздкам на круглом поле диска скользили, лоснясь, матовые секторы бликов. В центре диска белела наклеенная круглая бумажка — этикетка с дыркой посередине. На бумажном кружке было написано карандашом: «Поставить на патефон со старой иглой».

— Вечно уж что-нибудь он сочинит необыкновенное, — проговорила Юлия Львовна. — Ох, уж этот твой Дубинин!...

— Уж, во-первых, он больше твой, чем мой, — обиделась Светлана.

— Но ведь это ты, кажется, собиралась его перевоспитывать?

— Ну, знаешь, мама, — Светлана вся вспыхнула, — если уж девчонки меня дразнят, это еще понятно, а тебе непростительно!

— Ну, будет, будет, дурашка! Шучу. Лучше сбегай к Василию Платоновичу, у них патефон есть. Пусть одолжит по-соседски. Интересно, что это за музыку Дубинин нам прислал.

Василий Платонович патефон охотно дал, но удивился, зачем вдруг ни с того ни с сего, днем, суровой Юлии Львовне понадобилась музыка. Он даже предложил выбрать и пластинки. Но, к еще большему удивлению, Светлана сказала, что пластинки не нужны. Потом выяснилось, что не нужны и новые иголки. Светлана просила, чтобы иголка была непременно уже игранная.

Но вот патефон открыт и заведен ручкой, как шарманка. Тонкую, гнущуюся пластинку положили на круг. Светлана поставила тупую зеленоватую иголку, очень похожую на еловую, у самого края диска, слегка толкнула круг, чтобы разогнать вращение, и в комнате раздалось:

«Здравствуйте, дорогая Юлия Львовна! С Новым годом вас!.. Добрый день...»

Мать и дочь переглянулись почти со страхом. Они узнали сквозь шип и похрипывание патефона голос, который сотни раз слышали и у себя, в этой комнате, и в классе, и во дворе под окном. Да, сомнений не было: это голос Володи Дубинина.

— Володька! — прошептала Светлана. — Честное слово, мама, Дубинин!..

Юлия Львовна замахала на дочку рукой, чтобы та не мешала слушать, и, поправив волосы, склонилась ухом к патефону. А оттуда слышалось:

«Я шлю вам это письмо из Москвы. Вы велели написать мне, как я проведу каникулы. Вы сказали, что это будет моя контрольная на дому. Я вам сказал, что пришлю письмо. Вот я вам и посылаю письмо, как обещался, только говорящее...»

— Ох, а язык, язык: «обещался!» — вздохнула Юлия Львовна, качая головой.

Из патефона несло:

«Это мы сегодня пришли с папой в Парк культуры и отдыха имени Горького. Тут везде очень красиво, есть каток. Просто все аллеи залиты льдом, и получается кругом каток. А когда мы шли в кино, я увидел, что в одном месте на вывеске написано, что можно всякому гражданину, кто, конечно, хочет, зайти и наговорить пластинку на три рубля и на пять рублей. Это называется „говорящее письмо“. А я вспомнил, что обещал вам. Но писать мне было неохота. Во-первых, некогда, а во-вторых, вы потом обязательно будете ругать за

ошибки. А в говорящем письме вы ошибок не заметите, а если и заметите, то вам будет негде подчеркивать...»

— Ну, погоди у меня, негодный мальчишка! — Юлия Львовна погрозила пальцем патефону.

Светлана, опершись локтями на стол, положив худенький подбородок на сдвинутые кулачки, слушала, то замирая перед Володиной дерзостью, то поражаясь его необыкновенной выдумке. Было удивительно и странно, что где-то внутри патефона, в самом железном заглоте ящика, жил и звучал знакомый Володькин голос, чуть-чуть искаженный, немного более низкий, чем в жизни, но все же, несомненно, голос Володи Дубинина!

»... Мне тут очень хорошо и интересно. Когда я был маленьким в Москве, я ничего не понимал, а теперь мне все очень нравится... Больше всего, конечно, Кремль. Я там был... то есть около него, в первый же день, как приехали, до самой ночи. Меня мама уже хотела искать через милицию. Думала, что я потерялся. Но, конечно, я нашелся сам. Просто я ходил по Красной площади, видел Мавзолей Ленина и смотрел там кругом все историческое. Я на другой день еще ходил туда. Потом мы были в Колонном зале на елке. Это самая главная елка в Советском Союзе, такой больше нет нигде во всем мире. Она выше нашей школы. Мне сказали, что, когда ее украшают, подставляют пожарную лестницу. Я получил там приз за викторину, которую спрашивал один артист под видом Кота в сапогах. Вопросы были легкие, мы все это с вами проходили. Приз был интересный — для маленьких: настольная игра-лото «Угадай». Я ее там подарил одному мальчишке, который попросил. Юлия Львовна! Мы были с папой, мамой и Валею в самом Художественном академическом театре СССР и в самом Большом академическом театре всего Союза. Видели сперва «Царь Федор Иоаннович», историческую драму. Очень интересная. А потом балет «Лебединое озеро», совсем без слов. Мне понравилось не очень, а Валентине понравилось. Еще мы были в Музее Революции, видели оружие, которое участвовало в Октябре 1917 года. Я очень много ездил в метро. Это такая красота, что мы можем ею гордиться, потому что нигде за границей такого метро больше нет. Все мраморное! Юлия Львовна! Мы были в Третьяковской галерее. Там все самые известные картины: «Иван Грозный», «Три богатыря» и «Мишки в лесу». Хорошо, что папа меня взял сюда с собой. Спасибо ему за это...»

Голос в патефоне замолк. Игла уже подбиралась к бумажному кругу в центре. С полминуты из патефона раздавался лишь один сипящий шорох, но потом опять зазвучал Володин голос:

«Еще что говорить... в письме, я не знаю... Уже все. Папа мне дал на пластинку пять рублей. Сейчас уже кончается. Папа вам тоже кланяется. А вы, пожалуйста, поклонитесь от меня вашей дочери Светлане. И еще передайте привет Ефиму Леонтьевичу, Якову Яковлевичу, Марии Никифоровне и Василию Платоновичу и всем нашим ребятам. Вот уже сейчас все. Я по вас соскучился. Это говорит ваш ученик шестого класса Дубинин Володя. Теперь все...»

И патефон замолк.

— Ну, что скажешь? — спросила Юлия Львовна, рассматривая пластинку. — Ну что ты будешь делать с таким! И тебя не забыл, кланяется...

Потом сбегали за соседями, за Василием Платоновичем и за Ефимом Леонтьевичем. Пришла Мария Никифоровна, географичка, и даже сам директор Яков Яковлевич явился. И пластинку Володи Дубинина с его «говорящим письмом» из Москвы опять ставили с самого начала.

— Да, Юлия Львовна, перехитрил он вас, — смеялись все.

— Ну, это еще посмотрим!..

И она была права.

Когда после каникул на первом же своем уроке Юлия Львовна возвращала домашние каникулярные работы, накануне сданные ей, она, к удивлению класса, вынула из портфеля пластинку с «говорящим письмом» и вручила Володе. Володя, ухмыляясь, взял диск и

прочел на бумажном кружке, в середине его, выведенное красными чернилами: «По содержанию — „отлично“, по изложению — бессвязно. „Посредственно“. Переписать в тетрадь».

И сбоку стояла обычная, как в тетрадке, подпись Юлии Львовны.

Глава X «С + С»

С Дальнего Востока, отбыв срок военной службы, вернулся домой, в Керчь, двоюродный брат Никифора Семеновича, дядя Ким. Он служил несколько лет в пограничных частях, сражался у Халхин-Гола в рядах ОКДВА — Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии. Высокий, худощавый, всегда гладко выбритый, он сразу покорило Володю своей военной выправкой, собранностью движений, ловкой, спористой хваткой солдатских рук, привыкших делать все быстро и точно, бурым обжигом щек, не похожим на золотистый черноморский загар, зеленой фуражкой пограничника, зоркостью внимательных, все примечающих глаз. Дядя Ким в армии был разведчиком, и, засиживаясь после ужина у Дубининых, он рассказывал о боевых делах на берегах Халхин-Гола, о сражениях в районе Баин-Цагана, в которых он сам лично участвовал.

В эти минуты Володя забывал все на свете. Дядя Ким умел рассказывать так, что перед слушателями вставали картины Дальнего Востока — сопки, по которым с криком «банзай» бежали маленькие японские пехотинцы, и оголенные берега реки, откуда японцы, застигнутые внезапным ударом наших танков, по-лягушачьи плюхались в воду... Рассказывая, он двигал на столе посуду, расставлял стаканы, обозначая расположение пулеметных гнезд, ставил посреди стола поднос — и он становился сверкающей рекой, пристраивал на чашке столовый нож, черенком вперед, — то была пушка. И все это двигалось, жило, действовало. Точные руки дяди Кима ловко распоряжались условными батареями, соединениями, производили всевозможные боевые операции, наносили при помощи сахарницы и чайника танковые удары, сбрасывали противника в полоскательницу, то есть в озеро.

Удивительно умел рассказывать дядя Ким!

Соскучившись по родному Черному морю, он уговорил Никифора Семеновича пойти на рыбалку вместе с колхозной рыболовецкой бригадой. Взяли с собой они и Володю. На моторке, с фонариком на носу, ушли далеко в море. Ночь была уже теплая, прогретая весенними испарениями моря, которое щедро отдавало накопленное днем тепло. Тянули вместе с забродчиками сети, отягощенные добычей. В лунном свете поблескивала чешуя скумбрии, золотые и серебряные рыбы трепетали в ячеях, и ночью это было похоже на полузатопленный, далеко раскинувший по воде ветви, фантастически украшенный ельник, в сумрачной сени которого поблескивают диковинные игрушки, чудища, рыбы, свисают хрустальные сосульки. Потом отогревались на берегу у костров, разведенных возле самой кромки воды, варили уху, жарили бычков, и дядя Ким рассказывал рыбакам о жизни на Дальнем Востоке и славных делах пограничников.

Конечно, все, что слышал сегодня от дяди Кима, Володя завтра же рассказывал ребятам в школе. Он уже провел для малышей беседу о Дальнем Востоке и пограничниках. Однако этого ему было мало: он похвастался, что непременно приведет на сбор отряда дядю Кима и тот сам расскажет все свои замечательные истории. Записали пионерское поручение за Володей. Но дядя Ким и слышать не хотел о том, что ему надо непременно выступить на пионерском сборе.

— Да что ты, Вовка! — отнекивался он. — Не умею я с ребятами... Кто я такой, чтобы им про такие дела рассказывать? У меня ни опыта, ни языка подходящего нет. Нет, уволь.

Напрасно Володя убеждал дядю Кима, что он замечательный рассказчик, и язык у него самый подходящий, и ребята будут слушать его так, что дышать будут только в себя, — дядя не соглашался. Пришлось Володе сознаться в том, что он наобещал своим пионерам выступление пограничника с Дальнего Востока и теперь ему прохода не дадут, если дядя

Ким откажется. На дядю и это не подействовало.

— А ты у меня согласия спрашивал, когда обещал? — бранил он Володю. — Не спрашивал? Ну вот и казись теперь!

И только когда Валентина привела Жору Полищука и они вдвоем насели на дядю Кима, пограничник согласился:

— Да, после такой артподготовки, под давлением превосходящих сил — отступаю. Приду, шут с вами!

Все было проведено очень торжественно. Дядя Ким навинтил на гимнастерку ордена. Жора Полищук встретил почетного гостя у подъезда, провел его в класс, где парты были раздвинуты и составлены полукругом. Пионеры были в галстуках. Все встали, едва дядя Ким появился в дверях.

Светлана Смирнова, старательно стуча каблучками об пол, подошла к дяде Киму, отдала салют и произнесла слова рапорта:

— Пионеры шестого класса собрались для встречи с вами и заслушания сообщения о событиях на Дальнем Востоке, в которых вы сами участвовали. На сборе присутствуют двадцать девять пионеров, один отсутствует по болезни. Рапортует председатель штаба отряда Смирнова Светлана. Рапорт сдан.

— Есть рапорт сдан! — сказал дядя Ким к немалому смущению Светланы, потому что полагалось отвечать в таких случаях: «Рапорт принят».

— Здравствуйте, ребята, юные пионеры! — гаркнул зычным командирским голосом дядя Ким.

— Здравствуй! — дружно ответил класс.

— Юные пионеры, — проговорил дядя Ким, силясь вспомнить, что в его время говорилось на пионерских сборах, — к борьбе за дело Ленина будьте готовы!

— Всегда готовы! — слитно, в один голос, отвечали пионеры.

Одна лишь Светлана с явным неудовольствием взглянула на дядю Кима, который опять все ей напутал. Так надо было говорить уже в конце, закрывая сбор. Однако когда дядя Ким начал рассказывать о Баин-Цаганском сражении и, легко вскинув в воздухе сильными руками стол, поставил его перед собой и сказал, что это — возвышенный берег реки, а там, где парты, — наше расположение, и каждая парта — это танк, и вот наше командование накапливает силы, а отсюда, из-за стола, на берег наползают японцы (пальцы дяди Кима показались из-за края стола), — Светлана, увлеченная волшебной наглядностью рассказа, все простила гостю.

— Восемь суток, восемь жарких, знойных, сухих суток шло сражение, — рассказывал дядя Ким. — Мы были посланы в разведку к берегу. Мы пробирались ползком...

И руки дяди Кима, повернувшегося боком к партам, выразительные, сухие, гибкие руки, прижатые ладонями к столу, поползли неслышно, словно два разведчика, по-пластунски пробирающиеся по земле.

— ...Все мы тогда выяснили, рассмотрели, видим: вот с этого бока ударить будет самое подходящее дело. Повернули назад, — руки дяди Кима осторожно отмерили пальцами стол в обратном направлении, — доложили командованию, и пошли наши танки в обход. Давайте заходите! — крикнул он вдруг, выпрямляясь. — Фронтом в атаку, вперед!..

И полукруг парт двинулся с места: увлеченные рассказом пограничника, пионеры, сидевшие на передних партах, упираясь в пол ногами, придерживая руками снизу парты, стали толкать их вперед. «Заходи, заходи!» — командовал дядя Ким, отбежав к партам, и, сложив два кулака наподобие бинокля, осматривал оттуда район боевых действий. Потом он шагнул к столу. Руки его стали изображать то, что он видел через бинокль. Судорожными скачками, опираясь на вытянутые пальцы, руки изображали теперь мечущихся в панике самураев. А стол был уже окружен сдвинутыми партами. Одна рука дяди Кима свалилась со стола, вторая, зацепившись большим пальцем, повисла на минутку на краю, показались два болтающихся, как ноги, пальца — и последний самурай свалился с берега в воды Халхин-Гола.

— Сражение выиграно, берег очищен. Отбой! — объявил дядя Ким. И сел на стул, утирая лоб.

Все хлопали что есть силы. Каждый почувствовал себя на мгновение участником выигранного сражения. Посыпались вопросы.

Мальчики спрашивали о подробностях боя. Участвовали ли самолеты? Как называется самый сильный танк?

Девочки просили показать на карте место сражения, реку Халхин-Гол.

Подняла руку Светлана. Володя, пренебрежительно слушавший вопросы девочек, тут насторожился. Он побаивался, как бы Светлана, малосведущая в военных делах, не задала пограничнику какого-нибудь наивного вопроса. Ему было бы неприятно, если бы потом дядя Ким говорил: «А эта-то, с косичками накрученными, тоже туда же, спрашивает...»

— У меня есть такой вопрос к вам, — звонким голосом спросила Светлана. — Вот вы говорили о том, какие у нас герои пограничники, рассказали нам, как разведчики действовали, сказали, что разведчик должен с одного взгляда все увидеть, запомнить и понять. Значит, они должны быть очень культурными?

«К чему это она?» — подумал Володя.

— Ну, а как же, — отвечал дядя Ким. — Они должны быть люди знающие, иначе не разберутся ни в чем. Знания должны быть. И наша армия — культурная армия. Она много знает. И прежде всего хорошо знает, что она защищает.

— А скажите, товарищ, — продолжала Светлана, — как, по-вашему, может быть хороший командир-разведчик, пограничник, если он пишет с ошибками?

— С ошибками? — переспросил дядя Ким.

— Ну да... Допустим, хороший и способный пио... то есть командир, а пишет «живеш» без мягкого знака.

Тут все разом оглянулись туда, где только что сидел у открытого окна Володя.

Но Володи там уже не было.

Он не слышал, как ответил дядя Ким на предательский вопрос Светланы. Он и сам знал отлично, что в конце слова «живеш» надо писать мягкий знак. Вчера на письменной он просто поторопился и нечаянно пропустил эту букву. Ерунда какая! Как будто он сам не понимает таких простых вещей. Конечно, хороший разведчик никогда не должен пропускать и такой мелочи. Так, должно быть, и ответил дядя Ким. Но все же со стороны Светланы это было форменное предательство. Вообще последнее время Светлана стала вести себя очень странно. Когда они гуляли вдвоем по набережной или забирались на Митридат, она, хотя и шла всегда с таким видом, словно ей случайно оказалось по дороге, но слушала с интересом все, что говорил Володя, расспрашивала о делах «юасов», отвечала внимательно и с участием. Но стоило только подойти подругам или ребятам из их класса, как она сейчас же начинала дерзить, говорить колкости, всячески старалась поставить Володю в смешное положение, вышутить его. Вся она при этом становилась какой-то колючей, заострялись и нос, и подбородок, и плечи, и локти: не подходи — уколешься.

А Володя-то, Володя так доверял ей! Он ей даже рассказал про надписи в каменоломне и обещал как-нибудь устроить через дядю Гриценко, чтобы можно было пойти посмотреть тот знаменитый шурф, закрытый теперь решеткой. Он считал, что Светлана — единственная из девочек, которая могла бы понять все, что пережил он с Ваней Гриценко, впервые увидев в подземелье отцовскую отметинку на камне.

И даже соображениями о новой рекордной модели, которую достроил сейчас Володя, поделился он со Светланой. И вот на тебе!.. Подвела при всем честном пионерском народе. Хорошо еще, что рядом было открыто окно, а класс помещался на первом этаже... Дядя Ким, вернее всего, даже не понял, к чему был весь разговор...

Придя в «ЮАС» и просмотрев работы новичков, к которым он теперь был приставлен уже инструктором, кое-кого похвалив, кое-что исправив, сделав нужные замечания, Володя отправился к своему столу. Над ним парила подтянутая к потолку, уже совершенно готовая, великолепная модель, о которой он только вчера с таким увлечением рассказывал Светлане

Смирновой. На фюзеляже изящной, крупной узкокрылой модели, представлявшей собою чудо «юасское», он еще вчера после прогулки со Светланой вывел красной лаковой краской: «С+С». И в журнале «ЮАС» было записано, что инструктор В. Дубинин закончил опытную модель индивидуального типа — «С+С». Это должно было означать: «Сверхскоростная». Так объяснил всем Володя. Что это обозначало на самом деле — мы сохраним в тайне.

В воскресенье на Митридате должны были состояться городские состязания авиамodelистов. Модель «С + С» и предназначалась для этих состязаний, на которых должна была присутствовать чуть ли не вся школа, все «юасы», пионеры других школ и учителя. Уже много дней мечтал об атом соревновании Володя. Он был уверен в своей новой модели. Несколько раз опробовал ее во дворе. Вместе с верным Женей Бычковым ходил пускать модель на склонах Митридата. Никогда еще не было у него такой удачной конструкции, и он представлял себе, как его самолетик пронесется над зрителями, собравшимися на склонах Митридата, и все увидят на его борту заветные буквы. Но только одна Светлана Смирнова, которой он еще вчера намекнул, как будет называться модель, поймет секрет обозначения.

Он вспомнил весь вчерашний разговор, когда он сказал: «Знаешь, как я назову модель?» А она спросила: «Как?» И он, идя по тротуару, как полагалось по их правилам, на расстоянии полутора метров от нее и глядя в другую сторону, сказал: «С+С».

«А что значит: „С+С“?» — спросила Светлана. И он ужасно обрадовался, заметив, что она краснеет. Он ответил: «Это значит: „Сверхскоростная“». — „А-а, вот что“, — протянула Светлана, и Володя с удовольствием отметил, что она разочарована. Тогда он поспешил добавить: „Ну, возможно, что это в еще кое-что значит. Только то уж мое дело“. — „Это что же, секрет?“ — с надеждой спросила она. И он ответил: „Да, это мой личный секрет“. А она как будто даже рассердилась: „Ну и пожалуйста, секретничай сам с собой!“

И так хорошо было вчера! Море стало уже по-летнему голубым. Приближалось Первое мая. И Светлана сама попросила Володю, чтобы он помог оформлять школьный спектакль.

Володя постоял минутку, разглядывая снизу парившую на тросике модель, потом снял ее, укрепил на столе. Он любовно и горестно осмотрел ее, провел пальцем по буквам, выведенным на борту фюзеляжа, задумался, потом вздохнул, решительно пододвинул к себе баночку с белой эмалевой краской и принялся тщательно замазывать заветную марку модели.

— Раз так — пусть будет называться «Черноморец»!

И он пошел за новой краской.

До воскресенья Володя не разговаривал со Светланой и избегал ее. А она, заметив это, при встрече задирала свой остренький подбородок и отворачивалась, приопустив ресницы.

На состязание все же она пришла. Правда, пришла она в сопровождении Славы Королькова, того самого семиклассника, на котором когда-то прокатился верхом Володя, заступившись за обиженного малыша.

Володя не хотел смотреть в ее сторону.

Он пришел на гору позже всех. Давно уже явились сюда «юасы», пришли ребята из школы № 2, где был хороший кружок авиамodelистов. Собралось много народу. Пахнущий морем ветер, ровный и теплый, шевелил большой голубой флаг с золотыми лучами, поднятый над вершиной горы. Под флагом выстраивались «юасы» с белокрылыми моделями в руках. Ярко горели на солнце пионерские галстуки. Расположившиеся неподалеку от часовни Стемпковского музыканты играли марш на горячих, согретых солнцем трубах. Пахло свежей весенней травой. Птицы носились над Митридатом, словно поддразнивая «юасов» и зовя их помериться силами в воздухе.

Володя не стал в строй авиамodelистов. Воспользовавшись правом старшего, уже бывалого конструктора, он пришел последним к месту старта, закрыв фюзеляж модели газетой. За столиком, на котором стоял рупор-мегафон, сидели Николай Семенович и главный судья состязаний из Городского комитета физкультуры.

— А-а, ну вот... и Дубинин явился, — приветствовал его Николай Семенович. — Собирается сегодня, товарищ Павшин, рекорд городской побить... Ну как, Дубинин, в

порядке?

Товарищ Павшин, сдвинув козырек белой фуражки на глаза, чтобы заслонить их от солнца, посмотрел на Володю и стал искать его фамилию в журнале состязания.

— Дубинин?.. Ага... Дубинин Владимир. Модель «ЮАС» Дома пионеров. Тип фюзеляжный. Марка «С+С».

— Нет, нет! — заспешил Володя. — Я переименовал!..

— Что переименовал? — удивился Николай Семенович.

— Я название переименовал, — тихо сказал Володя. — У меня теперь называется «Черноморец».

— Ну, «Черноморец» так «Черноморец», — согласился товарищ Павшин, вписывая в графу новое название модели. — Так и запишем. Так и объявлять?

— Да.

Сперва проводились полеты моделей, построенных новичками, которые сдавали нормы «юасов». Одна за другой взмывали в воздух легкие конструкции. Одни долетали до отмеченной на траве черты, другие опускались перед ней, третьи приземлялись далеко по ту сторону ее. Инструкторы отмеривали рулеткой расстояние, кричали цифры. Товарищ Павшин записывал в книжечку, а Николай Семенович заносил результат в журнал. Потом объявили, что начинаются состязания моделистов на дальность полета. Павшин вызвал на старт записавшихся. Первым вышел к черте старта высокий восьмиклассник из школы № 2, славившейся своими модельстами.

— Начинаем состязание на дальность полета опытных фюзеляжных моделей с резиновыми двигателями! — объявил судья Павшин. — На старте Николай Аржанец, авиакружок школы номер два. Модель собственной постройки, марка «Змей Горыныч».

Девочки из школы № 2 бурно зааплодировали. «Юасы» выжидательно молчали. Аржанец, плечистый стройный подросток, в полосатой футболке с белыми манжетами и воротничком и в черных матросских клешах, вышел на белую линию старта, держа перед собой обеими руками огромную модель с широкими крыльями и далеко вылезавшим вперед центропланом. Крылья и фюзеляж были затейливо разрисованы: по борту тянулась зигзагообразная желто-зеленая полоса, вдоль крыльев шли красно-черные зубцы. Зеленый хвостовой киль, на котором были вычерчены такие же зубцы, походил на какой-то странный, вычурный драконий гребень.

— Ну и страховида! — зашептались «юасы».

— Прямо дракон какой-то... Жуть!

Аржанец закрутил резинку своего мотора и встал на черту, подняв над головой свою клювастую и словно хищную модель, скосив глаза к столу судьи и ожидая команды. Володя ревниво следил за каждым движением Аржанца. Он ясно услышал, как стоявший подле Светланы Смирновой Слава Корольков прищелкнул языком, показывая на модель Аржанца:

— Этот сейчас даст всем жизни! Настоящий Змей Горыныч. Всех заклюет!..

На что Светлана неожиданно ответила, пожав прямыми плечами:

— Посмотрим! На всякого Змея Горыныча есть свой Добрыня Никитич.

— Хо! Здорово! — восхитился Корольков. — Тогда уж надо, чтобы его послал Владимир Красное Солнышко.

— А может, и Владимир найдется, — многозначительно произнесла Светлана, как показалось Володе, нарочно громким голосом.

Володя с благодарностью посмотрел на нее. Он уже пожалел, что стгоряча замазал прежнее название. Ведь Светлана еще ничего не знала и, наверное, ждала сейчас минуты, когда в воздухе появится модель «С + С».

Но тут он услышал резко прозвучавшие слова команды и увидел, как Аржанец запустил свою модель. Она понеслась по прямой, качая широкими крыльями, потом стала забирать вверх. Гул пошел по толпе зрителей. Прикрыв ладонью, как козырьком, глаза, зрители любовались круто возносившейся моделью. Однако Володя опытным глазом подметил, что модель Аржанца слишком широка в крыльях — не по мощности мотора, — и

от этого ветер качает ее в полете. Восхитивший же несведущих зрителей крутой уход модели в небо был только пустым эффектом, потому что сила мотора тратилась зря, впустую, он не мог далеко утянуть модель, и длина полета скрадывалась, теряясь на подъеме. Он видел, как модель Аржанца круто пошла вниз. Все вокруг зааплодировали. Володя из-за своего маленького роста не мог сначала рассмотреть за головами впереди стоявших, где приземлилась модель его конкурента. Потом он увидел, что помощники судьбы бегут уже далеко за тем местом, где опускались модели новичков.

— Сто пятьдесят шесть метров! — объявил через рупор Павшин. — Николай Аржанец установил новый городской рекорд при первой же попытке...

И сейчас же Володя вдруг услышал, будто кто-то над самым ухом его гулко произнес:

— На старт вызывается Дубинин Владимир, клуб «ЮАС» Дома пионеров. Модель собственной конструкции скоростного типа. Марка...

Павшин, оторвавшись на мгновение от мегафона, наклонился над журналом, лежавшим на столе. Володя увидел, как порозовела от волнения Светлана. Эх, зачем он все это сделал?..

— Марка «Черноморец!» — прочел наконец Павшин. Володя боялся взглянуть в сторону Светланы, но чувствовал щекой, что она не сводит с него глаз. А «юасы» вокруг шептались:

— Какой «Черноморец»? Он же прежде «С+С» назывался?

Ребята из школы № 2 насмешливо крикнули сзади:

— Боялся, верно, что выйдет СОС! Спасите наши души!

— Или бы подумал кто, что это по-латыни написано: вышло бы «муха цеце»...

Володя плотно стал на стартовую черту. Правую руку с моделью он вскинул над головой, а пальцами левой руки плотно зажимал так и норовивший вырваться винт с круто поставленными, искусно выточенными, полированными лопастями. Тугая красная резина мотора была им закручена до отказа. Зрители с удивлением рассматривали не совсем обычного вида аппарат: длинный узкий фюзеляж, острые крылья, скошенные назад углом. Володя почувствовал сзади на плече легкое прикосновение. Он быстро оглянулся. За ним стоял Николай Семенович. Он заметно волновался.

— Стабилизатор проверь, — шепнул он Володе. — Не погнулся?

Павшин поднял мегафон ко рту, обратив его издали раструбом к Володе. И опять Володе показалось, что кто-то возле самого уха его гудящим басом изрек:

— Готово? Приготовился! Внимание! Старт!

Володя, стоявший до этого левым плечом вперед, круто развернулся, отбрасывая в сторону левую руку, и упругим толчком мгновенно вытянутой правой руки запустил модель в воздух.

Многим показалось, что маленький загорелый паренек с необыкновенно большими глазами, только что державший над головой красивую птицеобразную игрушку из тонких планок и бумаги, проделал на глазах у всех какой-то непонятный фокус: в первую секунду показалось, что модель вообще исчезла и Володя только сделал вид, что выпустил ее из рук. Но вот мальчишки закричали:

— Вон!.. Вон она летит! По-над склоном!.. Ух, чешет как!..

Тугая резина, раскручиваясь, вращала винт с огромной скоростью, и легкая узкокрылая модель летела с непостижимой быстротой — точно по прямой линии. Она летела близ земли, неслась, как стриж, и многие мальчишки опять не выдержали, опять помчались вслед за ней, чтобы видеть на месте, как она будет приземляться.

Володя стоял с бледным, сосредоточенным лицом, замерев в позе метателя — как пустил модель, так и остался стоять с вытянутой вперед правой рукой.

А искусно рассчитанная модель пронеслась давно уже над красным флажком, отмечавшим место приземления модели Аржанца, и все еще летела, будто уже касаясь земли, но на самом деле не задевая ее. Потом она легла грудью на траву, мягко заскользила по ней и, наконец, остановилась.

Все помчались туда, обгоняя друг друга, спеша узнать результат. Бежали помощники

судьи, разматывая на ходу рулетку.

Володя ждал на линии старта. Он повернул голову вправо.

Светлана, приподнявшись на цыпочки, старалась рассмотреть, что происходит у того места, где опустилась модель. Она стояла одна. Слава Корольков убежал со всеми.

Но вот все, шумно переговариваясь, стали подниматься по склону. Впереди карабкался, обгоняя других, запыхавшийся Николай Семенович. Он бережно нес в обеих руках Володину модель и спешил к столу судьи. Прошла еще одна минута, и гулкий голос оглушил Володю:

— Модель Владимира Дубинина, клуб «ЮАС» Дома пионеров, «Черноморец» пролетела двести восемьдесят четыре метра. Таким образом, рекорд Николая Аржанца продержался только пять минут. Новый рекорд принадлежит Владимиру Дубинину и равен, повторяю, двумстам восьмидесяти четырем метрам.

Аржанец отказался повторить попытку, так как видел, что модель его уступает дубининской по дальности полета. Он подошел к Володе и великодушно потряс ему руку. Все кругом аплодировали. Володя прошел к столу, принял в свои руки модель, бережно осмотрел ее, поворачивая в разные стороны, и тут раздался противный, ехидный голос Славы Королькова:

— Эй ты, «Черномрец»!..

Сперва никто не понял. Многие обернулись к долговязому парню, на которого вдруг ни с того ни с сего напал смех.

— «Черномрец»!.. Ой, помру! Ой, лопну!.. — надрывался он.

— Ты что? Покушал чего-нибудь лишнего? — спросил кто-то. — Чего ты гогочешь?

Но длинный Славка, будучи уже не в силах говорить, только показывал пальцем на Володину модель.

Женя Бычков, с негодованием взиравший на корчившегося от смеха Королькова, посмотрел, на что он показывает, — и обмер. На левом борту рекордной модели Володи Дубинина было действительно рукой конструктора намалевано: «Черномрец».

Верно, от волнения и второпях Володя вчера ошибся...

Заметив, как изменилось лицо приятеля, Володя сам внимательно прочел надпись на борту модели и побагровел.

Никогда еще ни одна его грамматическая ошибка не обнаруживалась так не вовремя. Ни разу, ни в диктанте, ни в домашней работе, ни одна на свете буква так не подводила Володю...

А вокруг уже слышалось:

— Хо-хо!.. «Черномрец»!..

— «Черномрец»! И жнец, и швец, и в дуду игрец!.. Ловко!..

Глаза у Володи сверкнули такой решительной яростью, что самые насмешливые невольно отступили. Славка Корольков, хорошо помнивший характер Дубинина, быстро спрятался за чью-то спину. Володя, упрямо выпятив нижнюю губу, швырнул свою модель на землю, поднял ногу... Еще бы мгновение — и сверхскоростная, рекордная, только что снискавшая славу острокрылая модель была бы растоптана. Однако чьи-то сильные руки подхватили Володю сзади под мышки и оттащили в сторону. Это подоспел Николай Семенович.

— Брось ты, Володя, опомнись! Что ты?.. — успокаивал его инструктор, сам сейчас похожий на обиженного мальчика.

Но Володя рванулся у него из рук и опрометью побежал вниз по склону Митридата.

Женя Бычков осторожно поднял с земли модель, обдул ее, покачал головой, поправил изогнутый хвост и понес к судейскому столу.

Перепрыгивая через камни, скользя по осыпям, Володя бежал вниз. Он был уже внизу митридатской лестницы, когда услышал торопливо:

— Володя!..

Посмотрел — Светлана.

Первым движением его было убежать скорее прочь. Но это было бы уже откровенной трусостью. И он остановился, тяжело дыша, в упор глядя в лицо девочки широко раскрытыми глазами.

— Ну, чего тебе, Смирнова? Можешь смеяться сколько влезет... Пожалуйста. Жду от тебя!..

— Знаешь, Дубинин... — заговорила она, слегка запыхавшись, но начиная, видимо, уже давно заготовленную фразу. — Я тебе, Дубинин, хочу вот что сказать...

Она обрывала листья с веточки акации, которую теребила в руках.

— Ну, говори, про что хотела, — сказал Володя.

— Я хотела перед тобой извиниться, Дубинин, — сказала Светлана. — Я тогда на сборе это зря спросила. Вот... Я открыто в этом сознаюсь. Хватит с тебя?

— Эх, Смирнова, и характер же у тебя! Хуже, чем у твоей матери еще, честное слово! Она усмехнулась, подняв брови.

— А у тебя, думаешь, характер — мед?.. «Мы — Дубинины!» — передразнила она.

Володя невольно улыбнулся — так смешно она его подловила.

— Ладно. Давай уж мириться, — стараясь скрыть за снисходительностью смущение, предложила Светлана, Он протянул ей руку.

— Я отходчивый. Зла не помню, — проговорил он и рассмеялся.

— Отходчивый... — протянула она лукаво, — а название небось изменил... Вот сам себя и наказал! Эх ты, Черномрец!..

— Слушай, Смирнова, — грозно зашипел Володя, сжимая кулак, — я ведь не посмотрю, что ты председатель штаба, а так стукну...

— Ну на, стукни!.. — Она вызывающе подошла к нему, закинула голову. — На, стукни!..

— Ну, скажи еще только раз!

— Могу три раза: Черномрец! Черномрец! Черномрец!..

Володя в один миг взлетел вверх по лестнице, оказался на высоком боковом уступе, подошел к самому краю каменного отвеса и крикнул сверху:

— Проси прощения три раза, а то сейчас прыгну отсюда и разобьюсь!

— Да ты что, с ума сошел, Дубинин?! Слезь сейчас!..

— Проси прощения, а то прыгну. Знаешь мое слово? Ну! Считаю до трех!..

Светлана, помня многие другие происшествия, бывшие с Володей, почувствовала в его голосе такую сумасшедшую решимость, что поспешила сдаться:

— Ну хорошо, пожалуйста. Прости меня!..

— Еще два раза, — неумолимо потребовал Володя. — Ну! Считаю!..

— Прости меня! Прости меня!.. — послушно произнесла Светлана. — Ну и дрянь ты, Володька!

— А чтобы ты не думала, что я не спрыгнул бы, — добавил Володя, — так вот смотри теперь...

Он присел на корточки, схватился за край, повис, спустив ноги, и, оттолкнувшись руками, прыгнул вниз.

— Обманули деточку — не дали конфеточку! — поддразнил он. — Зря прощения просила: тут для меня и невысоко совсем.

Они спускались вниз, перепрыгивая через ступеньки. Горизонт вокруг суживался, дома уже начинали загораживать море.

Дышавшая весенним пахучим теплом земля радушно встречала их, вернувшихся с ветреных высот... Обоим было очень хорошо.

— Я тебя, между прочим, еще не поздравила, — сказала Светлана. — Ты же рекорд поставил.

— Да уж рекорд!.. Черномрец!

— Ну брось про это вспоминать, это пустяки. А все-таки молодец, что этого, из второй школы, перекрыл!

— Я хочу теперь еще новую построить, на продолжительность полета.

— Молодец ты все-таки, Дубинин! Наверное, когда вырастешь, будешь конструктором.

— А ты кем хочешь быть?..

— Еще сама не знаю... Да, забыла совсем. Раз уж мы помирились, так у меня просьба к тебе. У нас ведь, я тебе уже говорила, второго мая спектакль будет: «Аленький цветочек». Ты помоги нашим ребятам оформление сделать — ну, декорации там... И потом, еще нужно будет световые и шумовые эффекты.

— Ну что ж, это давай. Помнишь, как я вам вьюгу делал в «Снежной королеве»? Тетя Варя потом три дня пол отскрести не могла — все мой снег выметала. А ты участвуешь в спектакле?

— Участвую. Я играю ту самую купеческую дочку, которая во дворец Чудища Морского, Зверя Лесного попала.

— А кто Чудище играть станет?

— А Чудищем у нас Слава Корольков.

— Ну, это ему подходяще. Не стоит, правда, для него стараться, ну ладно, раз уж просят — сделаю вам...

Володя никогда не участвовал в школьных спектаклях. По его воззрениям, не совсем мальчишьям делом было обряжаться, представлять — вообще, как он выражался, разводить фасон перед публикой. Но он всегда охотно помогал по своей технической части: налаживал освещение, делал раздвижной занавес, развешивал декорации, изображал за сценой гром, бурю, сыпал снег — вообще ведал стихиями. На другой же день после разговоров со Светланой он взялся за дело.

Спектакль ставила сама Юлия Львовна. Она объяснила Володе, что от него требуется. Так как обходились очень простыми декорациями, то требовалось от Володи немного: нужно было устроить за сценой гром и треск, когда появится Чудище Морское, и направить на него волшебным фонарем цветной луч — сперва зеленый, потом фиолетовый и багровый, вообще осветить как можно пострашнее... А когда страшилище безобразное, чудище мохнатое превращалось в прекрасного принца, надо было озарить его как можно ярче. Володя, признаться, немножко уж забыл содержание давно прочитанной им аксаковской сказки, и превращение Чудища в красавца его откровенно огорчило. Пока Славка Корольков ходил по сцене, волоча ноги, страшно искривив рот, горбясь, двигался раскорякой, хрипел и рычал — все вполне устраивало Володю; но когда Славка Корольков становился прекрасным королевичем и брал меньшую купеческую дочку, то есть Светлану, под руку и садился с ней рядом, — сказка решительно переставала нравиться Володе. В эту минуту ему самому хотелось сесть возле Светланы и сказать ей такое, чтобы она почувствовала, что и в невзрачном на вид человеке, который отставал от товарищей в росте, может быть высокая и прекрасная душа.

Когда на последней репетиции он засмотрелся на сцену и забыл сменить в нужный момент цветную бумагу в волшебном фонаре, Юлия Львовна рассердилась:

— Дубинин, Володя! Что ты зеваешь? Почему ты не переменял цвет? Ты нам все эффекты сбиваешь! Ты запомни, как только Светлана скажет: «Ты встань, пробудись, моя сердечный друг, я люблю тебя, как жениха желанного!» — ты сейчас же убирай прочь всю зелень, давай яркий свет, прямо на Славу... А ты, Слава, сбрасываешь шкуру Чудища и появляешься Королевичем прекрасным.

Вот тогда у Володи и возник коварный план. Он решил за все отомстить Славке. «Ладно, — соображал он, — я тебе сделаю эффект! Я из тебя сделаю Королевича прекрасного! Ты у меня сам будешь дядька Черномрец! Попомнишь, как смеяться!.. «

В этот день Валя, вернувшись с комсомольского собрания, застала Володю в постели. Он спая, уткнувшись щекой в подушку, что-то бормоча сквозь сон. Рядом с ним на стуле лежала взятая без спросу у сестры книга, которую Володя читал на ночь. Это был Тургенев — «Первая любовь».

Второго мая состоялся спектакль.

Володя с утра ушел в школу. Он носился с молотком в кармане, зажав в зубах гвозди, хотя Юлия Львовна уже два раза сделала ему замечание, что это негигиенично. Он таскал стремянку, вывинчивал и ввертывал на место лампочки, протягивал веревки, на которые должны были вешать декорации.

К вечеру гости заполнили большой школьный зал. Собрались ученики старших классов, пришли родители. Володя смотрел через дырочку занавеса в зал, который был сейчас уже отделен этой колеблющейся волшебной препоной. И весь мир теперь раскололся надвое: на то, что происходило по ту сторону пыльной материи, в гудящем зале, и на то, что, пока еще втихомолку, творилось здесь, по эту сторону занавеса, на дощатом настиле школьной сцены, а также рядом в одной из комнат, где перед зеркалом стояла в красивом платье, распустив золотые косы, Светлана, а вокруг нее суетилась утратившая свою обычную, слегка медлительную строгость Юлия Львовна.

— Дубинин, — услышал Володя, — давай третий звонок!

Так как в Володины обязанности входило и звонить, он громко затрезвонил в большой колокольчик, врученный ему тетей Варей. Потом он кинулся за боковую кулису, откуда можно было управлять занавесом и давать освещение на сцену.

В зале постепенно стихало. Юлия Львовна с книжкой в руке подошла к Володе, прислушалась и сказала:

— Открывай, Дубинин!

А сама стала за кулисой, готовая, если надо, подсказать текст роли исполнителям.

Володя быстро потянул вниз шнуры, занавес судорожно раздернулся, из зала пахнуло нагретой духотой, а на сцене толстый купец, оправив под рубахой затянутую поясом подушку и пошевелив мочальную бороду, сказал голосом Аркаши Кругликова:

— Дочери мои милые, дочери мои хорошие, дочери мои пригожие, еду я по своим купецким делам за тридевять земель, в тридевятое царство, в тридесятое государство...

Потом он стал спрашивать своих дочерей, каких гостинцев им привезти из заморских земель. Восьмиклассница Шура Филимонова, игравшая старшую дочь, попросила золотой венец с самоцветными камнями; Ася Цатурова, игравшая вторую, среднюю, дочку, выпросила себе туалет из восточного хрусталя... Пока они разговаривали с купцом, Володя глаз не спускал со стоявшей поодаль Светланы и все время направлял на нее свой волшебный фонарь. Юлия Львовна несколько раз брала его за руку и тянула в сторону, чтобы он освещал и других купеческих дочек. Володя в знак согласия кивал ей головой, но тут же тихонько возвращал луч к меньшей дочке. А когда Светлана, то есть меньшая дочь, попросила себе лишь аленький цветочек, краше которого нет на всем белом свете, он направил на нее луч через розовую прозрачную бумагу, оставшуюся от прошлогодней елки. И всем показалось, как был уверен Володя, что Светлана сама стала похожа на аленький цветочек.

Спектакль был очень хлопотливым для Володи. Ему пришлось греметь железным ведром, изображая гром, трясти над головой конторскими счетами, бить ногой в пустой ящик, сводить вместе концы электрических проводов, чтобы получалась вспышка, и в то же время делать это так, чтобы не перегорели пробки. Даже обидно было порой, что приходится так хлопотать ради этого Славки Королькова, который подавал свои реплики из-за сцены, припав толстыми губами к большому картонному рупору, потому что добрый, честный купец, попав во дворец Чудища Морского, Зверя Лесного, не должен был видеть хозяина, а мог только слышать ужасный голос его. Зато, когда в чертогах Зверя появилась меньшая дочь — смелая прекрасная девушка, пожертвовавшая собой ради спасения отца, Володя дал полный свет на сцену, заиграл волшебным фонарем, вставляя и вынимая цветные бумажки, и тут же свободной рукой стал пускать из-за кулис на сцену раскрашенных бумажных голубей, изображавших райских птиц. Юлия Львовна должна была опять вмешаться и внести справедливость в распределение света и тени на сцене.

Зал замер от ужаса, когда впервые вылез на сцену обливавшийся потом под вывернутой овчиной Слава Корольков. Он был поистине ужасен! Вместо глаз у него горели две

лампочки от карманного фонаря (батарейка была спрятана под маской). Войлочный хвост и длинные когти из проволоки дополняли это безобразие. Володя не жалел зеленого, фиолетового, темно-синего целлофана, чтобы освещением своим придать Чудищу еще более отвратительный вид. Приближался центральный момент спектакля. Меньшая дочь стремилась вернуться во дворец великодушного Чудища, чтобы сдержать свое слово. А старшие сестры, как вы помните, обманули ее, перевели на час назад время, и она опоздала. Она вбежала на сцену тогда, когда, обхватив безобразными лапами аленький цветочек, там лежал уже бездыханный Зверь Лесной, Чудище Морское...

До чего же хороша была в этой сцене Светлана Смирнова! Она вбежала в приготовленный для нее Володей луч, такая легонькая вся, воздушная, словно сама возникла из света и роящихся в нем радужных пылинок. Она упала на колени, обняла тонкими руками безобразную голову Чудища, доброе сердце и славную душу которого успела полюбить, и звонким, как хрусталь, отозвавшимся во всех уголках зала голосом, от которого у Володи сразу запершило в горле, закричала:

— Ты встань, пробудись, мой сердечный друг! Я люблю тебя, как жениха желанного!..

И в эту минуту Володя вдруг почувствовал, что надо быть отъявленным негодяем, чтобы испортить такую сцену. Нельзя насмехаться над этими прекрасными словами, опоганить сказку глупой выходкой, осквернить то чудесное волнение, которое от слов меньшей купеческой дочери передалось и ему самому и всему залу, застывшему в мертвой тишине. Сказка победила всех, в Володя не мог с ней бороться... И как только Слава Корольков под торжественный гром Володиного ведра и победный стук его ящика вскочил на сцене, сдирая с себя душную овчину, в предстал перед всеми в образе красавца королевича, Володя, открыв все заслонки в фонаре, дал на него полный свей

А потом он без конца дергал то за один, то за другой шнурок занавеса, сдвигая и раздвигая его, потому что зрители без конца вызывали участников спектакля. Взявшись за руки, они выходили кланяться. И Володя, уже никому не завидуя, восторженно раздирал надвое занавеси и тут же хватал свой фонарь, чтобы осветить кланяющуюся в зал счастливую, румяную Светлану. А зал все хлопал и хлопал. Вывели за руки на сцену Юлию Львовну. Она поправляла белые волосы, моргала, когда Володя направлял на нее луч.

Из зала несли букеты. Была уже весна. Благоухали розы, сладостно пахла сирень. И все в этот вечер были счастливы.

Юлия Львовна, уставшая, но очень довольная, собрала Светланины вещи и уже выходила из школы, когда у подъезда в сумраке майского вечера к ней подошел кто-то с огромным букетом сирени. Юлия Львовна со свету не сразу разглядела лицо подошедшего.

— Это ты, Дубинин?

Володя неуклюже держал букет в опущенной руке, цветами вниз, как веник.

— Вот... — проговорил он, — это от меня — вам.

— Светлана! — крикнула в темноту Юлия Львовна. — Иди сюда, Володя нам букет преподносит!

— Это от меня вам, Юлия Львовна, — настойчиво повторил Володя.

Юлия Львовна взяла у него огромный букет и зарылась лицом в душистую, влажную сирень.

— Какие чудесные цветы, Дубинин!

— Бывают и лучше, — баском сказал Володя и, помолчав немного, добавил: — Это я потому, что у меня новость хорошая сегодня, прямо хоть «ура» кричи, Юлия Львовна! Тут была одна строгая такая из гороно: она сказала, что меня за работу с «юасами» и за новую модель в Артек посылают. Как учиться кончим, так и поеду. Спокойной ночи вам!..

Глава XI Берег пионеров

Вечером 10 июня 1941 года на всем протяжении берега от Гурзуфа до Медведь-горы запели пионерские трубы. Горны трубили и в Верхнем, и в Нижнем лагерях, и в лагере № 3.

По всему берегу забили барабаны.

И Володя занял свое место в строю — самым крайним слева. Рядом с ним стоял Юсуп Шаримов из-под Ташкента, прославленный в своем краю сборщик хлопка. За ним, немногим его переросший, Остап Вареник, юный садовод из села Котельва. А дальше — одна белая шапочка за другой, как ступенька за ступенькой — вздымалась лесенка голов, оканчивавшаяся белесой головой правофлангового Андрея Качалина — ленинградца, лучшего художника в лагере.

Отряды собирались у центральной мачты лагеря, где за каменной балюстрадой возле самого моря гигантским веером раскрыл полукружие белых скамей амфитеатр, построенный в выемке горы.

По всем дорожкам, ведущим сюда из лагерей, ступая по красноватому песку, вдоль зарослей аккуратно подстриженного кохия, мимо благоухающих кустов с багрово-красными или снежно-белыми розами спускались отряды. Шли пионеры Верхнего и Нижнего лагерей, пионерки из лагеря № 3. Отряды сходились на торжественный сбор: Артек праздновал свое шестнадцатилетие.

Это было 16 июня 1941 года.

Через четыре дня Володя должен был возвращаться домой. Он стоял неподвижно в торжественном строю, одетый, как и все, в белую матроску с синим воротником, из-под которого был выпущен алый галстук, повязанный узлом на груди. Синеватый сумрак наплывал под деревьями в густых аллеях, где и днем в любую жару можно было найти укромную тень. Володя всей грудью вдыхал сладкий пахучий воздух, настоявшийся за день на ароматах моря, распустившихся роз и терпкой южной хвои. Еле слышно шуршала черноморская волна за белой балюстрадой.

Был час, который Володя любил больше всего в чудесных, быстро проносящихся лагерных днях.

А сперва ему тут не понравилось: не такой представлял он себе лагерную жизнь. Он рисовал себе Артек зольным краем, где можно было спать прямо на берегу, купаться когда хочешь, на целые дни уходить в море на шлюпке, прыгать со скал в кипение прибоя.

Оказалось, что все здесь подчиняется точнейшему расписанию, всем правит строго проверенный порядок. Жить и спать пришлось в огромной палатке, разбитой, правда, близ моря, но такой прочной и устойчивой, что она скорее походила на брезентовый дом, чем на легкое походное жилище.

Потом оказалось, что и купаться можно только в определенные часы, да еще под наблюдением доктора, который сперва ставил морю градусник, чтобы узнать температуру воды, не позволял, сколько хотелось, жариться на солнце и давал команду, когда всем следовало перевернуться со спины на живот.

Были еще особые часы, сперва совершенно невыносимые для непоседливого Володи. Назывались они «абсолют», потому что по правилам лагерного распорядка в это время нельзя было абсолютно ничем заниматься: артековцев укладывали в кровати и полагалось спать.

Вольнолюбивая душа моряцкого сына бурно восстала против всего этого в первые же дни лагерной жизни в Артеке. Но, когда он во время «абсолюта» удрал из палатки, его словил у моря сам директор Артека, вездесущий румяный Борис Яковлевич.

— А ну-ка, иди сюда, — позвал он Володю. — Ты это что? Лунатик? Все спят, а ты гуляешь. Придется тебя, пожалуй, в изолятор отправить. Во всяком случае, переведем тебя в Верхний лагерь на дачу. Я то решил, что ты здоровьем крепок, хоть и маловат. Потому и отправили тебя туда, в палатки. А придется, видно, на дачу засадить. Как фамилия? Откуда?

— Дубинин. Из Керчи.

— Что же это ты, как селедка керченская, вольно плаваешь, сам по себе, порядок наш нарушаешь? Кто родители?

— Отец моряк, капитан...

— Вот мы ему и напишем: «Так, мол, и так, товарищ капитан. Сыночку вашему в

Артеке порядок не нравится. И ввиду того что порядок мы менять не имеем права, придется либо сынку вашему характер менять, к порядку приучаться, либо уж забирайте его к себе...» Не годится, дружок мой, не годится. Марш в палатку, вались на койку! У нас дисциплина крепкая, приучайся.

И Володя был водворен Борисом Яковлевичем обратно на койку под забранным кверху тентом палатки.

Потом Володе крепко попало, когда он, купаясь, заплыл за оградительные боны и пошел вымахивать саженками в море. За ним сейчас же выгреб на простор дежуривший на шлюпке вожатый. Он велел Володе немедленно влезть в лодку. Володя был доставлен к берегу и принят там без всяких почестей.

Но постепенно Володя втянулся в эту жизнь, строго размеренную и оттого необыкновенно много успевавшую вместить за день. Он быстро осмотрелся, обегал все лагеря, освоился с законами, узнал все артековские легенды, переходящие из одной смены в другую. Он уже участвовал в походе на вершину Медведь-горы, откуда открывался вид еще более прекрасный, чем дома, с Митридата.

И недели не прошло, как он чувствовал себя уже бывалым артековцем, выучил все лагерные песни, узнал все чудеса волшебного пионерского края, стал верным охранителем традиций и обычаев этой своеобразной ребячьей республики. Он быстро сошелся со своими соседями по палатке, и ему казалось, что он всю жизнь дружит с Юсупом Шаримовым, Остапом Вареником и Андреем Качалиным. И трудно было теперь представить, что через четыре дня они разъедутся в разные края огромной страны и, может быть, даже никогда больше не увидятся. Об этом не хотелось думать.

Володя давно стал убежденным артековцем. Он уже совершил экскурсию на Адалары — две огромные скалы, торчащие из моря неподалеку от артековского берега; переиграл во все игры, собранные в артековской игротке; как и все артековцы, называл большую лестницу, ведущую в Верхний лагерь, «Ай-Долой-Кило», потому что говорили шутя, будто, взбегаая по ней, человек теряет килограмм веса. Он уже много раз слышал известную каждому артековцу волнующую историю о чудесном докторе Зиновии Петровиче Соловьеве, чей домик и беседка бережно сохранялись в лагере. В этом домике жил когда-то военный доктор-большевик Соловьев, основатель Артека. Он сам был смертельно болен и знал, что дни его сочтены, но скрывал это от всех. И пионеры приходили сюда к нему — высокому, необыкновенно красивому белоголовому человеку с огненными глазами — и слушали часами его увлекательные рассказы о Ленине, об Октябрьской революции, о гражданской войне, о науке, о книгах.

Не удивлялся уже Володя, что появлявшийся в море на траверзе Артека один из боевых кораблей Черноморского флота каждый раз салютует флагом лагерю. Он уже знал, что кораблем этим командует молодой моряк-командир, сам когда-то бывший артековец и поныне хранящий благодарную память о лагере. И салютует он по специальному разрешению адмирала, командующего флотом, почетного пионера-артековца...

И уже не казалось больше смешным Володе, когда на общих сборах маленькая председательница штаба одного из отрядов, сдавая вечерний рапорт начальнику лагеря, деловито сообщала:

— На линейке присутствует двадцать шесть пионеров. Одна пионерка отсутствует по болезни. Почетный пионер отряда маршал Буденный отсутствует ввиду исполнения служебных обязанностей...

Володя теперь уже понимал, что и это очень важно, говорить надо именно так. И от этого все, что происходило в лагере, начиная с утренней побудки и кончая вечерней линейкой, приобретало боевую торжественную значительность: и походы, и купание, и даже мертвый штиль «абсолюта», без которого, как выяснилось, трудно было бы выдержать, не сморившись до вечера, все, что дарил за день Артек.

Когда улеглись первые бурные впечатления, одним из самых увлекательных мест в лагере оказалась для Володи, конечно, авиамодельная мастерская Артека. Да, вот это было

заведение! Куда там было равняться с ней скромной мастерской керченского «ЮАС».

У Володи глаза разбежались, когда он впервые попал сюда. Он думал удивить артековцев своими познаниями по части конструирования летающих моделей, но то, что увидел он тут, заставило его благоразумно помолчать. С затаенным восхищением рассматривал он необыкновенно изящные самолеты новейшей конструкции. Как тщательно они были отделаны, какие летные качества обнаруживались у них при пуске на горе за Верхним лагерем!

Тут, в Артеке, можно было построить модель с настоящим бензиновым моторчиком, который был немногим больше спичечной коробки. Володя увидел здесь модели, которые на лету убирали шасси, а потом незадолго до посадки сами выпускали их. Были тут маленькие военные авиамodelи, которые при взлете выбрасывали ракеты или крохотных парашютистов. И на всех аппаратах сверкала лак, горело ярко окрашенное полированное дерево, сверкала тугая обшивка крыльев. Все было сработано на славу, добротнo и красиво. Володе показали рекордные модели, изготовленные лучшими строителями из предыдущих смен. Одна из них, окрашенная в бирюзовые тона и походившая на сизоворонку, имела на борту маленькую медную призовую дощечку. Эта модель, о которой среди артековцев ходили легенды, участвовала во Всесоюзных состязаниях, продержалась в воздухе без малого час, и на розыски ее в облаках посылали настоящий самолет.

Володя стал работать в мастерской. В первый же день инструктор-воспитатель, бывший сам когда-то известным планеристом и рекордсменом, а ныне, после перенесенной им аварии, занимавшийся с ребятами в Артеке, присмотрелся к тому, как работает Володя, и подошел к нему:

— Э, да ты, видать, в нашем деле старый спец! Хитер! Но меня, голубь, не обманешь. Я уж сразу вижу, как ты за инструмент берешься. Слесарь, плотник, на все руки работник!.. А ну-ка, расскажи, что, где и как делал.

С этого дня Володя стал пропадать в авиамастерской. Он конструировал модель с бензиновым моторчиком, которая, по его расчетам, должна была побить рекорд легендарного авиастроителя из позапрошлого года артековской смены.

Модель была уже почти готова, оставалось только найти ей звучное, достойное название и запустить в воздух; но накануне дня, назначенного для испытания готовой модели, отряд, в который входил Володя, отправился на экскурсию в Алупку.

Ехали туда на большом автобусе по гудронированному шоссе, которое петляло вдоль моря, то приближаясь к нему, то, словно дразня, отбегая вверх, к горам. На крутых поворотах пионеров прижимало к стенкам автобуса, но, держась за узкие простенки между окнами машины, высываясь, чихая от крымской пыли, они громко распевали, как всегда, знаменитую артековскую песню, известную во всех концах страны:

Мы на солнце загорели,
Словно негры, почернели.
Наш Артек, наш Артек!
Не забыть тебя вовек!..

Сделали остановку в Ялте, погуляли по набережной, где волны прибоя взлетали, разбиваясь о парапет, так высоко, что ветер с моря заносил брызги до тротуара. Иногда капли плюхались в зеркальные витрины магазинов и сползали по стеклу, в котором, отражаясь, плавало ослепительное крымское солнце с темной радугой на краю.

А в Алупке, где дома и улицы карабкались по крутой горе, Борис Яковлевич вывел своих пионеров из автобуса и сказал:

— Вот и приехали. Это Севастопольская улица, а вот и дом этот самый, номер четыре.

Маленький белый домик стоял на горе. Высокие деревья поднимали над ним свои кущи.

— Давайте, ребятки, чтобы лишних хлопот не доставлять, потише немножко...

Поприветствуем, цветы вручим. Ну, потом, кто хочет сказать что-нибудь, пусть скажет. Поблагодарим, да и назад. Ведь тут и без нас народу приезжего, верно, каждый день — не отобьешься.

Ребята поправили галстуки, с нетерпением оглядывая скромный чистенький домик, ничем не отличающийся от соседних. Борис Яковлевич постучал в калитку.

Окно домика распахнулось. В нем показалась женщина, уже не молодая, но и не старая. Внимательно-печальные глаза глянули сверху на ребят. И тотчас же все ребята, не сговариваясь, подняли правую руку над головой, отдавая салют хозяйке маленького домика.

— День добрый, Татьяна Семеновна! Здравствуйте! — сказал Борис Яковлевич, снимая белый полотняный картуз и утирая платком взмокшую макушку. — Не сердитесь, прошу, не гоните, дорогая. Вот отобрал из очередной смены. Очень уж хотелось пионерам моим хоть одним глазком на вас посмотреть. Прослышали, что вы тут рядом, по соседству с нами, проживаете, пришлось везти... Ну вот, ребятки, знакомьтесь: Татьяна Семеновна, мама Павлика.

Ребята нестройным хором поздоровались с Татьяной Семеновной, не сводя с нее глаз.

Володя осторожно подобрался поближе, чтобы никто не мешал ему глядеть. Стоял, закинув голову, полуоткрыв рот. Ему не верилось, что он видит перед собой родную мать Павлика, о котором столько читал, столько слышал, сам рассказывал малышам. Значит, вот эта самая женщина выносила, вынянчила самого знаменитого пионера, имя которого носят отряды, пионерские дома, о котором поют песни, рассказывают на сборах, ставят спектакли, печатают книги.

А скромная женщина с простым лицом, которое теперь стало приветливым, освещенное тихой улыбкой скорбных губ, закивала им сверху:

— Здравствуйте, ребята! Заходите, родные! Пожалуйста, заходите. Калитка-то отомкнута.

У нее был мягко окающий уральский говор.

Неловко толпясь, взволнованные встречей, пионеры просунулись через калитку во двор, таща на руках огромные вороха артековских роз. И когда Татьяна Семеновна вышла на крыльцо, цветы упали к ее ногам, потому что она не могла вместить в руках протянутые ей со всех сторон тяжелые душистые букеты.

— Ой, милые, спасибо!.. Куда же это столько! Зачем вы красоту такую загубили? — говорила Татьяна Семеновна, сиюсь обхватить обеими руками гигантские вороха цветов.

— Ничего, у нас в Артеке много! — говорили ребята.

— Ну вот, я их в воду-то сейчас поставлю, возле Пашиного портрета. Поглядеть-то хотите?

Конечно, все захотели посмотреть на портрет Павлика. Застенчиво входили в прохладные, чистые комнаты и подолгу вглядывались в портрет славного пионера из далекого уральского села Герасимовки, суровый подвиг которого показал всему миру, какой неодолимой преданности делу коммунистов, какой огненной ненависти к врагам его исполнены юные сердца младших сынов великой революции.

Долго стоял у этого портрета и Володя. Он припомнил в эту минуту все, что слышал о Павлике Морозове, о страшной гибели его от руки убийцы, перед которым не дрогнуло сердце пионера. Потом он перевел глаза на женщину, стоявшую рядом и бережно ставившую цветы в кувшины, вазы и ведра. Ему захотелось сказать что-нибудь очень ласковое матери Павлика.

— Похож на вас как! — решившись, заметил он.

— Да, люди говорят, есть сходство, — вздохнула она.

— А он сильный был, — спросил Володя, — высокий?

— Нет, вроде тебя, чуть поболее!

— У нас в Артеке один отряд есть имени вашего Павлика, — сказала одна из девочек.

— И катер есть, тоже называется «Павлик Морозов».

— А в Москве у нас переулок такой на Красной Пресне, тоже называется: переулок

Павлика Морозова.

— Татьяна Семеновна, расскажите что-нибудь о Павлике.

— Да что же рассказывать-то? Вы, верно, все уже читали. Все сами знаете. В газетах-то и книгах лучше написано, чем я скажу. Что ж говорить-то? Хороший он, детки, был, честный очень. Уж если слово скажет, так никогда не отопрется. Учился очень шибко. И смелый. Он да правду, за Советскую власть на все готов был идти, ничего бы не пожалел. Вот и жизни не пожалел, смерти не убоился. Сами знаете... А так он ласковый был, ребята. Ко мне был очень всегда с заботой...

Она замолчала, поглядела на портрет сына, провела рукой по своему горлу.

Володя слушал ее, жадно раскрыв глаза. Суровый подвиг Павлика и горе матери — все, что было так хорошо и давно уже известно ему по книгам, сейчас вдруг приблизилось, ожило, стало совсем близким, словно не в далекой уральской деревне случилось это, а где-то рядом с их школой, на их улице.

А Татьяна Семеновна продолжала:

— Он все море, бывало, хотел поглядеть, какое оно есть... О море мечтал. Да так и не довелось ему море-то увидеть. Ну, уж вы за него, ребятки, посмотрите и в память его порадайтесь, что все вам дано... И моря и солнышка у вас вдосталь, и люди добрые за вами ходят, воспитывают вас. Вот смотрю я на вас, юные пионеры, и матерям вашим завидую...

Андрюша Качалин вышел вперед и сказал осекающимся от волнения голосом:

— Дорогая Татьяна Семеновна, позвольте мне от имени всех нас, от имени всех пионеров-артековцев, сказать вам... поблагодарить вас за то, что вы с нами побеседовали, и сказать... заверить вас, что мы все постараемся быть такими для нашей славной Родины... такими, каким был ваш Павлик.

Этот день запомнился Володе ярче всех других лагерных дней. Всю обратную дорогу он молчал, а назавтра пришел в авиамастерскую, снял с рейки новую модель с бензиновым моторчиком и подошел к инструктору.

— Владислав Сергеевич, — проговорил он, — я решил... Можно мне мою модель назвать «Павлик Морозов»?

И никто не удивился, когда над лагерем, жужжа моторчиком, оставляя узенький дымный след в голубом крымском небе, поднялась модель, на крыльях которой было написано крупно и четко: «Павлик Морозов».

Артековцы салютовали ей снизу, махали руками и белыми своими шапочками.

«Павлик Морозов» быстро набирал высоту. Он пролетел над деревьями, теплые потоки воздуха подхватили его и понесли к морю. Его видели и в Нижнем лагере и в Верхнем, его заметила девочки в лагере № 3. Катера вышли в море, чтобы подобрать модель, если она сядет на воду, но «Павлик Морозов» все летел и летел, увлекаемый струями нежнейшего ветра, который ласкал щеки золотисто-загорелых артековцев, слегка шевелил листву деревьев и сдувал с дорожек опавшие лепестки роз.

Вскоре катера потеряли из виду модель. Она словно растопилась в сверкающих отблесках моря, в ослепительно золотистом зное. Напрасно Володя с такой надеждой ждал на берегу возвращения катеров: ему сообщили, что модель исчезла. Борис Яковлевич звонил во все окрестные санатории и в подсобное хозяйство, спрашивая, не видели ли где-нибудь модель. Но она пропала.

И только через добрый час работавшие на винограднике люди увидели, как с неба спускается к ним маленький самолетик. Предупрежденные уже звонком из конторы, они бросились с этой вестью к лагерю.

— Летит... Летит... — пронеслось по всем лагерям.

И хотя полагалось уже по закону садиться за столы, накрытые к ужину, ребята, подавальщицы, нянечки, вожатые и даже строгая докторша Розалия Рафаиловна — все выбежали на террасы, чтобы увидеть «Павлика Морозова», которого ветер послушно возвратил домой.

Володя сразу прославился на все лагеря. Когда он появлялся где-нибудь, за ним

вдогонку летело:

— Это тот самый, у которого модель улетела, а потом сама вернулась...

А сейчас он скромно стоял на левом фланге отряда лицом к высокой белой мачте.

Быстро спускался южный вечер — теплый, благовонный, терпкий. Воздух был так напоен запахами сада и моря, что сладко-соленый вкус его чувствовался во рту...

Зажглись цветные фонарики в лагерных аллеях. Заиграла музыка. Море уже фосфорилось, обдавая берег бледными искрами. И вдруг высокое пламя взметнулось на площадке перед амфитеатром. Тотчас вспыхнули огни на Адаларах. Жемчужный луч прожектора высветил алый флаг на мачте лагеря. Цветные ракеты ударили в небо, рассыпались с шипящим треском, повисли зелеными, красными, голубыми гроздьями и погасли, чтобы уступить место новым ракетам.

Володя, с грудью, переполненной ароматным воздухом, восторгом и благодарностью, чувствовал в эту минуту, что он способен совершить любой подвиг во имя этого прекрасного, огнистого и чудесного мира. Плечом и локтем ощущая тесно прижавшегося соседа, он слил свое неистовое «ура» со звонкими, радостными возгласами своих сверстников и товарищей из Ленинграда, Якутии, Мурманска, Москвы и далекого Урала, где жил Павлик Морозов, отдавший свою короткую жизнь за то, чтобы на земле всегда были такие вечера, чтоб никто не смел отнять у детства это счастье, эти цветы и загасить ликующее пламя пионерского костра...

Через четыре дня Володя уезжал домой. Он увозил то, что увозят с собой все артековцы: фотографию, запечатлевшую его самого у австралийского дерева; листья магнолии, засушенные и украшенные надписями «Привет из Артека!» — такой лист, если наклеить марку, можно послать по почте; самодельный ракушечный грот; мешочек с разноцветными морскими камешками; засушенных крабов, прикрепленных к черной круглой подставке, прикрытой сверху половинкой перепиленной электролампочки. Но, кроме того, в качестве особой премии, полученной за успехи по авиастроительству, он увозил с собой тщательно запакованную, разобрannую на части рекордную модель «Павлик Морозов»...

Дома по нему очень соскучились, да и сам он в последнее время стал тосковать по своим.

Отец был в рейсе. Мама и Валя восхищались Володиным загаром, теребили его за пополневшие щеки. Обе брезгливо рассматривали засушенных крабов, и Володя сердился, что они не понимают, какая это прелесть... Он лег рано, устав от поездки и рассказов, предвкушая как завтра утром соберет модель и днем побежит на Митридат, где, как всегда в воскресенье, наверное, соберутся «юасы». Вот ахнут они, когда он покажет им своего «Павлика Морозова»!

Мать пришла к нему, чтобы проститься на ночь, но он уже крепко спал, откинув дочерна загорелую руку, высунув смуглые ноги сквозь прутья кровати.

Она залюбовалась сыном. Володя загорел, возмужал, поправился. Полуоткрыв пухлые, яркие губы, размякшийся во сне, он был очень хорош. Все его артековские сокровища красовались рядом на столике. Крабы, засушенные листья магнолии, гротик, картонки с частями авиамодели. Возле кровати валялись стоптанные до дыр, обцарапанные о камни, совершенно разбитые сандалии.

Мать подняла их, посмотрела, покачала головой. Потом она потушила свет и бесшумно вышла.

Вскоре все в доме уже спали. Дышал ровно и глубоко Володя, которому снились ракеты, отражающиеся в море. Сторожко спала Евдокия Тимофеевна, чувствуя сквозь сон, что сынишка опять рядом, дома, можно сегодня не тревожиться, как он там... Заснула уже Валентина, собиравшаяся завтра с Жорой Полищуком и подругами на концерт на Приморском бульваре.

Спали керченские «юасы», видя себя во сне летающими над Митридатом и не подозревая, какую необыкновенную модель привез в город Володя Дубинин.

Сменились полночные вахты на кораблях. Стал на капитанскую вахту Никифор

Семенович, ведя свою шхуну из Феодосии в Керчь, к начинавшему светлеть горизонту. Над морем уже занималась ранняя заря. Ночь была самой короткой ночью в году. Начинаясь день 22 июня.

Часть вторая «ПОДЗЕМНАЯ КРЕПОСТЬ»

Глава I Не взяли...

Стало ли другим Черное море? Разве обмелело оно или остыло? Или Митридат стал ниже? И не таким было, как вчера, июньское небо? Или потускнело летнее крымское солнце?

Нет, все было прежним. И море несколько не изменилось, оставаясь, как всегда, у берега желтовато-кофейным от мути, поднятой прибоем, а дальше — зеленым, как яшма, и, наконец, сине-стальным у горизонта. И небо было таким же безоблачным, и солнце палило не менее рьяно, чем раньше. Так же нависал над городом Митридат и пахло на улицах рыбой. Все оставалось как будто неизменным, но Володя чувствовал, что все стало иным.

Над вершиной Митридата уже не летали больше белокрылые модели «юасов». Туда теперь вообще уже никого не пускали. По склонам Митридата и на вершине горы расположились батареи противоздушной обороны города. Снизу хорошо были видны на голубом небе черные контуры орудий: старый Митридат вытянул к небу узкие, длинные хоботы зениток. И так как виден был Митридат с любой улицы, то вооруженная гора нависала теперь над каждым перекрестком как напоминание о войне.

Ничего нельзя было сделать с морем, с небом, с зеленью. Цвета их оставались такими же яркими под ослепительным крымским солнцем. Но теперь все как будто линяло в самом городе и на берегу. Блекли краски города. Весело расцветенные катера, шаланды, шхуны в порту в несколько дней были перекрашены и стали серо-стальными, как море в шторм. Много людей надело одежду цвета земли и травы. Где-то еще далеко гремевшая война уже пятнала, приближаясь, стены и крыши домов. На складах в порту, на заводских зданиях появились странные, неуклюжие пежины, буро-зеленые кляксы камуфляжа — маскировочной раскраски. Все словно хотело спрятаться под землю, слиться с нею заодно, чтобы не быть приметным. Стены зданий, размалеванные маскировочными пятнами и линиями, расстались с присущими им прежде красками и напитались оттенками почвы, песка, приняли на себя тень оврагов, зеленые пятна кочек.

Ни искорки не вспыхивало по вечерам на море, где всегда возле мола покачивалось столько ярких зелено-красных фонариков и так весело прыгали звездочки топовых огней на мачтах. Перестал мигать неугомонный маячок-моргун. И дик был по ночам весь этот ветреный, слепой и безлюдный простор, ничего теперь уже не отражавший.

Но днем и ночью строгим, иногда колючим, немигающим огнем горели глаза людей; и Володе казалось, что глаза изменились разом у всех в тот памятный день 22 июня, когда вся жизнь, словно корабль, отвалила от какого-то привычного берега и уже нельзя было сойти обратно. Как будто остался тихий берег далеко позади, а навстречу грозно задувает простор черных и неведомых бурь. Вести, одна тревожнее другой, приходили в Керчь. Фашисты бомбили Севастополь. Рассказывали, что уже в Симферополе объявляли воздушную тревогу, — а ведь это было совсем близко...

В первые дни войны, жадно слушая радио, чуть не влезая с головой в репродуктор, Володя все ждал, когда же сообщат, что врага остановили, опрокинули, что он бежит, все бросая, и наши войска с красными знаменами уже ступают по улицам сдавшихся фашистских городов. «Стой, погоди, — говорил он своим товарищам, — это они только сперва так, пока наши не собрались. А вот завтра увидишь...» Но начинался новый день — завтра, а радио все не приносило желанной вести. Напротив, с каждым днем сообщения становились тревожнее. Враг все глубже вторгался в просторы Советской земли.

Отец целые дни проводил в порту. Туда уже нельзя было пройти без специального разрешения. У ворот стояли часовые. Случалось так, что Володя подолгу не видел отца, который теперь редко приходил ночевать домой.

Когда Володя услышал сообщение Советского Информбюро о том, что враги захватили Минск, он почувствовал, что ему необходимо поговорить с человеком, который хорошо его поймет и поможет уяснить, что же это такое происходит... Он подумал, не пойти ли к Юлии Львовне, но почему-то застеснялся.

Вспомнив своего старого приятеля Кирилюка, к которому уже не раз прибегал в тяжелые минуты, Володя отправился к нему. Но не пели уже голосистые чижи возле подъезда гостиницы, перечеркнувшей полосами газетной бумаги все свои стекла. Исчез и сам Кирилюк.

Володя неуверенно тронул вертящуюся дверь и, подгоняемый ею, оказался в прохладном сумрачном вестибюле. На стульях, на диванах сидели, разговаривали, лежали, дремали военные, моряки, всюду были сложены чемоданы, баулы. Знакомый швейцар, увидя Володю, крикнул:

— Давай, давай отсюда тем же манером, как въехал!

— А Кирилюк где? — спросил Володя.

— В народное ополчение ушел добровольцем... И чижей всех отпустил в бессрочную...

Мрачный вернулся Володя домой. Он стал с подозрительным старанием прибирать у себя на столе, откладывая вещи в сторонку. Заметив в глазах его странный и решительный блеск, ничего доброго не предвещавший, Евдокия Тимофеевна озабоченно спросила:

— Ты, Вовка, чего это задумываешься, а? Ты уж, пожалуйста, сейчас без глупостей...

— Знаешь, мама, — проговорил Володя, останавливаясь перед матерью и ожесточенно оттирая щеку плечом, — вот уже четырнадцать лет мне скоро, а как-то жизнь у меня проходит без толку.

— Как же это — без толку? — возмутилась мать. — Учиться стал хорошо, в Артек ездил, все тебя хвалить стали, а ты — «без толку»!

— Да это все так, детское, понимаешь... То все не я сам как-то. То все больше для меня кругом делали. Ребята-пионеры по учению нагнать помогли, ты с папой тоже — со своей стороны... Горно в Артек посылал. А вот я Сам, понимаешь, мама, сам я еще ничего такого не сделал.

— Да кто ж в твоих годах может особенное такое сделать? Учись хорошенько, помогай нам по дому управляться, а будет задание от пионеров — сделай как следует. Вот и будет твоя помощь. Чего ж тебе еще?

— Э, мама, — досадливо отмахнулся Володя, — не о том разговор идет. Ну когда финская война шла, я еще, так-сяк, сидел дома. Один раз, правда, мы с Донченко чуть не убежали, да война уже кончилась. А теперь, видно, длинная война будет... Весь народ воевать пошел, кругом мобилизация... Кирилюк, птицелов, и тот в ополчение пошел, а я тут должен оставаться... Вот как придет папа, я сейчас же к нему попрошусь... Или пускай сам меня на флот пошлет. А то убегу, и все.

— Да как же тебе не совестно матери это говорить-то? Да если я отцу скажу...

— А я ему сам скажу.

Пришла с комсомольского собрания Валентина. Ее тоже теперь целые дни не было дома. Она пришла усталая, ступая натруженными, отяжелевшими ногами, бессильно опустилась на стул, стянула с крючка на стене полотенце, стала обтирать распаренное лицо, запыхавшую шею.

— Ты бы умылась сперва, — заметила ей мать.

— Обожди, мама... Отдышаться дай. Мы сегодня с нашими ребятами целый эшелон выгружали. Комсомольский субботник у нас был. Уж устали так устали! Я сюда шла, руками себя под коленки взяла, да и подымаю ноги: не идут, да и все тут...

Володя посмотрел на нее с неудовольствием. Он видел, что сестра гордится своей

усталостью, даже выставляет ее как будто напоказ: вот, мол, смотрите, как я потрудилась.

— А завтра... — продолжала, обмахиваясь полотенцем, Валя, — завтра, мама, все наши комсомольцы, да еще с завода Войкова и с обогатительной фабрики получают направление от горкома в Рыбаксоюз — сети сушить и чинить. Надо женщинам там помочь, раз у них мужчины в армию пошли.

Володя уже внимательно слушал сестру, осторожно присев на табуретку возле стола.

— Вам хорошо! Вы уже комсомольцы. Вас везде посылают, — позавидовал он.

— А вы что же, пионеры, дремлете? — отвечала она. — Вон на вокзале железнодорожные ребята сегодня, я видела, лом собирали. Сейчас дела всем хватит, а ты все с альбомчиком возишься.

Володя покраснел.

— Прежде всего, это не альбом, а дневник. Если уж взяла без спросу и позволения у меня, так хоть бы поглядела как следует. По себе судишь, видно. «Альбом»! Я туда сообщения Информбюро переписываю. Чтобы у меня получилась потом, когда война кончится, вся история, с первого дня. Если не можешь понять, нечего хватать то, что тебя не касается.

Володя сердито вышел из комнаты, сбежал по лестнице во двор.

Через несколько минут он уже был под окнами дома, где жил его приятель Киселевский. Володя громко свистнул и тотчас же услышал, как кто-то забарабанил из комнаты пальцами в окно. Киселевский махал ему рукой, приглашая зайти, но Володя показал пальцем на землю, зовя приятеля выйти во двор.

Когда Киселевский вышел, Володя сказал ему:

— Ты про Тимура читал?

— Это как он и его команда действовали?

— Ну да, Гайдара. Помнишь, как они там организовали, чтобы помогать, если у кого на фронт отец ушел? Давай мы тоже так.

— А я не знаю как...

— Да я и сам тоже не очень знаю, только хочется что-нибудь такое делать. А то я тебя просто предупреждаю, Киселевский: убегу я, и все.

— Куда это ты убежишь?

— На фронт — вот куда!

— Ну и заберут тебя по дороге, — уверенно изрек Киселевский. — Просто ничего на свете не бывает...

Да, мало на свете дел, которые делаются просто! Казалось бы, чего проще: узнать в военкомате адреса, по которым были посланы мобилизационные повестки, зайти прямо в те дома, поздороваться, отдав салют по-пионерски, и сказать: «Здравствуйте! Мы пионеры, у нас есть тимуровская бригада, вот мы из нее. Мы хотим вам помочь. Скажите, что вам надо?» Да ведь не выйдет так. Начнут отнекиваться: спасибо, мои, ничего не надо. Это — на хороший случай. А возможно, еще и посмеются: тоже, мол, нашлись помощники! Пожалуй, могут и выгнать: дескать, вас еще тут не хватало! А если делать все тайно, как делал гайдаровский Тимур, по теперешнему военному времени совсем могут выйти неприятности. Наскочишь еще на комсомольский истребительный отряд, и заберут тебя, да еще скажут, что ты ходил по чужим дворам и лестницам, подсматривал что-то. Кругом все говорили о шпионах. Да и сам Володя мечтал изловить какого-нибудь диверсанта и присматривался ко всякому подозрительному встречному.

Нет, тайно сейчас уже нельзя было действовать. И тогда Володя отправился за советом к Юлии Львовне.

Очувтившись на знакомом школьном дворе, где стояла каникулярная тишина, Володя почувствовал, как ему хочется, чтобы скорее начались опять занятия. Ему казалось, что если каждое утро снова будут звонить звонки и день будет подчиняться школьному расписанию, а каждая минута заполнится делом, занятиями, и кругом сойдутся свои ребята-одноклассники, и в пионерской комнате будут сборы, и Жора Полищук, которого теперь не сыщешь, будет

им рассказывать о войне, — может быть, и на душе станет спокойнее. Но тут же он подумал, что садиться за парту, готовить и отвечать уроки сейчас, вероятно, никак нельзя. Не пойдет сейчас учение в голову: все мысли заняты одним — войной.

Все же, когда Юлия Львовна, как всегда, спокойно, только чуть подрагивая бровями, выслушала Володю и заговорила с ним своим обычным размеренным, строго и певуче звучащим голосом, он испытал некоторое успокоение.

— Дубинин, дорогой, — сказала Юлия Львовна, — я понимаю, как тебе не сидится сейчас. Только ты не спеши: это война большая. Конечно, им нас не одолеть никогда — в этом-то я твердо убеждена, — но силы нам надо беречь. Силы у нас будут прибывать с каждым днем. Такие, как ты, там, на фронте, не требуются, уверяю тебя. А что касается помощи здесь, то вот это дело хорошее. Я — за это! Светлана уже собиралась пойти к тебе, обойти всех ребят и начать работу.

— Как ее только начать вот?

— Я не помню, у кого это я читала... «Самое трудное дело — это начать. Преодолеть его можно только одним способом: начать».

И они начали.

Первым оказался дом военного моряка Сырикова, отца того самого Илюши Сырикова, который любил задавать вопросы на беседах Володи с малышами и как-то спросил, как учиться сам Володя. Увидев входивших пионеров, Илюша, который был дома один, сперва оробел и долго не хотел пускать ребят из передней в комнату, а потом увидел Володю, узнал его и сказал:

— А ты у нас про Чкалова объяснял. Ты мне сделаешь корабль, как обещал?

В тот же день с Володиного стола исчез один из лучших миноносцев. Через день в неизвестном направлении уплыл крейсер, искусно выточенный Володей из полена. Не прошло и пяти дней, как флотилия на столе подверглась опустошению. Вся Володина армада — все его корабли, вплоть до великолепного линкора «Красный Спартак», все эсминцы, тральщики, подводные лодки, вырезанные из коры, — все пошло в ход, все отдал щедрый Володя ребятишкам, чьи отцы ушли в армию. И, едва завидев под окном или через раскрытую калитку красный галстук дежурного пионера, ребятишки кричали:

— А где пионер Володя? Он придет сегодня? А когда он прядет опять?

Случалось и так, что к вечеру прибежала Светлана Смирнова, застенчиво говорила Евдокии Тимофеевне:

— Позвольте, пожалуйста, вашему Володе сегодня еще на Пироговскую сходить. Там такой Сережа есть Стрельченко, у них отец танкист... Так он все плачет и просит, чтобы Володя ему корабль починил. Никак не укладывается спать. Уж ко мне мать его приходила...

И Володя шел на Пироговскую.

Он вставал теперь чуть свет, чтобы услышать первое радио. Вскakiвал с постели. Сон сваливался с него вместе с простыней, которой он укрывался. Неслышно ступая босыми ногами, подбегал к громкоговорителю. Стоял, залитый лучами еще низкого утреннего солнца, маленький, под орех разделанный артековским загаром, с выцветшими волосами, теплый со сна.

При каждом движении сестры или матери махал на них рукой, чтобы они не шумели, и слушал, слушал утренние сообщения Совинформбюро. Не моргая, смотрел он в черную воронкообразную тарелку, из которой доносились размеренные слова диктора...

Володя чувствовал, что ему необходимо посоветоваться обо всем, что он думал эти дни; нужно было непременно свидеться с отцом. Но Никифор Семенович уже неделю не выходил из управления порта.

— Мама... — сказал Володя. — Как хочешь, мама, но только я сейчас в порт схожу к папе. Уж как-нибудь там пробьюсь...

После вчерашнего короткого дождя утро было необыкновенно ясное. Дома, деревья, столбы отбрасывали резко очерченные тени.

Володя не успел выйти со двора, как перед самой калиткой навстречу ему покати́лась

маленькая черная тень. Он услышал залиvistый лай, и сейчас же что-то теплое, мохнатое кинулось ему на грудь, мокро лизнуло в нос.

— Бобик, Бобик! — закричал радостно Володя, отбиваясь и хохоча.

А Бобик все прыгал на него, норовя непременно лизнуть в лицо. Володя слегка отпихнул собаку и выскочил на улицу, чтобы встретить отца, точным вестником прибытия которого было появление Бобика.

И действительно, тут же, за калиткой, он увидел отца. Никифор Семенович очень осунулся за эти дни. Загорелое лицо его казалось истомленным, в глазах с красными веками догорал тот сухой, воспаленный блеск, который бывает обычно у людей, еще не ложившихся спать со вчерашнего дня. Володя сразу же перевел свой взгляд немного повыше и увидел на морской фуражке отца уже не прежний значок торгового флота, а так называемый «золотой краб» с красной звездочкой — герб Военно-Морского Флота.

— Папа, ты что? Уж мобилизовался?

— На флот ухожу, сынок. Сегодня отбываю. Проститься с вами зашел... Вот то-то и оно... Ну, а у вас как тут? Что мама, Валя?..

Через полчаса мать уже принялась собирать Никифора Семеновича в дальнюю военную дорогу. За долгие годы совместной жизни с Никифором Дубининым, с которым встретила она когда-то в санитарном поезде, Евдокия Тимофеевна поняла, что спорить с мужем, удерживать его, отговаривать — бесполезно.

Уже не раз отправляла она его в опасный путь, провожала в бой, снаряжала в плавание. И каждый раз, будучи не в силах подавить тяжелый страх за мужа, она гордилась неволью этим сильным, спокойно-смелым человеком, для которого голос сурового мужского долга был зовом собственной совести. Она знала, что ей предстоят трудные дни, полные тревог, самых страшных опасений, тяжелых и неотгонимых мыслей, — знала, как ей будет трудно, но чувствовала: так надо, и иначе сейчас быть не может.

И Володя, который ждал, что мать заплачет и станет упрашивать отца, чтобы тот не ходил добровольцем в военный флот, с уважением поглядывал на потускневшее, замкнутое, словно какой-то пеленой закрывшееся лицо матери. Она укладывала в чемодан вещи отца, книги, бритвенный прибор, семейную фотографию.

Валентина выгладила белье отца, аккуратно сложила чистую тельняшку.

Володя пристроился на диване возле отца, который перебирал книги, бумаги, откладывая часть из них в сторону. Улучив удобную минутку, Володя шепнул Никифору Семеновичу:

— Папа... у меня к тебе большая просьба. Только ты выслушай.

— Слушаю, Вова, — откликнулся отец, продолжая переключать бумаги.

— Папа, только ты по-серьезному слушай, а условимся, что без шуток.

— Какие тут могут быть шулки? — Отец сдвинул книги в сторону. — Ну, высказывайся, в чем дело?

— Папа, прошу тебя, будь человеком, возьми меня с собой!

— Вот, вот! — донеслось от стола, где была мать. — Только и слышу от него все дни.

А тут еще убежать грозился.

— Куда это? — удивился отец.

— На военный флот. Буду юнгой у тебя. Плавать я умею — это раз. В тир я ходил — значит, стрелять научусь скоро — это два.

— Во-первых, если дело на счет пошло, так у тебя получилось пока не два, а полтора, раз еще только обещаешь научиться, — отвечал отец. — А главное, тебе там делать нечего. Ты дома тут больше пригодишься, я так считаю. За хозяина станешь. Мужчина!

— Ну тебя, папа, опять ты смеешься, а я серьезно...

— И я, Владимир, совершенно серьезно.

— Действительно, очень ты нам нужен, — присоединилась Валентина и тихо прибавила: — Полтора моряка.

— А ты помалкивай, ни два, ни полтора! — отрезал Володя.

В сенях залаял Бобик. На лестнице послышались шаги. В дверь постучали. Володя пошел открывать. Он вернулся тотчас же в залу, еще из передней крича:

— Дядя Гриценко приехал! И Ваня!

— А, добро пожаловать! На проводы угодили, в самый раз...

Пока Иван Захарович Гриценко, молчаливый, застенчивый человек, от которого сразу запахло на всю квартиру рыбой и табаком, присев на диван, неспешно беседовал с Никифором Семеновичем, Володя в уголке тихонько разговаривал со своим старым приятелем:

— Слыхал, Ваня, что по радио говорили?

— Ясное дело, слыхал.

— А я себе в дневник записал.

— А я и так помню, без записи.

— Да и я помню. Только это для истории потом будет, У меня все записано от Совинформбюро.

— Покажи.

— После покажу, там не все разборчиво; я карандашом. А как чернилами обведу, покажу. Ну, как у вас там, в Старом Карантине?

— У нас там ничего особенного не заметно, а вот в Камыш-Буруне кругом маскировка понаделана, так те узнаешь теперь...

— Так, — спрашивал тем временем дядя Гриценко у Никифора Семеновича, — значит, обратно подаешься? В военный флот? По молодой своей привычке...

— Да, на свой боевой, Черноморский, — отвечал Никифор Семенович. — Четырнадцать лет прошло, как демобилизовался. Я сразу заявление подал, чтобы идти добровольно, да в порту дела задержали. Никак не отпускали. Ну, уж сегодня я всем заявил, что больше дня не останусь тут. «Давайте, говорю, отпускайте, как хотите». Отпустили, Имею про себя думку: попрошусь на свой миноносец. — Он наклонился к Гриценко, заговорил тихо: — Иван Захарович, по родству, по дружбе, пригляди тут... Поручаю тебе моих — все семейство. Имею на тебя надежду.

— Будь уверен, Никифор. Воюй, плавай со спокойной душой. О твоих позабочусь — так не бросим, в случае чего.

— И за Вовкой, прошу, присмотри, у него все думки насчет фронта замечаются. Прыткий больно. Ты уж тут твердой рукой...

— Про то не думай — придержим.

Вечером Дубинины вместе с обоими Гриценко провожали Никифора Семеновича. Отец держался браво, был он уже по-военному подтянут; во всей его повадке снова проступила та лихая молодцеватость, которая свойственна военным морякам. Он поглядывал то на дочь, то на сына, улыбался с некоторым смущением, как человек, который чувствует себя в центре внимания, рад этому, но в то же время стесняется, что доставил людям столько хлопот и волнений. Он старался отвести взор от бледного, неподвижного лица жены, но все время чувствовал на себе неотрывный взгляд ее глубоко запавших за день, остановившихся глаз.

Два раза ударил вокзальный колокол. Стали прощаться.

— Ну, счастливо тебе воевать, чтобы не хуже, чем в девятнадцатом, — пожелал дядя Гриценко, трясая руку Никифору Семеновичу. — Ни пуха тебе, ни пера, завтрашний адмирал!

— Счастливо и тебе оставаться... Будь здоров, бывший пулеметчик... Может, и тебе выйдет старое вспомнить. Еще до генерала дойдешь, — отшутился Никифор Семенович и, показав глазами на своих, добавил тихо: — Уговор ваш насчет моих не забудь!

— Насчет этого не сомневайся, — отвечал Гриценко. — А вот ты погоди шутковать... Ты про меня как сейчас сказал? Бывший пулеметчик? Что ж, было дело; приходилось и в германскую и в гражданскую. В случае чего, если и до меня черед дойдет, мой год выйдет, возражений не имею — я строчить из «максима» не разучился. За первого номера хоть зараз сойду.

Залился кондукторский свисток. Все, кто был на перроне, невольно подались к вагонам,

словно провожающие хотели схватить поручни вагона и удержать поезд хоть еще немного у вокзала.

— Ну, главный отправление дает, — сказал отец. — Будь здорова, Дуся!

Он крепко обнял Евдокию Тимофеевну, туго свел брови, еще раз крепко и порывисто поцеловал жену, осторожно снял ее руки со своего плеча. Потом он звонко расцеловался с Валентиной, нагнулся, поймал Володину ладонь, крепко стиснул ее, а другой обхватил сына, потянул к себе, почти приподнимая — и у Володи, который привстал на цыпочки, на мгновение из-под ног ушел перрон.

— Расти, мальчуган, — глухо проговорил отец и крепко поцеловал его в губы.

Володя почувствовал знакомый запах трубочного табака, легкий привкус сливяной настойки, которой мать угостила отца на прощание. Володя успел шепнуть:

— Папа, ну будь же человеком! Ну, возьми меня с собой...

Сперва позади них, а затем под самыми ногами раздался собачий визг и скулеж, и Бобик запрыгал между Никифором Семеновичем и Володей, взлетая всеми четырьмя лапами в воздух.

— Скажи ты на милость, — засмеялся Никифор Семенович, — удрал-таки. Вот морская душа! Почуял, что я в рейс ухожу. Ну, ясно, как же без него можно?.. Возьми-ка его, Вова, на руки да держи покрепче, не то, гляди, за мной увяжется, угодит под поезд.

— Не пойму, как он с квартиры выбрался... Верно, в чулане стекло высадил — ведь я его заперла, — сказала мать.

Паровоз сипло прикрикнул на всех, словно сам уже ушел вперед и подзывал издали отставших. Никифор Семенович еще раз быстро поцеловал жену и вскочил на подножку вагона. Бобик, увидев это, стал рваться из рук подхватившего его Володи.

Так и стоял Володя на перроне, прижимая к себе лаявшего и жалобно скулившего Бобика. Он даже не смог помахать рукой вслед поезду, который уносил на войну отца. Сразу на перроне стало тихо и зияюще пусто. Вот поезд ушел, открыв вторые пути и далекие привокзальные виды, словно обнажилась вся боль разлуки. Кто-то позади плакал причитая. Евдокия Тимофеевна медленно повела рукой по лицу, сгоняя прокрашившуюся слезу.

Все тихо уходило с перрона. Володя шел последним, неловко неся на руках затихшего и все оборачивающегося в сторону ушедшего поезда Бобика. Выйдя из вокзала, Володя поставил собаку на лапы:

— Пойдем, Бобик. Не взяли нас с тобой...

Глава II Сердце горит

Через три дня Володя застал дома мать заплаканной.

— Ты что, мама? — встрепнулся он.

Евдокия Тимофеевна мотнула головой в сторону репродуктора:

— Расстроилась я, Вова... Передавали сейчас про летчика одного нашего. Его из орудия подожгли, бензин у него загорелся в воздухе, так он взял самолет на фашистов... И сам с ними взорвался... Вот до чего их ненавидел! А молодой, наверное. Мог бы, поди, с парашютом соскочить, а не захотел. На смерть решился. Фамилию вот не разобрала, капитан какой-то — Пospelов, кажется...

Володя слушал мать, закусив губу, и перевел дыхание только тогда, когда она кончила. Он сейчас же помчался на улицу Ленина, где расклеивались ежедневно сообщения Совинформбюро. И там он, мусоля от волнения карандаш, отчего на губе у него образовалась темная полоска, переписал в свой дневник:

«Героический подвиг совершил командир эскадрильи капитан Гастелло. Снаряд вражеской зенитки попал в бензиновый бак его самолета. Бесстрашный командир направил охваченный пламенем самолет на скопление автомашин и бензиновых цистерн противника. Десятки германских машин и цистерн взорвались вместе с самолетом героя».

Володя переписал аккуратно эти строки сообщения, потом дома обвел их чернилами.

Вечером он прочел их Светлане Смирновой. И, прочтя, добавил:

— Вот так бы и Чкалов на его месте сделал, если бы живой был! Знаешь, я уверен!

Однажды вечером к нему прибежала Светлана. У нее было очень расстроенное лицо.

— Володя — сказала она, — ты очень устал?

Володя, у которого все тело и руки ныли после работы на огородах, где пионеры помогали семьям фронтовиков, спросил:

— А что?

— Помнишь, ты на Пироговскую ходил кораблик чинить? Им извещение пришло: отец в танке сгорел. Такое у них там творятся, прямо я и не знаю, что делать... Маленький этот... Я даже не думала, что он понимает... А он как вцепился в мать, так и не отдерешь прямо. Давай вместе туда сходим!..

Евдокия Тимофеевна, убиравшая наутро залу, удивилась пустоте на Володином столе. Она не сразу поняла, чего тут не хватает. Корабли давно уплыли отсюда, но Евдокия Тимофеевна хорошо помнила, что вчера еще стол был чем-то занят.

— Володя, — позвала она сына, — не могу я никак припомнить, что у тебя вчера тут на столе было... Недостает чего-то...

Володя вскинул на мать немного смущенный взгляд из-под ресниц:

— Модель тут стояла... которая из Артека...

— Пускать ходил?

— Ну да, есть у меня время, как раз... Я ее на Пироговскую снес. Мальчишке тому подарил, у которого отец в танке сгорел. Он все ревел, ревел... Меня, мама, такая жалость взяла! Я уж его и так и эдак... Ну никак, понимаешь! Плачет, и все. Я тогда принес модель да как запустил ее! А он так руками в ладоши — хлоп-хлоп! И засмеялся сразу. А как в руки ее взял, так затрясся весь. Ну, я ему и отдал. Пускай...

— А не жалко было? — спросила мать и наклонила голову, с лаской оглядывая сына. «Совсем как Никифор: что свое — все отдаст», — подумала она.

— Было немножко, — признался Володя, — только мальчонку того еще больше жалко было... Ну, и ладно про то, — неожиданно прервал он сам себя и нахмурился. ...Занятия, как всегда, начались 1 сентября. Обычно в этот день все здание школы, отвыкшей за лето от шума, оглашал бурный гам. А сегодня ребята тихо собрались в большом зале. И директор Яков Яковлевич произнес коротенькую речь.

— Друзья, — сказал он, — сегодня, как и в прошлые годы, мы начинаем занятия. Мы встречаем этот большой для каждого советского учителя и школьника день в не совсем привычной обстановке. Я вижу по вашим лицам, я чувствую по той серьезности, с какой вы сегодня пришли сюда, что вы сами понимаете, какие тяжкие испытания выпали сейчас нашей Родине. Враг хочет не только отнять у нас землю и лишит миллионы людей жизни... Он вознамерился уничтожить все, что мы завоевали под славным знаменем Ленина. Мы завоевали для себя право на труд, свободный вольный труд. Фашисты хотят сделать труд снова проклятием для человека, а нас превратить в своих рабов. Мы провозгласили и утвердили право человека на отдых, на обеспеченную старость. Фашисты умерщвляют беззащитных стариков, убивают детей. Мы как великое достижение Октябрьской революции закрепили за каждым нашим человеком право на образование. Фашисты хотят отнять у нас свет знания, ввергнуть нас во тьму животного невежества. Но мы, ваши учителя, гордые тем, что нам доверено осуществить право каждого из вас на овладение знанием, заявляем на весь мир: как бы ни гремели пушки, они не заглушат голоса учителя, который будет всегда раздаваться в этих стенах, пока они стоят...

Потом выступали комсомольцы-старшеклассники. Когда Яков Яковлевич уже собирался дать команду: «По классам!» — поднял руку Володя. Все оглянулись на него с удивлением. Володя в школе был застенчив и редко выступал на больших собраниях.

— Что ты хочешь сказать, Дубинин? — спросил директор.

— Мне хочется... Можно мне прочесть стихотворение про летчика Гастелло? Я из журнала «Огонек» выучил.

— Ну что же, прочти, — разрешил директор. — Тише! — прикрикнул он на пионеров, которые недоуменно переговаривались, посматривая на Володю.

Никто не ожидал этого от Дубинина. Володя вышел на середину зала, где стоял директор, поправил алый галстук и неожиданно звонким, заставившим всех сразу притихнуть голосом прочел стихи, которые он нашел вчера в «Огоньке» и сразу заучил наизусть:

Только в час, когда моторы стали,
Он пошел в последнее пике...

Володя посмотрел на пионеров, отыскивал глазами Светлану Смирнову, которая слушала его с вытянутой от внимания шеей, приподнявшись на носки.

Нужно так любить свою Отчизну,
Вовсе забывая о себе,
Чтобы и в огне, прощаясь с жизнью,
О ее заботиться судьбе...

Все слушали его — старшеклассники, с физиономий которых быстро сошла привычная надменность, и малыши, восторженно взиравшие на своего любимца, и Юлия Львовна, рядом с белой головой которой особенно черной казалась шевелюра Ефима Леонтьевича, и директор Яков Яковлевич, и Мария Никифоровна, географичка, и физик Василий Платонович, и друзья Володи: Аркаша Кругликов, Миша Донченко, Володя Киселевский и Светлана Смирнова. Все слушали его. И голос Володи крепчал с каждым словом:

Не впервой нам силу мерить силой,
Будет в прах развеян вражий стан!
Над твоею огненной могилой
Мы клянемся в этом, капитан...

Он кончил, и кто-то из малышей захлопал, но тотчас же спрятал руки, испуганно посматривая на соседей: может быть, не полагалось по случаю войны, да еще после таких серьезных стихов, аплодировать? Но Юлия Львовна, протянув к Володе тонкие руки, несколько раз громко ударила ладонью о ладонь. И тогда все зааплодировали бурно, рьяно, восторженно.

Всем, конечно, захотелось получить эти стихи на память. Когда Володя проходил на свое место, ему со всех сторон шептали: «Дубинин, дай списать стихотворение...», «Перепишешь мне на память?»

Так и начались в школе занятия. Как прежде, звонил звонок, входили в класс учителя с картами, скатанными в трубку, с журналами под мышкой, с чучелами птиц, гипсовыми слепками и различными приборами в руках. За партами все вставали, потом садились, начинался урок.

Все как будто шло своим порядком, давно заведенным и прочно укоренившимся. Но Володе часто на уроке начинало казаться, что все это не настоящее, все это теперь лишь изображает школьные занятия. И Василий Платонович, объясняя рычаг второго рода, смотрит в окно и думает, наверное, о том, о чем думает и он сам, Володя: о войне, о фронте, который становится все ближе и ближе. И во время какой-нибудь письменной работы, когда в тишине класса слышался только сосредоточенный шорох перьев о бумагу или легкий скрип парты под потянувшимся учеником, на Володю находило вдруг страдное оцепенение: он не мог собрать мыслей. Ему начинало казаться диким и невозможным, что в то время, когда на страну навалилось такое страшное бедствие, они сидят как ни в чем не бывало в классе, водят перышком, что-то складывают, вычитают, выносят за скобки, упрощают... А

он слышал в разговорах, читал в сводках и сообщениях, что враг уже идет на Крым. Володе, казалось странным, почему не только в школе, но и в городе все шло обычным порядком: люди ходили на работу, торговали магазины, продавались бычки на базаре...

Мог ли он знать, что за этим видимым для всех, привычным ходом жизни зрело уже другое, трудное, пока еще творимое втайне дело, которое должно было в близком будущем помочь борьбе народа и приблизить ее страстно ожидаемый исход!

Володя не знал, что дело это секретно делают люди, среди которых было много знакомых, друзей отца, не раз бывавших у них дома в гостях.

Мог ли кто думать, что скромный, молчаливый дядя Гриценко на Старого Карантина посвящен в эту тайну, о существовании которой Володя даже не догадывался! Откуда было знать Володе, что несколько раз уже встречавшийся ему на улице худощавый пожилой человек в черных очках, палкой нащупывающий дорогу, не кто иной, как товарищ Андрей, известный под этим именем лишь двум-трем партийным руководителям города? Он по поручению партии и руководил тем тайным делом, которое постепенно подчиняло себе все подготовительные оборонные работы на заводах и предприятиях, в каменоломнях и учреждениях. Но никто, даже из людей, выполнявших эти задания, не знал, что под кличкой «Андрей» действует приехавший из Симферополя для организации большевистского подполья — на случай, если враг прорвется в эти края, — старый большевик, опытный подпольщик Иван Андреевич Козлов, только что перенесший тяжелую операцию глаз, полуслепой, но не пожелавший в тяжелые для Родины дни оставаться в больнице...

Обросший бородой, согбенный, он терпеливо стоял вместе со всеми в очередях у магазинов, катил к себе домой полученный бочонок с соленой камсой; постукивая палочкой по плитам тротуара, осторожно пробирался среди прохожих на улицах. Кто бы мог догадаться, что этот такой неприметный человек с мешком за плечами уже в пятый раз за свою жизнь уходит в большевистское подполье, чтобы организовать сопротивление врагу! Знал об этом только секретарь городского комитета партии товарищ Сирота, которого Володя прежде не раз видел в Доме пионеров и однажды даже показывал ему свою скоростную модель. Володя и сейчас часто встречал товарища Сироту в порту, издали видел его у зенитных батарей на Митридате. Секретарь горкома партии стал председателем городского Комитета Обороны. Но никто (а в том числе, конечно, и Володя) не подозревал о связи, которая существовала между действиями энергичного, быстро двигавшегося товарища Сироты и медлительным старичком в черных очках, который иногда прохаживался вдоль набережной, нащупывая палочкой дорогу...

Между тем на заводе Войкова и на железорудном комбинате рабочие уже готовили два бронепоезда. Все перестраивалось на военный лад. В Камыш-Буруне и по всему побережью мобилизовали весь рыбацкий флот. На катерах и шаландах устанавливали пушки. Маленькие рыболовецкие суда превращались в военные корабли. Даже на консервном заводе делали теперь гранаты, а на табачной фабрике изготавливали котелки, траншейные печки, оборудовали походные хлебопекарни.

Володя заметил как-то вечером, что исчезло яркое зарево, которое обычно полыхало над заводом имени Войкова. Там, за заводом, была шлаковая свалка, и когда ночью выливали ковши со шлаком, то на десятки километров вокруг все озарялось розоватыми отсветами. Володя не зная, что коммунисты завода вместе с комсомольцами дни и ночи работали, возводя вокруг завода высокие стены из кирпичей, которые замаскировали свалку, и что самолеты Черноморского флота специально подымались по ночам над Керчью, проверяя, не видны ли с воздуха каленые горы шлака. Володя не знал также, что все наиболее ценное оборудование уже вывозится из города на Урал, а по ночам через пролив — на рыбацких баркасах, на самодельных плотках из бочек, сбитых дощатыми настилами, — переправляют сотни тысяч голов скота, перебрасывая его на Тамань.

Не знал Володя и того, что в Керченский горком уже сыплются заявления от коммунистов и комсомольцев, от беспартийных граждан, которые просят зачислить их заранее в партизанские отряды, если понадобится организовать такие. Товарища Сироту

осаждали старые партизаны 1919 года:

— Мы к тебе, товарищ секретарь! Давай зачисляй. Пришло времечко и нам старые кости размять. Давай задание.

В разных районах создавались продовольственные запасы, склады оружия, в каменоломни спускались бетонированные ванны для хранения питьевой воды. Везде — я на заводе Войкова, и на Камыш-Бурунском комбинате, и на Судостроительном — были созданы возглавленные коммунистами, смелыми и решительными людьми, группы подрывников.

Но откуда было знать все это школьнику?

Люди, которым Коммунистическая партия доверила это трудное, опасное задание, умели хранить тайну и делать до поры до времени свое дело незаметным для всех.

Все чаще и чаще стали взывать над Керчью сирены воздушной тревоги. И тогда над Митридатом с треском лопались мелкие облачка зенитных разрывов.

Двадцать седьмого октября, когда Володя вместе со всем классом решал контрольные письменные задачи по физике, за окнами школы завывала, забираясь все выше над городом, будто взбегая на вершину Митридата, портовая сирена. Заголосили пароходы. Ветер принес далекие выстрелы зениток, словно где-то откупоривали множество бутылок одну за другой.

Дверь класса резко открылась, вошла Юлия Львовна.

— Простите, Василий Платонович... В городе воздушная тревога, — сказала она. — Ребята, книги оставьте в партах, а сами сейчас же выходите из класса и спускайтесь в убежище. Спокойно. Без толкотни. Места всем там хватит. Дубинин! Ты что, считаешь себя неуязвимым? Почему ты остаешься?

— А я не остаюсь, Юлия Львовна. Только я в убежище не пойду.

— Как это так — не пойдешь? Ты разве не знаешь приказа по городу: «В случае тревоги немедленно укрываться»?

— А я в дружину записался... Мое место, может быть, как раз на крыше, а не в подвале.

Чудовищный грохот, тяжкий, все под себя подминающий, ударил по городу сверху, словно сам Митридат рухнул на Керчь. В классе посыпались стекла из окон. Юлия Львовна схватила Володю за руку и почти насильно вытащила его в коридор.

Когда Володя выбежал на улицу, он невольно остановился, подавленный ужасом. Осколки камня и стекла, кирпичная крошка покрывали мостовую. А посреди улицы, перед самым зданием школы, лежал смятый, разорванный и какой-то исполинской силой принесенный сюда огромный пароходный котел. Одним концом он врылся в землю, другим выворотил полстены у соседнего здания. С моря продолжали доноситься гулкие раскаты взрывов. Запах гари — тревожный, наводящий жуть — стелился вместе с дымом вдоль улицы. На Митридате часто били зенитки. Над портом клубился черный, обгаренный снизу отсветами пламени, словно кровью подтекавший, дым.

Володя бросился бежать к порту.

По дороге он узнал, что фугасная бомба с немецкого бомбардировщика «юнкере» попала в только что прибывший пароход со снарядами.

Произошел взрыв, и сила его была столь чудовищна, что котел парохода зашвырнуло с моря в центр города...

Больно было смотреть на обезображенные улицы. За какие-нибудь десять минут бомбы поковеркали много домов, вырвали деревья. Акации валялись прямо на мостовой. Одна из них сползла в зияющую воронку посреди улицы. В разбитой витрине магазина, всаженная туда взрывной волной, свалилась на осколки стекла убитая лошадь. Печально звенели порванные провода, свисавшие со столба, который, падая, уперся концом в выбитое окно двухэтажного дома. Дул холодный, пронизывающий ветер, отдававший копотью.

Володя услышал какой-то странный, цокающий звук, словно кто-то над самым ухом его стучал быстро и часто одной костяшкой домино о другую. Он прислушался; холодея, почувствовал, что от этого противного, где-то уже в нем самом раздававшегося цоканья его

начинает всего трести, и вдруг понял: это просто-напросто у него стучат зубы...

Ночью вновь объявили тревогу.

Быстро одевшись, Володя вылез на крышу. Где-то в вышине, пока еще далеко, небо сверлил ноющий, противный звук, чем-то напоминавший Володе жужжание бормашины в зубо-врачебном кабинете, куда он однажды попал.

Город притаился во мраке осенней ночи. Черная громада Митридата высилась над затемненными домами. И вдруг на склоне горы несколько раз подряд блеснул какой-то колючий свет. Он погас, снова зажегся, три раза мигнул, потух. И вдруг в том же месте на какую-то долю секунды вспыхнул ярко-красный огонь. Прошло несколько минут, и вспышки белого и красного света возобновились.

Через минуту Володю, бежавшего по улице к штабу ПВО, задержал патруль — два моряка и милиционер:

— Ты чего бегаешь? Не слыхал тревоги, что ли?

— С Митридата фашистам сигналил кто-то! — заторопился Володя и потянул милиционера за угол, откуда был хорошо виден склон Митридата.

Пришлось подождать некоторое время; а сигналов-то как раз и не было, и патрульный уже хмуро посматривал на Володю. Но вот у вершины Митридата опять остренько сверкнул несколько раз подряд белый свет, сменился красным и погас.

— Как твоя фамилия?.. — быстро спросил милиционер. — Дубинин? Владимир? Стой, значит, здесь и следи, откуда свет будет, а мы моментом доложим дежурному.

Патрульные побежали за угол. Володя остался один. Свет на Митридате опять зажегся было, но после короткой, словно оборванной вспышки пропал и больше уже не возобновлялся. Володю очень тянуло сбегать самому на Митридат и узнать, что там произошло, но он помнил наказ патрульного и терпеливо стоял на месте, пока не объявили отбой...

Фашисты бомбили теперь Керчь почти ежедневно. И днем и вечером взывали сирены, улицы пустели. Тяжелые удары сотрясали город. Потом, после отбоя, на улицах появлялись бледные, растерянно озирающиеся люди, смотрели на знакомые улицы — и не могли узнать их, искали свои дома — и не находили...

После очередной бомбежки, во время которой Володя таскал на своей улице малышей в убежище, но сам не оставался там, он, едва дождавшись отбоя, сказал себе, что надо решительно действовать, то есть отправляться на фронт. Там, по крайней мере, если придется погибнуть, то смертью храбрых на поле боя.

Много людей входило и выходило из дверей дома, на котором была прибита табличка: «Военный комиссар города Керчи».

Володя долго бродил по коридорам, где сновали военные. Никто не обращал на него внимания, все были заняты своим делом. Пахло тут, как пахло во многих военных учреждениях: сапогами, кожей, ремнями, махоркой и какой-то дезинфекционной жидкостью. Наконец Володя разыскал дверь, на которой была дощечка: «Военный комиссар». Он постучался один раз, второй, и так как ему никто не отвечал, то приоткрыл дверь и вошел в кабинет. В глубине комнаты за столом, на котором не было ни одной бумажки и вообще ничего не было, кроме чернильницы, сидел плотный человек с круглой стриженной головой. В петлицах у него были майорские «шпалы». Комиссар, отвернувшись к подоконнику, на котором стоял телефон, внимательно слушал, изредка отрывисто поддакивая.

— Так... Да... Есть... Пойдет... Хорошо... Все? Действуйте!.. Тебе что? — обратился комиссар к Володе.

— Товарищ комиссар, разрешите... — начал Володя.

— Это надо было вон там говорить, у дверей.

— А я с той стороны стучался...

— С той стороны не вышло, так ты на эту перебрался! — усмехнулся комиссар. — Ну, с какой стороны ни явился, выкладывай скоренько, с чем пришел!

Володя выпрямился, сдвинул каблуки, хотел отчеканить совсем по-военному, но от

волнении сбился:

— Товарищ комиссар, разрешите... У меня к вам просьба: запишите меня, товарищ комиссар...

— Куда тебя записать?

— На фронт. Ведь добровольцев берут.

Комиссар, который уже успел вынуть из стола какие-то списки и водил по ним пальцем, словно Володя уже перестал интересоваться им, не спеша поднял голову.

— Школьник? Учишься? — спросил он.

— Учусь в седьмом классе. В школе имени лейтенанта Шмидта. Сейчас почти отличник.

— Занятия в школе идут?

— А что с того?

— Рассуждать тебя я пока как будто не просил. Тебя спрашивают: занятия в школе идут?

— Уже второй месяц, как идут, товарищ комиссар. В эту минуту Володе уже не очень хотелось, чтобы занятия шли.

— Так, — промолвил комиссар, — оч-чень хорошо, что занятия идут. Вот пусть они и идут. Понял? Кстати, как тебя величать-то?

— Дубинин Владимир Никифорович. Год рождения тысяча девятьсот двадцать седьмой.

— Ты что, капитана Дубинина, что ли, сын? — любопытствовал комиссар и уже не так сурово посмотрел на Володю.

— Так точно! — по-военному ответил воспрянувший Володя.

— Как же, знаю твоего отца. А как он на твои намерения смотрит?

— Я у него уж просился, а он не взял, как на флот уезжал, — с неохотой признался Володя.

— Не взял? Так, — отчеканил военный комиссар. — А ты, Владимир Никифорович, значит, решил действовать в обход, с тыла зашел, так сказать. Вот что я тебе скажу, парень... Есть добровольцы, а есть — я их так называю — самовольцы. Разницу чувствуешь? Вот как по-твоему; ты кто?

Володя молчал.

— Военную дисциплину понимаешь? — спросил комиссар.

— Понимаю, товарищ военный комиссар.

— В каком классе, говоришь, учишься?

— В седьмом «А».

— Команду как выполнять, знаешь?

— Конечно, знаю.

— Так вот, слушай мою команду: правое плечо вперед, кругом, в седьмой класс «А» ша-гом... арш!

И Володя, повинувшись этому голосу, привыкшему командовать, очень растерянный, нашел в себе все-таки силы, чтобы не осрамиться перед комиссаром, и, повернувшись через левое плечо кругом, по-военному отчеканивая шаг по паркету, вышел в коридор.

Когда он прикрывал за собой дверь, комиссар крикнул ему вдогонку:

— Пррямо!.. И приказываю всем заготовить срочно побольше круглых пятерок. Действуй!..

Потерпев неудачу в военкомате, Володя направился в городской комитет комсомола.

В большой комнате толпилось много народу. Парни лет семнадцати-восемнадцати, все уже в пилотках, разбирали оружие. Это были комсомольцы из истребительных батальонов. Володя с азартной завистью следил за ними. Он видел, как легко вскидывали они винтовки, продевая плечо под ремень, как укладывали в патронташи обоймы и особой, солдатской походкой шли к дверям. Увидев знакомого, Володя поздоровался с ним, подошел поближе и почтительно погладил его винтовку:

— Дай подержать.

— Иди, иди, не балуй! — сурово оборвал его тот и отставил винтовку в сторону.

— А кто здесь инструктор по военной работе? — спросил Володя.

Ему показали в угол комнаты. Самого инструктора не было видно: столько народу навалилось со всех сторон на его стол, что-то расспрашивая, требуя, размахивая руками. Володя подошел сперва с одного бока, потом зашел с другого, навалился на чью-то спину и, косо съехав с нее, неожиданно оказался притиснутым к самому столу. За столом сидел очень маленький комсомолец с давно не стриженными и как-то странно, пятнами, выгоревшими волосами. Он устало моргал глазами и большим пальцем чесал макушку, отвечая налево и направо обращавшимся к нему комсомольцам.

— Товарищ инструктор... — успел сказать Володя. Инструктор на мгновение взглянул на него, но тотчас же его отвлекли сбоку. Наконец он повернулся опять к Володе:

— Ты что хотел?

— Товарищ инструктор... Я вам что скажу... только погодите!.. Вы сперва мне ответьте. Я к вам насчет военной работы зашел.

— Ко мне, кстати, насчет только этого и приходят, мальчик, — ответил инструктор.

— Какой я мальчик! — обиделся Володя. — Вы сперва поглядите как следует. Мне уже две недели, как пятнадцатый год пошел.

— Года твои, конечно, почтенные, только ты давай поскорей. Что тебе требуется?

— Я пионер, активный, почти уже комсомолец, скоро переходить буду, если, конечно, примут... В общем, я хочу, чтобы вы меня направили на фронт кем угодно.

— Э-э, я думал, ты и правда за делом! Думал, понимает пионер, какой у нас момент, а ты... — Инструктор только поморщился.

— Разве это не дело? — наседали Володя. — Хорошенькое «не дело», если человек на фронт хочет!

— Дорости еще надо. А пока — не дело.

У Володи был такой несчастный вид, что инструктор сказал:

— Слушай, малый... Хлопец ты хороший, вижу — патриот. Если действительно дела ищешь, у меня для тебя дело найдется. Ты из какой школы?... Лейтенанта Шмидта? Ага! Вот, есть для тебя и для ваших ребят работка. Бутылки нам нужны.

— Бутылки? — переспросил Володя недоверчиво.

— Да, да бутылки... Что смотришь? Не для сидра и не для лимонада — гранаты из них будем делать. Зальем в них горючую жидкость, а на фронте ими по немецким танкам бить станут. У немца сейчас танков много. Понятно тебе? Стеклоплатформенная артиллерия.

— А, это я слышал! — обрадовался Володя.

— Ну вот тебе и будет задание от комсомола. Займись. Кстати, как твоя фамилия?

— Дубинин.

— Стоп! Валя Дубинина тебе кем приходится?

— Она мне сестра.

— Ну вот, по ней и равняйся. Полезная девушка. Дело свое делает... Так я на тебя надеюсь, Дубинин. Сдавать будешь нам, сюда.

— А на фронт — никак? — на всякий случай еще раз спросил Володя.

— Ну, лыко-мочало... — протянул инструктор и заговорил с другими.

Шел урок синтаксиса. Аркаша Кругликов разобрал написанные на доске сложносочиненные и соподчиненные предложения.

— Дубинин! — вызвала вдруг Юлия Львовна. — Дубинин, где ты?

Володя Киселевский, припав к парте, зашептал что-то вниз. Из-под парты поднялся красный от натуги Володя.

Все обернулись к нему, шепча:

— Дубинин... Вовка... вызывают тебя.

— Ты там что... задремал под партой, Дубинин? — спросила Юлия Львовна. — Иди к доске.

Володя поднялся, сделал шаг от парты. И в ту же минуту раздался грохот и звон. Из ящика его парты выпали на пол и покатались по проходу бутылки.

— Что там у тебя случилось? — рассердилась Юлия Львовна.

— Дубинин бомбит класс! — крикнули сзади.

— Юлия Львовна, — насупившись, проговорил Володя и стал незаметно откатывать ногой бутылки к своей парте, — это нечаянно выпало... Это стеклянная артиллерия... Будущие гранаты. Мы собираем по заданию горкома комсомола.

— Ну хорошо, а зачем же ты их в класс натаскал?

— А куда же мне их деть, раз их сюда принесли? Это ребята из второго класса, с которыми я в прошлом году занимался. Я им тоже задание дал, они мне и таскают.

— Нет уж, давай, Дубинин, условимся так, что ты класс в бутылочный склад превращать не будешь. Найди себе другое место. А после уроков зайди ко мне на квартиру: я тебе там добавлю твоей артиллерии. У меня тоже найдется немножко посуды.

Полную кошелку бутылок получил Володя у Юлии Львовны. Вообще сбор в этот день был удачный: из кармана пальтишка торчали горлышки бутылок, раздобытых второклассниками, гремели за пазухой, перезванивались в кошелке, стучаясь одна о другую, бутылки всех видов и калибров. Довольный Володя, громяхая на всю улицу, шел домой.

Он был на углу Пироговской, когда объявили воздушную тревогу.

Впервые Володя забеспокоился так сильно: очень уж хрупкое и легко бьющееся добро тащил он. Обидно будет, если все разобьется. И Володя помчался домой. Бутылочный перезвон сопровождал каждый его шаг. Влетев во двор, уже пустой и словно вымерший, Володя свалил все бутылки в один мешок и потащил его к убежищу. По дороге он столкнулся с Алевтиной Марковной, которая несла огромный узел и тоже торопилась в укрытие. Она закричала:

— Володя, мама беспокоится, не хотела без тебя в убежище пойти! Хоть покажись ей, пусть успокоится.

Но Володю сегодня не надо было уговаривать. Он волочил свой тяжелый, громяхающий мешок, осторожно спустил его по кирпичным ступеням подвала и оказался в подземном укрытии. Там тускло горела желтая электрическая лампочка в проволочной сетке. В чахлом свете ее Володя разглядел людей, сидевших у сырой стены, притихших ребят, горестно сгорбившихся старух. Кислая духота подвала, ощущение подземелья, жуткое ощущение земной толщи, которая нависла над головой и вот-вот рухнет, удручали Володю. Нет, скорее на поверхность, на свет, на воздух! Володя бережно уложил в дальнем углу свой драгоценный мешок с бутылками — теперь они были в сравнительной безопасности, — а сам стал пробираться к выходу.

— Бегаешь тут взад-вперед! — заворчали на него.

— Без дела бы не бегал! — огрызнулся Володя.

— Знаем мы твои дела...

И сейчас же из сумрака подвала послышался голос матери:

— Вовочка, это ты там? Иди, сынок, сюда, родной, скорее! Одна я тут, и Вали нет — в горкоме, видно, задержалась... Что же это будет такое?

— Я здесь, мама, я сейчас... — говорил Володя, пробираясь к матери.

— Ну умница, что спустился, спасибо тебе, золотко, — говорила мать, и Володя почувствовал, что лучше не говорить о бутылках. — Сделай хоть мне одолжение, посиди ты со мной, не вылазь наверх. Прошу тебя! — уговаривала мать.

— Разве только если для тебя.

Тяжелые вздрагивания земли сообщали о падавших где-то фугасках. В укрытии было тихо, все прислушивались. Только в уголке плакал ребенок.

— Я не могу, мама, я пойду, — не выдержал Володя.

— Да ты ж обещал посидеть.

— Ну, посидел, а теперь пойду. Я ж не сказал, что до отбоя тут буду.

Гулкий, все сотрясающий удар отдался во всех уголках подвала. С потолка что-то посыпалось. Люди заговорили наперебой, но тихо, испуганно, многие шарахнулись к выходу. Володя тоже вскочил было, но мать схватила его за руку:

— Сиди, Володя... Сиди, прошу тебя! Володя с осторожной, но настойчивой силой молча высвобождал свою руку.

— Скажите ему, люди добрые, чтобы не бегал! — обратилась к соседям мать. — Может, вас послушает!

Какой-то гражданин в двух пальто, надетых одно на другое, сидевший на большом чемодане, с огромным узлом на руках, заметил Володе:

— Действительно, сидел бы уж, как все дети сидят. Смотри, какой герой!

Володя отвернулся от него, бросив через плечо:

— Герой не герой, а на узлах сидеть не буду... Такой здоровый дядька забился в щель, как таракан, а там, может быть, пожар тушить надо. Вам, видно, своего города не жалко.

— А я, кстати, приезжий, — невозмутимо ответил гражданин на чемодане. — Между прочим, какой у вас дерзкий мальчик! — добавил он, обращаясь к Евдокии Тимофеевне.

Опять накотившимся издали гудящим ударом грузно трянуло землю над головой и под ногами. Мать выпустила руку Володи, и он, воспользовавшись этим, бросился вон из подвала, крикнув уже с лестницы:

— Мама, я быстро, не волнуйся!

Едва он выбежал со двора на улицу, как до него донеслись слова, от которых все в нем внутри тяжело осело. Пройшли двое военных, переговариваясь на ходу:

— На Пироговской школу имени лейтенанта Шмидта разнесло. Прямое попадание.

— Да, нам звонили из районного штаба... Народу, говорят, много побито.

Володя бросился на Пироговскую. Сокращая путь, он карабкался по крутогору, мчался проходными дворами, перерезая кварталы. Он поднялся на Пироговскую и, задыхаясь, бежал против ветра, который нес навстречу гарь и какие-то бумажки. Его обогнала пожарная автомашина с колоколом. Когда Володя подбежал к зданию школы в, расталкивая толпу, подобрался ближе, он увидел, как из окон класса, где еще несколько часов назад он сидел за партой, вылетели рваные лоскутья пламени. Угол здания обвалился, обнажив часть физического кабинета и учительской. Над кучей битого стекла, из которого торчали медные части каких-то приборов, зацепившись за погнутый железный прут, висело чучело ястреба. Тяга пожара шевелила его, и одноглазый ястреб, казалось, медленно парил над руинами школы.

На развалинах работали дружинники из десятого класса и пожарные. Одни разворачивали баграми груды кирпича, другие спешили куда-то с тяжело провисавшими, накрытыми сверху носилками. Высокий топорник в жестком брезентовом костюме и каске защитного цвета упрямо наступал на огонь, держа пожарный ствол наперевес, и хлестал трещащим водяным бичом пламя, словно пытался укротить его зверство.

— Подержи, пожалуйста, Дубинин, — услышал Володя над своей головой.

Он оглянулся и увидел Юлию Львовну с двумя глобусами в руках. Она была бледна — так бледна, что седые волосы сливались с цветом лица ее. Но еще больше поразило и испугало Володю то, что Юлия Львовна, всегда такая прямая, никогда не сутулившаяся, так высоко несшая в класс свою белую голову, сейчас вся словно обвисла, сгорбилась, и она показалась Володе совсем уже старой.

— Подержи, прошу тебя, — сказала Юлия Львовна и, не глядя, сунула в руки Володе большой учебный глобус, треснувший электроскоп, помятое сегнерово колесо и несколько книг, обтрепавшихся по краям, — видно, все, что она успела спасти из огня.

Володя машинально прочел название верхней книги: «И. С. Тургенев, Записки охотника».

— Неужели... неужели им долго будет позволено делать это?! — говорила учительница и смотрела в огонь, пожиравший школу. — Неужели человечество может все

это долго терпеть? Когда же, когда же с ними покончат?! Навсегда... со всеми!

И Володя понимал, кого подразумевает Юлия Львовна под словами «им», «с ними»...

— Сырикова убило, Илюшу... из второго класса, — говорила учительница, все так же не глядя на Володю, продолжая вперившимся в огонь взглядом следить за гибелью своей школы.

Потрясенный, Володя едва не разронял все, что было у него в руках. «Мне тоже сегодня „отлично“... по физкультуре... Мы приседания делали», — вспомнилось ему.

— Мама, пойдем домой, — упрашивала пробившаяся к ним Светлана. — У нас тоже все стекла побило, всю посуду...

— Ах, какая все ерунда: посуда, стекла... Вот что страшно, вот где ужас, вот где преступление!.. Смотри: книги горят. Этого нельзя вытерпеть...

Она тряхнула головой, словно отгоняя одолевавший ее кошмар.

Рухнула крыша, и столб пламени, мечущий искры и увенчанный косматой шапкой дыма, взревел над зданием школы. Поднятые гудящей силой тяги, летали книжки. Роились брошюры и школьные тетрадки. Как бабочки с огненными крыльями, кружились раскрытые учебника. Иногда вдруг в клубах дыма появлялись тяжело махавшие тлеющими страницами большие книги, то возносившиеся, то вдруг низвергавшиеся в огонь.

Напрасно Володя и Светлана тянули за руки Юлию Львовну и уговаривали ее пойти домой. Учительница стояла возле горячей школы, не чувствуя подымающего жара. Медленно распрямляясь, запрокинув голову, на которой жаркий воздух пожара шевелил белые волосы, она смотрела на одно из самых кощунственных, противных человеческому уму зрелищ — на книги, гибнущие в огне.

Часто потом вспоминалась она Володе вот такая, залитая зловещими отсветами пожара, обхватившая руками глобус, с глазами, полными горького гнева, отражающими пламя — и как будто не то, что бесновалось перед ней, а другое, палившее ее изнутри...

Школа сгорела.

Но на другой день в привычный час, к девяти утра, у пожарища собрались почти все школьники. Ребятам не верилось, что нет у них больше школы и не будет занятий. И даже самым отчаянным лентяям, для которых праздником был каждый «пустой» или пропущенный урок, вдруг стало ясно, что первым, главным делом, дававшим содержание и устойчивость каждому дню, была все-таки школа и все, что с ней связано. Каникулы, праздники, воскресенья — все это было хорошо именно лишь потому, что представляло собой желанный роздых, о котором мечталось в трудные будничные дни.

А теперь вынужденная, навязанная врагом праздность казалась постылой, обидной, крадущей у жизни что-то очень большое и драгоценное.

И, как ни строга была Юлия Львовна, как ни побаивались ребята Якова Яковлевича, каким требовательным ни прослыл Василий Платонович, какой бы придирой ни считалась Мария Никифоровна, вдруг все школьники поняли, что эти люди давно уже стали родными, близкими, что без них в жизни и не обойтись...

Володя вместе с другими ребятами стоял возле пожарища. Сквозь пустые окна школы глядело низкое осеннее небо. Ветер гремел листом кровельной жести, свисавшим с карниза. В лужах на мостовой мокли обрывки бумаги, рваные страницы тетрадок. На разлинованных листочках виднелись размытые, крупно написанные буквы. То были диктанты, классные работы по арифметике, задачки, формулы...

Потом из школьного двора вышли директор Яков Яковлевич и Юлия Львовна.

— Дорогие друзья! — сказал Яков Яковлевич и поправил повязку на руке, обожженной вчера на пожаре. — Дорогие мои друзья! Наша школьная семья осталась без крова. Гитлер начал с того, что жег книги, и вот он продолжает свое черное дело. Но человеческое знание, науку и все то, что советская наша школа заложила в ваши сердца, закрепила в вашем мозгу, нельзя сжечь, друзья, нельзя разбомбить! И мы будем учиться. С помещением сейчас очень трудно, в городе все занято для военных нужд, но мы как-нибудь разместимся. Будем, если надо, заниматься по домам на квартирах у преподавателей. Классные руководители сообщат

вам завтра о порядке занятий.

Несколько дней занимались на квартире у Юлии Львовны, иногда — просто во дворе, если не шел дождь, а в плохую погоду — теснясь в коридоре, на кухне и в комнатке учительницы. С каждым днем ребят приходило все меньше и меньше. Керчь проводила эвакуацию. Налеты участились. Вскоре пришла страшная весть: гитлеровские полчища вторглись в Крым, расползались по полуострову. Сдерживая их жадный натиск, советские войска отходили на Симферополь и Керчь.

Глава III Орлик и Соколик

После неудачи, постигшей Володю в военкомате, где его пристыдил военный комиссар города, скомандовавший: «Шагом марш — в школу!» — пришлось было на время оставить всякие мысли о том, чтобы попасть на фронт. Но потом прежняя беспокойная, неотвязная и жгучая тяга стала вновь постепенно овладевать Володей. Теперь же, когда школа была сожжена фашистскими бомбами, а перенесенные в другие помещения занятия прекратились как-то сами собой, он уже не мог найти себе оправдания для своего пребывания дома, где, как ему казалось, он был вынужден бездействовать. Надо было что-то предпринимать. Но пионерский вожатый Жора Полищук, с которым привык всегда советоваться в важных делах Володя Дубинин, ушел в истребительный батальон. И Володя лишился своего комсомольского наставника. Сестра Валентина с утра до ночи работала в порту или на вокзале: комсомольцы помогали эвакуации города. Да и не решался Володя делиться с Валентиной своими мыслями о фронте. Оставалось одно: съездить в Старый Карантин и посоветоваться с Ваней Гриценко. Испытанный друг, он бы понял Володю! Да и сам Ваня, должно быть, тихонько помышлял уже о том, как бы «двинуть из дому поближе к делу»...

Приехав в Старый Карантин на попутном грузовике, который долго вилял по шоссе, объезжая новые воронки от авиабомб, Володя не застал приятеля дома. Ваня был человеком хозяйственным и не сидел без дела. Мать сказала, что он поехал за кукурузой для тетки Марии Семеновны, родной сестры Володиного отца. Володя немножко удивился тому, что Ваня Гриценко, не очень-то долюбливавший прижимистую тетю Марусю, взялся возить ей кукурузу. Впрочем, время было военное, и многое изменилось в Старом Карантине.

Пришлось идти к тетке Марусе, которая жила тут же, в поселке. Но, едва Володя свернул в проулок, где жила Мария Семеновна, он услышал позади себя стук колес и голос Вани.

— Эге-гей! Посторонись! Дорогу давай... Протараню...

Володя отскочил к обочине, но, обернувшись, понял, что попал впросак: нечего было так поспешно отпрыгивать с дороги в сторону... Разболтанный полуфурок с вихлявшимися во все стороны колесами еле-еле влекся облезлой клячей. Ее ребристая спина с остро проступавшим хребтом напоминала прохудившееся днище опрокинутой старой лодки. И напрасно Ваня, сидя ухарски, боком, на краю повозки, чмокал губами, дергал за вожжи и даже дрыгал свесившимися через край полуфурка ногами, оглашая окрестности лихим ямщицким присвистом. Лошадь, в которой Володя сразу узнал хорошо знакомую ему теткину старую клячу, так медленно переступала худыми, узловатыми ногами, словно, прежде чем сделать шаг, долго соображала, какой именно конечностью следует сейчас двинуть.

И все это — и мирно тархтевший полуфурок, груженный початками кукурузы, и сонный шаг лошади, и беспечный вид Вани, — все показалось Володе до обиды будничным, нарочито тыловым, возмутительно далеким от тех дел и мест, куда так рвалась его собственная душа.

Не дожидаясь приглашения товарища, Володя вскочил в повозку и сел рядом с Ваней:

— Что, Иван? Кукурузу возить заставили? Дело!

— Здоров! — мрачно, словно не слыша насмешки в голосе друга, откликнулся Ваня и покосился на приятеля. — Ты бы... слушай, Володька... слез лучше. А то и так нагрузка

коню...

— Вот так конь-огонь! И на месте не удержишь: того и гляди, «оверкиль» вверх копытами, — сострил Володя и, прыгнув с полуфурка, пошел рядом с ним, держась рукой за передок, обитый железной полоской.

— Какая ни есть, а лошадь! — степенно проворчал Ваня и, отвернувшись, добавил: — В боевой обстановке и такая пригодится.

Володя насмешливо присвистнул:

— Это где же, у тебя тут, в Старом Карантине, боевая обстановка? Початки с кукурузника возить?

— Много ты понимаешь!.. У тебя одна привычка — смешки строить. А у меня, возможно, свой план. Володя снизу внимательно посмотрел на друга:

— Это какой же план?

— А такой план, что я сидеть больше тут не собираюсь.

Володя мигом очутился снова в повозке рядом с Ваней, заглядывая ему в лицо:

— Ваня, ты пойми, слушай... И я ж за тем приехал. Не могу я больше тут отсиживаться! Школу разбомбили, занятий нет. Пионеры наши многие уже поехали. А я все дома торчу. Уж и в военкомат ходил, и в горком комсомола, и везде... Ну не берут — и все тут!

— Вот то и главное, что не берут. А у меня план есть один. Такой план, Вовка, что уж непременно возьмут. Ты что думаешь? Я для чего это тете Марусе кукурузу возить взялся? — Ваня огляделся по сторонам и наклонил голову к Володе: — Чтобы конь меня признавал, чтобы он привык ко мне. Соображаешь теперь? Я уж его и подкармливаю для поправки... У тебя, кстати, Вова, не найдется книжки по уходу за конями... ну по животноводству, короче сказать?

— Погоди, Иван... Ты можешь мне толком, как человек, сказать? Ничего я у тебя не пойму.

И тогда Ваня, еще раз поглядев во все стороны, тихонько поведал Володе свой план. Лошадь тетки Маруси он уже приручил к себе. Только надо ее хорошенько подправить, а когда конь войдет в полную лошадиную силу, Ваня на нем доскачет до Старого Крыма, где в лесах собираются, говорят, партизаны. Пешего, возможно, они и не примут, но уж боец с конем — это такое пополнение, что никто не откажется.

— У меня на тот случай и сухари уже припасены в сарае, — заключил Ваня и вдруг спросил: — Ты небось думаешь: как коня звать?

— Что, я не знаю разве? Филькой его звать.

— До войны он Филька был. А теперь я его переназвал: он теперь у меня Соколик. А тетка про то и не знает даже... И знаешь, Вова, он уже привыкать стал. Отзывается. Гляди!.. Эй, Соколик! — крикнул Ваня. Но бывший Филька и ухом не повел. Тогда Ваня незаметно потянул вожжу, заворотив голову клячи. — Вот видишь? Оглядывается, как по-новому назовешь... Молодец, Соколик! Рысью марш!

Тут Соколик, совершенно сбитый с толку, неожиданно остановился.

— По-кавалерийски он команду еще не всю понимает, — объяснил Ваня. — Привык по-домашнему... Ну, пошел, черт! — крикнул Ваня, и Соколик, понятно мотнув головой, двинулся с места.

Но Володя, ни слова не говоря, слез с полуфурка и, даже не обернувшись в сторону Вани, сердито зашагал прочь.

— Ты куда? Погоди, Володя!

— Нечего мне с тобой тут делать, — отозвался тот, не останавливаясь. — Об одном себе только думаешь, а до товарища тебе и дела нет.

— Да ты обожди! — крикнул смущенный Ваня, придерживая Соколика. — Я ж тебя сколько времени не видал... Откуда я знал!

— Должен был меня достаточно знать! — бросил на ходу Володя через плечо, сердито вздергивая его и потирая подбородком.

Ваня, повернув лошадь, попытался нагнать обиженного друга. Он и сам уже почувствовал, что поступил не совсем хорошо. Но напрасно теперь он нахлестывал своего Соколика... Не догнать было широко шагавшего Володю.

— Да стой ты, в самом деле! — закричал Ваня.

Володю это не остановило, но зато Соколик мгновенно и охотно стал как вкопанный. Бросив вожжи, Ваня спрыгнул с повозки и, доверившись двум собственным ногам более, чем четырьмя копытами своего коня, бросился вдогонку за Володей:

— Обожди, Володя! Стой! Есть план...

— Слышал я уже твой план.

— Да нет, стой... я насчет тебя соображаю. Можно еще одного коня достать. Только ты заранее решай — поедешь со мной до партизан или нет.

— Какой может быть вопрос!

Володя остановился разом, тяжело переводя дух и с надеждой глядя на Ваню.

— Ну так ты знай, Вовка, что я все-таки товарищ тебе! Есть и для тебя конь. Только он немножко покорябанный. Его после бомбежки с конного двора списали. А по-моему, так зря совсем. Вполне справный конь. Только одна нога осколком чуть перебита, а остальные три совсем даже целые...

— А где тот конь? — так и загорелся Володя.

— Да тут он, возле каменоломен бродит. Беспризорный... Только где ты его поставишь? Вот вопрос.

— Ну, тогда и у меня есть план, — сказал Володя. — Вези меня, Иван, туда, а я того коня к тетке Марусе отведу. Она жадная, скопидомка — от дарового коня не откажется, можешь быть спокоен. А я ей скажу, что мы с тобой сами и кормить и выхаживать станем. Поехали?

Старый шахтерский конь, известный на каменоломнях под кличкой Лыска, пострадал накануне при налете. Осколком авиабомбы ему повредило переднюю левую ногу. Будь мирное время, Лыску начали бы лечить, выхаживать. Но теперь всем было уже не до того. Старый Карантин и Камыш-Бурун частично начали эвакуацию, скот угоняли и переправляли через пролив на Тамань. Где ж тут возиться со старой, покалеченной лошадей! И Лыску списали со двора, как выразился Ваня Гриценко.

Держа на весу перебитую ногу, старый шахтерский конь одиноко пасся среди высохших зарослей татарника на одном из холмов близ каменоломен. Когда мальчики подъехали на своем полуфурке к району каменоломен, начинавшемуся тут же, за околицей поселка, Лыска как бы дремал, скорбно покачиваясь на трех ногах.

У Володи, всегда очень бережного в обращении с животными, все лицо повело так, словно и его самого проняли мозжащая боль и тупая тоска одиночества, проступившие в облике раневой, брошенной лошади.

— Лыска! — негромко позвал Ваня, когда мальчики, спрыгнув с полуфурка, приблизились к коню.

Лошадь тяжело подняла голову с белым пятном на лбу и устало посмотрела на мальчиков.

Володя, наклонившись к распухшему, продолжавшему медленно кровоточить колену Лыски, осторожно сгонял осенних мух, жадно облепивших рану.

— Да не так сильно перебита... Ваня, ты дай ему початок поглотить пока, а я сейчас соображу перевязку.

Пока Лыска, благодарно тыча шершавыми губами в Ванину ладонь, деликатно выкусывала длинными желтыми зубами зерна из гнездышек кукурузного початка, Володя, присев на корточки, поплевал на свой носовой платок, потом задумался на минутку, что-то соображая; достал из кармана бушлатика мятую тетрадку, куда записывал тимуровские поручения, вырвал из нее десяток чистых листков, приложил их осторожно к ране и, плотно обмотав платком, натуго перевязал мелко дрожавшее колено Лыски.

— Мани на себя, чтоб пошла! — крикнул он Ване. Отойдя на шаг, Ваня протянул

Лыске свежий початок. Лошадь, осторожно переступая, двинулась за угощением.

— Видал? — торжествовал Володя. — Из такого коня толк будет... Я ему еще лубок из дощечек сделаю, дадим ему усиленное питание — тогда и увидишь: почище твоего Соколика станет! Зачисляй меня с ним в твою кавалерию, Ванька!.. И объявляю тебе, Иван, что с этой минуты он тебе больше уже не Лыска. Забудь!

— А как же его записать велишь? Володя посмотрел на Ваню, потом на коня:

— Пиши — Орлик!

Тетка Мария Семеновна шумно и гневно выразила свое удивление, когда к ней во двор вслед за груженным кукурузой полуфурком, который тащила лошадь, по невежеству теткинemu еще именуемая ею Филькой, заковыляла, тыча губами в грудь початков на повозке, худоребрая, хромя коняга с перевязанной коленкой.

— Хлопцы, куда же вы глядите оба! Чужая худоба приبلудилась, кукурузу мою поганит, а они глядят себе! Небось половину сожрала... Геть отсюда! Кыш, холера!

И она замахнулась на Лыску хворостиной. Но тут перед ней очутился Володя.

— Здравствуйте, тетечка Марусечка... — начал он, и Ваня подивился, откуда у Володи взялся этот неизъяснимо ласковый голосок. — Мама вам кланяется, от Вали тоже привет. Велели узнать, как вы живете и как здоровычко ваше.

— Какое тут может быть здоровье! Перемогаюсь кое-как. Покоя минуты нет. Вот послала Ваньку за початками, сам напросился. А гляди... Да что же вы смотрите?! Гоните вы ее, за ради бога, со двора, пока не все сожрала! Геть отсюда!.. Ой, Ванька, кончусь я когда-нибудь совсем через тебя...

— Тетечка, тетечка, вы ее расстраиваетесь, — заговорил опять Володя, невозмутимо глядя прямо в малиновое, потное лицо бушевавшей тетки. — Вы погодите сердать. Вы лучше принимайте коня. Это же мы вам привели. Насовсем.

— Да на кой шут мне одер такой нужен?! Где вы его взяли? Приблудный, что ли?

Володя принялся терпеливо объяснять:

— Нет, тетя, вы послушайте... Там коней и всю скотину эвакуируют. Еще ничего такого нет пока, но на всякий случай. А которые остаются, тех населению раздают, чтоб не пропадали. И совсем задаром дают. А мы увидели и думаем: «Надо нашей тетечке хозяйство добавить. Женщина она добрая».

Ваня тут издал какой-то странный звук, словно собирался прочистить нос, но Володя показал ему за своей спиной кулак и продолжал:

— И ведь главное, тетечка, совсем задаром и даже без расписки. А вам в хозяйстве все же прибавление.

Тетка, недоверчиво прислушиваясь, подошла поближе к лошади и придирчиво оглядела ее:

— Что же вы такую захудалую-то выбрали? Не могли для родной тетки постараться? У нее вот и нога не годится. Подобрали падаль...

— Не нравится — ваше дело! — решительно отрезал Володя. — Слышал, Иван? «Падаль»!.. Давай, Ваня, коня со двора, пусть другие люди забирают, которые понимают... Мы, тетя, и так еле отбились, пока сюда коня вели. Пристают все: дай и дай им коня... Нет, главное, Иван, слышал? «Падаль»! Была бы падаль, так и не назвали бы так, как ее зовут... Идеи, Орлик! Пристрою тебя к добрым людям — коленку тебе подлечат, так уже не Орлик будешь, а полный Орел... Пошли, Иван!

И Володя потянул коня к воротам.

— А ну, геть, отойди от коня, не хватайся за чужое добро! — заторопилась тетка. Она была в замешательстве, и ей было уже жаль отказываться от дарового коня. — Раз привели во двор, так уж тут я сама буду дело решать — кому лошадь оставить: себе или соседям. Чем только я кормить-то его стану?

— Вы насчет этого, тетя, не беспокойтесь. Это уж мы с Ваней позаботимся для вас...

Верно, Иван?

— Что ж, не поможем разве? — подтвердил Ваня. — О том не думайте, тетя Маруся. Вова даже книжки обещал достать по уходу за конями. У нас дело пойдет по последним данным науки.

— Знаю я вашу науку! — проворчала тетка, но уже по-хозяйски выдернула репей татарника из свалывшейся гривы коня и похлопала его по худой, костлявой спине. — Орлик? Ну, нехай будет Орлик...

Так сама тетя Маруся утвердила за Лыской новое имя. А приятели наши укрепились в своем решении вместе отправиться к партизанам в Старокрымские леса, как только окрепнут их боевые копи — Соколик и Орлик.

Но для осуществления этого превосходного плана нужно было еще немало потрудиться. Во-первых, коней надо было усиленно кормить. Во-вторых, следовало как можно скорее вылечить раненую ногу Лыски-Орлика. Кроме того, необходимо было запастись продуктами на дорогу и добыть хоть какую-нибудь сбрую — о седлах мечтать уж не приходилось.

Так как друзья решили с самого начала поставить дело на научную основу, то Володя прежде всего решил разыскать нужную для этого дела литературу по коневодству. Библиотеки в городе были закрыты, но после долгих поисков Володя раздобыл где-то старую, пропахшую подвальной затхлостью и мышами толстую книгу, изданную, как было указано на обложке, в 1892 году — лет почти за сорок до появления на свет Володи. Называлась эта книга внушительно и роскошно: «Заводовая книга чистокровных и скаковых лошадей в России». У мальчиков не было сомнения, что книга эта может быть чрезвычайно полезной при перевоспитании на новый боевой лад Фильки-Соколика и Лыски-Орлика.

Правда, ничего практически нужного для своих коней мальчики не почерпнули. Но зато теперь окружающие стали замечать, что в разговоре между Ваней и Володей, который почти ежедневно навещался в Старый Карантин, стали густо звучать специально коневодческие словечки — рысистость, подуздок, шенкеля, аллюр — и названия вроде: першерон, жмудка, орловец, ахалтекинец, брабант... Точно определить по этой книге породу Орлика и Соколика не удалось, хотя Володя утверждал, что его Орлик, несомненно, потомок чистокровных орловцев с благородной примесью араба, а Соколик — тот, скорее всего, донец с уклоном в першерона. Приятели чуть было даже не повздорили из-за этого, так как по-Ваниному выходило, что Соколик его — чистопородный ахалтекинец.

Тем не менее оба приятеля усердно добывали фураж, собирая у пристани клочья сена, свозя на двор тетки Маруси кукурузные объедки, картофельные очистки. Они доставали и резали солому, сами обваривали ее кипятком, присыпали полосу, отруби. Не подозревавшая об их хитрых планах тетя Маруся не могла нахвалиться мальчиками.

И действительно, лошади заметно подобрели, а раненая нога у Орлика перестала гноиться и начала подживать. И когда Володя поочередно с Ваней выводил Орлика из сарая на прогулку по двору, то конь уже осторожно ступал на больную ногу.

— Погоди, он у меня скоро заскачет! — говаривал Володя. — Недаром я его Орликом сразу назвал. Породы орловская во всем видна. Да с такими конями нас, Иван, в Старокрымском лесу примут знаешь как? Еще спасибо скажут. Будь спокоен.

В душе-то своей Володя был не очень спокоен. Тяжело было думать о том, что придется оставлять мать и Валентину в такие трудные, опасные дни. Да и неизвестно еще было, как обернется дело, когда они прискачат с Ваней на своих добрых конях в Старокрымские леса. Примут ли их партизаны? Не отправят ли домой с позором?

Володе частенько вспоминался один пренеприятный случай, который произошел с ним и Ваней Гриценко несколько лет назад. Они ловили тогда бычков в запретной зоне близ Старой крепости. И в Керчи, и в Камыш-Буруне, и в Старом Карантине все хорошо знали, что купаться и рыбачить в районе крепости запрещено. Но так заманчивы были рвы, башни и старые стены старой турецкой крепости, о которой среди черноморских мальчишек ходило столько легенд!.. И они с Ваней пошли ловить бычков туда, куда ходить не полагалось. А

кончилось дело тем, что обоих забрал патруль. Мальчиков привели на пограничную береговую заставу, которая, как оказалось, и находилась в Старой крепости. И командир сказал, что обоих как штрафников пошлют на трое суток чистить картошку. Правда, в конце концов все обошлось хорошо. Моряки-пограничники посмеялись над «штрафниками», угостили их пирожками и отпустили домой. Но на прощание, когда Володя, уже осмелев, попросил показать ему пушки, командир строго сказал:

«Никаких тут пушек нет! Запомни. И вообще мой совет тебе: никому о сегодняшнем чрезвычайном происшествии не рассказывай. Ты пионер?.. Ну и отлично! Значит, должен уметь хранить военную тайну. А теперь — марш домой!..»

Чего доброго, я в Старокрымских лесах его и Ваню встретят командой: «Марш домой!»

И, чистя самодельной скребницей Орлика, Володя заглядывал в добрые, таившие какую-то ласковую и усталую печаль глаза коня:

— Ух ты, Орлик мой, конь ты, лошадь!.. Эх, и поскачем мы с тобой! А потом — шашки к бою, в атаку — марш! Как Чапаев!.. И погоним вон фашистов из Крыма! Тпру, Орлик! Стой, стой, не толкайся... Потерпи, Орлик, уже скоро...

В потайном уголке сарая ничего не подозревавшего Ивана Захаровича Гриценко были припрятаны переметные сумы, ловко скроенные из старой мешковины умелыми руками Володи. Они были набиты сухарями, и в каждой имелось еще по небольшому кулечку с гречкой.

Все было готово для ухода в Старокрымские леса к партизанам. И надо было спешить: сводки с фронта с каждым днем становились тревожнее. Фашисты рвались в глубь Крыма. Они приближались к Симферополю. Опасно было откладывать отъезд хотя бы на один день. И Володя примчался в Старый Карантин, чтобы твердо договориться с Ваней об уходе к партизанам на другую же ночь.

Но Ваня встретил его на этот раз чем-то странно озабоченный. Трудно было представить себе, что это тот самый уравновешенный, неспешный и обычно легко уступавший приятелю Ваня, с которым вчера еще Володя договаривался о последних приготовлениях к побегу. Когда Володя сделал ему в комнате знак, чтобы вместе выйти во двор и поговорить возле сарая, Ваня нехотя поднялся, как-то необычно пожал плечами и только потом двинулся за товарищем. Во дворе между друзьями произошел разговор, который совершенно ошеломил Володю.

— Ты слышал? — начал Володя, когда они подошли к сараю. — Уже у Симферополя бой...

— Ну, слышал, — негромко откликнулся Ваня.

— Значит, ждать больше нечего. Завтра же ночью давай уходить: у нас ведь все с тобой готово. Кони выдержат. А я прощусь утром с мамой и Валентиной — конечно, ничего не скажу, только записку им оставлю на столе, чтобы после не беспокоились. Ночевать буду у тети Маруси. А ты в полночь подойдешь — я лошадей выведу. Ну, а дальше, как мы договаривались...

— Ничего из этого не выйдет, — тихо проговорил Ваня.

— Что? Как это не выйдет?

— Не выйдет.

— Добрый день, здравствуйте! Видели его? Ты что?

— Ничего у нас с тобой не получится, — повторил Ваня тихо и отдельно.

— Да ты что? Раздумал? Или больной? Как это по получится, когда все готово — в кони и продукты!

— Не поеду я, Вова, — совсем уже твердо, хотя по-прежнему тихо сказал Ваня. — Да и тебе не советую.

— Ты что же? От слова своего отступаешься? Договаривались, готовились, а ты?.. Это знаешь как называется? Главное, еще крутит! Брось, Иван! Я же вижу — перетрусил мальчик... Так прямо и говори.

Ваня взглянул на него:

— Я говорю то, что есть. Не поеду я. Не могу.

— Все время мог, а сейчас вдруг занемог! Эх ты, друг-товарищ! Где же ты раньше был? Зря я с тобой все это затеял. Только время потерял. Давно бы уже там был без тебя. « — Володя чуть не плакал от обиды и огорчения. — Ведь это как назвать стоит? Я прямо даже не знаю... Говори прямо: струсил, да?

— Если хочешь, можешь считать, что струсил, — сказал Ваня, и его спокойствие совсем сразило Володю.

— Нет, Ваня, ты все-таки подумай... Может, поедем все-таки, Ваня?

— Не могу я, Вова.

— Да что это за «не могу» такое у тебя вдруг выскочило?

— Выскочило.

— Так скажи толком.

— Не могу.

— Заладил! Чего не можешь?

— Сказать не могу.

— Тьфу тогда на тебя и на твое «не могу!» — закричал в отчаянии Володя и, сжав кулаки, подошел почти вплотную к Ване. — Трус ты — вот кто! Трус! Молчишь?

Ваня отвернулся и молчал.

— Ну и молчи! И запомни мое слово, последнее: я еще день обожду, а ты решай. Может, твое «не могу» из тебя выскочит. Тогда я видно будет, кто ты: Соколик сам или стал клячей, хуже старого Фильки.

Володе очень хотелось сказать своему товарищу что-нибудь еще более обидное и хлесткое. Он привык к тому, что Ваня обычно уступал, признавая его главарем. Но было сегодня в Ване нечто такое, что заставило вспылчивого и обычно резкого на слово Володю замолчать. Он только посмотрел еще раз внимательно на Ваню Гриценко и внутренне подивился странной, почти таинственной перемене, которая произошла со вчерашнего дня в товарище.

Володя вдруг почувствовал, что Ваня стал за один день как будто намного старше его. И то новое, уверенное, суровое, еще непонятное Володе, но почему-то ставшее доступным Ване, сегодня уже не собьешь никакими настояниями, не сломишь самыми колкими обидами.

Между друзьями пролегла какая-то тайна, известная лишь Ване, но пока еще для Володи неведомая.

Володя должен был признаться себе, что на этот раз Ваня чем-то взял верх над ним. И он примирительно сказал:

— Ладно, Ваня. Я поехал домой, но ты все-таки подумай как следует.

Но в душе он понимал, что Ваня уже подумал и решения своего на этот раз не переменит. Однако что же заставляло Ваню, обычно уступчивого и охотно подчинявшегося Володе, обрести внезапно такую твердость?

Мучимый этой загадкой, Володя вернулся к вечеру в затемненную, притихшую, словно замершую под черным крылом Митридата Керчь.

Глава IV Тайна дяди Гриценко

Шли дни. Однажды после обеда возле дома, где жили Дубинины, остановилась грузовая машина, крытая поверх кузова брезентом. Из кабины высунулся и тяжело спрыгнул на мокрую мостовую дядя Гриценко. Володя, услышав шум подъехавшей машины, выглянул в форточку:

— Дядя Ваня приехал! Мама, Валя, к нам дядя Ваня приехал!

Дядя Гриценко торопливо прошел с Евдокией Тимофеевной в дом, на ходу поздоровавшись со всеми.

— Ну как ты, кума, решаешь? — заговорил он, отмахнувшись рукой от стула,

поданного Володей. — Эвакуироваться будешь или тут останешься? Дело ведь такое, что, пожалуй, и у нас незваные гости будут. А я Никифору обещал, в случае чего, вам подсобить.

Евдокия Тимофеевна поглядела на Володю, на Валю, окинула взглядом комнату, сказала неуверенно:

— Прямо, Иван Захарович, голова кругом. И так решаю и эдак, а никак в одно мысли не сведу. Ехать, если, так тоже ведь: пролив-то бомбят... А оставаться — как оно еще будет?

— Ну, так вот, — сказал Гриценко, — я говорить много не горазд. Только так: вам оставаться в городе — тоже конец. Узнают, что Никифор партийный, партизанил тут, — жизни вам не дадут. Подавайтесь-ка лучше вы до меня, в Старый Карантин. Там вам поспокойней будет, да и Нюше с вами веселее, а то лежит все, совсем заболела.

— А Ваня там останется? — спросил Володя.

— Да там, конечно, где ж ему быть... — начал было дядя Гриценко, но почему-то замолк, пожевав губами, и другим уже тоном добавил: — А может, и не совсем там, но это уж видать будет.

И Володе показалось, что дядя Гриценко что-то скрывает от него.

— Ну вот и решайте, — сказал Иван Захарович, — а мне еще на базу съездить надо, в Рыбаксоюз. Коли решите, так зараз же собирайтесь, вещички там какие сложите... и дожидайтесь. Я завтра, а то послезавтра еще раз в городе буду да и вас захвачу.

Пока дядя Гриценко договаривался с матерью, Володя выскользнул незаметно на улицу. У ворот стоял грузовик. Шофер дремал в кабине. Володя осторожно поставил ногу на тугую толстую шину в прямоугольных наростах, схватился за край борта и заглянул в кузов, под брезент. В кузове лежали какие-то длинные, плоские ящики. Сквозь щели одного из них что-то поблескивало. Володя перелез через борт, отогнул брезент, сел на корточки возле ящика. «Э-э, — подумал он, — да там вроде как винтовочки! Вот так база Рыбаксоюза! Ай да рыбак дядька Гриценко!»

Открытие так увлекло его, что он не слышал, как из дому вышел Гриценко, только почувствовал, что качнулась машина, услышал, как хлопнула дверца кабины. Сейчас же взвыл стартер, включенный шофером. Под кузовом стрельнуло два раза, потом зафырчало, и машина прыгнула вперед, разом взяв большую скорость. Володя от неожиданности даже повалился на спину: отвороченный брезент накрыл его, и он долго барахтался в нем, не будучи в силах выбраться. Когда он поднялся, машина катила по направлению к восточной окраине города. Грузовик шел так быстро, что соскочить с него на ходу было уже невозможно, а стучать в кабину и просить, чтобы машину остановили, Володя не мог: попало бы ему от дяди Гриценко за самовольство. Надо было ждать ближайшей остановки, чтобы незаметно соскочить.

Но грузовик катил и катил без остановки. Высунувшись еще раз из-под брезента, Володя увидел, что они едут по дороге к Старому Карантину. Значит, схитрил дядя Гриценко; ни на какую базу Рыбаксоюза не надо было ему ехать. Просто он не хотел задерживаться и допускать в машину кого-нибудь. Хитрит что-то старый. Да и про Ваню как-то вкривь объяснил.

Грузовик ходко катил по шоссе. Володя притулился на одном из ящиков, укрывшись брезентом.

Минут через двадцать машина остановилась. Мотор перестал работать. Грузовик качнулся, опять хлопнула дверца кабины с правой стороны, где сидел дядя Гриценко. Володя осторожно высунулся из-под брезента и увидел, что грузовик стоит возле входа в каменоломни. Он сразу узнал это место — вышку над главным стволом, где ходила обычно клеть подъемника.

Но то, что разглядел Володя сегодня, не походило на когда-либо виденное тут. У клетки, которая только что поднялась из недр и была довольно хорошо видна под навесом, царило небывалое оживление. Подъезжали брички, возы, машины, телеги. С них непрерывно снимали какие-то ящики, бочки, сундуки. Володя увидел, как с одного из подкативших грузовиков стащили такие же плоские, длинные ящики, как тот, на котором он сидел. Потом

подъехала телега, с которой сняли чугунные котлы, чаны, кастрюли. Какой-то человек тащил в одной руке свернутый ковер, а в другой — туго завязанный круглый узел, из которого торчал гриф балалайки.

Володя решил, что жители Старого Карантина прячут от бомбежек свое имущество в подземных укрытиях.

— Емелин! — услышал Володя голос дяди Гриценко. — Пойди до Жученкова, доложи, что мы прибыли с добром, — пускай народ высылают принимать. А я тут побуду, только сверну в сторонку.

Машину снова качнуло, хлопнула дверца с левой стороны. Как только шофер отошел, Володя спрыгнул на землю. Дядя Гриценко обернулся и только руками развел:

— Тю! Стой! То ты иль не ты? Откуда ты выскочил? Самолетом, что ли? Вот не пойму...

— То уж моя военная тайна, — отвечал Володя. — Дядя Ваня, а что это тут грузят?

— А ну, геть отсюда! — рассердился дядя Гриценко. — Ему мало, что зайцем приехал, так еще все знать надо. Ходи отсюда живо!

Кто-то позвал Ивана Захаровича, и он, махнув рукой и прошипев Володе «Кышь отсюда, чтобы тебя видать не было», — побежал под навес. В это время из-под земли поднялась на поверхность клеть, и из нее вышел Ваня Гриценко. Он снял кепку с головы, обил ею с колен пыль известняка и появился во дворе каменоломен.

— Ваня, гляди сюда, — тихонько позвав его Володя, — Не видишь, что ли? Я это.

Увидев Володю, с которым он не встречался со дня их размолвки, Ваня кинулся было к нему, но на полпути остановился и двинулся дальше степенной в независимой походкой.

— Здорово, Вова-корова!

— Здорово, Ванька-встанька!

— Ты чего это тут? Тебя кто пустил?

— А я не спрашивался, меня дядя Ваня сам на машине привез.

— Ой, и скажешь же ты!..

— Сам спроси, раз не веришь. Я с ним на грузовой — на винтовках сидел. Что?

Ваня посмотрел на него очень сердито:

— Ну, и все равно ты ничего не знаешь, и нечего тебе знать. Выкатывайся отсюда!

— Это с какой же радости я выкатываться буду? Я к тебе в гости приехал.

— В гости домой ходят, а сюда тебя никто не звал.

— Да чего ты, Ванька, жабры топыришь, как барабулька? Говори уж, я ж и так все видел. Тут, наверное, подземный склад военный будет, да?

— Ну, считай, что склад, раз ты все видишь. Они подошли к воротам шахтного двора. У входа их окликнул часовой — парень в комбинезоне, с винтовкой на ремне.

— Это со мной! — крикнул ему в ответ Ваня, — Батя из города захватил.

Володе было очень обидно, что Ваня так пренебрежительно кивнул в его сторону. Подумаешь — «со мной»! Но пришлось смириться, потому что часовой внимательно оглядел его и сказал Ване:

— Ты зря тут лишнего народа не води у меня, а то, гляди, и самого не пропущу в другой раз.

Когда они отошли от каменоломен, Володя загородил дорогу Ване:

— Слушай, Ваня, ты мне друг или кто? Говори все. Не скажешь?.. Ну и не надо. Только имей в виду, ты мне больше не товарищ с этого дня. Настоящий человек, если друг, то уж все доверяет. Ты мое слово знаешь. Я тоже все-таки пионер. А уж лишнего болтать не имею привычке. Помнишь, сколько про ту надпись в шурфе не говорили?.. Скажешь или нет? Ну?

— Да что пристал! Зря серчаешь, — бормотал Ваня. — Не могу я тебе про то сказать. Я батя зарок давал, под честное пионерское.

— Так это — кому не говорить? Кому-нибудь! А я что? Кто-нибудь тебе или товарищ? Не хочешь, просить не буду.

— А ты никому не скажешь?

— Что я, правил не знаю?
— Ни словечка? — Да ни звука!
— Под честное пионерское, говоришь?
— Под честное пионерское!
— Ну, гляди, Вовка! Если скажешь где, живой не будешь, так и знай.
Володя уже дрожал от нетерпения.

— Ну, так я тебе скажу тогда, — шепотом произнес Ваня, озираясь во все стороны. — Ты меня, Вова, видишь, возможно, последние разы. Наши в каменоломни уходят. И меня берут. Зачислили! — подчеркнул он гордо.

И Ваня рассказал, что уже несколько дней идет тайная подготовка к переходу партизанского отряда в подземные каменоломни. Если немцы придут в Старый Карантин, партизаны скроются под землю и будут оттуда вести борьбу с фашистами. Туда, в каменоломни, уйдет и дядя Гриценко, записавшийся в партизанский отряд. А тетя Нюша, мать Вани, останется с Дубиниными в поселке.

Попутная машина в город должна была идти вечером. Было уже темно, когда дядя Гриценко, усталый, весь в известковой пыли, пришел к себе домой. Вова ожидал его на крыльце. Он схватил его обеими руками за рукав куртки и зашептал в самое ухо:

— Дядя Ваня, постой минутку... мне надо с тобой поговорить.
— Ну, заходи в хату, там поговорим. Что ж тут, на холоду-то да в потемках...
— Там не годится. Мне надо с глазу на глаз.
— Эге, понял я тебя, — добродушно сказал дядя Гриценко и, присев на ступени крыльца, стал сворачивать сигарку. — Это ты насчет того, чтобы дома тебе не попало от матери? Ладно, добре. Возьму грех на себя, скажу — завез.
— Да нет, дядя Вана... Совсем не про то.

Володя огляделся. В поселке сгущалась темнота. Кое-где в окнах появились огни, но сейчас же невидимые руки опускали черные шторы.

Поселок затемнялся.

— Дядя Ваня... — зашептал Володя, — дядя Ваня, я все знаю... Я знаю, к чему вы тут готовитесь... Дядя Ваня, ты должен мне помочь. Дядя Ваня, ты ведь сам обещал папе, что позаботишься обо мне. Вот и выполняй! Имей в виду: я тоже хочу быть в вашем партизанском отряде.

Бедный дядя Гриценко даже отшатнулся и разом встал с крыльца, замахав обеими руками на Володю.

— Що? — переспросил он, озираясь и, как всегда от волнения, начиная говорить с украинским произношением. — Який такой партизанский отряд? — Он опять махнул на Володю. — Да ты що! Ты с чего взял? Вот еще сообразил! Выдумки какие...

— Никакие не выдумки. Бросьте, дядя! Я все знаю. Немцы уже близко, вы уходите туда, вниз. И я хочу с вами, со всеми вместе. Я от тебя не отстану, дядя Ваня, все равно. А если не возьмут меня в отряд, сам приду. Я ведь многие ходы там у вас знаю. Помнишь, мы с Ваней лазили, а ты меня еще вытягивал оттуда? Мы еще там вашу с папиной расписку на камне отыскивали. Помнишь, мы тебя просили рассказать потом, как вы там с папой были в девятнадцатом году?

Трудно было говорить с дядей Гриценко: он больше отмалчивался, а если и отвечал, то крайне односложно.

— Ну, были там, — проговорил он, — воевали. А что в того? Не мы одни были. Народ...

— Ну и я хочу там, где народ. Люди воюют, а я что же — смотреть только должен? Нет уж, спасибо вам! Дядя Ваня, ну дядечка Ванечка, будь же человеком! Раз в жизни прошу — помощи!

— Да цыц ты, перестань ты болтать про отряд! Чтоб я слова такого не слышал! Узнал

— забудь. Ясно?

— Ясно, я же понимаю, раз военная тайна.

— Именно, что тайна, а ты шумишь! И откуда только ты все вызнал, чертенок! А-а-а! Стой! Стой! погоди! Понял я... Это тебе Ванька сказал. Ну, ладно же, будет ему от меня за то!

Дядя Гриценко затянулся, прикрывая раздувшийся огонек ладонью, затем аккуратно потушил сигарку, притоптав на земле.

— Ну, добре, Вовка, поговорю насчет тебя с командиром. Может, так и вернее будет, чтобы тебе с нами уходить. Пошли пока в хату, повечеряем, а то машина в город пойдет. Пора тебе до дому.

Когда Володя, наспех поев, уже собирался уходить из домика Гриценко, хлопнула дверь, и из темноты двора вошел в горницу, щуря блестящие черные глаза, огромный, необыкновенно красивый и на диво хорошо сложенный человек в сапогах, короткой куртке, перехваченной поясом, и фуражке, сбитой на затылок. Он был так высок, что, входя, наклонился, чтобы не зацепиться головой за притолоку. Блеснули чистые белые зубы, когда он заговорил:

— Вечер добрый, Иван Захарович! Не помешаю?.. Здравствуйте, хозяйюшка! Как здоровычко?.. Лучше?

— Присаживайтесь, милости прошу, Александр Федорович, — сказал дядя Гриценко, подставляя гостю крашеную табуретку. — Может, покушаете с нами?

Гость, широко шагнув, легко кинул под себя табурет и сел.

— Нет, спасибо, ел недавно, да и некогда. Я на полминуты. Завтра опять тебе в город придется съездить. Там по распоряжению товарища Андрея... Понятно?.. — Он взглянул многозначительно на Гриценко. — Звонили, что орехов и стручков обещают. Понятно?.. Чей хлопец? — спросил он, кивнув в сторону Володи.

— Да с городу родственник, племяш вроде. Кореша они у меня с Ванькой моим. Дубинина Никифора — может, слышали? — сын.

— А-а... знаю. На флот который ушел, — протянул гость и посмотрел на Володю, как показалось тому, внимательно и одобряюще.

— Пристал, чтобы тоже его к нам взяли, — искоса поглядывая на гостя, проворчал дядя Гриценко. — Ну до того пристал, прямо как татарник к собачьему хвосту, — не отцепишь!

Гость кинул быстрый, настороженный взгляд на Володю:

— А откуда знает? Ведь из Керчи сам?

— Да с машиной сегодня увязался, шутенок, — смущенно пробормотал дядя Гриценко. — Оплошка моя. А уж тут разве скроешь от него? У него глаза приметливые, это ужас просто! Подо все подбираются. Все у него на заметку идет.

— Мал уж больно, — проговорил высокий. — Так-то парень, вижу, ничего, да мал.

— Где ж я мал?! — Володя сразу взвился на скамейке. — Это я только ростом так задержался, а мне уж в августе месяце на пятнадцатый год перешло.

— Да ты на цыпки-то не становись, — сказал дядя Гриценко, заглядывая под стол на ноги Володи. — И так ты парень собой видный, что говорить.

Гость рассмеялся хорошо и раскатисто. Так блеснули его белые зубы, такую славную возню учинили смоляные искорки в глазах гостя, под тесно сведенными прямыми бровями, что даже Володе самому сразу стало весело.

— Ну, доброй ночи вам, — промолвил гость, вставая. Он потянулся, хруст пошел по его большому и сильному телу. Ударил фуражкой о ладонь, с размаху надел ее на голову, попрощался и в дверях вдруг совсем по-мальчишески, озорно подмигнул Володе: — Ладно, поглядим. Мать-то отпустит?

И, наклонившись, не дожидаясь ответа, распахнул дверь, шагнул в черный провал ночи.

— Дядя, это кто был? — спросил Володя.

— Эх ты, не разобрался! — сказал Ваня, все время смирно сидевший поодаль. — А

тоже говорит, я все знаю...

— Ну ты, цыц! — пригрозил ему отец. — Болтать больно стал! — Он помолчал, посмотрел на Володю, потом покачал головой: — Да ладно уж, скрывать тут нечего. — И он сказал с солдатским уважением: — То сам командир был наш Зябрев Александр Федорович!

Вернувшись в город, Володя наутро пошел проститься с Юлией Львовной и Светланой.

— Здравствуй! Мама дома? — спросил он у Светланы, входя в темную кухню учительской квартиры.

— Дома я, дома! — раздалось откуда-то из-под потолка, и Володя, взглянув наверх, увидел Юлию Львовну: она стояла на лесенке, прислоненной к стене. Володя, еще не приглядевшись со света, не заметил ее. — Электричество вот чиню, — объяснила Юлия Львовна сверху. — После той бомбы все у нас разладилось. Отовсюду дует, двери не закрываются. И вот опять с пробками что-то... Полчаса уже бьюсь.

— Юлия Львовна, вы оттуда слезайте, — предложил Володя, — я вам это в два счета...

— А умеешь? Мне помнится, ты больше занимался обратным: пережигал пробки, оставлял всех в темноте.

— Это когда еще я неученый был совсем.

— Ну, действуй, ученый, — сказала Юлия Львовна и легко спустилась с лесенки.

Володя мигом взлетел на верхнюю ступеньку. Пристроился удобнее. Пощупал пробки в предохранителе, вытащил из кармана, где у него хранилась всякая техническая мелочь, тоненькую проволоку, навертел на карандаше «жука». И вмиг вспыхнула, мигнула разок и засияла лампочка в коридоре, осветились комнаты, где до этого было темно — из-за фанеры, вставленной в окна вместо выбитых стекол. Медленно налились огнем спиральки на электрической плитке, и Володя так величественно сошел с лесенки, словно был оратором, спускавшимся с трибуны, либо статуей, либо статуей, сошедшей с пьедестала.

— Вот и весь разговор!

— Смотри, какой ты мастер, Дубинин! — похвалила Юлия Львовна. — Мастер — золотые руки.

— Ну, пустяк дело-то, — поскромничал Володя.

— Ну, как тебе сказать... Все-таки это еще одно лишнее доказательство, что учение — это свет, и даже электрический, а неучение — тьма, и во всей квартире, — пошутила Юлия Львовна. — Правда, Светлана?

— Я это тоже умею, — Светлана обидчиво повела плечом, — только ты мне никогда не даешь доделать.

— Да я что-то не верю в твои технические таланты.

Володя, гордый тем, что его технический талант был по достоинству оценен, уже привинчивал оторванный шпингалет на окне. Потом он подстрогал ножом порог, и дверь стала закрываться, как прежде. Он законопатил щель в другом окне, исправил поломанный табурет, нашел какие-то неполадки в отлично действовавшей плитке и вообще развил такую бурную деятельность, что Юлия Львовна вежливо взяла у него из рук электрическую плитку и сказала:

— Ну, захопотался совсем! Спасибо тебе, Дубинин.

А Володя все откладывал разговор, ради которого он, собственно, и пришел сегодня к учительнице. Он топтался у стола, оглядывая потолок с треснувшей и кое-где отвалившейся после бомбежки штукатуркой, искал, чем бы еще можно было заняться тут. Ему хотелось оставить здесь добрый след...

Светлана заметила его замешательство:

— Что ты сегодня, Володя, такой?

— А что, какой? Самый обыкновенный.

— Ну брось, пожалуйста, я же вижу. Володя спросил тихо:

— Света, а вы с мамой никуда не уезжаете?

— А куда ж нам ехать? На Тамань, говорят, уже опасно: пролив бомбят. Вчера шаланду с эвакуированными утопили. Нет, мы уж тут как-нибудь с мамой...

— А я с нашими сегодня в Старый Карантин перебираюсь, к дяде Гриценко, — с трудом, очень виноватым тоном сообщил Володя. — А потом я сам, может быть, должен буду уехать... к бабушке...

— Значит, все-таки эвакуируешься? — спросила Светлана так, как будто у нее отнялся голос. Но тут же, с легким превосходством, закинув голову, подчеркивая нарочно, что она ростом выше Володи, взглянула на него как бы сверху. — А сколько разговоров было! Ну и эвакуируйся, пожалуйста... только не надо было разные громкие слова говорить: «Я тут! до конца! что бы ни было!..»

— Светлана, Светлана, — вмешалась в разговор Юлия Львовна, — что за тон? Кто дал тебе право так разговаривать? Конечно, им надо эвакуироваться. Если сюда придут фашисты, они же узнают, что Володин папа коммунист, в прошлом красный партизан, сейчас во флоте. Надо думать, что говоришь.

— Я думаю! — закричала Светлана. — Я думаю, что говорю! А вот он не думал, когда говорил раньше... Пускай, пускай... пускай уезжает!

И Светлана вдруг отвернулась, зажав свою маленькую, обмотанную толстой косой голову в сгиб остренького локтя, и уткнулась в кухонную стенку.

Никогда еще Володя не видел председательницу штаба отряда в таком состоянии. Он беспомощно поглядывал то на Юлию Львовну, то на вздрагивающий Светланин затылок со светлым, золотистым пушком под разобранными надвое косами. Эх, если бы знала Светлана, куда он собирается «эвакуироваться», к какой бабушке он едет!.. До чего же ему хотелось сейчас сказать ей про каменоломни, про партизан, про все, что он узнал вчера! Но говорить об этом он не имел права никому, ни за что!..

— Перестань, Светлана, перестань сейчас же! — Юлия Львовна подошла к дочке и обняла ее. — Что ты за плакса стала в последнее время! И нечего тут реветь. Ну, чего ты? Можешь мне объяснить? Что ты так расстроилась, дурашка?

Светлана молчала, вытирая глаза тыльной стороной руки. Она и сама не могла бы объяснить, что ее так расстроило; просто ей стало вдруг страшно за всех и за себя и сделалось обидно, что Володя Дубинин, всегда такой храбрый, ничего не боявшийся Володя Дубинин, которого она считала способным на настоящий подвиг, вдруг, как самый обыкновенный мальчик, похожий на сотни других, послушно уезжает с мамой подальше от опасности. Но, конечно, мать права: Дубининым надо уехать отсюда.

Она успокоилась, поправила косы, повернулась к Володе и увидела, что он неловко держит в руках что-то обернутое газетной бумагой.

— Что это у тебя? — полюбопытствовала она, моргая длинными, слипшимися от слез ресницами.

Володя быстро развернул сверток, скомкал бумагу и, поискав, куда бросить ее, засунул к себе в карман. На ладони у него оказался прелестный маленький грот из морских ракушек и камешков. Вход в гротик был закрыт вырезанной из плотной золотой бумаги решетчатой дверцей. Сквозь нее проглядывала укромная, крохотная пещерка.

— Это Пушкинский грот называется, — пояснял Володя, — я в Артеке сам его сделал. С природы. Там такой есть грот, называется грот Пушкина.

— Неужели сам сделал?.. Смотри, мама, вот прелесть-то!

Володя поставил гротик на стол, а сам отошел чуточку в сторону.

— Это я вам, — сказал он вдруг почему-то очень грубым голосом, — на память вам. Вот... Там внутри лампочка зажигается. Надо только в штепсель вставить.

И, вытянув издалека руку, не приближаясь к гроту, чтобы показать, что он уже ему больше не принадлежит, Володя вставил вилку провода в штепсель. Внутри грота вспыхнул красный свет.

— Чудо какая славная вещица! — заметила Юлия Львовна. — Ах, Дубинин, бить тебя надо, да некому! Как бы ты мог учиться, первым бы отличником был...

— Юлия Львовна, я в последнее время как будто...
— Я ничего не говорю, Володя, но ты бы мог еще лучше успевать.
— Юлия Львовна, как война кончится, я вам тогда докажу.
— Ну ладно, подожду, Володя. А гротик этот мы со Светланой возьмем пока что на хранение. Ведь ты столько потрудился тут.
— Нет, нет! Не на хранение, а совсем. Это вам на память от меня.
— Ну спасибо тебе, Дубинин... Светлана, что же ты не благодаришь?
— Спасибо, Володя, — проговорила рассеянно Светлана. — А я сейчас подумала: ведь совсем недавно ты приходил прощаться, когда в Артек уезжал. Помнишь? После «Аленького цветочка»? Неужели это недавно было? И спектакль, и Первое мая... Кажется, как будто уж сто лет с тех пор прошло...

И Володя тоже подумал, как далеко ушли в прошлое Артек, яркие ракеты над морем, безмятежные лагерные дни.

— Ну, мне идти пора, — сказал он. — До свиданья, Юлия Львовна, счастливо вам оставаться. И тебе, Светлана, тоже...

Неловко, не глядя, он сунул руку Светлане.

Юлия Львовна подозвала его в себе:

— Подойди сюда... Вот так. Будь здоров! Ты все-таки себя побереги немножко. Думай о матери. Да и меня иногда вспоминай. А кое-когда заглядывая в учебник, чтобы не отстать. Помнишь, как... да нет, ты этого помнить не можешь. Так на старых детских книжках был» написано: «Бойтесь, дети, лени, как дурной привычки, и читайте в сутки вы хоть по страничке». Ну, ты хоть по полстранички повторяй. Хорошо? Ну, смотри, а то получишь у меня после войны «плохо»! — Она сделала попытку улыбнуться. — И дай-ка я тебя, Дубинин, поцелую.

Володя неуклюже качнулся вперед, и учительница, взяв длинными пальцами за виски буйную головушку своего питомца, крепко поцеловала его в лоб, а потом легонько толкнула ладонью также в лоб, как бы дав направление — в дорогу...

Володя, откашливая что-то царапавшее у него в горле, выбежал из квартиры учительницы. Юлия Львовна, прислушиваясь к его удалявшимся быстрым шагам, сказала Светлане:

— Нет, очень хорошо, что его укроют подальше. Если они придут, такому тут несдобровать. Ах, отчаянная голова! Сколько у меня с ним хлопот было, а вот люблю его, галчонка большеглазого.

— И совсем он уже не так похож на галчонка, мама, — впервые заступилась за Володю Светлана.

— Ну, извини. Сами же вы прозвали Дубинина за его глаза Вовчик-птенчик...

А Володя шел по Приморскому бульвару: ему хотелось в последний раз посмотреть на море с родного берега. День стоял пасмурный, холодный. Берег Тамани был скрыт мглой. На бульваре валялись осколки разбитых вазонов. Большой каменный лев над балюстрадой был почти обезглавлен. Осколком бомбы у него снесло добрую половину морды. В глубине деревянной раковины для оркестра сбились перевернутые мокрые скамьи.

Володя спустился к самой воде. Казалось, что море узнает его: небольшие волны прыгали навстречу, стараясь лизнуть соленым языком Володю в лицо, подползали к его ногам, ластились. Совсем как Бобик...

И Володя, вздохнув, вспомнил про своего верного песика. Несколько дней назад Бобик увязался на берегу за военными моряками, и они сманили собаку к себе на сторожевой катер.

Побыв немного наедине с морем, Володя пошел в город. Он прошел еще раз мимо того места, где сидел птицелов Кирилук, прошагал по всей улице Ленина, дошел до угла Крестьянской, поднялся по знакомой лестнице купеческого сына Константинова, постоял на Пироговской, у обезображенного здания, где была раньше школа, и отправился домой: надо было собираться.

Глава V Прощай, белый свет!

Большая грузовая машина неслась по шоссе из Керчи в Старый Карантин. В кабине рядом с водителем сидел Володя и, гордый доверием, которое ему было оказано, по знаку шофера то и дело брался за медный шпенек на щитке и тянул на себя, давая «подсос» мотору. А в кузове поверх груза, тщательно накрытого брезентом, среди узлов, сундуков и всякого домашнего добра, сидели Евдокия Тимофеевна, Валя и дядя Гриценко.

— Нет, Дуся, ты решайся, — говорил дядя Гриценко. — Вовку, в случае чего, я с собой заберу в каменоломни. Я уж с командиром отряда нашего толковал. Разрешает. Он Никифора знает. И Ванька мой там тоже будет заодно. А я уж за ними обоими приглажу. Ты не сомневайся на этот счет.

— Да ведь Вовочка-то у нас еще глупый, — сокрушалась Евдокия Тимофеевна. — Как он там один будет? И какая от него польза вам?

— Насчет пользы нам — это разговор потом уж пойдет. На сегодняшний день не о том речь. О нем самом забочусь. Как такого наверху оставлять, если немцы придут? Ты что, характера его не раскусила? Мало тебе с ним хлопот было в мирное время?

— Так-то оно все так... Да как-то боязно... Как же он там без меня?

— Ты сама без него тут держись, а за него не бойся.

— Ох, страшно мне, Иван Захарович, боязно мне все-таки!

— Тут за малого тебе еще страшнее будет. А так без него дурной час переживете и Нюше мой дом сберечь поможет. Ей одной не справиться. Хворая она у нас... Да к тому же, в положении она: к весне прибавления ожидаем. Где ж тут! И под землю ее брать нельзя: не сдюжит здоровьем. А то бы я вас всех вниз позабирал...

В первых числах ноября в домике дяди Гриценко, где теперь жили Дубинины, дрогнули стекла, звякнула посуда. Тяжелые удары, глухие и как будто вязкие, донеслись со стороны Камыш-Буруна.

Дядя Гриценко вернулся к ночи из каменоломен бледный, озабоченный. Он долго выковыривал из ушей известковые крошки. Потом тихо позвал к себе Ваню и Володю:

— Ну, хлопцы, будьте наизготовке. Немец к Камыш-Буруну подходит, не сегодня-завтра вниз подаемся. Так чтоб все было у вас в полной исправности. Чтоб как будет приказ, так раз — и там. И никуда без моего на то разрешения не отлучаться.

Володя и Ваня, которых сейчас еще не пускали в каменоломни, целые дни проводили на шахтном дворе, помогая взрослым: выгружали продовольствие, ящики с патронами, мешки с мукой, тащили в клеть матрацы, подкатывали бочки. Мальчикам нравилось, что дело обставляется так хозяйственно. Чего только не спускали под землю через боковые штольни! Чьи-то сундуки, баян в чехле, одеяла, связанные кипами, шкафы... Но больше всего, конечно, ребята были довольны, когда, отогнав их подальше от главного ствола, шахтеры-камнерезы опускали вниз какие-то тяжелые, тщательно прикрытые брезентом или плащ-палатками предметы, в которых разве только совсем ничего не смыслящий в военном деле человек не угадал бы пулеметов.

Иногда из недр каменоломен поднимался наверх Зябрев. Мальчишки, еще издали узнавая его большую и ладную фигуру, бросались навстречу, и командир на ходу подмигивал им своим веселым черным глазом из-под круто взлетающей длинной брови:

— Гей, пионеры! Действуете?

— Товарищ командир, — тихонько спрашивал у него Володя, — мы скоро вниз полезем?

— Не лезь поперед батьки в пекло, — отшучивался командир. — Еще насидимся внизу, и наверх попросишься.

— Ни за что в жизни не попрошусь!

— Ну и глупо сделаешь. Я лично там всю жизнь сидеть не собираюсь.

И командир шел к маленькой зеленой «эмке», издали крича шоферу:

— Емелин, давай в город скатаем! В горком меня забрось, к товарищу Сироте.

С моря стали наплывать холодные, плотные, как мокрый войлок, туманы. Они заплывали в долины, скрывали окрестные возвышенности, и казалось, что пространство, оставшееся для жизни, с каждым днем становилось все теснее, все уже. За туманом немолчно грохотали орудия. Звуки войны становились все явственнее, приближались...

Шестого ноября дядя Гриценко, уходя утром в каменоломни, вынул из нижнего ящика комода свернутый красный флаг и велел Ване влезть на крышу.

— Вовка, ты ему тоже подсоби. Прилаживайте, ребята, покрепче. Завтра праздник. Нехай люди видят... Да повыше, хлопцы, чтобы издали горело! Чтобы помнили, как поселок наш кличут: Краснопартизанский! С того самого девятнадцатого года. И во веки веков!

Володя и Ваня подняли над черепичной крышей домика шест с флагом. Сверху хорошо был виден весь поселок, и мальчишки заметили, как там и здесь над крышами Старого Карантина стали появляться красные праздничные флаги. Море дышало тяжким туманом, словно за крутыми берегами закипало какое-то варево. Стена тумана, поднимавшаяся за Камыш-Буруном, закрывала все окрестности, но за этой стеной слышались выстрелы, орудийные залпы, доносилось татаканье пулемета, сухой стук автоматов. Иногда что-то со свистом пронеслось над головой по направлению к городу, и вскоре оттуда немедленно перекатывался над всей округой бухающий удар.

А над белыми домиками Старого Карантина ветер трепал яркие алые флаги, и люди негромко, но многозначительно и с доброй надеждой в голосе поздравляли друг друга:

— Флаги-то играют...

— С наступающим праздником!..

— Эх, не так, думалось, праздник встречать будем! Ведь двадцать четвертая годовщина...

— Немчура проклятый! Навязался на нас, погубил нашу мирную жизнь!

— А флажки-то, глянь, развеваются...

— Которые потрусилеве, те без флагов сидят, схоронились за ставенками.

— Да много ли таких? Раз-два и обчелся. Я сейчас шел по поселку, так везде флаги колыхают.

К вечеру два разведчика отряда, Важенин и Шустов, вернулись из Камыш-Буруна. У входа главного ствола каменоломен их встретил стоявший тут на посту с винтовкой Гриценко.

— Что нового-хорошего принесли, разведчики?

— Нового немного, хорошего еще меньше, — отвечал Важенин.

— Немцев у Камыш-Буруна не видать?

— И видать и слышать, — мрачно бросил разведчик.

— В Эльтигене уже. Наши там заслон сделали. Задержали немного, — объяснял пожилой разведчик Шустов. — Они, вишь, на Керчь рвутся. Объявили уже, нахвастались, что к завтрашнему дню там будут. Дескать, хох, к годовщине Октябрьской революции германская армия заняла город Керчь, один из крупнейших промышленных центров Крыма... И тому подобное. Видели мы их листовки. Знаем. Ну, наши-то им этого пирога к празднику и куснуть не дадут. Только у них тут, в этом месте, скопление сил большое, да автоматы у каждого.

— И танков хватает, — заметил Важенин.

— Командир здесь? — спросил у Гриценко Шустов.

— Вниз ушел, в штаб.

Оба разведчика двинулись к стволу шахты, где ходила клеть.

... Тишина была в затемненном поселке, только со стороны Камыш-Буруна, откуда прежде, бывало, глухо доносился мягкий рокот прибоя, слышались выстрелы и раскаты взрывов.

И вдруг на темной улице, недалеко от входа на шахтный двор, внятно раздалось:

— Говорит Москва!

И у последнего громкоговорителя, еще не снятого со столба, в темноте собрались жители поселка. Хлопали калитки, двери: люди выбегали из домов. Володя и Ваня также бросились туда.

Гул взрывов, пушечной пальбы и частых винтовочных выстрелов со стороны моря и Камыш-Буруна нарастал. Люди прикладывали ладони к ушам трубкой, чтобы лучше было слышать передачу из Москвы. Когда раздавался какой-нибудь уж слишком громкий взрыв поблизости, досадливо отмахивались. И в холодный ветреный мрак военной ночи, сквозь треск и грохот близкого боя, вошли из дальней дали несшиеся слова октябрьской Москвы:

»... продвигаясь в глубь нашей страны, немецкая армия отдалается от своего немецкого тыла, вынуждена орудовать во враждебной среде, вынуждена создавать новый тыл в чужой стране, разрушаемой к тому же нашими партизанами, что в корне дезорганизует снабжение немецкой армии, заставляет ее бояться своего тыла и убивает в ней веру в прочность своего положения...»

И люди, стоявшие в темноте у столба под рупором, в эти минуты, казалось, не слышали зловещего грохота приближавшегося боя, не слышали свиста пронесившихся невдалеке снарядов... Они внимали только словам Москвы да слышали еще биение своих разгоряченных сердец, заново согретых великой надеждой.

Москва замолчала. Шорох необозримого пространства потек из невидимого в темноте рупора. Уже стали расходиться люди, но опять что-то звонко щелкнуло в громкоговорителе, и женский голос, такой громкий, что чувствовалось — это говорится где-то рядом, — медленно и печально сообщил:

«Внимание! Говорит районный радиозел. Всем, всем! Граждане, через пять минут мы временно оставляем поселок Камыш-Бурун. На этом узел свою работу заканчивает до освобождения от захватчиков. Смерть немецким оккупантам!»

Щелкнул рупор. Из него, казалось, расплзалась мертвая, черная пустота. Она закралась во многие сердца, и даже у самых смелых в эту минуту похолодело в груди. И захотелось людям скорее к свету, к теплу огня и прочной человеческой дружбе, чтобы ощутить рядом со своим плечом крепкое плечо верного боевого товарища и не чувствовать себя потерянным в этом мрачном, опустевшем мире, в который уже входили свирепые обидчики.

У входа в каменоломни, где чуть-чуть мерцал прикрытый сверху широкой ладонью командира карманный фонарик, партизаны обступили Зябрева. Пролезли туда и Ваня с Володей. Мальчики услышали чистый и звучный голос командира:

— Сейчас вернулась наша разведка — Шустов и Важенин. Враг у Камыш-Буруна. Назначаю на завтра уход вниз. Сообщить немедленно всем, кто размещен или живет в поселке. У всех ходов поставить усиленные караулы. Завтра на рассвете, в семь ноль-ноль, взорвать вход в главный ствол. Товарищу Жученкову обеспечить согласно указаниям...

— Уже обеспечено, — раздался в темноте деловито-мрачный голос Жученкова.

— Еще раз повторяю: проверить, кто из личного состава еще наверху. Всем приказываю на рассвете перейти в каменоломни. И с того часу ни одного человека на поверхность не выпускать без моего разрешения. Всем ясно? Есть вопросы?

Володя, по-школьному подняв руку, тянулся к командиру:

— Разрешите?

— Кто это тут? — Командир наклонился и осветил фонариком лицо зажмурившегося Володи. — А-а, пионер, что скажешь?

— Разрешите нам сейчас пойти с Ваней?

— Кто же вам запрещает, вы ж пока еще на поверхности. Вот спустимся, тогда уж кончено дело, шабаш: сиди и не высовывайся.

— Товарищ командир, мы вот что хотели... Мы там в поселке склад один приметили. Там раньше часовой стоял, а теперь никого нет. Мы полезли туда посмотреть, а там гранаты лежат. Надо их захватить сюда, а то они фашисту достанутся.

— Хо, ты глазастый! Не зря про тебя Гриценко говорил. А то верно гранаты? Глаза-то у тебя не больно велики со страху? Может, там баклажаны или веретена лежат?

— Да нет же, самые настоящие гранаты, «ЭФ—1». Что я, не знаю! Вот спросите Ваню.

— Ну, раз сам Ваня подтверждает — все! — усмехнулся в темноте командир. — Против такого авторитета я, конечно, уже пас! Вы дорогу сможете показать?

— Ну конечно же! Мы бы сами притащили, да тяжелые больно.

— Нет уж, сами-то не надо. Сейчас я направлю с вами людей, только вы живенько управляйтесь. Чтоб одна нога здесь, другая — там. А заодно, хлопцы, вы там передайте в поселке, чтобы наши все к рассвету сюда подтягивались. У дяди Гриценко список есть, а Ваня, как местный житель, адреса найдет. Ну, марш!

— Пошли, местный житель, — съязвил Володя.

Последнюю ночь спал Володя на поверхности земли, в домике Гриценко.

Несколько раз ночью мать подходила к его постели, на которой он спал рядом с Ваней, поправляла одеяло на мальчиках, зажимала кулаком себе рот, чтобы не застонать, не заплакать от томившей ее тревоги. А когда в пазах синих бумажных штор затемнения еле засквозили первые проблески рассвета, дядя Гриценко уже сполз со своей койки, затопал босыми ногами по хате, поднял шторы, пуская в комнату холодную, стылую муть начинавшегося утра. Потом он растолкал крепко спавших мальчиков:

— Давай, хлопцы, пора!

Мальчики, позевывая, одевались. Дрожь пробирала их со сна. Евдокия Тимофеевна и Валя уже растопили плиту, грели чай. Тетя Нюша оставалась в кровати: она совсем занемогла в последние дни. Мальчики умылись во дворе под рукомойником студеной водой, разом согнавшей дремоту, вернулись в дом, сели за стол. Евдокия Тимофеевна не отходила от сына, а тетя Нюша тихо говорила с постели:

— Пей, Вовочка... когда еще теперь тебя угощать придется. Кушай, родной... Ванечка, бери, бери содовые пышки, насыпай в мешочек, не для кого нам теперь беречь-то... Ох, детки, детки...

Мальчики, сосредоточенно сопя, жевали холодные лепешки, оставшиеся с вечера, и прихлебывали горячий чай, разлитый в блюдечки.

За окном туман начинал отползать, небо тронуло розовым. И опять, все громче с каждой минутой, заработала близкая машина войны.

— Кончай, хлопцы, чай гонять! Люди ждут. Надо приказ исполнять.

— Как же ты там, Вовочка, будешь? И представить себе не могу, — приговаривала Евдокия Тимофеевна.

— Да не беспокойся ты, пожалуйста, за меня, мама, хватит тебе уж! Ты вот лучше, мама, себя тут побереги да запомни, что тебе дядя Ваня вчера наказывал. Ты как будешь говорить, если кто про меня спрашивать станет?

— Да помню я, помню, Вовочка... Скажу: «Володя к бабушке уехал».

— Вот помни: к бабушке. Смотри не проговоришься. Это ведь военный секрет, тайна, понимаешь?

— Да понимаю я, Вовочка, — покорно, сдерживая слезы, отвечала мать. — Ах, Вовочка, Вовочка! Ты хоть себя там веди поосторожнее, не рискуй зря.

— И ты, Валентина, смотри никому не сболтни, куда я ушел. Тоже должна понимать.

— Ладно, не учи, пожалуйста! Загордился уж совсем. Дядя Гриценко отозвал Володю в сторону:

— Что это у тебя с сестренкой разговор все какой-то нескладный получается? А между прочим, она тебе старшая сестра. И девушка во всех смыслах на деле-то покрепче вашего брата будет.

— Это в каком смысле? — обиделся Володя.

— А в таком, что зря языком не болтает налево-направо. Знает про себя и молчит.

— А про что ей молчать?

— Про то. Про то, чего вам и знать не полагается.

Володя, ничего не понимая, посмотрел на Ивана Захаровича. Но он знал, что много у дяди Гриценко не выпытаешь.

— А разве она тоже? — спросил он вполголоса.

— А ты как полагаешь? — проворчал Иван Захарович. — Дивчина-то она — вам с Ванькой поучиться. Комсомол! И ей с нами бы хотелось — а нет, остается. Потому что долг свой знает, порядок понимает. Не то что Ванька — сразу тебе бухнул.

— Дядя Ваня, — встрепенулся Володя, — а у нее что же — тоже, значит, задание?

— Какое такое задание? Что значит — задание? Что за слова такие! — рассердился дядя Гриценко. — Ты знай про себя и молчи. Лучше посуди, кто тут с тетей Ньюшей да с мамой твоей наверху останется. Надо же за мамками нашими присмотреть.

Но Володя видел, что дядя Ваня опять что-то скрывает от него.

— Она тоже, значит... — тихо проговорил он. — Да, дядя?

— А ты как полагал?

— Ай да Валендра! — протянул пораженный Володя.

— То-то вот и оно, — заключил дядя Гриценко.

Валя, собирая вещи отбывавших, вышла в сени, чтобы взять мешок из ларя. Володя юркнул за ней. В сенях было темно, но мальчик слышал, как стукнула крышка ларя, и чувствовал, что сестра рядом.

— Валентина, — начал он шепотом, — ты, может быть, на меня обиделась за что-нибудь, что я не так сказал?.. Брось! Я же тебя уважаю, в общем. Это так только, по привычке. — Он осторожно сжал в темноте ее прежде такую мягкую, а сейчас погрубевшую, обветренную руку. — Это что у тебя, Валя, руки какие стали?

— Цыпки у меня пошли, стирать много приходилось в последнее время. Мы ведь в госпитале помогали, — объяснила Валя, не убирая руки.

Володя обеими руками крепко стиснул ладонь сестры. Он очень уважал сейчас эту сестрину руку, обветренную, заботливую, в цыпках.

— Валя, — проговорил он тихо, — давай тут простимся. Не люблю я, когда при всех... Начнут обниматься да глазами моргать... А ты на меня не злись.

— Эх, Володька, Володька! Всю жизнь мы с тобой ругаемся, а как тебя нет дома, так я места не нахожу. А уж мама... Ты, Володя, там поосторожнее все-таки, прошу тебя.

— Ладно! — сказал Володя. — Ты за мамой тут лучше гляди. Если начнет обо мне чересчур беспокоиться, ты ее успокаивай, мысли от меня отвлекай.

— Да, отвлечешь! Глупый ты еще, Вовка!

— Ну, ты все-таки старайся.

— Хорошо. Постараюсь.

Обнялись в темноте. Володя неловко ткнулся в шею и подбородок рослой сестре, а она крепко обхватила его за плечи и расцеловала в обе щеки. Потом Володя, немножко посопев во тьме, осторожно спросил:

— Валя, а тебе тут тоже задание дали?

И почувствовал, что сестра сразу отодвинулась от него.

— Ну, лишнее болтать не время! Пойдем, Володя, собираться надо.

... Потом дядя Гриценко велел всем присесть, как перед дальней дорогой. И все тихо сидели: кто на скамейке, кто на койке, кто на табуретке, а тетя Ньюша — на кровати. И все глядели прямо перед собой. Осеннее утро, ясное, прихваченное первым морозцем, освещало побледневшие лица обеих матерей и Валентины...

У входа в каменоломни часовой, пропустив дядю Гриценко и мальчиков, заговорил с ними:

— Ну, хлопцы, всех недостающих собрали? Вы что, последние, что ли, пришли? — Он заглянул в список, который держал в руках, — Нет, еще двух не хватает. Вон спешат...

Две девушки с небольшими узелками в руках бежала к каменоломням.

Часовой остановил их:

— Стойте, голубки, стойте, девушки! Не спешите так, отметиться сперва требуется.

— Что ж ты — память сегодня заспал, что ли? — осадил часового смуглая высокая девушка с задорными и смелыми глазами. — Вчера за ручку — здравствуйте-прощайте, а сегодня и признавать не хочешь? Пропусти, бюрократ!

— Не пушу, — сказал часовой, хотя и покраснел немилосердно. — Раз приказ дан проверить, так и проверю, хоть личности ваши мне и знакомые. Как фамилия?

— Ты слыхала, Нинка, что-либо подобное? — возмутилась смуглянка, оборачиваясь к подруге, полной светловолосой девушке лет шестнадцати.

— Ну что ты с ним связываешься, — сказала та. — Отметься, и все... Вы посмотрите там в списке. Я — Ковалева Нина. А это Шульгина Надя.

— Нехай сама скажет, — упрямылся часовой. — Я с чужих слов не принимаю.

— Тьфу ты, в самом деле, убиться! — разозлилась уже не на шутку Надя Шульгина. — Я сразу вижу: бюрократ. Ну, погоди, только попадись мне там, внизу! Я тебя живым в камень вгону!

— Будете оскорблять, — вовсе не пропущу.

— Видала ты, Нинка?.. Ну ладно, отмечай: Шульгина Надежда Захаровна. Вон, в конце написано. Поставили вас тут, чересчур грамотных!

Часовой отметил девушек в списке и пропустил их, а потом оглянувшись на мальчиков и многозначительно кивнул: дескать, меня не собьешь.

Девушки прошли к навесу, где была клеть. Полненькая, светловолосая оглянувшись, схватила вдруг порывисто за руку подругу:

— Ох, Надя, до чего ж все-таки страшно вниз уходить! И день сегодня, смотри, какой ясный... И ведь праздник... А нам с тобой в подземелье лезть...

— Ладно тебе уж!.. Полезай в кузов, раз груздем назвалась.

Решительно отведя плечом подругу в сторону, Надя шагнула в металлическую клеть, поднявшуюся из шахты.

— Идем, Нинка! Брось — перед смертью не надышишься.

Полненькая впрыгнула в клеть, прижалась к рослой подруге, обвела большими печальными глазами небо:

— Эх, прощай, солнышко ясное, прощай, белый свет!.. И клеть провалилась в шахту.

— Ну, хлопцы, залазьте и вы в середку, — сказал часовой. — Теперь полный сбор, в аккурат. Приказано никого больше ни туда, ни сюда не выпускать... А немец-то, слышь, как разорядится? Совсем вроде рядом, будто он за тем домом. Вот садит... Ну, давай, не задерживай!

Мальчики подошли к краю шахты. Перед ними был черный, казавшийся бездонным колодец. Оттуда, из невидимых недр каменоломен, шел какой-то особый, подземный запах, доносились приглушенные, еле различимые стуки. Володя заглянул еще раз вниз, и внезапно ему стало не по себе. Он оглянулся. День разгорался свежий, приправленный первым морозцем, радующим дыхание и кожу. Небо было ясным, розовым. Скоро должно было взойти солнце.

Правда, где-то совсем рядом уже громко били пулеметы, дымок и гарь нес с собой поднимавшийся утренний ветер. Но все-таки страшно было уходить в неведомый подземный мрак, отказываться и от чистого воздуха, и от солнца, и от неба.

Когда из колодца опять всплыла и остановилась перед мальчиками холодная, отпотевшая железная клеть, Володя вдруг почувствовал, что сейчас, ступив на ее пол, он сделает какой-то очень важный, все и, может быть, навсегда решающий шаг. Как много хорошего, светлого ушло из его жизни за последнее время! Где-то далеко позади остался Артек, звонкокрылые модели, простор, открытый с вершины Митридата, школьные товарищи, Светлана Смирнова... Теперь вот покидали его, оставаясь на поверхности, оборвавшееся детство, мать, Валя... А он должен был шагнуть в железную клеть и низвергнуться под землю, где на жутковатой глубине ждала его совсем иная жизнь.

Володя и Ваня оба разом ступили в клеть. Раздался свисток. Клеть дрогнула. Пол ее стал уходить из-под ног мальчиков, стремглав проваливаясь. Они схватились друг за друга.

Резкая граница света и тьмы пронеслась перед самыми их лицами. Мрак объял их. Дыхание глубин легким сквознячком заструилось навстречу снизу.

Через полчаса, когда на шахтном дворе уже не оставалось ни души, страшный взрыв грохнул у входа в главный ствол.

Высоко взлетели балки, доски, камни. Землю в этом месте вспучило и разворотило. Сдвинутые глыбы ее завалили ствол. Медленно осела известковая пыль.

Наверху теперь было безлюдно и тихо.

Земля поглотила отряд.

Глава VI Подземная крепость

Так Володя уехал к бабушке...

Когда клеть доставила мальчиков на глубину каменоломен, там еще горел электрический свет. Серовато-белесые, пористые, шероховатые стены из ракушечного известняка подпирали тяжелый, каменный, гладко отесанный свод, через который проходил ствол подъемника. Слева и справа видны были рельсы, которые терялись в сумраке пересекавшихся здесь подземных галерей. Партизаны откатывали вагонетки, груженные ящиками, тюками, узлами. Заканчивались последние приготовления перед окончательным переходом отряда на подземное положение. И, глядя на яркий свет электрических лампочек, на прочные, надежные стены подземелья, на деловито катившиеся вагонетки, Володя сразу успокоился и подумал, что ничего особенно страшного тут пока нет: «Прямо как в метро».

Мальчики несколько минут вертелись возле главного ствола, не зная, куда им приткнуться. Все были заняты делом, и никто не обращал на них внимания. Но вот из галереи, сгибаясь, чтобы не задеть головой проводов и деревянных креплений, быстрым шагом вышел командир:

— Давайте весь народ сюда! Быстро! Пока свет есть, а то каждую минуту выключить могут.

И со всех сторон стали собираться к подъемнику люди. Тут были пожилые шахтеры каменоломен, старокарантинские и камыш-бурунские рыбаки, рабочие железорудного комбината в своих синеватых спецовках, уже обмеливших о стены подземелий. Среди партизан Володя заметил нескольких пожилых женщин и двух молоденьких девушек, которых встретил возле часового. Были тут также ребята: маленькая девочка лет четырех, державшаяся за руку мальчугана — на вид первоклассника. Подошли еще двое мальчиков, в одном из которых, постарше, Володя узнал Толю Ковалева, приятеля Вани Гриценко.

— Давайте, товарищи, проведем перекличку. — Командир вынул из кармана список. — Важенин Влас Иванович!

— Есть, — отозвался партизан, которого вчера Володя видел возвращавшимся из разведки.

— Гриценко Иван Захарович!

— Я! — браво, по-солдатски отвечал дядя Гриценко.

— Гриценко Иван Иванович!

— Ну, что ж ты? — прошептал Володя и подтолкнул Ваню, который от волнения, что его назвали Иваном Ивановичем, не мог собраться с мыслями. — Да вот он! — крикнул за него Володя.

— Ты что, сразу онемел? — спросил командир. — Ты привыкай к порядку. Вызвали — разом откликайся.

— Тут, — тихо пискнул Ваня.

— Ну, вот теперь слышу, что тут, — усмехнулся командир и продолжал перекличку. — Так... Дубинин Владимир Никифорович!

— Здесь! — оглушительно крикнул Володя.

— Сильно сказано. — Командир покачал головой и весело взглянул в сторону Володи. — Так... Ну, Жученков тут, Зябрев тоже налицо.

Переключка продолжалась, и Володя все время вертел головой, стараясь разглядеть и запомнить откликавшихся партизан. Ваня, уже всех хорошо знавший, давал ему шепотом пояснения:

— Шульгин — это той Надьки отец, которая с часовым схватилась.

— Лазарев Семен Михайлович — налицо, — называл командир.

Ваня пояснял:

— Это начальник штаба, а до войны был всех каменоломен начальником, которые и в Аджи-Мушкае и тут. А Жученков — вон черный такой — это наших каменоломен начальник.

— Лазарева Акилина Яковлевна!

— Это начальника жена, тетя Киля. Ее все знают.

— Любкин Ефим Андреевич!

— Ох, отчаянный, веселый! Я с ним уже знакомый.

— Манто Яков Маркович!

— Это вон тот длинный. Он повар. Смешной! Увидишь.

Так Володя узнал почти всех людей, с которыми ему предстояло теперь жить под землей. Тут были целые семьи: Ковалевы, Шульгины, Емелины, Лазаревы. Многие не захотели расстаться со своими мужьями и отцами и предпочли суровую подземную жизнь, лишённую света и свежего воздуха, существованию на земле, захваченной врагом.

— Сейчас, — сказал командир, закончив переключку, — все должны окончательно разместиться по указанию товарища Жученкова, как было намечено командованием отряда. Закрепленное за каждым место прошу не менять. Семейных тоже просил бы обосноваться там, где им отведено, и уж больше не кочевать. Иначе у нас тут будет табор. Понятно? И сейчас же прошу, товарищ Лазарев, выставить караулы во всех секторах, в первую очередь, на секторе «Волга», и поставить охрану у штаба. Вообще, товарищи, объявляю, что с этой минуты мы перешли на военное положение. Прошу помнить, что мы ушли сюда не укрываться, а воевать. Это, — он показал на землю, обвел пальцем помещение, — это фронт. Линия нашей обороны. Ну, вот и все. Вот еще Иван Захарович хочет сказать вам два слова.

От стены отделился коренастый, чрезмерно плечистый человек с крупной головой, которая как будто от тяжести ушла немного в плечи. Весь он словно был сразу, единым махом, вырублен из одного куска. На нем был светлый комбинезон под цвет ракушечника, и сам он, казалось, только что вышел из камня. Он сделал два медленных шага и стал. Глаза его были опущены. Когда он поднял их, Володя невольно обрадовался и удивился: такой спокойный, зоркий свет был в этом взгляде, оказавшемся неожиданно пронзительным, словно способным пробиться сквозь камень.

— Это Котло, комиссар, — сообщил Володе Ваня.

Комиссар сказал:

— Я очень коротко, товарищи. От нас всех ждут не слов, а дела. Нас тут около полусотни. Не так много, но и не так уж мало, если каждый будет помнить, что он советский человек, гражданин такой страны, какой еще никогда на свете не было. Нас ждут трудности. Подготовились мы, правда, хорошо. Все нам дали: и оружие и питание. Но экономия, конечно, прежде всего: сколько нам тут придется воевать, сейчас сказать трудно. Партия поручила нам, коммунистам, возглавить это партизанское подполье под землей, на которую вот-вот вступит враг. Что он несет на нашу землю, с чем он явился, вы знаете. Повторять не стану. Но покоя ему не будет на нашей земле. Мы, пока живы, отсюда не дадим ему покоя. Временно наши войска уходят из района Керчи, возможно, и из самого города. А мы остаемся. Мы остаемся, товарищи, тут. Командир уже сказал вам, и очень хорошо сказал, что мы сюда спустились не отсиживаться, а воевать. Это наша подземная крепость. Будем действовать отсюда. Тихой жизни не обещаю, но в победе нашей уверен. И верю твердо, верю в вас, дорогие вы люди... товарищи... верю, что каждый из вас — и старый и малый, и

коммунисты и беспартийные товарищи, и комсомольцы и пионеры наши, — каждый все сделает для того, чтобы долг свой перед Родиной выполнить. И когда пробьет час, придет нам срок выйти наверх и увидеть снова там, наверху, над землей нашей, красный флаг, так люди поклонятся нам с добрым уважением, а народ скажет: «Вот это доподлинно советские люди живут в Старом Карантине. Недаром на них крепко надеялись». Так оправдаем же эту надежду!

Стоявший возле комиссара круглолицый и белобрысый Любкин закричал: «Ура!» — но комиссар квадратной своей ладонью закрыл ему рот:

— Ты, горластый... Нет, давайте уж «ура» про себя покричим. А то сверху оцепление мы сняли, — неизвестно, кто там наверху возле ствола шатается. Нам лишний шум ни к чему. И давайте, раз сердце того просит, тихо, без крика, скажем Родине нашей: «Ура!»

И полсотни людей, зажатых в подземных камнях — и пожилые, и совсем еще юные, и дети, — все вместе трижды тихо произнесли:

— Ура... Ура... Ура...

Володе показалось, будто сердце у него обмыло теплой волной.

Трижды мигнул свет. И трижды екнуло в груди у Володи, когда лишь на мгновение все вокруг становилось непроглядно черным. А как же будет, когда станция наверху перестанет работать и свет под землей совсем исчезнет?

— Товарищи, не задерживаться. Это нам дают сигнал со станции, — послышался сдержанный голос комиссара. — Фонари, карбидки готовы? Зажечь и немедленно всем расходиться по местам. Товарищ Жученков, Владимир Андреевич!.. У тебя все готово? Давай, пока ток есть, действуй! Засеки время. Даю тебе двадцать минут, чтобы люди до места дошли. Проверь все и рви... кончай.

Мальчики только успели войти в одну из подземных галерей, как свет потух.

И тьма, плотная, первозданная, бесконечная, как будто надавила на глаза чем-то плоским и черным и уже не отпускала больше. Володя в темноте схватился за рукав Ваниной куртки. Сперва он ничего не мог рассмотреть. Потом впереди закачался какой-то слабенький отблеск, глаза немного пообвыкли. Володя заметил где-то вдали свет, а по стенам и низкому своду штрека протянулись очень длинные перемещающиеся полосы совершенно черных теней. Они, как гигантские ножницы, сошлись и разомкнулись.

— Ну идем, что стал? — сказал Ваня. — Ты привыкай. Володя шагнул за Ваней и тут же набил шишку на лбу, стукнувшись о каменный выступ.

— Ты держись посерединке, к стенке не жмись, — учил его более опытный Ваня. — Ну стой, я карбидку зажгу. Эх, не хотел зря газ тратить!

Они остановились. Ваня умело налаживал шахтерскую лампочку, которую он, оказываясь, нес в руке, покачал насосиком, чиркнул спичкой. Из лампочки высунулся, как карандаш из вставочки, остренький штифтик пламени, который становился то длиннее, то короче, и освещал вокруг небольшое пространство: неровности тоннеля, низкий потолок из камня. Но дальше свет сразу терялся в темноте, уходил в нее, как вода в песок. Впереди все было теперь еще более черным, недоступным для взгляда.

Так они шли. Володя чувствовал, что галерея опускается вниз. Вскоре Ваня привел его в небольшую пещеру, вырубленную в стороне от одного из подземных коридоров, и посветил в уголок.

— Вот мы тут с тобой жить будем, — сказал он. — Давай сюда твои вещи.

Володя, глаза которого постепенно привыкли к полумраку, разглядел что-то вроде уютной каменной лежанки, а на ней большой матрац-сенник. Над лежанкой в стене была вырублена небольшая ниша, в которую можно было вставить фонарь или лампу.

Потом Ваня повел приятеля по нешироким каменным ходам, чтобы показать ему подземную крепость. Оказалось, что в ней три этажа — так называемые горизонты. Под землей на месте выбранного известняка остались длинные коридоры — штреки. Они пересекались в разных направлениях, образовав лабиринт, тянувшийся на несколько километров. С земли сюда вели наклонные штольни и вертикальные колодцы — шурфы.

Сейчас мальчики находились на втором горизонте, метрах в тридцати пяти под землей. Здесь был сектор «Москва». Ваня показал издали на часового, стоявшего возле каменной ниши, из которой светил фонарь. Тут же, возле часового, в каменных гнездах, укрылись два пулемета, дулами обращенные в разные стороны — вдоль галерей. За спиной часового высились четыре шкафа, сдвинутых в ряд по два. Посередине оставался проход, завешенный плащ-палаткой. То был вход в штаб. Оттуда, сверх завесы и из-под нее, сочился свет. Доносился звонкий голос командира. Был еще третий — нижний — горизонт, совсем глубоко, метрах в шестидесяти под землей. Там находился склад боеприпасов. Большинство партизан жили на втором горизонте.

Володя заметил провода, протянутые вдоль стен по полу каменных коридоров. Иногда где-то раздавались сильные гудки. Ваня объяснил, что в подземной крепости установлена телефонная связь. Телефоны имеются на всех караульных постах — и в секторе «Волга», и в секторе «Киев», самом близком к поверхности и потому наиболее опасном, — и все они соединены со штабом. В сектор «Киев» мальчиков не пустили. Часовой велел повернуть им обратно.

— Ну, тогда пошли на камбуз, — предложил Ваня. — Может, нас дядя Яша Манто угостит чем-нибудь с новосельем...

Ваня уверенно шел впереди, освещая лампочкой путь. Володя еле поспевал за ним: он много лет не бывал в каменоломнях, а на такую глубину ему вообще не доводилось попадать. Он шел, невольно втягивая голову в плечи, и ему казалось все время, что он непременно стукнется обо что-нибудь макушкой: с каждой минутой ощущение чудовищной каменной толщи, нависшей над головой, становилось все сильнее.

В боковой галерее что-то шумно шевельнулось и неуверенно, хрипло промычало. Потом Володя услышал мерное хрумтенье жвачки.

— Ваня, это что там?

— Дяди Яшин зверинец! — весело откликнулся издали уже ушедший вперед Ваня. — У нас тут, брат, целый скотный двор имеется. Запаслись всем, будь спокоен!

Потянуло запахом сухого сена и навоза, таким мирным, домашним и странным в этой подземной опасной темноте.

Прошли еще метров сто, сделали поворот, и на Володю пахнуло кухонным чадом, запахом жареного мяса. Впереди забрезжил свет, донеслись женские голоса, стук посуды. Через минуту мальчики оказались в большом подземном помещении, на сводах которого плясали красные отсветы пламени, весело горевшего в очаге. Тетя Киля и девушки, которых Володя видел утром на шахтном дворе, хлопотали в углу за деревянным столом. Над плитой низко склонился необыкновенно длинный и громоздкий человек, с засученными рукавами, в белом колпаке и холщовом фартуке.

— Добрый день, дядя Яша, с праздником вас! — сказал Ваня и подтолкнул локтем Володю, словно предупредил его, что сейчас обязательно выйдет что-нибудь смешное.

— Надеюсь, что день, — это во-первых! Надеюсь, что добрый, — это во-вторых! — отвечал дядя Яша. — Лично я уже третьи сутки тут копчусь и не имею никакого понятия о дне и ночи... Ну, заходите, хлопчики, заходите! А кто это с тобой, Ваня? «Откуда ты, прекрасное дитя?»

Володя уже собрался было обидеться, но Ваня быстро заговорил:

— А это Дубинин Володя. Помните, дядя Яша, я вам говорил. Он электричество хорошо знает. Он вам сразу динамку наладит.

— О-о! — сказал дядя Яша, разгибаясь у плиты, и тут же схватился за голову, стукнувшись о потолок. — Так. Соприкоснулся... Отметим: восьмой раз и тем же местом. Я не знаю, неужели нельзя было вырубить помещение камбуза немного повыше либо взять себе, в крайнем случае, шеф-повара пониже? Абсолютное противоречие получается. И я отвечаю за это своей собственной головой. И зачем теперь динамо, когда у меня и так все время электрические искры из глаз сыплются... Но-но! Что там в углу за женский смех! Не обращайтесь на них внимания, мальчики. Скоро, хлопчики, обед — такой, какого вы никогда

не имели на земле, а уж под землей — ручаюсь, не едали...

— Дядя Яша, а что сегодня на обед? — спросил Ваня.

— На первое суп пейзаж а ля партизан. На второе — фрикасе на чистом овсе. А на третье — всем вам, пионерам, будут пампушки с колотушками. Могу по знакомству вторую порцию устроить.

— Ой, дядя Яша, скажете уж! — восторгался Ваня.

Володя тоже хохотал от души. Ему сразу понравился дядя Яша. Он встречал его и раньше. Якова Марковича Манто, шеф-повара из спецстоловой, спортсмена, гонщика, балагура, звали в Керчи «Яша с мотоциклом». У него был собственный мотоцикл, один из первых личных мотоциклов в городе, и дядя Яша все свободное время проводил в кожаном седле своего оглушительно чихавшего сизым дымом стального коня, на котором он казаковал взад и вперед по улицам Керчи. Конь у дяди Яши был капризный. И частенько бывало, что Яков Маркович должен был, обливаясь потом, сам тащить его под уздцы в гору, а ему помогали восхищенные мальчишки. Самые предприимчивые из них тут же незаметно ложились на седло животом и ехали за счет других, подпиравших машину со всех сторон, и все вместе они очень дружно мешали дяде Яше.

В первые же дни войны дядя Яша отдал себя и свой мотоцикл в распоряжение истребительного батальона. Зябрев, хорошо знавший Манто, предложил ему вступить в партизанский отряд. Жена и ребенок дяди Яши давно эвакуировались, и он с большой охотой принял предложение Зябрева. Он потребовал только одного условия: чтобы и машину его партизаны разрешили взять под землю. Он не мог допустить, чтоб его стального мустанга оседлали фашисты.

Мотоцикл с красным флажком стоял теперь за выходом из камбуза, в тупичке подземной галереи.

— Слушай, хлопчик, — сказал Володе дядя Яша, — это верно, что ты такой крупный спец по технике, физике, электричеству и психотерапии?

— А я даже не знаю, что это за психотерапия, — признался Володя.

— Отставим психотерапию, — сказал дядя Яша, осторожно повернув голову, — оставим себе физику и электричество. Ты имеешь понятие о лампочке и батарейках для карманного фонаря?

— Конечно, имею... Только у меня их сейчас пет.

— Значит, понятие ты имеешь, а фонаря у тебя нет? А я имею, понимаешь, хлопчик, мотоцикл. И на нем, как тебе известно, есть динамо. И вот я себе замыслил, что от этого мотоцикла ты мне тянешь провод. На конце ты берешь и делаешь патрон. Вкручиваешь в этот патрон лампочку. Лампочку эту мы вешаем в штабе. Я здесь запускаю мотор, динамо крутится, току ничего не остается делать, как бежать по проволоке. И в штабе вспыхивает свет. Что? Плохо, по-твоему? То-то! У дяди Яши голова не только для шишек... Полундра, горит! — закричал он и бросился к плите, откуда уже шел прогорклый чад. Дядя Яша принялся что-то быстро снимать с огня, ворча! — Вот имей дело с вами! Придут, начнут говорить так, что слова не вставишь, а потом отвечай за все дядя Яша. Акилина Яковлевна, суньте им по пончику, и чтоб я их больше тут не видел.

И вдруг гулко скрежещущий обвальный грохот потряс все подземелье. Плотная волна воздуха хлестнула мальчиков по коленям. Из очага выпыхнул огонь и дым. У Вани задуло лампочку. Все заволкло известковой пылью. Дядя Яша бросился прикрывать кастрюли. Девушки и тетя Киля с вопрошающим испугом поглядели на него. У мальчиков застряли во рту непрожеванные пончики.

— Давайте без психотерапии, — невозмутимо сказал дядя Яша. — Как говорится, лифт остановлен на ремонт. Жученков взорвал клеть. Все в порядке. Все наши дома!

Надо было устраиваться.

Мальчики расправили на своей лежанке сеник, постелили одеяла. Чтобы не пачкаться

об известковые стены, над каменной кроватью прибили газеты. Их укрепили при помощи спичек, воткнутых в дырочки, которые пришлось специально пробуравливать в ракушечнике. Над головами пристроили цветную картинку «Морской бой» из журнала «Пионер». Вещи убрали в баульчики, а под подушкой своей Володя стопочкой сложил книжки, захваченные из дому.

К тому времени книг у него осталось немного. Почти все раздарил своим подшефным малышам во время тимуровских обходов. Сохранились только самые любимые книжки. Их он и захватил с собой под землю. Тусклый свет фонаря освещал благородный профиль Спартака на книжке Джованьоли с обмахрившимися углами и Чапаева, летящего на коне, в крылатой бурке, распластавшейся в воздухе, на обложке книги Фурманова. Были тут еще «Полтава» Пушкина, брошюрка о Чкалове, учебник синтаксиса, взятый из уважения к советам Юлии Львовны, и «Том Сойер». Последнюю книжку Володя сначала не собирался брать с собой, но потом вспомнил вдруг о приключениях Тома в пещере, где тот заблудился в подземном лабиринте. Кто знает... Может быть, понадобится эта книжка в каменоломнях для каких-нибудь справок. Мало ли что будет...

Отдельно была вложена в клеенчатую корку от старой общей тетради взятая с этажерки отца очень обтрепанная книжечка, без обложки и названия. Начиналась она на первой странице словами, когда-то поразившими воображение Володи и навсегда запомнившимися: «Призрак бродит по Европе...»

Первый день прошел незаметно в хлопотах по устройству, в осмотре подземной крепости. Не будь Вани, Володя уже раза три заблудился бы непременно — так запутаны были расхивившиеся во все стороны подземные ходы каменоломен.

Под землей было не то что душно, но все как-то стесняло грудь, — может быть, просто сознание того, что над головой миллионы пудов земли и узкое, мизерное пространство, по которому двигались люди, сдавлено со всех сторон камнем. Кое-где на стенах едва заметно поблескивали жилки сочившейся воды. Сырость была на всем — на стенах, на одежде, на одеялах. Все металлическое как бы отпотевало, делалось влажным. И в этих душноватых потемках, в сыром заточении предстояло жить не один день и не одну неделю, а возможно, и не один месяц...

И все же у Володи совсем не было того тягостного униженного состояния, которое он пережил в бомбоубежище, где сидел с матерью, со стариками и ребятами, прислушиваясь к судорогам почвы, вызванным падением фугасок. Там было покорное, беспомощное ожидание, а здесь Володя видел часовых возле подвешенных к потолку фонарей; пулеметы, которые, как два железных грифона, сторожили вход в штаб; тщательно укутанные ящики с патронами. Он слышал щелканье винтовочных затворов, которые смазывали партизаны. Он чувствовал сам: нет, это не убежище, это крепость, это грозная собранная сила, которая нарочно притаилась и ушла под камень, но готова постоять за себя и за тех, кто остался наверху во власти врага. И, несмотря на зябкую дрожь, пробирающую его от непривычной сырости, Володя почувствовал строгую гордость, что и его приняли в семью этих сильных и дружных людей, на которых, как сказал комиссар, крепко надеется народ.

Увидев, что Ваня Гриценко успел уже где-то закоптиться и явно отлынивает от умывания, Володя усмотрел в этом беспорядок, недопустимый в военной обстановке.

— Ты что это, Иван, распускаешься? Койку свою не заправил... Ходишь чумазый, лохматый... А ну, приберись! Пионер должен быть всегда в порядке. Что на земле, что под землей. Разницы нет. Где твой галстук? Под подушкой разве ему место?

Сам он уже давно аккуратно повязал алую косынку и концы ее бережно спрятал под куртку, чтобы не замаралась в копоти, летевшей от факелов и фонарей. Еще раз поглядев на приятеля, он вдруг крепко взял его за плечо, посадил Ваню на каменную лежанку и стал своей расческой приводить в порядок его спутанные волосы. Ваня мотал головой, дергался, а Володя неумолимо приговаривал:

— Терпи, терпи, Иван! Приучайся к боевому порядку.

— Ой! Пусти, Володька, дерешь очень! И не командуй. Больно важничаешь! Командир

какой нашелся!

— Кто командир, там видно будет. А пока терпи! В это время за спиной Володи блеснул свет фонаря, послышался знакомый голос Зябрева:

— Дельно, Дубинин! Молодцом! Действуй дальше так.

Командир поднял фонарь, осмотрел пещерку, прибранную лежанку, книги, сложенные аккуратной стопочкой, и остался доволен.

— И за порядок хвалю. Все на месте, как положено. Видно, что пионеры живут — в полном смысле этого слова. Таким можно дело доверить.

После ужина, получив от дяди Яши Манто добавочную порцию пончиков с повидлом, мальчишки забрались к себе на лежанку и, гордясь возникшим теперь родством со славой их отцов, оба по очереди красным карандашом написали на стенке: «В. Дубинин. И. Гриценко. 7. XI 1941 г.». Потом укрылись отсыревшими одеялами и потушили фонарь. Они лежали некоторое время молча, прислушиваясь. Тьма, какой никогда не бывает на земле даже в самую темную ночь при зашторенных окнах, подступила вплотную к их лежанке. Невесомая и в то же время непроницаемая, она навалилась на одеяло, она стояла в открытых глазах, как черная, непрозрачная вода. Где-то в верхних галереях перекликались голоса. Легкий гул слышался в отдаленных ходах подземелья. Потом и он затих. Тьма и тишина окружили ребят.

— А что там, на земле-то, сейчас? — шепотом спросил Володя.

— Может, бой идет, — отвечал Валя. — Разведчики завтра другим лазом пойдут, все вызнают.

Некоторое время они молчали в темноте. Хотелось спать.

— Ваня, давай мы попросимся тоже в разведку?

— Ну да, так тебя и пустят... — протянул Ваня, зевая.

— А ты скажи, что все ходы и лазы знаешь. Ты скажи, что мы с тобой тут уже лазили, когда еще маленькими были. Скажешь? А, Ваня?

Но Ваня, сморившийся за день, уже спал.

Проснулся Володя от света фонаря, который поднес к самому лицу спящих ребят дядя Гриценко.

— Хватит вам. Уже все повставали, вам дядя Манто каши не оставит. Ану, геть, продирай очи быстро!

Сверху доносился какой-то неровный, судорожно возникающий гул. На мгновение он пропадал. Затем слышался опять. Иногда со стены вдруг осыпалась струйка известковой пыли.

— Давай, лежебоки, пошевеливайся! — продолжал дядя Гриценко, сдергивая с мальчишек одеяла и ладонью сметая с лежанки осыпь ракушечника. — Вставайте, водичкой сполоснитесь. Задание для вас есть боевое...

Ребята мигом вскочили с лежанки.

— Дядя Ваня, а какое задание? — полюбопытствовал Володя, заправляя рубашку в брюки.

— Узнаешь на месте, какое задание.

— А от кого?

— Известное дело, от кого. От командования. Ты бы спрашивал поменьше.

Мальчишки бросились в боковой штрек, где были прилажены к стенке рукомойники, наскоро плеснули в лицо водой, вытерлись одним полотенцем, дергая его концы в разные стороны. Через минуту они шли за Гриценко, который нес фонарь. Вскоре все очутились в помещении подземной кухни, где их приветствовал дядя Яша Манто, уже облаченный в белый фартук. Не поднимая головы в колпаке, чтобы не стукнуться о низкий свод, он с громом поставил перед мальчишками на стол два котелка с кашей и горячими консервами.

— Ну вот тебе помощники, Яков Маркович, — проговорил дядя Гриценко. —

Прикомандированы к тебе, в твое распоряжение. Покорми да и ставь на место, к делу.

Мальчики быстро поели, получили по чашке горячего чаю и по куску хлеба с джемом, быстро справились и с этим, поблагодарили, вытерли рты и вскочили, ожидая боевых приказов.

— Ну как, хлопчики, — спросил дядя Яша, — укомплектовались? Или еще порцию дать?

Мальчики поблагодарили и отказались.

— На здоровьичко, — сказал дядя Яша. — А теперь получайте задание. Предупреждаю вас, хлопчики: задание боевое. Прошу слушать мою команду. Заключается она вот в чем. Что такое сухарь, прежде всего?

— Ну, хлеб сушеный, — отвечал Володя.

— Именно сушеный, но никак не мокрый. А мы имеем в соседнем штреке десять ящиков заготовленных сухарей, и вчера я обнаружил, что от этой проклятой сырости, которая мне въедается в кости, печенку и селезенку, сухари уже начинают киснуть, мокнуть и, более того, даже плесневеть. Так вот, их надо перебрать. Которые заплесневели — отложить отдельно. Которые еще сухие — убрать в другое место. Занятие это, конечно, не вполне интересное, но что делать, хлопчики! Воевать — это вообще малоинтересное занятие. И интереснее, конечно, жить наверху, чем тут, внизу. Однако мы с вами спустились сюда. Ну что, я должен вас агитировать, что ли? Вы же сами — сознательные хлопчики. Забирайте фонарь — и пошли.

И весь день пришлось Володе, Ване, а потом и присланным им на подмогу Толе Ковалеву, Жоре Емелину и Вове Лазареву перебирать сухари. Это было очень скучное и неприятное занятие. Часть сухарей размокла. На других появилась зеленоватая, с белым пушком плесень. В тусклом свете фонаря сухари были похожи на давно не чищенную, позеленевшую медяшку. Ребята молча сортировали сухари, откладывая в сторону хорошие, не тронутые еще подземной сыростью. Порченные выкладывали на железные противни для просушки на плите. Совсем размокшие бросали в приготовленные чистые ведра.

Иногда в штреке появлялась громогласная Надя Шульгина.

— Ну вы, воробы! — зычно говорила она. Голос ее не мог приглушить даже камень, со всех сторон обступавший партизанскую кладовку. — Ключ поживее! Возитесь, прямо до убийства...

Полненькая и большеглазая подруга ее, Нина Ковалева, молча принимала противни, таскала ведра, приносила их порожними обратно. И только изредка просила:

— Вы бы, ребята, поаккуратнее. Толик, — показывала она братишке, — ну зачем же ты в хорошие сухари зелень такую бросаешь?

Мальчики работали молча. Иногда они прислушивались к тяжелому гроыханию, которое доносилось сверху через сорокаметровую толщу камня. Им очень хотелось узнать, что там происходит сейчас, на земле.

Да и занятие, порученное им, казалось делом унижительным, не мужским, кухонным: в самом деле, стоило ли добиваться, чтобы тебя приняли в партизанский отряд, и уходить под землю, а потом сидеть вот так и мирно перебирать сухари? Наконец Володя не выдержал и, заявив, что он сейчас вернется, отправился на камбуз. Там тоже шла работа: женщины мыли посуду, скоблили столы, сушили на противнях отсыревшие сухари и галеты.

— Дядя Яша, — негромко начал Володя, подойдя к шеф-повару, — ну что же, долго мы так будем? Дайте какое-нибудь другое задание. Там, наверху, наверное, уже бой, а мы сухарики с места на место перекладываем.

Дядя Яша, сидевший на табуретке, взвился довольно быстро, но тут же замедлил свое выпрямление и с опаской поглядел на потолок.

— Мне странно слышать такие слова, — сказал он. — Я привык слышать, что пионер говорит: «Всегда готов!» И вместо этого я слышу, что пионер не желает выполнять боевое задание. Кушать он готов, а помочь людям, чтобы им было под землю что кушать, он не готов.

— Какое же это боевое задание, это можно и маленьким поручить, а я уж... да и Ваня...

— Ты слышал, есть такое выражение: боепитание? Имеешь представление? Конечно, большей частью это говорится о снарядах, патронах и тому подобном. Но надо заряжать не только пушки и винтовки. У человека должны быть заряжены и ум, то есть мозг, и сердце — как говорится, сознание. То — духовная пища. Этим питанием командует наш комиссар. Мне командование поручило, чтобы люди у меня были сытые, чтобы кровь у них во всех жилах от этой проклятой сырости не пропадала, чтобы руки, ноги были в силе. Так это что, по-твоему, не боепитание? Слушай, мальчик, не будь дитя! Мне просто странно слышать все это. На, лучше возьми пончик с повидлом, а эти отнеси твоим товарищам. И помни, что больше пользы, когда рот кушает, а не болтает. Ну, — сердито закричал он, увидя, что Володя собирается возразить, — не порть мне характер! Исчезни!

И Володе пришлось исчезнуть.

... К ночи вернулись с поверхности разведчики отряда Влас Важенин и Иван Гаврилович Шустов. Незадолго до рассвета они вышли наверх из каменоломен через один из далеких лазов и тем же ходом вернулись сейчас обратно. Усталые, с хмурыми, осунувшимися лицами, они молча прошли в штаб, не отвечая на вопросы партизан, которые, сторонясь в штреках, уступали им дорогу. Напрасно Володя и Ваня вертелись у них на дороге, забегали вперед, спрашивали:

— Дядя Шустов, а что там, наверху, сейчас? Там что — бой?

Разведчики безмолвно шагали к штабу, иногда только Важенин бросал на ходу:

— Не спеши... Узнаешь, как время придет. А ну, дай пройти!

Потом из помещения штаба, куда прошли оба разведчика, вышел Зябрев. Собравшиеся возле штаба партизаны с тревогой вглядывались в лицо командира, на котором лежали резкие тени от фонаря.

— Товарищи, — сказал командир, — над нами, — он показал пальцем на своды, — над нами идет бой. Камыш-Бурун горит. Приказываю перейти на осадное положение. Враг на нашей земле. Значит, он может сунуться и под землю. Проверить посты, усилить караулы! Все остальное — прежним порядком.

Ребята тревожно переглянулись. Володя поднял голову и долго смотрел на низкий свод из серого камня, по которому носились всполошенные тени от фонарей. Трудно было представить, что там, наверху, по знакомой с детства земле уже ходят чужаки. И земля от этого, верно, содрогается так, что даже здесь, на глубине сорока метров, чувствуется ее глухое негодование.

Его вывел из тяжелого оцепенения голос Зябрева: — Ну, за чем дело стало? Жученков, Манто! Отправляйте своих людей на участки для работы.

И люди стали расходиться молча, еще ниже пригибая голову, будто и своды подземных лагерей опустились, стали ниже под тяжестью чудовищного зла, глухо рычащего на их родной земле, там, наверху...

Глава VII Внизу и наверху

Половину следующего дня мальчики провели также в работе под началом дяди Яши. Кончили возиться с сухарями, пришлось перебирать сухие грибы, перетаскивать ящики с консервами на более удобное место.

Гул наверху все усиливался. Ребята пытались пробраться к одному укромному лазу, чтобы выглянуть наверх, но часовой в верхнем горизонте не пустил их, да еще пригрозил, что позвонит в штаб. Пришлось вернуться.

Когда шли обратно на нижний горизонт, из-за поворота одной галереи вдруг показался незнакомый человек. Мальчики миглом юркнули за угол бокового хода.

— Гэй, хлопчики! — донесся к ним голос из темноты. — А ну ходите до меня, а то я тут блукаю-блукаю, никак не могу на волю выйти!

— Молчи! — прошептал Ваня, прикрывая ладонью свет фонаря.

— Надо нашим сказать сейчас же, — решил Володя.

И оба со всех ног кинулись обратно к часовому, который не пустил их на верхний горизонт. Часовой тотчас же позвонил в штаб. Оттуда пришли Иван Захарович Гриценко и Шульгин.

— Кто здесь ходит? — крикнул дядя Гриценко в темный коридор, где слышались шаги неизвестного.

— А с кем имею честь? — донеслось оттуда.

— А ну слушай! — рассердился Гриценко. — Я с тобой шутковать времени не имею! Выходи сюда, на свет, к фонарю. Тогда вот и будешь иметь честь.

Очевидно, хозяйский, спокойный тон дяди Гриценко подействовал на неизвестного, и через минуту в свете фонаря показался молодой остроглазый парень со знаками старшего сержанта в петличках, в плащ-палатке, брошенной на плечи, и расстегнутой гимнастерке, под которой была видна тельняшка. В руке он держал автомат.

— Слушайте, деды, — примирительно сказал подошедший, — я сюда зашел, а обратно ходу не знаю. Я с нашими от немцев отбивался, а патроны у меня все... и гранату остатнюю кинул. Еле ушел. Загнали они меня сюда, к чертям в пекло.

— А ты насчет чертей полегче, а лучше доложи как полагается, кто такой! — строго приказал дядя Гриценко, медленно поднимая винтовку.

— Старший сержант роты морской пехоты Сосюра Степан... Прибыл без вашего приказа! — Он усмехнулся и покачал головой, поморщившись. — Ну некуда мне, деды, деваться, некуда! Может, вы мне дорожку скажете, как на волю выйти? Там же наши погибают...

— А ну идем с нами! — скомандовал дядя Гриценко и добавил слегка подобранным голосом: — Выходит, вроде в нашем полку прибыло.

Так партизанский отряд пополнился еще одним человеком — комсомольцем Сосурой.

Через полчаса в штаб привели еще одного заблудившегося под землей. Это был моряк, интендант Александр Бондаренко. Вместе с бригадой морской пехоты, действовавшей на поверхности и отбивавшейся от наседавших гитлеровцев, он держал оборону возле одного из входов в каменоломни. Во время боя у него отказал автомат. Бондаренко отстреливался из пистолета. Фашисты отрезали его от товарищей; они окружили одинокого, но продолжавшего отстреливаться офицера. Бондаренко увидел среди камней спасительный ход, скатился в него и оказался в каменоломнях. Здесь он сейчас же начал приводить в порядок свой автомат. Тут его и застали обходившие галереи партизаны. В штабе тщательно проверили документы Сосюры и Бондаренко и предложили обоим пока остаться в отряде. Они с полной готовностью согласились. Истомленные бессонными боевыми ночами, обросшие, тяжело дышащие, оба еще неуверенно осматривались в подземелье. Глубоко запавшие глаза их доверчиво и внимательно смотрели в лица собравшихся партизан.

— Словом, пополнение прибывает, — радушно заключил Зябрев.

После обеда Манто подкатил свой мотоцикл к штабу и пристроил его в одной из маленьких тупиковых галерей. Володя помог ему тянуть провод в штаб. Вскоре, два раза стрельнув выхлопом и этим едва не вызвав тревогу в каменоломнях, мотоцикл дяди Яши весело затрещал, и в штабе над столом зажглась яркая электрическая лампочка, ввернутая Володей в патрон, пристроенный на потолке. И командир Зябрев, и комиссар Котло, и начальник штаба Лазарев, и главный подрывник Жученков, находившиеся в тот момент здесь, в штабе, — все хвалили Манто и его молодого помощника.

— От имени командования выражаю благодарность, — сказал Зябрев. — Освещение — лучше не надо! Только давайте-ка его выключим сейчас, а то от твоей электростанции, Яков Маркович, звуку больше, чем свету. Очень уж тарыхтит движок твой. Нам до поры до времени давать знать о себе врагу — дело излишнее.

Воспользовавшись хорошим настроением командира, Володя, собравшийся было уже уходить, вернулся к столу, за которым сидел Зябрев.

— Можно мне сказать вам, Александр Федорович? Мы вот все — и Ваня, и я, и еще

Толя Ковалев, — все, кто уже пионеры, мы сегодня решили, что вы нас должны послать в разведку. Мы ведь тут знаем все ходы... Сегодня даже лазили... И нас наверху не заметят совсем... И мы решили...

— Это кто же так решил? — поинтересовался командир.

— Ну, мы все так решили...

— Ага, — серьезно протянул командир, — вы решили? Ну, тогда все. Зови сюда всех, кто решал.

Через минуту Володя привел в штаб Ваню Гриценко и Толю Ковалева.

— Так, — сказал командир, оглядывая всех троих мальчиков. — Вот Дубинин Володя сообщил мне, будто вы решили, что мы должны вас послать в разведку. Верно это?

— Верно, — в один голос подтвердили Ваня и Толя.

— Вы решили, а мы, значит, должны? Так? — переспросил командир. Он встал и обратился к комиссару: — Ну, Иван Захарович, слезай со своего места. И ты, товарищ Лазарев, вставай. Наше дело теперь очень упростилось. За нас все решают. Нечего нам с вами и головы ломать... Прошу вас, товарищи, — сказал командир, поворачиваясь к ребятам. — Это я вам говорю, Володя, Толя, Ваня. Вот садитесь сюда. Ну, что ж стоите? Садитесь сюда.

Командир поднялся, подошел к ребятам и стал их подталкивать к табуреткам, которые стояли возле стола. Ребята слегка упирались, но сильные руки командира сграбастали их всех троих и перенесли к тому месту, где только что сидели сам командир, комиссар и начальник штаба. Затем Зябрев, все так же сохраняя серьезное выражение на лице, усадил всех на табуреты. Котло, Лазарев и Жученков уселись в стороне на койках и с любопытством следили за действиями командира.

— Ну, Дубинин Володя, — сказал Зябрев, — раз вы уже все решили, так действуйте. Вот ты, Дубинин, теперь командир, и ты отвечаешь за каждого из нас, за каждую из пятидесяти живых душ. Что бы ни случилось в каменоломнях, за все ты в ответе с этой минуты. За каждого человека с тебя спрос будет. И ответ тебе придется держать не только перед собственной совестью, но и перед всем народом, перед партией. Понял? Принимай дела. Вот тут все записано. Раз вы все так просто сами решили, так вам, верно, это дело проще дается, чем нам вот с товарищем комиссаром и начальником штаба.

В штаб, приподняв плащ-палатку, — висевшую у входа, заглянул Важенин. Он увидел командиров, сидевших на койках, и трех мальчуганов, которые хотя и восседали за командирским столом, но сейчас совсем не походили на начальников и, видно, не знали, куда им деваться. Важенин стал осторожно пятиться, убирая голову из-под завесы, но командир уже заметил его:

— Давай, давай, Важенин, заходи!

— Товарищ командир, — сказал Важенин, входя, — там, на секторе «Киев», движение какое-то в верхней штольне. Надо бы держать усиленный пост да так дело организовать, чтобы им питание туда носили, прямо на место, чтобы никто не отлучался. А потом, хорошо бы нам оружейную мастерскую поставить. От сырости затворы заедает... Потом я еще хотел сказать, товарищ командир...

— Вот ты со всем этим к нашим пионерам обращайся, — отвечал командир, — они за нас все решать взялись...

Володя и два его приятеля сидели за столом потупив голову: уши у них горели от конфуза. Они уже не чаяли выбраться отсюда. Володя впервые наглядно представил себе, какое это трудное и непомерно тяжкое бремя — быть в ответе за стольких людей, руководить ими, решать самые большие дела и тотчас же совсем малые, знать, что на тебя надеются люди и доверяют тебе свою жизнь, свою судьбу, свое дело. На одну лишь минуту и, конечно, ради шутки и поучения посадил его командир на свое место, а место это уже жгло Володю. Каково же было вот этому высокому, красивому человеку с черными блестящими глазами, который ни на минуту не снимал с себя такого бремени!

А Важенин, ничего не понимая, переводил взгляд с ребят на командира и обратно.

— Что же ты человека держишь, ответа не даешь? — спросил командир.

Володя встал за столом, оправил рубашку:

— Александр Федорович... ну что вы над нами смеетесь? Мы же не командовать хотели, а в разведку только просились.

— Значит, установим первое: с командованием ты пока что не справляешься. Вот человек к тебе пришел с простым делом, а ты не можешь дать распоряжение, а решать брался.

— А откуда же я знаю, Александр Федорович, насчет того, что он спрашивает?

— Верно, и я полагаю, что тебе знать про это неоткуда. Но беда, друг мой, что и в разведке-то ты пока не очень силен, как я подозреваю. И вряд ли ты так уж все хорошо знаешь о положении на поверхности, чтобы за нас все самому решать.

— Так мы ведь только попросились.

— Позволь, позволь! Вот свидетели есть. Ты как сказал? «Мы решили, что вы должны»... Это значит — вы решили, а мы должны. Так, что ли? Нет, брат, не так! Решать командование будет. — Он шагнул к столу, протянул над ним руку и легонько ладонью смахнул Володю с его места. — А ну-ка, герои, с чужого коня среди грязи долой! Не справляетесь, вижу. Давайте уж мы сами как-нибудь будем без вас разбираться да решать.

Зябрев посмотрел в переконфуженные лица мальчиков и вдруг залился своим заразительно-раскатистым, звучным смехом. Захохотал гулко комиссар, негромко засмеялся Лазарев. И тут смех разобрал всех присутствующих. Уже начал хихикать Толя Ковалев, и неуверенно улыбнулся, а потом фыркнул Ваня Гриценко.

Но Володя вдруг оттолкнул его в сторону, резко провел подбородком по плечу, рванулся к выходу. Важенин, раскинув руки, хотел было перехватить его, но Володя мгновенно нагнулся и проскочил под локтем Важенина.

— Обиделся малый, — сказал Зябрев.

— Ничего, простит, — добавил комиссар.

— Можете идти, ребята, — обратился командир к оставшимся мальчикам. — Скажите вашему Дубинину, чтобы зря не расстраивался. Если нужда придет — и вас отправим в разведку. Только прямо скажу: это уж в самом крайнем случае. А сегодняшний разговор вы запомните. Может быть, вам теперь яснее будет, кто должен решать, а кто обязан выполнять.

Выбежав под добродушный смех командиров из штаба, Володя едва не сбил с ног часового, стоявшего у входа, и бросился по направлению к своему штреку. Ему хотелось убежать подальше, побыть одному, чтобы в темноте отошли горевшие щеки. Но за поворотом тоннеля он чуть было не столкнулся с шедшими навстречу людьми. Свет фонаря на мгновение ослепил его, он зажмурился, но тут же разглядел партизан Шустова, Колышкина и еще двух, уже знакомых. Пятый, светлоглазый, совсем молодой, с лейтенантскими кубиками защитного цвета на петличках, в шинели, вымазанной белым, был незнаком. Лицо у него обросло редкой щетиной, он шел, неуверенно ступая, втянув голову в плечи, сгибаясь больше, чем требовалось, — как ходят люди, впервые попавшие в шахты. Володя прижался к стене, пропуская идущих. По обрывкам фраз, которыми обменивались партизаны и незнакомец, Володя понял: случилось что-то очень важное; и он повернул обратно к штабу, куда, должно быть, партизаны вели незнакомое лейтенанта. Он слышал, как Шустов говорил впереди:

— Тут спуск маленько, не зашибитесь, товарищ лейтенант.

А тот усталым, осевшим голосом допытывался:

— А долго еще идти-то? С дороги не собьемся?

— Как можно сбиться, товарищ лейтенант, тут каждая пупырычка на камне нам знакомая. Недалече осталось.

Володя бесшумно шел позади, жадно прислушиваясь к доносившимся до него словам.

Он не знал о том, какая трагедия разыгралась только что над каменоломнями.

Вторую неделю отступала с боями рота морской пехоты под командой старшего лейтенанта Петропавловского. Командование поручило морским пехотинцам прикрывать отход советских войск из Камыш-Буруна. Враги теснили роту со всех сторон; она была отрезана от моря и рассечена на части. Но ночью все, кто уцелел, снова собрались вместе, решив держаться до последнего патрона и выполнить приказ хотя бы по славной морской поговорке: «Погибаем, но не сдаемся!»

Недалеко от поселка Старый Карантин немцы окружили оставшихся в живых морских пехотинцев — их было всего лишь сорок два человека. Местность тут была холмистая, изрытая какими-то ходами, зиявшая провалами; обороняться здесь было удобно. Но что могли поделать сорок два человека, измученные многодневными непрерывными боями, отрезанные от своих, потерявшие надежду на спасение и теперь думавшие лишь о том, как бы с честью умереть и подороже отплатить врагу за свою гибель! Командир роты старший лейтенант Петропавловский и политрук Корнилов лежали на дне котлована, по краю которого бойцы держали круговую оборону. Возле них две женщины — военфельдшерицы Надя Юштина и Марина Савина — перевязывали одного из тяжелораненых. Немцы подползали со всех сторон. Уже совсем близко, всего в двадцати пяти метрах, не дальше, застрочил немецкий автомат. Кто-то из бойцов в сгущавшейся темноте швырнул на звук гранату. Раздался взрыв, пискнули в воздухе осколки. Автомат умолк, но тут же ударил другой, с противоположной стороны.

— Слушай, командир, — хрипло проговорил Корнилов. — Сергеев сообщает, что патроны на исходе. Связь с КП батальона вчера еще потеряна. Да, наверное, и батальона самого уже нет. Что думаешь делать?

— Мое мнение такое, Георгий Иванович, — негромко отозвался Петропавловский, — дело мы свое как будто на земле сделали...

— Ты что ж, на небо уже стал собираться?

— Зачем на небо? Есть еще третья возможность: не на земле, не на небе, а под землей. Помнишь, что нам в поселке Мариенталь сказали? Тут как раз где-то под нами каменоломни. В народе слух ходит, что там партизаны засели. Что бы нам туда, а, политрук?

И лейтенант Сергеев с двумя моряками был снаряжен в разведку. Петропавловский еще засветло приметил, что на одном из склонов котлована зияет какая-то черная дыра. Сергеев вместе с сопровождавшими его бойцами проник в нее и оказался в полуобвалившейся штольне. Решено было с наступлением полной темноты всему отряду укрыться в этой галерее и забаррикадировать вход в нее глыбами распиленного известняка, валявшимися у входа внутри штольни.

Немцы, как только стала спускаться ночь, начали освещать местность ракетами. Ракеты взвивались в черное небо и, хищно изогнувшись, заглядывали в котлован сверху. Мертвенный бенгальский свет их надолго заливал весь котлован, который при этом становился похожим на лунный кратер. Лица людей делались бледно-зелеными, словно ракеты обескровливали их. Моряки хоронились за камнями, припадали к земле и ползли к штольне. Вскоре весь отряд без потерь втянулся в отверстие подземного хода. Сейчас же принялись возводить стенку, оставив в ней бойницы для пулеметов и винтовок. Сергеев, собрав все спички, которые имелись у его товарищей, прихватив двух бойцов, пошел по наклонной галерее в подземелье. Оставшиеся с надеждой смотрели ему вслед. Сперва они видели еле заметные мутные вспышки: это Сергеев жег спички, освещая дорогу под землю. Потом пропали и эти отблески, затихли вдалеке шаги, но долго еще сидели люди, всматриваясь вниз и прислушиваясь к черной тишине, которая стояла в развернувшемся перед ними подземном лабиринте...

Теперь слышно было только, как стонал раненый боец, от которого не отходили обе женщины, да иногда кто-то громко вздыхал или еле слышно бранился про себя. Загорелись огоньки сигарок. В их слабо раздувавшемся розоватом свете глаза с трудом различали бойцов, сидевших с пулеметом у амбразуры в стенке, сложенной из глыб ракушечника и закрывавшей теперь выход на поверхность. Один пулемет на всякий случай направили в

глубь штольни: еще неизвестно, кто явится оттуда, из безмолвия и мрака подземелья.

Между тем Володя и его друзья так и вертелись возле штаба, снедаемые любопытством. Через завесу, отделявшую штабное помещение от штрэка, до мальчигов доносились звучный голос командира, сдержанный бас комиссара, тихий, прерывающийся и хриплый голос незнакомца. Потом оттуда выбежал Шустов, исчез куда-то и вскоре вернулся с Манто, который нес, оставляя за собой аппетитный запах, дымящийся котелок с торчавшей из него ложкой. Мальчишки давно бы приникли к плащ-палатке ушами, которые чуть не шевелились от жгучего любопытства, по часовой сердито отгонял их, приговаривая:

— Ну, что уши наставили? Чего надо? Ходи мимо подалее, а то сейчас комиссару скажу.

Наконец завеса откинулась. Вышел командир отряда, за ним комиссар. У обоих были фонари в руках. Не взглянув даже на ребят, все пошли по галерее в сторону «Киева». Володя хотел было последовать за ушедшими, но из темноты раздался бас комиссара:

— Это кто там шлепает? А ну вернись сейчас же! Слышу ведь...

Прошло очень много времени. Наверное, целый час, а может быть, и два. Но вот мальчишки услышали со стороны «Киева» катившийся по подземелью рокот, отзвуки множества голосов, звяканье металла. Ребята сперва даже перепугались и вскочили, когда из боковой галереи, примыкавшей к штрэку, где они находились, вывалилась несметная, как показалось в темноте, толпа. Она заполнила весь штрэк; трудно было разглядеть в полумраке и тесноте, кто тут свой, а кто пришедший. Володя заметил прежде всего смуглого командира с твердо размеченными и резкими чертами лица. Он был весь увешан оружием, под мышкой у него были две винтовки. На груди висел один автомат, другой он нес в свободной руке. Из-под бушлата, слегка оттопыривая его полу, торчала желтая деревянная кобура пистолета. На плечи командира была наброшена пятнистая плащ-палатка, разрисованная точно так, как рисуют местность в военных макетах. Володя сразу вспомнил военный кабинет Дома пионеров. Потом пришедшие расступились и пропустили вперед тех, кто нес носилки, на которых недвижно лежал человек, накрытый плащ-палаткой. Позади носилок шли две женщины с клеенчатыми сумками, и одна из них тихо сказала обладателю разнообразного оружия:

— Политрук, что мы тут делать будем? Пропадать здесь, что ли?

— Спокойно, Марина, спокойно, — тихо отвечал ей человек, увешанный оружием.

— Ох, политрук, жутко тут что-то! Верно, никогда уже отсюда не выйдем...

— Ну, тихо, Марина... Все будет хорошо — выйдем. Он еще что-то сказал, но все заглушил зычный голос Зябрева:

— Вот, товарищи, и прибыли. Пока вам больше идти некуда. Придется стать на якорь у нас. Раз такая судьба, будем воевать вместе. Товарища комроты и политрука прошу ко мне в штаб. Вызовите Манто. Лазарев, распорядись, чтобы людей накормили. Где Жученков? Пусть разместит их в четвертом и пятом отсеках, там у нас есть свободное помещение. Располагайтесь, товарищи. Как говорится, в нашем полку прибыло.

Пока в штабе шло совещание вместе с командирами вновь прибывшего неожиданного пополнения, мальчишки, во главе с Володей, носились по всем штрэкам, сообщая о новости. Впрочем, она опередила их, что очень огорчило ребят, так как никого удивить не удалось. Все уже слышали о том, что население подземной крепости увеличилось на сорок два человека. Зато мальчишки получили полное удовольствие, когда разводили вновь прибывших на отведенные для них места. Приятно было, размахивая фонарем, шагать по подземным галереям, подбадривать робко ступавших позади, спотыкавшихся с непривычки, еще не освоившихся с попой обстановкой бойцов.

— Вы идите смелее, дядя! Идите, тут прямо!.. А сейчас голову наклоните, а то зашибетесь. Вот тут у нас, между прочим, кладовая, а здесь семейный штрэк, а тут вы будете. А как вещи сложите свои, так мы вас в камбуз поведем. У нас дядя Манто

шеф-повар.

Шеф-повар с подоткнутым фартуком уже орудовал в своем камбузе; он нещадно стучался головой о потолок, уже не чувствуя боли, кричал на своих помощниц, производил вслух какие-то вычисления по части рациона и приваркам, причем твердил, что за все он, дядя Яша, должен отвечать своей головой, которая к тому же от этого проклятого потолка вся в шишках...

В «девичьей», как называли партизаны маленький каменный тупичок, где спали Надя Шульгина и Нина Ковалева, девушки гостеприимно устраивали прибывших женщин. Через несколько минут оттуда уже слышались смех, звонкие словечки Нади Шульгиной, взвизгивания смешливой Нины Ковалевой и такой шумный разговор, будто там было по крайней мере человек двадцать, давно уже хорошо знающих друг друга.

Усталые бойцы располагались на ночь, снимали оружие. Мальчишки с уважением принимали в руки тяжелые и грозные принадлежности воинов, ощущая в руке вес, прочность, упоительный холодок этих желанных предметов боевого оснащения. Окончательно их покорила политрук, обладатель самого разнообразного оружия. Володя мигом подскочил к нему, как только он вышел из штаба:

— Ух, дядя, сколько у вас всего!

— А ты что тут делаешь? — спросил политрук Корнилов. — Тоже партизанишь?

— Эге... Дядя, а где вы его набрали столько? Я гляжу, тут и немецкие у вас есть. Вон тот автомат немецкий, я знаю. Системы «Шмайсер». Вот здорово!.. Гляди, Ваня, видишь?.. Дядя, откуда у вас?

— Это мне гансы на хранение сдали, — отшутился Корнилов.

— Какие гансы? — удивился Володя.

— Да те, которых я на тот свет спровадил.

— Вы сами?

— Частично сам, а кое-кого товарищи подсобили... Так кто же ты будешь? Тебя как звать?

— Вова... — Он досадливо поправился: — То есть Володя... Владимир. Фамилия — Дубинин.

— Ну добро, Вова, то есть Володя. Ты мне покажешь, где наши люди расположились? А то я в темноте у вас тут еще не разберусь.

— Это я сейчас. Идемте за мной. Я уж тут все знаю. Мы с ребятами в темноте привыкли. А вас как звать, дядя?

— Корнилов Георгий Иванович. Можно еще: дядя Гора, а можно и просто: товарищ политрук. Ну, пошли...

По дороге, ведя за собой Корнилова, Володя то и дело останавливался и, приподнимая фонарь, просительно заглядывал в лицо политруку:

— Дядя... товарищ политрук, у вас вон сколько оружия! Подарите мне один пистолетик.

— Нет, это так не годится, Вова. Оружие в боевой обстановке не раздаривают.

— Ну, тогда дайте я хоть понесу вам, а то ведь вам тяжело, наверное...

— Ничего, справлюсь. Вот завтра мы зарегистрируем все оружие, тогда уж будем распределять, что кому...

— А нам, ребятам, достанется?

— Если будешь хвататься за оружие, так достанется по первое число. Убери руки и запомни: с оружием не балуются и зря его не трогают. Стрелять-то ты умеешь?

— Умею, дядя! Я в тире стрелял, у нас в Доме пионеров. Пойдемте, я стрельну, а вы поглядите.

Володя схватил политрука за руку и собрался потащить его куда-то в поперечную галерею.

— Что ты, дружок, куда ж тут стрелять-то — тьма-тьмущая кругом. Эдак мы с тобой людей напугаем да и подстрелим еще кого-нибудь ненароком.

— А я вас к выходу поведу, дядя, я тут все ходы знаю. Мы подползем... с вами-то меня караул пропустит!.. Подползем, и я в фашистов выстрелю. Ну хоть разок, ладно?

— Чересчур ты, видно, приткий. А ведь фашисты тоже стрелять умеют, — напомнил политрук. — А что, если промажешь?

— Раз промажу, другой раз попаду. Я поближе стрелять подлезу, и потом — раз, раз, раз, подряд! Уж один-то разок не промахнусь. А, товарищ политрук?

— Нет, брат, так стрельбе не обучаются. Вот погоди: если можно будет оборудовать здесь где-нибудь тир, сделаем мишени, тогда и под займемся с тобой. А до этого не советую тебе с оружием играть. Это плохая игрушка.

Враг, окруживший роту Петропавловского, загнав моряков в котлован, уверился в том, что деваться последним защитникам поселка уже некуда: западня прихлопнулась, из нее не вырваться. Оцепив ложбину, где попали в окружение советские моряки, гитлеровцы решили подождать до утра, чтобы с рассветом окончательно расправиться с остатками отряда. Они то и дело освещали ракетами котлован, прочесывали его очередями из автоматов и пулеметов. С вечера моряки перестали почему-то отвечать на огонь. Ночь прошла тихо, а утром обнаружилось, что отряд окруженных советских моряков исчез. Немцы были озадачены: куда мог деваться целый отряд, который они преследовали уже несколько дней? Как он мог пропасть вместе со своими ранеными, пулеметами? Не сквозь землю же провалился?

Но когда обследовали тщательно весь котлован, оказалось, что дело обстояло именно так: отряд ушел в землю.

Вскоре фашистам стало известно, что под их ногами, в каменоломнях, скрывается, по слухам, целая армия партизан. Говорили, что, выполняя приказ командования, часть советских войск, соединившись с партизанами, ушла под землю, чтобы оттуда наносить удары гитлеровской армии. Немцы попытались было войти в штольню, через которую ускользнул от них отряд морской пехоты. Однако едва они приблизились к стенке, сложенной из сероватых глыб известняка, чуть ли не из каждой дырки брызнуло огнем: застрочили пулеметы, ударили автоматы. Пришлось залечь, разрушить каменную баррикаду гранатами, затем подвести мины и взорвать стенку. Но метров через сто в глубине штольни путь преградила новая стена, из-за которой партизаны расстреливали каждого, кто приближался к ним в узком коридоре.

И немцы вскоре отказались от попыток проникнуть в глубь каменоломен через эту штольню, но поставили у входа часовых.

Весть о первой атаке, предпринятой немцами и отбитой партизанами, мгновенно распространилась среди обитателей подземной крепости. Люди в это утро давно уже настороженно прислушивались к далеким выстрелам, которые доносились со стороны «Киева», многократно повторяемые подземным эхом.

Недалеко от штаба на стене появился первый номер «Боевого листка». В нем коротко сообщалось, что попытка врага проникнуть в подземную крепость отбита, но всем следует быть начеку, так как противнику теперь известно, что под землей скрываются партизаны, и он постарается проникнуть в каменоломни. Под этим сообщением был помещен приказ командира о зачислении в отряд сорока двух человек из роты Петропавловского и об объявлении благодарности за образцовое проведение ряда хозяйственных работ Наде Шульгиной, Нине Ковалевой, Володе Дубинину, Толе Ковалеву и Ване Гриценко.

Мальчики ходили гордые и издали следили, какое впечатление производит приказ на партизан, читающих его.

К вечеру (время дня здесь, под землей, узнавали лишь по часам) часовые на верхнем горизонте позвонили в штаб и сообщили, что в одной из галерей, недалеко от выхода на поверхность, появился человек, который на чисто русском языке вызывает жителей подземелья наверх. Это было у входа широкой пологой штольни, которую шахтеры

называли «уклонкой». Командир отряда Зябрев, комиссар Котло, Лазарев и Корнилов немедленно отправились туда. Они поднялись в полной тишине к «уклонке» и остановились внизу, прислушиваясь.

— Эй, граждане, — кричал кто-то сверху, — выходите сюда, наверх, ничего вам не будет! Ну что вы там хоронитесь? Господин комендант приказали всем из каменоломен наверх выходить! Им известно, кто вниз ушел. Господин комендант приказали выходить вам. От них ничего вам плохого не будет. Господин комендант вас и так всех наперечет знают. Можем, если желаете, по списочку... Гражданин Лазарев!.. Жученков!.. Зябрев!..

— Вот гадина, паразит!.. — прошептал Лазарев. — И голос какой-то знакомый... Слышал я его не раз... Кто же это нас продает?..

— Александр Федорович! — продолжал кричать неизвестный у входа в «уклонку». — Василий Андреевич! Семен Михайлович!..

Зябрев в полной темноте, спрятав фонарь за камни, повел Котло и Лазарева вверх по «уклонке». Все шли, стараясь двигаться совершенно бесшумно, прижимаясь к стенкам. Впереди сперва слабо, а потом все ярче забрезжил свет, и вскоре стало видно полукруглое отверстие выхода.

На фоне неба был резко обозначен силуэт человека, который, не унимаясь, продолжал выкрикивать имена партизан. За ним можно было рассмотреть несколько фигур с автоматами.

— Эх, удобно их всех на прицел взять! Одной очередью снять всех можно, — сказал на ухо Зябреву Корнилов.

Но командир, быстро вскинув руку, резко тряхнул его за плечо.

— Нельзя, никак нельзя! Там, в других ходах да в выемках, много жителей еще прячется. Они во время бомбежек и боев убежища там себе присмотрели. Если сейчас этих прохвостов прикончить, так столько бед мирному народу можно наделать... А так пускай себе выходят. Как ты считаешь, комиссар?

Котло утвердительно положил свою тяжелую ладонь на спину Зябреву.

— Но голосок этот мы запомним, — еле слышно пробормотал он.

— А вниз идти не решаются, — усмехнулся Зябрев. — Побаиваются все-таки. Это хорошо... Часовые пусть тут начеку будут. И караулы надо усилить. Слышишь, Семен Михайлович?

Они спустились в нижние галереи, но долго еще до них доносился надсадный, охрипший голос в «уклонке»:

— Эй, люди, граждане! Зря таитесь... Выходите, никто вас не тронет...

Поздно вечером в каменоломни вернулись разведчики Важенин и Шустов, вышедшие на поверхность через одну из дальних штолен. Они прошли в штаб. Вскоре Зябрев вызвал туда всех командиров; когда все собрались, он сообщил:

— Положение на сегодня таково: гитлерье, видно, уже хорошо знает о нашем отряде. Вот разведчики наши сообщают, что всех, кто жил рядом с каменоломнями, выселяют. Район под наблюдением. Мужчин арестовывают всех без разбору.

— Да, еле выбрались, — подтвердил Важенин.

— А женщин немцы не арестовывают в этой местности? — спросил Зябрев.

— Нет, пока что ходят, — отвечал Важенин.

— Придется подумать, кого из наших женщин можно отрядить в разведку.

Через полчаса Надя Шульгина уже ходила по столовой и дразнила Важенина:

— Что, дядя Влас, кончилась твоя разведка? Полезай в нору, давай мне дорогу. Думаешь, только вы, мужчины, одни храбрые? А выходит, уже не годишься. Мой черед настал.

— Ладно ты! — отшучивался Важенин. — Язычок у тебя что твоя касса в магазине: тебе одно слово серебром, а ты сдачи десяток медью.

— Верно, дочка, — посоветовал Шульгин, — ты б свой язычок-то тут оставила, а то как бы его наверху прикусить не пришлось.

— А я наверху притворюсь, вроде будто глухонемая, — смеялась Надя.

Володя весь вечер ходил вокруг Нади Шульгиной, с завистью поглядывая на нее: вот повезло девушке — в разведку отправляется! Это действительно настоящее боевое задание. Это не сухарики перебирать.

Но не удалось Наде Шульгиной пойти в разведку: едва вышла она наверх через одну из старых штолен, как сейчас же раздался грубый окрик на незнакомом языке. Девушка метнулась обратно в штольню. Затопали тяжелые ботинки по камням. Надя что было духу помчалась в глубь штольни, свернула в боковой коридор. Провожавшие разведчицу комиссар и Важенин увидели у входа фигуру немецкого солдата с автоматом. Важенин уже вскинул винтовку, но комиссар схватил его за руку: выстрел мог привлечь внимание врага. Ясно было, что вход этот уже и так контролируется, но не следовало убеждать немцев, что именно здесь скрываются партизаны. Пусть думают, что тут одно из бомбоубежищ, откуда еще не вышли на поверхность находившиеся там жители поселка...

Надо было попытаться выпустить разведчицу через другой, более отдаленный вход.

Отправились туда.

Здесь Важенин сказал:

— Погоди-ка, Надюша, выходить. Сперва лучше я сам погляжу, что у них там творится.

Он пополз к выходу, выглянул наружу и сейчас же увидел стоящих неподалеку гитлеровцев. Они копались в земле, зарывали что-то, Важенин бесшумно втянулся обратно в лаз.

— Не состоится дело, — доложил он комиссару, — с этого боку уже минировать начали. И часовые тут везде понаставлены. Нет хода.

— Так. Положение осложняется, — пробормотал комиссар. — Быстро они, однако, все дорожки нам перебежали. Кто-то нас наверху предает... Ну, Надя, ты не печалься, — попытался утешить он огорченную девушку. — Погоди, тут торопиться нельзя, сообразим что-нибудь.

Несмотря на то что каждый выход на поверхность грозил гибелью, партизаны продолжали предпринимать небольшие вылазки. Они выискивали далекие, незаметные с поверхности, полуобвалившиеся ходы и выползали через них наверх. Ходили в разведку переодетые в гражданское платье Дерунов и Рофейчик. Проникали на поверхность опытные разведчики Макаров и Важенин. Им приходилось несколько раз сталкиваться в отдаленных верхних галереях с гитлеровцами, которые рыскали там в поисках незащищенных ходов в партизанское подземелье. Иногда у разведчиков возникала перестрелка с фашистами. Обычно в таких случаях гитлеровцы отступали, спеша унести ноги из пугавшей их тьмы, населенной невидимыми и бесстрашными противниками.

Неожиданно отличным разведчиком оказался интендант Бондаренко. Вместе с Рофейчиком и Деруновым он хаживал в самые отдаленные уголки каменоломен, куда уже много лет ни одна живая душа не заглядывала. Бондаренко рассчитывал найти там какой-нибудь не замеченный неприятелем выход на поверхность либо встретить кого-нибудь из жителей, еще не выбравшихся из убежищ, где люди прятались от бомбежек и артиллерийского обстрела.

Однажды Бондаренко действительно удалось найти один лаз в старой, заброшенной шахте. Он был таким узким и тесным, что плечистому Бондаренко с великим трудом удалось протиснуться через него. Как раз в этот момент над отверстием лаза проходила одна из жительниц поселка. Увидев неожиданно голову Бондаренко, появившуюся из-под земли возле самых ее ног, женщина обмерла от страха, но Бондаренко сумел быстро успокоить ее, и она, наклонившись будто затем, чтобы рвать траву для козы, которая паслась неподалеку, и глядя в сторону, завела разговор с партизаном. От этой женщины Бондаренко узнал о положении в поселке, о прибытии новых гитлеровских частей и о том, что фашисты выпытывают у жителей, не знают ли они точно, где скрываются партизаны.

Пока комиссар и Важенин пытались — и все неудачно — вывести Надю Шульгину на

поверхность, Володя со своими приятелями не терял времени даром. На самом нижнем горизонте шахт, на глубине шестидесяти метров, политрук Корнилов устроил нечто вроде тира. Здесь собрались молодые партизаны и несколько моряков из роты Петропавловского. В длинной тупиковой галерее два фонаря, поставленных на пол возле стен, освещали деревянные щиты с наклеенными на них мишенями из газетной бумаги. И тут оказалось, что Корнилов — настоящий снайпер. Пулю за пулей всаживал он из винтовки в самое черное «яблочко» мишени, наведенное чернилами, но этого было мало...

— Володя, будь другом, собери-ка пустые гильзы да поставь их вон там на камешек, сбоку от мишени.

Володя кинулся исполнять просьбу политрука. Затем вернулся на линию огня. Отсюда с трудом можно было разглядеть едва мерцавшие в слабом свете фонаря медные гильзы, поставленные, как кегли, на камень возле мишени.

— Ну вот, теперь гляди, — сказал Корнилов, отстегнул клапан кобуры, вытащил пистолет с длинным дулом и высокой мушкой, поднял его к плечу и округлым движением сверху навел оружие на цель.

Бац! — одна гильза исчезла. Корнилов повторил движение. Бац! — погас блеск второй гильзы. И дальше, уже не взмахивая пистолетом, держа его на вытянутой руке, политрук несколько раз нажал собачку. Громко хлопал выстрел, пистолет словно откидывал черный затылок и в сторону, как семечко, сплевывал гильзу. Рука Корнилова оставалась неподвижной, а гильзы возле мишени пропадали одна за другой.

— Ой, вот это так здорово! Уж это правда, что здорово! — закричали мальчики.

Политрук, играя грозным своим искусством и воинской сноровкой, подал Володе коробок спичек и крикнул:

— А ну-ка, пусти его вдоль потолка!

Володя подбросил коробок спичек так, как просил Корнилов. Тотчас же раздался выстрел, мальчики кинулись поднимать и, вырывая друг у друга простреленный коробок, вручили его политруку.

— Да, — сказал Володя, — вот если бы я так стрелял...

— Ну что ж, — сказал Корнилов, — раз ты мечтаешь об оружии, надо сперва изучить его, потом овладеть делом, техникой, как говорится, а затем уж можешь получить оружие в свои руки... Ну, давайте сюда, ребята. Вот это, видите, обыкновенная боевая винтовка, образца 1891 года. Винтовочка русская, самая надежная. Теперь давай разберемся в ней. Это вот затвор...

И трое мальчишек низко склонились над щелкнувшим затвором винтовки, которую держали крепкие и точные руки Корнилова. Урок был прерван появлением Колышкина. Он спустился в галерею, еще издали крича:

— Дубинина Володю, Толю Ковалева и Гриценко Ваню — в штаб! Живо!..

Когда мальчики вошли в штаб, командир сидел на своем месте за столом, но комиссар, обычно малоподвижный, быстро ходил из угла в угол своей тяжелой, немножко валкой и грузной походкой. Взглянув искоса на ребят, он отвернулся, покусывая губу, на мгновение остановился, а потом опять стал расхаживать взад-вперед.

— Ну, Иван, Анатолий да Владимир, — сказал командир, и черные глаза его быстро оглядели мальчиков, — как жизнь подземная идет?... Ничего? Хорошо. А у меня к вам дело, ребята. Садитесь! Вы мне скажите такую штуку. Недавно вы хвастались, что все ходы и выходы знаете. Верно это?

— Кой-какие знаем, — скромно признался Володя.

А Ваня добавил:

— Мы только главный ход не знали, потому что нас туда не пускали, а которые сбоку — там везде лазили.

— А сейчас найдете эти ходы?

— Почему же не найти...

— Ну, так я вам сейчас скажу, в чем дело, — продолжал командир. — Пытались мы

сегодня разведку выслать — не вышло. Все большие ходы под наблюдением у немцев. Мы уж везде пробовали. Вон комиссар Иван Захарович сам ходил. Я вот и подумал: может быть, вы, ребята, знаете какой-нибудь такой ход, что его с земли и не видать совсем. Есть ведь, верно, такие?

Володя привскочил:

— Стойте, дядя Саша... то есть Александр Федорович... стойте! — Он повернулся к Ване: — Ваня, помнишь, где я провалился, когда мы надпись нашли? (Ваня закивал головой.) Есть, дядя Саша, есть! Мы одно место знаем. Там сверху хода вовсе не видно. Мы сколько раз с Ваней туда лазили.

Комиссар перестал ходить и подошел к столу.

— Это провал такой есть недалеко от главного хода, — продолжал Володя, — там еще когда-то корова дяди Василия споткнулась, хлопнулась туда и ногу поломала.

Зябрев рассмеялся:

— Ну, если корова ногу повредила, так, верно, там и сам черт ногу сломит... Только вот не гуляют ли и там немцы? А? Как по-твоему?

Тут заговорил Шустов:

— Эге, постойте-ка... Я то место чуток знаю. Та дырка на подъеме горы выходит. Оттуда, если и выйти наружу будет нельзя, зато далеко всю местность просмотреть можно. С того места весь наш Старый Карантин как на ладошке. Вот только не знал я, что в ту дырку отсюда попасть можно. Я так считал, что провал такой, и все. А они вон что вызнали... Вы только, часом, не брешете, хлопцы? Что-то дырка больно узка. Там ведь все обвалилось давно. Кошка не пролезет.

— А мы пролезем, — упрямо сказал Володя. — Товарищ командир, дядя Саша, вы нам позвольте... Вы, конечно, сами решайте, мы только просимся, — торопливо прибавил он, вспомнив урок, полученный здесь в прошлый раз.

— Ну как, Иван Захарович, ты считаешь? — спросил Зябрев у комиссара. — Придется, пожалуй, согласиться, а?

Комиссар нахмурился, грузно прошагал еще раз из угла в угол. Потом подошел к ребятам и скрестил руки на груди:

— Вот, ребятки, и пришла нужда... Сами понимаете, неохота вас выпускать. Но нам воевать надо, а для этого нужно иметь точные сведения. Все нам надо вызнать: как у них там наверху, у немцев, положение, где войска расквартированы, где штаб, куда движение наблюдается — в какую сторону... Словом, задание вам потом все в точности разъяснят. А нам все это знать вот как нужно! — Комиссар провел ребром ладони по горлу. — Партизан наших сейчас наверх снаряжать нельзя; немцы всех мужчин в этой местности немедля хватают, потому что пронюхали уже про нас и кто-то им про нас наболтал... Из всех заброшенных штолен, где убежища были, людей тоже повыгоняли. Значит, взрослым тут никак нельзя появляться. Понятная картина? А у других известных нам выходов везде часовые стоят. К тому же минируют немцы эти выходы. А вас могут не заметить, да если и увидят, подумают: ну, бегают себе мальчишки... Только вы, конечно, особенно на глаза не лезьте. Берегите себя, ребята! Зря не рискуйте. Это я вас просто лично прошу.

Комиссар посмотрел на мальчиков, махнул рукой и сел на табурет, заскрипевший под его тяжелым телом.

Зябрев поглядел на него, заметно подмигнув ребятам:

— Вон, тревожится за вас комиссар. Да и у меня душа, признаться, не на месте. Так что вы, орлы, поосторожнее там. Вам Иван Гаврилович Шустов даст все указания. Он человек опытный. Вы все его советы запомните. И, пожалуйста, не своевольничать. Ясно? Сейчас девять часов утра, — командир посмотрел на часы, — через полчаса пойдете... Ты, Иван Гаврилович, доведешь их до выхода; сам сперва поглядишь, как там все. Если заметишь, что поблизости скопление какое-нибудь, ребят не выпускать. Подождем более удобного момента... А вам, ребята, если удастся благополучно выйти наверх, наказываю вернуться обратно с донесением в семнадцать ноль-ноль. Шустов вас будет ждать у входа. Смотрите не

заблудитесь, когда обратно пойдете, лаза своего не потеряйте, а главное, Ивана Гавриловича слушайте, как родного папу и как родную маму вместе. Смотри, Вова: полагаюсь на тебя. Парень ты, видно, сообразительный. Назначаю тебя командиром группы. Пойдет с тобой сегодня Толя Ковалев, Он место знает.

Ваня Гриценко с надеждой поглядел на командира, поймав его взгляд.

Но тот продолжал:

— Ты, Толик, слушай Вову: у него догадки много, глаз быстрый. Это я уж заметил... А ты, Ваня, парень солидный, человек понимающий. Тебе пока рано наверх показываться. Тебя многие знают... Ну, валяйте, орлы! Желаю вам хорошего дела, успехов, удачи — словом, всего наилучшего.

— И в поселок сегодня не соваться, — проговорил комиссар, подходя к ребятам. — Нам сегодня важно на первый раз выяснить обстановку тут, прямо над нами, и возле каменоломен. Слышите, ребята? Мы на вас надеемся с командиром.

— Сделаем как надо, вы не беспокойтесь, — сказал Володя, у которого все внутри прыгало и пело от возбуждения. — Сделаем, будьте уверены!

— Если б мы не были уверены, так и не посылали бы вас...

— А сейчас, Иван Гаврилович, — сказал Зябрев, — своди-ка их живо к Манто на камбуз, да пусть им там выдадут всего, сколько в них влезет, чтобы у них в животах не крутило и не бурчало, когда они наверх вылезут... Вообще давайте, ребята, условимся: без шума собирайтесь и тихонько — наверх! И пока об этом никому ни слова.

Нелегко было обоим разведчикам промолчать, когда Акилина Яковлевна, неторопливо угощая их, поинтересовалась, куда это они так спешат.

— На особое задание, тетя Киля, — сказал Володя и добавил: — Секретное.

— У всех секреты завелись — не дай тебе боже, — заворчала Акилина Яковлевна. — Девчат звала — у тех тоже секреты какие-то. Знаю я ихние секреты... С этими докторицами красоту у себя в «девичке» наводят, фестончики да фасончики из газеты, да ковры на стеночку... До того все у нас загруженные стали, что и покушать некогда. Десятый час, а никто еще завтракать не пришел. И Манто сам куда-то задевался.

— Война, дорогая, с аппетиту сбивает, — усмехнулся Шустов. — По мирному расписанию кушать никак не приходится... А вы, хлопцы, чего горячку порете? Жуйте как следует, чтобы больше уместилось. Даром, что ли, для вас тетя Киля свой ресторан открыла? Садитесь чин чинком к столу — что вы стоя-то?

— Стоя больше влезет, — сказал Володя, торопливо жуя и давясь пирогом, который нарезала мальчикам тетя Киля.

Позавтракав, поблагодарив тетю Килю, маленькие разведчики и их наставник пошли в штрек, где обитал Шустов. Там Иван Гаврилович не спеша проверил свою винтовку, вддел в ее ремень плечо, взял гранату, сунул за голенище матросский нож — самое верное оружие в подземной тесноте. Потом Шустов взял в руки лампочку-шахтерку. Со стороны показалось бы: собрался мирный горняк выйти на работу, осталось лишь прихватить ему с собой обушок.

Володя и Толя уважительно разглядывали вооружение старого разведчика.

— Эх, — не выдержал Володя, — а нам бы хоть ножик перочинный дали, а то идем с голыми руками!

— Я думал, ты малый сообразительный, а в тебе еще, оказывается, глупости хватает! — рассердился Шустов. — Ты вот прикинь: хорошее будет дело, если тебя немцы зацапают, а при тебе оружие будет? И тебе крышка тогда, и нас накроют с тобой. Думать надо, дорогой! Я, когда наверх хожу, тоже все это добро дома оставляю. Мирный гражданин, и все тут. Это я сегодня кое-что из хозяйства прихватил, чтобы было чем угостить, если в штольне с непрошеными гостями встретимся.

С завистью смотрел на своих товарищей Ваня Гриценко. На первый раз он должен был лишь проводить Володю и Толю к знакомому лазу. Вылезать на поверхность сегодня было для него опасно: Ваню слишком хорошо знали в Старом Карантине. Всех бы удивило его

быстрое возвращение. Ведь считалось, что Гриценко с сыном эвакуировались из поселка.

Глава VIII Первая вылазка

Шустов еще раз внимательно оглядел разведчиков, проверил все их карманы — не осталось ли там чего-нибудь такого, что может в случае неудачи выдать врагу связь ребят с партизанами. Но в карманах у мальчиков были только сухари, переложенные ломтиками сала. У Володи, правда, нашелся карандаш и лоскуток бумаги. Шустов и это отобрал. Потом он поднял с пола зажженную шахтерку, мотнул головой, приглашая следовать за ним, и двинулся в темноту, которая расступалась перед ним, как бы пропуская разведчиков, и тотчас же смыкалась позади них.

По наклонной пологой штольне разведчики поднялись в верхний ярус каменоломен. Путь под землей был извилистым и путаным. Слева и справа к узкому тоннелю, по которому двигались разведчики, примыкали коридоры, похожие один на другой. Они уходили в черную бесконечность. Иные были загромаждены плитами нарезанного ракушечника, который не успели поднять на-гора. Во многих местах партизаны уже успели возвести искусственные стены, проделали обходные пути, вырубили тупики-ловушки, чтобы затруднить врагу проникновение в глубь подземной крепости. На десятки километров протянулась под землей сеть узких галерей, тоннелей, штреков — горизонтальных и наклонных, крутых и пологих, пересекающихся друг с другом и готовых сбить с толку всякого неопытного человека. Однако Шустов и его юные разведчики уверенно шагали в безмолвии каменных ходов. Только иногда старый разведчик говорил:

— Здесь, примечай, хлопцы, — поворот. Вот этот знак из трех камней в память возьми. Отсюда в обход...

И он освещая лампочкой условные знаки, выложенные из камней. Тот, кто не был посвящен в тайну этих знаков, даже внимания не обратил бы на них, но партизаны уже выучили свою каменную азбуку и сразу разбирались, в какую сторону надо идти, где свернуть, чтобы обойти стенку, перегораживающую тоннель. В некоторых местах приходилось отклоняться в сторону на добрую сотню метров, чтобы потом снова вернуться к галерее, ведущей к лазу.

Наконец впереди забрезжил желтоватый свет. Послышался голос караульного:

— Стой! Кто идет?

— «Винтовка». Что отзыв?

— «Воронеж», — донеслось из тоннеля.

За караулом был еще один пост охранения, где снова Шустов уже совсем тихо сказал: «Винтовка», — а ему почти на ухо прошептали в темноте: «Воронеж». Тут уж начинались широкие галереи верхнего горизонта, близкие к земле. Откуда-то сочился слабенький сизый свет. Шустов стал говорить шепотом. И от того, что говорил он теперь еле слышно, а держался очень сторожко, и от неверного света, слегка размывавшего темноту, и от сознания того, что уже совсем близко земля, по которой ходят фашисты, у Володи стало как-то очень зябко на душе. Он впервые почувствовал, что дело предстоит опасное и неизвестно еще, чем оно кончится.

— Ну, где тут ваш лаз? В какую сторону подаваться? — шепотом спросил Шустов.

Ваня Гриценко взял его руку с лампочкой, приподнял ее над своей головой, отведя чуточку в сторону, взгляделся и шепнул:

— Вовка, узнаешь место? По-моему, нам вон туда теперь надо. Помнишь, тут как раз будет тот шурф, где наши папани расписку оставили, он только весь завалился...

Теперь впереди пошли Ваня и Володя. Шустов велел надеть на лампочку кожаный чехол, чтобы прикрыть ее свет. Шли гуськом, держась за плечи того, кто был впереди. Мягкий ракушечник скрадывал звук шагов. Двигались почти бесшумно. Но вот Ваня остановился и попросил у Шустова разрешения на миг приподнять «затемнение» на лампочке. Шустов разрешил, и на секунду перед глазами разведчиков предстало

нагромождение огромных глыб камня. Здесь, должно быть, недавно произошел обвал. Дальше можно было пробираться лишь ползком. Володя и Ваня, заметив лазейку между камнями, как ящерицы, юркнули туда один за другим.

Страшно было карабкаться в узком пространстве, распластавшись в тесных расщелинах камня, готового, казалось, вот-вот расплющить разведчиков. Еще хуже пришлось Шустову. Он, кряхтя, пробивался за ребятами, стараясь не упустить при этом из левой руки Володину ногу и чувствуя, что за правую его ногу цепляется Толя Ковалев, замыкавший эту ползучую колонну. Впереди, сверху, теперь уже яснее пробивался свет; стали слышны отдаленные раскаты пушечного грома. Проползли еще минут пять, и вот над головой засквозила небольшая щель, полуприкрытая обвалившимся камнем. Потянуло свежим воздухом. Ветер с поверхности дул через щель, как бы разгоняя темноту подземелья. Шустов потянул Володю за ногу, и тот, поняв сигнал, остановился.

— Теперь давайте-ка, хлопцы, я сам погляжу, что там и к чему, — тихонько объявил Шустов и, наказав мальчикам никуда пока не уходить, оставаться на месте, бесшумно подполз к заложённому камнем отверстию.

— Дядя Шустов, — шепнул ему вдогонку Володя, — так то же и есть этот самый наш лаз... Верно, Ваня, узнаешь?

— Ясно, он, — тихо отозвался Ваня Гриценко. — Дайте хоть глянуть через него, раз уж наверх не берете.

— Тихо ты там! — прошипел Шустов и осторожно выглянул в отверстие входа.

Перед ним в сером тумане осеннего дня расстилалась невзрачная панорама Старого Карантина. Шустов сейчас же определил, откуда открывается такой вид, и сообразил, что щель, к которой они подползли, находится на крутом скате горы. Осторожно отвалив камень, прикрывавший отверстие, Шустов выглянул наружу. Ему хотелось узнать, заметят ли его немцы. Если откуда-нибудь сбоку или с вершины горы начнут по нему стрелять, значит, ребят отсюда выпускать нельзя.

Где-то совсем поблизости били орудия. Земля гудела, тревожно отзываясь на тяжелые залпы.

Володя не мог больше вытерпеть ожидания. Он бесшумно подполз к знакомому отверстию лаза и разглядел за плечом Шустова сперва склон горы, а потом, дальше, — главный вход в каменоломни. Там маячили фигуры людей в темно-зеленых шинелях. «Неужели фашисты?» — подумал Володя, жадно высматривая все, что можно было разглядеть через небольшое жерло каменной лазейки. У него сразу пересохло во рту. Володе еще не верилось, что он своими глазами и так недалеко от себя видит врага. Он хотел что-то сказать Шустову, но заметил, что старый разведчик, сощурившись от напряжения, вглядывается в другую сторону. Володя тоже стал смотреть в этом направлении.

Он увидел, что возле одинокого домика, стоявшего немного поодаль от поселка, движутся фигуры в таких же зеленых шинелях. Сворачивая с шоссе, к домику то и дело подъезжали пятнистые неуклюжие автомашины с брезентовыми горбами над кузовом. От дома к новому столбу, которого здесь раньше не было, тянулись провода. По мокрому, отсвечивающему холодным серым блеском шоссе в сторону Керчи мчались грузовики, на которых сидели солдаты в зеленых шинелях.

— Примечаешь? — шепнул Шустов. — Только носа наверх не кажи — лежи тут, не высовывайся. Ну, доложи, что ты приметил?

— Вон к тому домику все машины подъезжают, и народ там толчется.

— То не народ, а фашисты, — строго поправил Шустов. — Ты слова подбирай аккуратнее. Ну, докладывай еще.

— И провода там протянуты, а их раньше не было.

— За это молодец! Глаз у тебя хваткий. Ну, и что с того, раз ты это заметил?

— Ну, значит, верно, у них там контора, что ли, учреждение какое-нибудь...

— Вот то-то... Штаб у них там, возможное дело. Вот это и возьмем на заметку. А внизу-то, гляди, дела какие...

Внизу, под холмом, на околицу поселка выходили с узелками люди, выгнанные врагами с насиженных мест. Солдаты в зеленых шинелях подгоняли их, что-то крича. Видно было, как они тыкали прикладами в спины людей, везших тележки со скарбом, ворошили штыками узлы, что-то вышвыривали из них на землю.

Со стороны Камыш-Буруна к небу поднимались клубы багрово-черного дыма. Длинные языки пламени вились над тем местом, где был Камыш-Бурунский завод, которым так гордились все в округе. А по шоссе все катили по направлению к Керчи грузовики и шли, отражаясь в лужах, грязно-зеленые солдаты. Со стороны Керчи доносилась непрерывная стрельба. В небе набухали облака разрывов. Где-то близко, совсем над головой, сотрясая землю, била артиллерия. При каждом залпе в подземный ход осыпались мелкие камешки. И страшно было из-под земли, через узкую скважину меж камней, наблюдать за этим оглушенным и как бы насильно отчужденным миром, который вчера еще был местительством такой понятной, знакомой и, казалось, единственно возможной жизни.

Вдруг Шустов толкнул Володю локтем.

Володя увидел, как из домика с проводами вышел немец в высокой фуражке — должно быть, офицер. Он подошел к стоявшим возле домика солдатам, сказал им что-то и зашагал по направлению к взорванному главному входу каменоломен.

Из домика вытащили два пулемета и поставили их так, чтоб дула были направлены к бывшему шахтному двору, теперь уже разрушенному.

Вдруг что-то шумно и быстро пронеслось, как сперва показалось разведчикам, у них над самой головой. Шустов и Володя разом отпрянули от лазейки, а потом осторожно припали к ней снова.

Они увидели поспешно спускавшегося с горы немецкого солдата. Прыгая с камня на камень, он подскочил к офицеру, откозырял, доложил, должно быть, о чем-то, указывая пальцем в сторону главного входа каменоломен, и потом пошел вслед за офицером к домику.

— Да, у них, видать, тут штаб какой-нибудь либо командный пункт, — решил Шустов.

Опять послышался совсем рядом какой-то странный, срывающийся шорох. Казалось, будто кто-то неверными и медленными шагами ступает немного ниже и левее отверстия лаза.

— Гляди-ка — Лыска! — зашептал подлезший к лазу Толя Ковалев. — Ей-богу же, Лыска.

Три головы, стучаясь одна о другую, втиснулись в отверстие лаза. Действительно, по склону холма, недалеко от разведчиков, ковыляла тощая гнедая лошадь.

Едва глянув на нее, Володя узнал:

— Это Орлик наш!

— Какой еще Орлик... Лыска это, — упорствовал Толя.

— Для тебя, возможно, и Лыска, а нам с Ваней... — начал было Володя, но смолк: не рассказывать же, в самом деле, сейчас историю с конями!

Между тем Лыска-Орлик, припадая на переднюю ногу, конвульсивно подкидывая худой круп, брел вниз, вздрагивая при каждом близком залпе артиллерии, спотыкаясь в понуро оглядываясь по сторонам. Худоребрый, покалеченный, с соломой и сучьями в свалывшемся хвосте, ковылял по холму мирный шахтерский конь, непонятно как попавший в это пространство, полное грома и суровой нелепицы войны.

— Дядя Шустов, честное слово же, нам сейчас лучше всего выйти, — решительно предложил Володя. — Как только тот немец — вон там, что у входа главного, — повернется и пойдет в ту сторону, мы сейчас с Толей вывалимся отсюда и пойдем прямо к Лыске, будто хотим его домой отвести. Он меня узнает, пойдет... А пока будем его вести, так по дороге все разглядим и визнаем, что вы нам наказывали. Идет?

Шустов молчал. Ему было известно, что немцы хватают каждого, кто появится в районе каменоломен. Правда, до сих пор арестовывали только мужчин. Но кто знает — может быть, и ребята покажутся им подозрительными.

Немецкий солдат, ходивший близ главного входа в каменоломни с ружьем, вскинутым

на руку, в эту минуту повернулся спиной к лазу и зашагал в обратную сторону. Шустов покусал ус и, с тяжелым сердцем взглянув еще раз на ребят, сделал им знак рукой.

— Пошли, Толя! — бросил Володя и легко выкатился наружу.

Толя не отставал от него. Оба мальчика исчезли за краем отверстия. Шустов осторожно выглянул — разведчиков уже не было видно: они, должно быть, притаились в выемке, которая темнела пониже лаза. Через минуту оба мальчика, ползком подобравшись к Лыске, присели на корточки возле него. Шустов видел, как они озабоченно разглядывают покалеченную ногу лошади. Издали казалось, что только раненая лошадь интересует этих двух мальчуганов. Если бы Шустов мог подползти к ним ближе, он бы услышал такой разговор:

— Знаешь, Толик, что я тебе сейчас скажу?

— Что, Володя?

— Ты посиди тут возле Орлика, будто ногу его разглядываешь, а я тем временем живенько туда сбегаяю, к домику. Ближе-то я лучше разгляжу, что у них там такое.

— Тебя ж погонят.

— Я с подходом. Будто помочь прошу. Скажу: лошадь мучается... А сам все высмотрю пока что... А ты тем часом попробуй-ка Орлика наверх погнать. Надо вызнать, что у них там, наверху...

— А ты скоро обернешься?

— Я вмиг... Ну, что глядишь? Сказано раз — исполняй! Слышал, кажется, что меня командиром группы назначили, значит, делай, что тебе говорят! — сердито добавил Володя и решительно зашагал в сторону домика.

Он шел и нещадно тер глаза рукавами пальтишка, но глаза, как на грех, уже привыкли к свету и сейчас ни за что не слезились. Тогда, громко хныча и продолжая кулаками и рукавом водить по глазам, Володя приблизился к солдату, стоявшему на карауле возле домика. Тот насторожился, взял наизготовку свой автомат, крикнул:

— Эй-эй! Цурюк! — и помахал рукой, как бы сгоняя Володю прочь с тропинки, по которой он спускался.

Но Володя очень естественно хныкал, тем более что ему в эти минуты действительно было очень страшно. Он чувствовал себя без заботливого дядьки Шустова и товарищей ужасно беспомощным и одиноким. И в конце концов немец заинтересовался. Он крикнул что-то непонятное. Володя, не зная, с чего начать, чуть не сказал: «Дядя»... Но тут же решил, что уж больно противно даже ради дела назвать фашиста таким хорошим словом. И он заканючил:

— Жалко Лыску... Ой, как жалко! Наш! Мой! Мейн пферд.

Солдат, конечно, ничего не понял. Он с брезгливым недоумением смотрел на плакавшего русского мальчика. Володя показал сперва на автомат, потом на свою ногу и опять заговорил что-то, показывая теперь уже в сторону Орлика. Солдат посмотрел вдаль, на лошадь, потом уставился на Володю, усмехнулся большим, губастым ртом, в котором тускло блеснули два ряда стальных зубов, и вдруг, сняв с себя автомат, наставил его на Володину ногу. Володя неплохо разыграл испуг и снова сделал вид, будто горько плачет, бормоча: «Ой, жалко Лыску, мучается». И он опять ткнул пальцем в сторону Орлика, которого в это время Толя тянул за челку, стараясь заставить лошадь идти вверх.

Пока Володя объяснялся с караульным, из домика с проводами вышли унтер-офицер и солдат. Унтер тотчас же окликнул караульного, быстро подошел к Володе и, замахнувшись на него прикладом автомата, крикнул: «Вэг!» — и показал рукой, чтоб Володя убирался прочь. Мальчик медленно отошел и направился к Толе. Он уже успел высмотреть все, что ему было нужно. Пока он вертелся возле караульного, входная дверь дома несколько раз открывалась и снова захлопывалась. Цепкий взгляд маленького разведчика успел заметить находившихся внутри домика офицеров, солдат. Через окно можно было рассмотреть телефониста, склонившегося над полевым аппаратом. Кроме того, с места, где стоял караульный, Володя разглядел, где расположены пулеметы и охрана штаба.

Возвращаясь к Толе, который уже подтянул Лыску к вершине холма, Володя нарочно выбрал лощинку, в которой его не мог заметить автоматчик, ходивший у главного входа каменоломен. Отсюда хорошо были видны минометные гнезда немцев и батарея полевых орудий на дальнем холме. Из хоботов содрогавшихся пушек бесшумно выпыхивало пламя: сперва — из одного, спустя миг — из второго, потом — из следующего. И через секунду запоздалые тяжелые, глушащие удары, как кувалдой, били по ушам мальчиков. Тугой воздух отворачивал полы пальтишек, Фашисты вели огонь по Керчи.

— Запомнил, Толик? Гляди не спутай чего-нибудь. А я все, что в домике, разглядел. Определенно штаб. Можно нам теперь домой, а то Шустов там беспокоится. Ты тяни Орлика вниз. Если фашисты спросят, чего мы здесь болтаемся, будем валить на Лыску: скажем, что хотим спасти нашу лошадь.

Мальчики, не спуская глаз с немцев, копошившихся у главного входа, ласково поглаживали измученную лошадь. Она дрожала, шаталась, на перебитой ноге проступила опять и запеклась кровь. Ребята совали Лыске свои сухари, но бедный коняга оставался равнодушным и отворачивал длинную унылую голову с белой пролысиной. Из больших мутных глаз лошади медленно выползали тягучие слезы. У обоих разведчиков заныло сердце, когда Орлик, с трудом подняв голову, взглянул на них и легонько, ласково заржал, приподняв верхнюю шершавую губу. Володя и Толя были так растроганы, что забыли уже о всякой опасности. Они были охвачены теперь только одним желанием — увести лошадь куда-нибудь подальше от опасности.

Оба обмерли, когда услышали совсем рядом шаги и скрип гвоздей о камни. Над головами разведчиков, невольно вобравшимися в воротники пальтишек, раздался грубый окрик. К ним подошел солдат-артиллерист, заметивший ребят, возившихся около лошади. Толя, в первый раз увидевший так близко, вплотную перед собой, живого немца, совсем растерялся. Но Володя, чувствуя себя уже опытным по части необходимых сношений с неприятелем, стал показывать на перебитую ногу Лыски и просить немца, чтобы тот как-нибудь помог бедному животному.

Солдат тупо слушал, очевидно ни слова не понимая, потом вдруг быстро нагнулся, схватил с земли увесистую каменюгу и с размаху, бросил в лошадь. Камень тяжело ударил Лыску по крупу. Лошадь тут же рухнула, перевалилась через голову и покатила вниз по крутому спуску холма. Володя, стоявший около лошади в тот момент, когда солдат запустил в нее камнем, отскочил в сторону, поскользнулся на осыпи и тоже съехал вниз, а Толик Ковалев, всегда тихий и невозмутимый, внезапно пришел в такую ярость, что сам уже не мог с ней справиться.

— Ты что, гад, коня мучаешь? — с тихим ожесточением глядя на гитлеровца, пробормотал он и, нагнувшись, стал шарить по земле в поисках камня.

Зверский удар тяжелого немецкого ботинка пришелся ему в бок. Толя не успел встать с корточек и кубарем покатился по склону горы, увлекая за собой мелкие камешки, скрипя зубами, плача от боли, обиды и бессилия. Немец, даже не взглянув на мальчика, стал спускаться по другому скату холма.

Володя подполз к товарищу:

— Эх, ты... Здорово он тебя, Толик? Вот собака!

Толя беззвучно плакал, глотая слезы и отворачиваясь. Он лежал ничком и обеими руками растирал ушибленный бок.

— Еще хорошо, скажи, что он сам невооруженный был. Верно, из оружейной прислуги... А то бы он тебя... — сказал Володя. — Не очень он тебя повредил? Дай-ка я пощупаю. Подними рубашку... Эх ты, синячище... У, гад! Пускай скажет спасибо, что нам еще оружия не дали. Ничего, Толик, я его запомню, я его рожу где хочешь, хоть впотьмах, узнаю!

В нескольких шагах от них бился со сломанным хребтом, затихая в предсмертной агонии, Лыска.

— Загубили коня! — сокрушался Володя. — Им дай волю — они все загубят. Только

воли-то им и не будет. Верно, Толик? Ну, пошли. Шустов ждет. Эх, прощай, Орлик.

Солдат, ударивший Толю, тем временем поднялся из котлована и, не оглядываясь на мальчиков, прошел к своей батарее.

— Иди можешь, Толик? Ну, пошли тогда.

Но, сказав «пошли», Володя не пошел, а упал на колючую и холодную траву и пополз. Толя последовал за ним. Предосторожность эта не была излишней: фашисты, находившиеся у батареи, и те, что возились у главного входа, не должны были видеть, куда скрылись только что бродившие на склоне холма мальчишки.

... А Шустову уже казалось, что с момента ухода мальчиков прошел не один час. Он места не находил себе от беспокойства. Оба они с Ваней Гриценко не отрывались от щели. Шустов нащупывал нож за голенищем, то и дело поглаживал гранату, припрятанную за пазухой. Он готов был в любую минуту выскочить из подземной норы и броситься на выручку ребятам. Сперва он видел Володю, когда тот приближался к домику с проводами. Его тревожила затея маленького разведчика. Он уже корил себя, что недостаточно толково объяснил мальчикам, как нужно держать себя в разведке.

Что делал Володя возле домика, Шустов разглядеть не мог. Мальчик пошел за угол дома, ко входу. Когда он исчез за поворотом, бедного Ивана Гавриловича начало трясти от волнения: «Ох, зацапают малого, пропал парень!» На миг Володя показался из-за скрывавшей его стены, и Шустову почудилось, что мальчик плачет, трет кулаками глаза.

Когда Володя вышел из-за угла домика и направился наверх, Иван Гаврилович немного успокоился. Но вот оба маленьких разведчика поднялись в гору, и он снова потерял их из виду. Эти сорок минут, проведенные мальчиками на поверхности каменоломен, показались Шустову бесконечными. Он с трудом сдерживал себя, чтобы не выскочить наружу, не броситься к мальчикам. Услыхав пониже входа в лаз тихий шорох, опытный разведчик насторожился и одним глазком выглянул из щели. Перед ним лежали в сухой холодной траве Володя Дубинин и Толя Ковалев.

— Уф... будьте вы неладны! — шумно, с облегчением вздохнул Шустов. — Погодите, сыночки, родные мои, постоит... Пока не скажу, не лезьте. — Он быстро осмотрелся, поглядел в сторону главного входа, выждал момент, когда немецкий часовой, повернувшись, начал вышагивать в противоположную сторону, и тихо дал команду: — Гуси-лебеди, домой! Ко мне!

Кажется, и секунды не потребовалось для того, чтобы оба разведчика нырнули в отверстие лаза и оказались в объятиях дядьки Шустова. А он прижимал их к себе, бормоча:

— Ух, спасибо, хлопчики, спасибо, что долго не мучили! Совсем мы с Ваней тут было извелись за вас... Ну, главное — все в порядке. Ну, спасибо, родные! Давайте закусите быстренько, да в обратный путь. По завалам пробираться — это вам не снаружи попрыгивать.

Мальчикам не терпелось поскорей рассказать Шустову и Ване обо всем, что они увидели, рассмотрели, вызнали и что у них вышло при встрече с фашистами. Однако Иван Гаврилович, продолжавший вести наблюдение из каменной щели, велел им тихонько сидеть у него за спиной и даже цыкнул на расшумевшихся ребят:

— А ну, тихо у меня! После обо всем доложите. Сказано было: отдыхать — значит, отдыхайте куда.

А какое тут — отдыхать! Мальчики не чувствовали уже никакой усталости. То состояние внимательной и тревожной настороженности, которое сковывало их движения на поверхности, теперь разом исчезло здесь, под землей. Ощущение опасности, от которой оба так ловко избавились, возбуждало и наполняло сердце веселой, жаркой гордостью. У Толи даже бок как будто перестал болеть. Они оба наперебой шепотом рассказывали Ване о своих приключениях, а тот слушал их с восторгом и завистью. Один только Шустов не отрывался от щели, которую он наполовину уже задвинул камнем, водворив его на прежнее место. Бывалый разведчик, он опасался, что исчезновение ребят с поверхности может быть замечено врагом, и тогда фашисты поднимут тревогу, начнут поиски.

Но наверху все было тихо, только били поблизости орудия немецкой батареи, славшие снаряды в Керчь.

Сменился часовой у главного входа шахты, уходили и возвращались солдаты пулеметных расчетов. К дому, где расположился, должно быть, штаб, два раза приезжал мотоциклист. По шоссе, ведущему в Керчь, продолжали двигаться автомашины с солдатами. Поднимался, розовея в ранних сгущавшихся сумерках, дым над горевшим Камыш-Буруном. На окраине Старого Карантина немцы продолжали выгонять жителей из домов, вышвыривали узлы, растаскивали пожитки шахтеров, живших в поселке. Оттуда слышались резкие голоса гитлеровцев, вскрики и плач женщин.

— Вот фашистские катюги! Сволота — одно слово! — в сердцах говорил Шустов.

Потом он взглянул на часы, вспомнив, что командир приказал разведчикам вернуться с донесением к семнадцати ноль-ноль, отполз от отверстия, еще раз всей грудью вдохнул свежий наземный воздух, подтащил камень, старательно заложил им отверстие в зажег лампочку, прикрыв ее чехлом.

— Ну, двинули, дорогие мои, до дому, — шепнул он мальчикам.

Они молча пустились в обратный путь: через завалы, через путаницу подземных ходов, по непроходимым, казалось бы, темным каменным галереям...

В штабе они застали дежурившего там Жученкова, начальника вооружения подземной крепости. Все другие командиры находились на передовых постах. Там, в галерее верхнего яруса, у всех входов и на пересечениях основных ходов, партизаны закладывали фугасы.

— Ну, посидим здесь, хлопчики, — сказал Шустов своим юным разведчикам. — Раз такое дело, что начальство сейчас занято, а вам, я гляжу, не терпится доложить, что видели, ваяйте, дорогие, давайте докладывайте мне.

Мальчики подробно рассказали Шустову обо всем, что им удалось приметить на поверхности. Но о чем бы они ни начинали докладывать, разговор обязательно переходил на Лыску-Орлика. Только и слышалось: «У них там шесть орудий на батарее... а в это время я стал тащить Лыску... а немец как взял камень да как пустит в Лыску, то есть в Орлика... а Орлик как упадет, так и покатился».

Шустов даже огорчился:

— Слушайте, гуси-лебеди мои, я вас про немцев спрашиваю, а не про ту коняку, царство ей небесное.

Все же Шустову удалось получить у ребят все нужные сведения. Старый разведчик похвалил мальчиков, сказал, что из них толк выйдет, что для первого раза с делом они справились. Он заметил, что время уже позднее и пора идти на камбуз, том более что аппетит от свежего воздуха определенно прибыл.

В столовой ребят встретили радостным шумом. Теперь все уже знали, что мальчики выходили наверх для разведки, со всех сторон посыпалось:

— Го! Герои наши прибыли... Ну как, благополучно?

— Ну, рассказывайте, что там, наверху? Как наш Старый Карантин, не пожгли его немцы?

— А Керчь наша еще держится?

— Погодка-то какая наверху? Солнце видели?

И так как Толя предпочитал набивать рот вкусными пончиками дяди Манто, вследствие чего ответы его были большей частью нечленораздельны, то за все отдувался Володя. Он отвечал, что наверху сыро и холодно, что море скрыто туманом, а солнце в дыму, который расплылся на полнеба, потому что горит Камыш-Бурун. Рассказывал он, как фашисты выгоняли жителей с окраин Старого Карантина. Что касается самих гитлеровцев, то так, по внешности, они мало чем отличаются от других людей, только смотрят на все со злостью, сами все дергаются, озираются, ко всему прислушиваются и голову в воротники прячут, будто так и ждут, что им сейчас по шее дадут.

Тетя Киля пыталась дать отпор партизанам, заседавшим на разведчиков:

— Да будет вам, в самом деле, дайте ребятам отдохнуть! Ну что вы к ним пристали?..

Садитесь, мальчики, сюда, кушайте себе спокойненько. Спешить вам теперь некуда. Отоспитесь — тогда и станете рассказывать... Шутка ли, ребята у фашистов в зубах побывали, а вы на них навалились... Ешь, Володя, кушай, дорогой...

Акилина Яковлевна принесла Шустову и мальчикам обед, всячески старалась угостить их получше и все спрашивала, чего бы еще им хотелось покушать. Она так рьяно оберегала покой разведчиков, что даже самые любопытные понемножку отстали от них. Только партизанские ребята Жора Емелин и Вова Лазарев, подобравшись к столу, за которым обедали разведчики, опершись на него локтями, завороченно смотрели на Володю и Толю и двигали ртами, словно помогали разведчикам жевать, а иногда, когда отходила в сторону тетя Киля, тихонько спрашивали:

— А вы того фашиста убили, который каменной лошадью зашиб?

— А чем его нам убивать было? — объяснял Володя. — Сухарями, что ли? Когда разведчики наверх выходят, им оружия не полагается. Ничего, пусть только тот фашист к нам сюда сунется — мы ему Орлика припомним!

После обеда разведчиков вызвали в штаб. Узнать о данных разведки пришли все командиры. Дело в том, что штаб еще вчера разработал план ночной операции. Решили устроить вылазку наверх, внезапно напасть на немецкий штаб, разгромить его и отвлечь тем самым на себя силы, которые фашисты собирались подбросить к Керчи. Но чтобы лучше узнать обстановку в Старом Карантине, надо было сперва выслушать донесение разведчиков.

Зябрев приветливо встретил Шустова и Володю, поздравил их с благополучным возвращением, а потом спросил:

— А где же еще один разведчик?

— Тетя Киля повела его в санчасть, — ответил Володя, вставая с табуретки.

— Что это, животик у разведчика заболел, что ли? Перекормила, верно, его тетя Киля.

— И совсем не так, — пустился торопливо объяснять Володя. — Толик от фашиста пострадал. Там гад один в Орлика... ну, то есть в лошадь, в Лыску шахтерского... камнем запустил, а Толик заступился и хотел того фашиста тоже камнем... А фашист как даст ему ногой с размаху...

— Эге, — сказал Зябрев, — это у вас, выходит, была разведка с боем! Здорово! Орлы!

Комиссар скрыл улыбку, появившуюся было у него на лице, и обратился к Володе:

— С камнем против Гитлера воевать глупо, ты бы это как командир группы объяснил своему Толе. Такой нелепой выходкой можно всю разведку провалить...

— Есть объяснить, что нелепо, товарищ комиссар! — отчеканил Володя. — Только мы первые того фашиста и не трогали, он сам... в коня...

— Александр Федорович, — вмешался Шустов, — вы лучше с ним не связывайтесь, а то он опять два часа про того мерина будет рассказывать. Я уж с ним тут бился, бился... Позвольте, я вам сам доложу.

— Правильно, товарищ Шустов, — сказал Зябрев. — Ты давай докладывай об итогах разведки... А ты, Володя, слушай и вникай. Учись, как о разведке надо докладывать. А потом, когда Иван Гаврилович доложит, может быть, и ты что-нибудь прибавишь.

И Шустов коротко, деловито доложил обо всем, что успели узнать он и мальчики во время разведки. Володя с удивлением слушал, как старый разведчик сообщал таг кие подробности, увиденные им, мимо которых, совершенно не замечая их, прошли ребята.

— В домике этом, несомненно, штаб, — говорил Шустов. — Всего вернее, надо думать, командный пункт батальона, усиленного артиллерией. Батарея расположена в четырехстах метрах от главного входа. Батальон — номер четвертый. Это я на номерных знаках мотоциклистов заметил. Телефонная связь идет через поселок. Оборвать будет легким делом...

Когда Шустов кончил докладывать о разведке, Зябрев и комиссар еще раз подробно расспросили Володю обо всем, что он успел рассмотреть в домике с проводами, велели нарисовать на бумажке расположение пулеметных гнезд и где стоит часовой.

После этого Володе заявили, что он свободен.

Когда он вышел из штаба, его нагнал Корнилов.

— Пойдем в санчасть, наведаемся, как твой спутник себя чувствует, — сказал политрук. — Молодцы вы, ребята, — задание выполнили. Ну, а завтра я примусь выполнять свое обещание: будем с вами заниматься в тире. Сделаю из вас снайперов на славу, если только у вас терпения хватит.

В санчасти слышались какие-то крики и возбужденные голоса. Оказалось, что две фельдшерицы и Нина Ковалева никак не могли удержать на койке пострадавшего во время разведки Толю Ковалева. Ему надо было положить свинцовую примочку на кровоподтек, а он молча отбивался, дрыгая ногами, и не давался. Увидев вошедшего политрука, он сел на койке и пробормотал жалобно:

— Товарищ политрук, скажите им, чтоб они меня не лечили. У меня уж прошло все... только с виду осталось. Им делать нечего, вот они на меня и навалились для упражнения.

Но Корнилов, взглянув на огромный фиолетовый, местами зеленый, словно растушеванный химическим карандашом, кровоподтек на боку у Толи Ковалева, строго приказал ему лежать смирно и подчиняться всем требованиям военной медицины. Услышав, что лечить его будут по правилам не простой, а военной медицины, Толя сдался.

— Ну, а мне надо в штаб обратно, — объявил Корнилов, — у нас совещание. Завтра... — Он на мгновение задумался и потом продолжал быстро: — Завтра, если, конечно, все будет благополучно, утром встретимся в тире. Отдыхайте нынче, ребята.

... День 12 ноября 1941 года подходил к концу.

Наверху, на поверхности земли, где сегодня впервые побывали юные разведчики-партизаны, было почти так же темно, как внизу, в глубине каменоломен. С моря дувал холодный нордовый ветер. Зябко ежились немецкие солдаты, поставленные в караул у входа в подземелье.

А глубоко внизу, в медицинском пункте подземной крепости, где все уже пропиталось аптечными и больничными запахами, а стены были завешаны белыми простынями, у койки, куда насильно уложили Толю Ковалева, дежурила сестра его, Нина Ковалева. Ей было очень скучно. Братишка уснул. Она вынула из-под подушки свой школьный дневник, куда недавно еще записывала задания на дом, а теперь заносила все события подземной жизни, под села поближе к фонарю, стоявшему на белой тумбочке, и стала писать химическим карандашом на разграфленных страницах, где было напечатано сверху: «Предметы», «Что задано», «Оценка (отметка) успеваемости», а внизу «Подпись учителя».

Она писала, старательно выводя буквы, прикусив кончик языка, порой сникала над тетрадкой пригорюнившись. Иногда тяжелая слеза вдруг падала на страницу. Тогда девушка, спохватившись, осторожно снимала ее промокашкой.

Потом она положила карандаш, задумалась надолго и, привалившись к холодной каменной стене, незаметно задремала.

Братишка ее проснулся вскоре и увидел возле своего изголовья на табурете дневник сестры. Мальчишкам уже давно хотелось вызнать, о чем пишет каждый вечер Нина Ковалева. Толик присел на койке и, заглянув через плечо сестры, прочел:

«Сегодня в Старый Карантин выходили наши разведчики: Володя Дубинин и Толик. От них узнала о том, что наш Камыш-Бурун горит. Как обидно! Разве плохо жилось нам в этом городе, в таких прекрасных новых домах, созданных во время пятилетки! Горит завод. Неужели и школа наша, носящая имя Максима Горького, тоже будет разрушена? Как все мы любили это чудесное здание! Все приезжие, кто его видел, говорили, что такой школой гордилась бы и Москва. Но настроение у наших партизан сейчас боевое. Так хочется отомстить Гитлеру за кровь наших братьев и отцов! Наверху немцы, а мы будто живем в другом государстве — под землей. Наши готовятся отомстить врагу, нанести удар... Немец зашиб во время разведки ногой Толика. Он в медпункте. Сиж у его койки, скучаю».

Толя, как и другие мальчишки, был уверен, что Нина пишет в свой дневник разные глупости. Он был сейчас удивлен, что сестра его каждый день записывает в тетрадь такие серьезные и важные слова. К тому же Толя был польщен, что в записях сестры нашлось

место и его истории с немцем. Он еще раз осторожно взглянул на открытые страницы дневника. Ай да Нинка! Кто бы мог подумать — какая стала сознательная!

В это время из-за занавески, отделявшей медпункт от проходного штрэка, донесся тихий шепот:

— Толик, не спишь?

— Нет, — также шепотом, отвечал Толя.

Из-за занавески высунулась голова Володи Дубинина.

— Все у тебя действует?

— Все.

— Ходить можешь?

— Сколько хочешь.

— Ну тогда иди сюда, только тихо.

Толя тихонько слез с койки, на цыпочках обошел сестру и выскочил за занавеску.

— Слушай, — сказал ему Володя и ударил товарища кулаком по плечу. — Слушай, что я вызнал. Сегодня наши ночную вылазку сделают, будут у немцев штаб взрывать, который мы разведали. Я уже целый час везде бегаю — командира или комиссара найти хотел. Их не разыскал, к начальнику штаба подкатился, чтобы нас тоже на вылазку взяли.

— Ну, а он что?

— Ну, он сперва рассуждать начал, говорит: оружие разведчика — это глаза и уши, вам ночью наверху делать нечего. А потом как будто согласился, только велел с командиром договориться окончательно. Вот я и зашел за тобой. Идем командира уговаривать. Ваня Гриценко там уж возле штаба... Сторожит...

Ребята поспешили к штабу. Навстречу им то и дело попадались партизаны и бойцы с фонарями. Они молча, не оглядываясь, проходили мимо и, разминувшись, шагали дальше, пропадая за поворотами штрэков, и только качающийся свет фонарей еще некоторое время шарил по каменным стенам, а потом растворялся в темноте. Несмотря на поздний час, в каменоломнях сегодня не замирала жизнь. Гудели телефонные сигналы. Вдалеке стучали чем-то металлическим. Слышался негромкий говор. Голоса звучали сурово и сдержанно; да и в самой походке людей появилась какая-то особая подобранность.

Чувствовалось, что в подземной крепости готовится серьезное дело.

Командир, которого ребята изловили у входа в штаб, сперва и слышать не хотел о том, чтобы брать мальчиков на вылазку, но мальчишки так напирали на него, так слезно умоляли, что он в конце концов как будто сдался.

— Ладно, орлы! — Он лукаво поглядел своими зоркими глазами в лица ребят, осветив их фонарем. — Если вы не очень утомились, возьмем вас. Только нам выступать еще не скоро. Вы отправляйтесь сейчас к себе, ложитесь все вместе, чтобы вас потом искать не надо было, и хорошенько выспитесь. Вам сегодня за день досталось — я вижу, вы носами клюете. Что глаза таращите? Осовели? Мне нужны орлята, а не совята. Операция у нас предстоит крайне утомительная. Ложитесь спокойно. Я за вами пришлю, когда выступать будем. Я считаю, что мы с вами договорились. Верно? Ну, давайте ваши руки.

Командир протянул руку. И руки ребят, как голуби, доверчиво опустились на его широкую раскрытую большую ладонь. Прихватив в нее сразу все три сунутые ему руки, командир крепко сжал их и долго не отпускал. Потом он опять посветил фонарем в лица ребят и сказал:

— Только вот что, орлы: я через полчаса проверить пришлю, легли ли вы. И если у вас хоть какая свечечка там гореть будет, — конечно: никуда ни одного не возьму. Смотрите у меня!

Он отпустил их руки, и ребята, прыгая от восторга, хлопая друг друга по спине, бросились к своему штрэку. У поворота Володя оглянулся. Командир, высокий, в расстегнутой на широкой груди стеганке, под которой была видна тельняшка, стоял у входа в штаб и, подняв над головой фонарь, заслонив другой рукой глаза от света, смотрел вслед мальчикам.

Володя как командир группы приказал своим разведчикам лечь к стенке на каменной лежанке, а сам пристроился с краю. Он решил на всякий случай быть начеку: загасил фонарь и лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к каждому шороху. В каменоломнях все стихло. Лишь где-то в далекой галерее по-прежнему раздавался металлический стук, иногда слышались шаги и голоса в штабе. Только сейчас Володя почувствовал, как он устал за день. Легкий, приятный звон плыл по всему телу и отдавался в ушах. В глазах стали роиться бронзовые жучки. Быстро завертелись оранжевые, искрящиеся колеса, как в фейерверке, а подушка под головой провалилась куда-то. И вдруг все тело стало легким, отделилось от сенника и начало плавно парить над бездной, полной бегающих светлячков. И Володя стал опускаться в этот покой, теплые волны которого заливали его с головой. Они ласково мазнули по глазам, ресницы прилипли к ресницам, и стало необыкновенно хорошо.

«Ну и хитрый этот наш командир!» — громко проговорил Володя.

Но ему только показалось, что он произнес эти слова. На самом деле губы его даже не двинулись.

Он спал.

Глава IX Камень на сердце

Время не шло. Его вообще как будто не было.

Володя вскочил оттого, что ему показалось, словно он проспал что-то очень важное — такое, что никогда уже не повторится. Сев на своей лежанке, он прислушался. Рядом ровно дышали Ваня и Толик. Гулко, будто отдаваясь где-то в темноте, стучало собственное, непонятно чем всполошенное сердце. Тревожный ропот доносился из соседних галерей подземной крепости. Что-то случилось...

Володя не знал, сколько времени прошло с той минуты, когда он нечаянно заснул. Трудно было определить время под землей, где всегда было одинаково темно, где люди отвоевали себе у камня узкие пространства, доверху налитые постоянной тьмой, а у этого мрака, у черного пустынного безмолвия отстаивали небольшие оазисы света, возникавшие там, где зажигались фонари или лампочки-шахтерки.

Там, наверху, так легко было определить время, движение которого здесь как будто совсем отсутствовало. Дома ночью били часы на кухне. С рассветом можно было посмотреть на отцовский хронометр, тот самый, что однажды испортил и сам починил Володя. Сестра Валя, всегда боявшаяся проспать, заводила будильник, который имел отвратительное обыкновение назойливо трезвонить тогда, когда больше всего хотелось спать и не было ни малейшего желания вылезать из-под одеяла. По утрам, точно в положенный час, слышался густой бас гудка на заводе имени Войкова, по ту сторону бухты. Он как бы давал тон, и сейчас же в разных концах города хором подхватывали его голос заводские гудки других предприятий. Если было тепло и спали при открытых окнах, а ветер дул с моря, то слышно было, как бьют на кораблях склянки. В полдень раскатывался пушечный выстрел из Старой крепости. Летом в семь часов вечера начинала играть музыка в сквере. Словом, наверху у каждого часа было свое особое, приметное звучание, свое освещение, свои тени: утром длинные, днем короткие, к вечеру снова вытягивавшиеся. Здесь же, под землей, всегда было черно и тихо.

«Неужели проспал, а командир обманул, не разбудил? Вот смеяться над нами будут! Провели, как маленьких!»

От этой мысли Володе стало сразу так жарко, что зачесалось все тело. Он поерзал плечами, спустил ноги с лежанки и услышал голоса в темноте. Доносились лишь отдельные слова, но Володя узнал низкий, глуховатый голос комиссара. Иван Захарович говорил кому-то:

— Товарищи, вы расходились бы по своим местам! Толпиться здесь нечего. Это делу не поможет.

Послышался взволнованный говор многих людей, слова сливались. Слышно было

только, что говорят несколько человек сразу, словно перебивая друг друга, но при этом стараются говорить очень тихо.

Опять донесся голос комиссара:

— Хорошие мои, я ж понимаю сам... Но состояние у него безнадежное... Что? Нет, вряд ли в чувство придет... Это только с таким могучим организмом можно было на ногах удержаться. Ведь весь череп разбит...

— Когда несли мы его сверху, мне уже все стало ясно... — сказал кто-то, и Володя узнал голос Корнилова. — Как ни тяжело, надо глядеть правде в глаза: командира потеряли...

Володя растолкал спавших мальчиков, схватил их за рубашки, подтащил к себе, стал трясти. Непослушными стали сразу словно запекшиеся губы:

— Слышь?! Дядю Сашу... Зябрева... Э-эх, ты! Насмерть ранили. А я тут проспал с вами... Ну вас!..

Он оттолкнул от себя ребят, кинулся бегом на голоса в темноту проходной галереи, увидел свет фонарей, налетел на кого-то в полумраке и почувствовал, как большая, обхватившая всю макушку рука легла ему на голову.

— Вот, Дубинин, дела какие у нас, — услышал Володя голос комиссара над собой.

— Что же вы нас не разбудили, товарищ комиссар... Ведь обещались же...

— Эх, друг, что уж тут... Ты еще свое пободрствуешь, а вот командира нашего уже вовек не разбудить. Красавец человек был...

Володю уже тянули за локоть незаметно подошедшие сзади Толик и Ваня. Подошли другие партизаны. Никто не спал, несмотря на ранний утренний час. Все говорили тихо, словно боясь разбудить кого-то. Но из разговоров мальчики узнали, что произошло на поверхности, пока они крепко спали в своем уголке.

А случилось вот что.

Как было задумано командованием отряда, партизаны сделали ночную вылазку на поверхность каменоломен: следовало оттянуть на себя часть вражеских сил, наступавших на Керчь. Кроме того, важно было уничтожить немецкий штаб, обосновавшийся так близко от партизанской подземной крепости. Ясно было, что фашисты готовятся атаковать партизан. И вот ночью ударная группа партизан в тридцать человек поднялась на поверхность через неизвестный врагу лаз, по которому ходили разведчики. Группой командовал сам Зябрев. С ним были также Лазарев, Корнилов, Жученков, Сергеев с десятком комсомольцев — самые надежные и отборные люди.

Иван Захарович Гриценко пулеметом своим, установленным у входа, прикрывал группу.

Фашисты обнаружили отряд, и среди них поднялась невероятная паника.

Гитлеровцы открыли беспорядочную стрельбу. Партизанам удалось в темноте уложить немало фашистов. Домик, где помещался штаб, был разгромлен и взорван гранатами. Партизаны успели нарушить связь с командованием других германских частей. По всей округе Старого Карантина поднялась лихорадочная пальба, взвились осветительные ракеты. Части, подготовленные к отправке в Керчь, где продолжались еще бои за город, бросились на подмогу разгромленному батальону. Ясно было, что они теперь задержатся в Старом Карантине и Камыш-Буруне, а это, конечно, облегчало положение защитников Керчи.

Но дорого обошлась партизанскому отряду эта смелая вылазка. Пулеметная очередь, выпущенная наугад в темноте одним из гитлеровцев, огненным бичом хлестнула шедшего впереди отряда Зябрева. С простреленной головой, с несколькими пулями в плече, он удержался на ногах. Он продолжал подавать команду, руководил действиями отряда и лишь в последнюю секунду, чувствуя, что силы и сознание покидают его, приказал партизанам отходить назад, в свою подземную крепость, и передал командование начальнику штаба Лазареву.

Гриценко точным отсечным огнем своего пулемета не давал фашистам окружить отряд. То слева, то справа возле группы партизан вставала невидимая, но для врага непроходимая

стена пулеметных очередей Гриценко.

Отбиваясь от наседавших со всех сторон гитлеровцев, отряд вернулся в каменоломни, неся на руках впавшего в беспамятство командира и пострадавших в схватке бойцов Рябенко, Кужельного и Павленко.

Тихо пробираясь среди партизан, столпившихся в проходной галерее, мальчики подошли к помещению санчасти. Туда никого не пускали. Из-под простыни, закрывавшей вход, доносились хриплые, kloкочущие тяжелые вздохи, перемежающиеся с глухими стонами. На минуту из-за простыни высунулась военфельдшер, или, как звали ее, докторица Марина.

— Скажите там, чтоб сюда скорее комиссара и начальника штаба... — торопливо проговорила она и опять скрылась за простыней.

Через минуту в санчасть мимо расступившихся партизан прошли Котло и Лазарев. Наступила тяжелая тишина; потом освещенная изнутри простыня заколебалась, по ней прошла грузная тень комиссара, и он вышел к партизанам. Он постоял минутку, молча снял с головы ушанку. Партизаны, поняв его без слов, обнажили склоненные головы; я Володе показалось, что каменные стены вокруг чуточку сдвинулись и своды опустились на самые головы людей. «Красавец человек», — вспомнил он слова комиссара и шепотом сказал Ване:

— А он вчера меня сам за руку поблагодарил... за разведку.

Вечером партизаны хоронили Зябрева. В одном из тупиков узкого штрека, где было много нарезанных плит ракушечника, сложили подобие каменного гроба. В него был опущен командир. Тело было накрыто плащ-палаткой. Надя Шульгина и Нина Ковалева, заплаканные, опухшие, опустившись на колени, положили у изголовья павшего самодельные, вырезанные из бумаги цветы.

Горели свечи, поставленные у гроба. Володя вглядывался в красивое, но цветом своим теперь походившее на серый известняк, крупное лицо Зябрева. Его душили слезы, но он только гулко глотал что-то время от времени да все смотрел и смотрел на померкшее, окаменелое лицо Зябрева. Ему пока не приходилось так близко сталкиваться со смертью. Дико и страшно было думать, что вчера еще так внимательно и ласково расспрашивавший его командир, сильно и уверенно несший свое прекрасное тело в теснинах подземелья, отныне останется здесь, среди серых камней, сам неподвижный и холодный, как камень. Сейчас гроб заложат сверху вместо крышки тяжелыми плитами ракушечника. Камни лягут на грудь, на остановившееся сердце командира. Потом потушат свечи. Все уйдут из этого штрека. А дядя Саша, командир Зябрев, останется здесь, уже отнятый у жизни, став частью того холодного каменного пространства, душную тяжесть которого вдруг с такой силой ощутил Володя.

Он вначале плохо слышал, что говорил комиссар:

— Товарищи партизаны, товарищи командиры, жены, сыновья, дочери партизанские, мы осиротели! Нет у меня сейчас слов, которые быгодились... нет таких слов, чтобы сказать вам все, что хочется сказать о нашем командире, павшем смертью храбрых. Придет время — скажут о нашем командире настоящие слова. Может быть, и книжки напишут. А наша с вами задача: память его не словами, а делом закрепить. Возьмите тверже в руки свое оружие, товарищи партизаны! Поднимите его выше! Над прахом нашего боевого товарища клянись не выпускать это оружие, которое вручил нам народ, и действовать им до полной победы над фашистскими паразитами, что ползут, как вши, сейчас там, наверху, по нашей чистой земле. Клянись мстить им за страдания нашей родной земли, за смерть нашего славного командира...

И все, как один, в безмолвной клятве потрясая оружием, подняли его к каменным сводам подземной усыпальницы. Пионеры, у которых не было никакого оружия, вскинули над головой ладони рук, отдавая последний салют командиру. А Корнилов, оглянувшись, принял из рук шагнувшего к нему бойца сверток красной материи, развернул его. И, освещенное качающимся пламенем свечей и фонарями, из рук его словно хлынуло на пол что-то шелковисто-красное, с оборванными, бахромчатыми краями. Это было знамя морской

пехоты, которое бойцы уберегли от врага и сохранили, спускаясь в партизанское подземелье. Во многих местах его пробил пули и осколки. Алые края были иссечены на полосы. Бережно, как святыню, Корнилов расправил темно-красную материю и накрыл ею сверху тело погибшего командира. Потом он опустился на одно колено и поцеловал уголок знамени, свисавший с камня. И все партизаны, один за другим, подходили, опираясь на винтовки, склонялись на одно колено и целовали боевое знамя, под которым спал вечным сном Александр Федорович Зябрев.

Долго поддаваться горю было нельзя. Все понимали, что теперь, после дерзкой вылазки партизан, перепуганные гитлеровцы примут все меры, чтобы уничтожить подземную крепость. Каждую минуту следовало ждать незваных гостей. Охрана входов в каменоломни была усилена. В верхних галереях и штольнях заложили дополнительные фугасы. Их можно было взорвать, включив ток небольших батарей, которые находились в ведении бывшего начальника каменоломен Жученкова, ныне командира подрывников и заведующего вооружением.

Командование всем отрядом принял на себя бывший начальник штаба Лазарев, которого хорошо знали шахтеры. Человек хозяйственный, внимательный, всегда уравновешенный, спокойно-неторопливый в движениях, он прекрасно ориентировался под землей и отлично разбирался в людях. Был он старым членом партии и давно уже снискал всеобщее уважение. Может быть, в нем не было той веселой лихости, той смелой, а подчас и дерзкой хватки, с какой брался за дело покойный Зябрев, но сейчас сама обстановка требовала от командира большей осторожности и размеренности действий.

Словом, не было под землей человека, который бы не считал, что уж кто-кто, а Семен Михайлович Лазарев справится.

Личный состав отряда Лазарев знал отлично: еще при организации отряда он сам вместе с Зябревым тщательно подбирал надежных, подходящих для строгого дела людей, взискательно проверяя каждого человека. По поручению Зябрева, он привлек камыш-бурунских коммунистов, рыбаков и шахтеров. Совместно с Зябревым находили они нужных людей среди беспартийных. И Манто, и Яков Трофимович Гайдаров, и многие другие партизаны, в партии не состоявшие, но не мыслившие своего существования без Советской власти, охотно вошли в отряд по предложению Зябрева и Лазарева, взявших их из народного ополчения. После того как в гарнизон подземной крепости влились остатки роты моряков Петропавловского, Лазарев сам проверил каждого прибывшего, подолгу беседуя с ним с глазу на глаз.

Весь отряд был приведен к партизанской присяге. Каждый скреплял своей личной подписью клятвенное обещание мстить врагу и не щадить сил и жизни для победы народа над захватчиками.

Начальником штаба стал теперь старший лейтенант Александр Николаевич Петропавловский. Кадровый военный — «военная косточка», говорили про него партизаны, — он сумел быстро перевести всю жизнь подземной крепости на подлинно армейскую, фронтową колею. Он объяснил командованию, что из тактических соображений надо сократить и строжайшим образом ограничить район, занимаемый партизанским отрядом под землей. Новый начальник штаба составил точную карту этого района. Вместе с Жученковым, который отлично знал каждый уголок каменоломни, Петропавловский, держа компас и планшетку в руках, обошел все три горизонта, составляя по азимуту точный и подробный план галерей, который он потом нанес на общую карту.

Были установлены точки постов, места расположения ударных групп и станковых пулеметов. Пулеметы располагались таким образом, что их можно было в случае нужды самым кратчайшим путем перебросить из одного сектора в другой. По предложению Петропавловского внутренний район каменоломен, занятый партизанами, обнесли подземными, специально построенными стенками из ракушечника. Стенки теперь

преграждали доступ во все коридоры, которые вели с поверхности в глубь земли. Для того чтобы выйти в верхние галереи на разведку, надо было вынуть определенный, заранее намеченный камень из стены. Кроме того, стены были замаскированы. Извлекать камень, заложенный в проходе заградительной стенки, надо было очень осторожно. За этим каждый раз наблюдал сам Жученков.

От разведчиков Петропавловский требовал сведений точных, не допуская лишних разговоров при сдаче рапортов. Володя на первых порах даже невзлюбил нового начальника, когда тот выставил его из штаба, куда мальчики вошли не спросясь. Но теперь и сам Володя и его юные разведчики, выполняя какое-нибудь задание начальника штаба, рапортовали ему раз от разу все короче и точнее. Они уже не болтали руками при этом, а смиренно стояли на месте, и Петропавловский был доволен, что ребята хорошо усвоили заведенный в подземной крепости порядок.

Пионеры обычно несли поочередно дежурство у телефона в штабе. Однажды Петропавловский, застав в штабе дежурившего там Володю, подсел к нему и, пользуясь свободной минутой, завел разговор с мальчиком, к которому он давно уже внимательно приглядывался.

— А я сперва, Володя, думал, что Иван Захарович, пулеметчик наш, твой отец: очень уж он о тебе заботится.

— Он мне двоюродный дядя, — отвечал Володя. — А с Ваней мы всю жизнь дружим. С детства.

— А где отец твой?

— Он у меня моряк. Теперь на Черноморском флоте.

— А мать есть?

У Володи потемнело лицо и так дернулись брови над опустившимися внезапно только что горделиво блесевшими глазами, что Петропавловский невольно подсел ближе и положил Володе руку на плечо.

— Не знаю я, товарищ Петропавловский, — очень тихо сказал Володя. — Надеюсь, что жива. А как она там, кто знает...

— Ничего, будем надеяться, что все обойдется, — успокоил его Петропавловский. — Нам тут, под землей, не сладко, да и там, конечно, теперь жить у фашистов под началом радости мало. У меня, дружок, тоже мать одна осталась... в Ленинграде.

Потом стали вспоминать Керчь, куда Петропавловский приехал из Севастополя в первый же месяц войны. Петропавловский рассказал, как однажды, в ночь на 28 октября, после первой бомбежки он был дежурным по керченскому гарнизону и находился в комендатуре. В Керчи объявили воздушную тревогу. Начался налет, в комендатуру прибежал милиционер и сообщил, что с Митридата кто-то дает сигналы врагу. Петропавловский вместе с патрулем отправился к Митридату и увидел, что на склоне его действительно появляются через равные промежутки времени вспышки белого и красного света. Потом замигали сигналы по азбуке Морзе. Петропавловский хорошо разобрался в морзянке. Он попытался прочесть сигналы, но понял, что они шифрованные. Вместе с патрульными он бросился туда, где вспыхивали сигналы. Однако предатель успел убежать, оставив на месте сигнальный аппарат.

— Хорошо, что вовремя мы это дело обнаружили, — рассказывал Петропавловский, — а то натворили бы нам в эту ночь... Мерзавец, видимо, знал, что у нас в порту тогда имелось. Не успел все-таки свое подлое дело до конца довести. А кто первый заметил, знаешь? Один из ваших пионеров. У вас в Керчи, по-видимому, ребята молодцы. Мне потом милиционер из патруля ПВО сказал, что прибежал к нему какой-то паренек, запыхался весь и говорит: «На Митридате кто-то фашистам сигналы подает. Честное, говорит, пионерское!» Мне милиционер тогда даже и фамилию сказал пионера того. Может быть, и ты знаешь... Погоди. Оглоблин, что ли... Нет. Колодин, кажется.

— А может, Дубинин? — спросил, глядя прямо в глаза начальнику штаба, Володя.

— Стоп! Дай сообразить... Это что же получается? Ну и память у меня стала! —

воскликнул Петропавловский и смущенно уставился на Володю, словно увидел его в первый раз. — Значит, ты? Вот так сошлось колечко! А я-то ему рассказываю... и он, главное, слушает!

С этого дня начальник штаба стал окончательно уважать командира группы юных разведчиков.

Наведению под землей твердого, военного порядка много способствовал Георгий Иванович Корнилов. Опытный армейский политработник, он сразу понравился всем, а особенно ребятам, своей подчеркнутой военной выправкой, краткостью и точностью слов. Сам великолепный стрелок, профессиональный военный человек, он во все дела умел вносить четкий боевой распорядок. Делал он это как-то очень легко, без нажима, без подчеркнутого щелканья каблуками и даже без казавшихся кое-кому обязательными словечек «порядок» или «точно». Тем не менее люди невольно прислушивались к его резковатому голосу, тотчас кидались выполнять приказание, данное двумя-тремя броскими словами. Ребята скоро заметили, что партизаны подтягиваются при Корнилове, незаметно начинают подражать ему и сами стараются держаться так же молодежато, как политрук. Корнилова назначили заместителем комиссара. Ему же была поручена воспитательная работа среди младших обитателей подземной крепости.

На другой день после похорон Зябрева Корнилов пришел в маленький штрек, где на каменной лежанке отдыхали Володя и Ваня Гриценко. Ночь была беспокойная: немцы обстреливали на всякий случай район каменоломен, а к утру бросили в несколько шурфов глубинные бомбы и фугасы. Взрывы обрушили участок верхних галерей, завалили два-три шурфа, но не причинили большого вреда подземной крепости, только вызвали ночью некоторый переполох грохотом обвалов, раскатившимся по всем каменным ходам. Все же дважды ночью объявляли тревогу, и потому мальчики не выспались и сейчас, после работы, отдыхали.

Корнилов сел на край лежанки, удержал рукой пытавшихся вскочить мальчиков:

— Отдыхайте, ребята, отдыхайте. Кто знает, какая ночь будет! Вы сегодня где работали?

— Мы сегодня, дядя Гора, верхний горизонт «Киев» минировали с Владимиром Андреевичем, с его подрывниками.

— Ого! — сказал Корнилов. — Уж если вам Жученков доверяет, значит, вы заслуженными партизанами стали.

— А он нам, дядя Гора, так сказал: «Вас, говорит, Манто мне рекомендовал: хорошо, говорит, сухари перебирали. Ну, значит, и с пряниками для фашистов справитесь». Мы там мины носили и еще потом выдалбливали в камнях дырки. Это все-таки поинтереснее будет, чем крупу пересыпать на камбузе.

Корнилов перелистал книжки, которые выпали из-под подушки у Володи. Отложил их аккуратно в сторону.

— Я к вам вот зачем пришел, — сказал он. — Оба вы пионеры. И Толя Ковалев то же самое. Надо бы нам тут как-нибудь пионерскую организацию наладить. Люди мы все советские, должны везде, хотя бы и под землей, жить по-советски, чтобы все было честь честью. Есть у нас ребята: Вова Лазарев, Жора Емелин. Они как-то в стороне оказываются. Это разве годится? По-моему, нет.

— Так они же малята совсем, — сказал Ваня.

— Верно, дядя Гора, — поддержал его Володя. — У них еще до пионеров нос не дорос.

— Ну, во-первых, у Жоры Емелина дорос. Ему, как я выяснил, десять лет. Вове, правда, восемь, но он так и рвется. И знаешь, если учесть военную обстановку и затем наши особые условия, я бы принял досрочно. А? Как по-твоему, Володя?

— Дядя Гора, а можно их принять кандидатами в пионеры?

— Ну уж этого, брат, я что-то не слышал. Кажется, в пионерском уставе такого нет. Я думаю, что, если они ребята подходящие, можно их принять. Тогда у нас будет своя пионерия. Ну, скажем, отдельное пионерское звено имени Зябрева при партизанском отряде

Старого Карантина.

Володя сразу сел на лежанке, отбросив одеяло.

— Имени дяди Саши? — Глаза его заблестели, он от волнения потер подбородком плечо. — Ох, дядя Гора, здорово вы это решили!.. Правда, Ваня, хорошо?

— Дядя Гора плохо не решит, — сказал Ваня.

— Только у нас даже и галстуков на всех не будет. Где тут материал красный достанешь, под землей-то?

Корнилов задумался, посмотрел в лицо Володи, потом решительно сказал:

— Будут галстуки! Вот ты и Ваня новичкам свои отдадите.

— Ну уж это, дядя Гора, положим. Это уж знаете... — запротестовали оба пионера.

— А вы получите новые, — произнес Корнилов. Какое-то загадочно-торжественное выражение вдруг появилось на его суховатом лице. — Получите, ребята! Обещаю.

Весь следующий день мальчишки были заняты оборудованием красного Ленинского уголка на нижнем горизонте. Жены партизан пожертвовали для этого свои лучшие ковры, захваченные из дому перед уходом отряда под землю. Надя Шульгина и Нина Ковалева развесили красивые многоцветные виды, вырезанные из старых журналов. Володя, устроившись под фонарем, до ночи рисовал цветными карандашами портрет Ленина, скопировав его с журнала. Партизаны то и дело заходили в уголок, чтобы полюбоваться Володиной работой. Сюда же снесли все имевшиеся под землей книги. Володя тоже притащил в уголок книжки, которые хранились у него под подушкой на лежанке. Они уже успели немножко отсыреть и разбухли.

На другой день дядя Яша Манто подкатил сюда сверху свой мотоцикл, надоевший всем обитателям второго горизонта пальбой и газолиновой вонью. Володя укрепил над столом, покрытым газетами, маленькую электрическую лампочку. Манто для пробы завел свой мотоцикл в соседнем штреке. Лампочка, вспыхнув, осветила увешанные коврами и картинками каменные стены, мандолину дяди Яши, обернутую мешком для предохранения от сырости, шашки, груды пожелтевших косточек домино, патефон с картонной стойкой для пластинок, уже расклеившейся от подземной сырости.

Немцы несколько раз предпринимали неуверенные попытки проникнуть в подземное царство партизан, но посты охранения открывали огонь и тотчас же вызывали по телефону подмогу.

Из кромешной тьмы в немцев летели гранаты, и гитлеровцы должны были спешно отступать, с трудом унося ноги на поверхность.

Вечером, воспользовавшись затишьем, Корнилов организовал прием Жоры Емелина и Вовы Лазарева в пионеры.

Командир отряда Лазарев и комиссар Котло заняли почетные места за столом, на котором лежали два пионерских галстука. У входа в уголок толпились партизаны.

Корнилов подошел к столу и откозырял командиру:

— Товарищ командир отряда, разрешите обратиться к товарищу комиссару?

Комиссар и командир встали.

— Обратитесь, — разрешил Лазарев.

— Товарищ комиссар партизанского отряда, прошу принять рапорт особого отдельного пионерского звена имени товарища Зябрева. — Затем Корнилов скомандовал: — Звено, к рапорту построиться! Шесть шагов вперед!

Партизаны у входа в красный уголок расступились, и пятеро мальчиков, шагая в ногу, вошли в помещение уголка и замерли перед столом. Володя отделился от строя, вышел вперед, отсалютовал комиссару. В тишине раздался его громкий голос:

— Товарищ комиссар партизанского отряда! Особое отдельное пионерское звено

имени Зябрева при партизанском отряде Старого Карантина прибыло в полном составе для оформления организации. Отсутствующих нет, все здоровы. Присутствует пять пионеров, из них двое только еще сейчас примутся... — Володя сбился, оглянулся на Корнилова, который ободряюще кивнул ему, и поправился: — То есть вступят. Рапортует командир звена и группы юных разведчиков — пионер Дубинин Владимир. Рапорт сдан.

— Рапорт принят, — отвечал комиссар и неслышно спросил командира: — Так, что ль, говорить-то надо? Лазарев, выручай, забыл уж я немножко.

— К принятию Торжественного обещания — звено, смирно! — скомандовал Володя и, четко повернувшись, отшагнул в строй, где снова сделал поворот на месте кругом.

— Емелин Георгий и Лазарев Владимир! — вызвал комиссар, поглядев в бумажку.

Десятилетний Жора Емелин и восьмилетний сын командира Вова Лазарев вышли к столу. Оба облизали пересохшие от волнения губы, подняли руки над головой. Семен Михайлович Лазарев, сам того не замечая, тоже непроизвольно облизал губы, поглядывая на сынишку.

И в тишине подземного уголка, освещенного подрагивающим светом мотоциклетной лампочки, раздались слова пионерского обещания, знакомые каждому школьнику, — торжественные слова, звучавшие прежде там, наверху, в светлых классах школ, в просторных залах заводских дворцов и клубов.

— Я, юный пионер Союза Советских Социалистических Республик...

Мальчишеские голоса, произносившие эту священную клятву юных ленинцев, младших сынов революции, казалось, приподымали нависший над головами тяжелый известняковый свод.

— Обещаю, что буду твердо стоять... — громко произносили Жора Емелин и Вова Лазарев прерывистыми от волнения голосами, — за победу коммунизма...

А стоявший позади них крайним справа Володя беззвучно шевелил губами, повторяя каждое слово.

Захваченные светлой, торжественной значительностью этих минут, которых не могли омрачить глухо доносившиеся сверху взрывы, замерли столпившиеся у входа партизаны.

— Обещаю жить и учиться так, чтобы стать достойным гражданином своей социалистической Родины!

Комиссар велел обоим мальчикам подойти ближе к столу.

— Членам Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Ковалевой Нине, Шульгиной Надежде поручаю надеть на вновь принятых в организацию юных пионеров красные галстуки, — сказал комиссар.

Нина и Надя взяли со стола галстуки и повязали их Жоре Емелину и Вове Лазареву, которые, скосив глаза на их руки, подняв подбородки и не дыша, принимали этот обряд посвящения в пионеры.

— А вам, — сказал комиссар, обращаясь к Володе Дубинину, Ване Гриценко и Толику Ковалеву, — вам, как активным боевым пионерам, я хочу сам надеть вот эти галстуки... — Он взял из рук приблизившегося к нему Корнилова три темно-алых, неровно скроенных, грубо обметанных на живую нитку треугольных куски материи. — Это, товарищи пионеры, галстуки не простые... Это совсем особенные и, я бы сказал, друзья, высокопочетные галстуки. Все вы видели боевое знамя, с которым пришли к нам товарищи моряки. Пули, осколки рассекли его и порвали. Этим знаменем мы укрыли прах нашего командира... Вечная ему слава! Помните, что говорится о красном пионерском галстуке? Сказано, что галстук пионера — это частица красного знамени. И вот мы, ребята, выкроили из знамени морской пехоты, которое не досталось врагу, из отсеченной в неравном бою полосы его мы выкроили вот это — для трех наших пионеров, показавших себя и в работе и в боевой разведке настоящими юными патриотами, достойными носить на груди частицу священного нашего знамени. Подойдите сюда, товарищи пионеры!

И комиссар самолично повязал каждому из трех разведчиков побуревшие, кое-где заштопанные черными нитками, может быть, слишком короткие галстуки, почетнее которых,

наверное, не получал еще ни один пионер на свете...

— К борьбе за дело Ленина будьте готовы!

— Всегда готовы!

Когда все трое вернулись в строй, командир Лазарев объявил, что юные разведчики Дубинин, Гриценко и Ковалев показали себя надежными и усердными пионерами, достойными, несмотря на малый их возраст, носить оружие.

Ребята не могли поверить своим ушам. Они стояли, переглядываясь широко раскрытыми глазами. Неужели сбудется их мечта — они получают оружие?

— Начальнику вооружения товарищу Жученкову предлагаю вручить пионерам оружие, выделенное для них! — приказал Лазарев.

Высокий остроскулый Жученков отделился от Труппы стоявших у входа партизан. Под мышкой он нес три странные короткоствольные винтовки. Ложи у них были как у обычных винтовок и затворы ничем не отличались от винтовочных, но дула — в два раза короче. Ребята неуверенно приняли в руки эти винтовки-коротышки, ожидая, что сейчас все начнут смеяться над ними. Но Корнилов, увидев, в каком замешательстве находятся его питомцы, подошел и объяснил, что по его поручению Жученков изготовил для пионеров-разведчиков обреза по старому, испытанному еще в гражданской войне способу: надпилил аккуратно ствол и, погрузив его в бочку с водой, выстрелил. Ствол разорвало снизу по черту надпила. Обрезы были теперь вполне по росту юным разведчикам. Кроме того, если бы им пришлось участвовать в подземном бою, действовать укороченной винтовкой было бы даже удобнее.

Получив на руки оружие, все три пионера почувствовали себя совершенно счастливыми. Наконец-то они стали настоящими партизанами! Им хотелось немедленно помчаться к одному из выходов наверх и взять на прицел какого-нибудь фашиста. Во всяком случае, они решили сейчас испытать полученное оружие хотя бы в тире. Корнилов должен был уступить их просьбам: они отправились в тир.

Выяснилось, что при выстрелах обреза исторгают чудовищный грохот. Казалось, будто над ухом выстрелили из пушки. Из дула-коротышки выбрасывался целый сноп пламени. В темноте каменоломен он был ослепительным. При первом же испытании оружия все трое были слегка оглушены, хотя и не хотели сознаться в этом.

Присутствовавшие партизаны тут же окрестили обреза «пионерскими пушками-самопалами».

— Ну вот, теперь имеется у нас и артиллерия! — шутили они.

Кроме того, у обреза оказалась немилосердная отдача. Они наносили мальчикам сокрушительные удары в плечо и так толкали при выстреле, что ребята невольно отшатывались слегка назад. Но все это, конечно, было пустяком в сравнении с тем безмерным восторгом, который испытали все три пионера, щелкая затвором обреза, прижимая тяжелую, гладко отполированную ложу к плечу, нежно, как к скрипке, припадая к ней щекой, старательно прищуривая левый глаз и прицеливаясь правым.

Корнилов долго занимался с ребятами, показывая им, как надо прикладываться к оружию перед выстрелом, как следует находить упор, брать прицел и так далее.

Володя и Ваня положили обреза под подушки и, уже задремывая, все совали туда руки, нащупывая полированное дерево ложи, холодный и скользкий ствол. Успокоенные этим прикосновением, они в конце концов уснули совершенно счастливые.

Но уже на следующий день им крепко влетело от Корнилова, который нашел, что оружие смазано плохо. Сырой воздух подземелья доставлял много хлопот всем партизанам: стоило лишь один день не смазать тщательно оружие, и на нем тотчас же появлялись подозрительные буроватые пятна. Ржавели ножи и вилки в хозяйстве дяди Манто. Начинали сыреть и тлеть по волокнам одеяла, ковры, наволочки. Неприятный, прелый запах сырой материи шел от коек, противная влажность проступала на всех предметах, от нее першило в горле, люди начинали покашливать.

Но, как бы ни теснил дыхание со всех сторон обступивший, тяжело нависавший над головами камень, как бы ни донимала промозглая сырость, надо было делать свое дело.

И жизнь в подземной крепости шла своим суровым порядком, по расписанию, которое сами для себя установили партизаны.

Глава X Насчет овса...

Дел было много. Люди едва успевали справляться. Беспрерывно слышался стук и металлический лязг в оружейной мастерской, которую устроил Жученков на нижнем ярусе. В любой час дня и ночи можно было застать на камбузе хлопотливого дядю Манто. Неизвестно было, когда он спит, но всегда у него находилось что-нибудь поесть сменявшимся с караула партизанам. Не забывал он собирать объедки и мосольчики для Пирата, комиссарова легаша, которого держали на нижнем горизонте. Пират находился на попечении Жоры Емелина. Самому Котло сейчас было не до собаки. Забот у комиссара прибавилось. Ежедневно под руководством Корнилова и Петропавловского проводились «подземные маневры», то есть тактические учения: разрабатывались всевозможные способы ведения боя под землей, в потемках и тесноте на разных ярусах и у входов в штольни.

Каждый участок возможного сражения был изучен, заранее пристрелян из определенной точки, точно обозначен на особой карте, составленной Петропавловским.

Специальные аварийные команды партизан, в каждую из которых входило три человека, по несколько раз в сутки вызывались по телефону с постов в верхние ярусы подземной крепости и в дальние штольни. Немцы теперь то и дело бросали в глубокие шурфы-колодцы большие глубинные бомбы и фугасы. Гитлеровцы решили, должно быть, оглушить партизан, завалить их камнями под землей. Эхо частых взрывов днем и ночью раскатывалось в подземных помещениях, мигали фонари, больно закладывало уши.

Иногда гитлеровцы сбрасывали в каменоломни дымовые шашки. Густой черный дым обволакивал подземные коридоры. В нем тонул свет лампешек и фонарей. Люди натыкались в темноте друг на друга, ушибались о стены. Когда дым рассеивался, на земле оставался черный слой сажи толщиной в палец. Сажа прилипала к подошвам, пропитывала одежду, проникала в горло, в легкие.

Люди сплевывали черную слюну, приходилось надевать противогазы, но и они не всегда спасали от черной летучей копоти, проникавшей во все поры.

Партизаны подозревали, что немцы под покровом черного дыма собираются незаметно проникнуть в каменоломни, и каждый раз, когда фашисты сбрасывали шашки, изрыгавшие клубы черного, как тушь, дыма, в подземной крепости объявляли тревогу.

Несколько раз гитлеровцы пытались задушить партизан газами, но у Пекермана, запасливого начальника санитарной части, имелся прибор, определявший присутствие газа. По первой же тревоге все обязаны были надеть противогазы.

Постепенно партизаны свыклись и с этим. Они видели, что мины и бомбы бессильны сделать что-нибудь с подземной каменной твердыней, в которой засел отряд. Стоявшие на постах охранения верхнего яруса слышали, как над их головами немцы бурят поверхность каменоломни, чтобы заложить взрывчатку и поднять в воздух «крышу» подземной крепости. Но от этих взрывов происходили лишь частичные обвалы, не причинявшие большого ущерба партизанам. Однако надо было все время держаться настороже, готовить себя к любой неожиданности.

Лазарев запретил подходить к шурфам и штольням, которые вели наверх. Туда ходили только разведчики Шустов, Важенин, Макаров.

Важенин и Макаров так сдружились под землей, что стали совершенно неразлучными и все делали вместе, сообща: отдыхали, дежурили, обедали, ходили наверх. Важенин был комсомолец. Он пришел в партизанский отряд из истребительного батальона, который был собран в Камыш-Буруне. Батальон этот прославился тем, что захватил в плен двух фашистских летчиков, которые выбросились на парашютах с подбитого немецкого самолета и пытались уплыть в море на резиновой лодке. В этом деле и отличился Влас Важенин. Веселый, находчивый, прямодушный парень, Важенин был желанным гостем на любом

горизонте крепости. «Авторитетный комсомолец», — говорили о нем молодые партизаны. «Власок, ласковый телок», — подшучивали пожилые, намекая на излишнюю полноту Важенина, служившую предметом постоянных шуток.

Николай Макаров был более чем вдвое старше Важенина. Очень подвижный, узкоплечий, с суховатым морщинистым лицом, острый на язык, но очень незлобивый, он обладал почти таинственной способностью неожиданно и беззвучно появляться сразу, чуть ли не одновременно, в самых разных уголках подземелья. Только что его видели возле штаба, а через мгновение он уже звонил по телефону с одного из далеких постов, а спустя еще несколько минут дядя Яша, собиравшийся послать ему обед на пост, вздрагивал, слыша за своей спиной его голос в камбузе. Макаров был необыкновенно гибок и быстр в движениях. До войны он работал в уголовном розыске и теперь любил говорить, что умение двигаться бесшумно и быстро, как кошка, осталось у него от этой работы.

Он и других партизан научил особому шагу разведчиков. Макаров ступая не на полную ступню, а сперва на каблук, мягко затем перекатывая ногу на носок. И шаг у него был действительно совершенно неслышный. Однажды он увидел, что Петропавловский, желая уточнить какое-то показавшееся ему сомнительным место на карте, отправился в опасный район каменоломен. Макаров счел долгом сопровождать начальника штаба. Но он знал, что Петропавловский не любит этого, поэтому применил здесь все свое искусство оставаться неслышным. Целый час неотступно следовал он за Петропавловским, в нескольких шагах за ним, а начальник штаба даже не подозревал, что его везде сопровождает Макаров.

Важенин, перенявший у своего старшего приятеля эту походку, говаривал: «Мы с Макаровым в разведке как на крыльях плывем. Не шелохнемся на ходу».

Друзья проникали в далекие, глухие районы подземелья, в черные подземные пустыни, простиравшиеся по ту сторону стен, что перегораживали коридоры. Находясь вдалеке от сердца подземной крепости и не боясь навлечь на нее врагов, Макаров и Важенин иногда нарочно подымали шум, вызывали переполох на поверхности, заманивали в какой-нибудь расчищенный ими проход фашистов и меткими выстрелами из темноты били их наповал.

Ходил в подземную разведку не раз и моряк, интендант Александр Бондаренко. Во время одной из разведок он обнаружил, что в старой шахте, шурфе № 7, имеются остатки лестницы, которая когда-то доходила по стене до самого шурфа. Она уже давно подгнила и местами разрушилась. Бондаренко все же решил подняться по этой лестнице как можно выше и поглядеть, насколько возможно использовать шурф «семерку» для выхода наверх. Партизаны полагали, что немцы считают этот шурф заваленным! таким он выглядел с поверхности, и над этим местом никогда не замечались гитлеровские солдаты.

Бондаренко провожали к шурфу Лазарев, Котло, Корнилов, Петропавловский и Жученков. Прихватили с собой Володю Дубинина, на тот случай, если придется спешно послать за подмогой.

Бондаренко смело полез вверх по вертикальной лестнице. Поднимался он бесшумно, но иногда под его ногой с легким шорохом обламывалась подгнившая перекладка. Он поднялся уже до половины, метров на пятнадцать, как вдруг сверху в отверстие «семерки» заглянул гитлеровский часовой. Он, очевидно, лежал на земле и свесил голову в пролом. Первым заметил эту голову Корнилов. Он подал немедленно условный сигнал тревоги. Думать было некогда, и Бондаренко, не теряя ни одной доли секунды, прыгнул прямо в шурф с высоты примерно третьего этажа, успев на лету крикнуть: «Полундра!» — чтобы не задеть кого-нибудь из стоявших внизу.

Бондаренко неминуемо бы разбился, если б не его морская привычка к прыжкам с высоты и умение соскальзывать по трапу, почти не прикасаясь к нему ногами.

Пол в шурфе был, на счастье, гладким, без камней. Спрыгнувшего Бондаренко мгновенно рванули в сторону отпрянувшие вместе с ним Котло в Петропавловский. Начальник штаба своим телом прикрыл подхваченного Володю. И в ту же секунду в шурфе грохнуло: разорвалась брошенная сверху связка гранат. Осколки зачиркали по стенам. Дым и ракушечная пыль закрыли свет. И долго еще что-то рокотало и сыпалось в «семерке».

Но никто из партизан не пострадал: все успели укрыться в поперечном ходе.

День за днем ходили партизанские разведчики по ту сторону подземных крепостных стен. Они приносили малоутешительные сведения: немцы держали под обстрелом все замеченные ими входы в каменоломни. У партизан оставалось все меньше и меньше возможностей не только для связи с внешним миром, но даже для обозрения поверхности района каменоломен. Завалы препятствовали притоку свежего воздуха. Внизу с каждым днем все труднее становилось дышать.

Но горстка непреклонных патриотов, ушедших под землю и оттуда грозивших самонадеянным захватчикам, жила в черной духоте, стиснутой камнем, по всем законам той мудрой и светлой жизни, к которой они привыкли у себя дома, наверху. В свободные от караулов и работы часы Котло и Корнилов вели политзанятия. Жученков и Петропавловский устраивали для молодых партизан учения по военной технике.

Молодежь подземной крепости устроила себе жилье в одном из широких, хорошо укрепленных штреков. Место это молодые партизаны называли кубриком, но почему-то название это не удержалось, а привилось другое — «общежитие». Так и говорили: «Это у комсомольцев, в общежитии».

Здесь всегда, даже в самые тяжелые дни подземной осады, можно было услышать сипловатые звуки отсыревшего баяна. И царил тут дух того заразительно бодрого товарищества, которое заставляет даже самого робкого человека постепенно смелеть и в конце концов думать про себя: «А ей-богу же, я тоже не из робкого десятка, не хуже других».

Во всех самых опасных делах — и в вылазках, и в труднейших подземных разведках — партизаны-комсомольцы были первыми. Они постоянно просились, чтобы их выпустили в разведку на поверхность, подползали к заваленным выходам и через щели между камнями стреляли в караульных гитлеровцев. Однако комиссар иной раз, вместо того чтобы похвалить особо отличившихся своей бесшабашной храбростью комсомольцев, со своей обычной грубоватой прямоотой охлаждал их излишний пыл за «делибашьи», как он выражался, повадки:

— Нам отчаянные не нужны. Не то у нас сейчас положение. Это в стихах хорошо. Как это сказано? «Мчатся, сшиблись в общем крике. Посмотрите, каковы! Делибаш уже на пике, а казак — без головы». А нам нужны бойцы с головой. У нас людей раз, два и обчелся. Так что вы делибашить бросьте.

Котло говорил, как всегда, медленно, тяжело и прочно ставя каждое слово на свое место — не сдвинешь. Но комсомольцы видели, что ворчит комиссар больше для порядка. Хочет этот суровый насупленный человек уберечь каждую молодую жизнь от всяких опасных случайностей. И, пряча улыбки, отвечали комсомольцы:

— Есть, товарищ комиссар! Не будем делибашить!

В «общежитии» часто проводились комсомольские летучки — короткие собрания, на которых молодежь отчитывалась в выполнении заданий всякого рода. Тогда приходили сюда и Надя Шульгина с Ниной Ковалевой.

Их всегда встречали шутками, веселыми приветствиями, какими-то загадочными намеками насчет всяких симпатий и страданий, которые тут же придумывались неутомимыми балагурами. Нина смущалась, а языкастая Надя Шульгина срезала на ходу остряков и заставляла их самих прикусить язык. Но лейтенант Ваня Сергеев, выбранный секретарем подземной комсомольской организации, быстро наводил в таких случаях порядок.

Ваня Сергеев давно уже стал общим любимцем. Он чувствовал себя в подземелье как дома, потому что до войны еще был шахтером в Донбассе, а потом работая на строительстве московского метро. Он умел двигаться под землей без всякой скованности, никогда не задевая при этом каменных выступов и стен. Точный шахтерский глазомер спасал его от неприятностей, которые сыпались на злополучную голову долговязого дядюшки Манто. Красивый, ладный, даже здесь, под землей, высоко несущий голову на богатырских плечах, с неизменной участливо-терпеливой улыбкой на пригожем лице, он появлялся везде, где

требовалась помощь очень сильного, спокойного и бесстрашного человека. В движениях молодого атлета даже под землей не переставала жить какая-то пленительная свобода, хотя они и не теряли при этом строевой собранности. Несмотря на несмываемую копоть, осевшую на лицо и голову Сергеева, он был хорош собой. Вскинутые к вискам темные брови и белокурые волосы его заставляли вздыхать украдкой обеих девушек.

Но Ваня Сергеев был человек серьезный, держал своих комсомольцев в строгости и даже намеков на какие-нибудь нежности — или, как он называл, глупости — не допускал.

Когда фашисты почти окончательно замуровали и отрезали от внешнего мира отряд, комсомольцы решили предложить командованию свои услуги и, если надо, погибнуть, но выручить отряд. Старший сержант комсомолец Дерунов, опытный сапер, еще в финскую войну награжденный орденом Красной Звезды, предложил Петропавловскому свой план:

— Вы только приказ отдайте, товарищ старший лейтенант, а я пойду наверх, руками разминирую. Ясное дело, я вам за успех на сто процентов полностью не ручаюсь: в темноте там да на ощупь, без миноискателя, можно, конечно, и загреметь, — а все ж таки прикажите, товарищ старший лейтенант. Надо же людей наших спасать, и вообще действовать нам надо. Вполне возможно, и не подорвусь. А уж если ошибка выйдет, так ведь и то польза: пока то да се, проходик образуется, разведку выслать успеете. Честное слово, товарищ старший лейтенант, прикажите...

У него были необыкновенно чувствительные пальцы. Много раз во время разведок Дерунов в полной тьме непостижимо и точно нащупывал самые коварные минные ловушки, приготовленные гитлеровцами в дальних ходах каменоломен. Дерунов научил и других комсомольцев распознавать припрятанные мины. Он специально занимался также с пионерами-разведчиками. И Володя не раз дивился волшебному чутью, которым были наделены пальцы сапера-комсомольца.

Дерунов тоже был доволен Володей: «Памятливый парень. То, что требуется для сапера. Соображение быстрое, а память долгая. Далеко пойдешь, Вовка, если только с умом ходить будешь».

Уважали партизаны и других комсомольцев: Митю Заболотного, отличного связиста, вечно занятого своими проводами; вежливого, заботливого Жору Жданова, санитаря. А дядя Гриценко, сам старый пулеметчик, не мог нахвалиться Ушаковым, который изумлял всех своим необыкновенным искусством стрельбы из пулемета. Он однажды в подземном тире, к восторгу пионеров и к великому смущению Нины Ковалевой, пробуя отремонтированный пулемет, одной очередью вывел на каменной стене пулями: «Нина»...

Ушаков уверял, что он может даже полностью расписаться за себя пулеметом.

Комсомолец Леня Колышкин взял на себя обязанности парикмахера. Петропавловский и Корнилов, люди военные и придирчивые ко всяким нарушениям армейского порядка, требовали, чтобы партизаны следили за собой, держали в порядке одежду, брились. Работы Колышкину хватало. Брился он тщательно, но от постоянной копоти мыльный порошок его становился похожим на порох.

Из этой пещерки, где устроил свою парикмахерскую Колышкин, частенько слышались легкие вскрики и укоры партизан, изнемогавших от чрезмерного усердия подземного брадобрея: «Легче ты! Ты же прямо с мясом дерешь! Ну, дай я хоть послунявлю. Да хватит тебе, зверь!»

Партизаны ходили с расцарапанными, но чисто выбритыми лицами. Корнилов был доволен.

И никого не удивило, когда в красном Ленинском уголке на нижнем ярусе состоялось отчетное комсомольское собрание, на котором сам комиссар выступил с большой речью о чистоте языка.

— Я примечаю, товарищи комсомольцы, — говорил комиссар, — что некоторые из вас, в целом хорошие ребята, и даже девушки немного распустили свои языки. Некоторые эту привычку принесли с поверхности, а тут уж решили, что в темноте совсем можно распуститься. Так вот, я хочу вам сказать, друзья, что тот, кто сорит языком зря, тот

постепенно и думать начинает мусорно. Вот, например, хорошая активная, боевая девушка Надя Шульгина... (Все посмотрели на Надю, которая поспешила скрыться в тень фонаря.) Работящая, энергичная девушка. А считает, что для партизанского будто бы шика обязательно надо через каждые два слова разные штучки вставлять. Только и слышишь от нее: «Ох, вчера у нас шухер был!», «Айда, посидим побаландерим», «Баланду травить», «Убиться можно», «Будьте любовны» и прочее.

Комиссар так смешно и верно передал манеру Нади Шульгиной, что все чуть не покатались со смеху.

— Ай да здорово, Иван Захарович! Вот это подловил ловко! Ну точь-в-точь... Ой, Надюша, прикуси язычок... А комиссар продолжал:

— Товарищи, может быть, и смешным покажется, что я в такой обстановке, когда мы зажаты в осаде и потеряли почти связь с миром, занимаюсь как будто пустяками, так сказать — к изящной словесности вас приучить собираюсь. Нет, друзья. Мы отказались добровольно от солнца, от свежего воздуха, от жизни, к которой привык всякий человек. Отказались, чтобы вести отсюда, из-под земли, борьбу с врагом. Но от того, что в нас заложено, что для нас свято, мы не откажемся даже вот настолько...

И комиссар отмерил краешек ногтя на толстом своем пальце.

Внезапно тяжелый отдаленный взрыв качнул пламя в фонаре. Послышалось еще несколько ударов послабее. Наверху глухо затукали быстрые шаги. Кто-то вбежал в угол, крича еще из темноты:

— Газовая тревога! Газы!..

— Собрание закрыто. Все по местам по боевому расписанию! — быстро, но в то же время без тени торопливости и не очень громко сказал комиссар. — Бойцы химкоманды, к штабу!

Володя и его пионеры бросились на свое место: им полагалось по тревоге находиться при штабе для несения службы связи.

В штабе беспрерывно гудели сигналы телефонов. С верхнего яруса сообщали, что немцам удалось взорвать завал одного из шурфов и они сбросили в каменоломни бомбы с удушливыми и угарными газами. Застигнутые наверху партизаны сперва не поняли, что происходит, но вскоре почувствовали себя плохо, хотя держались еще кое-как на ногах... Задыхаясь, они обмотали головы снятыми с себя стеганками, но не уходили с постов. Вниз уже натягивало сладковатый, дурманящий угар...

Лазарев, Котло, Корнилов, Петропавловский, быстро надев противогазы, бросились бежать по наклонным галереям к верхнему ярусу. Вскоре туда же побежали военные фельдшерицы — тоже в противогазах.

Через несколько минут все обитатели подземной крепости превратились в странных существ с выпуклыми стеклянными глазами и резиновыми хоботами. Под землей и без того было душно, а теперь, когда лицо плотно облегла тугая резина, люди совсем обессилевали от нехватки воздуха. Некоторые в удушье срывали с себя противогазы, ничком падали на каменный пол, терли глаза, рвали на груди у себя гимнастерки. Володя и его пионеры, все в противогазах, набрасывали на лица изнемогавших мокрые платки, уводили их на нижний горизонт, в санчасть.

Там хозяйничал расторопный Асан Османович Аширов, начальник подземного лечебного пункта. На поверхности земли ему врачевать не приходилось. Но, когда началась война, его отправили на какие-то специальные курсы при штабе противовоздушной обороны, и он там успел пройти санитарную науку и познал кое-какие лечебные премудрости. Под землей все это очень пригодилось. Человек он был заботливый и неутомимый. Если уж принимался кого-нибудь лечить, так больной не знал, как от него отделаться... Аширов следовал за своими пытавшимися от него удрать пациентами в самые отдаленные от лечебного пункта галереи. Даже на сторожевых постах верхнего горизонта и там нельзя было избежать забот Аширова. И бывало так, что часовой, притаившийся полулежа за глыбой ракушечника, недалеко от поверхности земли, слышал вдруг за собой мягкий,

вкрадчивый шорох, ощущал бережное похлопывание по своему плечу и, обернувшись, замечал подползшего Аширова. «Ничего, ничего, дорогой, — говорил Асан Османович, — ты себе лежи, полеживай, неси службу, а я тебе пока что баночки поставлю. Ну-ка, дорогой, заверни-ка со спины стеганочку да поясок сними, гимнастерочку освободи, дорогой. Вот так. Очень прекрасно. Ну, теперь не крути спиной... Так, очень прекрасно, дорогой! Первая присосалась. Ставлю второй номер!.. «И на спине лежавшего часового, как грибы, выросли стеклянные банки.

Недаром, чуть кто из ребят под землей начинал чихать, тотчас же слышалось со стороны: «Это ты что? Простыл? Насморк схватил. Смотри, к Аширову попадешь...»

А сейчас Аширову хватало работы: подземная санчасть была полна отравленных газами.

Наверху уже возводили защитную стену, замазывали ее цементом, который быстро замешивал в кадке Манто, затыкали промасленными мешками все пазы. В то же время на секторе «Киев» подорвали один из фугасов, чтобы внутрь каменоломен проник свежий воздух.

Немцы сунулись было к этому отверстию, но два метких выстрела Корнилова стоили жизни двум гитлеровцам, которые заглянули в провал.

Обе фельдшерицы, а с ними Надя Шульгина и Нина Ковалева сбились в этот день с ног, ухаживая за отравленными партизанами. Наутро все больные были уже в строю, но с этого дня вышел приказ всем партизанам всегда иметь при себе противогазы.

Мальчики постепенно освоились со своими пионерскими пушками-самопалами. Ежедневные занятия с Корниловым в тире сказались. Конечно, ребятам не терпелось скорее применить свое оружие в настоящем деле, и они были очень обрадованы, когда командование разрешило старшим пионерам стоять вместе со взрослыми на посту охранения — правда, не на самом опасном участке, но все же в одном из важных мест: на верхнем ярусе, где пересекались недалеко от главного ствола многие коридоры.

Выходы всех этих галерей к главному стволу были давно уже заделаны искусственными стенками. Караул располагался за одной из них. Здесь надо было сидеть в полной темноте, не подавая ни звука, и следить, не предпримет ли что-нибудь противник, который взрывом уже расчистил завал главного ствола. Немцы несколько раз бросали в этот шурф бомбы, но крепкие, двойные стенки, построенные поперек галерей партизанами, не обрушились.

Однажды Володя, вооруженный своим обрезом-самопалом, дежурил здесь вместе с дядей Гриценко и старым Шустовым. Оставив Володю подле стенки, в которой имелось отверстие для наблюдения, оба старых партизана отошли в глубь штрека, чтобы покурить. Володя слышал, как они шептались, вспоминая былое.

— Помнишь, Иван Захарович, — доносился до Володи шепот Шустова, — не забыл еще, как девятнадцатого мая, тогда, в девятнадцатом году, заседали тут на нас деникинцы?

— Эге ж, как про то не помнить! Такого не забудешь, — отвечал немногословный дядя Гриценко.

И Володя видел, как во мраке едва заметно возникало маленькое светлое пятнышко и тотчас исчезало: это дядя Гриценко затягивался сигаркой, которую держал прикрытой в кулаке.

— А помнишь, как англичане миноносцы свои подвели да и давай садить по нашим каменоломням? Я так считаю, что снарядов триста выпустили.

— Не меньше того.

— И тоже некоторые газком были заправлены. А?

— Как же то не помнить! А только что толку для них с тех снарядов было?

— Толку не было.

— Эге ж, и теперь не будет.

— Я то и говорю, — соглашался Шустов.

На этом и закончилась беседа двух старых друзей, много лет подряд проведенных вместе

на земле и на море, где оба рыбачили, и вот теперь опять сошедшихся под землей.

В это время в боковой галерее послышался короткий стук, будто что-то упало. Шустов велел Володе остаться на месте, а сам с Гриценко пошел в поперечный штрек, чтобы узнать, что там происходит. Володя остался один. Как раз в этот час на проверку постов вышли Корнилов и Шульгин. Они шли с затемненными лампами, держа в руках, по подземным правилам, пистолеты с открытыми предохранителями. Когда они вошли в галерею, которая вела к главному стволу, из темноты раздался негромкий голос Володи:

— Кто идет?

Привыкшие действовать в темноте, партизаны уже узнавали друг друга по голосу, и Корнилов, услышав Володин голос, вместо пароля тихо ответил:

— Свой, свои...

Он двинулся дальше, не снимая чехла с лампы и осторожно щупая неровности стены. Неподалеку от него тотчас же послышался шорох и снова настойчиво прозвучал голос Володи Дубинина:

— Стой! Пароль!

Корнилов шагнул было вперед и вдруг почувствовал, как в грудь ему больно уперся холодный ствол.

— Вовка, да ты что! Не узнаешь, что ли?

— Пароль или стрельну! — прозвучало в темноте.

— Фу ты! — уже рассердился Корнилов, но поспешил все же произнести: — «Москва»! Обрез отодвинулся от его груди, и в темноте близко прозвучал отзыв:

— «Мушка»! Проходите, дядя Гора.

— Ты что это выдумал, Вовка? Ведь так и застрелить меня мог бы... Голоса моего, что ли, не узнал?

— Узнать-то узнал... только вы сами велели всегда по уставу выполнять, на слух не надеяться... а сами нарушаете.

Корнилову очень хотелось сказать: «Ах ты поросенок эдакий, еще учить берется...» Но он сдержался и пробормотал:

— Гм... Это ты, конечно, правильно делаешь.

Из боковой галереи, осторожно шагая через разбросанные камни, вышли Шустов и дядя Гриценко. Они легонько осветили шахтерками Корнилова.

— На посту все в порядке, товарищ политрук, — сказал Гриценко, — происшествий никаких. Немцы сверху камешками лукаются, нервы наши пробуют. Ну и шут с ними!

Сменившись с караула, пообедав, Володя отправился в красный уголок, где он каждый день собирал своих пионеров. Он застал всех ребят уже на месте. Они сидели у стола, на котором стоял зажженный фонарь, и Ваня Гриценко читал вслух про Тома Сойера.

Пахло сыростью от ковров, на которых не двигались круглоголовые тени заслушавшихся ребят. Володя тихо подошел к столу. Ваня читал как раз то место, где Том Сойер вместе с Бекки Тэчер заблудились в подземной пещере и у них догорает последняя свеча.

— «Дети не сводили глаз с последнего огарка свечи, следя за тем, как он тихо и безжалостно тает, — читал Ваня. — Наконец осталось всего только полдюйма фитиля. Слабый огонечек то поднимался, то падал и вот вскарабкался по тонкой струйке дыма, задержался одну секунду на ее верхнем конце, — а потом воцарился ужас беспросветного мрака...»

Тут Ваня остановился, заметив, что все его слушатели, склонившись к самому столу, заглядывают в мутное стекло фонаря и неотрывно, испытующе, со страхом и надеждой смотрят, как там ведет себя подрагивающий, зазубренный, плоский огонек горелки, похожий на бледный петушиный гребешок.

Смотрел туда и Володя.

— Ну что ж, будем дальше читать? — спросил Ваня.

Все зашевелились, вздохнули.

— А они потом выбрались, спаслись? — любопытствовал Вова Лазарев, заглядывая через плечо читавшего.

— А ты потерпи и узнаешь, — сказал Ваня, загораживая книгу. — Вот не люблю, когда вперед заглядывают!

— А зачем он туда, в пещеру, полез? — спросил Жора Емелин.

— Ты что же, не понял ничего, когда я прошлый раз читал? — упрекнул его Ваня. — Там же клад был. А они все этот клад искали.

— Ну это, положим, ты путаешь, — вмешался Володя. — Клад они в другом месте искали, а потом уж он тут оказался.

— А какой это бывает клад? — заинтересовался Вова Лазарев, который пропустил два дня чтений, так как у него болела голова от сырости.

— Ну, сокровища всякие.

— А это что — сокровища?

— Золото, значит.

— Часы.

— Ну, почему обязательно тебе часы? Золотые деньги могут быть, кольца, вообще всякие драгоценности.

Видно было, что Вова Лазарев не прочь бы спросить, как это понимать: «драгоценности», но он с опаской посмотрел на Володю и сказал:

— А они ему для чего были?

— Ну, он хотел на них жить богато, поехать куда-нибудь, путешествие сделать...

— В экскурсию? — спросил Жора Емелин.

А Вова Лазарев мечтательно произнес:

— А мы, когда еще войны не было, тоже путешествовали! Меня мама к тете в Ростов возила. А в этом году мы хотели на Кавказ путешествовать. Только вот война стала...

— И мы поехали в деревню, — раздалось из-под стола, и оттуда вылезла четырехлетняя Оля Лазарева.

Так как перед уходом отряда под землю Лазаревы для сохранения тайны говорили всем, будто они эвакуируются к родным в деревню, то Оля до сих пор была уверена, что каменоломни и есть та самая обещанная ей деревня.

— Молчи уж ты! — пригрозил ей брат. — Если пустили тебя сюда, так помалкивай, а то отведу сейчас к матери на второй горизонт!

— А почему в деревне всегда как вечер? — не унималась Оля.

— Слушай, Олька, будешь много спрашивать, я тебя отсюда сейчас...

Оля сделала губы толстыми, вывернула их и приготовилась зареветь. Володя поспешно подхватил ее и посадил к себе на колени:

— Что ты ее гонишь? Пусть сидит слушает, развивается. Пригодится ей в жизни.

Володя отодрал уголок газеты, согнул его раз, другой, третий, повернул, сложил, вывернул, и перед Олей оказался бумажный кораблик.

— А почему всегда в деревне целый день вечер, — опять спросила Оля, — и окошков нет?

— Потому что затемнение у нас тут, — нашелся Володя.

— А мы всегда тут будем?

И все ребята взглянули на своего вожака, — как он ответит. Володя заметил, с какой тревогой ждали от него ответа.

— Зачем всегда? Вот скоро фашистов сверху... то есть, я хотел сказать, из поселка... выкинут, и мы из деревни домой поедem.

— Дома хорошо! Там столько окошков, и все видно, — почему-то шепотом, как о чем-то самом сокровенном, сказала маленькая Оля.

И все замолчали. Всем вдруг так захотелось посмотреть в окошко и увидеть солнце и море и жить снова так, чтобы были не только вечер и ночь, но чтобы и утро было каждый день.

Потом опять заговорили о кладе, который искал Том Сойер.

— Конечно, как свечка у него сгорела, — сказал Толя Ковалев, — так он подумал, что без света ему совсем уж не вылезти.

— Да еще неопытный он был, — объяснил Ваня Гриценко. — Вам с непривычки тоже целый день тут не очень-то весело показалось?

— А что, если бы мы клад нашли? — сказал Жора.

— Какой такой клад? — спросил Володя. — У нас это называется раскопки. Нам учитель Ефим Леонтьевич по истории объяснял, и мы в музей с ним ходили, в лапидарий... Ну, если б нашли такой клад, тоже бы отдали в музей.

— Ясно, отдали бы, — подтвердил Ваня Гриценко. — Что ж, себе бы забрали, что ли?

— А себе ничего совсем не оставили бы? — поинтересовался Жора Емелин. Володя строго пояснил:

— Сперва бы все отдали, а потом бы уж за это нам благодарность объявили или школу нам восстановили.

— А денег бы совсем не дали за это? — спросил Жора.

— Ну, наверное, премировали бы — не в том счастье, — решил Володя. — Меня вон премировали за авиамодели, и я в Артек ездил. Так не за то ж работал!

Жора заявил:

— Я бы только фотоаппарат себе выпросил.

— А я бы еще попросил, чтобы мороженого дали целый ящик! — размечтался Вова Лазарев.

— А то ты мороженого никогда в жизни не ел! — упрекнул его Толя Ковалев. — Живот бы от жадности лопнул.

— А я б сразу все не ел. Я бы порций десять съел сразу, а остальное на погреб бы снес.

Стали думать, на что бы мог еще пригодиться клад. Устроить для всех пионеров праздник? Все равно лучше, чем Первое мая, не выйдет. Ходить каждый день в кино по три раза? А когда же уроки учить? Жить, ничего не делая? Ну что делать тогда? Купить в магазине на Кировской выставленный в окне корабль? Так почти такие Володя без всякого клада сам умел строить.

— Нам и без клада до войны хорошо было, — сказал Жора. — Жили себе — лучше не надо! Мне уж папа фотоаппарат обещал...

— Конечно, — сказал Вова Лазарев, — это у них за границей, в Америке, нужны всякие эти сокровища.

— Как, как ты сказал?

— Ну, сокровища...

— Не сокровища, а сокровища, — поправил его Ваня Гриценко. — Нет, я считаю, сам этот Том Сойер — парень, в общем-то, был хороший, смелый. Только целоваться любил чуть что... А так он потом этот клад со своим товарищем честно пополам разделил в конце книги. А тот был совсем бедный, почти беспризорник. Ему и учиться было не на что. Ведь у них там, за границей, без денег и учиться нельзя.

— Ясно. У них же капиталисты, — солидно заметил Толя Ковалев. — У них там как? — продолжал он убежденно. — У них там — я читал в одной книжке, название только забыл — каждый хочет для себя побольше набрать и друг у дружки отнимают. А у нас же самое главное — это все общее.

— Потому что у нас скоро будет уже совсем коммунизм.

Это сказал Володя, и все повернулись к нему. А Вова Лазарев сперва повторил тихонько про себя: «Коммунизм», — а потом решился спросить:

— А вот как это, Володя, будет, что — коммунизм? Володя, подумав, твердо ответил:

— Коммунизм когда станет, так все у всех будет. «Все у всех!» — повторили про себя младшие пионеры.

— Да, — продолжал Володя, — это значит: каждый будет работать как может, на что он способный, а ему всего дадут, сколько ему нужно. Отказа ни в чем не будет. Всего будет

достаточно, потому что техника везде пойдет! И люди станут все развиваться, сделаются могучими и всю природу покорят! Только тут еще дела хватит, папа говорит. Так сразу, легко, конечно, не выйдет. Тут надо еще всем будет потрудиться. И следить, чтоб не разорвал никто!.. Я про это книжку читал...

— Володя, а скоро будет коммунизм?

— Да он бы уж, наверное, у нас совсем скоро стал, только война вот... фашисты против. Неохота им, чтоб у нас коммунизм был.

— Я тогда знаю, на что бы клад отдал! — воскликнул вдруг Толя. — В фонд обороны СССР! Чтобы на тот клад танк сделали и назвали от нашего имени «Юный партизан».

И все замолчали, задумавшись. Где-то далеко, должно быть в крайней штольне верхнего горизонта, заглушенно зарокотал обвал.

— Это в секторе «Киев», — прислушавшись, уверенно пояснил Володя и почувствовал, как чья-то рука легла ему на плечо.

Он поднял голову — к нему склонился Корнилов. Политрук уже давно стоял тут, неслышно подойдя по мягкой пыли ракушечника, никем не замеченный в тени. Он слышал конец разговора, но не хотел вмешиваться. Глаза у него странно блестели, и, посмотрев на политрука, Володя понял, он все слышал.

— Ничего, пионеры, — сказал Корнилов, — все будет хорошо. Самый дорогой на свете клад, самое драгоценное сокровище мы еще вместе с самим товарищем Лениным Владимиром Ильичом в 1917 году отвоевали. Это наша свобода, та жизнь, к которой мы с вами уже привыкли. Мы этот клад сейчас с собой под землю укрыли, чтоб фашисту не отдать, и этот клад в верных руках: его с нами по ленинскому завету партия бережет. — А потом Корнилов негромко сказал: — Володя Дубинин, Ваня Гриценко, пройдите в штаб. Вас командир вызывает.

Уже два дня командование отряда изыскивало всякие способы, чтобы установить связь с поверхностью. В поселке Старый Карантин жил один человек, который должен был сообщать подземным партизанам о действиях вражеских войск, о продвижении их к Керчи и о мерах, которые принимаются фашистами против партизан. То был Михаил Евграфович Ланкин, болезненный, тихий человек, работавший прежде комендантом каменоломен. По заданию командования партизан и крымского подпольного партийного центра он остался в поселке. «Куда уж мне, со здоровьем моим, с места на место мыкаться», — объяснял он удивлявшимся соседям. И при этом покашливал и сам себя стучал сзади кулаком по сутулой, почти горбатой спине.

В Крым он перебрался из амурского города Благовещенска еще совсем молодым — доктора посоветовали. Несколько лет он был смотрителем Павловского маяка — того, что высится между керченской крепостью и Старым Карантином. Здесь он долго жил бобылем, лишь в редких случаях появляясь в городе, и, может быть, привычка к одиночеству сделала его малоразговорчивым, нелюдимым. Когда Ланкин стал комендантом, он перебрался в крохотный домишко на поверхности каменоломен, в поселок, который носил со времен гражданской войны название «Краснопартизанский». Домик Ланкина приютился в выемке горы, откуда вырезали с поверхности камень-ракушечник.

Жученков и Лазарев давно знали Ланкина как человека щепетильно честного, исполнительного, верного своему слову и преданного делу. Еще задолго до ухода партизан под землю они доверили Ланкину тайну отряда. Комендант каменоломен помогал отряду готовиться к подземной жизни. Вместе с Жученковым он подвозил и укрывал в каменоломнях подрывные материалы. Целые дни и ночи он вместе с рабочими механического цеха заряжал гранаты или приспособлял подземные пещеры для жилья. Покойный Зябрев, который до войны был секретарем партийной организации Камыш-Бурунской электростанции и хорошо разбирался в людях, тоже знал Ланкина. Он полагал, что немногословному коменданту можно довериться во всем. Ланкин был беспартийным и, значит, оставаясь на поверхности после ухода отряда, вызывал бы меньше подозрений со стороны фашистов. Зябрев согласовал вопрос о Ланкине там, где полагается.

И вот этот тихий, незаметный, согбенный человек с готовностью принял на себя смертельно опасное задание Зябрева: он остался на поверхности связным между подземными партизанами и подпольным большевистским центром.

Незадолго до войны Ланкин женился. Как только началась организация отряда Зябрева, комендант отослал жену к своей сестре в Старый Карантин, а сам остался в своем домишке, врезанном в гору над каменоломнями. Никто не знал, что в маленьком погребке под домиком коменданта спрятан телефон, провод которого уходил под землю, где на далеком его конце находился другой походный аппарат, — тот, что стоял на командирском столе в штабе партизанской крепости. И ни один человек, который вошел бы в домик Ланкина, даже при тщательном осмотре не смог бы догадаться, что одна из массивных каменных стен, если умело, особым способом, нажать на секретный выдвижной камень, без особых усилий сдвинется с места, открывая ход в погреб, откуда шел узкий подземный лаз в самые каменоломни.

В первые дни после прихода гитлеровцев в Старый Карантин Ланкин несколько раз спускался в верхний горизонт каменоломен и оставлял в условленных местах записки, в которых и сообщал командованию партизан очень важные сведения с поверхности. По ночам он вызывал штаб по телефону. Но затем связь внезапно оборвалась.

Макаров и Важенин, ходившие в разведку наверх, пока это было возможно, узнали, что гитлеровское командование выселило всех жителей из домов, находившихся над каменоломнями или вблизи от них. И, должно быть, Ланкин, как это было предусмотрено на такой случай, переехал к сестре в Старый Карантин. Потом разведчики партизан, попытавшиеся было выйти на поверхность через подполье комендантского домика, убедились, что фашисты взорвали его. Подземный ход оказался заваленным.

Связь с Ланкиным была окончательно потеряна.

Необходимо было связаться с ним, но все попытки взрослых разведчиков выйти на поверхность ни к чему не привели. Фашисты сторожили выходы из каменоломен, патрули шныряли по всей округе.

Скрепя сердце Лазарев и Котло решили опять послать наверх пионеров.

На этот раз в разведку были назначены Володя Дубинин и Ваня Гриценко. Комиссар с расстроеным и, как всегда в таких случаях, немножко виноватым видом долго втолковывал мальчикам задание. Их опять хорошо покормили на камбузе и одели в теплые стеганные куртки. Корнилов, посадив маленьких разведчиков, еще раз проверил, хорошо ли они усвоили задание, и через час Влас Важенин, опытный, юркий, коренастый разведчик, повел их в одну из крайних штолен, которая выходила на поверхность далеко от поселка. Там вчера партизаны незаметно расчистили старый завал и убедились, что немцы не заметили этого. К тому же на противоположном конце каменоломен Лазарев приказал подвести пулемет к одному из лазов и открыть огонь. Это должно было отвлечь внимание немцев, и разведчики могли незаметно выйти на поверхность.

Шедший впереди мальчиков Важенин, оставив в штольне пригашенный фонарь, подполз к выходу и, внимательно осмотревшись, скомандовал:

— Выходите, дружочки, в добрый час!

Отверстие, из которого перед рассветом выбрались на поверхность мальчики, было почти невозможно заметить снаружи. Сама природа искусно замаскировала его. Здесь в одной из глубоких выемок у основания отвесной каменной стены находилось углубление. Если смотреть сверху, оно походило на небольшую яму, но на дне этой ямы было отверстие, открывавшее ход под каменной стеной.

Взрослый человек вряд ли бы смог пролезть через эту узкую дыру, но гибкие мальчишки легко выбрались наверх. Важенин остался сторожить изнутри; к шести часам вечера пионеры должны были вернуться через этот лаз обратно.

Мальчики проползли метров двести по ложбинке, засыпанной рано выпавшим снегом, и, оказавшись за пределами района каменоломен, поднялись, отряхнулись и зашагали к поселку. Оба держали себя так, как учили их командиры. Вид у них был беззаботный — они

гоняли ногами круглые камешки, перебегали с места на место. Вскоре ребята оказались на шоссе, которое вело в Старый Карантин. Здесь, если бы кто-нибудь из фашистов и заметил их, это уже не было опасно.

Двигаться мальчикам было не так-то легко: с восходом солнца у них нестерпимо разболелись глаза, отвыкшие от дневного света. Ребята старались щурить их, прикрывали ладонями. И все же белизна снега слепила, вызывала болезненную резь и непрерывное слезотечение.

Володя вспомнил первую разведку:

— Вот еще незадача, Ваня... В тот раз реветь надо было, чтобы немцы думали, будто я это из-за Лыски, — так хоть плачь, а слез не было. А сейчас, когда не нужно, сами текут.

Пришлось посидеть на дне попавшегося по дороге овражка и подождать, пока глаза немного освоятся с дневным светом. Потом мальчишки встали и двинулись в путь. Им хотелось узнать, что делается в Керчи. Они забрались на холм, откуда открывался далекий вид на море и город. И вот в дымке ноябрьского дня, в черном дыхании пожаров завиделся вдали Митридат. Керчь горела. Даже сейчас, днем, дымное небо над ней было багровым. Справа, полузакрытый туманом, тянулся пролив. Все было там мертво, ни одно суденышко не показывалось на море. Куда девались все пароходы, катера, танкеры, шаланды, которые обычно бороздили здесь поверхность пролива, оглашая простор гудками, сиренами, черная ветер широкими белыми ковшами парусов...

Сейчас только тяжелое бухание немецких пушек, от которого словно передергивало всю округу, доносилось оттуда.

Но там, в тумане, по ту сторону пролива, прорисовывались контуры Таманского берега. Там были свои. Там была Красная Армия.

Шоссе казалось пустынным. Изредка в сторону Керчи по укатанному снегу проносилась одинокая немецкая машина — низкая, неуклюжая, запятнанная маскировочной окраской.

Мальчишки свернули с шоссе на тропинку, чтобы быстрее пройти в Старый Карантин. В это время со стороны Керчи послышался нарастающий гул моторов. Гул постепенно заполнял все небо. Пионеры увидели, как внезапно, завизжав тормозами, остановилась на шоссе мчавшаяся грузовая машина. С обоих бортов ее из-под тента посыпались немецкие солдаты. Они бежали в разные стороны от шоссе, бросались ничком в ложбинки, плюхались в ямы. А из-за холмов, оглушая всю округу ревом разъяренных моторов, пронеслись штурмовые самолеты. Они оставляли внизу, позади себя, дым, пламя, ад крошечный, меча короткие частые молнии из-под крыльев, на которых мальчишки с восторгом разглядели красные пятиконечные звезды. С грохотом, покрывшим все звуки на свете, пронеслись и исчезли в небе краснозвездные машины.

На шоссе догорали обломки взорванного грузовика.

В той стороне, куда унесли штурмовики, высоко к небу поднялись лохматые черные исполины — головой под облака. Они встали, зашатались, исторгая грохочущий стон, и, разметав огненные лохмотья и космы дыма, медленно рухнули, совсем как вставшие из гроба мертвецы в «Страшной мести» у Гоголя.

— Вот дают им наши! — приговаривал Володя, стоя во весь рост на холме, забыв совсем о том, как должен вести себя разведчик. — Ох дают!

В эту минуту Володе казалось, что сам он неуязвим, самолеты с красными звездами прикрывают его путь сверху, он даже и не думал о том, что любой случайный осколок близко упавшей бомбы мог бы смести его с лица земли.

Вскоре мальчишки вышли к восточной окраине поселка. По дороге они успели заметить, что примерно в четверти километра от поселка, недалеко от шоссе, в одной из глубоких выемок немцы устроили походную ремонтную мастерскую. Там, скрытые тенью выемки, незаметные для авиации, притаились машины с зенитными установками. Возле них копошились ремонтники в комбинезонах, перебирали моторы. Слышался лязг металла.

— Эге, — шепнул Ваня, — примечай!

— Ты головой не верти в ту сторону. Иди себе прямо. Я давно приметил.

— Володя, — заговорил вдруг опять Ваня, — ты глянь глазком одним: там, в соседней выемке, дом взорванный видишь?

— Вижу, а что?

— Так имей в виду: там бомбоубежище было, оттуда есть лазок в штольню, к нам ход.

— Ну? — оживился Володя. — Это надо нашим сказать. Они отсюда свободно могут всю ихнюю мастерскую расчесать.

— Вот про то и разговор.

Мальчики уже отошли довольно далеко от ремонтной мастерской, когда их остановил окрик сзади. Они обернулись. Солдат в пилотке и сером стеганом замасленном комбинезоне, с засученными по локоть рукавами, подзывал мальчиков жестами и кричал:

— Эй, рус! Ком! Ком!

— Чего ему еще? — насторожился Ваня. — Заметил, что ли? Может, убежим?

— Идем, раз зовет. Ты давай посмелее. Помни, что комиссар говорил. Держись вольно.

Мальчики подошли к немцу. Солдат сунул в руки Володе ведро, показал на него пальцем:

— Бринг маль эйн эймер вассер. Гешвинд!

— Воды, что ль, принести велит? — Володя вопросительно посмотрел на Ваню.

Солдат показал на ведро, погрозил пальцем, потом согнул его так, словно нажимал гашетку, кивнул на ведро и сделал вид, будто прицеливается воображаемым пистолетом в мальчиков.

— Пук-пук! — сказал он и строго подмигнул: дескать, не вздумайте удрать с ведром — застрелю.

— Принесем? — спросил Ваня.

— А что ж... Приходится, — сказал Володя. И, когда они отошли, шепнул Ване: — Ничего. Зато поглядим поближе, как они там мастерскую устроили. Скажем тогда нашим, как подобраться сюда лучше.

В колонке, которая была недалеко от шоссе, воды не оказалось, пришлось пройти к колодцу на окраине поселка. Увидев двух женщин, бравших воду, Ваня немного поотстал: он боялся, как бы кто-нибудь не узнал его. Володя пошел один. Он надел ведро на крючок, спустил его в колодец, придерживая лоснящийся, наполированный сотнями рук деревянный вал, с которого сматывалась вниз веревка, а потом, с размаху нажимая обеими руками на толстую железную ручку, вытащил полное ведро наверх. Колодезный ворот визжал, как поросенок, но Володя все же расслышал, о чем говорили удалявшиеся с ведрами женщины.

— Одни уходят, других ставят, — жаловалась пожилая женщина. — Чего те не захватили, так эти тащат. До чего жадные, это ужас!

— И ведь никуда от них не денешься, чуть не в каждый дом поставили. Все хапают, а чуть слово скажешь, так сразу начинают орать: «Партизан, партизан!» И на землю — пальцем! Во все колодцы пуляют, все погреба засыпать велели.

Женщины ушли. Володя снял с края колодца полное ведро и подошел с ним к Ване. Они вдвоем понесли ведро к немецкой мастерской. Солдат, пославший их, беседовал с двумя другими немцами, стоявшими возле грузовика с открытым капотом мотора. Мальчики молча поставили перед ним ведро.

— Корош! — сказал немец, подмигнул своим собеседникам, и все трое громко захохотали, глядя на мальчиков.

У Володи стало вздергиваться плечо. Ваня осторожно подтолкнул его сзади. Плечо у Володи опустилось на место. Немец, решив показать, что он благодарен за услугу, протянул мальчикам две сигареты, зажатые между грязными, замасленными пальцами.

Оба разведчика решительно замотали головами. Солдат побагровел, надул щеки и внезапно с размаху ткнул сигаретой в нос Володе. Тот невольно оттолкнул ее рукой. Тогда немец вдруг затопал обеими ногами в толстых ботинках и замахал над головой сжатыми кулаками, делая вид, что сейчас набросится на ребят. Те, мельком переглянувшись,

бросились наутек. Они бежали, тяжело дыша от обиды, а сзади доносился громкий хохот трех солдат. Мальчики уже далеко отошли от мастерской, а трое немцев все еще хохотали им вслед.

— Разобрало как, — пробормотал Ваня. — Это они над нами.

— Ничего, поглядим еще, кто потом смеяться будет. Ты видал, сколько в выемках перьев нашипано? Это они кур у людей поотнимали. Значит, они и живут там, возле мастерской, в заваленной штольне. Понятно это тебе?

Не укрылось от внимания разведчиков и то, что происходило вдали, у разрушенного входа в главный шурф каменоломен. Там враги устроили что-то вроде колодезного журавля, при помощи которого они сбрасывали вниз, в подземную крепость, мины. Кое-где на поверхности каменоломен стояли высокие треноги, очевидно для бурения. К юго-западу от каменоломен, на шоссе, которое вело в Феодосию, скопилось много машин; сюда же подвозили орудия. Очевидно, в Старый Карантин прибывали войска. Немцы что-то затевали. Может быть, Ланкин уже знал, к чему готовятся гитлеровцы. Надо было во что бы то ни стало разыскать его.

Мальчики и прежде знали дом сестры Ланкина, в котором теперь жил бывший комендант каменоломен. Они были у него в этом доме накануне ухода отряда под землю, когда Зябрев посылал их оповестить об этом партизан, живших в поселке. Из осторожности они сначала прошли мимо домика Ланкина, заглянули как бы невзначай во двор, но не заметили там ничего подозрительного. Только после этого они вернулись обратно и постучались в дверь.

За дверью раздались шаги, загремел железный шкворень.

— Ну, теперь ты молчи, я буду говорить, как комиссар велел, — успел сказать Володя Ване, и в это мгновение дверь приоткрылась.

Из нее высунулась женщина, простоволосая, в накинутом на плечи платке. Она вопросительно взглянула на мальчиков:

— Вам, хлопчики, чего?

Володя быстро проговорил, как требовалось:

— Мы к вам, тетя, насчет овса. У нас коней кормить нечем, а у вас, говорят...

Женщина быстро оглядела двор, втянула обоих мальчиков за собой в сенцы, захлопнула дверь, заложила ее шкворнем и исчезла в горнице, оставив разведчиков одних.

В сенцах было темно почти так же, как в каменоломнях. Но сейчас же открылась дверь из комнаты, показался невысокий, чуть горбатый человек, в котором ребята сразу узнали Ланкина.

— Заходите, заходите, дружочки. Ну вот, хорошо! А то уж я тревожился. Столько дней никого...

— Мы к вам пришли узнать насчет овса, — многозначительно сказал Володя.

— Да ладно уж тебе, — Ланкин махнул на него рукой, — вы садитесь лучше... Люба, дай оттуда табуреточку... Что ты мне темнишь, не знаю я вас обоих, что ли?

— У нас, дядя, кони не кормлены, а у вас, говорят... — не сдавался Володя.

— Брось ты это, — добродушно сказал Ланкин, — я к тебе, видишь, и так с полным доверием. Я ж тебя там видел. Да и заходили ко мне, когда вас командир посылал. Тебя вроде Вовой кличут. Верно?.. Ну, а уж тебя, Ваня, говорить нечего, еще таким вот помню. Ну, давай быстро, выкладывай все. Как у вас там? Наделали вы немцам дел. Тут такой был переполох, целая ярмарка! Начальство их приезжало. Войска нагнали! Всех, кто от каменоломен близко жил, выселили. И меня с ними. А домишко мой подорвали. Уж я бился, бился, как опять с вами связаться... Ну, а что теперь Александр Федорович затевает?

Мальчики переглянулись. Ваня вздохнул тяжело, а Володя, опустив глаза, перебирал шапку в руке.

— Дядю Сашу похоронили, — проговорил он еле слышно.

— Это как же!.. — Ланкин подался весь вперед, голова его совсем ушла в плечи. Он схватился за нее руками. — Это как же, детки, беда такая случилась? Как же вы там

Александра Федоровича-то не уберегли? Ведь человек-то уж очень прекрасный...

Он сразу стал маленьким, сгорбился пуще прежнего.

— Слышала, Люба? — крикнул он в соседнюю комнату. — Ах ты, горе-то какое! Кто бы думал... Ах, беда!.. Кто ж теперь вместо него?

Мальчики передали все, что наказывал Лазарев, рассказали о положении в каменоломнях. Ланкин выслушал это и посоветовал скорей возвращаться в подземную крепость. Он сообщил, что Керчь занята немцами.

Шестнадцатого ноября, когда фашисты были уже на Митридате, рассказывал Ланкин, из города вырвалась последняя грузовая машина. На ней покинули город секретарь горкома партии, командующий военными силами и председатель горсовета.

Немцы обстреляли машину трассирующими пулями. Теперь гитлеровцы везде ищут партизан. Расклеены приказы, в которых всем велют заделывать каменными стенами все подземные ходы, катакомбы, даже подвалы и погреба. За неисполнение — расстрел. Опасаются каждой дырки в земле: вдруг оттуда партизаны полезут...

Ланкин сказал также, что гитлеровцы, по его наблюдениям, готовятся к штурму каменоломен. Они тщательно обследуют все лазы. Кто-то из местных оказался, видно, предателем, показал ходы. Немцы подтаскивают артиллерию, ночью освещают ракетами и прожекторами весь район над каменоломнями. Среди фашистов ходит слух, что под землей скрывается целая партизанская армия. Со вчерашнего дня к району каменоломен непрерывно подвозят орудия, боеприпасы. Над главным шурфом даже звукоуловители поставлены. Весь район по ту сторону шоссе, примыкающий к каменоломням, объявлен запретной зоной. Вокруг расставлены часовые. Сегодня туда привезли бетономешалки — должно быть, хотят наглухо замуровать все выходы, чтобы партизаны оказались в ловушке.

Ланкин повел пионеров на чердак. Здесь у него оказался припасенный, сверху прикрытый соломой, сильный артиллерийский бинокль. Ланкин дал мальчикам по очереди посмотреть в него. Через слуховое окно можно было разглядеть часть района над каменоломнями.

— Вон, видишь? Справа, — пояснил он, — у вас там как раз под тем местом приходится сектор «Волга». Вот они, видно, через ту штольню к вам зайти хотят. Сектор «Киев» отсюда плохо видать, но я вечером выходил, заметил и там скопление. Так что скажи Лазареву: они вас штурмовать будут с обоих секторов. Да и с центрального, видно, собираются нажать на вас. Пусть ваши подготовятся. И вы давайте скорей, а то могут и сегодня... Кто знает...

— А больше насчет овса ничего не надо передать? — спросил Володя, считавший, что разговор звучит уж слишком просто.

Ланкин даже огорчился:

— Опять ты мне насчет овса! Я ему уже полчаса все разъясняю, а он заладил про овес. Ты вот лучше погляди... Как там, с того краю, где вы вылезли, ничего не замечаете? А то как бы вас на обратном пути...

Володя навел бинокль на дальний край возвышенности, где находились каменоломни. В большом светлом круге, в центре которого маячил черный крестик, а рядом стояли нанесенные на стекле палочки делений и цифры, он увидел казавшееся совсем близким шоссе, знакомую местность и... Бинокль качнулся в его руках. Володя не сразу опять смог найти нужную точку. Он ясно увидел, что в том самом месте, где они утром вылезали из-под земли, движутся темно-зеленые фигуры гитлеровских солдат.

Обратный путь был отрезан.

Глава XI Свидание со звездами

Начинало уже смеркаться, когда мальчики окончательно убедились, что возвращение под землю через ход, из которого они вылезли утром, невозможно. Должно быть, немцы днем обнаружили там что-то подозрительное и поспешили принять обычные в таких случаях

меры. Маленькие разведчики хорошо рассмотрели издали, что у того места, куда выходил лаз, возятся немцы: подтаскивают колья, волокут колючую проволоку, роют пулеметные гнезда.

— Так, — сказал Володя, обозревая местность возле каменоломен поверх каменной ограды у крайнего домика в поселке. — Тебе ясно?

Ване Гриценко все было ясно.

— А нас ждут в восемнадцать ноль-ноль, — продолжал Володя. — Положение, а?

— Что же мы теперь делать станем? — растерянно спросил Ваня и, поглядев на Володю, сразу пожалел, что поторопился с вопросом.

Маленький командир «группы» так и сверкнул из-под ресниц своими лучистыми глазами:

— Видишь, кажется, я соображаю — ну и помолчи! Вот приму решение, тогда и пытай.

Он дернул плечом и потерся о него щекой. Как известно, это было у Володи признаком затруднительного раздумья. Помолчав минутку, Володя не очень уверенно поглядел на своего подчиненного.

— Слушай, Ваня... Ты тут всю местность лучше меня знаешь. Ведь вон там, за тем увалом, еще одна дырка была. Я, когда еще маленький был, тоже туда прятался...

— Это куда еще корова дяди Василия провалилась? Еще бы не помнить! Тебя еще тогда батя с веревкой ходил вытягивать. Это где мы с Шустовым ходили?

— Да нет, не про то я! Слушай толком. Помнишь, там еще ход был... Гляди, вон в той местности, где немцев как раз не замечается, все чисто... Они про тот ход и не догадываются. Пошли туда! Проберемся. Ну? Что стоишь?

Но Ваня в нерешительности мешкал, не трогаясь с места.

— Вовка, — проговорил он смущенно, — я то место знаю... Конечно, сейчас не до того... можешь даже и смеяться, по только лучше б нам туда не лазить.

— Куда это не лазить? — изумился Володя, с негодованием обернувшись к Ване Гриценко.

— Да вот через ту штольню, ведь это же та самая... где огоньки по ночам были. А сейчас, гляди, уже темнеет. Ну, сам знаешь. У нас люди сроду туда не ходили.

— Э, мало куда раньше люди не ходили! Раньше люди на земле жили, а мы вот с тобой которую неделю под землей... И пора бы забыть все эти бабушкины пугалки...

Володя говорил неестественным баском, стараясь придать командирскую твердость своему голосу, что было необходимо не только для поддержания дисциплины, но и для собственного успокоения. Он хорошо помнил, сколько мрачных рассказов ходило об этой штольне с недоброй и таинственной славой. А сейчас дело шло к вечеру: уже смеркалось...

— Ох, Вовка, не надо бы лучше! — опять начал Ваня. — Я и сам не верю тому, что врут, да как-то душа у меня не на месте.

— А ну! — прикрикнул на него Володя, уже окончательно справившийся с собой. Он досадовал, что невольно проявил некоторую робость. — Я, кажется, ясно решил. Подбери свою душу, если она у тебя такая... Иди за мной, живо!

Через полчаса оба маленьких разведчика, не замеченные немцами, пробрались к далекой обвалившейся штольне. За день мальчики порядком иззябли: с моря дул пронизывающий ветер. Сухая снежная крупа, то и дело принимавшаяся сыпать с низкого неба, легонько позванивала в сухих зарослях татарника, между которыми ползком продвигались разведчики. Ребята обцарапались о ломкие стебли с маленькими игольчатыми сосульками. Ледышки кололи щеки, щекотно лезли за шиворот. Мальчики мечтали о том, как они спустятся в уже обжитые подземелья, доложатся командованию, передадут сведения, собранные на поверхности, а потом дядя Яша Манто угостит их горячим партизанским борщом из консервов, а они, хлебая борщ и уписывая мясо за обе щеки, будут рассказывать о своих приключениях во время наземной разведки.

Сырой, промерзший сумрак штольни словно засасывал мальчиков в глубь земли. Оба невольно поглядели друг на друга, когда старавшийся не отставать Ваня торопливо

подтянулся к плечу своего командира, который лез впереди. Володя нахмурился и отвел глаза. Обоим было не по себе. Конечно, они давно уже не верили в те рассказы о выползающих в штольню мертвяках. Но все-таки ведь недаром же добрые люди старались обходить эту штольню.

Мальчики продолжали ползти по наклонному подземному ходу. С каждым движением вперед зловещий сумрак вокруг них сгущался.

И вдруг они услышали протяжный, полузаглушенный стон.

Мальчики замерли, припав к земле. Стон, похожий на мучительно затрудненный вздох, повторился. Он доносился откуда-то сзади.

— Слышишь, Вовка? Говорил тебе: не надо! — прошептал Ваня.

Володя ткнул приятеля кулаком в плечо, чтобы он молчал. Они прислушались не дыша. И опять позади них, у самого входа в подземное логово, раздалось болезненное, томящее душу: «Уо-о-о!»

— Ты оставайся, лежи тут, а я пойду гляну, — сказал Володя.

Ваня, посмотрев на него, понял, что возражать бесполезно. Володя попятился к выходу. Ваня пополз за ним: не мог он бросить товарища одного в такую минуту. Володя оглянулся и погрозил ему кулаком, но Ваня не отставал. Стоны слышались все громче. До слуха мальчиков донеслось какое-то бессвязное бормотание. Оно слышалось со стороны большого камня, который наполовину прикрывал вход в штольню. Володя подполз поближе и в тени расщелины, темневшей под камнем, увидел человека. Он был очень страшен: огромный, кудлатый, с провалившимися, закрытыми глазами. Остро торчали его скулы. Он лежал, запрокинув голову, под которую был положен вещевой мешок. Под отросшей бородой шевелился, распирая горло, словно распухший, кадык. Сквозь стиснутые оскаленные зубы, обжатые бескровными, серыми губами, время от времени цедился тягучий стон.

Подле стоявшего на камне котелка лежала на земле матросская бескозырка. Володя всмотрелся и с трудом разобрал на ленточке вытисненные давно уже побуревшим золотом два слова: «Береговая оборона».

— Это моряк. Наш, русский, — тихо сообщил Володя, обернувшись назад, к Ване.

Лежавший человек вздрогнул, приоткрыл глаза, уставился на Володю диковатым взором, в котором лихорадочный огонь метался, как в затухающей головне. Судорожным движением он пошарил возле себя, вытащил из-под головы наган и неверной, трясущейся рукой направил прыгающее его дуло в упор на Володю.

— Кто там есть? Стой! С места не тронься... Кончу разом! — хрипло пробормотал он.

— Дядя, вы погодите! — заторопился Володя. — Стойте стрелять. Погодите... Вы кто, дядя?

— Стой, не шевелься... Сыму пулей в два счета, — бормотал моряк, продолжая целить наганом в мальчика. Володя на всякий случай спрятал голову за камень.

— Да что вы, дядя, в самом деле! Вы что? Не в себе? Вы, наверное, раненый, да? Мы вам поможем. Мы — пионеры, разведчики.

— Не смей... паразит! — прохрипел моряк. — Только сунься!.. Я те гранатой... Шиш вы меня возьмете живого!

Пока он бушевал и грозился, бранясь, задыхаясь, Володя из своего прикрытия разглядывал стоявший возле моряка котелок. В нем оставалось немного воды. Откуда она могла взяться? Ведь ясно было, что матрос давно уже не может встать. Ноги его, недвижно раскинутые, были накрыты плащ-палаткой. Кто же мог доставить воду раненому моряку? Новая для Володи профессия разведчика приучила его же быть осмотрительным. По отсутствию следов на талом и уже опять смерзшемся снегу вокруг, по обрывкам намокшей и заледеневшей газетной бумаги, по ошипанным стеблям татарника видно было, что моряк лежит здесь уже давно. Кто же мог принести ему воды в котелке?

Но тут Володя заметил, что камень, нависавший над расщелиной, где лежал моряк, был влажен, по нему сочились струйки воды. Должно быть, моряк подставлял свой котелок и набирал воду.

— Дядя, не надо в меня целиться, — попросил Володя, осторожно выглядывая из-за своего камня. — И зря вы так кричите. Вы тише будьте, а то ведь немцы услышать могут. Дядя, вы положите наган. Мы же партизаны — честное даю вам пионерское, честное ленинское!

— Чем докажешь? — пробормотал раненый. — Меня на бога не возьмешь. Тут кругом оцеплено... Знаю...

— Да вы положите наган! — взмолился наконец Володя. — А то я тут валяюсь, а вы встать не дадите... А я мог бы тем часом за нашими сходить, и мы бы вас к себе вниз взяли. Вы, дядя, зря целитесь. Ну чем я вам доказать могу? Мы ведь когда на разведку идем, у нас все отбирают.

— Пускай тебя что-нибудь спросит, а ты ему докажешь, — подсказал сзади Ваня.

— Дядя, вы меня, правда, спросите что-нибудь, а я вам на все отвечу, и вы увидите, что я не вру. Ну, хотите если, спросите меня что-нибудь про пионерскую организацию.

— Я про пионерскую... — с трудом проговорил раненый, — про пионерскую... Не вылазь, лежи там, а то стрельну!.. Про пионерскую-то я уж запомнил... А вот ты мне... ох! ты мне, если не врешь, что пионер... ты мне по Конституции скажи, чего знаешь...

— По Конституции? Сейчас! — Володя громко проглотил слюну, пихнул осторожно лежавшего позади него Ваню, чтобы тот, в случае чего, подсказал, и радостно заговорил голосом, которым он обычно отвечал в классе, когда знал задание наизусть: — Право на труд, право на отдых... и право на образование... И все народы равные по всяким национальностям. И еще это... самое главное... сейчас скажу: защита отечества — священный долг... Да перестаньте вы, дядя, в меня метиться!

— Сказал верно... Знаешь, — тихо, сквозь зубы, произнес раненый. — Вроде не врешь... Эй, стой, говорю! Не подлазь покамест ближе. А ну, перекрестись... на всякий случай... — неожиданно потребовал он.

Володя обиженно повел плечом:

— Странно, дядя! С какой радости я божиться вам стану, раз я пионер! Что ж я этим докажу?

— Это ты правильно, — устало согласился моряк. — А ну, говори мне, какие песни знаешь наши?

Ваня от удовольствия даже зажмурился и головой закрутил: он-то уж знал, сколько песен помнит Володя.

— Ну, это легко! Я все песни знаю почти, — начал Володя. — Ну, во-первых, «Вставай, проклятьем заклеянный», потом «Широка страна моя родная», еще знаю петь «По долинам и по взгорьям», потом еще «Потому что у нас каждый молод сейчас, в нашей юной прекрасной стране». А еще знаю «Матрос Железняк». Вот как она поется: «В степи под Херсоном высокие травы, в степи под Херсоном курган...» — И Володя тихонько запел свою любимую песню. — «Лежит под курганом, заросшим бурьяном, матрос Железняк, партизан», — с чувством пропел он и, так как раненый не отзывался, осторожно выглянул.

Раненый неслышно рыдал, припав лбом к рукам, сложенным на нагане. Широкие, торчавшие под сукном бушлата худые плечи его тряслись.

— Пионеры... братки-дружочки, родные, помогите... Слабый я, совсем никуда...

И он снова впал в беспамятство.

Мальчики в один прыжок добрались к нему. Привыкший уже быть осторожным, Володя первым делом высвободил из ослабевшей руки моряка наган, хозяйственно осмотрел его и засунул во внутренний карман стеганки. Оба разведчика участливо склонились над раненым.

— Худущий же до чего! — ужаснулся Ваня. — Прямо чистый скелет.

— Станешь тут скелетом, — сурово отозвался Володя, чувствуя, как у него острая жалость теснит горло. — Сколько он здесь дней лежит? Видишь, немцам не сдался и гранаты к бою приготовил. Вон выложил...

Он торопливо и неловко расстегнул набухший сыростью бушлат на груди моряка. В

лицо мальчикам пахло дурным, жарким духом; они увидели полосатую тельняшку в пятнах запекшейся крови.

— Слушай, Иван, — сказал Володя. — Пойдешь сейчас вниз один. Доложишь командиру или комиссару, что вот мы обнаружили тут... и тому подобное. Ясно? А я тут останусь, и все. Что же, человека брошу, что ли? А оружие теперь имеется... — Он вынул из-за пазухи наган и спрятал его обратно. — погоди, документы его возьмешь с собой, чтобы не сомневались.

Володя осторожно извлек из внутренних карманов матросского бушлата слежавшиеся, желтые от сырости бумаги, фотографическую карточку, на которой был изображен красивый плечистый моряк, а возле него девушка в темной юбке и беленькой кофточке. Моряк с девушкой стояли на Приморском бульваре возле широколапых пальм, за которыми виднелся на море большой белый теплоход с двумя трубами.

Потом Володя вынул из кармана матросского бушлата маленькую книжечку, обернутую плотной красной бумагой. Он раскрыл ее и прочел, что было написано на первой страничке. Это оказался билет члена Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Николая Гавриловича Бондаренко — год рождения 1921-й. И внизу, с карточки, через которую выгнулась, краешком перечеркнув ее, размытая желтовато-фиолетовая, как радуга, печать, в упор смотрел на Володю веселыми прищуренными глазами молодой, пригожий собой матрос. Володя перевел взгляд от карточки на запрокинутое обросшее, изглоданное болью лицо раненого, потом еще раз посмотрел на фотографию, где был изображен моряк с девушкой. Он узнал на моряке бескозырку с надписью «Береговая оборона».

— Ваня, — воскликнул он, пораженный, — я думал, он уже старый дядька! А он двадцать первого года рождения. Гляди — комсомолец. Ты только посмотри, какой он прежде складный, здоровый был! Видно, натерпелся... Ну, живо давай вниз! Зови наших! Спички у тебя есть? На, возьми мои! Зря не чиркай: дорогу, чай, и так знаешь.

Оставшись один, Володя бережно накрыл раненого плащ-палаткой, застегнул на все пуговицы бушлат на нем, поправил мешок под запрокинутой головой матроса. Сел, прислушался, пощупал матросский наган за пазухой.

Тихо было вокруг. Темнело. Чуть слышно изредка стонал раненый. Володя осторожно приподнял край плащ-палатки: одна нога матроса была разута и обмотана каким-то тряпьем; на другой, невероятно распухшей, неловко отведенной в сторону, лопнул по шву сапог...

Сколько дней пролежал здесь этот молодой, и, верно, совсем недавно еще могучий человек, не пожелавший сдать врагу на отнятой у нас земле? Вероятно, он был ранен в день последних боев или, быть может, оставался в Старом Карантине, прикрывая отход и переправу наших частей через пролив. А это добрых две недели назад. И все это время он был один, без помощи, без своих, в нескольких шагах от немецких солдат, оцепивших весь район каменоломен. На что надеялся он, раненый, голодающий, по каплям набиривший воду, с отнявшимися ногами, распростертый на холодном камне, в который уходило последнее тепло его тела? Две гранаты, да наган с тремя оставшимися в барабане патронами, да последняя галета и солдатский котелок — вот оно, все его хозяйство... Но, видно, решил моряк, что живой фашистам не достанется. Он уполз сюда, готовый, если его обнаружат враги, не уступить без боя и последнего мига своей жизни. Володя сидел на корточках возле раненого и смотрел в его лицо, исхудалое, почерневшее, но теперь уже не казавшееся мальчику таким старым. Маленький разведчик подтянул к себе котелок, смочил в воде уголок плащ-палатки и стал осторожно обтирать лоб моряка. Матрос вдруг приоткрыл глаза, взгляд его налился мутным огнем, он задергался, скрипнул зубами, выругался.

— Тише, товарищ Бондаренко, услышат еще! — зашептал Володя, низко склонившись над самым лицом раненого.

— Стой... Ты кто? — забормотал матрос, вглядываясь в Володю. Что-то беспомощное и ласковое вдруг проступило в его успокоившихся, глубоко запавших глазах. Он узнал: — Пионер... Браточек...

Было уже совсем темно, и Володя так продрог, что у него зуб на зуб не попадал, когда наконец из старой штольни бесшумно поднялись к выходу Важенин, Шустов, Корнилов и еще несколько партизан. Снаружи немцы уже пускали осветительные ракеты, и тогда отверстие входа вдруг заполнялось ядовито-зеленым светом, который медленно гас. Володя тихонько подал голос. Через несколько минут партизаны, двигаясь в полной темноте, с величайшими предосторожностями понесли на своих руках раненого моряка. Он то впадал в беспамятство, то начинал судорожно биться и стонать, так что Шустову приходилось зажимать ему рот рукой, иначе могли бы услышать фашисты.

— Дядя Шустов, вы легче, а то он задохнется, — тревожился Володя, — он слабый очень.

Он шел позади, поддерживая голову матроса и неся его бескозырку.

У санчасти толпилось много партизан, уже услышавших, что разведчики обнаружили в одной из штолен раненого советского моряка, который предпочел смерть в одиночестве от голода и ран фашистскому плену.

Пока раненого перевязывали и обмывали на медпункте фельдшерицы, которым помогала Нина Ковалева, стискивавшая зубы и жмурившая глаза, чтобы не видеть чугунно-черных, распухших ног моряка, наши разведчики докладывали в штабе обо всем, что они разузнали. Сведения, принесенные пионерами, были чрезвычайно важны для партизан. Особенно заинтересовались командиры сообщением Ланкина о готовящемся штурме каменоломен, а также сведениями о немецкой ремонтной мастерской, которую заметили разведчики.

Освободившись и наскоро поев, Володя побежал в санчасть.

Бондаренко лежал, закинув голову на подушку. На нем была чистая, просторная рубаша комиссара, которую он время от времени трогал и расправлял пальцами на груди, словно она ему была тесна. Фонарь, стоявший на белой тумбочке, отгородили фанерой. Лицо Бондаренко почти растворялось во мраке. Военфельдшерица Марина не хотела пускать Володю, но он зашептал: «Тетя Марина, ну как же так... Я же его сам нашел, он же меня знает!..» — и Марина не могла противиться, только велела быть тише.

Володя на цыпочках подошел к койке раненого.

Сейчас этот человек, спасенный им, был для Володи уже одним из самых дорогих на свете. Тихо, стараясь не дышать, он склонился над раненым, всматриваясь в его исхудалое, но теперь как будто посветлевшее лицо. И вдруг он заметил, что раненый приоткрыл глаза и пристально смотрит на него.

— Стой, ты кто? Мы с тобой где видались? — забормотал он, с трудом отрывая затылок от подушки.

— Товарищ Бондаренко, это я тот самый, который вас нашел. Вы теперь у нас.

— А-а... Пионер... — Серые губы раненого приоткрылись в слабой улыбке. — Спасибо... Это теперь я где? — Он силился подняться на подламывающихся локтях. Взгляд его уперся в каменную стенку. Раненый закинул голову, увидел над собой низкий каменный свод. И вдруг он опять забушевал: — Стой!.. Почему камень? — Он ударил кулаком в стенку. — Это зачем меня завалили? Стой, гады!.. Я еще живой покуда...

Марина и Нина Ковалева бросились к нему, уговаривая успокоиться.

— Вы лежите, лежите спокойно, товарищ, нельзя так, — твердила Марина. — Мы — партизаны, вы у нас. Не бойтесь.

Моряк, бледный, обросший, сидел на койке и чудовищно исхудавшей рукой оттягивал на костлявой шее ворот рубашки, скрипя зубами, затравленно озираясь. Потом горящий взор его опять остановился на Володе. Он на мгновение закрыл глаза, покачнулся; слезы потекли по его серым щекам, а когда глаза его снова открылись, взгляд был уже более ясным и успокоенным.

— Пионер, — еле слышно сказал он, — спасибо тебе... Не дал там подохнуть, как собаке... Теперь если и помру, то честь по чести... По-человечески... А где документы? — вдруг взволновался он, шаря вокруг.

Его успокоили, сказали, что документы целы, находятся у комиссара. Скоро пришел сам комиссар, сел на табурет рядом с койкой, поправил одеяло на раненом.

— Товарищ комиссар, — обратился к нему Бондаренко, — я прошу к вам. Зачислить прошу... Как встану, так давайте направление на передовую... А документы у вас? Комсомольский билет мой целый? На учет примете меня?

Потом он, совсем успокоенный, решив, что теперь все у него в порядке, тихо заснул.

Военфельдшерица Марина вышла вместе с комиссаром из санчасти. Володя последовал за ними.

— Безнадежен, — услышал он, — гангрена обеих ног. Даже если бы можно было ампутировать, то все равно... А в наших условиях — обреченное дело...

— И никак, ничего нельзя? — спросил комиссар. Марина только головой покачала. Володя подошел к ней, потянул за белый рукав халата:

— Тетя Марина... А может быть, ему кровь надо перелить? Ведь, говорят, помогает. Если надо — берите мою. Тетя Марина, может быть, его как-нибудь все-таки можно вылечить? Неужели он столько мучился — и все зря?

Ночь напролет Володя просидел у койки найденного им моряка. Сменилась Марина. Нину Ковалеву заменила ее подруга Надя Шульгина, прикорнувшая на тюфячке в углу. А Володя все сидел на табуретке, прислушиваясь к каждому стону Бондаренко, давал ему пить, мочил в ведре полотенце и прикладывал к голове моряка; уговаривал лежать спокойно, когда тот начинал припадочно биться на койке. И раненый прислушивался к голосу мальчика, приходил в себя, искал его руку своей рукой, слабо пожимал:

— Пионер... Браточек...

Сознание у него в такие минуты прояснялось.

— Ты из чьих будешь? — спрашивал он Володю. — А батько твой тоже тут, партизан?

— Нет, у меня папа, как вы, моряк, — спешил сообщить Володя. — Жив ли только, не знаю... На флот ушел. А мама в поселке наверху.

Раненый вдруг попросил:

— Слушай, милый, будь такой добрый... ну-ка, постучи мне по ноге... Ну, постучи, просил ведь, кажется! Да посильнее. Не слышу. Ведь прошу же!..

А Володя уже давно несколько раз кулаком ударил его сперва по колену, потом выше.

— Так я же стучу...

— Ничего не чувю, — упавшим голосом проговорил Бондаренко. — Эх, браток, кончил я свое плавание... Выше колена уже на том свете. Скоро и с головой туда.

Он откинулся на подушки...

Весь следующий день Володя то и дело бегал навещать раненого. Он отпрашивался несколько раз с работы — в этот день возводили стенку в одной из верхних галерей, на угрожаемом участке, откуда, по сведениям, полученным у Ланкина, ждали вторжения немцев. И весь вечер провел Володя в санчасти. Он сидел на табуретке, качался от усталости и один раз, заснув, чуть но свалился на пол. Наконец Нина Ковалева уговорила его отдохнуть: сама села на табурет у койки, а Володя устроился на ее тюфячке в углу. Он ни за что не хотел уходить к себе. Лежа на жиденькой соломенной подстилке, Володя слышал сквозь дрему, как раненый говорил Нине:

— Хороший у вас народ, сестренка! С такими бы всю жизнь вместе... А пионер этот — ох, видать, боевой... Потом он после долгого молчания вдруг сказал:

— Эх, на звезды ясные хоть одним бы глазком взглянуть еще разок! И все... Ты-то еще нагладишься, сестренка... дружиночка...

Наутро ему стало совсем плохо. Он перестал узнавать Володю, метался на койке, разорвал на себе рубаху, выкрикивал слова команды и проклятия. А к вечеру затих, потом вдруг потянул на себя одеяло, подтащил его к самому подбородку, стал дышать все реже, реже и совсем перестал...

Марина наклонилась над ним со шприцем, взяла за руку и отложила шприц на белую тумбочку.

— Ну что же вы, тетя! Ну почему вы не делаете? — кинулся к ней Володя.

— Теперь уже не поможет, — сказала она...

И тогда Володя понял. Бросившись ничком на тюфячок в углу, он зарыдал так, как, может быть, никогда в своей жизни не плакал. Он вообще редко плакал — во всяком случае, никто не видел его уже много лет в слезах. А тут, как ни уговаривала его Нина Ковалева, как ни гладил по плечу пришедший Корнилов, он бился головой о соломенный тюфячок, который колот ему мокрое лицо. Ничего не чувствовал Володя, кроме страшного, яростного горя, которое рвало сердце и сотрясало все его маленькое напрягшееся тело.

Бондаренко отнесли в тот же подземный склеп, где лежало тело Зябрева, заложенное глыбами ракушечника.

А потом Володя нагнал в галерее Нину Ковалеву, к которой незаметно привязался за эти два трудных дня.

— Нина, — сказал он очень тихо, — хочешь на звезды поглядеть за него? Помнишь, как он тебе вчера сказал?

— О, Володенька, мне хоть бы одним глазочком...

— Ну, идем со мной, только тише. И Ваню возьмем. Он один шурф знает — оттуда видно.

И они втроем — Нина Ковалева, Ваня Гриценко и Володя — узким подземным ходом, который был известен одним мальчишкам, прошли в отдаленный уголок каменоломен.

Ваня велел обождать его у поворота, потушил лампочку, и слышно было, как он осторожно пробирается в темноте дальше. Потом до Нины и Володи донесся его шепот:

— Давайте сюда, только тихо чтоб...

Через минуту все трое, прижавшись друг к другу, затаились во мраке на дне глубокого полуобвалившегося колодца. Прямо над ними, на недостижимо высоком небе, словно заглядывая в шурф с другого края мироздания, поблескивали крупные, отчетливые звезды. Все трое не отрываясь глядели на далекие миры, свет которых шел, может быть, несколько миллионов лет для того, чтоб, пройдя через бездонные пустыни Вселенной, попасть в полуобвалившийся колодец и порадовать три пары человеческих глаз, смертельно соскучившихся по солнцу, по свету, по звездам... Но вот наверху, у края колодца, раздался какой-то шорох; мальчики разом отпрянули в сторону и потянули Нину Ковалеву в боковой проход. Кто-то из них при этом задел камень, и он покатился в сторону с негромким тупым стуком. «Тихо ты!» — зашипел Володя. Но было поздно: не прошло и секунды, как за ними по стволу колодца, откуда они только что выскочили, пронеслось что-то, резко гремя о неровности камня, и оглушительный взрыв бросил слепящий отблеск на стены галереи, за поворотом которой успели укрыться мальчики и девушка. Воздух словно отвердел внезапно, вторгся в галерею и сбил всех троих с ног. Когда они бежали вереницей по галерее один за другим, держась за руки, их настигла взрывная волна второй бомбы. Но они были уже в поперечном коридоре и потому не испытали теперь сильного толчка.

Так кончилось свидание со звездами.

Глава XII Сражение под землей

Получив от разведчиков все нужные сведения, Лазарев решил действовать. Надо было всякими способами укрепить заблуждение гитлеровцев относительно численности партизан. Пусть враги думают, что под землей, на которой они тщетно хотят утвердиться, скопились несметные партизанские силы. Тогда немцы оттянут сюда с фронта немало своих войск.

Но что мог сделать отряд, насчитывающий лишь несколько десятков боеспособных людей и фактически запертый глубоко под землей?

Для начала был намечен разгром ремонтных мастерских, которые обнаружили юные разведчики.

Накануне Важенин, Шустов, Жученков и Корнилов провели длительную подземную разведку. Надо было найти ходы, ведущие к одной из отдаленных, заброшенных штолен,

которая находилась по соседству с выемкой, где обосновались немецкие ремонтники. Даже Жученков, знавший в своем хозяйстве каждый уголок, каждый метр выработанного пространства, сомневался, можно ли под землей пройти к той забытой штольне. Не один километр исходили под землей в этот день разведчики. Долго бродили они в пересекающихся подземных коридорах, пока наконец не обнаружили узкий проход, который соединял основной узел каменоломен с давно заброшенной штольней. Оказалось, что проход этот действительно когда-то был заделан, но стенку почти всю разобрали жители, приходившие сюда за строительным камнем.

Вечером по этому ходу прошла к штольне ударная группа партизан во главе с Жученковым. Володя упросил взять его с собой, но ему не позволяли вылезать из штольни на поверхность. Он и еще двое оставленных в штольне партизан должны были прикрывать своим огнем отход ударной группы, если она будет обнаружена немцами.

Дождавшись темноты, партизаны незаметно вышли из штольни в котлован, где находились ремонтные мастерские. По условному свистку Важенина брошенные разом со всех сторон гранаты накрыли мастерские, стоявшие возле них машины и землянки, в которых жили немецкие солдаты. От разрывов гранат вспыхнуло сразу несколько машин. С грохотом лопнули бидоны с бензином, обдав жидким пламенем землянки, откуда исполошенно выскакивали фашисты, беспорядочно паля во всех направлениях.

Как было условлено, залегшие наверху по краю котлована ударники-партизаны метнули в гущу гитлеровцев вторую порцию гранат. Пронзительный треск их слился со стопами и воплями фашистов. Внезапно раздался взрыв такой силы, что через голову партизан полетели обломки дерева, камни, доски, комья земли. Должно быть, взлетело на воздух небольшое бензохранилище, находившееся в земле рядом с мастерскими.

От бушевавшего на дне котлована пламени стало так светло, что Жученков и Важенин, опасаясь, как бы немцы не разглядели партизан, дали знак к отходу. Гитлеровцы не могли сообразить, откуда на их головы посыпались гранаты. Метатели перед атакой расположились широким полукольцом, поэтому гранаты летели с разных сторон, сбивая с толку гитлеровцев. Когда они немного пришли в себя, все партизаны уже спрыгнули в штольню и быстро уходили к известному только им проходу. Володе очень хотелось пострелять из своего обрезка, хотя бы и на глубине штольни, но Важенин удержал его:

— Ты что, парень, соображаешь? По твоим выстрелам они сразу обнаружат, куда мы ушли. А нам этот лаз беречь надо. Пусть себе поломают голову, откуда мы на них свалились. Пускай решают, что хоть с неба, — мне не жалко.

Так и не пришлось в этот раз пустить в дело обрез, пионерскую пушку...

Но через несколько дней она пригодилась.

После разгрома мастерских гитлеровцы стали упрямо лезть в каменоломни. Правда, эти попытки пока не носили серьезного характера. То была больше разведка боем: немцы, готовясь, должно быть, к общему штурму подземной крепости, заранее хотели нащупать основные узлы сопротивления, которые могли им встретиться.

Однажды, сопровождая Корнилова в обходе постов, Володя привел своего наставника в тот самый шурф, где они вместе с Ниной Ковалевой и Ваней Гриценко любовались звездами. Володе не хотелось признаваться политруку в том, что он, нарушив дисциплину, самовольно лазил в этот опасный колодец, но он понимал, что положение подземной крепости с каждым днем становится все более трудным. Было бы непростительно скрывать от командования опасный участок, до сих пор еще плохо огражденный. Корнилов, выслушав Володю, покачал головой:

— Так, отлично! Добро! Звездочеты у нас появились. Думали звезды с неба хватать, а чуть бомбу на голову не схлопотали. Ну, показывай, где ваш телескоп.

Очутившись на дне знакомого ребятам шурфа, Корнилов глянул наверх и вдруг поймал в темноте Володю за руку и шепнул ему в самое ухо:

— Гляди вверх. Видишь, фигура шевелится? Часовой. Володя ясно разглядел на фоне неба плечи и голову человека, наклонившегося над шурфом.

— Думали — телескоп, а оказалось — микроскоп, — еле слышно сказал Корнилов. — На паразитов в трубу глядим...

— Дядя Гора, можно, я стрельну в него?

— Только, чур, без промаха. Не позорь меня. Упрись хорошо. Спокойно.

Володя вскинул обрез, плотно прижал ложу его к плечу и нажал спуск. Грохот пионерской пушки глухо отдался в колодце. Вылетевшее из дула пламя ослепило и стрелка и его наставника. Одновременно с этим они слышали громкий болезненный вскрик наверху. Оба бросились в галерею, спеша скрыться за поворотом. И вовремя: за ними грохнула в колодце бомба.

— Это я ему за дядю Сашу, и за моряка того, и за то, как Толика ногой стукнул, — весь день рассказывал потом партизанам Володя. — Все-таки хоть одного у них подстрелил...

— Если сразу за все — маловато, конечно, — усмехнулся Шустов. — Ну, разве только для почину... тогда так.

Положение становилось все тревожнее. Разведчики, облазившие все ближние и дальние уголки подземной крепости, приносили со всех концов сведения, которые убеждали Лазарева в том, что немцы готовят генеральное наступление на партизан.

Володя, направляясь с поручением на один из передовых постов, обнаружил в большой галерее верхнего яруса подозрительные следы. Он сел на корточки, приподняв чехол с лампы. На мягкой известковой пыли, которая толстым слоем лежала во всех верхних галереях, ясно были видны отпечатки широких подошв, так густо подбитых острыми гвоздями, словно акула пробовала здесь свои зубы. Несомненно, то были следы немецких ног. Володя несколько минут ползал на коленях, водя фонарем над самым полом, разглядывая эти зловещие отпечатки. Неожиданно он обнаружил среди них еще один след: небольшой, но глубоко вдававшийся, словно дамский, каблук, узковатый носок... Это был след, который не мог оставить немецкий солдат. Володя был убежден, что здесь вместе с несколькими солдатами прошел штатский человек. Партизаны носили другую обувь, а женщины из отряда сюда никогда не поднимались.

Володя немедленно сообщил о своих наблюдениях Корнилову. Лазарев самолично поднялся в эту галерею и долго рассматривал следы. Сомнений не было: через какой-то лаз сюда проникали немецкие солдаты и их сопровождал кто-то! Были усилены караулы в этом секторе. Лазарева очень встревожил след человека в сапожках, щегольских, явно невоенного образца, напомнивших ему что-то давно виденное, но забытое.

— Похоже, что какая-то собака, знающая сюда дорожку, немцев водит. Надо будет эту гадину выследить...

Но неизвестный предатель продолжал свое подлое дело.

На следующую ночь три слитных взрыва и долго не смолкавший грохот большого обвала разом подняли на ноги всех партизан. Разобрав оружие, они кинулись на места, где каждому полагалось быть по боевому расписанию. Решили, что немцы начали штурм.

В действительности дело было намного хуже. Фашисты разобрали завал в одном из шурфов и бросили туда одну за другой три тяжелые бомбы. Обвалилась часть галереи, осели глыбы камня. Коридор, где в чанах и ваннах хранились запасы воды, оказался заваленным. Партизанам угрожала смерть от жажды.

В первый раз видел Володя дядю Яшу таким озабоченным. Главный начхоз и шеф-повар подземной крепости пришел в штаб, вытер рукавом лоб, по которому бежали вниз капли пота, как на окне во время дождя.

— Отвечаю, чем хотите, — горячился он, — что немцев безусловно к нам кто-то водит! Как по-вашему, случайно, что именно в этот шурф бросили! Бросьте! Я не дитя. Какая-то гнида наверху узнала, где у нас вода. Да, товарищи, начинается у нас теперь сухомытка...

Так новая, самая злая беда стряслась в подземной крепости. Она обрекала отряд на медленную, мучительную гибель от жажды.

В одном из коридоров, куда гитлеровцы, по мнению Жученкова, не могли проникнуть, имелась резервная цистерна с водой. О ней знали только Лазарев да Жученков. Цистерна

была спрятана в одном из незаметных ходов, который остался по ту сторону стенки, ограничивавшей внутренний укрепленный район каменоломен. Решили выйти за стенку и проникнуть к цистерне. Пошли Жученков, Корнилов, Котло, Петропавловский, Дерунов и с ними еще пятнадцать самых надежных бойцов.

Володя и тут упрямился, чтобы его взяли для связи.

Дерунов своими тонкими, чувствительными пальцами осторожно извлек из-под низа стены камень, закрывавший специально оставленную лазейку, осветил через нее фонариком, ощупал почву по ту сторону стены и осторожно прополз туда. Володя тоже было юркнул за ним, но был бесцеремонно оттащен за ноги назад. Некоторое время все стояли молча у стены. Через пазы между камнями слабо пробивался свет фонаря, который взял с собой Дерунов. Но через минуту фонарь сапера показался в отверстии стены, а за ним просунулся и сам Дерунов. Сапер сообщил, что за стеной весь коридор минирован гитлеровцами и он сам чуть было не подорвался; а на ракушечной пыли, покрывающей пол галереи, Дерунов заметил рыбые от гвоздей следы солдатских ботинок немецкого образца и свежие рубчатые отпечатки женских и детских галош.

Несомненно, фашисты обнаружили этот коридор и, перед тем как самим спускаться, гоняли сюда советских граждан, женщин и детей, проверяя на них, не заминировали ли партизаны подходы к стене. Пробиваться к цистерне было уже бесполезно: она была, вернее всего, уничтожена. А если даже и уцелела, то воду оттуда брать было нельзя: ее, вероятно, отравили гитлеровцы...

У дяди Яши, человека предусмотрительного и заботливого, оказался, правда, припрятанным в другом штреке небольшой резервуар с водой, который он называл неприкосновенным запасом. Теперь все спасение было в этой сбереженной воде, но ее было очень мало. С этого дня каждый глоток стал драгоценным. Ввели строжайший водный паек — по стакану на душу в день. Только больным и раненым разрешалось выдавать немного сверх этой скудной нормы.

Через день новым взрывом вражеской мины был разрушен искусно сложенный дымоход из камбуза. До этого дым очага отводился в одну из верхних галерей и там рассасывался, незаметно выходя на поверхность. Теперь едкий угар, кухонный чад и густая копоть стелились по всем жилым и служебным помещениям подземной крепости. Толстый слой копоти быстро лег на лица: приходилось жить не умываясь. За несколько дней люди стали такими же черными, как их собственные тени на стенах и сводах, которые освещало скупое горение фонарей, задыхавшихся в спертом, непроветренном воздухе. Пришлось отказаться от стирки белья. Копоть проникала под одежду, пропитывала ее. Нечем было мыть посуду; сперва ее вытирали сырыми полотенцами, тряпками, но они скоро так загрязнились, промаслились, что только грязнили посуду. Да и в руки взять их было уже противно... Беспрестанная жажда, нараставшая с каждым днем, мучила людей. Пробовали пить огуречный рассол, сохранившийся в больших кадках. Сперва казалось, что он утоляет жажду, но после него хотелось пить еще нестерпимее. Запах тмина и укропа вызывал тошноту. Только неугомонный дядя Яша продолжал сохранять свою непоколебимую, живительную веселость.

— Роскошная, между прочим, обстановка для жизни, — шутил он, моя руки рассолом, перед тем как взяться за приготовление обеда. — Как говорится, кругом шестнадцать, с огурцом — двадцать. Отчего такое выражение имеется? Кто знает? Никто не знает? Я знаю. Это в некоторые прошедшие времена на базаре цирюльники зазывали таким способом к себе публику. Дескать, постричь, побрить кругом — шестнадцать копеек. Ну, а если желаете с особым удобством, пожалуйста за щечку огурчик — бритва легче пойдет. Опять же при этом остается вам премиально вроде закусочки. Вот за это, с огурцом, уже двадцать... По чтобы огурцами руки мыть — это уже буквально царская жизнь. Мягчит кожу, придает красоту. Прошу не стесняться, пользуйтесь.

И люди невольно улыбались, облизывая сухие, горящие от жажды губы.

Гитлеровцы, осаждавшие подземную крепость, все больше и больше нагнали. Уже

несколько раз происходили стычки в большой штольне, которую партизаны прозвали «автохозяйством Любкина». Там, в широкой, наполовину обвалившейся штольне, накануне ухода партизан под землю застряла провалившаяся в осевшем грунте грузовая машина. Она заняла почти весь проход. Позади нее партизаны возвели укрепление; здесь имелась даже единственная на всю крепость небольшая противотанковая пушка. Из-за укрепления очень удобно было наблюдать за входом в штольню, который почти целиком загромодила машина. Гитлеровцы уже несколько раз пытались вытащить грузовик на поверхность, чтобы очистить путь под землю, по каждый раз огонь с поста, которым командовал Любкин, балагур, отчаянная голова, совершенно не считавшийся с опасностью, встречал пришельцев, слепил и оглушал их из темноты провала.

Однажды утром сюда сунулся, пытаюсь с двух сторон обойти грузовик, крупный отряд фашистов. Навстречу ему из-под земли ударила партизанская пушка, градом посыпались пули. Одна из них убила офицера, командовавшего отрядом. Гитлеровцы, страшась темноты, которая густо изрыгала огонь и свинец, бросились наутек, уволасывая за собой своих отчаянно вопивших раненых; труп офицера остался подле машины. Любкин вместе со своим напарником Макаровым обыскал убитого, и вскоре в штаб была вызвана Нина Ковалева, слывшая прежде в школе отличницей и, как выяснилось, всегда имевшая не ниже «хорошо» по немецкому языку. С ней пришла в штаб и Надя Шульгина.

Лазарев положил на стол, покрытый отсыревшим и закоптившимся ковром, бумаги офицера, несколько писем на имя Курта Швериха, фотографическую карточку, на которой была изображена полная, светловолосая Минни (так было написано на обратной стороне фотографии). На другой фотографии та же Минни стояла с Куртом на теннисной площадке. Оба были в белых костюмах. Минни, кокетливо закрываясь ракеткой, смотрела через решетчатый переплет ее струн на Курта, а он делал вид, что играет на своей ракетке, как на мандолине...

— Завлекает, интересничает, — сказала Надя Шульгина и хотела еще прибавить что-то, но увидела входившего комиссара и прикусила язык, вспомнив, как ей уже попало за ее словечки.

Явившийся с комиссаром Володя долго смотрел на фотографию.

Ему вспомнилась надломанная поцарапанная карточка — та, что была вложена в комсомольский билет моряка Николая Бондаренко, которого он умирающим подобрал у старой штольни.

Какое-то самодовольство было в развязных, деланных, перенятых с обложки киножурнала позах Курта и его девицы, хотя оба так и пыжились доказать, будто они даже не думали о том, что их фотографируют. Конечно, всего этого Володя не мог бы объяснить, но он думал о том, как не похожи были на эту парочку Николай Бондаренко и его севастопольская девушка, с откровенной и застенчивой старательностью снявшиеся у «моментального» фотографа на Приморском бульваре.

Потом девушки вместе с Володей, старавшимся припомнить все, что он учил на уроках немецкого языка, стали разбирать инструкцию, которая была обнаружена в бумажнике убитого гитлеровца.

— «Зих эрбармен», — разбирала Нина Ковалева. — «Зих эрбармен»... Что бы это значило? Правда, Надя, у нас такого слова и не проходили?

— Это у нас не проходили, — заметил Лазарев, — а у них в школе, должно быть, крепко затвердили именно вот так, в таком смысле! Ведь тут что получается? Смотри. — Он стал читать перевод, который Нина записывала на отдельном листке: — «Никто из германских офицеров, находящихся на завоеванной нами русской территории, не имеет права...» Здесь вдет это самое «зих эрбармен» и дальше, видишь: «местным населением». Значит, все ясно. Заполняй пропуск. Пиши: «не имеет права себя»... ну, словом, сжалиться, проявить жалость к местному населению. Вот что означает «зих эрбармен»... Ах, мразь паршивая!

В бумажнике офицера нашелся также приказ на русском языке, подписанный

комендантом города Керчи. Это был тот самый приказ, о котором рассказывал Ланкин. Володя и Ваня уже видели его расклеенным в поселке. «Во всех домах и улицах щели и входы в катакомбы должны быть немедленно заделаны прочными каменными стенками. За неисполнение — расстрел», — грозил приказ.

— Ох, бояться нашего брата! — заключил Любкин. — Мы им из-под земли пятки жжем.

— Приказ помечен днем взятия Керчи, — сказал комиссар. — Поспешили сейчас же... за партизан взялись... Вряд ли история нашей гражданской войны их этому научила. Тут опять похоже на то, что кто-то успел немцам сообщить или о нас, или об аджимушкайских товарищах. Вот они теперь и празднуют труса.

Любкин посмотрел еще раз на фотографии, вынутые из офицерского бумажника. Потом ловко продел круглое плечо в ремень винтовки.

— Ну, пойду к своему автохозяйству. Дай-ка только адресок этой фрейлины запишу. Возможно, удастся лично привет ей от покойничка передать. А что, граждане? Я лично рассчитываю, что в Берлине побываю...

Густо запел зуммер телефона в штабе. Лазарев взял трубку. Он слушал долго и внимательно, изредка поддакивая:

— Так. Понимаю. Дальнейшее сообщите. — Он положил трубку, повернулся к комиссару: — К сектору «Волга» и к центральному входу движки подвезли с приводами к динамо-машинам. Видимо, электростанции. Кабели тянут. Хотят к нам явиться с полным освещением. Надо подготовиться. Где Петропавловский?

Тотчас же явился начальник штаба Петропавловский, за которым сбегал кто-то из партизан. Быстро собрались и другие командиры. Пришел голубоглазый стройный лейтенант Ваня Сергеев, и сразу же Надя Шульгина сделала вид, что приход лейтенанта совершенно ее не интересует. Явился Жученков — очень смуглый, еще более похудевший и почерневший за эти дни, но спокойный, сосредоточенный, словно перебирающий что-то в памяти. А может быть, и правда командир подрывников проверял в уме все участки, в которых он заложил взрывчатку для встречи гостей. Сел возле стола, предварительно всем откозыряв. Корнилов, как всегда аккуратный, даже побрившийся. Он как-то ухитрился бриться без воды. Когда все собрались, Лазарев, не вставая со своего места, начал:

— По полученным мною сведениям, немцы сегодня собираются к нам. Ко всему, что было уже сказано и решено у нас, хочу прибавить немного. Напомню, что немцы по-прежнему считают, будто нас тут видимо-невидимо, следовательно, на нас будут брошены изрядные силы. То, что мы их оттянули на себя, очень хорошо. Это и есть наша задача. Но то, что враг имеет численное превосходство над нами примерно раз в тридцать, — это, уж конечно, для нас не так чтобы чересчур приятно было... Вывод из этого делаю один: значит, каждый из нас должен в бою заменить собой тридцать человек. Не меньше, товарищи! Говорю вполне серьезно. Убежден, что нам это под силу.

И Лазарев еще раз подробно разъяснил давно уже выработанный командованием план. По его мнению, немцы не рискнут углубляться в темноту штолен небольшими группами: в каменоломне каждый поворот коридора для противника — грозное и неизведанное препятствие. Лазарев предполагал, что гитлеровцы будут держаться вместе, чтобы не потерять друг друга во мраке, Это и должны использовать партизаны. Оставаясь невидимыми для наступающих, они могут нанести в узких, хорошо уже изученных галереях огромный урон противнику.

— Крупные силы врага мы будем вынуждены встречать мелкими, разрозненными группами. Каждая группа действует самостоятельно, сообразуясь с обстановкой. Действовать надо так, чтобы фашистам померещилось, будто им противостоят на каждом участке десятки, даже сотни наших народных мстителей.

Володя сидел в сторонке и старался остаться незамеченным, так как боялся, что его отсюда выгонят. Он уже несколько раз от волнения собирался потереться подбородком о плечо, но останавливался на полдороге, захваченный дерзкой хитростью услышанного им командирского плана. Он смотрел на Лазарева, переводил глаза на Котло, но оба — и

командир и комиссар — выглядели такими спокойными, держались так деловито и говорили столь неспешно, будто распределяли обычные дневные задания — кому картошку чистить или сухари перебирать. Это наполняло душу Володи безмерным восторгом и гордостью. Он был влюблен в этих сильных, справедливых, мужественных людей, знающих, что они умеют за себя постоять. Он чувствовал, что готов сам, если нужно будет, погибнуть за таких людей.

— Каждый начальник караула, — продолжал Лазарев, — несет ответственность за свой сектор обороны. Задержать врага при первой попытке к вторжению — вот основная задача постов на сегодня. Иногда стоит пропустить врага подальше, а потом отсечь в темноте. Имейте в виду, товарищи; резервов у нас нет, надейтесь только на себя. К тому же предупреждаю: нам придется еще брать у вас людей для переброски на секторы, где возникнет напряженное положение. Уточняю. Комиссар идет в караул «Москва» на центральном направлении; товарищ Корнилов — на «Волгу». Лейтенант Сергеев берет на себя «Киев». Я буду в карауле «Передовой». Начальник штаба Петропавловский остается тут, в штабе: будет поддерживать связь с караулами, информировать меня. В качестве связных использовать пионеров — Дубинина, Гриценко, Ковалева. Связным быть пока здесь, остальных ребят — на нижний горизонт. Все ясно? Есть вопросы?

— Пить зверски хочется, — сказал Сергеев, — во рту сухота, плюнуть нечем.

— Хорошо, — согласился Лазарев. — Если немцы начнут штурм, выдать каждому сверх нормы по стакану воды. Сообщите Манто... Комиссар, хочешь сказать что-нибудь? Добавишь?

Котло медленно встал, слегка наклонив голову и расправляя свои широкие плечи, словно хотел подпереть ими тяжелый каменный свод, все принять на себя. И Володя, всегда немного робевший перед ним, в который раз подивился, как это может такой суровый с виду человек смотреть на людей с какой-то особой, доверчивой лаской.

Видно было, что каждый из присутствующих очень дорог Котло и комиссар желает ему добра. Только массивные складки возле тяжелого, решительного рта говорили о том, что комиссар никому не простит сегодня ни малейшей слабости — никому!

— Все ясно, — сказал он, — говорить не о чем. Твердо верю, что каждый сделает все возможное, а если понадобится, то и невозможное...

Два взрыва, каких еще не слыхивали в каменоломнях, два свирепых громовых удара такой силы, словно раскололась над головой вся твердь земная, вынудили комиссара замолчать. Каменный пол заколебался под ногами. Плащ-палатка, висевшая у входа, поднялась, как от ветра. Облачко известковой пыли влетело в помещение штаба и заволокло его мутью. Все вскочили, кроме командира.

— Ну вот, кажется, и началось, — спокойно привставая, сказал Лазарев. — Начальникам караулов можно расходиться по своим местам. Желаю успеха, товарищи!

Поправляя на ходу свои шахтерки, подвинчивая фитили в фонарях «летучая мышь», покидали штаб начальники караулов. Слабо загудел один из телефонов. Лазарев поднял трубку:

— Я — центральная. Да, Лазарев. Слушаю. Так. Где? В старом шурфе? Вся стена? Сейчас вышлю. — Положив трубку, он кивнул Володе: — Беги быстро в санчасть, скажи: в старом шурфе стеной завалило Сердюкова и Носкина. Одну из докториц немедленно туда. Потом пусть доложат мне. А ты сейчас же обратно. Не вздумай туда соваться. Слышал?

— Есть не вздумать соваться!

— То-то! Ну, товарищ лейтенант, я пошел на «Передовой». Держи со мной связь.

Гул еще нескольких мощных взрывов прошел по подземным галереям. Где-то глухо прогремели три-четыре отдаленных удара.

— Шурфы бомбят. Хотят отвлечь наше внимание от входов, — сказал Петропавловский. — Это своего рода артиллерийская подготовка.

Опять грохнуло. Потом где-то застучали, отдаваясь эхом в ходах и переходах подземной крепости, выстрелы. Раскатился треск залпов, затараторили пулеметы, и с этой минуты все под землей заполнилось кисловатым запахом взрывчатки, тяжелым гулом частых

взрывов, дымом и пылью, разъедавшей глаза, забивавшейся в рот и ноздри.

Немцы начали генеральный штурм каменоломен.

Да, это был страшный день. Тот, кто пережил его, никогда о нем не забудет, но вряд ли сможет точно восстановить в памяти все, что пришлось испытать защитникам подземной крепости в те долгие, гибельные часы, иногда сливавшиеся в какой-то один длительный, душный, грохочущий кошмар...

Немцы повели наступление одновременно по всем входам. Взорвав завалы, они подтащили к входам штольни пулеметы и противотанковые пушки и открыли огонь в темноту подземелья. В шурфы полетели мины, взрываясь на глубине, разрушая каменные стенки и баррикады, возведенные партизанами. Немцы не жалели взрывчатки. Из некоторых шурфов, как из жерла вулкана, вылетали обратно на поверхность расколотые взрывами камни. Гитлеровцам приходилось отбегать в сторону, чтобы не оказаться жертвами собственных же мин.

Когда Володя спешил обратно из санчасти в штаб, взрывные волны несколько раз сшибали его с ног или больно приплюсывали к каменной стене. Во время падения он разбил стекло фонаря. Рывком взбудораженного воздуха огонек в горелке загасило. Володя двигался в полной темноте, слыша со всех сторон накатывающийся грохот штурма. Внезапно кто-то тихонько заплакал возле самых его ног. Он наклонился и почувствовал, как маленькие задрогшие руки цепляются за него во мраке.

— Я бою-у-усь... Я к маме хочу... Я потерялась... — услышал он и узнал маленькую Олю, дочку командира.

Он подхватил ее на руки и пошел, выставив локоть и плечо вперед, чтобы не ушибить девочку о какой-нибудь выступ стены.

— Ты это кто? — спрашивала Оля по пути.

— Я — Володя Дубинин.

— А-а-а... Я тебя не узнала. Темно. Я нюхала, нюхала и не узнала. Теперь все похоже пахнут: огуречиками и как лампа, когда коптит.

Медленно пророкотал далекий обвал.

— Сегодня гром гремит какой, — сказала Оля. — А дождик будет? Вот бы был, а то мы уже весь чай выпили... Мама не дает больше.

Володя вбежал в штаб, передал Олю забредшему сюда ее братишке и попросил у Петропавловского, чтобы тот позволил мальчику доставить сестренку на нижний ярус, к тетке Киле. Петропавловский разрешил и тут же дал Володе новое задание.

Надо было немедленно пробраться в «автохозяйство Любкина» и предупредить его о том, что туда двинулись гестаповцы — их заметили с одного из наблюдательных постов верхнего яруса.

— Только будь осторожен: это ведь почти на самом верху. Подбирайся потихоньку, а то можешь напороться, — предупредил Петропавловский.

Но Володя уже выбежал с приглашенной шахтеркой, которой он заменил разбитый фонарь, по направлению к далекой штольне. Он бежал, спотыкаясь, карабкаясь через рухнувшие камни. Обрез больно стучал его по плечу. Володя очень спешил. Каждое мгновение было дорого: требовалось вовремя предупредить Любкина о грозящей ему беде.

Задышавшись от бега, он наконец выбрался в большую наклонную штольню. Примерно в полутораэта метрах от входа с поверхности ее перегораживала стена, возведенная партизанами. У бойниц этой стены, которые слабо просвечивали в темноте, и должны были находиться Любкин и Макаров. Володя еще издали прошептал: «Шепетовка... Шепетовка...» — и, услышав нужный отзыв: «Штык», — вскарабкался к подножию баррикады.

— Это ты, Вовка, что ли? — узнал его Любкин.

— Ну да, я. Вам начальник штаба велел передать, что к вам опять фашисты спускаются, целая рота...

— Что это, опять фрицев на автомобиль потянуло? — усмехнулся Любкин. — Ну что

ж, коли кататься охота, такси свободно. Прокатим. И счетчик заведем. — И, припав к бойнице, он вложил в нее дуло автомата.

То же сделал и Макаров, его молчаливый напарник.

Володя подобрался к свободной амбразуре и заглянул в нее. Сейчас же он почувствовал, как кто-то схватил его сзади за шиворот и оттащил от стены. Он услышал над своим ухом сердитый шепот Любкина:

— А тебя сюда звали? Тебе было что приказано? Доложить и обратно. Без тебя управимся.

— Дядя Любкин, — умоляюще зашептал Володя, — я только самую малую минуточку погляжу и, если пойдут, разок пульну.

— Я вот тебя сейчас так пульну, что второго раза не попросишь!

Объемистый кулак Любкина заслонил амбразуру перед носом Володи и тут же исчез, потому что Любкин, что-то услышав, бросился к своей бойнице. Володя осторожно выглянул в отверстие амбразуры.

Впереди, не более чем в полутора метра от стены, черная труба штольни выходила на поверхность. На фоне ослепительно светлого неба хорошо был виден контур разбитого грузовика. Слева и справа от него оставались узкие проходы. Они отлично просматривались от баррикады. Если бы даже кошка вздумала заглянуть здесь в каменоломни, с поста Любкина ее немедленно бы заметили, но всякий, кто проник бы сюда с поверхности, ничего, кроме сплошной, все сгущавшейся в глубине тьмы, не разглядел бы.

Вдруг Володя увидел, что по обеим сторонам грузовика, четко печатаясь на фоне светлого неба, возникли человеческие фигуры. Сперва одна — слева, потом вторая — справа, а за ними еще и еще. Фигуры эти неуклюже обходили машину, протискивались в узких проходах и спускались в штольню, осторожно двигаясь по наклонному, но не крутому ходу.

— Любкин, — прошептал Макаров, напряженно всматриваясь через свою бойницу, — у тебя глаза получше... Разберись хорошенько! Обознался я, что ли? По-моему, бабы идут.

Любкин сунул голову в бойницу, поглядел еще раз и откинулся:

— Ни черта не пойму, ей-богу... Какое-то женское шествие. Что за номер?

Володя теперь тоже ясно разглядел, что машину медленно и робко обходили женщины. Как же они могли проникнуть сюда? Ведь немцы с этой стороны никого близко к каменоломням не подпускали. Но тут он увидел, что, когда женщины уже прошли машину и оказались в темноте штольни, слившись с ней, за ними на светлом пятне входа появились совсем иные фигуры. В них уже безошибочно можно было узнать гитлеровцев.

— А, что затеяли, катюги! — ахнул Любкин. — Тебе понятно, Макаров?

— Очень даже все ясно. Бабами прикрылись. Что же делать будем, Любкин?

— Не выйдет им это... Давай, Макаров, пропусти женщин поближе, до поперечного хода, а сам гранаты готовь. Оба приготовили гранаты и отскочили назад от стены.

— Слушай, Вовка, — торопливо сказал Любкин, — отойди от бойницы, а то как бы тебя осколком оттуда не шарахнуло. Ты пока оставайся тут. В случае чего, беги. А мы боковым ходом сейчас сообразим.

Володя, еще ничего не понимая, остался у стены; он слышал, как Любкин и Макаров отбежали немного назад, и шаги их внезапно заглохли, будто они оба исчезли. Володя не знал о существовании боковой штольни, которая углом подходила к устью большого хода, смыкаясь с ним недалеко от грузовика. Она имела соединительный коридор и позади стены. В него-то и юркнули Любкин и Макаров.

Между тем по ту сторону стены Володя уже услышал русскую речь.

— Что делают, что делают, паразиты проклятые! — приговаривали женщины, мешая слова с прерывистыми, приглушенными рыданиями. — За бабьей спиной воевать вздумали...

— Шумите, бабы, шумите! Надо голос подать, чтобы слышали, кто идет...

И тотчас, немного приглушенный сводами подземелья, тонко прозвенел полный

отчаяния женский голос:

— Товарищи партизаны, за нами немцы... штыками нас в спину гонят! Стреляйте, товарищи, хоть в нас бейте, только сволочь эту отсюда живой не выпускайте!

Кто-то из шедших позади немцев направил на женщин луч электрического фонарика, чтобы обнаружить кричавшую. Узкий конус света скользнул по каменной стене, и женщины увидели узкий проход в боковую штольню. А немцы, по-видимому успокоенные тем, что до сих пор партизаны, обычно немедленно стрелявшие из темноты, на этот раз молчат, зажгли еще несколько фонариков и уверенно двинулись под уклон штольни. И в тот же миг из-за угла бокового прохода в упор по фонарикам ударили две автоматные очереди. Одновременно с этим раздался зычный голос Любкина:

— Бабы, вались наземь, ползи в сторонку, хоронись за угол! Давай живо, гражданки!

Несколько фонариков мигом потухло, лишь один продолжал еще гореть, но уже валяясь на земле. Мгновенным ослепительным швырком распарывая тьму, там взорвалась граната, пущенная Макаровым. Вспокоенные крики и стоны гитлеровцев хорошо были слышны Володе, пока их не заглушил второй взрыв. Это пустил гранату Любкин, чей автомат, выставленный из-за угла бокового хода, сейчас же пошел косить метавшихся в проходе фашистов.

Володя, отскакивая от амбразуры и снова припадая к ней, слышал, как бьют о внешнюю сторону каменной стенки пули стрелявших наобум гитлеровцев. Он просунул в бойницу свой обрез и нажал гашетку. Грохот пионерского самопала заполнил, казалось, всю штольню. Немцы, уже не пытаясь отстреливаться, на четвереньках выползали из штольни. Двое из них, стремясь обогнать друг друга, застряли в узком проходе между машиной и каменной стеной. Они хватались за выступы камня, отпихивали один другого назад. Меткая граната Любкина, разорвавшись, досталась обоим поровну.

Теперь в штольне не оставалось ни одного живого гитлеровца.

— А вы, гражданочки, — крикнул в темноту боковой штольни Любкин, — вы пока понемножку выбирайтесь наверх, только не все сразу! А мы посторожим...

— Дорогой, вы бы нас к себе взяли!.. — закричала какая-то женщина из темноты.

Любкин подтолкнул Макарова локтем.

— Куда это — к нам? Поверили в немецкие сказки про партизан? Да тут у нас и нет ничего, просто мы с товарищем добровольно охотимся, и все, — соврал Любкин и добавил на ухо Макарову: — Как можно их брать? Кто их знает, кто такие... Всякое может быть. Ничего, они теперь легко выйдут. Немцы с этого края не сунутся сегодня.

Оба оказались снова около стенки. Володя, слышавший возле себя этот разговор, собирался уже вступить в него сам, но тут позади, из глубины каменоломен, донеслись глухие звуки разрывов и оружейной пальбы.

— Эге, кажется, дело-то на второй ярус уже переехало, — встревоженно проговорил Любкин. — Слушай, парень, — обратился он к Володе, — беги в штаб, доложи начальнику, что у нас тут вышло. Скажи: Любкин, мол, полагает, что на этот участок больше не сунутся. Хорошо бы нас куда-нибудь поближе к делу перекинуть... А сюда можно кого-нибудь послабже... Ну, валий! Похлопочи там за нас...

Володя мчался по темным галереям в штаб, иногда останавливаясь и приподнимая чехол лампы, чтобы осмотреться и проверить, правильно ли он идет. Запутаться в этой сети подземных путей было очень легко даже и привычному человеку, а сегодня еще сбивал с толку непривычный гул, грохот, доносившийся со всех сторон. Володя бежал, прислушиваясь к нему. Он еще не знал, что немцы уже вторглись в каменоломни на разных участках, что не было ни одного известного гитлеровцам входа, через который бы они не вели атаки. Иногда до Володи уже доносились странные выкрики, взывающие голоса, невнятная, хриплая, захлебывающаяся речь. Лишь несколько позднее он узнал от партизан, что немецкое командование подпоило своих солдат для куражу, чтобы не так было страшно идти в таинственную тьму подземелья.

Небывалое подземное сражение, страшная битва вслепую разыгралась на всех ярусах

подземной крепости. Вой шел уже несколько часов, но ни одного партизана немцы пока еще не видели. Однако, куда бы ни проникали гитлеровцы, везде они наталкивались на яростное сопротивление. Оставаясь невидимыми, неуловимыми, почти недосыгаемыми, таясь в кромешной темноте, загадочные обитатели подземелий преграждали дорогу в недра каменоломен меткой пулей из мрака — в упор, неожиданным броском гранаты — наверняка, внезапным ударом ножа — из-за поворота каменной галереи. Немцам порой начинало казаться, что они воюют с призраками, населяющими эту таинственную каменную пучину. И не было числа и счета этим призракам; они появлялись на каждом шагу: внезапно наносили удар в лоб — навстречу, тотчас же возникали позади — отрезая выход на поверхность, и в этот же миг разили пришельцев сбоку, словно из толщи стены...

Командование гитлеровцев теперь окончательно уверилось в том, что под землей действует многочисленная армия партизан. Сотни солдат были брошены на штурм подземной крепости. Ни один из немецких генералов и офицеров никогда бы не поверил, отмахнулся бы, как от вздорной шутки, если бы ему сказали, что натиску двух с половиной тысяч солдат отборного, специального полка, вооруженного автоматами, минами, торпедами, пулеметами, противотанковыми орудиями, прожекторами, электростанциями, звукоуловителями, противостоит горстка смельчаков в девяносто два человека, включая в это число женщин и ребят, до четырехлетней Оленьки Лазаревой... Да, самая исступленная фантазия не породила бы ничего более жестокого и противоречивого, чем эта битва под землей, в допотопной пещерной тьме, с применением новейшей военной техники XX века. Гитлеровцы волочили за собой под землю электрические кабели, вперяя в зловещую темноту шахт лучи мощных прожекторов, спеша покончить раз навсегда с этим проклятым смертоносным мраком. Вопя во всю глотку, паля наобум из автоматов, чтобы заглушить страх и скорее разделаться с гнетущим безмолвием недр, они упрямо лезли в глубь каменоломен.

Глава XIII В пылающих недрах

Если бы во время этой битвы, происходившей под землей, можно было приподнять восемнадцатиметровую крышу каменоломен или сквозь толстые пласты почвы и известняка увидеть то, что происходило в галереях этой неприступной крепости, — наблюдателю представилась бы совершенно необычная картина. Он увидел бы, что иногда многолюдная группа немцев, вооруженная автоматами, не может пробиться в узкий коридор, который защищает один партизан с пистолетом и гранатами.

Он разглядел бы, что кое-где противники находятся на расстоянии всего лишь двух-трех метров друг от друга, причем защитники подземной партизанской твердыни спокойно стоят за углом штрека, пропуская мимо себя на расстоянии нескольких дюймов поток трассирующих пуль, которые оставляют цветной нитевидный след в темноте. И стоят партизаны, сращенные с камнем, во весь рост, по маскируясь, не припадая к земле, хорошо зная, что ни на один волосок не продвинется в их сторону цветной пучок вражеских пуль, потому что направление их полета ограничено узким коридором и пуля не свернет за угол.

Подивился бы наблюдатель, поднявший крышу подземной крепости, каменному спокойствию хозяев подземелья, иногда чуть насмешливому мужеству их, молчаливой ненависти, которая заставляла партизан забывать об опасности. Понял бы он, как искусно и расчетливо партизаны ведут бой с сотнями фашистов, изоцряющихся в применении всевозможной военной техники.

Но никто не мог приподнять пласты земли и камни, и под их толщей, в узких подземных тоннелях, в вековой темноте, куда тщетно вонзались лучи прожекторов, встречая на пути каменные стены и завалы, уже много часов кряду шла жестокая битва.

Володе как связному пришлось побывать в этот день на самых различных участках боя. Обвалы и взрывы кое-где нарушали телефонную связь между караулами. Тогда посылали на эти участки пионеров. Быстроногие мальчишки, давно уже изучившие все коридоры и

каждый поворот галерей, знали теперь каменоломни не хуже самого Жученкова. Они носились из яруса в ярус, передавая приказы, принимали донесения, вызывали помощь из санчасти и пробовали совать свой нос в такие места, где получали любовно, но увесисто по затылку.

Когда Володя по распоряжению начальника штаба явился для связи в верхний ярус, находившийся тут Лазарев дал ему поручение, которое сперва несколько обидело маленького разведчика.

— Иди-ка сюда, Володя, — тихо подозвал он мальчика. — Прими-ка ты этого жителя нашего да снеси куда-нибудь к шутам подальше.

В этом штреке было почти совсем темно, и Володя не сразу понял, что ему передает командир. Он почувствовал лишь барахтанье чьих-то лап. Мокрый теплый язык лизнул его в шею, и под ухом кто-то ласково заскулил.

— Пиратка это комиссара, — пояснил Лазарев. — Отвязался, носится везде, хозяина ищет... Замри, дурень! Цыц, говорю!

— Вот скаженна собака, — проговорил оказавшийся по соседству дядя Гриценко. — До чего бессознательный пес, ну без всяких понятий! Цыц! Еще выболтает немцам наше местонахождение.

— Живо, Дубинин! — скомандовал Лазарев. — Бери собаку и отведи куда-нибудь поглубже.

Но не так просто было унять собачью радость. Пират вырвался из рук Володи, прыгая вокруг него, старался достать языком до его лица, звонко лаял и повизгивал. Володе пришлось обхватить собаку поперек туловища, прижать к себе ее морду и тащить на нижний ярус. Оба считали себя глубоко оскорбленными: Володя — тем, что в боевой обстановке, когда он оказался на передовом посту, его заставили таскать какую-то собаку, а Пират — возмущенный столь бесцеремонным обращением. На счастье Володи, он встретил на пересечении галерей Толю Ковалева, который спешил в штаб.

— Стой, Толик! — скомандовал Володя. — Прими Пиратку и давай его живо на нижний ярус. Сам командир велел, а мне надо туда возвращаться...

Когда он, с трудом переводя дыхание от быстрого бега по крутым подземным переходам, снова вернулся к Лазареву, командир и находившийся при нем дядя Гриценко прислушивались к странным звукам, доносившимся из-за стенки, которая преграждала здесь доступ в штольню с поверхности.

— Тихо, — еле слышно, в самое ухо Володе, шепнул Лазарев и показал на стенку. — Держись в сторонке. Там — слышишь? — они стенку разбирают.

Шум за стеной становился слышнее. Лазарев совсем загасил и без того едва горевшую лампочку. В полном мраке слышно было только, как осыпались камни стены. Кто-то снаружи пытался разобрать ее. Вдруг под самым потолком возникла полоса света. Еще несколько камней упало из-под свода штольни. Лазарев и Гриценко подтолкнули друг друга в недоумении. В отверстии у верха стены появился фонарь «летучая мышь». Немцы с такими никогда не ходили. Партизаны насторожились, замерев неподвижно, придержав дыхание, чтобы как-нибудь не выдать своего присутствия. И вдруг до их слуха ясно донеслась из-за стены немецкая речь. Потом кто-то отчетливо произнес по-русски:

— Никого там нет. Ясно...

Лазарев нащупал в темноте плечи дяди Гриценко и Володи и, повелительно нажимая на них, отвел их обоих за угол, в поперечную галерею. Оттуда можно было хорошо наблюдать за всем, что происходит у стенки. Свет фонаря, проникавший сквозь дыру в стене, был хорошо виден. Лазарев приказал держать отверстие на прицеле и по первому же его знаку открыть огонь. Володя заерзал в темноте от волнения и тут же получил легонько по макушке от дяди Гриценко.

Лазарев громко крикнул:

— Кто?

Из-за стенки никто не отозвался. Фонарь задрожал в отверстии стены, но продолжал

оставаться там. Лазарев, тоном угрозы еще громче закричал:

— Кто, спрашиваю?

Из-за стенки неуверенно откликнулся дребезжащий голос:

— Это я, Миронов.

— Тебе чего здесь надо?

— Да я, понимаете, за этим... за строительным камнем спустился, сараюшку сложить...

А тут кругом пальба началась. Боюсь теперь обратно наверх выйти. Пропустите низом, прошу, дорогие граждане!

— Нашел подходящее время за камнем ходить, — сказал Лазарев. — Ты кому же хоромы собираешься строить? Миронов промолчал. Лазарев спросил его:

— Погоди... Миронов Сидор?

— Он самый, — откликнулся уже развязней Миронов. — А это кто?

— Так это ты на модных каблучках у нас тут гуляешь, гостей за собой водишь? — грозно спросил Лазарев, вдруг отчетливо вспомнив одного из поселковых жителей, щеголеватого Миронова, служившего когда-то в Керчи приказчиком у миллионеров Месаксуди: тщедушный, плюгавенький, он, чтобы казаться выше, носил всегда ботинки, стачанные по особому заказу — с непомерно высоким каблуком. Вот чьи следы отпечатались недавно на песке в галереях верхнего яруса! — Ты один? — спросил Лазарев.

— Один, один, совсем одинешенек! Попал, понимаешь... — неуверенно проблеяли за стеной.

— Так. Значит, один? И никого с тобой нет? Испуганный тоном Лазарева, Миронов плаксиво зачастил:

— Ну да, никого! Говорю ж, я один. Вы только, граждане, стрелять не вздумайте, пожалуйста. Один я...

— Ты-то предатель один. Предателей у нас немного. А фашистов сколько привел, пес паршивый? — настойчиво и хмуро спросил Лазарев. — Никого, никого... Ой, не стреляй!.. — Зачем же стрелять... На одного тебя тратиться не станем, — с холодным, колючим, как штык, спокойствием произнес Лазарев.

И, неожиданно выскочив из-за угла галереи в штольню, он оказался под отверстием в стене. Володя слышал, как он опять пробормотал: «Зачем стрелять... Подохнешь и так со всей твоей компанией». И, поднявшись во весь рост, он бросил в пролом стены гранату. Сам он кинулся в сторону и лег. Фонарь Миронова вылетел из дыры. Раздался взрыв. Из отверстия в стене повалила известковая пыль, мутно клубившаяся в слабом свете, который теперь шел через отверстие. По ту сторону стены послышался топот многих ног, крики. Дядя Гриценко и Володя несколько раз выпалили в сторону пролома. Слышно было, как немцы бегут к выходу. Но вдруг там, за стеной, раздался такой грохот, что по сравнению с ним все взрывы, которые были в этот день, показались пустяком. Воздушная волна докатилась до коридора, где сидел Володя, и крепко встряхнула его.

— Эге ж, добре! Это Владимир Андреевич, — сказал дядя Гриценко.

— Да, узнаю его голос, — согласился Лазарев.

Дядя Гриценко не ошибся. Жученков, которого в отряде называли пиротехником за «фейерверки», устраиваемые им врагу, подготовил фашистам ловушку у выхода из штольни. У него на всех основных ходах была заложена взрывчатка. Он ее искусно замаскировывал, а где-нибудь в стороне за поворотом выводил под камнем зачищенный конец провода, который шел к запалу. Достаточно было присоединить к этому проводу переносную батарейку, соединить контакты — и у выхода рушился взорванный камень, заваливая все. Сейчас, находясь в боковой галерее и следя оттуда за продвижением немцев, которых предатель Миронов вел к караулу «Передовой», Жученков приготовился взорвать заряд и ждал удобного случая для своего «фейерверка».

Взрыв был так силен, что самого Жученкова, который находился в боковой штольне, метров за сорок от стены, отбросило в сторону. Каменная белесоватая пыль окутала всю галерею, и, когда Жученков вышел к Лазареву и зажег свой фонарь, он был похож на

мельника. Лазарев, Володя и дядя Гриценко — все судорожно кашляли: в темноте они наглотались испорошенного ракушечника.

Жученков боковыми коридорами, в обход защитной стены, провел командира и Володю к месту взрыва. Пыль и дым постепенно осели. Володя, приглядевшись, был поражен: перед ним под обломками камня, осыпанные густой белой пылью, в разных местах лежали убитые гитлеровцы. Их было очень много. Ни один из тех, кто проник в штольню за Мироновым, не добрался до выхода. Осветив фонарем один из углов обвалившейся штольни, Володя вздрогнул от отвращения: из-под рухнувшей глыбы известняка торчала нога в узком ботинке с непомерно высоким каблуком.

— Неплохо сработано, — сказал Лазарев. — Ну, сюда уж сегодня вряд ли кто сунется: здесь все завалило. Не пожалел ты товару, Владимир Андреевич!

— Для милого дружка и сережку из ушка! — отвечал Жученков, сплевывая набившуюся ему в рот пыль. — Жаль только, камня лишнего накрошил. У меня тут богатое залежание. На Дворец культуры намечал оставить. Известняк — первый сорт: что цвет, что структура! — Он поднял обломок камня, пощелкал ногтем. — Красота камень! А пошел на такую мразь...

Лазарев приказал Володе отправиться в штаб, сообщить Петропавловскому обо всем и ждать его дальнейших распоряжений. Когда Володя вбежал в штаб, Петропавловский, прижимая к уху трубку телефона, слушал донесение, а в другой руке держал трубку второго аппарата.

— Послушай, Дубинин, что там? — Он сунул в руку Володе согревшуюся трубку.

Володя прижал трубку и услышал далекий, надсадный голос:

— Штаб? Это штаб? Это кто? Дубинин? Вовка? Слушай, это говорит Крупеня, который на секторе «Волга». Слушай, скажи начштабу: немцы сбросили в шурф бочки с горючим, а потом — мин штуки три. Взрыв, понимаешь... От горючей смеси обшивка ствола занялась. Пожар получается. А тут склад у нас, баталерка как раз рядом... Ты доложи скорей.

Володя быстро сообщил все Петропавловскому, который продолжал отдавать какие-то приказания на другой сектор. Услышав о пожаре, Петропавловский крикнул в свою трубку: «Минуту!» — и, оторвавшись от нее, бросил Володе:

— Скажи, сейчас примем меры — помощь пришлем. А ты, Володя, передай это и беги за Манто. Пускай всех своих людей туда гонит.

Володя передал Крупене то, что ему сказал Петропавловский, и услышал в трубку:

— Какие меры? Воды нет! И нас на карауле двое. Ежели уйдем от хода, немчура полезет. Они уже совались сюда, да мы отогнали. Отойдем — опять полезут... Чего, чего?.. Пришлите помощь, говорите? Скорей давайте! Кого? Повара? Яшу Манто? На кой черт повара? Ну ладно, пусть повар идет, скорей только... А то сгорим тут.

Через несколько минут в дымной галерее, которая примыкала к подземному продовольственному складу, были уже Манто, Володя, Ваня Гриценко и тетя Киля. Прибежал сюда и комиссар, обладавший удивительной способностью вовремя, словно по наитию, попадать в самые опасные участки, где требовалась срочная, решительная помощь. Склад уже окутало дымом. Свет фонарей расплывался в мути. Впереди горели деревянные подпоры шахты, столбы и доски крепления. Едкий дым стлался по галерее: ему не было выхода. Стена, отделявшая галерею от вентиляционного шурфа, через который фашисты сбросили мины, мягко рухнула, но шурф сверху завалило камнями.

Комиссар приказал надеть противогазы. Володя совсем забыл, что у него имеется на боку спасительная сумка. У него уже больно резало и щипало глаза. Слезы так и лили из них. Саднило горло. Кололо, как иглами, ноздри.

— Уйди ты отсюда! Беги, спасайся! — глухо прокричал Володе комиссар через пульсирующую резину противогаза, которая то вспучивалась, то опадала от его тяжелого дыхания. — Уходи! — гудел комиссар.

Но Володя неотступно следовал за ним в клубившуюся полутьму.

Теперь комиссар шел впереди, пытаясь светом своего фонаря пробить густой слой

дыма. Котло словно плыл в желто-сизых вязких волнах. Дым стлался понизу и придавливал к земле огонь, маленькие язычки которого, потрескивая, медленно подползали по доскам к складу. Дым не давал пламени быстро распространяться, но оно со злым упорством, прожорливо, хотя и медленно, подбиралось к продуктовой базе. Здесь было много горючего материала: ящичков, стружек, досок. Не больше трех метров осталось пройти огню, чтобы под землей забушевал гибельный пожар, который уже нельзя было бы затушить никакими силами.

И ни капли воды не имели люди, прибежавшие сюда, чтобы бороться с огнем. Не тащить же было мисками и стаканами последние остатки воды из резервуара, укрытого Манто в надежном месте!

И тогда комиссар первый кинулся топтать пламя, глушить языки огня шапкой, которую он держал в руках, после того как надел противогаз. Манто, Володя, Ваня Гриценко и прибежавшие из камбуза женщины, не чувствуя ожогов, чуть не голыми руками прихлопывали огонь, забрасывали его горстями известковой выли. Кто-то из партизан притащил лопаты. Их расхватили в одно мгновение. Теперь работа пошла более споро: лопатами черпали густую пыль, толстым слоем покрывавшую каменный пол, закидывали ею огонь, сбивали пламя. На Яше Манто уже два раза вспыхивала одежда, но он продолжал лезть в самый огонь...

Где-то недалеко слышались выстрелы, ухали взрывы. Сверху доносился шум боя. Гибель могла прорваться через любой ход и снаружи, а здесь, внизу, в густом дыму, люди бились с огнем, который грозил теперь крепости из-под земли.

Володе стало нестерпимо душно в противогазе, должно быть плохо надетом. Он сорвал с себя маску и стал ею бить пламя. Он слышал, как постреливают от жара у него на голове спаленные волосы, зажмурил глаза, плотно стиснув обожженные веки, и все бил и бил пламя, топтал его, но вдруг почувствовал, что дыхание у него кончилось. Что-то завалило ему рот. В тот же миг как будто большой камень ударил его по темени. Он упал лицом вперед, прямо в огонь.

Подоспевший комиссар рывком ухватил Володю своими цепкими руками и вынес обеспамятевшего мальчика из пекла.

Очнулся Володя в санчасти довольно скоро. Сперва ему показалось, что на руках и на ногах у него лежат тяжелые камни и он поэтому не может шевелиться; самая тяжелая глыба лежала на груди и не давала дышать. Володя собрался с силами, перевел дух и почувствовал, что камень свалился куда-то в сторону. Он повернулся на бок, беспомощно моргая глазами, которыми уставился на Марину, растиравшую ему виски.

— Лежи, лежи! Надышался, — сказала она ему. — Надо ж было тебе в самое полмя лезть!

— А комиссар?

— Комиссар уже где-то наверху воюет. Лежи спокойно — все потушили. Там уже новую стенку теперь ставят у склада. Ну, герой, — добавила докторица, — перетрусил, сознайся? А момент действительно был жутковатый. Всем бы нам конец.

В голове у Володи шумело. Время от времени он испытывал какие-то нехорошие, тупые толчки во всем теле и ничего не мог сделать с руками, ногами, которые сами начинали дергаться; после этого все мышцы словно размякли и нельзя было двинуться: руки и ноги становились как будто ватными.

В санчасть заглянул дядя Манто. Фартук у него обгорел; из-за пояса, рядом с рукояткой кухонного ножа, свисал смятый противогаз с болтавшимся на ходу толстым резиновым хоботом. На потном, закоптелом лице дяди Яши гуляла его неистребимая улыбка. Он протянул Володе пончик:

— Ну, хлопчик, геройски действовал! Получай от имени камбуза.

Но Володя и видеть не мог пончика — так его мутило.

— А попить нет, дядя Яша?

— Водички, дорогой, больше не могу выдать. Ты свою двойную порцию утром выпил.

На тебе, хлопчик, мою фляжку. Мне что-то пить неохота.

Он быстро сел на край койки, приподнял Володину голову и чуть ли не насильно сунул ему в рот горлышко своей фляги. Володя жадно хлебнул несколько больших глотков и оттолкнул руку Манто. Ему стало лучше. Он уже спустил ноги, чтобы бежать в штаб, но опять все закружилось перед его глазами, и ему пришлось откинуться на подушки.

Он не знал, сколько часов пролежал так, ко всему безразличный, ничего не слышавший. Но когда он очнулся, наверху все еще ухали — правда, реже — раскаты взрывов, доносился треск выстрелов. Володя поднялся, держась за стену. В санчасти никого не было. Потом близко послышался говор, учащенные шаги. Простыня, закрывавшая вход в санчасть, заколебалась. Показавшаяся из коридора Нина Ковалева отдернула ее в сторону, и Володя увидел Важенина, Любкина и Шульгина, которые несли окровавленного лейтенанта Сергеева. Все плечо и шея его были залиты кровью. Гимнастерка на груди была так разодрана в клочья, словно кто-то мелкими щипцами выхватывал из нее по лоскутику. Надя Шульгина поддерживала ладонями откинутую назад голову Сергеева. За ним внесли еще кого-то, завернутого с головой в плащ-палатку, протекшую кровью.

Лейтенанта уложили на койку. Марина попросила всех выйти. Володя вышел за простыню, висевшую у входа, и узнал подробности несчастья, которое стряслось в секторе «Киев».

Там разыгралась решающая схватка партизан с гитлеровцами. Немцы пытались войти в каменоломни через этот сектор по трем параллельным штольням, которые они расчистили взрывами. Фашисты шли, заливая путь под землю ослепительным светом мощных прожекторов. Сюда были брошены главные силы наступавших, а в группе Сергеева, которая должна была остановить их, насчитывалось, даже после того как на помощь ему подоспели Москаленко, Дерунов и Пекерман, всего лишь девять человек. Правда, здесь были все отборные, испытанные люди: Важенин, Шустов, Юров, Емелин, Любкин.

Немцы действовали очень осторожно. Они теперь оставляли на своем пути охранение у каждого бокового прохода.

Группа Сергеева отступила к перекрестку галерей, сходящихся к наклонному коридору, который шел в нижний ярус, к сердцу подземной крепости. Здесь и организовали оборону. Нельзя было пропустить врага дальше.

Бой произошел как раз над штабом отряда, расположенным на втором горизонте каменоломни. Петропавловский со своего поста тревожно прислушивался к тому, что происходило над его головой.

Дела там сложились неблагоприятно для партизан. Был тяжело ранен Дерунов, стоявший в засаде, но на мгновение оказавшийся в луче прожектора. Сменивший его старый, опытный партизан Пантелей Москаленко притаился в боковом проходе. Он ждал, когда по основному коридору пройдут солдаты, несущие прожектор, и собирался гранатой уничтожить источник света, который очень облегчал положение противника. Но не заметил старый партизан, как обошли его гитлеровцы сзади. Он оказался зажатым в поперечной галерее, соединявшей два основных хода. Увидев позади себя отсветы второго прожектора, ползущие по большой галерее, Москаленко, уже сражавшийся в этих каменоломнях в девятнадцатом году, понял, в какую беду он попал. Надежды скрыться не было: спасительная темнота покинула его. И тогда Москаленко решил пойти на прорыв, и уж если погибать, то с такой музыкой, которая долго будет стоять в ушах гитлеровцев...

Медленно наливалась светом галерея за ним. Москаленко стоял, прижавшись к стене. Он пока еще был в тени. У него осталась одна граната. Ею он думал взорвать прожектор вместе с солдатами, которые тащили его, и, воспользовавшись темнотой, пробиться в другие ходы. Но все вышло не так, как наметил Москаленко.

То ли дрогнула рука у старого партизана, то ли просто очень не повезло ему, но запущенная им граната ударилась о каску гитлеровского солдата, откатилась к стене и разорвалась здесь же, в боковом штреке. Москаленко видел, как подкосило и заволочло густой пылью стоявших в проходе троих гитлеровцев, видел, как поднялся мутный столб

известковых песчинок, мелко поблескивавших в луче прожектора. Он не заметил, что осколок гранаты ранил его же самого, и хотел проскочить через освещенную галерею в противоположный подземный коридор. «Эх, гранату бы мне сейчас еще одну!» — пробормотал Москаленко и рванулся наперерез гитлеровцам, шедшим за прожектором. Как только он высунулся из-за угла в галерею, застрочили автоматы немцев. Москаленко, отпрянул к стене, опустился на колено и, выхватив револьвер, стал посылать пулю за нулей в ярко освещенных прожектором гитлеровцев. Он видел, как заметались фашисты, прижимаясь к стене. Бросив уже бесполезный револьвер с расстрелянными патронами, зажав в руке последнее оставшееся у него оружие — кинжал, он, низко пригнувшись, бросился через галерею.

Тут пуля ударила в стену возле его лица. Куски ракушечника брызнули ему в глаза и ослепили их. Осыпанный белой пылью, не замечая крови, которая текла из раны, Москаленко протер засыпанные глаза, увидел на мгновение перед собой рослого гитлеровца, с размаху всадил в него кинжал, но тут же оглушающий удар окованным прикладом на затылку лишил его сознания. Фашисты с торжествующим криком бросились на старого партизана, вцепились в него, схватили его за руки, за ноги и, выкручивая их, потащили к выходу на поверхность. Наконец-то они убедились, что воюют не с призраками, а с живыми людьми!

Тяжело пришлось защитникам сектора «Киев». Гитлеровцам удалось подойти вплотную к стене, которая преграждала один из путей во внутренние коридоры подземной крепости. Баррикаду эту не успели выложить до самого верха, и через оставшийся просвет гитлеровцы пытались поразить партизан, державших за ней линию обороны. Но стоило лишь врагу продвинуться поближе, тотчас же навстречу ему через баррикаду летели из мрака брошенные точной рукой партизанские гранаты. Автоматы гитлеровцев были бессильны что-нибудь сделать с толстой стеной, сложенной из больших плит ракушечника.

Сергеев решил подпустить неприятеля поближе, а затем, подобравшись к самой стене, кинуть через верхний край ее гранату наверняка. Он подготовил гранату к метанию, встал на камень, чтобы достать до верха баррикады, но тут произошла неожиданная беда: хрупкий камень обломился. Сергеев упал навзничь, не успев отбросить гранату. Она взорвалась в руке лейтенанта, изранила ему всю грудь и плечо. Осколок ее с силой ударил в голову Шустова. Он был убит наповал. Были задеты Юров и Емелин. Засорило колючей пылью глаза Любкину и Пекерману. Один только Важенин успел броситься на пояс и остался невредимым.

Немцы по звуку поняли, что взрыв произошел у партизан случайно. Пользуясь этим, они полезли на баррикаду. Автомат Важенина сбил их со стены. Он один в эти страшные минуты защищал самый ответственный и уязвимый участок партизанской крепости. Очередь за очередью посылал Важенин в просвет между потолком к верхним краем стены. При этом он ухитрился свободной рукой метнуть гранату вверх стены и вообще изображал отряд по крайней мере из пяти человек.

И гитлеровцы не рискнули идти на прорыв.

Пекерман, отводивший раненых в нижний ярус, успел тем временем сообщить о положении в секторе «Киев», и на помощь единственному защитнику баррикады через несколько минут прибежал политрук Корнилов. Корнилов подполз к Важенину в полной темноте, найдя его по отблескам выстрелов. Политрук слышал, как над головой стучаются в каменную стену, осыпая ракушечную пыль, пули противника.

— Жаркие дела, Важенин? — спросил тихо Корнилов.

— Не столь жаркие, сколь пыльные, товарищ политрук. В общем, воюем помалу. Теперь живем, раз подкрепление прибыло.

Со стены продолжали сыпаться известковые крошки, отбиваемые пулями.

— Товарищ политрук, вы глядите головы не поднимайте высоко. Это уровень жизни — запомните. Ниже-то они не достают.

— Ладно, давай создадим уровень смерти для гансов, — ответил Корнилов, рассчитав,

что немцы не могут изменить угол обстрела, так как бьют поверх стены и близко к ней подойти не рискуют.

Приглядевшись, Корнилов заметил, что какой-то свет — очевидно, от далекого прожектора — проникает сейчас в галерею и позволяет кое-что разглядеть. Он, например, успел заметить, что над верхним краем стены поднялась рука с гранатой, прижался головой к полу за маленьким запасным каменным бруствером, где они лежали с Важениным, и тотчас услышал, как раздался взрыв. Над головой просвистели осколки. Корнилов уже сам собрался метнуть в ответ гранату, но передумал.

— погоди, — шепнул он Важенину, — сейчас я им устрою фокус.

Фокус Корнилова заключался вот в чем: выждав момент, когда за стеной немецкий солдат поднял руку с гранатой, чтобы швырнуть ее через стену, Корнилов нажал спусковой крючок автомата, — немецкая граната с грохотом разорвалась по ту сторону стены, где раздались пронзительные крики, проклятия и стоны. Два раза проделывал свой фокус Корнилов, прежде чем фашисты догадались, что происходит с их гранатами.

— Ну и метко садите вы, товарищ политрук! — восхитился Важенин.

— Ничего, на глаз и на руку не обижаюсь, — скромно согласился Корнилов.

Вскоре к Важенину и Корнилову прибыло подкрепление во главе с неутомимым комиссаром Котло, который в этот день снискал прозвище: «Неисчерпаемый резерв командования».

Комиссар выслушал краткий перечень всего, что произошло на этом секторе, погоревал о Шустове, Москаленко и Сергееве, помолчал минуту, а потом подвел итоги:

— Что же делать, друзья мои! Без потерь не бывает. А в общем, дела обстоят неплохо. Я сейчас везде побывал: отовсюду гитлеровцев выгнали. Только здесь еще, у вас, застряли. Будем надеяться, что и тут ненадолго... — Он помолчал, потом вздохнул: — Неужели Москаленко взяли? Эх, досадно! Жаль старика...

Никто не знал, сколько времени уже длится бой. В горячке сражения люди не чувствовали ни голода, ни усталости, а час под землей было трудно определить. Здесь привыкли к медленному и неощутимому течению времени. Что из того, что уже над поверхностью каменоломен, пока внизу шел бой, сменился день, прошла долгая осенняя ночь и снова настал новый день? О часах просто не думали.

Оправившийся Володя вместе с другими пионерами после ликвидации пожара под землей получил задание: разносить на боевые посты еду, а потом снабжать партизан патронами, менять диски пулеметов. Женщины в оружейной мастерской смазывали, очищали от песка и пыли винтовки и пулеметы, а ребята носили оружие партизанам и получали от них засорившиеся, нуждавшиеся в чистке винтовки. Теперь ребята чувствовали себя в настоящем боевом деле. Они появлялись на самой линии огня, и тщетно партизаны отгоняли их в тыл. Мальчики подносили патроны, поили водой изнемогавших от жажды партизан, которые припадали сухими, запыленными ртами к фляжкам, с благодарностью похлопывали пионеров по спине и снова брались за горячие винтовки.

Попал наконец Володя и в сектор «Киев», где нашел своего наставника Корнилова. Лазарев с ударной группой в это время отправился через боковые галереи в обход немцам, проникшим здесь в глубину подземелья. Гитлеровцы и сюда подтащили мощные прожекторы, но из темных боковых коридоров в них неожиданно полетели гранаты. Любкин уложил двух солдат, тащивших прожектор. Разгоряченный боем, он выскочил из укрытия и сам ухватил обеими руками прожектор, свалившийся на пол. Прожектор потух, но Любкин продолжал тащить его за угол, а немецкие солдаты, шедшие за прожектором, уцепившись за толстый резиновый кабель, тянули его в свою сторону. Кончилось это тем, что поврежденный гранатой кабель оборвался, и ликующий Любкин через минуту примчался туда, где держали оборону Котло, Корнилов и Важенин.

— Во! Смотрите, какой трофей взял! Теперь и у нас освещение будет.

— Дурень! — сказал ему добродушно Котло. — А кабель ты себе вилкой в ноздри вставлять будешь! Ток-то ты где возьмешь?

В пылу схватки Любкин совсем забыл про это. Теперь, огорченный, он бросил свой трофейный прожектор на пол и зло пнул ногой никому не нужный тяжелый железный жбан с зеркальным днищем.

— А я-то тягал, тягал... Тьфу ты!..

Скоро затихли выстрелы и в секторе «Киев». Со всех участков поступали сообщения, что немцы выходят из штолен, отказавшись от попыток пробиться внутрь подземной крепости. Потом сообщили, что ко многим шурфам и штольням гитлеровцы подтаскивают бетономешалки и бочки с цементом. Очевидно, убедившись в том, что штурмом партизан не одолеть, гитлеровское командование решило наглухо замуровать партизан в каменоломнях.

Прогремел последний выстрел у центрального входа, где отходивший на поверхность отряд гитлеровцев попал под перекрестный огонь партизан, поджидавших их в засаде. Пророкотал где-то сорвавшийся в шурфе камень, и стало тихо под землей, только слышно было, как тяжело стонет в санчасти изорванный гранатой Сергеев.

Лишь теперь все почувствовали непомерную усталость и жажду. Лазарев распорядился выдать всем по полстакана воды сверх нормы. Командиры собирались в штаб. Комиссар с трудом добрался до табурета, грузно повалился на него и стал клониться головой к столу. Но в это время он услышал голос Лазарева:

— А знаешь, комиссар, сколько наши насчитали гитлеровцев, что остались лежать в верхнем ярусе?

— Сколько? — Котло разом вскинул голову.

— Да свыше восьмидесяти. И в «автохозяйстве Любкина» ганса четыре завалились...

— А мы сколько потеряли?

— Шустов Иван Гаврилович приказал, старина, долго жить. Москаленко захватили. Ваня Сергеев совсем плох, говорят. Да еще двое раненых и пятеро слегка пострадали.

— Эх, каких хороших людей лишились! Шустова жаль. И за Москаленко обидно, — проговорил Котло. — Упрямый старик — запытают они его. — Комиссар потер ладонями усталые, обожженные глаза. — Да, был моментик, командир! Надо ведь — ко всему еще пожар... Ну, скажу тебе, здорово ребята-пионеры действовали!... Кстати, из детишек никто не пострадал?

— Нет, — отвечал Лазарев, — вот, можешь убедиться. В штаб вошел Володя Дубинин.

— Ну как, цел, копченный? — спросил Котло.

— Цел, товарищ комиссар. Угорел чуток. Теперь прошло. Я могу быть свободным?

— Можешь, можешь. Иди свободно спать, — проговорил Котло и, когда Володя вышел, вдруг порывисто, всем крупным своим телом повернулся к Лазареву: — Какие ребята растут, Лазарев! Народ у нас какой!

— Люди у нас, комиссар, золотые! — сказал Лазарев.

— И не было еще таких никогда ни на земле, ни под землей!

Комиссар откинулся назад и, вытянув усталые, пожженные руки, медленно поставил на стол ребром свои крепко сжатые кулаки — словно приложил к сказанному две тяжелые круглые печати.

Глава XIV «Глаза и уши»

Пинь!.. там!.. пом!.. пинь!.. пом!.. тень!..

Володя проснулся в обычной темноте от странного звука, которого он никогда еще не слышал в каменоломнях. За пять недель, проведенных под землей. Володя научился распознавать любой звук, возникавший в подземных коридорах каменоломен. Звуки делились на добрые и злые. Они доносились из глубин непроглядной тьмы. Глаза здесь были беспомощны, но привычное ухо улавливало все, что нужно было знать партизану. И Володя уже мог безошибочно узнавать не только по голосу, но и по походке любого из своих начальников. Вот, уверенно шагая в полной темноте, чтобы зря не тратить карбида в фонаре, прошел в боковую штольню Владимир Андреевич Жученков. Старый шахтер, он и под

землей чувствовал себя нисколько не хуже, чем на земле. Володя узнал его по особому пошлепыванию: Жученков на ходу ладонью касался каменных стен, где каждый выступ, каждая неровность были ему хорошо знакомы. Медленно и увесисто ступая, прошагал в подземную пещеру, где помещался штаб отряда, комиссар Иван Захарович Котло. А вот это по-строевому четкий, прочный и в то же время удивительно легкий шаг политрука Георгия Ивановича Корнилова. Володя мог бы среди тысячи шагов различить поступь своего боевого наставника, к которому он страстно привязался.

Потом Володя услышал, как прошли в штаб еще несколько партизан, и каждого из них узнал в темноте.

Должно быть, командир отряда Семен Михайлович Лазарев собрал к себе в штаб всех командиров для совещания.

Где-то внизу, на третьем горизонте каменоломен, уже раздавались глухие выстрелы. Звук сперва быстро доходил до Володи через толщу камня-ракушечника, а потом несколько раз повторялся эхом, бродя и затихая в коридорах подземелья. Там, на глубине каменоломен, партизаны вели учебную стрельбу в подземном тире. Все это были звуки добрые, успокоительные, свои. Ухо привыкло к ним, механически отмечало в сознании услышанное, и они не вызывали тревоги.

Но Володя знал и другие звуки: они мгновенно насыщали душную тьму каменоломен острой тревогой. Володя хорошо запомнил треск автоматов, бесконечно Повторенные подземным эхом раскаты взрывов, рокочущий грохот обвалов. От них, казалось, окружающая партизан подземная тьма внезапно твердеет, сама становится сплошным черным камнем, который все раздавит, все задушит и сплющит.

Так было недели две назад, во время памятного боя, когда немцы пытались ворваться в каменоломни. И все эти недели в каменоломнях — и в штабе, и в столовке, и засыпая на узких, вырезанных из камня-ракушечника топчанах-лежанках — люди оплакивали Ивана Гавриловича Шустова, тихо поминали Пантелея Москаленко и томились горькой тревогой за него.

Да, это был тяжелый бой! Дорого далась партизанам победа. Погиб бесстрашный Шустов. Подорвался сам, упав с гранатой, Ваня Сергеев, лейтенант, комсомолец, белокурый, складный, веселый человек. Он лежал теперь в госпитальном отсеке каменоломен. Володя слышал его стоны в темноте, тихонько подбирался к слабо освещенной койке, подолгу молча смотрел в осунувшееся лицо, которое становилось все менее и менее знакомым. И казалось, что черты Ваниного лица медленно растворяются в тяжелой, глухой темноте.

Уже второй месяц держалась подземная крепость. Никто не знал, сколько еще предстоит выдерживать эту немислимую осаду. Положение партизан с каждым днем становилось все более гибельным. Они были теперь полностью замурованы в камне — в сущности, заживо погребены. Все выходы из штолен и шурфов на поверхность немцы заминировали. Каждую лазейку, всякую мало-мальски подозрительную расщелину гитлеровцы залили сверху бетоном или зацементировали. Присутствие невидимых партизан под землей не давало покоя гитлеровцам, жгло им пятки. И фашисты решили задушить камнем законных хозяев захваченной земли, ушедших в недра ее, но не сдавшихся.

Все труднее и труднее становилось дышать под землей, куда теперь почти не было доступа свежему воздуху. Изводила палящая жажда, и неизвестно было, на что еще пустится враг, раздраженный упорством партизан.

Надо было непременно разведать, что творится на поверхности. Был один небольшой, очень далекий выход, которого как будто не заметил враг. Зная, что всех мужчин, появляющихся вблизи каменоломен, гитлеровцы без предупреждения расстреливают на месте или, в лучшем случае, арестовывают, командование отряда решило попытаться отправить в разведку кого-нибудь из девушек. Сначала подумывали, не послать ли пионеров, показавших себя отличными разведчиками, но комиссар запротестовал, считая, что еще раз решиться на это можно только в случае самой крайней необходимости. Нина Ковалева и Надя Шульгина, явившись в штаб по вызову командира, с полной готовностью вызвались

идти наверх в любую минуту. Девушки, очень сдружившиеся под землей, где они совместно работали в санчасти, просили послать их вместе. Их подготовили как надо и сделали попытку выпустить наверх через тот ход, который оставался еще как будто свободным. Но едва разведчицы приблизились к поверхности, как гитлеровцы подняли тревогу: должно быть, они через звукоулавливатель услышали что-то. Девушки едва успели соскользнуть вниз и укрыться в камнях, как наверху раздались взрывы гранат, зачастили автоматы. Должно быть, гитлеровцы оставили этот лаз незакрытым нарочно.

Обе девушка были в отчаянии, что им не удалось выполнить задание. Они проплакали весь вечер, и сам комиссар ходил утешать их...

Пинь!.. там!.. пом!.. тень!..

Проснувшись от этого непонятного, ни разу еще не слышанного под землей, как будто птичьего звука, Володя сразу почувствовал, что лютая жажда, которая долго не давала ему заснуть, стала сейчас еще более жгучей. Все пересохло у него во рту. Першило в горле, скрипела на зубах копоть. Повернувшись на своем каменном топчане лицом к стене, Володя стал языком жадно слизывать налет сырости, выступивший на ракушечнике. Этому пришлось научиться за последнюю неделю. Когда мучительная сухость во рту немного прошла, Володя опять прислушался. Пинь!.. тинь!.. пом!.. пинь!.. Что бы это было? Володя легонько ткнул в бок спавшего рядом Ваню Гриценко:

— Эй, слушай!

— Ну чего тебе? — Ваня заворочался в темноте и чихнул от копоты.

— Тише ты! Очнись да послушай.

Ваня сел на лежанке. Из разных концов каменоломен — и где-то совсем рядом, и в отдалении, то звонко, то еле слышно — что-то тенькало разноголосом, настойчиво и аккуратно: тинь!.. пинь!.. пень!.. Мальчики затаили дыхание.

... Между тем в штабе подземной крепости, устроенном в специально вырубленной широкой штольне, комиссар Иван Захарович Котло заканчивал свое сообщение.

— Делаем выводы, товарищи, — медленно, неспешно говорил он, вкладывая какой-то особый, увесистый смысл в свои прочные слова, — по данным нашей подземной разведки, мы окончательно замурованы. Связь с внешним миром потеряна, а она нам необходима. Совершенно необходима. Мы тут не укрываемся. Мы сюда спустились не для того, чтобы отсиживаться. Мы здесь для того, чтобы воевать. Это — основное. Кроме того, Сергеев здесь погибнет. Ему необходима срочная операция, иначе парню конец. И это вопрос буквально дней. Не более. Возможно, потребуется установить связь с партизанским отрядом в Аджиджарских каменоломнях. Словом, надо наверх. На сегодня мы имеем пока один лаз. Подчеркиваю, только один: в секторе «Киев». Немцы его не заметили. Я сегодня с Семеном Михайловичем подбирался туда. Взрослому не пробраться... А как ты считаешь, Георгий Иванович? — обратился Котло к Корнилову. — Пионеры твои...

Он замолчал, испытующе посмотрел на Корнилова и, хмурясь, отвел взор.

Каждый раз, когда обстановка складывалась так, что партизаны были вынуждены посылать на разведку ребят, комиссар страдал и смущался, не будучи в силах скрыть этого.

— Да им только заикнись, Иван Захарович, — поспешил ответить, заметив состояние комиссара, Корнилов. — Этот Вовчик уже неделю пристаёт ко мне, чтобы его наверх отрядили. Да, откровенно говоря, не хотелось бы без особой надобности.

— Да кому охота без особой на то надобности в такой риск ребятишек пускать! Но что поделаешь! Иного выхода я не вижу.

— Ничего не остается другого, — произнес командир отряда, — придется, товарищ Корнилов, твоих питомцев еще раз попросить.

— «Попросить»! — усмехнулся Корнилов. — Надо их просить, чертенят! Их только пусти.

... А юные разведчики, о которых шла речь в штабе, в этот момент уже сползли со своих лежанок и бесшумно подбирались к месту, откуда доносилось загадочное теньканье. Они сперва собрались поднять тревогу, потому что был приказ немедленно доводить до

сведения командования о каждом лучике света, о каждом отблеске, о каждом звуке, возникающем без ясной причины в подземелье. Но чтобы не попасть в смешное положение (а этого Володя и Ваня боялись гораздо больше, чем фашистских пуль), мальчики решили сперва сами разведать, в чем тут дело. Не зажигая фонаря, они проникли в штрек, где теньканье раздавалось особенно громко. Сейчас оно несколько изменилось. Уже не «пинь-пом-пум», а по-другому тенькало в штольне: клям!.. плям!.. клек!..

Вдруг из-за угла бокового каменного коридора блеснул показавшийся чрезвычайно ярким свет. Мальчики от неожиданности зажмурились и тотчас же услышали над собой голос дяди Яши Манто:

— Эй вы, водолазы, куда? Давай задний ход!

— Дядя Яша, — зашептал Володя, кинувшись к повару, — тише ты! Слышишь? Тукает чего-то...

— Водичка, дорогой, тукает, вода! С чистой водичкой вас! Наше вам с капелькой! — Какая вода?

— А-а, теперь вопрос, какая вода. С неба вода. Сперва была, конечно, как вас в школе учили, в виде известного снега, ну, а теперь, по всей видимости, наверху оттепель наступила. Вы вот себе спите да разные красивые, интересные сны разглядываете, а дядя Яша не спит, не дремлет. Он бодрствует. У дяди Яши один глаз всегда на дежурстве, одно ухо на вахте. Вот и услышал, что капать стало, И везде здесь котелки подвесил. Пока вы последний сон доглядывали, я уже полтора ведра накопил. Будет вам сегодня жареная водичка — чай с сахаром. Отважным разведчикам, конечно, без очереди и по две порции. Роскошная жизнь!

Дядя Яша поднял высоко фонарь. Подняв голову, мальчики увидели под каменным сводом развешанные там и здесь котелки, склянки, пустые банки из-под консервов. В них чирикала благодатная певучая капель. Тинь!.. тинь!.. клек!.. плюм!.. — тенькали, пели, звенели банки. И, сняв из-под свода самый большой котелок, дядя Яша протянул его мальчикам:

— Натё, хлопчики, пейте на здоровычко. Но едва Володя и Ваня, стукнувшись головами, припали — висок к виску — изжаждавшимися губами к влажному, холодному краю котелка, со стороны штаба послышалось:

— Дубинину Владимиру, Гриценко Ивану — живо явиться в штаб!

Жадно хлебнув напоследок, сколько можно было втянуть за один глоток, мальчики помчались к штабу:

— Есть явиться! У входа в штаб стоял политрук Корнилов с фонарем в руке. Он осветил им в лица мальчиков.

— Ну, разведка, — сказал он, — ну, Глаза и Уши, есть разговор.

Их теперь уже часто так звали — «Глаза и Уши». Пошло это с того самого дня, когда политрук Корнилов объяснял ребятам обязанности разведчиков: «Разведка — это глаза и уши армии». А в тот день произошли как раз кое-какие неприятности в камбузе, где юные разведчики стянули с противня у Акилины Яковлевны сладкие пончики. Володя, как всегда, не стал отнекиваться и оправдываться, а честно заявил, что это он взял без спросу пончики, потому что считал себя вправе брать их. «Да кто же вы такие, чтоб раньше всех пончики хватать?» — негодовала тетя Киля. «Кто мы такие? — переспросил ее Володя. — Мы... — он ткнул себя пальцем в грудь и кивнул в сторону Вани Гриценко, — мы глаза и уши. Вот кто мы». С тех пор большеглазого, пытливого, зоркого Володю и внимательного, самую малость лопухого Ваню Гриценко стали величать «Глаза и Уши».

«Глаза и Уши», подтянувшись и одернув куртки, как того требовала партизанская служба, предстали перед штабом отряда. Командир подробно объяснил им задание: надо снова выбраться на поверхность, прошмыгнуть незамеченными мимо немецких часовых и во что бы то ни стало повидаться в Старом Карантине с Михаилом Евграфовичем Ланкиным, узнать подробно, что творится на поверхности и нет ли каких-нибудь сведений от аджи-мушкайских партизан.

— Адрес явки помните? — спросил Лазарев.

— С закрытыми глазами найдем, — отвечал Ваня Гриценко.

— Ну и хорошо, — как всегда, медленно и негромко произнес комиссар Котло. — Только вот что... Ты там, Володя, Ланкина насчет овса уж не слишком пытай.

Тут все засмеялись.

— Повторить задание! — приказал комиссар. Володя выпрямился, как в строю, и скороговоркой отчеканил:

— Выйти на поверхность через лаз в секторе «Киев», оставаясь незамеченными, проникнуть в поселок, во что бы то ни стало явиться к товарищу Ланкину, получить сведения, сообщить положение, выйти из поселка до наступления комендантского часа, когда будет темно, вернуться к лазу, насчет овса Ланкина не пытаться!

— Все понятно?

— Все, — отвечал командир группы юных разведчиков.

— Вопросы имеются?

— Вопросов не имеется.

— Ну, — сказал командир, — в таком разе снимайте свою артиллерию.

Вздыхнув, мальчики сняли с себя через голову ремни, на которых у них висели обрезы. Каждый раз жалко было расставаться с оружием, но Володя и Ваня знали, что выход с ним на поверхность невозможен. Сдав командиру оружие, мальчики расстегнули свои куртки и сняли повязанные прямо на теле красные пионерские галстуки. Все встали. Комиссар бережно принял галстуки, закоптелые, помятые, теплые, расправил их, аккуратно сложил, вместе с обрезамы положил в шкаф, стоявший в штабе, и запер его на ключ.

— Провожать вас до лаза, ждать вас там и, в случае чего, страховать ваше возвращение назначаю товарищей Корнилова, Любкина и Важенина... Георгий Иванович, — обратился он к Корнилову, — пусть разведчиков покормят как следует. Скажите там Манто, чтобы не скупился. И пусть их Акилина Яковлевна хоть немножко отмое, а то ведь на них глядеть и тут страшно — до того чумазые, а уж на свет божий появятся, так фрицы сразу сообразят, что они прямо из преисподней.

Через полчаса, растертые докрасна мощными руками Акилины Яковлевны, щедро накормленные ею и дядей Яшей, оба юных разведчика явились к политруку Корнилову. По дороге им попалось несколько партизан. Каждый подходил к ним и говорил что-нибудь ласковое, уважительное, ободряющее, вроде: «Ну, мол, ходи веселей, ребятки! Гляньте там за нас, как птички летают...» Или: «Э-гей, хлопцы, счастливо вам! Ни пуха ни пера. Выручайте, дорогие!» — и так далее. Всем хотелось сказать на прощание мальчикам что-нибудь значительное и душевное, но застенчивы были в, таких делах грозные партизаны старокарантинского подземелья: не находили они нужных слов и только кряхтели, покашливая, да по-отечески трепали маленьких разведчиков по плечу. А политрук Георгий Иванович Корнилов, как всегда перед разведкой, велел мальчикам присесть и сам тоже сел возле них на тумбу, выпиленную из камня.

— Ну вот, сели напоследок, — проговорил он. — Давайте, ребятки, еще раз хорошенько все сообразим. Задание вы знаете. Повторять не буду. Хочу сказать только вот что: командование на вас крепко надеется, все партизаны на вас надеются. С нашим положением вы знакомы. Говорить много не приходится... Знаю, что задание выполните, потому что вы наши...

— ...глаза и уши, — успел вставить Ваня Гриценко.

— Нет, ребятки, этого мало. Конечно, мы рассчитываем и на ваши глаза и на ваши уши. Но главная наша надежда на ваше сердце. Глаза без души слепы, уши без сердца глухи. А сердце у вас, ребята, верное, пионерское сердце. Оно не подведет. Вот на него мы — и надеемся. Ну, галстуки по военной необходимости вы тут оставите, а свое звание, свою честь пионерскую, долг свой перед народом вы берете с собой. Ясно я говорю?

— Ясно, — тихо отвечал Володя. Огромные глаза его золотисто блеснули в тусклом свете лампешки, висевшей под потолком, и он с суровой задумчивостью спросил у политрука: — Дядя Гора, у меня вопрос. Можно? Я считаю, что это ведь задание особое, да?

— Да, если хотите, особое, — сказал Корнилов.

— Это партийное задание, да? — допытывался Володя.

— А как ты думаешь? Все, что мы тут сейчас делаем, — это партийное задание.

— А если кто беспартийный, тогда как же? — спросил Ваня Гриценко.

— Ну и что ж, что беспартийный, — объяснил политрук. — Раз он тут с нами и честно, как подобает советскому нашему человеку, действует: из-под земли гансам грозит, партизанит как надо, выполняет задание партии, страну нашу защищает — значит, и он выполняет с нами долг коммуниста.

— Вот видишь, Ваня, и я тоже всегда так считаю, — заторопился Володя. — Вот, например, у нас, я считаю, вся семья партийная. Сестра Валентина комсомолка уже — значит, помощница партии. Я пионер — выходит, младший сын партии. Верно? Правда, вот мама еще у нас отчасти беспартийная осталась, но она давно живет под нашим влиянием. Все равно тоже такая, как и мы все...

И вспомнилась Володе мать. С каждым днем тревога за нее становилась острее. Он замолчал, задумался. Как ей живется там, наверху, в поселке, захваченном немцами? Хоть бы повидать ее одним глазком, хоть издали, хоть на секундочку!

Потом Корнилов поднес к лампешке свои карманные часы и сказал:

— Ну, младший сын партии, ну, ребятки, пора. Через час светать будет наверху. Вам надо вылезти, а там, глядишь, и по поселку уже ходить можно будет. До девяти утра немцы-то не позволяют, а так поспеете в самый раз... — Он внимательно оглядел обоих разведчиков, смущенно нахмурился, поправил застёжку на Володиной стеганке. — Пошли, Володя. Идем, Ваня. Любкин и Важенин уже готовы, ждут на «Киеве». Двинулись!

Немцы не знали этого далекого лаза. Он выходил в земляную щель под большой, низко нависший над ложбинкой камень. Мальчики благополучно выбрались на поверхность земли, хотя отверстие лазейки было таким узким, что более крупный Ваня Гриценко еле-еле протиснулся, зато маленький, юркий Володя свободно выскользнул из-под камня и помог выбраться товарищу. Потом они долго ползли, хоронясь за неровностями, камнями и небольшими взгорьями, жадно, всей изголодавшейся по вольному дыханию, отравленной копотью и чадом грудью вбирая в себя сладкий наземный воздух. Эх, что за воздух это был! Они сосали снег, и он тоже казался им слаще всякого мороженого.

Они проползли по дну небольшого овражка, где не было немецких часовых, вскарабкались наверх и спрятались в полуразрушенном сарайчике на краю поселка. Через щели его мальчики следили за тем, что делается на улицах. Вскоре рассвело. Разведчики видели, как сменились часовые, прошел по улицам поселка утренний патруль гитлеровцев. Здесь и там появились осторожно шагающие, старающиеся держаться сторонкой жители.

Мальчики решили, что им пора выходить. Но тут они поглядели друг на друга, и оба присели на корточки, зажимая ладонями рты, чтобы не расхохотаться: несмотря на все старания Акилины Яковлевны, отмыть их не удалось, только грязь развели. Жирные полосы копоты, пятна грязи испещряли лица обоих разведчиков.

— Зебра полосатая, ой, умру! Чистая зебра! — прыскал в ладонь Ваня Гриценко.

— А ты на себя погляди, — давился от смеха Володя. — Сам как есть гиена пятнистая, точная копия!.. Ну, и цыц! Хватит! — прикрикнул он неожиданно. — Ты все-таки имей себе представление, что я командир группы.

Они долго оттирались снегом за сараем, потом как ни в чем не бывало двинулись на окраину поселка.

Володя уже дважды бывал здесь во время своих разведок, но на этот раз поселок показался мальчикам еще более мрачным и безлюдным. На улице, которая вела к каменоломням, на месте, где недавно стояли дома, теперь зияли пустыри и сквозь талый снег чернели закоптелые развалины, головни, раздробленные взрывом камни.

Враг старался окружить район каменоломен зоной разрушения, где все было бы пусто и мертво.

Вдруг Ваня крепко схватил Володю за руку и так сжал ее, что тот чуть не ойкнул.

— Что ты? — удивился Володя.

— Гляди, гляди! — Ваня, весь побелевший, неловко дергая губой, потащил Володю за угол уцелевшего домика. — Гляди, ведут...

И Володя увидел, как из проулка вышло около десятка фашистов. Они шли с автоматами наизготовку посередине улицы. Между ними, спотыкаясь, ежась от холода, шли мертвеннобледные люди. Глаза их, как у слепых, вперились куда-то вдаль остановившимся, невидящим взором. Простоволосая женщина, в сбившейся на плече рваной шали, шла позади других.

— Ты гляди, гляди, сзади вон... — прошептал Ваня. Володя взгляделся и, узнав, сам обмер. То была тетя Ньюша, мать Вани Гриценко.

— Э-эх, ты! — еле слышно пробормотал он. — Вот так дело получилось! Забрали...

Ваня вцепился зубами в стеганый рукав своей куртки и не сводил глаз с матери.

— Ох, Вовка, беда какая, горе... — с трудом прошептал он, отпустив свой рукав, и скрипнул зубами. — Ты не высовывайся, Володя, а то мама узнает, крикнет, тогда мы всех подведем. Может быть, ее за отца да за меня и забрали, что мы в партизаны ушли. Донес кто-нибудь, есть такие скоты... У, попадись мне, зараза!

— Ваня, а может, и мою маму так? А мы ничего не знаем, сидим там себе под землей. Эх, был бы у меня сейчас мой обрез, я бы им...

Долго глядели оба мальчика из своего укрытия вслед удалявшимся. словно какое-то оцепенение нашло на них.

Но надо было выполнять задание.

С невеселыми мыслями осторожно пробирались юные разведчики к дому, где жил Ланкин... Но что это? Неужели они ошиблись улицей? Нет, вот шоссе, а тут водокачка, а сейчас же за ней должен быть дом Ланкина... Лишь обугленные, полузанесенные обтаявшим снегом обломки ракушечных плит да труба, тощая и голая, как шея общипанной птицы, были там, где стоял прежде дом Ланкина.

Где же Ланкин? Как найти его теперь, чтобы выполнить задание командира, чтобы получить сведения, которые так нужны партизанам, и сообщить тем, кто на поверхности, о положении подземного отряда?

Растеряннo брели по улицам Старого Карантина два маленьких разведчика. Они вышли на дорогу, ведущую к Камыш-Буруну, за которым, резко отчеркнутое белым, заснеженным краем берега, синело море. Там, далеко в дымке, чуть виднелся, а больше угадывался противоположный берег Керченского пролива — Тамань, желанная, своя... А вокруг мальчиков, растеряннo бредущих по дороге, все сейчас было не своим, все было насильно отнятым чужими и отвратительными пришельцами. Какое-то страшное заклятье легло на землю, дома, людей...

Но ничто не ускользало от внимания разведчиков. Недаром их звали в каменоломнях «Глаза и Уши». Они издали видели, как немцы опять подтягивают, подвозят орудия к району каменоломен, как опутывают всю округу колючей проволокой, как роют, бетонируют доты. Немцы, видно, по-прежнему считали, что в старокарантинских каменоломнях скрывается целая армия партизан.

— Гляди, как стараются, — шепнул довольный Володя своему спутнику. — А тут, смотри, у них, верно, штаб...

— Это раньше наша школа была, — отозвался Ваня и вздохнул, поглядев на красивый двухэтажный дом, во дворе которого скопилось множество немецких машин. — Вон я за тем окошком сидел в прошлом году.

— Ох, дурные мы с тобой были, Ваня, верно? — сказал Володя. — Помнишь, как, бывало, иногда, если урока не успел выучить, в школу неохота ходить было? Отлынивали...

— Да, уж глупее глупых были, что толковать, — согласился Ваня.

— А сейчас бы, — продолжал мечтательно Володя, — ей-богу, сидел бы на парте, не шелохнулся, только бы слушать, что в классе объясняют. Любому «посредственно» бы обрадовался. Сколько бы ни задавали, спасибо бы еще сказал.

Они обошли школу и внезапно остановились, не в силах двинуться дальше. На пустыре за школой, прямо перед ними, на столбах с перекладиной, где раньше были трапеции и кольца для гимнастики, висели два трупа. Мальчики со страхом переглянулись и подошли поближе. Медленно подняли они голову кверху, всмотрелись в повешенных...

Сомнений не было. То были Москаленко и Ланкин. Ветер с моря качнул трупы, повернул их, и разведчики увидели, что на груди у висевших привязаны доски с коряво и жирно выведенными надписями. «Партизан» — было написано на доске, на которую свесилась седая голова Пантелея Москаленко. «Так будет со всеми, кто помогает партизанам», — прочли мальчики на впалой груди у Ланкина. И маленьким разведчикам показалось, что и море вдали, и небо над ними, и весь воздух вокруг потемнели. И эта чернота была во сто крат страшнее и злее подземной тьмы, в которой они жили уже второй месяц.

Потрясенные, стараясь не глядеть друг на друга, ступая почему-то на цыпочках, мальчики отошли от этого страшного места.

Да, не таких сведений ждут там, под землей, партизаны. Нет больше Москаленко, нет Ланкина. Через кого теперь держать партизанам связь с подпольным центром Крыма?

Целый день бродили маленькие разведчики по Камыш-Буруну. Много они успели высмотреть, подметить, сосчитать, услышать и запомнить за этот тяжелый день. Рано, по-зимнему, и быстро, как всегда на юге, темнело. В пять часов дня, как гласил приказ, расклеенный на всех заборах, прекращалось хождение по поселку. Приказ грозил расстрелом без предупреждения каждому, кто появится после пяти часов на улице. Надо было возвращаться. Все, что можно было заметить, услышать, запомнить, мальчики вызнали. Но когда, возвращаясь из Камыш-Буруна, они увидели близ шоссе за голыми, облетевшими деревьями красную крышу домика Гриценко, Володя остановился и просительно взглянул на Ваню.

— Ваня, — нерешительно начал он, — я тебя об одном попрошу... Укройся сейчас где-нибудь, чтобы тебя люди не заметили. Ведь тебя здесь каждый помнит... А я смотаюсь к вашей хате. Очень мне, Ваня, охота узнать: маму не забрали? Как она там... Я только гляну минутку и сейчас же обратно. И голоса не подам. Даю слово, Ваня!

Ваня, думая об утренней встрече, только кивнул, вобрав голову в дернувшиеся плечи:

— Как знаешь, Вова... Не попадись только смотри... Все загубишь.

Почерневшими осенними огородами, с которых ветер смел снег, незаметно подполз Володя к беленькому домику Гриценко. Здесь все было таким знакомым... Вот большая кадка, возле которой когда-то он поссорился с Ваней из-за ртутной капли от разбитого градусника. Вот сарайчик, где хранили они свои рыболовные принадлежности. Сейчас к его двери был прислонен немецкий мотоцикл. Должно быть, в доме стояли немцы. Надо было соблюдать осторожность. Володя тихонько приподнял голову над кадкой, за которой он спрятался, взгляделся в окно домика и сразу увидел мать.

Евдокия Тимофеевна сидела у самого подоконника, зябко закутавшись в платок, и что-то шила. Володя, вцепившись ознобленными пальцами в край кадки, не мигая смотрел через двор на мать. Остывавший закат освещал ее лицо. Но как страшно изменилась и похудела она за этот месяц! Совсем старушка стала... Володя заметил, как тряслась ее рука, когда она, должно быть, пробовала продеть нитку в ушко иглы. Ей это так в не удалось. Володя увидел, как из глубины комнаты кто-то подошел к матери и взял у нее из рук шитье. Он узнал сестру Валю. Эх, Валька, Валентина, счастливица Валендра! Ничего ты не понимаешь! Стоишь ты рядом с матерью и даже не догадываешься, как это хорошо, когда около тебя совсем рядом мать: заскучал и прижался к ней. Что же ты стоишь, дурная? Обними ее скорей, да бережно... Слабая она...

Но Валя уже отошла в глубь комнаты.

Как захотелось Володе подбежать к окну, забарабанить кулаками по стеклу, может быть, в последний раз кинуться к матери, припасть к ней, схватить ее за плечи обеими руками, глядя не отрываясь в склоненное лицо ее, закричать: «Мама, гляди, это я! Ты не

волнуйся, мама! Ты, наверное, беспокоишься, думаешь, что меня уже нет в живых, что нас там немцы в каменоломнях газами отравили, камнями завалили? Нет, гляди, мы, назло им, живые! Вот я, мама, послан на разведку нашим командиром. Ты не бойся, мама. Все будет хорошо, ты только не волнуйся. Ты только пойми: я выполняю партийное задание. Эх, если б узнал папа, он сразу бы понял! Он моряк и коммунист. Он бы тебе все как надо объяснил...»

Так бы и сказал Володя матери, если б мог, не таясь, подбежать к окну, если бы не должен был прятаться в двух шагах от нее, как того требовали долг и осторожность разведчика. А сейчас он стоял на коленях за промерзшей кадкой, и только губы у него беззвучно шевелились: «Ой, мама, ой, мама, ты мама... ничего ты не знаешь...»

А мать внезапно вздрогнула, встала, приблизила лицо свое к самому стеклу окна, обвела усталым, каким-то оскудевшим взглядом двор и сперва медленно, а потом быстро опустила штору затемнения. И черная штора эта пала в окне и отгородила Володю от матери, с которой, может быть, ему уже не суждено было больше свидеться...

Володя отполз от кадки, добрался до огорода и побежал туда, где терпеливо ждал своего маленького командира Ваня Гриценко. Надо было немедленно возвращаться в каменоломни...

«Ничего-то ты, мама, не знаешь!..», Так твердил про себя Володя, спеша пробраться через задворок к одинокому сарайчику, за которым должен был прятаться Ваня. «Ой, мама, ничего ты не знаешь... ничего ты не видишь из своего окошка!»

А мать знала многое. Знала она вместе с Валей такое, что и в голову Володе не приходило. Правда, и Евдокия Тимофеевна и Валентина жили в полном неведении о том, что происходило в подземной крепости. Ничего не знали они о судьбе Володи, дяди Гриценко и Вани. До них только доходили слухи о дерзких вылазках партизан. Они видели, как боятся гитлеровцы обитателей каменоломен, к которым теперь и близко нельзя было подойти: все было оцеплено, везде стояли часовые, повсюду бродили патрули фашистов.

Но зато мать и сестра знали многое другое, о чем не мог догадываться Володя.

В самом деле, откуда было знать ему, что Евдокия Тимофеевна и Валя в определенные дни поочередно наведываются в Керчь? Этого требовало дело, в которое были посвящены только они двое — мать и дочь.

Незадолго до того, как Дубинины перебрались в Старый Карантин, в их керченской квартире поселился один морской офицер, знакомый Никифора Семеновича. Когда фашисты уже подошли к городу и советские войска после боя должны были оставить Керчь, офицер этот сказал, что ему надо поговорить с Валей.

— Валенька, — мягко начал он тогда, — возможно, что нам придется пока что уходить. Вот и хочу потолковать с вами на этот случай. Я знаю вашу семью и к вам хорошо пригляделся. Я вижу, вы девушка верная, деловая, лишнего шума не любите, а всякое дело у вас спорится. Словом, вижу — вы настоящий человек и значок ВЛКСМ носите не даром. Думаю, что сумеете оправдать доброе звание комсомолки в черный день, если такой придет. Одним словом, вот что...

И он предложил в определенные, заранее установленные дни Вале и Евдокии Тимофеевне, если она согласится, навещать старую квартиру в Керчи. Возможно, что в эти условные дни на квартиру к Дубининым будут заходить люди, которые останутся в подполье, если Красная Армия оставит город. Паролем будет служить слово «Комбат».

— Если скажут, как только поздороваются: «Поклон от комбата», — значит, наши люди. Понятно? Ну, а с мамой вы сами поговорите. Я думаю, и она не откажет. Мы Дубининых хорошо знаем.

И впрямь, когда город был занят фашистами, на квартиру Дубининых в те дни, когда Евдокия Тимофеевна или Валя приходили из Старого Карантина, то и дело наведывались скромно одетые люди. Они неизменно передавали «поклон от комбата». Их было четверо. Приходили они по очереди, в одиночку. Сперва пришел тот, кто представился Виктором; потом другой, назвавший себя Леонидом. Заходили еще двое, назвавшиеся Васей и Ваней. Все они приносили Дубининым не только привет от комбата, но и еще кое-что, более

существенное: они передавали Евдокии Тимофеевне и Валентине пистолеты, патроны в коробках из-под папирос. Оружие это нужно было припрятать в надежном месте, но не очень далеко, чтобы оно могло быстро оказаться в руках у подпольщиков, когда придет нужный день и пистолеты смогут выпустить пули в захватчиков. Приказы гитлеровского коменданта несколько раз предупреждали, что за утаивание оружия жители будут беспощадно расстреливаться. Необходимо было действовать очень осторожно и при доставке оружия, и при очередном приеме, и при его хранении. Сначала Евдокия Тимофеевна зашивала доставленные пистолеты в огромную наследственную перину. Она была так необъятна и толста, что плотно обмотанные бинтами пистолеты совершенно не прощупывались в своих тугих коконах через упругую толщу перины, как бы на нее ни давили снаружи. Но оружие все прибывало, и вскоре семейная перина Дубининых стала тесна для него. Новые пистолеты были спрятаны самым тщательным образом на чердаке. Часть оружия, обильно смазанная вазелином, закутанная в промасленные тряпки, была зарыта Валентиной в конуре, где обитал когда-то Бобик.

Но однажды один из тех, кто передавал поклоны от комбата, пришел с пустыми руками и сказал, что надо пистолеты перенести в другое, более надежное место: квартира Дубининых стала уже небезопасной. Соседка Алевтина Марковна стала вести себя подозрительно. Она то исчезала на несколько дней, то появлялась снова с какими-то узлами и чемоданами. К ней заходили темные люди, промышлявшие прежде в той части базара, которая звалась «барахолка». Оставлять оружие в таком доме было уже опасно. Надо было искать новое место. Подпольщики известили Дубининых, что тайным арсеналом станет дом № 25 по улице Свердлова.

Там все было приготовлено для приема и укрытия оружия. Но как было перенести его туда?

Вскоре соседи увидели, что Евдокия Тимофеевна и Валя обзавелись где-то большими новыми кастрюлями. С виду это были очень добротные, красиво сработанные, надежные кастрюли, но никто, кроме мамы и Вали, не знал, что у кастрюль этих двойное дно. В междудонное пространство закладывались пистолеты и патроны, извлеченные из перины, с чердака или из конуры Бобика. Сверху в кастрюли наливался суп, накладывались котлеты, коржики, вареная картошка. С кастрюлями Валентина или мать отправлялись на улицу Свердлова. Из кастрюль шел вкусный парок, и никто на улице не обращал внимания на истощенную, печальную женщину, медленно тащившую кастрюлю с похлебкой, или коренастую девушку, несшую кому-то в большой кастрюле картофельные котлеты. Промышляют, дескать, мамаша с дочкой домашними обедами в разнос... Но как-то патруль остановил Евдокию Тимофеевну. Один из солдат приказал поднять крышку кастрюли, увидел в ней соблазнительно выглядывшие поджаренные котлеты, причмокнул, схватил одну, отправил себе в рот, рявкнул: «Шмект гут!» Одобрив котлеты, солдат угостил своих подручных и захлопнул кастрюлю. Потом внимательно оглядел Евдокию Тимофеевну, сдернул с ее головы белый пуховый платок и коротко толкнул ладонью в плечо, разрешая следовать дальше. И пошла Евдокия Тимофеевна, простоволосая, с большой кастрюлей, на дне которой под картофельными котлетами лежали два немецких пистолета «вальтер» и несколько обойм с патронами к ним.

Мог ли думать Володя, что, когда он увидел через окошко в домике Гриценко мать, она только что вернулась из Керчи после того, как отнесла на улицу Свердлова в дом № 25 очередную порцию «супа»!..

Ваня, поджидавший своего командира за сарайчиком на задворках поселка, очень тревожился: ему казалось, что по времени Володе уже давно пора было бы вернуться. Он закоченел, его начинал трясти озноб, а Володи все не было.

На самом же деле не больше двадцати минут понадобилось Володе, чтобы сбегать к домику Гриценко и вернуться назад. И Ване сразу стало жарко от радости, когда он увидел в сгустившихся сумерках маленькую фигурку Володи, вынырнувшую из-за угла ограды одного из окраинных дворов.

— Ну как, видел? — шепотом спросил его Ваня.

— Видел, видел, — коротко и хмуро проговорил Володя. — После расскажу, как внизу будем. Пошли.

Но едва мальчики оказались на окраине того шахтерского поселка, который носил название Краснопартизанского, как до них донесся резкий и повелительный окрик:

— Стоять на месте! Куда ходить? Цурюк! Идти назад!

Они не сразу разобрали в обступившем сумраке раннего зимнего вечера, что произошло. Чьи-то руки уже тащили их за шиворот, в спину жестко и больно тыкались приклады немецких винтовок. Потом мальчики почувствовали, что их стискивают со всех сторон сбившиеся в кучу, смятенно и бестолково шагающие куда-то люди, множество людей. Они, тяжело дыша, молча двигались все в одном направлении, и движение этих людей, безвольное, молчаливое, увлекало за собой обоих разведчиков.

Немного осмотревшись в этой толпе, Володя разглядел рядом с собой худую, растрепанную женщину, с лицом, которое показалось ему очень знакомым.

— Тетя, — тихонько обратился он к ней, — это куда нас гонят?

— Чего спрашиваешь? Не знаешь, что ли! — не взглянув на него, глухо отвечала женщина. — В барак гонят, на ночевку, где в прошлый раз были.

— А зачем?

— Ты что? — Женщина нагнулась на ходу, чтобы в темноте разглядеть мальчика. — Ты что, в первый раз, что ли? Утром опять нас на огороды погонят мерзлую картошку собирать. По трудовой повинности...

И голос у нее был какой-то очень знакомый. Где-то Володя встречался с нею. Он тронул незаметно Ваню за локоть:

— Ваня... вон эта тетка, что сбоку идет... откуда я ее знаю?

Ваня протолкался вперед, обошел Володю и заглянул в лицо женщины. Она легонько отпрянула.

— Ты что?..

И внезапно Володя вспомнил... Вспомнил он беленький домик, Ланкина и женщину, которая открыла им дверь в прошлый раз, когда они спросили у нее насчет овса. Да, это была она — Любовь Евграфовна Ланкина.

Володя протиснулся к ней поближе.

— Здравствуйте, тетя Люба, — шепотом произнес он, вытягиваясь, чтобы достать до уха женщины.

Та молча обернулась к нему, продолжая плестись вперед.

— А как у вас насчет овса, тетя? — еще тише спросил Володя.

Ланкина шарахнулась в сторону, огляделась, перепуганная, вцепилась пальцами в плечо Володи. Ее всю затрясло.

— Ты что? Какой овес?.. Ой, родные мои, ой, беда! А вы-то как попали? И вас заметили? Ой, милые, бегите... А то визнают, кто вы такие, и конец вам, как Мише нашему.

Она охнула, схватила угол своего полушалка, прижала его ко рту.

Когда мальчиков вместе с другими жителями, согнанными гитлеровцами для сбора мерзлой картошки, втолкнули в пустой нетопленный барак на окраине Краснопартизанского поселка и велели располагаться на ночь, маленькие разведчики, за приметив, где расположилась Любовь Евграфовна, едва только люди улеглись, разыскали ее в темноте. Они подползли к ее нарам, и Любовь Евграфовна, свесившись к ним, заливаясь беззвучными слезами, рассказала пионерам о том, как погиб ее брат.

Его арестовали вместе с женой, Еленой Александровной. Любовь Евграфовна несколько раз носила им обоим в гестапо передачи. Два раза ей удалось встретить брата, когда того выводили вместе с другими арестованными. И в последний раз Ланкин успел шепнуть ей, когда она ему вручала передачу: «Меня предал Гришка Спано... знаешь, тот грек, что со спекулянтами таскался. Скажи всем, чтобы его остерегались. Он с Мироновым фашистам и про подземный отряд донес...»

Потом Ланкин сумел шепнуть сестре, что видел в тюрьме арестованного Москаленко. Гестаповцы зверски избивали старого партизана, но Москаленко ничего им не сказал, никого не выдал. Он даже и про себя ничего не сообщил и назвался Морозовым. Всю свою злобу, весь свой подленький страх перед подземными партизанами выместили гестаповцы на старом Москаленко.

А через несколько дней после свидания с Ланкиным Любовь Евграфовна увидела его на виселице рядом с Москаленко.

— Я теперь у мамы живу, к ней перебралась, — с придыханием шептала на ухо мальчишкам Ланкина, свешиваясь с нар и роняя в темноте на их лица тяжелые катышки слез. — Мама два раза меня звала: «Пойдем, говорит, взглянем на нашего Мишу». Я не могу, а она ходит. Постоит под ним, поглядит, придет обратно, ляжет и молчит.

Вокруг тяжело дышали вповалку лежавшие на голых нарах наработавшиеся в неволе люди. Кто-то бормотал со сна, надсадно хрипя. Из дальнего угла слышалось судорожное, приглушенное рыдание, а Ланкина все шептала в темноте мальчишкам:

— Вы, хлопчики, как до своих вернетесь, так скажите, чтобы они ни на что не поддавались. Будут к вам выродков засылать, которые с фашистами сторговались. Спано Гришку или старого Фирсова. Так скажите, чтоб их посулам не доверяли. Это продажные шкуры, губители проклятые! Фирсов — старый дьявол, а тоже с ними заодно. Дубинин Иван Ананьевич — дедушка твой двоюродный, Володя, — ему уж высказал, когда самого его, беднягу, в гестапо водили с Фирсовым на очную ставку. Его гестаповцы бьют, а он кричит Фирсову: «Ось погоди, старый чертяка, як вернутся наши, накрутят тебе хвоста!.. Свинья ты полудохлая! Був ты колысь Фирсов, а став Фрицов, собака». А Фирсов ему грозит: «Смотри, говорит, Дубинин, еще хуже тебе будет». А дедушка Дубинин ему говорит: «Не такие мы люди, Дубинины, чтобы перед подобными, как ты, молчать. Мы, говорит, плевать на вас, прихвостней, хотели». Вот до чего старик в себе твердый! — закончила свой рассказ Ланкина, и в усталой, всхлипывающем шепоте ее слышалось восхищение.

Мальчика поблагодарили Любовь Евграфовну за все, что она им сообщила, и осторожно проползли под нарами в другой угол барака. Надо было подумать о том, как до утра выбраться отсюда.

— Сказать тебе, Вовка? — проговорил на ухо Володе Ваня. — Так слушай. Я же этот барак вдоль и поперек знаю. Тут одно время ополченцы стояли, а я к ним в гости ходил. Тут у них печка-временка была — ее, видно, разобрали. А вон дымоход в стенке одной фанеркой заделан. Ее чуть потяни — она и отстанет. Дырка хоть небольшая, а мы с тобой пропихнемся. А? Как считаешь?.. Решили? Тогда я стану на нары, а ты залезь мне на плечи да потяни фанерку тихонько и высунься на волю. Надо только посмотреть, нет ли с того боку часового.

— Часовой один, у входа стоит, я уж давеча высмотрел, — встрепенулся Володя. — Ох, Ваня, молодец ты! Вот за что я тебя хвалю — что ты тут кругом по всей местности всякую дырку наизусть помнишь! Становись!

Он без труда вскарабкался на плечи своего коренастого друга.

Поздно ночью мальчишки, благополучно проскользнув под колючей проволокой, подползли к своему тайному ходу в каменоломни. Несколько раз им пришлось замирать, неподвижно припав к земле: слепящая, холодная, исполинская лапа прожектора вот-вот, казалось, нашьарит их... Она выхватывала совсем рядом из ночной тьмы кусты и камни, неровности почвы и, перемахнув через прижавшиеся к земле фигурки разведчиков, пронеслась по далеким холмам, по крышам окраинных домиков поселка и верхушкам голых деревьев. Иногда, совсем близко, казалось едва не задевая мальчишек, над ними с присвистом проносился рой трассирующих пуль, которые оставляли за собой в темноте докрасна каленый, медленно остывающий след. Надо было вжиматься в камни, в землю. Но в камень и земля на каждом шагу таили в себе смертельную опасность: все подходы к каменоломням были заминированы. И мальчишки, хоронясь от лучей прожекторов, ползли во мраке осторожно, как учил их сапер Дерунов, нащупывая перед собой дорогу, чтобы не

напороться на мину.

Необыкновенно длинным и страшным показался на этот раз усталым и столько горя хватавшим за один день разведчикам обратный путь.

Глава XV Погребены в камне

Гибель Ланкина осложнила и без того трудное положение партизан. Теперь, даже если бы и удалось еще раз выбраться для разведки на поверхность, не у кого было получить нужные сведения о районе Старого Карантина и Керчи, о том, что происходит на фронте. Когда оба разведчика, вернувшись в каменоломни, рассказали об участии Москаленко и Ланкина, опечаленный Лазарев понял, что отряд не только замурован, но и лишился последней связи с миром.

Надо было что-то предпринимать.

Немцы теперь редко беспокоили партизан. Они, должно быть, решили, что подземная крепость обезврежена и превращена для партизан в общую могилу. Изредка гитлеровцы предпринимали нащупывающие попытки проникнуть в какой-нибудь из ходов, но сейчас же тьма на глубине ощетикивалась сверкающими иглами выстрелов. Гитлеровцы отступали, убедившись, что обитатели подземелья еще живы и не собираются сдаваться.

Шли дни.

Однажды часовые на посту у защитной стены, перегораживавшей коридор, который прилегал к сектору «Волга», услышали со стороны входа с поверхности женский голос. Какая-то женщина там, за стеной, несколько раз с безнадежной настойчивостью надрывно повторяла:

— Ваня... Ваня... Ваня...

Как раз в этот час пионеры разносили обед на посты переднего охранения. Володя Дубинин и Ваня Гриценко принесли обед Шульгину, который командовал сектором «Волга». При свете фонаря мальчики увидели, что часовые делают им знаки, призывая к полной тишине и молчанию.

И тогда из-за стены снова гулко донеслось:

— Ваня... Ваня...

Володя почувствовал, что Ваня обеими руками схватил его за локоть.

— Это мама зовет, слышишь? — прошептал он в ухо Володе.

Володя и сам уже узнал голос тети Ньюши.

Шульгин и часовые, не шелохнувшись, словно перестав дышать, смотрели в лицо Вани.

— Мать? — почти неслышно спросил Шульгин.

Ваня только головой кивнул. Медленно опустился он на корточки у каменной стены, схватился руками за голову. А из-за стенки доносилось:

— Что ж вы меня бьете, паразиты? Что вы меня зря терзаете? Сказала же я вам, что моих тут нет. Эвакуировались давно — тысячу раз говорила! Ну, что вы от меня хотите? Что вы меня мучаете? Не верите... — Голос тети Ньюши зазвучал очень громко, слышно было, что она кричит изо всех сил и старается выговаривать каждое слово как можно отчетливее. — Я вам говорила: моих тут нет. Что зря кричать!

Послышалось какое-то злобное бормотание, и опять все услышали голос тети Ньюши Гриценко:

— Ваня... Ваня...

Все молчали. Стоял, насупившись, Шульгин; понурили голову часовые. Володя кусал губы, а Ваня, сидя на корточках, с головой уткнувшись в колени, медленно качался из стороны в сторону и вздрагивал каждый раз, когда из-за стены слышалось: «Ваня...»

Прибежал вызванный из штаба Иван Захарович Гриценко, опустился на каменный пол возле сына, обнял его за плечи, стал гладить по спине:

— Молчи, молчи, Иван, терпи! Давай вместе терпеть. Нельзя нам отзывать. Слышишь, мать у нас сознательная: говорит, что нет нас тут. Значит, обязаны мы мать

поддержать. Давай потерпим, сынок...

И вскоре голоса за стенкой стихли.

Весь этот день Володя не отходил от Вани, молча следуя всюду за ним. Он никак не мог найти нужные слова, чтобы заговорить с другом... Но, когда Ваня вздыхал, Володя торопливо подхватывал его вздох и тоже тяжело переводил дух.

— Вот как оно получилось, Вовка, — в десятый раз говорил Ваня.

— Да, достается и нам и мамкам нашим, — соглашался Володя.

И оба, заглянув друг другу в глаза, неловко смолкали.

Как-то раз Володя Дубинин и Ваня Гриценко, вместе с Любкиным обходя дозором галерею верхнего яруса, приблизились к той самой знаменитой штольне, которая была памятна им с детства и пользовалась такой дурной славой у населения Старого Карантина. У выхода из этой штольни и был в свое время найден раненый Бондаренко. С тех пор ни Ваня, ни Володя не ходили туда, хотя и сами стыдились немножко своего глупого суеверия. Сейчас они уж близко подошли к этому залятому месту, и, хотя им было неловко сознаться друг другу, оба чувствовали себя неуверенно. Внезапно Володя, шедший впереди, метнулся назад, наглухо прикрыв чехлом и без того затемненную лампешку.

Любкин, не издавая ни звука, одной рукой мигом отвел Володю в сторону и стал на его место, всматриваясь. Действительно, впереди расплывался какой-то неровный перебегающий свет. По подземным правилам, о каждой подозрительной искорке, о всяком свете, источник которого был неясен, надо было тотчас же сообщать командованию.

Любкин шепотом приказал одному из пионеров сбегать к ближайшему посту и позвонить в штаб. Володя, у которого был с собой обрез, остался с Любкиным на месте, а Ваня отправился за подмогой.

Прошло немного времени, и к подозрительному коридору подошли Лазарев, Корнилов и еще несколько партизан, среди которых был и дядя Гриценко. Несколько минут люди внимательно вглядывались в бледное синеватое сияние, которое, блуждая, расплывалось впереди. Потом Любкин, Корнилов и дядя Гриценко осторожно двинулись вдоль галереи, придерживаясь стен. Володя остался вместе с командиром на прежнем месте.

И вдруг оттуда, куда ушла группа партизан, раздался смех и громкий голос дяди Гриценко:

— Эге ж, да то дохлые гансы светятся! Вот оно, в чем штука-то. А мы с девятнадцатого года головы себе дурили...

Володя побежал на голос дяди Гриценко и, когда был совсем уже близко, услышал, как старый партизан рассказывал Корнилову:

— Ну скажи, будь добр, а у нас-то бабы про этот свет таких страстей напридумывали! Сюда никто и сверху не подходил сроду. От игра природы! Тьфу, будь ты проклята, ей-богу!

Оказалось, что в эту шахту партизаны сбросили трупы гитлеровцев, убитых во время большого подземного боя. В этой же самой штольне еще в девятнадцатом году красные партизаны свалили трупы убитых в бою белогвардейцев. И, очевидно, какие-то особые свойства почвы здесь заставляли разлагавшиеся трупы фосфоресцировать, испускать зловещий, переливающийся бледный свет. Вот об этих блуждающих огоньках и слышали с детства мальчики...

Так неожиданно и грубо разоблачилась одна из морок подземелий Старого Карантина.

Дня через два дежуривший на караульном посту сектора «Волга» партизан Сердюков услышал, что за стеной, выходящей в старую шахту, кто-то возится. В кладке стены имелась специальная вырезка, нечто вроде фортки, плотно заложеной камнями. Сердюкову показалось, что кто-то снаружи разбирает камни в этой вырезке, и он беззвучно поднял тревогу; весь караул был приведен в боевую готовность. Тотчас же был убран свет из караульного помещения, людей, по правилам подземного боя, отвели в боковые ходы, стволы двух станковых пулеметов направили в сторону вырезки. Позвонили в штаб, сообщили, что фашисты разбирают снаружи стенку. Сейчас же явился Петропавловский с дежурной группой партизан.

Один только Жученков недоверчиво качал головой и твердил, что гитлеровцы к этой стене попасть никак не могут. Коридор за стеной кончался, как утверждал Жученков, тупиком — он был заделан прочнейшей добавочной стеной, отделявшей его от поверхности. Однако, явившись в караулку сектора «Волга» и внимательно прислушавшись, Жученков должен был согласиться: да, кто-то разбирает там камни.

Все ждали в полном молчания, держа на прицеле заделанную камнями вырезку стены. Один из молодых партизан тихонько попросил у Петропавловского разрешения подлезть к стене, вытащить камень из вырезки и пустить гранату в гитлеровцев, но начальник штаба приказал всем оставаться неподвижными. Между тем шум за стеной продолжался. Затем в щелях стены появился свет. Вслед за этим послышалось неясное ворчание. В нем угадывались крепкие русские словечки.

— Видно, опять подослали к нам кого-то, — сказал на ухо Жученкову Петропавловский.

Но тут один из больших камней в вырезке стены шевельнулся, и голоса за стеной приобрели такие знакомые нотки, что партизаны сперва и ушам своим отказались верить... За стеной явственно гудел всем знакомый басон комиссара. Ему откликнулся быстрый и веселый, характерный говорок, который мог принадлежать только непоседливому Любкину, одному из молодых партизан, вечно подбивавшему Котло на поиски каких-то одному ему известных ходов.

Жученков крикнул:

— Комиссар! Клади назад камни! Не устраивай нам сквозняка.

— Это кто там? — раздался голос Котло из-за стены. — Ты, что ли, Владимир Андреевич? Дайте тут пролезть, а то мы уж два часа плутаем. Любкин завел в самую преисподнюю. Нахвастался, что дорогу знает, а назад не выберемся.

Оказалось, что Любкин уговорил комиссара пойти с ним в совместную разведку на поиски новых ходов и они заблудились в путанице подземных галерей.

Партизаны мигом раскидали камни в вырезке стены, и смущенный комиссар, кряхтя, протасил свои плеча через расчищенный лаз. За ним нехотя прополз и медленно поднялся, отряхивая пыль, окончательно переконфуженный Любкин.

Давно уже так не хохотали под землей, как в этот раз. Даже Жученков, которого не так-то легко было рассмешить, сперва держался, весь перегнувшись, за стенку, а потом совсем сполз на пол, хлопая себя по коленкам. Комиссар сначала сердито глядел на всех, а потом не выдержал и сам засмеялся во весь бас. И долго потом партизаны, коротая однообразные томительные часы дежурств и караулов, вспоминали этот случай.

... Наверху стоял уже декабрь.

Запертые в камне люди жаждали узнать, что происходит на фронте, как живет страна. Эти сведения нужны им были, как вода, которой требовали их пересохшие рты, опаленные жаждой горящие губы. Узнать во что бы то ни стало, узнать правду о положении на поверхности, о войне, о Москве...

Полевой радиоприемник с батареями не успели получить перед уходом отряда в подземную крепость, а аппарат, захваченный на всякий случай Лазаревым, не действовал без электрического тока. Тогда Володя уговорил Корнилова, оказавшегося тоже большим любителем техники, устроить хотя бы детекторный приемник. Политрук решил попробовать. Но для детектора нужен был свинцовый блеск.

И вот Корнилов с Володей создали в оружейной мастерской крепости свою химическую лабораторию. Им нужна была сера. Решили добыть ее из взрывчатки. Стали производить опыты. Оба, и политрук и его питомец, однажды чуть не остались без глаз. Все же серу добыли. Скоро был готов детектор. В одном из шурфов натянули антенну, выпросили в штабе телефонную трубку, присоединили ее, но ничего, кроме слабого хрипа, в ней не услышали. Но и этот хрип, возникавший, когда острием детектора водили по чашечке, куда был вплавлен свинцовый блеск, добытый с таким трудом, приводил всех в восхищение. Трубка переходила из рук в руки. Все прислушивались к таинственным шорохам, которые

напоминали о необозримом пространстве, существующем там, наверху.

Решили продолжать опыты и добиваться радиосвязи.

А время шло. От сырости почти истлели ковры, украшавшие стены красного Ленинского уголка. Расклеилась и вся рассыпалась на части гитара Нины Ковалевой. Перестал действовать патефон, стенки которого разбухли от мокроты. После таяния снега на поверхности сырость в подземелье сказалась еще чувствительнее, но зато немного облегчилось положение с водой; теперь то и дело удавалось за несколько часов накапливать воды ведра два-три, а то и больше.

Бывали дни, когда в душу людей, уже много недель не видевших белого света и порой чувствовавших себя заживо погребенными, заползала вместе с подземной сыростью холодная, отвратительная тоска. Люди замолкали, становились раздражительными, из-за пустяков возникали ссоры. В такие часы спасительными оказывались затеи и шутки дяди Манто, который при всех обстоятельствах оставался неизменно радушным в неутомно болтливом.

В один из таких тоскливых, медленно текущих дней партизаны, приунывшие было после очередных безуспешных поисков выхода на поверхность, услышали вдруг совершенно явственно тарактение мотоцикла. Как известно, мотоцикл дяди Яши Манто, «чертопхайка», как называли его партизаны, давно уже стоял без движения на нижнем горизонте. Яков Маркович бережно смазывал чуть ли не каждый день свою любимую машину, но от сырости она все же начинала ржаветь. Дядя Яша с тоской наблюдал, как гибнет в бездействии его мотоцикл, но включать трескучий мотор «чертопхайки» командование запрещало: слишком уж шумно палил мотоцикл дяди Манто, чересчур много дыма изрыгал он, а под землей и без того дышать было нечем...

Но на этот раз все услышали, что «чертопхайка» заработала. Неужели дядя Яша нарушил запрет? Все, кто был поблизости, поспешили на шум.

Они застали дядю Манто сидящим в седле своего стального коня. Раскинув руки, весь изогнувшись вперед, Яков Маркович крепко держал ширококорогий руль. Мотор молчал, но зато сам дядя Яша, надув щеки, выпятив губы, громко и искусно изображал урчание мотоцикла. При этом он подпрыгивал на кожаном седле, наклонялся то в одну, то в другую сторону, делая виражи, переводя рычажок на высшую скорость, — словом, видно было, что Манто мчится полным ходом...

Заметив, что вокруг него собрались партизаны и впереди них стоят всюду поспевающие Володя и Ваня, Манто стал как бы притормаживать машину. Он потянул за какой-то рычажок под собой, затих, лишь изредка пофыркивая, и, очень строго поглядывая на всех, объявил:

— Машина отправляется на Симферополь. Пассажиры, занимайте места! Вовка, садись на багажник...

Володя не заставил себя просить второй раз. Он вскочил на кожаную подушку за спиной дяди Манто и ухватился, как полагается в таких случаях, за пояс водителя мотоцикла.

— Поехали! — провозгласил дядя Яша. — Держись на поворотах!.. — И снова запустил свой «губной мотор».

Кругом все хохотали. Дядя Яша так подскакивал на седле, что Володе пришлось крепко держаться за него, чтобы не слететь с машины. Он подпрыгивал, жмурясь и ухаю от азарта. Это была лихая гонка на месте, упоительная воображаемая поездка. Дядя Яша на полном ходу успевал объявлять через плечо своему пассажиру названия знакомых мест, мимо которых они мчались в своем воображении: «Керчь-вторая!.. Владиславовка!.. Сарабуз!.. Семь Колодезей!» И люди вокруг, прислушиваясь к этим хорошо знакомым названиям, погрустнели, вспомнив о тех местах, поселках, селлах, что остались там, наверху.

Смех постепенно смолк.

— Подъезжаем к Джанкою! — торжественно возвестил тогда дядя Манто и закрыл глаза, как бы в изнеможении.

Володя, заметив это, внезапно закричал ему в самое ухо:

— Дядя Яша! Смотри, куда едешь, в ров угодишь!

Яков Маркович невольно вскочил, распрямившись во весь свой рост, и тотчас же ударился своей многострадальной макушкой о каменный свод.

Это сразу опять всех развеселило, а дядя Яша, плюхнувшись на седло мотоцикла, сердито объявил:

— За нарушение правил движения, за разговор с водителем во время поездки, пойдешь на камбуз вне очереди чистить картошку!

И потащил хохотавшего Володю к себе на кухню.

Пятого декабря торжественно отпраздновали День Конституции. Так как часть партизан несла караульную службу, то в Ленинском уголке собирались дважды — днем и вечером. Манто в этот день сделал какой-то необыкновенно вкусный рулет из консервов. Володя красиво разрисовал специальный номер «Боевого листка», в котором выступили со статьями многие «подземкоры», как называли партизаны тех, кто писал для стенгазеты. Возле «Боевого листка» был специально поставлен фонарь, чтобы все могли когда угодно подойти и читать, что там написано.

Партизанская стенгазета была несколько не хуже тех, что выпускались до войны на поверхности. Была здесь и передовая, написанная комиссаром, и стихи Нины Ковалевой «Мы увидим свет». Была заметка Корнилова о том, как хорошо работают пионеры. Имелась и карикатура, изображавшая Яшу Манто, из-под земли пробившего головой камень: он высунулся на поверхность, а фашисты в ужасе бегут от него во все стороны. Не обошлось и без критического материала: тетя Киля разоблачала какие-то непорядки на камбузе и корила нерадивых помощниц дяди Яши.

А сверху, через весь «Боевой листок», Володя крупными буквами выписал слова из брошюрки, которую дал ему для этого комиссар: «... Конституция СССР будет обвинительным актом против фашизма, говорящим о том, что социализм и демократия непобедимы».

Так жили советские люди, добровольно обрекшие себя на заточение в камне, отказавшиеся от света, чистого воздуха, воды и всех привычных условий человеческого существования, для того чтобы своим хотя малым подвигам облегчить народу великую победу над врагом человечества.

Но враг был силен, жесток, хитер, и надо было заранее узнавать все его планы. В последние дни в галерею верхнего яруса проникал сверху какой-то скрежещущий ровный шум, словно на поверхности производили бурение. Необходимо было выяснить, что предпринимают враги. И тогда Володя опять стал проситься в разведку.

— Дядя Гора, — говорил он Корнилову, — ну честное же слово, есть у меня одна дырочка про запас! Туда никто, кроме меня одного, не пролезет. Ну, разве только Олюшка Лазарева. Только она уж больно мала. А я — в самый раз, дядя Гора!

— А почему ты раньше про этот лаз молчал?

— Военная тайна, дядя Гора, — смутился немного Володя, но тут же чистосердечно признался: — Я его, этот лаз, случайно нашел, когда ходил один раз наверх без спросу. Смотрю, светится. Я хотел было сказать, а потом думаю: влетит мне, что я туда таскался. И решил оставить для себя про запас, когда опять наверх в разведку выйти разрешат... Только там, кроме меня, никто не протиснется. Вот теперь в пригодилось, теперь уж и ругать не будут.

Корнилов сообщил командованию о просьбе Володи направить его в разведку и рассказал о тайном лазе, который маленький разведчик держал на этот случай. Лазарев поручил самому Корнилову проверить выход, и политрук вместе с Володей направился туда. Но до самого лаза Корнилову дойти не удалось: он «два не завяз в узком, щелистом проходе между камнями».

— И как ты пробираешься? — удивлялся потом Корнилов. — Там только мыши впору проскочить. Ну и ящерица же ты!

А Володя ползком подобрался к лазу и высунулся из него. Он едва не задохнулся, глотнув свежий морозный воздух. Когда немного улеглась боль в глазах от дневного света, он сумел высмотреть все, что ему требовалось. Он убедился, что лаз выходит далеко за пределами района каменоломен, который немцы обнесли колючей проволокой. Ясно было, что немцы ничего не знают об этой лазейке. Кроме того, он увидел, что земля наверху покрыта свежим снегом. Но показываться здесь, над каменоломнями, днем было нельзя. Следовало переждать ночь, чтобы незадолго до рассвета, пока не развиднелось, скрытно выйти наверх и отползти подальше от лаза.

Решили, что Володя захватит с собою коньки. Они входили в число тех ценностей, которые он притащил с собой под землю, не желая оставить их наверху. Кататься на коньках он научился еще в ту пору, когда выиграл на спор с соломбальскими мальчишками отличные «снегурки». С той поры он каждую зиму, вызывая зависть керченских мальчишек, катался на коньках по льду замерзшей речушки. Выбравшись на поверхность перед рассветом, он долго сидел в овражке, чтобы дать глазам привыкнуть к слепящему блеску снега, к пронзительному сиянию всходящего солнца. Затем он прикрутил коньки веревками к ботинкам и вскоре уже лихо раскатывал вдоль окраин поселка по обледенелым дорожкам. Из нескольких домиков вышли немецкие солдаты в накинутых на плечи одеялах, платках, скатертях. Должно быть, вид мальчика, уверенно скользящего на коньках, напомнил немцам об их собственном детстве, об оставшихся где-то далеко семьях и вверг в сентиментальное расположение духа. Раскуривая вонючие сигаретки, дымя трубками, набитыми терпким, смердящим табаком, солдаты удовлетворенно крикали:

— О-о, дер бурш ист йэн прима шлитшулейфер...¹

А между тем раскатывавший у них на глазах маленький беззаботный конькобежец шнырял взад и вперед по скользким дорожкам, высматривая все, что ему надо было узнать.

Весь район каменоломен был действительно опутан колючей проволокой. По склонам холмов, окружавших это место, немцы вырыли траншеи. Возле взорванных ходов стояли аппараты с гроздьями каких-то рупоров — звукоуловители. Но, видно, все это показалось гитлеровцам недостаточным. Володя заметил, что они хлопчут сегодня немного в стороне от разрушенного главного ствола. Солдаты тащили и соединяли одну с другой толстые трубы. Маленький разведчик попытался высмотреть, откуда они проложены, но трубопровод терялся вдали по направлению к морю. Мальчик долго мчался на коньках вдоль скрепленных труб, пока не убедился, что они идут до самого моря. Потом он вернулся на то место, где впервые заметил трубы. Теперь он разглядел вдали машину, напоминающую трактор. Немцы подвезли ее туда, где раньше находился главный ствол. Машина стучала и пшикала, приводя в движение несколько установленных перед ней насосов. Толстые шланги уже пульсировали под напором воды. Солдаты подтаскивали трубы и шланги к взорванному входу, над которым теперь опять стоял треножник для бурения.

«Понял я это дело, — догадался Володя и почувствовал, как вся кожа у него на теле покрылась холодными пупырышками. — Это они нас, как сусликов, водой хотят залить! Эх, как бы запомнить точно, куда они проводку делают, чтобы не перепутать! Жаль, нет Вани Гриценко. Он тут лучше меня разбирается».

Надо было немедленно же, не дожидаясь положенного часа, вернуться под землю и сообщить командованию о новом дьявольском плане врага. Ясно было, что гитлеровцы, увидев, что ни глубинные бомбы, ни минные завалы, ни отравляющие газы не действуют на загадочных и невидимых упрямец, владеющих недрами непокорной земли, решили теперь утопить их в морской воде. Для этого они протянули трубы от моря до каменоломен и уже пробовали толстые сопящие насосы.

¹ О-о, парень — первоклассный конькобежец... (нем.)

Володя представил себе весь ужас подземного наводнения: низвергаясь сверху, хлынет холодная вода, все на пути сметая, ринется вниз, забушует, в подземных галереях все залетит, все затопит в темноте... А выходы замурованы, и некуда деваться людям. Их во мраке настигает вода... Вот она хлестнула по ногам, вот она уже выше колен... Поползла на грудь, выстудила сердце, и все прибывает, прибывает... Залило фонари. Люди барахтаются во тьме, пробуют плыть по поверхности потока, хотя надеяться уже не на что: уровень воды, вздымаясь тупо и неуклонно, близится к потолку. И вот дальше уже некуда всплывать: поверхность воды, хлюпнув, сомкнулась с шершавой плоскостью камня. Нет больше под землей места для живых. И все погибнут: и Корнилов, и командир с комиссаром, и Олюшка, и дядя Манто, и сам он, — все...

Володе стало так страшно, что у него сразу заledenели руки и ноги, словно он уже погрузился в этот холодный неумолимый поток, который должен был скоро уничтожить всех дорогих ему людей.

Он еще раз огляделся, глубоко вдохнул сладчайший зимний воздух. Так просторно было вокруг, так светло, и небо было ясное, без облачка...

Эх, посидели бы вы с месяц в подземелье, где над самой головой день и ночь — тесный каменный свод, так поняли бы тогда, как хорошо это вольное, широкое небо! И до чего же легко и вкусно дышалось здесь, на поверхности! А там, куда надо было немедленно, сейчас же, сию минуту вернуться, что могло ждать Володю? Мрак, удушье и потом всеобщий черный подземный потоп...

Приказ партизанского командования запрещал днем, при свете, возвращаться в каменоломни. Но Володе даже и в голову не приходила постыдная мысль, что он имеет право побыть пока наверху, где так просторно и светло. Нет, уцелеть здесь одному, в то время как все другие погибнут, — нет, этого Володя и представить себе не мог.

Он знал: дорога каждая минута. Необходимо сейчас же предупредить партизан. Вечером, возможно, будет уже поздно...

Спрятавшись в заснеженной ложбинке, осторожно выглядывая из-за кустов, Володя ожесточенно тер плечом щеку, лихорадочно перебирая все приходившие ему в голову способы спасения отряда.

Не кинуться ли, на счастье, напрямик к лазейке? Пусть стреляют! Не сразу же попадут...

А если подстрелят? Кто же тогда предупредит партизан?

Может быть, подползти вон к тому шлангу, попробовать безопасной бритвочкой, которая всегда хранилась у Володи в кармане, перепилить проклятую кишку, зубами перегрызть ее?.. Да что толку? Ну, перережет он один шланг, а другие останутся. И вон те чугунные трубы бритвочкой не возьмешь.

Нет, лучше выкопать остороженько фашистскую мину затяжного действия. Володя, проползая под каменоломнями, заметил не одну такую... Да, выкопать, подползти с ней под самую главную трубу, а потом издали потянуть за бечевку (у запасливого разведчика был припрятан в кармане моток) и подорвать мину вместе с трубопроводом...

План этот сперва очень понравился Володе. Но потом он сообразил, что взрыв вызовет большую тревогу у гитлеровцев: сбегутся солдаты, начнут прочесывать весь район, схватят партизанского разведчика. Конечно, Володя им ничего не скажет, как бы ни пытали, лучше умрет... Но там, под землей, тоже ведь никто не расскажет партизанам о случившемся, не предупредит их о том, что еще грозит подземной крепости, когда фашисты исправят трубу. Нет, все это не годилось. Надо было действовать незаметно. Однако проникнуть при свете дня к оцепленным каменоломням, где вокруг были расставлены караулы гитлеровцев, было почти невозможно. И все же Володя решил не ждать темноты.

«Ничего, проскользну как-нибудь... ничего... не заметят», — шептал про себя маленький разведчик, прячась от часовых за вывороченными глыбами известняка, осторожно, боясь вздохнуть, проползая между минными ловушками. И он полз, весь дрожа, припадая ухом к обледенелой земле, вжимаясь в нее, бесшумно подтягиваясь, все полз и

полз — в двадцати метрах от гитлеровских солдат... Володя хорошо слышал их гулкие шаги. Иногда казалось, что они бухают возле самой его головы. Он замирал, пятился, отползал в сторону, лежал, минуточку-другую прислушиваясь, снова начиная пробираться к своему лазу.

Вот наконец и те два больших камня, под одним из которых была расщелина, известная одному лишь Володе. Он прикинул расстояние до камней. В три прыжка можно было добраться до лазейки, скользнуть в ее спасительную тень. Но вдруг, почти над самой головой, Володя услышал негромкую немецкую речь и стук металла о камень. Он прижался к мерзлой земле, застыл неподвижно, потом очень медленно приподнял голову... и чуть не заплакал от ярости и досады. Надо же ведь! Уже почти добрался, никем не примеченный, до своего лаза, а тут вдруг на тебе! Двое гитлеровских солдат — один с автоматом, другой с винтовкой — вышли из-за больших камней и уселись в нескольких шагах от Володиного лаза, о существовании которого они, видно, и не подозревали. Нечего было и думать о том, чтобы проникнуть теперь в лазейку. Солдаты, наверное, входили в один из патрулей, карауливших все замурованные выходы из каменоломен. Володя слышал, как чиркнула спичка, потом до него донесся характерный запах немецкого табака — кнастера. Должно быть, солдаты расположились здесь надолго, а время шло, дорога была каждая минута.

Что же было делать? Наш разведчик совсем измаялся в глубокой рытвине, куда он заполз, прячась. Ему вдруг вспомнился давнишний случай в штабе, когда Зябрев подшутил над ним и Ваней Гриценко, заставив мальчиков представить себя хоть на некоторое время командирами. Тогда, несколько минут побывав на месте начальника, Володя впервые почувствовал, как велико бремя ответственности, которую смело принимает на себя командир. Володя тогда понял, что если отвечать за других, за всех, то надо быть очень сильным, иначе не справишься.

А теперь он, именно он, Володя Дубинин, отвечал перед самим собой за жизнь всех, кто был там, под землей, все теперь зависело от него одного. Вся надежда была на него. Они же там, под землей, ничего не знают, и только он может предупредить их — он, и никто иной, кроме него!

Впервые в жизни ощущал Володя такую огромную, такую грозную ответственность за жизнь нескольких десятков людей, каждый из которых ему был несказанно дорог. Сейчас он вдруг почувствовал, что эта ответственность за жизнь доверившихся ему людей делает его взрослым, сильным, большим. Он ощутил в себе необыкновенную решимость и осмотрелся вокруг теперь уже спокойно, внимательно. Если минуту назад мальчик готов был от отчаяния вцарапываться в землю, чтобы как-нибудь проникнуть сквозь ее толщу в партизанскую крепость, то сейчас он снова стал опытным разведчиком, предельно осторожным в каждом движении, быстро замечающим и способным мгновенно делать выводы.

Неподалеку от камней, скрывавших в своей тени Володину лазейку в каменоломни, росли густые колючие кусты. Маленький разведчик, в голове которого внезапно созрел хитрый план действий, бесшумно пополз в заросли. Еще раз ощупал он моток бечевки в кармане. По дороге ему попала толстая палка, неоструганная, еще сырая, надломленная посередине. Он и ее прихватил с собой.

Подобравшись к кустам, Володя лежа вытянул из кармана бечевку, разматал конец, согнул по надлому прихваченную им по пути палку, сделал из нее рогатку, привязал к толстому суку над землей и стал отползать в сторону, продолжая тянуть за собой разматывающуюся веревку. Так он заполз в небольшое углубление почвы. Теперь его отделял от камней, между которыми находилась лазейка, лишь небольшой каменистый пригорок. Через него можно было перескочить в один миг, надо было лишь отвлечь гитлеровцев от этого места. И вот, припав к земле за скрывавшим его пригорком, Володя стал дергать бечевку, протянутую к кустам. Привязанная к кусту палка запрыгала, стучаясь об обледенелые сучья зарослей.

Патрульные, сидевшие возле Володиного лаза, были увлечены разговором и ничего не замечали. Володя дернул бечевку посильнее. Палка застучала, кусты шевельнулись, шурша,

с них посыпались на землю сосульки и смерзшиеся лепешки снега. Володя услышал, как вскочили патрульные, разом прервавшие свою беседу. Он опять несколько раз подряд подергал бечевку, кусты задвигались так, словно кто-то полз под ними, пробираясь через заросли.

— Ахтунг! Хальт! Стоять! — проревело чуть ли не над самой головой разведчика.

Он замер на секунду, но тут же сообразил, что солдат кричит не ему, а зашевелившимся кустам, и изо всей силы задергал свою бечевку. Он услышал, как забухали, удаляясь от него, сапоги патрульных, спешивших к зарослям. Донеслись резкие окрики. Пронзительно залился караульный свисток. Послышался топот сбегавшихся гитлеровцев, которые, должно быть, оцепляли подозрительно ожившие кусты. Потом раздалось несколько выстрелов. Видно, фашисты всполошились не на шутку.

Но Володя, хотя ему было и очень интересно узнать, что будут дальше делать гитлеровцы, не стал терять времени. Он давно уже привязал к тому концу веревки, который был у него в руках, небольшой камешек. Убедившись, что солдаты отбежали достаточно далеко от лазейки, он сам мгновенно очутился возле нее, с силой метнул по склону холма камешек, и тот увлек за собой веревку. Теперь она не могла направить гитлеровцев к подземному ходу. Володя еще раз огляделся, юркнул в расщелину и был таков!

Через несколько минут, пробравшись через подземные завалы, на ощупь найдя в темноте уже знакомую дорогу, он со всех ног несся по подземным коридорам.

Он так спешил, что, добежав до штаба, совсем было задохнулся и не сразу мог рассказать Лазареву о своем страшном открытии. Впрочем, к его удивлению, командир отнесся к этой новости довольно спокойно. Правда, он сейчас же вызвал Жученкова и аварийную команду и приказал немедленно ставить две прочные стенки в верхней галерее, там, где в последние дни слышался звук бурения.

— Ты сядь, Володя, отдышись, — успокаивал он мальчика. — Ну, чего ты так перепугался? С огнем справились — и воду одолеем. Поставим плотину наверху. А что ты такое дело сегодня разведкал — конечно, очень важно. За это тебе от всего командования спасибо, дорогой! Могли бы они нам дел наделать! Это ты нас просто спас.

Был объявлен, как любил выражаться дядя Яша, подземный аврал.

Все свободные от дежурств и караулов партизаны были срочно направлены в верхний ярус. В полной тишине, чтобы не привлечь внимания немцев, продолжавших орудовать над самой головой у партизан, начали возводить внутренние стены и перегораживать ими коридоры, которые вели к опасному сектору.

И вовремя! Каменные перегородки еще не были окончательно сложены, когда сверху через один из стволов, размурованных гитлеровцами, хлынула, шумно бурля, вода. Она быстро затопила верхнюю галерею, ударила струйками сквозь щели еще не зацементированных каменных стен. Высоко держа над головами шахтерские лампочки, по колено, а кое-где и по грудь в студеной воде, партизаны заделывали отверстия в подземных плотинах. Всю ночь шла работа. К утру вода уже не проникала в нижнюю галерею. Но так как враги могли каждую минуту пустить воду через другие шурфы, партизаны продолжали возводить водонепроницаемые каменные преграды на всех подозрительных участках верхних галерей.

За двое суток все эти коридоры были наглухо заделаны камнем и замазаны цементом.

Но Лазарев хитрил, когда, узнав от Володи о готовящемся затоплении шахт, утверждал, что ничего страшного пока нет. Командир просто не хотел, чтобы и без того уставшие и издерганные люди взволновались от новой беды, угрожавшей им. На самом-то деле Лазарев отлично понимал, какая ужасная новая опасность нависла над подземной крепостью.

Необходимо было немедленно принимать какие-то решительные меры, чтобы заранее предотвратить гибель отряда...

После работ партизаны часто собирались перед сном в Ленинском уголке. Здесь в тесном кружке у фонаря начинались бесконечные рассказы, воспоминания, побасенки, песни.

Тут впервые дядя Яша Манто исполнил песню, сочиненную им самим после памятного боя и пожара:

Шумел-горел пожар подземный,
Дым расстилался в глубоке...
Из камбуза на баталерку
Я мчался в белом колпаке...

Он был очень обижен, когда пионеры стали утверждать, что нельзя сказать «в глубоке», а надо говорить «в глубине».

— А где же, спрашивается, будет рифма?

Но в конце концов перестал обижаться и даже спел продолжение песенки:

Мы приложили все усилья,
Чтоб с честью выйти из беды:
Володя, Ваня, тетя Киля
Пожар тушили без воды...

Здесь же давно прослыл среди партизан на редкость памятливым и увлекательным рассказчиком Володя. Началось это с того, что как-то на пионерском сборе Володя рассказал про челюскинцев, которые тоже были если не камнем, то льдами отрезаны от Большой земли и жили также в темноте полярной ночи, но не сдались стихии. Не трусились и победили! И всех их спасли! Воодушевленно повествуя об этом, Володя и не заметил, как из темноты галереи подошли взрослые партизаны, остановились, заслушались... С тех пор частенько стали просить Володю рассказать что-нибудь. Маленький вожак подземных пионеров давно уже завоевал всеобщую любовь, а после того как Володя в последней разведке узнал о немецкой попытке затопить каменоломни и, предупредив партизан, тем самым спас отряд от верной гибели, тетя Киля и все другие женщины прониклись к Володе особенной нежностью.

«Да, дело наше было бы полная труба и даже с морской водой», — шутил дядя Манто.

— Ну-ка, Володя, расскажи нам про что-нибудь, — попросил он, когда через три дня после Володиной разведки партизаны собрались вечером в Ленинском уголке.

— Хотите, я вам расскажу еще про Спартака? Как он однажды тоже попал в такое положение, что совсем как будто уже гибель пришла. Но он не растерялся!

Все придвинулись поближе.

Дядя Манто поправил фитиль в фонаре и, чтобы не загоразивать своей огромной костлявой фигурой маленького рассказчика, сел на пол, подложив доску.

— Вот однажды, — начал Володя, — это уж было после того, что я вам в прошлый раз рассказывал, — римляне загнали восставших гладиаторов и рабов в одно узкое место. И Спартак должен был отступить и уйти со своими войсками на высокую площадку. За ней был с одной стороны очень высокий обрыв, восемьсот футов... Это выходит... Погодите, сейчас решу, то есть сосчитаю...

— Ну, по-нашему, метров двести, — быстро подсчитал дядя Манто.

— Да, верно, дядя Яша: двести метров, значит. А там, где площадка спускалась к равнине, — там дорогу загородили римляне. И вот они считали уж, что Спартак в ловушке. Куда, правда, ему деваться? Римлян тут было много тысяч. В три раза больше, чем у Спартака бойцов. А он был прижат к обрыву.

— Да, положение вроде нашего, — пробормотал дядя Яша.

— Не мешай, Яков Маркович! — с нетерпением крикнули из темноты. — Давай, давай, Володя!

— Еды у гладиаторов осталось только на шесть дней. Римляне уже рассчитывали, что Спартак сдастся. Они уже придумывали, как будут расправляться с ним. Но мудрый

Спартак, — голос у Володи зазвенел от издавна копившегося восхищения, — нашел выход. «Прикажи всем рубить в роще ивовые прутья», — сказал он своему другу Борториксу. Борторикс очень удивился, конечно, но выполнил приказание. И тогда Спартак велел вязать из прутьев длинную лестницу. «Для того, кто сильно желает, нет ничего невозможного на свете. Нас тут тысяча двести человек — за полтора часа мы сплетем лестницу нужной длины и спасемся по ней!» — воскликнул Спартак. Вот! И все стали сплетать из прутьев лестницу. А когда она была готова, ее сбросили вниз со скалы, и в темноте все гладиаторы вместе со Спартаком спустились в долину, зашли в тыл римлянам и неожиданным ударом разгромили их. Потому что римляне не могли заранее догадаться, что Спартак ударит на них с этой стороны.

— Здорово! — послышалось из темноты.

— Молодец твой Спартак! — говорили те, кто сидел поближе к огню. — Ну, интересно ты, малый, рассказываешь! Главное — память!

— Вот, может быть, в мы что-нибудь придумаем, чтобы немца перехитрить. Только нам лесенку не вниз, а вверх протянуть бы...

Тут раздался откуда-то из мрака густой голос Василия Алексеевича Ковалева, отца Нины в Толи, старого партизана.

— Это ты, конечно, рассказал интересно, — проговорил он. — Только что ты нам про того давнишнего Спартака говоришь! Времена тогда другие были. А я вот вам сейчас кое-что маленько поближе к нашему моменту расскажу — что сам, своими глазами видел. Я вот — знает, возможно, кто из вас? — с Чапаевым Василием Ивановичем вместе воевал, у него был в дивизии. Да и по плотничьему делу помогать приходилось. Ведь мы оба с Василием Ивановичем по одной части: столяры-плотники, на все руки работники. Вот, стало быть...

Володя во все глаза смотрел на старого Ковалева. Ему и в голову никогда не приходило, что дядька Ковалев, партизанский плотник, отец Нины, был чапаевцем. Своими глазами видел Чапаева, воевал с ним вместе! Вот так штука! Вот какие люди в партизанской крепости!

А Ковалев продолжал:

— И вот вышло у нас такое положение. Готовил Чапаев наступление на белоказаков. Он тогда командовал еще отрядом. А белоказаки тоже, значит, готовили свой удар. Вот Чапаев задумал разбить их встречным. А для этого надо было перейти через Урал... Это река так называется... Приказал Чапаев инженерам нашим строить мост. «Да такой, говорит, мост наведите мне, чтобы пушки-то не утонули». Ну, начали инженеры совещаться да подсчитывать, сколько те пушки весят, да какова нагрузка на один квадратный метр приходится, да какая скорость течения, да какие материалы будут для стройки, да как по инструкции, да по конструкция...

— Одним словом, бюрократизм, — подсказали из темноты.

Ковалев, прищурившись, поглядел в ту сторону.

— Почему ж? — продолжал он. — Дело трудное, в два счета моста не поставишь. Тут по формуле надо. Уж они привыкли так... Ну, обсудили все инженеры, подсчитали, сообразили, пошли к Чапаеву и докладывают, что мост, конечно, построить можно, только займет это три месяца. Ну, а если маленько похуже построить, то готов будет через месяц. А Чапаев инженерам отвечает: «Мне ваш мост через месяц будет нужен, как субботняя баня понедельнишному утопленнику, — ни к чему. Ясно? Он мне через три дня нужен».

— Вот это другой разговор! — одобрил кто-то из слушателей.

— Да, это уже по-нашему, — поддержали его из коридора.

— И приказал Чапаев инженерам построить мост в три дня. Хоть по конструкции, хоть по инструкции — как им желательно. Да еще пригрозил: «Не построите — по-другому разговаривать с вами буду». Опять инженеры собрались; думали, считали, докладывают: «Товарищ командующий, мост через трое суток, как вы приказали, будет, но прямо надо сказать: на четвертые сутки весь мост поплывет. И если вы будете отступать, то, выходит

дело, бойцам обратно через реку уже вплавь перебираться надо будет». А Чапаев обрадовался и отвечает: «Вот и хорошо! А отступать не будем. Чапаев не отступает! Мне только бы на ту сторону перебраться, а там — шут с ним, с мостом. Пусть хоть тонет». Ну, закипела работа. Тоже и мне довелось там топориком постучать. Уральск в степи стоит, лесов нет кругом. Телеграфные столбы мы валили — из них козлы ставили, упоры. А потом все в ход пошло: и двери с домов, и ворота, и заборы. Днем и ночью работали. Поверх упоров — значит, козел — бревна настиляли, а на них клали плетни, двери. Случалось так, что водой козлы сносило — течение там очень сильное. А все-таки раньше чем через трое суток навели мост. И велел Чапаев переправляться. Пушки на руках протащили, потом обозные повозки перекатили. А мост качается, весь зыбкий... Вспомнить — жуть! Ну, все-таки переправились. Да так дали белоказакам, что они о наступлении и думать забыли. Где уж тут! Никак они Чапаева на этом берегу не ожидали. И погнал их Василий Иванович. А потом инженерам велел благодарность объявить в приказе «за лихую наводку моста». Так что, выходит, Вовка, не хуже твоего Спартака — пожалуй, еще и почище, а?

Все зашумели. Дядя Манто подхватил Володю и стал тормошить его, но Ковалев поднял руку, и слушатели опять угомонились.

— А хотите правду знать, к чему я это вам все рассказал?

— Хотим, хотим! К чему, дядя Ковалев?

— Ну, только условимся «ура» не орать, а то у меня голова со вчерашнего дня болит. Обещаетесь, не будете кричать?

— Нет, нет, не будем! — закричали молодые партизаны так оглушительно, что Ковалев прикрыл ладонями уши.

— Если вот так не будете, так вовсе я оглохну. Ну ладно, скажу. Был я сейчас в штабе. Там совещание только что кончилось. Скоро вам всем объявят решение. А решение такое, — и густой голос Ковалева загремел, — пробиваться будем, через камень выход станем прорезать! Жученков по карте своей место уже указал. Выискали под землей одну выработку далекую. Вот там в станем прорезать. И будем уходить в Старокрымские леса. Только работать придется всем порядочно: метров двадцать камня пробить надо. А что? И сорок, если надо будет, пробьем! Верно?

Глава XVI Последняя разведка

Казалось, уже целая жизнь прожита здесь, под землей! Странная, вчера еще считавшаяся невероятной жизнь, где не было деления на дни и ночи, где сверху, снизу, со всех сторон, вокруг и везде был один сплошной камень и лишь выточенные в его толще глубинные пустоты были ничтожным пространством, в котором возможно существование человека.

Но все шло своим порядком, строго соблюдаемым в подземной крепости. Гудели телефоны в штабе, сменялись караулы, выставлялось боевое охранение в секторы «Волга» и «Киев». На нижнем горизонте политрук Корнилов ежедневно вел с партизанами учебную стрельбу по свечкам. В Ленинском уголке Володя проводил в свободное от работы время пионерские сборы.

Впрочем, свободного времени теперь почти не оставалось.

В три смены, ни на минуту не останавливаясь, не ведая о том, ночь или день на земле, партизаны работали «на подземном объекте № 1».

«Объектом № 1», чрезвычайным и сверхударным, партизаны величали новую узкую штольню, которую прорезали теперь в одном из самых отдаленных секторов каменоломен, где тянулся на километры заброшенный, давно не разрабатываемый горизонт. Жученков определил, что место это находится далеко за пределами каменоломен, оцепленных немцами, и хорошо укрыто двумя холмами.

Пробиваться вручную изнутри, вести тоннель вверх, врезаться в толщу камня, нависшего над головой, осыпающегося, слепящего глаза едкой крошкой, было делом

мучительным. Люди работали в полумраке, устроив из обрезков фанеры, а то и просто из газет защитные козырьки. Работали рьяно, упрямо, яростно, в душном полумраке, где клубилась разъедающая глаза известковая пыль. Долговязый дядя Яша Манто и тут, впрочем, находил немало поводов для своих неизменных шуток.

— Боже ж мой! — слышалось то и дело из узкой расщелины, где стояла укрытая фанерным щитом шахтерская лампочка и маячила похожая на огромное тощее пугало тень шеф-повара. — Боже ж мой, сколько на мою голову шишек достанется! Ведь это буквально на всех хватило бы с запасом.

— Это почему же? — спрашивали партизаны, предвкушая остроту.

— Да очень просто, — отвечал дядя Яша. — Там, где все проходят вполне свободно, я через мой выдающийся рост на каждом повороте определяю собственной головой прочность камня. Нет, видно, я родился на свет не для того, чтобы жить под землей, а чтоб ходить под открытым небом с поднятой головой... Ну, оставим разговор, давайте работать. Учтите, что мы с вами роем не просто выход. Это выход с того света на этот. Только разобраться в этой темноте, где тот свет, а где этот, довольно трудно.

Партизаны смеялись, вытирая глаза, слезящиеся от пыли, отряхивались. И кто-нибудь говорил беззлобно, так, больше для порядка:

— И как это тебе, дядя Яша, столько языком работать не утомительно!

— Чудаки! — отзывался дядя Яша. — Если бы вы кое-что читали, вы бы знали, что один ученый сказал так: «Я рассуждаю — значит, я существую». А я люблю делать это вслух. А то мы живем в такой темноте, что, пока я не слышу собственного голоса, я, бывает, даже сам не знаю, живой я или уже кончился.

Пионеры тоже работали на «объекте № 1». Они помогали разбирать и выносить из забоя каменную осыпь. Проголодавшиеся, потные, облепленные известковой пылью, от которой начинала зудеть кожа, они шумно являлись на камбуз, где их встречал тот же Манто.

— Как говорится, подведем итоги, пока итоги не подвели нас, — шутил дядя Яша, уже снявший фартук каменщика и надевший поварской халат.

Комиссар Котло тоже полагал, что можно подвести кое-какие итоги. Близился конец года. Уже полтора месяца выдерживала осаду маленькая подземная крепость. Положение становилось, правда, с каждым днем все более трудным, никто этого не скрывал, но все-таки партизаны оттянули на себя специальный полк гитлеровцев. Более двух тысяч солдат днем и ночью караулили район каменоломен, страшась новой вылазки партизан. Полтораста фашистов было перебито во время большого подземного сражения и в других схватках и вылазках. Немецкое командование продолжало считать, что под землей скрываются крупные силы партизан.

Полтора месяца дралась против армии захватчиков горсточка насквозь прокоптившихся, мучимых постоянной жаждой людей, едва насчитывавшая теперь вместе с детьми девяносто человек. Седьмую неделю не видели эти люди солнца и звезд. Уже сорок с лишним дней не имели они ни одного глотка свежего воздуха. Холодный камень был их небом, бессменная тьма давила им на очи, могильная сырость ломала их суставы. Но они жили здесь, внизу, так, как решили жить, как требовала их совесть.

Давно уже свыкся Володя с этой жизнью, удивительной, ни на что не похожей как будто, но в то же время во всем отвечающей тем большим, мудрым привычкам и законам, которым подчинялась его жизнь и там, наверху, до войны. Шли политзанятия у бойцов, в Ленинском уголке при свете лампочек-карбидок пионеры рисовали, клеили, переписывали подземную стенгазету; политрук Корнилов проводил воспитательные беседы. Володю сперва удивляло, а порой даже обижало, что Корнилов был так требователен и пунктуален во всех занятиях, не прощал малейшей провинности в подземной службе, бранил за пустяковое опоздание или самую мелкую неаккуратность. Потом Володя понял, как важно было здесь, под землей, в потемках, точно следовать всем правилам, которым подчинялась та большая, залитая солнцем, свободно дышавшая, просторная жизнь, что была наверху до прихода

врага. Он замечал, что всем — бойцам и партизанам, и придирчивой тете Киле, и злой на язык Наде Шульгиной, — всем нравилось, что они и тут, под камнем, заживо замурованные фашистами, ведут жизнь такую, какую полагается вести обыкновенным советским гражданам. Это сознание наполняло всех ощущением гордой и упрямой силы: живем, мол, честно, как для нас заведено, и ничего с нами враг поделывать не может, пока мы живы...

За право жить так, как совесть велит, погиб командир Зябрев, чудо-человек по красоте и силе. За это сложили головы и комсомолец матрос Бондаренко, и старый партизан Иван Гаврилович. Шустов, и Москаленко. А теперь за то же умирал общий любимец — лейтенант Ваня Сергеев.

Подолгу просиживала возле его койки Нина Ковалева. Сергеев бредил, силился подняться, стонал. Что-то пугающее и чужое появилось уже в его осунувшемся лице. Оно приобрело какие-то черты сходства с хорошо запомнившимся Нине лицом матроса Бондаренко. И это зловещее сходство, неясное, почти необъяснимое словами, но с каждым днем все сильнее проступавшее, вызывало у Нины тяжелое, тоскливое предчувствие...

Порой Ваня Сергеев, очнувшись, долго смотрел на Нину, клал свою широкую, но теперь очень исхудавшую ладонь на ее руку.

— Ты не уходи, — просил он. — Холодное тут все... Камень... А у тебя рука такая теплая... Слушай, Нина, — он смотрел на нее беспомощным, просящим взглядом, — неужели мне конец? Неужели это все?..

Нина принималась успокаивать его, гладила руку, сама чуть не плача. Потом он забывался, а Нина вынимала из санитарной сумки свой бывший ученический дневник, с которым не расставалась по-прежнему, и в графе «что задано» торопливо записывала:

«Как он мучается! Я помню его в последний час перед обедом 27/XI—41. Он шел такой большой, на боку висела сумка полевая, наган. На нем была черная шапка, он был хорош. Черные брови, как стрелы, глаза блестели, он был полон желания отомстить врагу... Он подошел к нам, улыбнулся... Мы сказали ему, чтобы он берег себя, но он почему-то грустно посмотрел на нас. И теперь очень трудно вспоминать это. Он лежит теперь в постели умирающий, все у него болит, он хочет жить, и что-то отнимает у него жизнь... Как он мучается! Сердце разрывается, как мне жаль его... Неужели он умрет? С каждым днем все хуже его состояние... Днем и ночью мы с Надей Ш. читаем ему книги, веселим его, стараемся заговорить, чтобы не думал о смерти. Он так верил, что мы выйдем из этой пещеры, верит и сейчас в освобождение, что будет жив... А скоро придет смерть. Рука заражена. Заражение дошло до локтя. Надя и я не отходим от него. Как ласково он называет нас! Золотенькими ласточками, кровиночками родными... Он хочет видеть нас все время. Не смыкая глаз, мы сидим около него. Все думаем, что он умрет. Бедный Ваня, какого друга мы теряем! Неужели он умрет?.. «

Была необходима срочная операция. Но кто же ног сделать ее под землей? Вся надежда была на «объект № 1». Может быть, выйдя на поверхность и добравшись до Старокрымских лесов, соединившись с другими партизанами, можно было бы отыскать хирурга и спасти Ваню, если только он доживет до этого дня.

По расчетам Жученкова, ведя работы в три смены, за четыре-пять недель можно было пробить новый тоннель и увидеть небо. По приказу командира Манто уже распределил продукты, расфасовал их, как он выражался, по двадцати кило на душу и спину, предупредив, что во время перехода отряда на поверхность «камбуз будет закрыт на учет». Тетя Киля вместе с девушками уже собирала вещевые мешки.

Отряд готовился выскользнуть из каменной западни.

Однако выходить наобум было нельзя. Следовало сперва еще раз проверить, нет ли немецких патрулей и караулов в районе предполагаемого выхода. Затем необходимо было связаться с партизанами Пахомова. Его отряд держался в Аджи-Мушкайских каменоломнях, далеко от Старого Карантина, в противоположном конце Керчи.

Но как пробраться туда?

И опять, грузно навалившись на стол, вобрав круглую голову в широкие плечи, оперев

подбородок в выпуклую грудь, сидел в хмуром раздумье комиссар Котло.

Все были здесь, в штабе: и сам командир Лазарев, только что вернувшийся с «объекта № 1» и то и дело вытаскивавший из-за ворота колючие крошки ракушечника, и начальник строительства, он же главный подрывник, Жученков, и, как всегда, тщательно побритый, с аккуратной белой полоской над воротником закоптелой гимнастерки Корнилов, и шеф-повар Манто. Все были тут, и каждый понимал, что оставаться больше в неведении, пробиваться наверх вслепую нельзя: надо что-то предпринять, нужно уже сейчас выслать наверх разведку.

Лазарев выковырял пальцем из уха забившуюся туда ракушечную пыль, наклонил на эту сторону к плечу голову, потряс ею, как это делают купальщики, нырявшие с головой и только что вылезшие из воды.

— Всюду залазит, проклятая, — проговорил он. — И наелся и нанюхался. И уши полны и рот. Не отплюешься.

— Я так полагаю, товарищ командир, — вмешался тут же неисправимый Манто, — что это нам необходимо для внутренней побелки, а то мы совершенно насквозь прокоптились. Так не вечно же нам быть черненькими, пора стать и беленькими.

Все невесело усмехнулись. Командир вытряс ракушечный песок из другого уха и сказал:

— С Пахомовым нам связаться — прямая надобность. Они, в случае чего, могут там шумок поднять, на себя немцев оттянуть, тем самым и от нас внимание отвлекут. Ну, а мы в это время как раз и двинемся отсюда. И вообще нам связь с аджимушкайцами крайне нужна.

— Не могу! — сказал комиссар и, расправив грудь, поставил оба тяжелых кулака на стол. — Все правильно, все верно, но не могу я еще раз допустить, чтобы опять пионеры на риск шли.

— Опасно откладывать это дело даже на день, если хотите — даже на час опасно, — возразил Лазарев, — Весь день сегодня какая-то наверху возня идет. Мне уже сообщили из «Киева» и с «Волги». И взрывы какие-то там хорошо прослушивались. Видно, немцы к Новому году хотят нам тут елку засветить. Надо ждать, что вот-вот они воду качать начнут. Ну хорошо, на этих секторах мы штольни и шурфы закрыли, а что, если они через другие стволы заливать станут? Никак нельзя, товарищи, нам ждать. Да и выходить, если даже все благополучно пройдет, нам вслепую нельзя никак.

Котло сказал:

— Может быть, все-таки попробуем на этот раз без ребят обойтись? Есть у меня один лаз на примете. Если там завалы разобрать, можно попробовать выбраться. Я уж третий день туда ползаю. Думается мне, там вокруг чисто.

Так было решено отправить наверх через обвалившийся лаз Важенина и Макарова, двух самых опытных и смелых партизан, бывалых разведчиков. Высчитав по часам, когда на поверхности будет ночь, разведчики неслышно разобрали у одного неприметного выхода завал и тихонько выползли наверх.

Но не продвинулись они там и двух метров, как раздался сильный взрыв. Целый рой огненно-красных хвостатых трассирующих пуль взвился над лазом в сливающейся трескотне выстрелов. Злой луч прожектора обдал камни у входа леденящим мечущимся сиянием. Через несколько минут в лаз приполз задыхающийся, тяжело раненный Макаров; на спине своей он тащил убитого Важенина. Оба подорвались на одной из незаметных мин, которыми немцы усеяли все пространство возле каменоломен.

Макаров как вполз в штольню с телом погибшего друга, так и остался там лежать на каменном полу в беспомощности и больше уже не приходил в сознание. К вечеру он скончался.

Так партизаны потеряли самых бесстрашных и испытанных своих разведчиков — Власа Важенина и Николая Макарова.

Долго стояли потом угрюмые пионеры-разведчики в почетном карауле у их тел, покрытых алым знаменем.

Теперь комиссару ничего не оставалось, как еще раз согласиться на предложение Лазарева и разрешить поручить дело юным разведчикам. Снова всех должен был выручить последний Володин лаз, через который никто, кроме мальчиков, не мог протиснуться наверх.

Но, может быть, за последние дни немцы обнаружили и эту потайную лазейку? Может быть, и она уже заминирована?

— Знаю, как быть, — решил комиссар. — Пиратка, иди сюда, собачий сын, живо!

Из тьмы подземного коридора донесся залиvistый лай, потом послышалось цоканье когтей о камень, и через минуту Пиратка уже прыгал вокруг хозяина, терся об него закоптелой шерстью, старался лизнуть в лицо, отряхивался, гавкал.

А еще через четверть часа к узкой щели в конце одной из галерей, откуда из-под камня вырвался свежий, пахучий ветер с воли, подполз комиссар, таща за собой Пирата, которого он крепко ухватил за шею. Чтобы Пират, не дай бог, не разлаялся, морду ему стянули ремешком, что вызывало бурное негодование пса. Он пытался несколько раз лапами содрать узлы, стянувшие ему челюсть, но потом печально смирился, тем более что его ждали новые унижения. С двух сторон к его ошейнику привязали на шпагатинах тяжелые металлические болванки.

С этим уже Пират решительно не мог смириться, и у самого лаза, где чуткие ноздри его жадно втянули сладчайший воздух поверхности, от которого он почти отвык, Пират уперся и опасно попятился назад. Как ни толкали его, как ни подпихивали, как ни старались просунуть барахтающееся, срывающееся с камня тело собаки через щель, как ни уговаривал комиссар своего любимца, сперва называя его всеми ласкательными охотничьими словами, нежнейшими кличками, улещая всякими посулами, а затем перейдя на довольно обидные выражения, вроде: «Собака ты, собака, сучья лапа, псиная кровь», — ничего не помогало. Пират не желал вылезать и поднимал такую возню, что, находишься тут поблизости кто-нибудь из немцев, обошлись бы они без звукоуловителей...

— Чует, собачий сын, пес чертов, что-то неладное, — решил в конце концов комиссар. — Нельзя тут ребят выпускать. Пиратка зря артачиться не станет, тут есть что-то... Верьте слову.

Но тут вмешался сам командир группы юных разведчиков.

— Товарищ комиссар, — сказал Володя, — вы совсем зря боитесь за нас. Ничего тут нет. Ну, хотите, давайте проверку сделаем.

— А как же еще ты проверку сделаешь, если Пират осрамился?

— А я вот вспомнил, как меня покойный дядя Шустов учил. У нас там около штаба пруты длинные из железа валяются, которые для арматуры приготовлены были, на строительство. Вот мы к концу привяжем сейчас болванки, высунем их через лаз и поширяем туда-сюда... А можно еще крюк сделать на конце. Забросим, а обратно за веревку тянуть будем. Если где мина заложена есть, сразу зацепит и — трах! Вот мы и узнаем, заминировано или нет.

— Эх, головешка ясная! — сказал Котло. — Запомнил, чему учили! — И он осторожно положил свою широкую ладонь на Володину макушку.

Так и сделали. Долго щупали прутами землю возле расщелины, забрасывали и подтягивали за веревку железные крючья. И только тогда, когда убедились, что вокруг лаза все чисто и немцы, видно, не разнюхали об этой спасительной норке, командир и комиссар разрешили Володе действовать. Решено было выпустить Володю перед рассветом, чтобы он мог в темноте выбраться за пределы каменоломен, проникнуть затемно в поселок, а там уж действовать, когда будет светло. На этот раз Володя шел один: Ваня Гриценко занемог, а Толя Ковалев зашиб ногу на объекте. Да и вообще удобнее было сейчас рисковать в одиночку. Как всегда перед разведкой, Лазарев и Котло подробно, негромко и долго разъясняли Володе задание. Надо было разузнать, не провели ли немцы трубы в другие шурфы и штольни, не выставили ли они постов в районе, куда выйдет штольня «объект № 1». Но главное и самое трудное было не в этом. Задание, которое на этот раз дали

маленькому разведчику, было потруднее, чем все, что делал до этого Володя Дубинин. Ему предстояло добраться до Керчи, а оттуда как-нибудь пройти в Аджи-Мушкой и любыми путями установить связь с Пахомовым.

— Все понял, Володя? — И комиссар пытливо заглянул в смысленные, смело и серьезно смотревшие на него глаза Володи. — Вижу сам, что понял. Значит, если убедишься, что над объектом нашим все спокойно, нового водопровода нигде немцы не соорудили, ты не возвращаешься. Есть? Тогда прямиком отправляешься в Аджи-Мушкой. Снарядим мы тебя основательно: дело это не на один день. Так что... — Котло легонько усмехнулся, — так что, друг мой, до будущего года уже не увидимся...

Володя нахмурился, потерся подбородком о плечо, снова вскинул глаза, в которых теперь проступил испуг.

— Это так надолго? До следующего года?

— Год-то следующий послезавтра будет, умная твоя голова!

Володя остолбенел. Под землей дни легко пугались, сливались в один, часто нескончаемый, огромный, тусклый день, не имевший ни утра, ни вечера. Недавно они начали готовиться с пионерами в Ленинском уголке к встрече Нового, 1942 года. Но все последнее время Володя был занят на объекте и как-то не заметил, что время уже подошло и Новый год наступит через день. А вот ему придется встречать Новый год одному, неизвестно где, среди врагов, в трудном пути, в поисках тайных путей к далеким и нужным друзьям-спасителям. Ни разу еще Володе не было так страшно уходить из подземной крепости наверх.

— Ну ничего, дружище! — утешил его комиссар, заметив выражение растерянности и беспокойства на лице мальчика. — Вернешься — отпразднуем Новый год на славу.

Сейчас подземелье показалось Володе таким уютным... Никогда еще не было ему так жалко расставаться с ним. При одной мысли, что через час он окажется на ледяной земле, словно помертвевшей во власти ненавистных пришельцев, его начинал пробирать озноб.

Пока дядя Яша Манто кормил его ужином, а тетя Киля собирала ему еду на дорогу, Володя успел отдать последние распоряжения своим пионерам. Толя и Ваня, сквозь сон услышав, что Володя идет в разведку, разом прибежали к нему, и оба внимательно слушали то, что наказывал им «командир группы». Остальные пионеры уже спали.

Затем Володя встал, вытер рот в одном направлении тыльной стороной кисти, потом в другом — ладонью и, наконец, лоснящимся рукавом куртки.

— Спасибо большое вам за угощение, дядя Яша! И вам спасибочко, тетя Киля!

— На здоровье, на здоровье, дорогой! — проговорил Манто.

— Не за что, милый, не за что, счастливо тебе, — скороговоркой отвечала Акилина Яковлевна и всхлипнула.

А потом, как всегда в таких случаях, политрук Корнилов усадил его на каменную лежанку, сам сел рядом и обнял его за плечо, тихо говоря:

— Ну, давай напоследок, перед дорогой, посидим тихонько, обо всем подумаем...

Наверху была оттепель, и снег, по которому полз Володя, то и дело припадая к нему губами, уже слежался и оседал под тяжестью тела целыми пластинами. С моря доносился неумолчный, то усиливающийся, то слегка стихающий гул. Видно, вчера был шторм, и море еще не успокоилось после него. Ветер с пролива был не сильным и нес теплую усладительную свежесть, по которой так скучали люди там, внизу, под землей.

Вокруг было очень тихо. Ни звука не доносилось и со стороны поселка. Только где-то на окраине стучал движок.

Володя благополучно прополз знакомой ложбинкой, трогая руками дорогу перед собой, чтобы не напороться в темноте на проволоку, не зацепить веревочных щупалец мин. Несколько раз он замирал, прислушиваясь. Тишина, на этот раз ничем решительно не нарушаемая, начинала казаться ему странной. Всегда в этот час уже хлопали двери и калитки в поселке, перекликались простуженные голоса патрульных, урчали прогреваемые моторы

грузовиков. А сейчас ничего не было слышно.

Очутившись за знакомой оградой домика на краю поселка, откуда обычно начинался путь юных разведчиков, Володя долго еще настороженно вглядывался в редевшую темноту, вслушивался, замирал. Чуткий слух его распознал какие-то очень далекие шумы, приглушаемые грохотом прибора. Но вокруг все по-прежнему было тихо.

Прошло не меньше часа. Вдали, над Камыш-Буруном, небо уже накалялось, готовясь принять утреннее солнце. Птицы завопили в голых ветвях. По-прежнему громко и настойчиво стучал где-то неподалеку движок, но все в поселке оставалось тихим и неподвижным.

Обычно Володя ждал часа, когда на улицах поселка начиналось движение: тогда можно было, смешавшись с народом, следовать своим путем, не привлекая к себе внимания. Но сегодня он уже порядком застыл, хотя и принимался то и дело приседать за оградой, хлопать себя, скрестив руки, по плечам кулаками, чтобы согреться. Время тянулось очень медленно. Улицы продолжали быть пустыми, безлюдными, молчаливыми. Напрасно Володя высовывался за ограду, проглядывал всю улицу и влево и вправо — нигде не было видно ни живой души. Тогда маленький разведчик, которому уже наскучило сидеть за каменной оградой, тихонько вышел на улицу, быстро пересек ее и пошел огородами вдоль поселка, в котором все казалось словно вымершим.

Володя шел туда, откуда доносился настойчивый стук движка. Вскоре он очутился на пустыре перед большим домом. Раньше там жил инженер, который эвакуировался перед захватом Камыш-Буруна немцами. В доме помещался ныне немецкий штаб. Это уже давно высмотрели разведчики партизан во время своих предыдущих вылазок. Здесь всегда по утрам царил оживление: подъезжали машины, мотоциклы, конные фуры, толпились солдаты.

Ни живой души не было здесь сегодня. Пустынен был двор с пятнами машинного масла на снегу. Воробьи беспрепятственно прыгали, роясь в замерзшем навозе и в набросанном сене. Не было часового под большим деревянным грибом у ворот. И только в глубине двора под навесом продолжал стучать движок на высоких железных колесах.

Володя подобрался немного поближе и остановился в изумлении. Стекло в большом окне инженерского дома было выбито. Штора затемнения, наполовину оборванная, ключьями свисала на подоконнике; за ней Володя разглядел что-то пестрое, сверкающее, повитое гирляндами многоцветных огней.

Мальчик смотрел на это чужое и волшебное видение, напомнившее ему такие сладкие, чудесные дни. Он боялся поверить тому, что видел. Но кто хотя бы раз в жизни вдыхал воздух, наполненный запахом хвои и теплым дыханием свечей, ютящихся в душистых ветвях, кто слышал легкое хрустальное теньканье хрупких цветных шаров, сияющих стекляшек, перезвон бусинок, — тот всегда узнает с первого же взгляда этот сказочный лучистый знак ребячьего счастья!

Да, это была елка! Елка в огнях, в игрушках и бусах, опоясанная радужными гирляндами электрических лампочек. Они ярко горели за разбитым окном, в сумраке горницы, в которую заползал свет зимнего утра.

С каждой минутой становилось все светлее и светлее на улице, и вместе с тем тускнели елочные огни за окном. Володя, ничего еще не понимая, глядел из-за угла сарая в этот странный мир, так внезапно застывший, полный неподвижности и молчания. Это было какое-то мертвое царство, как в сказке о Спящей царевне. Утренний ветер упал. Неподвижно висела в окне оборванная синяя штора. Слабый дымок над трубой, казалось, остекленел на небе. Неподвижно горели на елке цветные лампочки. Только движок под навесом стучал по-прежнему часто, настойчиво, упрямо, словно хотел разбудить этот заснувший мир.

Провода от двигателя — толстые кабели — тянулись к дому. Володя пошел вдоль них, приблизился к крыльцу, тихонько постучался. Никто не ответил ему. Он прошел к окну, подтянулся на руках так, чтобы заглянуть внутрь комнаты.

Страшный беспорядок был в ней. Скатерть сползла с большого стола, на котором друг

на дружке, как сбитые кегли, валялись упавшие бутылки. Сгрудились в беспорядке стулья. Один стул лежал на диване. Шкаф был распахнут настежь. Одежда словно вытекла из него на пол тяжелыми длинными струями материи. За подсвечник пианино зацепились подтяжки, сползшие на клавиши. В комнате не было ни души, но в ней царило какое-то немое смятение и дико выглядели продолжавшие гореть на елке огни лампочек.

Ничего еще толком не понимая, но охваченный предчувствием каких-то удивительных, ошеломляющих событий, только что свершившихся здесь, не понимая еще их значения, полный страха и надежд, Володя бежал по улице к центру Старого Карантина. И вдруг до него донеслись мерные звуки слаженного шага многих людей. Володя остановился. Прислушался. Так захлебнулся воздухом, что долго не мог откашляться, припав к калитке дома, которая открылась от толчка, испугав Володю. Звуки приближались.

Тррапп!.. Трам!.. Тррапп!.. Трам!.. — раздавалось на тихих улицах. С каждым мгновением звук этот становился громче, приближаясь и уверенно заполняя собой все окрест. Напрасно торопливо частил там, за пустырем, где только что был Володя, с безнадежной настойчивостью делавший свое дело движок. Новый, мерный звук уже заглушал его. Он отдавался в проулках замерзшего поселка, на него отзывалась каждая клеточка в теле юного разведчика, потому что он знал этот броский, прочный, ладный шаг, свойственный только нашим морякам. И Володе казалось, что с каждым шагом становится светлее на улице, словно само утро вступало в Старый Карантин, шагая в ногу с теми, кто сейчас должен был показаться из-за угла. Тррапп!.. Трам!.. Тррапп!.. Звук уже казался Володе оглушительным. Вцепившись в колья ограды, просунувшись между ними, весь подавшись вперед, часто дыша, Володя глядел на дорогу с нетерпением, которое становилось совершенно непереносимым.

И вот он увидел наконец! В быстро рассеивавшемся утреннем сумраке, словно сгоняя его прочь с земли, шли люди в таких знакомых черных бушлатах, в черных шинелях, перехваченных кушаками, в бескозырках, плотно пришлепнутых, сдвинутых с затылка на брови. Но если бы даже и не рассмотрел Володя столь знакомых ему бушлатов и бескозырок с красными звездами и ленточками, все равно с одного взгляда понял бы он, что это идут свои. Да, это не был парадный гусиный шаг прусской выучки, каким ходили еще недавно часовые у немецкого штаба, — шаг с носка на вытянутых, словно окоченелых ногах, будто пробуя прочность земли, прежде чем ступить на нее. Это не был бухающий с нарочитой старательностью топот немецких патрулей, тщившихся показать, что они властвуют над землей, которую попирают толстыми подошвами, подбитыми гвоздями. Нет, это был легкий и вместе с тем очень прочный, вольный, но строго подчиненный одному вдохновляющему движению шаг людей, которые уверенно ступают по своей собственной земле, всегда, испокон веку, законно им принадлежавшей и вот опять снова отвоеванной.

И, уже ни о чем не думая, рывком перемахнув через ограду, кинулся Володя навстречу им. Все забыл он в это мгновение: и правила передвижения разведчиков, и все наставления Корнилова, и необходимый порядок в обращении к начальству. Он с разбегу кинулся прямо на грудь шедшего впереди с автоматом на руке высокого моряка в фуражке с козырьком и с красной звездочкой — должно быть, старшины.

— Дяденька, дядечка! Товарищ командир, ой, ура!.. Разрешите обратиться? — бормотал он, крепко ухватившись за отвороты командирского бушлата.

Старшина немного оторопело глядел на него, стараясь отодрать Володины руки от своего бушлата. Полные сумасшедшей радости, огромные глаза смотрели с невероятно чумазого, закопченного лица мальчишки.

— Стой! Ты что?.. Погоди... Ну?.. Ты откуда, такой дух черный, выскочил? — смущенно спрашивал старшина. — А ну отцепись, что ты, в самом деле!... А ну, кому говорю?

Володя отпустил командира, справился с волнением и восторгом, которые бушевали в нем уже безудержно, отскочил на шаг, вытянулся, приложив руку к шапке:

— Разрешите обратиться, товарищ старшина? Командир группы разведчиков

партизанского отряда Старого Карантина Дубинин Владимир прибыл в ваше распо... то есть нет... Вы же сами прибыли... Нет... Дядя, вы с Черноморского флота?.. А фашистов что, уже повыгнали, да? Ой, вот уж ура, вот ура!

Он пятился перед шагающим старшиной, продолжая держать руку у шапки, что есть силы стараясь соблюдать положенный порядок, но сбиваясь, путаясь от счастливого смущения.

— Да ты хоть стань вольно, — сжалился наконец над ним старшина. — Тянется, тянется... Стой вольно, говори толком! Кто такой? Почему, как дух, черный весь?.. Отряд, стой! — крикнул он своим.

Моряки остановились; задние через головы стоявших впереди с любопытством разглядывали черномазого, тяжело дышавшего мальчугана с жарко горевшими от радости глазами. «Верно, что дух... С того света, что ли, выскочил?.. А глазенки-то прыгают — обрадовался!.. Эй ты, дух копченный!» — послышалось из рядов.

— А ну, кончай! — прикрикнул на своих старшина и обратился к Володе, слегка склонившись к нему: — Ты выкладывай живенько, какой такой отряд, что за партизаны?

— Дядя старшина, товарищ командир, мы тут в каменоломнях... два месяца уже... Нам все ходы немцы цементом... а кругом заминировали. У нас там один сильно раненный погибает... Лейтенант... У нас тут бой вышел, дядя старшина... Я вам сейчас все скажу. Мы ведь вас... мы так вас... — И вдруг Володя почувствовал, что он сейчас постыдно расплачется, заревет, как девчонка. Он сам не мог понять, что с ним происходит, но ничего не мог поделать с собой. Губы у него разъезжались в стороны, горло перехватывало, он хотел сказать еще что-то, но, махнув рукой на все правила субординации, схватил обеими руками командира за рукав и ткнулся лицом в толстое черное сукно бушлата, где был нашит красный суконный знак минера.

— Ну, чего ты? Подберись, малый, — успокаивал его старшина. — Натерпелся, видно, мальчонка... Теперь уж чего горевать-то! Полный порядок. Ты давай, малый, подберись да выкладывай, что тебе нужно...

Через пять минут старшина уже знал все подробности о старокарантинских партизанах и о подземной крепости, в которую были замурованы девятьсто смельчаков.

— Стало быть, сейчас надо будет вызволять твоих, — решил старшина, внимательно выслушав весь рассказ маленького разведчика.

— Нет, нет! — забеспокоился Володя. — Вы так сразу туда не идите. Там кругом все заминировано. У нас двое наших подорвались, чуть было вылезли... Надо сперва там разминировать. Я вам покажу, дядя, где ход туда. Вы только скажите, товарищ командир: фашистов уже всех повыгнали отсюда? А в городе тоже уже наши?

— Наши, дорогой, наши, со вчерашнего дня уже. Десант был, на Феодосию и на Керчь. Штурмюга только некстати выдался, а то бы еще позавчера дело кончили... Жукалов! Тараскин! — вызвал он из рядов двух моряков. — Давай сюда! Отведите малого к капитан-лейтенанту, доложите, как и что. Он даст саперов, а парень укажет, где там ходы имеются. Ясно? А пока тут надо охрану поставить, а то из населения кто-нибудь кинется в каменоломни, а там — он вот говорит — мины. Охотно верю. Действуйте!

Пока Жукалов и Тараскин вели Володю к школе в Камыш-Буруне, где был штаб одной из частей Черноморского флота, участвовавшей в десанте, Володя узнал от своих спутников все, что произошло за два последних дня.

А произошло вот что. В темную декабрьскую ночь корабли Черноморского флота неслышно приблизились к берегу и начали высадку десанта в нескольких пунктах Керченского полуострова. Море в ту ночь бушевало, стоял десятиградусный мороз. Суда обледеневали. Шторм достиг силы в одиннадцать баллов. Черные валы грозили выбросить корабли на берег, смыть и унести в море высаживавшихся десантников. Но моряки прыгали в ледяную воду, пробирались, погруженные по горло, к берегу, закреплялись на каждом камне. Шторм помешал выбить немцев с первого удара. Гитлеровцы считали, что они справились с десантом. На море продолжал свирепствовать шторм, и немцы были убеждены,

что советское командование не возобновит своих попыток. Но неожиданно, в кромешной тьме бури, в стуже декабрьской ночи, последовал второй удар. Он был так стремителен и внезапен, что гитлеровские офицеры, справлявшие рождественскую елку, едва успели убежать из Старого Карантина. Они не успели даже выключить мотор передвижной электростанции, которая давала ток в штабные помещения.

После высадки первого десанта немцы выгнали из Старого Карантина всех жителей. Вот почему такая тишина встретила в поселке Володю, когда он выбрался из каменоломен на поверхность. Теперь со всех сторон тянулись люди, возвращавшиеся в свои жилища.

Маленький разведчик сразу подумал о своей матери. Ему очень хотелось сейчас же броситься бегом к домику дяди Гриценко, черепичная крыша которого виднелась из-за оголенных деревьев поселка. На минутку у него мелькнула мысль: не попросить ли провожатых сделать крюк и зайти к его матери? Но он знал, как томятся ожиданием ничего еще не знающие партизаны, замурованные под землей. Он вздохнул, оправил стеганку и зашагал, стараясь попадать в ногу с моряками.

В штабе, который разместился в школе, его выслушал человек с ознобленным, обветренным и распухшим лицом, с воспаленными от ветра и бессонницы глазами. На нем была морская шинель с нарукавными нашивками капитана-лейтенанта.

— Минуточку, — сказал он, когда Володя кончил свой рассказ. — Это, кажется, как раз то, о чем нас запрашивали... Василенко! — крикнул он в соседний класс, откуда доносились жужжание зуммера и монотонные голоса телефонистов. — Василенко, а ну-ка вызовите мне Петрова.

Когда доложили, что Петров на проводе, капитан-лейтенант снял трубку с зеленого ящика на столе:

— Слушай! Тебе давеча что говорил этот, который с Аджи-Мушкая пришел?.. Да-да, от Пахомова. В каменоломнях? В Старом Карантине? Они, понимаешь, замурованы, оказывается, уже давно. Вот их разведчик тут явился... Да, чудом, понимаешь, каким-то выполз. Ты б на него поглядел, на кого он похож... И у них там раненый есть, тяжелый. Нужна срочная хирургическая помощь. Да они не могут выбраться, пойми! Заминировано все вокруг. Я тебя попрошу: выдели саперов и живей давай. Ты учти, что там люди переживают! Фактически в могиле заживо... Почти два месяца. Ну, давай, давай! Их разведчик дорогу покажет.

— Товарищ капитан-лейтенант, а где тот самый, который с Аджи-Мушкая? Мне командир велел с ним связь установить.

— Установишь, установишь своевременно, — отвечал капитан-лейтенант, — теперь уж не к спеху. Ты вот сейчас давай с нашими саперами туда, к каменоломням вашим, — покажешь, где пройти лучше. Там небось работы на день хватит. А ваши ведь еще не знают ничего. Вот будет им новость к празднику! Садись покуда, жди.

Звонили телефоны в соседнем классе, входили и выходили люди. И при появлении каждого нового человека Володя вскакивал со стула и смотрел с такой восторженной нежностью, словно это был самый близкий друг, с которым он не виделся давным-давно.

Вскоре явились саперы. У них были длинные щупы с кружками на конце, лопатки, длинные ножницы, которыми обрезают проволоку. Поверх шапок были надеты скобки с телефонными наушниками.

— Ты поведешь? — спросил командир саперов у Володи. — В таком разе доложи сперва обстановку.

Доложив обстановку, Володя уже собрался уходить вместе с саперами, но в дверях повернулся и опять козырнул капитан-лейтенанту:

— Товарищ капитан-лейтенант, можно просьбу одну? У меня тут мама... в общем, родная моя мать... Она в доме номер одиннадцать живет... Если, конечно, жива, то дать бы ей сообщение, что я целый... Можно будет? Скажите просто: Володя... Если, конечно, можно, товарищ капитан-лейтенант.

— Есть сказать, в общем, матери, что ее Володя целый, — согласился командир. —

Будь спокоен. Сделаем. Действуй!

Когда Володя вместе с саперами выходил за околицу Старого Карантина и они поравнялись с бывшим инженерским домом на окраине, маленький разведчик отпросился на минутку, обещая немедленно вернуться. Он промчался во двор, где уже давно замолк и остыл стучавший утром движок. Он вбежал через крыльцо в большую комнату, осторожно снял с елки несколько крупных сверкающих безделушек, рассовал их по карманам, содрал белые провода с маленькими цветными лампочками и намотал их на себя. Потом он бегом вернулся к саперам.

— Эге? Парень, видать, не зевает... расторопный, рядом не клади, — пошутил старший сапер. — Весь в трофеях. Куда ж тебе это добро?

— Что я, для себя, что ли? — обиделся Володя. — У нас там маленькие есть.

— Ох ты, неужто маленькие? А я думал, как ты, не меньше!

— Во-первых, я уже как-никак учился в седьмом классе. И уже давно пионер, скоро комсомолец... А там у нас совсем малявки.

Обследовав один из входов в каменоломни, к которым Володя привел саперов, люди убедились, что тут потребуется не один час работы: немцы очень каверзно заминировали все подходы к заваленным лазам.

— Тут, парень, не один день копать! — сказал старший сапер. — Ну конечно, тропочку, чтобы аккуратно одному пройти, можно будет очистить, да там еще завал видать... Вот коли ваши бы оттуда навстречу расчищали, это бы другой разговор был.

— Так я же к ним через свой лаз могу хоть сейчас! — обрадовался Володя, которому не терпелось скорее вернуться к своим и первым сообщить об освобождении.

— А не подорвешься? — спросил сапер.

— Я ж сюда пролез.

— Раз на раз не приходится. Ты поаккуратней смотри. А то, знаешь, в нашем деле на волосок обмишурился — навек пропал... Стой, обожди! — задержал он уже кинувшегося было бежать Володю. — Я с тобой нашего человека пошлю. Пусть пощупает дорожку. Вернее будет.

Сгорая от нетерпения, Володя осторожно следовал за высоким пожилым сапером, медленно двигавшимся за своим щупом по дорожке к лазу. Маленький разведчик высовывался из-за плеча, старался заглянуть под локтями сапера, потому, что тот не велел обходить его, приказывал держаться позади.

— Ой, дяденька, вы поскорее! Да тут же ничего нет, я же давеча пролез и целый остался.

— Не торопись на тот свет, поспеешь! — невозмутимо отвечал сапер, медлительно шествуя впереди. — Держись за мной, не ширяйся в сторону.

— Честное слово, дядя, зря вы это...

— Не спеши. Не блох ловишь. Поспеешь, — отвечал сапер и осторожно водил своим щупом по дороге.

Но вот наконец и знакомый лаз.

Сапер даже не заметил его, Володя был очень доволен. Он нарочно пропустил вперед сапера, а потом неслышно прилег и скользнул в узкую расщелину.

— Ау! — крикнул он из лаза.

— Ну, чего еще? — Отозвался сапер, оглянулся и стал, озираясь, ничего не понимая: Володя исчез. — Эй, не балуй, говорю! Некогда мне с тобой тут в прятки играть.

— Не спешите, дядя, не блох ловите, поспеете! — крикнул Володя, высовывая голову из лаза. — А я уже дома. Заходите чай пить с парадного крыльца. Спасибо, дядя, что проводили. Только мне некогда. Наши ждут.

И он исчез.

Глава XVII С новым годом!

Он бежал по узким каменным коридорам подземелья, не зажигая спичек, уже наизусть зная каждый поворот. Как голубь летит к своему садку, непостижимо чувствуя верную дорогу в пространстве, как летучая мышь в полном мраке не задевает протянутых перед ней нитей, так чутьем угадывая в темноте путь, неся мальчик по извилистым подземным ходам, а если где и стукнулся, то не чувствовал боли от ушиба.

Впереди забрезжил вялый желтоватый свет.

— Стой! — услышал он, — Кто идет? Его окликнули с первого поста охранения. Он узнал голос Лени Колышкина, парикмахера.

— Леня, что ль?

— Ну, Леня... это там кто?

— Ленька, Ленька! Слушай, Ленечка, это я...

Из темноты штольни на пространство, слегка освещенное лучом фонаря, стоявшего за выступом, выскочила маленькая фигурка, бросилась на часового и стала тормозить его:

— Леня, бросай пост, давай со мной в штаб?! Я такое тебе скажу... до неба подскакнешь сквозь камень. Честное пионерское! Слышишь, Леня? Наши пришли, немцев повыгнали! Я уже с главным командиром повидался, все объяснил... Сейчас нас освобождать станут. Нечего тебе тут стоять. Сходи с поста!

— Слушай, ты брось... брось шутки шутить, — заволновался Колышкин, хватая в полумраке Володю за плечо. — Ты что, правду говоришь или так, дуришь?

— Да правда же, Леня, правда! Идем со мной в штаб, мне некогда, там все расскажу.

— С поста не уйду. Не имею на то права. Ты иди, беги скорей, коль правду говоришь! Напомни там, чтобы меня сменили. Ох ты, вот так штука! Не верится прямо...

Володя исчез в темноте, но тотчас снова показался на миг у фонаря:

— Ты смотри только в штаб не звони, что я сказал. Я сам скажу. Слышишь, Леня! Прошу как человека.

И он пропал во мраке штольни.

Еще два раза окликали бежавшего Володю караульные посты, и на каждом он успевал коротко сообщить об избавлении. Ему было жалко растрачивать эти драгоценные слова чудесной новости, слова, которые он уже приготовил, обдумал, сорок раз на бегу повторил про себя, чтобы они прозвучали как можно торжественнее. Он представил себе, как вбежит в штаб, оглядит всех командиров и скажет; «Товарищи командиры! Явился к вам с великой вестью. Час избавления настал...» Нет, лучше не так: «Пробил час нашего избавления! Там, над нами, наши, Красная Армия, Советская власть! Ура!» Но, так как на каждом посту он не мог удержаться и ему приходилось хоть и коротко, но все же сообщать о том, что он узнал наверху, главные, прибереженные им к концу слова начинали остывать. И когда Володя ворвался, не доложившись, в штаб, где на него строго поглядели находившиеся как раз там Котло, Лазарев и Корнилов, от волнения и от быстрого бега он вообще уже ничего не мог сказать.

— Что это ты? Вернулся уже, Володя? В такой час? — спросил, вставая, Корнилов.

— Беда, что ль, какая? — Комиссар нагнулся к нему и поднес к лицу фонарь.

— Наши там, наверху, пришли наши! Скорее! — закричал Володя, забыв все приготовленные им выражения. — Моряки там... Красная Армия... Десант был. И в Феодосии тоже... Сейчас саперы работают, и можно наверх...

Все встали. Три фонаря разом приблизились к лицу мальчика. Трое командиров молча заглянули ему в глаза. Синие, красные, желтые елочные лампочки на белых проводах, которыми был обмотан Володя, отразили свет фонарей.

— Стоп! — негромко, сорвавшимся голосом проговорил Лазарев. — Не части так. Не разберу ничего. Давай сначала, по порядку.

И, уже совсем отказавшись от роскошно приготовленного плана извещения, боясь, что ему не поверят, Володя с ученической готовностью и не будучи в силах отдышаться от

радости, расправившей его, рассказал командирам подробно о том, как поразила его утром, когда он вылез на поверхность, непонятная тишина в поселке, и как он увидел в инженерском доме елку, брошенную немцами, и как встретил моряков, и как привел саперов. Он кончил, облизал пересохшие губы и выжидательно поглядел на командиров. Он уже заранее представил себе, еще когда бежал сюда, как вскочат они, услышав поразительную весть, как закричат. Но командиры молчали. Только Лазарев прокашлялся и, повернувшись к комиссару, низким голосом раздельно и тихо проговорил:

— Ну, Иван Захарович...

Комиссар молчал, медленно откидываясь и расправляя свои широкие плечи.

А Корнилов тихо произнес:

— Значит, дождались и мы...

И вдруг комиссар шагнул вперед, схватил левой рукой — в правой у него был фонарь — Володю за плечи.

— Володька, ты... мальчуган... — глухо проговорил он и крепко прижал к себе маленького разведчика.

Что-то слабенько хрустнуло. Володя испуганно отстранился, высвобождаясь. На пол посыпались серебряные скорлупки, и Володя вытащил из нагрудного кармана раздавленную елочную безделушку.

— Что-то я тебе повредил? — испуганно осведомился комиссар.

— Это я для Оли да малышам нашим с немецкой елки принес.

— Эх ты... Какой я косолапый! — окончательно смутился комиссар.

Но будто вместе с раздавленной елочной игрушкой лопнуло и оцепенение, в котором находились сейчас эти люди, два месяца несшие ответственность за жизнь почти сотни своих товарищей.

Командиры, что-то говоря наперебой, смеясь, кинулись жать друг другу руки, обниматься. Корнилов аккуратно смотал с Володи провода с лампочками и уже потом заключил его в свои объятия. И понеслась по подземным коридорам ошеломляюще радостная весть об освобождении. И долго еще Володя перелетал из одного объятия в другое и оказывался то в этом штреке, то в соседнем и чувствовал на своей щеке поцелуи, слезы, а на спине — веселые тумаки от друзей-пионеров, пока не почувствовал жар и запах кухонной плиты и не очутился на камбузе, где его приняли в свою хватку длинные, цепкие руки дяди Манто. И все разом замолкли, понимая, что уж на этот раз дядя Яша отличится, произнеся какую-нибудь необыкновенную остроту, которую потом будут повторять годами.

Но Манто посмотрел на всех и сказал:

— Вы, конечно, ожидаете, что я вам скажу сейчас такое, что вы будете смеяться всю жизнь. Но о чем я могу сказать после того, что сказал наш Володечка? У Якова Манто веселых слов хватало и хватит на все трудные случаи жизни, не сомневайтесь. Но на такой случай у Якова Манто нет слов. Он молчит. Вот это и запомните.

И он, сморгнув, отвернулся, делая вид, что ему необходимо что-то поправить на плите. Все замолчали тоже. Но тут кто-то из партизан вдруг спохватился:

— Товарищи, который час? Надо сменяться, заступать на объекте. Дядя Яша, давай сидеть, пора на вахту.

Все по привычке заторопились. Стали разбирать посуду, потому что пришел час сменять на строительстве «объекта № 1», где пробивали спасительный выход из замурованных каменоломен.

— Погодите! — закричала дежурная по кухне Надя Шульгина, уже принявшаяся сама было расставлять миски на столе, — Погодите, — повторила она, пораженная какой-то внезапной мыслью. — Ведь теперь же не надо, наверное, уже пробивать выход. Ведь наверху уже везде свободно. Вы только, граждане, подумайте! Везде свободный выход.

И тут только, сейчас, окончательно дошло до сознания людей, что они свободны, что не надо пробиваться сквозь камень к жизни, что жизнь, отвоеванная заново, ждет у каждого выхода, готовая принять их в свои свежие, солнечные, просторные объятия.

Однако надо было еще расчистить эти выходы и первым делом поднять на поверхность Ваню Сергеева, которого, может быть, еще не поздно было оперировать, и этим спасти. Оказалось, что Лазарев, сняв бойцов, работавших на «объекте № 1», уже направил их в штольню, указанную Володей, чтобы разобрать завал и облегчить работу саперов, действовавших с поверхности. Все бросились в ту штольню. Корнилову, во всем любящему порядок, пришлось строго следить за тем, чтобы лишние люди не толпились в штольне и не мешали друг другу работать.

Надо ли рассказывать, что было дальше, когда саперы, разминировавшие вход, и партизаны встретились у выхода из завала и по-братски обнялись друг с другом! Как самых дорогих на свете гостей, повели за руку старшего сапера и его товарищей вниз. Партизанам выходить на поверхность было пока не приказано: опасались мин, еще не убранных саперами. Через расчищенный проход первым выскочил на снег комиссаров Пират, вдруг почувывший, что теперь можно уже выйти на волю. Он кувыркался, подпрыгивал в воздухе, громко лаял, катался по снегу, успел лизнуть в нос Володю и так шумно и беспокойно для всех выражал свою радость, что в конце концов пришлось приструнить его. Получив трепку, Пират присмирел и вернулся на камбуз, где лег возле очага дяди Манто, обиженно вздыхая: «Эх, мол, жизнь наша собачья! И погавкать-то на радостях как следует не дадут». Но, получив от дяди Яши превосходный пончик с консервированным мясом, Пират в конце концов с жизнью примирился.

Между тем старший сапер объяснил командиру, что пока проход проделан очень узкий, идти по нему можно только гуськом, в затылок, в сторону не сбиваться, так как все кругом заминировано, а на улице уже вечер — легко ошибиться. Саперы просили потерпеть до завтрашнего дня, чтобы с рассвета начать работу и тогда уже выводить всех людей без опасения на волю. Поэтому Лазарев поставил часового у входа и строго-настрого велел никого не выпускать без разрешения командира.

Прежде всего надо было позаботиться о раненых. С большим трудом и всяческими предосторожностями вынесли на поверхность Ваню Сергеева. С ним отправилась в госпиталь докторица Марина. Остальных раненых можно было пока не тревожить.

К ночи Лазарев разрешил выйти на поверхность Шульгину и Пекерману. До этого оба были вызваны в штаб, где в то время находился в Володя Дубинин, и все долго совещались о чем-то. Самого Володю командир наверх больше не пустил и, как тот ни просился, приказал ему остаться под землей и готовиться к праздничной встрече Нового года.

Володя вызвал своих пионеров — Толю Ковалева и быстро поправившегося на радостях Ваню Гриценко, — и они принялись за работу. Партизаны видели, как ребята притащили за чем-то электрическую проводку, которая была давно сорвана с шахты главного ствола, где в мирное время был электрический свет. Пионеры укрепили проводку и большие лампы на стенах. Надя Шульгина и Нина Ковалева вырезали из старых, отсыревших газет кружева и украшали ими полки на камбузе. Дядя Яша Манто, весело напевая «В лесу стоял и шум и гам, справляли птицы свадьбу там», готовил грандиозный новогодний пирог, аромат от которого растекался по всему подземелью.

— Нет, это не земной аромат, — приговаривал дядя Яша, — это не земной аромат — это подземный аромат.

А к ночи явились гости, с трудом пробравшиеся по узкой расчищенной саперами тропке. Тут были и старшина, с которым утром встретился Володя, и капитан-лейтенант, пославший саперов в каменоломни, и незнакомый товарищ из Керчи, и посланец от аджи-мушкайских партизан Пахомова. Все они прошли в штаб.

— Богато живете, ей-богу! — приговаривал капитан-лейтенант, оглядывая подземелье, ящики и шкафы, каменные лежанки и принюхиваясь к соблазнительным ароматам, которые доносились из подземного царства дяди Яши.

Пришедшие взволнованно оглядывали жадно обступивших их закоптелых, исхудалых людей с белыми промоинами от радостных слез на черных щеках. Гости видели аккуратных часовых, стоявших на своих постах, чисто подметенные ходы пещеры, портрет Левина,

винтовки в стойках, противогазы над каждой лежанкой.

— Порядок, глядите, порядок! — говорил довольный капитан-лейтенант. — Что тебе на подлодке хорошей!

— Да, в автономном плавании были, — отозвался Котло.

Между тем Шульгин тащил от расчищенного входа длинный кабель, шушукался в потемках с Володей и его пионерами, то и дело бегал наверх, пользуясь данным ему на этот вечер разрешением командира. Словом, всем было ясно, что он готовит сюрприз.

В большом, просторном коридоре, между штабом в камбузом, уже ставили столы, скамьи, ящики, тумбы из ракушечника. Партизанские хозяйки, вытащив оказавшиеся у них припасенными нарядные скатерти, снесенные сюда, вниз, подальше от немцев, накрывали ими длинный праздничный стол. Надя Шульгина, маленькая Оля Лазарева и Нина Ковалева украшали небольшую елочку, притащенную Пекерманом сверху. Это была, правда, не елка, а маленькая сосенка, но она, конечно, вполне могла сойти за елку. Чем плоха, в самом деле! А когда повесили на нее красные флажки и украинское монисто, пожертвованное на этот случай Ниной, и перевели ветви проводами с трофейными лампочками Володи Дубинина, а на самой верхушке укрепили настоящую красноармейскую звезду, то все убедились, что на свете и не было никогда елки лучше, чем эта.

Занятый всеми этими чудесными приготовлениями, Володя и не заметил, как Пекерман вызвал в боковую штольню Нину Ковалеву, а она крикнула туда же Надю. Володя насторожился и услышал голос, один звук которого заставил дрогнуть и отчаянно забиться его сердце.

— Ох, темень-то, духота у вас какая! — донеслось до него из штольни. — А где же Вовочка-то?..

— Володька! Слышишь? — закричал Ваня Гриценко. — Это ж тетя Дуся, честное слово! К тебе мать пришла...

Володя не знал, что капитан-лейтенант сдержал свое слово и послал сообщить матери маленького разведчика о ее сынишке. И Евдокия Тимофеевна тотчас же кинулась к каменоломням. Ее не пустили туда, за проволоку, моряки, поставленные в оцепление. Она простояла там до позднего вечера, пока работали саперы, а потом увидела Шульгина, и партизаны, получив особое разрешение командира, с великой осторожностью провели узкой тропой Володину мать в подземелье.

Услышав голос матери, Володя разом соскочил с табуретки, стоя на которой он укреплял плакат на каменной стене, и кинулся в боковой проход.

— Куда же ты? — удивился Ваня.

— Сейчас! Скажи, я... сию минуту вернусь. А дядя Гриценко уже бежал навстречу Евдокии Тимофеевне.

— Здравствуй, Дуня! — Они обнялись. — Здравствуй, Евдокия Тимофеевна! — Они еще раз поцеловались. — Здорово, кума дорогая! — Они поцеловались в третий раз. — Вот и свиделись, слава богу, живые. Как там Анюта-то моя? Не слыхать? Забрали ее, слыхал...

— Выпустили ее. В Керчи она, у свояченицы пока.

— Ну, спасибо тебе за добрые вести, дорогая! Вот радость-то у нас!

— А где ж Вовочка-то? — беспокойно вглядываясь в полумрак, спросила Евдокия Тимофеевна.

— Да сейчас он тут с Ваней был... Вовка, где ты там? Мать пришла, а он...

— Он сейчас, сию минуту... — поспешил объяснить Ваня. — Здравствуйте, тетя Дуня! С наступающим праздником вас!

— Да, праздник уже к нам пришел, — откликнулся дядя Гриценко. — Ну вот он, твой Вовка.

Мать стремительно обернулась и увидела Володю. Он уже успел сбегать в свой штрек и теперь стоял в полном снаряжении боевого партизана: две гранаты на кушаке, плотно стянувшим стеганку; за плечом на ремне знаменитый обрез — пионерская пушка; поперек живота — трофейный немецкий автомат «шмайсер». Голову Володи венчала ушитая, но тем

не менее сползавшая на брови и топырившая ему уши бескозырка с золоченой надписью «Береговая оборона» — память о погибшем Бондаренко.

Володя решил явиться к матери во всей своей партизанской красе. Вот он, сбился желанный, загаданный час свиданья!

— Здравствуй, мама, — неверным баском, в котором вдруг появилась сипотца, проговорил Володя, козырнул, но сам смутился и протянул матери руку: — Ну, как поживаешь? Здоровье твое ничего?

Ему было уж очень неловко держать в руке немецкий автомат, и вообще все вышло не так, как он задумал. Да и мать как-то заробела и стеснялась посторонних, подавленная непривычной обстановкой подземелья. Озабоченно всматриваясь в изменившиеся черты Володиного лица, она тихо ответила:

— Ох, Вовочка, здравствуй, дорогой! Ничего здоровье, спасибо тебе. Как ты тут?

— Я... тоже ничего. Обыкновенно. А от папы есть что?

— Где ж тут можно было — от папы? Ведь у нас немцы стояли...

— Знаю я...

— До поцелуйтесь вы, шут вас возьми совсем! — не вытерпел дядя Гриценко. — Одичал совсем парень. Столько мать не видал, такое время пережили, а он ей ручку тянет! Тьфу!

Володя подошел к матери, придерживая одной рукой гранаты, другой — очень ему мешавший проклятый немецкий автомат, и неуклюже поцеловал Евдокию Тимофеевну в щеку. Она схватила его чумадые щеки, стиснула ладонями и стала целовать, разом залив его лицо своими слезами.

Но тут послышались твердые, крупные шаги. Володя живо отскочил от матери, оправляя куртку, пряча за спину оружие. Вошел комиссар, за ним шли Лазарев, Жученков, Корнилов и гости с поверхности.

В руках у комиссара был большой исписанный лист бумаги. Партизаны стали рассаживаться на скамьях и табуретках. Когда все разместились, командир Лазарев спросил, обращаясь в сторону боковой штольни:

— Ну, Шульгин, как у тебя там?

— Все в порядке. Дело на мази! — донеслось из штольни.

— Ну давай тогда!

И внезапно все, что было два месяца совсем почти черным или в редких случаях желто-серым, вдруг, в одно мгновение, стало ослепительно белым. Люди зажмурились, прикрывая ладонями глаза.

Это вспыхнули электрические лампочки, нити которых накалил ток от немецкого движка, притащенного партизанами к входу в каменоломни. В том и был задуманный сюрприз Шульгина и Пекермана.

Крохотные цветные огоньки зажглись в ветвях новогодней елки. Как празднично и уютно выглядело сейчас еще за минуту до этого мрачное каменное подземелье! Но когда люди немножко пообвыкли, пригляделись к свету и вытерли слезящиеся глаза, оглушительный хохот раздался в недрах каменоломен. Люди смотрели друг на друга и хохотали до упаду, валясь с табуреток, припадая грудью к столу, колотя друг друга по плечам и спинам. Какие все были чумадые, грязные, закоптелые!

Надя и Нива вырывали друг у друга зеркальце, смотрелись в него, закрывались руками. Никак не могли прийти в себя партизаны, впервые за два месяца разглядевшие друг друга. Долго не смолкал богатырский хохот, сотрясавший самые отдаленные каменные закуты подземелья, и часовые у входа прислушивались к нему: «Что там такое внизу — обвал, что ли?»

А потом, когда все наконец угомонились, встал комиссар Котло. Дядя Яша Манто бережно поставил посреди стола свое дивное творение — исполинский пирог с пятиконечной звездой, искусно выложенной на корке цукатами. Потом он и тетя Киля разлили всем по кружкам и стаканам то, что имелось в неприкосновенном запасе отряда. И

комиссар произнес речь.

— Товарищи, — сказал комиссар, — дорогие товарищи, боевые друзья! С великой радостью встречаем мы сегодня Новый год, который мы начинаем праздником нашего избавления. Вот товарищи с флота сообщили, что твердо стоит на своем месте Москва и крепко ударила Красная Армия по немцу под Москвой: откинула его... И хочется мне сказать вам...

— Простите, товарищ комиссар, — наклоняясь к уху Котло, прошептал подбежавший Пекерман. — Я приемник наладил, из Москвы товарищ Калинин говорит.

— Калинин говорит! — прошло вокруг всего стола. — Михаил Иванович говорит!

Стало очень тихо, только слышно было, как болтает ножками, стучая каблуками о табурет, маленькая Оля Лазарева, притихшая на коленях у матери и не сводившая глаз с лампочек на елке.

И из небольшого картонного рупора, который принес, волоча за собой длинный провод, Пекерман, послышалось: «Дорогие товарищи! Граждане Советского Союза! Рабочие и работницы! Колхозники и колхозницы! Советская интеллигенция! Бойцы, командиры и политработники Красной Армии и Военно-Морского Флота!»

При этих словах Михаила Ивановича Калинина сидевший возле Лазарева капитан-лейтенант оправил китель, бросил взгляд на старшину, а тот приосанился и поглядел на окружающих.

«Партизаны и партизанки! — продолжал Калинин, и все, кто был за столом, радостно переглянулись, подталкивая друг друга локтями. — Жители советских районов, временно захваченных немецко-фашистскими оккупантами! (Тут все посмотрели на Евдокию Тимофеевну.) Разрешите поздравить вас с наступающим Новым годом! А по случаю наступления Нового года разрешите представить вам краткий итог войны...» — доносилось из рупора, — нет, не из рупора, который держал в руках Пекерман, а из самой Москвы.

Тихо сидели партизаны. Кто рот приоткрыл, весь подавшись вперед, кто руку щитком приложил к уху; этот уставился в одну точку и губы прикусил, а другой, сосед его, положил ему руку на колено и даже зажмурился, весь обратившись в слух, в один лишь слух.

А Михаил Иванович Калинин говорил им из Москвы голосом немало пожившего и много на свете повидавшего мудрого человека, верно знающего, как дальше все пойдет: «Красная Армия двадцать дней назад перешла на ряде участков фронта от активной обороны к наступлению на вражеские войска...»

С гордостью поглядывали военные гости, моряки, на хозяев, вызволенных ими из смертной беды. Тем временем Михаил Иванович говорил:

»... И за это время героической Красной Армией освобождены от немецко-фашистских оккупантов Ростов-на-Дону, Тихвин, Елец, Рогачев...»

Володя, выхватив из кармана свою пионерскую записную книжечку и огрызок карандаша, щедро помусолив его, кое-как поспевая, заносил названия освобожденных городов.

»... Дубно, Богородицк, Калинин... — сообщал голос из рупора, и все радостно засмеялись: всем было приятно, что Михаил Иванович сам сказал об освобождении города, носящего его имя. А Председатель Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик продолжал неспешно перечислять освобожденные города: — ...Козельск, Угодский завод, Керчь, Феодосия...»

Ух, как заплодировали все, услышав эти родные названия!

»... Калуга», — сказал Калинин.

— Вон она, моя дербень-дербень родная! — откликнулся Юров, тоже, как и Ковалев, бывший чапаевец, и все потянулись к нему с кружками и стаканами, поздравляя.

И вот стало слышно партизанам то, чего не слышали они около двух месяцев, — как четырежды сыграли в Москве над Красной площадью всем до сладкой боли знакомую колокольную мелодию куранты и ударили полночь часы Кремля. Новый год наступил в Москве. Бамм!.. Бамм!.. Твердым, звонким солдатским шагом ступил он с Красной площади

в мир, год 1942-й. Он шагал над страной, он пришел в освобожденные города, перемахнул через линию фронта, туда, где его шаги слушали тайно, припав ухом к эбонитовой чашке припрятанного приемника. Новый год был на земле! И здесь, под землей, в каменоломнях Старого Карантина, куда теперь свободно втекали струи сладчайшего вольного воздуха, наступил Новый год.

Отозвавшись на новогодний звон кремлевских часов, крепко сшиблись одна с другой сдвинутые над столом сильными руками жестяные походные кружки, простецкие зеленоватые стаканы из столовки Старого Карантина, самодельные чарки из консервных банок. Кружка о кружку, стакан о стакан — чокнулись и выпили, крикнув, подземные партизаны.

— С Новым годом, друзья-товарищи!..

А когда было выпито по второй и по третьей, опять взял слово Иван Захарович Котло. Встал он строгий, сумрачный, но чистым, ровным светом тронуло вдруг все его широкое лицо.

И сказал комиссар:

— Не все те, кто делил с нами партизанскую нашу высокую долю, чья добрая дружба светила нам в подземной ночи, что тянулась без малого восемь недель, сели с нами сегодня за этот наш стол. Нет с нами первого нашего командира — товарища Зябрева, дорогого нашего Александра Федоровича. Не сидят с нами наши лучшие разведчики Влас Важенин и Николай Макаров. Нет меж нас Ивана Гавриловича Шустова и Пантелея Москаленко. Недолго пожил с нами молодой моряк Николай Бондаренко. Встанем, братья-партизаны и товарищи гости, — каждый про себя — без лишних слов выпьем в эту ночь за светлую их память!

Все поднялись молча и тихо стояли, потупив голову, медленно опустив, осторожно ставя на стол, чтобы не стукнуть ненароком в нерушимой тишине, свои кружки.

Когда все снова сели, командир отряда Семен Михайлович Лазарев встал с большим листом крупно исписанной бумаги, надел очки и прочел приказ — последний приказ по подземной крепости. Читал Семен Михайлович долго. То и дело все вставали, хлопали и тянулись чокаться с партизанами, имена которых вычитывал в приказе командир. Володя, сидевший возле матери, украдкой тоже выпил стаканчик вина. В голове у него с непривычки шла превеселая карусель, отчего ему было очень хорошо и все время хотелось беспричинно смеяться. Поэтому он даже не сразу расслышал, как Лазарев прочел, что за образцовое выполнение боевых заданий командование партизанского отряда представило командира группы юных разведчиков пионера Дубинина Владимира к награждению орденом Красного Знамени.

Батюшки, что тут началось! Все потянулись чокаться, стали подливать и Володе, а Евдокия Тимофеевна, обеими ладонями прикрыв Володину эмалированную кружечку, твердила, поворачиваясь налево и направо:

— Ох, уж не надо ему! Он у нас к этому не приучен. Спасибо вам на добром слове... Володенька, ты поблагодари как следует товарища командира. Что ж ты молчишь?

Пионеры не переставая кричали «ура», пока дядя Гриценко не постучал им легонько по спинам, а кое-кому и по затылку тихонечко приложил. Хотели было даже качать командира юных разведчиков, да, примерившись глазами, увидели, что можно его сразу зашибить о низкий каменный свод подземелья.

А комиссар сам подошел к Евдокии Тимофеевне, чокнулся с ней, взял ее руку в свои, задержал, не выпуская:

— Спасибо вам, Евдокия Тимофеевна! Благодарность от нашего командования и всего отряда! Хорошего сына вы вырастили. Честь вам, хвала и слава!

— Спасибо вам на добром слове! — отвечала Евдокия Тимофеевна. Она вся покраснелась от похвалы, и такая милая, застенчивая красота вдруг залучилась на ее усталом, тревожно-ласковом лице, что все залюбовались ею, а Володя мысленно выбрал себя, что из-за глупого форса он не так ласково, как надо бы, обошелся с матерью. —

Спасибо вам, — продолжала Евдокия Тимофеевна. — Только ведь я не одна выращивала...

— Да, я слышал, слышал. У вас муж молодец, хороший коммунист, говорят. От отца много зависит, это верно. Но мать...

— Да ведь тут не только мы с отцом. А жизнь-то, учење, власть-то вся Советская на что? Разве я без нее бы воспитала! Ведь он, сами знаете, какой...

Володя под столом дернул ее за платок, проворчав уголком рта: «Нашла тоже время...»

— Это, конечно, верно, — засмеялся Котло, — в таком одной не управиться. Что правильно, то уж правильно! Признаться хотя, скажу вам, я очень тихих тоже не жалею. Мы сами народ не очень тихий: нас камнем завали, в земле закопай — и то сверху слышать!

— Да, уж, видно, тихая жизнь не про нас, — вздохнула Евдокия Тимофеевна. — Вот я, даром что женщина, а в санпоезде на гражданской служила. Там ведь в с Никифором Семеновичем, вот отцом его, встретились. И опять вот война...

— Нет, не для нас писана тихая жизнь, не для нас с вами, Евдокия Тимофеевна!

— А ведь будет когда-нибудь такая.

— Будет, непременно будет! Того ж ради мы вот с вами и встречаем Новый год тут. Чтоб мир настал во всем мире!

Ужин подходил к концу, когда в подземелье появились еще двое незнакомых вооруженных, но одетых в штатское платье людей. Их привел партизан из верхнего караула.

Караульный хотел что-то сказать командиру, но сидевший за столом между Лазаревым и комиссаром товарищ из Керчи весело помахал рукой прибывшим и негромко пояснил:

— Это за мной! Наши люди. Поднесите им новогоднюю — и я пошел!

Но в это время один из гостей оторопело уставился на Евдокию Тимофеевну и неуверенно, хотя и старательно произнес:

— Здравствуйте, Евдокия Тимофеевна... Привет вам от комбата.

К удивлению Володи, Евдокия Тимофеевна со странной многозначительной строгостью в голосе отвечала:

— Здравствуйте. Кланяйтесь и вы. Что он новенького передать просил? Гости засмеялись.

— Да на сегодняшний день ничего, кроме спасибо большого. — Оба подняли налитые им чарки. — За ваше здоровье, Евдокия Тимофеевна!

Евдокия Тимофеевна подтолкнула к ним Володю:

— Познакомься, Вовочка. Это Виктор, а это вот Леонид.

— Так точно, Самохин Виктор и Агеев Леонид. Теперь уж можно представиться полностью, — отвечали наперебой оба гостя.

А одна из них, тот, который назвался Агеевым, добавил, обращаясь к Володе:

— Ну, браток, мать и сестренка у тебя, сказку я, боевые! Помогли нам хорошо.

Все обступили их, сдвигая скамейки, прося гостей рассказать обо всем подробнее.

И онемевший от удивления Володя услышал историю о комбате, о тайном складе оружия, о кастрюлях... Володя слушал, совершенно сраженный...

«Так вот какими делами занимались те, кто оставался наверху! Ай да мама, ай да Валентина!»

После ужина отодвинули в сторону столы, и начался концерт. Конферансье, дядя Яша Манто, блистал своим остроумием. Надя Шульгина и Нина Ковалева исполнили дуэтом подземные партизанские частушки.

Дядя Яша превзошел самого себя в этот вечер. Он читал телеграммы, полученные из центра земли, — по соседству, как он выражался. Затем сообщил, что еще бы немножко, и он уже почти прокопался в камне «на ту сторону» — до самой Америки. Затем он, аккомпанируя себе на расклеившейся от сырости мандолине, нещадно дребезжавшей, хотя Яков Маркович и придерживал пальцами отклеившуюся деку, исполнил свой коронный номер: «В лесу стоял и шум и гам, справляли птицы свадьбу там, тюрлюр-люр-лю...» Все подхватывали знакомый припев, а дядя Яша изображал то грача-жениха, то невесту-цаплю с хохолком, то старого филина-попа, то сваху-утку, то ревнивого воробья, влюбленного в

цаплю, то остряка-сыча, произносящего на птичьей свадьбе спич несколько не хуже, чем делал это сам дядя Яша Манто на партизанских праздниках.

Ему долго хлопали, а потом тот же дядя Яша, как ни упирался Володя, вытащил командира юных разведчиков под лампу. Все закричали: «Просим, просим!»

И Володя, щеки которого пылали ярче пионерского галстука, празднично повязанного поверх куртки, спел под аккомпанемент мандолины своего любимого «Матроса Железняка». Его чистый, только начинавший ломаться голосок ладно сливался с дробной трелью мандолины. Он пел, постепенно расходясь, воодушевляясь. Вспомнил матроса Бондаренко, которому певал эту песню, и чистая, как слеза, сдержанная печаль вошла в его песню. Пригорюнилась, утерев кончиком платка уголок глаза, Евдокия Тимофеевна. Притихли самые смешливые молодые партизаны, и шумно вздохнул во всю свою просторную грудь комиссар Иван Захарович Котло.

...Лежит под курганом
Овеянный славой
Матрос Железник, партизан...

Необыкновенной была вся эта ночь, столько сулившая на завтра. И, верно, не было бы конца веселью, песням и пляскам, если бы не начал сдавать немецкий движок. Сначала медленно желтея, потом став тоненькими, красными и, наконец, совсем остыв, пропали волоски в лампочках. Погасли огни на немудрящей партизанской елке. И стало опять темно в каменоломнях, темнее, чем раньше было, — так, по крайней мере, сперва показалось после яркого электрического света. И снова зачиркали спички, зажглись во мраке фонари «летучая мышь», населяя подземелье размашистыми тенями. Высунули огненные, сверкающие жала лампочки-карбидки. Партизаны начали укладываться на покой.

Евдокия Тимофеевна, не выпуская Володиного локтя (за который она боязливо ухватилась, как только погас свет), почувствовала себя заблудившейся в этой крошечной путанице сшибающихся друг с другом теней, мутных, плутающих просветов, мерцающих отблесков, медленно тонущих в бездонном мраке.

— Страсть-то какая! — прошептала она. — Как же в темени такой жили?

— А очень просто, мама, — пояснил Володя. — Это тебе так с непривычки. Ты держись за меня, не теряйся.

Он ловко заправил лампочку-шахтерку, покачал насосиком, чиркнул спичкой. Лампочка зашумела, вонзив в темноту белое лезвие пламени.

— Ты, мама, у меня ляжешь, — сказал Володя. — У меня прямо не лежанка, а целый саркофаг царя Митридата. А Ваня у отца ляжет. Ох, у нас здорово! Сейчас увидишь, мама, как уютно. Прямо как хорошая тебе гробница.

— Да что ты такое говоришь, Вовочка! И так тут страшно, а ты еще с глупостями своими...

Володя провел мать в свой уголок, в первом шурфе от штаба, осветил его лампочкой.

— Видишь, мама: вот тут мы с Ваней спим. А с этой стенки воду лизали, когда пить было нечего. Смотри, белая дорожка: это я копоть языком полизал... А тут, видишь, гвоздем зарубки делал каждый день, вроде как календарь. Вот сейчас сделаю последнюю, пятьдесят вторую. Так. А вот тут звездочка над зарубкой. Одна, другая... Считай сама. Это значит: в тот день я на разведку ходил.

Пять звездочек насчитала мать. Пять раз выходил ее мальчуган через потайные лазы на поверхность, где каждый шаг грозил ему гибелью, всякое неосторожное слово, малейшее нерассчитанное движение влекли за собой верную смерть.

При свете шахтерской лампочки она оглядывала подземную обитель сынишки. Значит, вот тут он провел два месяца. Здесь он спал, прислушиваясь к каждому шороху в недрах камня. Вот лежал его учебник, стоял прислоненный к стене трофейный немецкий автомат, висели на выступе камня бескозырка, стеганка. Прокоптившееся насквозь одеяло

прикрывало тюфяк, набитый соломой.

— Дай я хоть обмету у тебя немножко, а то вон сколько натрясло трухи-то. Веник у вас тут водится?.. А, вон! Сама вижу. Дай-ка...

Ловкими руками она выхватила из рук Володи веничек — раз-раз! — двумя-тремя точными, не сильными движениями обмахнула соринки на камне возле тюфяка, подмела на каменном полу.

— Ну, все ж таки чуток почище, — сказала она и сняла с себя платок. — Давай спать, сынок. Сморила я что-то за день. — Она зевнула, прикрыв рот горстью. — К стенке тебя, что ль, пустить?

— Нет уж, довольно, не маленький! — сейчас же запротестовал Володя. — Ты давай сама к стенке, а я с краю лягу, а то ты не привыкла к этому саркофа... тьфу... ладно, я шучу так... на лежанке-то партизанской не спала никогда. С нее еще упадешь ночью.

Володя уже сам совсем засыпал на ходу: шутка ли сказать, сколько вместил необыкновенный этот сегодняшний день!

Он зевал с таким ожесточением, что у него трещало возле ушей.

Мать принялась устраиваться под каменной стенкой, обминая шуршавший соломенный матрац. Большим полукруглым гребнем она расчесала длинные волосы, заплела их в косу на ночь.

Володя спросил:

— Ну, как тебе — ничего, удобно, мама? Хорошо?

А ей бы и на голых камнях сейчас было мягко! И он еще спрашивал, хорошо ли матери, которая снова видела рядом с собой своего, казалось, уже навсегда потерянного сына!

— Мне тут хорошо, Вовочка, — сказала мать. — Ты сам ложись, а то устал. Вон как раззевался...

— Мама! — проговорил Володя, укладываясь рядом с матерью. — А знаешь ты, мама, что я ведь тебя недавно видел, и совсем близко, мама... Вот как отсюда и дотуда...

Он свел брови и потерся подбородком о плечо, вспомнив, как хотелось ему тогда, лежа за промерзшей кадкой, обнять мать, которую он разглядел через окно. А вот сейчас мама была совсем рядом, как тогда, когда они ехали к отцу в Мурманск и спали на узкой вагонной полке. И он мог теперь обнять ее, но почему-то стеснялся. Ему вспомнилось лицо матери тогда, в окне. И вдруг такая огромная нежность сжала его сердце, так толкнулась к его горлу, что он чуть не задохнулся. Он повернулся к матери, торопливо прижался к ее плечу, обхватил ее рукой за шею, заговорил тихо, в самое ухо, сдувая мешавшие ему волосы с материнской щеки:

— Видел... Через окно тебя видел... Я на разведке был и так вдруг соскучился... захотел на тебя поглядеть... А у вас там немцы везде были. Я за кадкой спрятался, и ты как раз в окне... Шила что-то. А я все лежал и все смотрел, смотрел. А потом ты вдруг встала и штору опустила... А я уполз, Ваня меня дожидался...

Мать слушала молча, тихо глядя его круглый затылок. Смотрела ему в глаза, потрясенная, чувствуя себя почему-то виноватой: как же не почувяла тогда, что сын был совсем рядом, глядел на нее, а она взяла да и опустила занавеску!

А Володя продолжал:

— Завидно, мама, мне было тогда на Вальку глядеть. Ходит около тебя, ничего не понимает...

— Чего ж ей понимать-то было?

— Да я на ее месте бы так все время тебя обнимал, гладил да целовал!

— Ну, а что ж сейчас ты? Отвык уж совсем от матери...

Он засмеялся, еще крепче прижался к матери, стал бодать ее головой в шею, норовя лбом поддеть под подбородок, принялся возиться, фыркать, дуть в ухо.

— Пусти, Вовка! Что за дрянь мальчишка! Не смей в ухо дуть! Мало я тебя за это лупила? Знаешь ведь, что терпеть этого не могу. Кому говорю? Вот как надаю сейчас шлепков... Что?! Подучил? Силач нашелся какой! На еще! Драли мы таких командиров за

уши — вот так, вот так!

— И не больно совсем, — не унимался Володя. — Уй-юй! Эх, ты! Ловко ты меня...
Рука у тебя хлесткая!

— Ну, получил, и хватит. Спи.

Все желтее и желтее становилось пламя лампочки-шахтерки, стоявшей в нише каменной стены. Затихли каменоломни. Давно уже сморил сон самых неугомонных рассказчиков и весельчаков. Здоровый храп доносился из штрека, где почивали партизаны. Не слышалось больше треньканья мандолины с камбуза: видно, уgomонился и сам дядя Яша, изрядно хвативший из неприкосновенного запаса по случаю праздника. Темно и тихо стало под землей. Только слышно было, как тенькают капли талой воды, просачиваясь сквозь камень и падая в подставленные лоханки и тазы.

— Мама, — сонным голосом, уже в дремоте, говорил Володя, — вот приедет папа с фронта, фашистов прогоним, все хорошо у нас будет, верно?

— Верно, сыночек. Спи.

— Жаль, Вальки нет. Ты скажи ей, что про меня сегодня говорили и что оружие мне выдали, а то она, я знаю, не поверит... А как думаешь, орден мне правда дадут?

— Конечно, дадут. Вон как тебя комиссар-то хвалил!

Хорошо было засыпать снова под боком у мамы, как в раннем детстве. Все сразу становилось таким надежным, уютным, незыблемым. Казалось, никакая беда уже не может прокрасться сюда, раз возле тебя мама. Володя пожевал пухлыми губами, поерзал плечом по грязной прокопченной подушке, чтоб вдавить в ней ямку поудобнее. Он вдруг опять почувствовал себя совсем маленьким. Он глубоко дышал и ощущал теплоту собственного дыхания, жарко разливающуюся по плечу матери, куда он уткнулся носом, слегка посапывая. Убеденный, что все на свете будет теперь хорошо, и обеими руками держась за мать, заснул на краю каменной лежанки бесстрашный командир группы юных разведчиков старокарантинской подземной крепости.

А мать, не высвобождая затекшего плеча, осторожно приподняв голову свою, водила медленным и жадным взором по изменившимся, повзрослевшим чертам сына. От Володи пахло чем-то новым, немножко чужим, но сквозь кисловатый душок копоти и огуречного рассола, сквозь солдатские запаха земли, железа, ремня она вбирала в себя тот, прежний, от всех других отличный, что когда-то, с первого прикосновения и на всю жизнь, стал для нее несказанно родным, — теплый ток дыхания ее ребенка.

Уже иссякал карбид в шахтерке, лампочка гасла, бессильно дергая тусклым язычком издыхающего пламени, а матери все жалко было потушить ее. И, опершись на локоть, она все смотрела в лицо сына, вновь вернувшегося к ней в эту счастливую новогоднюю ночь.

Володина улица Эпилог

На вершине Митридата, колеблемый свежим январским нордом, развевался алый флаг. В канун Нового года два краснофлотца-десантника — Владимир Иванов и Николай Гандзюк — вскарабкались сюда и водрузили над вершиной древней горы, над всей Керчью, красный флаг — корабельный гюйс с большой пятиконечной звездой посреди полотнища.

Освобожденный город ликовал.

Победители, вызволившие Керчь, — рослые солдаты в стеганках и плащ-палатках, наброшенных на плечи, матросы в ладно пригнанных бушлатах и кирзовых десантных сапогах, отвернутых ниже колен, — расхаживали по улицам Керчи, везде встречаемые улыбками, повсюду провожаемые толпами восхищенных мальчишек.

Из моря продолжали вылавливать вчерашних незадачливых и кратковременных хозяев города: фашисты, застигнутые врасплох десантом, бежали куда попало, используя для спасения все, что попадалось под руку. Некоторые из них пытались уплыть по морю на

плотах, сделанных из домовых ворот или связанных вместе дверей. Продрогшие, вымокшие, обезумев от страха, они болтались на волнах неподалеку от берега и умоляли спасти их. Их вылавливали и отправляли в комендатуру.

Но когда прошла первая, ошеломляющая радость избавления от кошмара, в котором почти два месяца пребывала Керчь, когда немного улеглось счастливое возбуждение и люди вдосталь наобнимались и наплакались от радости, — истерзанный город стал считать свои раны. Опамятовавшись, кинулись искать тех, кто был схвачен гитлеровцами, кто пропал, сгинул, не вернулся домой, бесследно исчезнув. И узнавали о тысячах убитых, запытаных насмерть. Страшные рассказы о загородном Багеровском рве, где из-под оттаявшего снега семь тысяч смерзшихся мертвецов подняли окоченелые руки к небу, облетели город. Люди бросились к зловещему рву — искать в нем убитых родных, друзей. Дни и ночи проводили они в жутких поисках среди семи тысяч заледенелых трупов — столько убийств успели совершить лишь в одном этом месте гитлеровцы меньше чем за два месяца своего пребывания в Керчи.

Старокарантинцы и камыш-бурунцы целые дни паломничали к партизанским каменоломням. Всем не терпелось поскорее и поближе увидеть героев подземной крепости, которая так и не сдалась фашистам.

Близко к самым каменоломням никого еще не подпускали. У колючей проволоки, которой немцы успели опутать весь район шахт, стояли часовые. Четвертый день без устали работали саперы, осторожно вынимая из земли и обезвреживая сотни мин, которыми гитлеровцы усеяли все подходы к каменоломням. По узкому расчищенному выходу из одной штольни понемножку выводили на поверхность партизан. Старались выводить на рассвете, чтобы людей не ослепил дневной свет. И все же потом днем у многих из партизан началась мучительная резь в глазах, слезотечение.

Страшен был вид этих исхудалых, полуослепших, черных от копоти, будто обуглившись людей, прошедших около двух месяцев под землей, вытерпевших многодневное удушье, лютую жажду и пытку тьмой, но так и не покорившихся врагу, которого они жестоко проучили во многих неравных боях.

Они выходили из-под земли, заслонив руками отвыкшие от света глаза, и открытым ртом жадно дышали, наслаждаясь свежестью наземного воздуха. А люда наверху обнимали их, брали за руки и вели к себе домой. И тоже плакали, потому что глаза у жителей Старого Карантина тоже отвыкли от света, который исходит от большой радости.

Но чуть приглядевшись и немножко надышавшись, партизаны сейчас же взялись за дело и на земле. И уже 4 января Нина Ковалева записывала в свой дневник:

«Наш отряд во главе Камыш-Буруна. Жизнь понемногу налаживается. Лазарев — председатель райсовета; Шульгин — его заместитель; Котло — секретарь райкома партии. Я работаю в райкоме. Мы помогаем армии, собираем для госпиталя постели, посуду, записываем излишки продуктов. Организуем столовую. Туда пойдут все наши партизанские продукты, как только разминуют штольню. Ване Сергееву сделали в госпитале операцию. Он жив и будет жить! С Надей Шульгиной нас связала боевая партизанская жизнь, мы должны с ней остаться боевыми друзьями. Нас считали мертвыми, а мы воскресли и не напомнимся на солнце, на месяц, не надышимся чистым воздухом. Да здравствует жизнь, свет, счастье, любовь!!!»

В тот же день один из младших героев этой необыкновенной войны в каменных недрах, бесстрашный разведчик, о вылазках которого уже рассказывали ребятам Старого Карантина и Камыш-Буруна поднявшийся на поверхность партизаны, сидел в большом корыте и плескался на всю горницу в домике дяди Гриценко. Сам Иван Захарович вместе с Ваней уехал в Керчь, где теперь жила, после того как ее выпустили из гестапо, больная тетя Нюша, мать Вани. Сестра Валя тоже уехала в город по своим комсомольским делам, воспользовавшись попутной машиной. А Евдокия Тимофеевна, оставшись одна с Володей,

решила устроить ему баню и как следует отмыть.

Неловко было лихому разведчику залезать голым в корыто и, как маленькому, терпеть все, что проделывала сейчас с ним мать. А уж от нее в таких случаях нечего было ждать пощады. Она взбила на давно не стриженной Володиной голове пышную белую папаху из шипящей пены. Большие шматки и лепехи пузырящейся кипени летели во все стороны, падали на пол, плавали в корыте. Уже третий раз меняла Евдокия Тимофеевна воду, а она разом становилась черной от копоти, которая пластами сходила с Володи. Жесткой, шершавой люфой, пропитанной обжигающей мыльной жижей, мать яростно скребла отошавшие плечи сына, вытянувшуюся спину с резко проступающими позвонками. Вырос и похудел Володя с тех пор, как она его не видела. И до чего он был грязен! Какие залежи копоти скопились в волосах!

— Уй-ю-юй, мама! Мне все глаза мыло выело, — стонал Володя и отплевывался. — Меня даже папа в Мурманске на «Красине» так не драл... А уж он...

— Терпи, терпи, партизан! — твердила неумолимая Евдокия Тимофеевна и орудовала безжалостно, так что голова Володи моталась из стороны в сторону.

— Тише, мама... все волосы выдерешь.

— Ладно, ладно, останется тебе еще, герой, на прическу. Будет за что таскать. До чего ж запакостил, а? Тебя за три дня не отскребешь...

Она вымыла ему голову дегтярным мылом, протерла уксусом и керосином, чтобы не завелась какая-нибудь гадость. Потом окатила его водой, приговаривая, как всегда:

— Ну, с гуся вода, с Володеньки нашего худаба...

Быстро обжала ладонью мокрую его голову, и он, еще ухая, надувая щеки и не открывая слипшихся глаз, забарахтался в большой мохнатой простыне, сквозь которую расторопные руки матери терли его чистое тело, ворошили волосы и бережно касались лица.

— Я сам, давай, — сказал он, лениво отбиваясь и блаженствуя от ощущения чистоты, уюта, ласки, окружавшей его.

— Ну, давай сам, — согласилась мать. — Вот теперь ты вроде как почище будешь. Ух и напарилась я с тобой!

Она кинула ему на руки чистую рубашку, и он натянул ее с трудом на распаренное, еще чуточку влажное, приятно горевшее тело.

— Вытянулся-то как! — воскликнула мать, глядя на него. — Рукава-то до локтей... Изю всего вырос. Все мало стало...

Потом, причесанный, одетый во все частое, он сидел за столом и солидно пил чай с матерью.

— Ну что же ты там делал-то, под землей? — спрашивала мать.

— Да всякое приходилось, — не спеша отвечал он, подливая себе из чашки на блюдце. — Какое командование давало задание, то и выполнял.

— Что ж, и посуду мыл? — лукаво спросила мать.

— Нет, посуду не мыл, — ответил он и упрямо потер подбородком плечо. Но тут же взглянул на мать и сказал просто: — У вас, мама, воды не было. Я бы уж и рад был помыть...

Так они сидели, тихонько разговаривая, мать и сын. Володя расспрашивал о знакомых; Евдокия Тимофеевна слышала, что Юлия Львовна и Светлана живы и здоровы.

— А вот Ефима Леонтьевича-то вашего убили. Он в ополчение пошел, хоть и сердцем больной. В бою, говорят, погиб. Такой тихий, хороший человек был...

Володя, внезапно нахмурившись, с появившейся на лбу новой, незнакомой матери складкой, смотрел в окно, вздергивая плечо к щеке.

А за окном на улице в это время показался отряд красноармейцев. Они несли длинные палки с кружками на конце. Поверх шапок у них были надеты телефонные наушники. Володя миглом вскочил, припал к стеклу, стуча в него костяшками пальцев. Шедший впереди отряда пожилой красноармеец услышал стук, обернулся к окну; сперва не узнал, а потом заулыбался и козырнул Володе.

— Мама... — заволновался Володя, ища глазами, куда положил свою шапку, — мама,

это к нам саперы пошли. Будут сейчас ходы в каменоломни разминировать. Этот, который мне честь отдал, мой знакомый. Я ему показывал в первый день, как нас освободили, где дорогу расчищать. Я и сегодня им обещал, мама. Я же кругом там все кочки наизусть помню!

— Без тебя, Вовочка, обойдутся. Сказал ведь тебе вчера комиссар, чтоб ты туда не совался. И командир не приказывал.

— Нет, мама, я ведь там каждые камешек исползал. Надо помочь людям. Я просто обязан... Пионер я или кто? Они же целую неделю провозятся. Ты пойми, мама! Не могу я спокойно сидеть, когда помочь могу. А надо скорее наверх продовольствие вынести. В поселке народ нуждается. Немцы все до крошки съели.

Он снял со стены пальто, оделся, потянулся за шапкой-ушанкой, которая лежала на стуле. Мать встала в дверях, взявшись за косяк:

— Не ходи, Володенька, ну, прошу тебя! Боязно мне что-то... Ведь не велено тебе было. Не ровен час, оступишься или заденешь...

Володя мягко убрал ее руку, толкнул дверь:

— Я же ненадолго, мама! К обеду уже дома буду.

— Поберегись хоть! — крикнула она ему вдогонку. — Ой, беспокойно у меня опять на сердце...

Она видела через окно, как он нагнал саперов, подбежал к старшему, откозырял и пошел рядом с ним, маленький, решительный, стараясь ступать в ногу. Она стояла у окна, пока они не скрылись за поворотом улицы.

«Испеку ему к обеду содовые пышки, — подумала она. — Давно, верно, не ел, а любит — страсть!»

Она подошла к плите, замесила муку с водой и вскоре ушла с головой в знакомые хлопоты, ставшие теперь снова для нее сладкими, так как она знала, что к обеду придет Володя, увидит любимые пышки и кинется обнимать ее от радости.

Протяжный, двойной, грохочущий удар из-под самого, как ей показалось, пола горницы на мгновение будто приподнял весь домик, а потом грузно всадил его обратно в землю. Из окна выпал уголок стекла, подклеенный бумагой, слабо звякнул о подоконник...

Несколько камней, щелкнув по крыше, пролетели за окном и шмякнулись с силой возле дома. Послышались испуганные голоса. Улица за окном заполнилась бегущими людьми. Евдокия Тимофеевна видела, что все они спешат, обгоняя друг друга, по направлению к каменоломням... туда, куда только что ушел ее Володя.

Она стояла некоторое время, словно окаменев. Как будто тем ударом ее пришибло на месте. Потом сделала один шаг, косой и неверный, хотела сделать второй, уже не справляясь с ногами, едва не миновала табурета, тяжело опустилась на него и уронила на пол полотенце.

Надо было выйти на улицу, узнать, что это так грохнуло, но у нее не было силы встать.

На улице стихло. Никто не проходил мимо окон. Евдокия Тимофеевна все сидела на табурете, обернувшись к двери, еще надеясь на что-то, но страшась, что сейчас дверь раскроется и впустит в дом весть, ужаснее и горше которой для матери нет и не может быть на свете...

Так она сидела очень долго. И с каждой минутой где-то еще теплившаяся надежда все гасла и гасла в ней.

Темнело в комнате. За окном стыли серые, неприятные сумерки.

И тогда в дверь постучали. Она не слышала своего голоса, но там, в сенях, услышала.

Дверь открылась.

В комнату вошли трое. Лица их были черны от вьевшейся в кожу копоти. Евдокия Тимофеевна сразу узнала командира Лазарева, комиссара Котло и того в морской военной форме, с которым Володя познакомил ее как со своим учителем.

Они вошли и все трое одновременно сняли шапки.

А она медленно подняла руки, перебирая пальцами сборки кофты на груди, комкая их. И вдруг схватила себя обеими руками за шею, словно что есть силы стиснув в пальцах

подступивший к горлу, готовый вырваться крик. И все трое, взглянув на нее, поняли: знает.

Потом губы ее неслышно шевельнулись.

— Володя? — шепотом спросила она.

Лазарев беспомощно раскинул руки:

— Не углядели мы. Сам пошел... Хотел саперам помочь...

Она привстала, глянула мимо них на дверь. Комиссар шагнул к ней навстречу, взял за локти:

— Не надо сейчас туда, Евдокия Тимофеевна!

... В парке Камыш-Буруна, в главном цветнике, где всегда играют дети, высится не очень высокий памятник на братской могиле партизан. И на доске из крымского мрамора, укрепленной на каменном постаменте, написано:

Здесь похоронены партизаны Отечественной войны, погибшие в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами: Зябрев Александр Федор., Шустов Иван Гаврил., Важенин Влас Ив., Макаров Ник., Бондаренко Ник., Дубинин Володя.

А под горой Митридат в Керчи, со старой лестницы, хорошо видна прямая солнечная улица, что начинается от склона горы, от подножия лестницы, и просторно убегает вдаль. Голосисто поют в погожие дни на этой светлой улице чижи, прыгающие в клетках у перекрестка, где широкая улица Ленина встречается с Володиной улицей и пропускает ее через себя. Иногда на улицу эту в сопровождении керченских пионеров приходят Евдокия Тимофеевна Дубинина с Валея. Пионеры часто навещают их. Они долго смотрят на портрет Володи, перечитывают простое, мужественное письмо, которое написал домой, узнав о гибели сына, Никифор Семенович.

Вскоре после этого и Никифор Семенович погиб на фронте. Отец сложил свою голову за то же великое и справедливое дело, которому беззаветно отдал жизнь его сын.

Долго и жадно расспрашивают школьники Евдокию Тимофеевну обо всех, кто был вместе с Володией в школе, в пионерском отряде и в подземной крепости. И Евдокия Тимофеевна терпеливо отвечает им, что Лазарев по-прежнему заведует всеми каменоломнями, а Жученков — начальник каменоломен Старого Карантина, где в памятные дни укрывался партизанский отряд; и совсем недавно в газете «Правда» сообщалось, что бывший партизан тов. Жученков создал машину для штучной нарезки камня. Применение этих машин на шахтах позволило увеличить выработку камня-ракушечника, идущего на строительство домов и промышленных зданий.

Котло живет на Кубани, работает в МТС по политической части. Корнилов — на заводе в Туапсе. Петропавловский после ранения ослеп, живет с матерью в Ленинграде. Он частенько встречается там с пионерами, рассказывает ребятам города Ленина о том, как принимал в подземном штабе рапорты юного разведчика. Дядя Гриценко служит в кооперации, живет в том же домике, где и раньше жил.

Тихо, задумчиво слушают рассказ матери пионеры.

Мать достает из стола пожелтевшую фронтовую газету с напечатанным в ней приказом командования Крымского фронта от 1 марта 1942 года:

«От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР, за образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество наградить... орденом Красного Знамени... Дубинина Владимира Никифоровича».

Потом пионеры просят Евдокию Тимофеевну и Валю пройти с ними на Володину улицу.

— Вот моего младшенького улица, — говорит пионерам Евдокия Тимофеевна, медленно сходя по ступеням старой лестницы на улицу, носящую имя ее сына.

В праздничные дни, когда на всех улицах играет музыка, в порту на судах подняты

пестрые флаги и летают белокрылые модели над Митридатом, громко бьют барабаны и резво поет пионерская труба над лестницей из серого камня-ракушечника. По крутым маршам лестницы спускаются, шагая в ногу, ряд за рядом, мальчики и девочки в трехконечных красных галстуках — пионеры из школы имени Володи Дубинина, пионеры соседних дружин.

Дружный, легкий шаг их звонко отдается на известняковых плитах и заполняет всю улицу. Чижы Кирилюка высвистывают свою приветственную песенку на углу улицы Ленина. Ветер двух морей играет в складках алого знамени. Пионеры идут по широкой, озаренной солнцем улице, где под фонарем каждого дома написано:

УЛИЦА ВОЛОДИ ДУБИНИНА

Керчь — Москва.

Сентябрь 1947 — февраль 1949.

Май 1950 — январь 1952 года.

Спустя много лет ***Послесловие***

Больше двадцати лет прошло после событий, описанных в этой книге. И снова мы приехали в славный город Керчь. И опять бродили по знакомым уже нам улицам, где когда-то ходил со своими дружками Володя Дубинин, и по той улице, что уже два десятилетия носит его имя.

А город так чудесно похорошел и расцвел за эти мирные годы! Большой и красивый памятник Владимиру Ильичу Ленину поднялся над сочно-зелеными газонами в тени акаций сквера, на который теперь выходит только что отстроенное светлокаменное здание городского театра. Огонь Вечной Славы ныне горит днем и ночью над вершиной Митридата, куда ведет многоступенчатая лестница, по крутым ступенькам которой, легко перемахивая одну за другой, взбегал с белокрылой моделью Володя Дубинин...

А сколько новых красивых домов и школ на разных улицах Керчи увидишь сверху, если поднимешься на Митридат!

На заново отстроенном здании одной из этих школ — той, что на Пироговской улице, — написано:

«Керченская средняя общеобразовательная трудовая политехническая школа № 1 с производственным обучением имени Володи Дубинина».

В просторном вестибюле этой школы стоит отливающий темной бронзой бюст. Задорно вскинута голова подростка-мальчугана. Взгляд его с пытливой отвагой устремился вдаль. Концы пионерского галстука словно разметал порыв встречного ветра.

Таким изобразил Володю Дубинина скульптор. Он хорошо передал черты порывистого бесстрашия, упрямой пытливости и жизнерадостной прямоты Володи.

Такой же бюст, но изваянный из светлого мрамора, был выставлен летом 1951 года на Фестивале молодежи в Берлине, среди живописных и скульптурных портретов, воссоздавших образы юных героев — отважных борцов за утверждение мира и счастья во всем мире.

Ныне этот бюст находится в Москве, в Историческом музее, на постоянной выставке «Комсомол в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. «.

Бюст Володи Дубинина, украшающий сегодня вестибюль школы, установлен был сначала на улице, перед фасадом школы, носящей имя славного пионера. Это было около пятнадцати лет назад, и нам, приезжавшим тогда на открытие памятника Володе, хорошо запомнился этот день — день 6 июня 1951 года.

В то солнечное утро, развернув алые знамена, трубя в горны и отбивая дробь на гулких

барабанах, шагали по своему городу керченские пионеры. Они сходились со всех концов города, шли мимо сквера Мира, сомкнувшего зелень двух бульваров в центре Керчи. Они дружно шагали по солнечной улице Володи Дубинина.

И когда все отряды прибыли на место, на улицу Пирогова, и выстроились перед школой имени Володи Дубинина, соскользнуло, упало на землю алое полотнище, обвивавшее скромный четырехгранный постамент с установленным на нем бюстом. И земляки-керчане увидели своего Володю...

Сыпались к подножию пьедестала букеты живых роз, ворохи свежих и необыкновенно крупных южных колокольчиков. И белые голуби, выпущенные из рук пионеров, стоявших возле памятника, взвивались над бронзовым Володей Дубининым.

Сжав вздрагивающие губы, всматривалась в воскресшие под резцом скульптора черты сына тихая, молчаливая женщина, которую знает весь город в лицо, — Евдокия Тимофеевна Дубинина.

Слегка закинув седую голову, смотрела на изваяние своего питомца учительница Юлия Львовна. Чуть поодаль стоял потупившись Ваня Гриценко.

Долго кружилась над бронзовым Володей Дубининым стайка белоперых голубей, — словно напоминали птицы всем, что чудесный керченский мальчуган за то и сложил свою голову, чтобы над его любимым, столько перенесшим городом все выше всходило солнце отвоёванной мирной жизни.

У всякого края необъятной нашей страны — своя краса, своя слава. Год от года хорошел город, израненный фашистами в дни войны. Восстанавливались разрушенные дома, возводились новостройки. Старую школу тоже изрядно расширили. И бюст Володи перенесли в новый, обширный вестибюль перестроенного школьного здания.

Решили воздвигнуть в городе большой памятник Володе Дубинину. Пионерская дружина школы, носящей его имя, незадолго до сорокалетия комсомола обратилась с призывом ко всем пионерам города начать сбор металлического лома, чтобы на полученные средства построить в центре Керчи монументальный памятник герою-пионеру.

На этот призыв сейчас же откликнулись пионеры и комсомольцы всех школ Керчи. Быстро разгорелось энергичное соревнование — кто соберет больше средств на памятник славному земляку. Быстро рос созданный для этого городской фонд. Керчане связались с ленинградским заводом «Монументальная скульптура», и ленинградцы согласились принять заказ на изготовление большой скульптуры Володи Дубинина.

И в воскресенье 12 июля 1964 года в центре Керчи, в сквере на улице Володи Дубинина, состоялось торжественное открытие памятника пионеру-герою.

Из диоритовой глыбы высечена пятиметровая фигура отважного пионера-разведчика.

И снова собрались здесь боевые товарищи — партизаны прославленной подземной крепости, мать Володи Евдокия Тимофеевна, его сестра Валентина со своей дочкой, маленькой племянницей Володи.

Имя Володи Дубинина давно уже занесено на страницы книги Почета Всесоюзного Ленинского Комсомола рядом с именами славнейших молодых сынов и дочерей нашей Родины, чья жизнь и подвиги стали высоким примером беззаветного служения социалистической Отчизне.

И сотни, сотни писем со всех концов страны приходят в Керчь, в школу имени Володи Дубинина, к юным землякам пионера-героя и его матери. Маленькие корреспонденты жадно расспрашивают своих сверстников, живущих, как они пишут, в «родном Володином городе», о новостройках, о сегодняшней жизни Керчи — города металлургов, рыбаков и шахтеров. Всем интересно знать, как живет и расцветает край, который вместе со своими старшими товарищами защищал и славный пионер Володя Дубинин. Ребята, узнавшие о короткой, но прекрасной жизни и подвигах Володи Дубинина, твердо убеждены, что пионеры города, в котором вырос юный герой, верны заветам его славы.

Ученики школы имени Пушкина Кировской области Юрий Журавлев и Василий Новоселов, решив построить модель самолета, сочли, что самый лучший совет и помощь

дадут им прежде всего в школе имени Володи Дубинина. Ибо, как известно, Володя был отличным авиамodelистом. И вот приходит в школу письмо с просьбой выслать расчеты.

Пишут керчанам ребята не только нашей страны — с Дальнего Востока, из Эстонии, Латвии, Армении, шлют письма в Керчь и чехословацкие дети — школьники из Карловарской области, пионеры Польши.

А школьники станции Калачинской, Омской области, не только сами переписываются со школой имени Володи Дубинина, но послали книгу о юном герое в Чехословакию, в теперь завязалась переписка между чехословацкими ребятами и юными сибиряками.

Среди множества писем, которые бережно хранит Евдокия Тимофеевна Дубинина, есть несколько писем от двух молодых солдат Советской Армии. Их родители погибли во время войны. И они обратились к матери юного героя, отдавшею свою жизнь за победу Родины и утверждение мира, с просьбой «идейно усыновить» их, обещая во всем следовать тем высоким традициям, в которых был воспитан славный керченский пионер. И теперь они так и пишут в своих письмах в Керчь: «Дорогая наша мама, Евдокия Тимофеевна!..»

Слава обязывает ко многому. Высокое признание порождает и высокие требования. Так понимают правила чести в славы те пионерские отряды в разных уголках страны, которые, отличившись в учении и общественной работе, добились почетного права присвоить себе имя Володи Дубинина.

Об этом пишут с берегов далекого Амура. Это подтверждают школьники подмосковной Купавинской школы, где отряд имени Володи Дубинина показал себя одним из лучших на экзаменах. Симферопольские пионеры 7-й средней школы пишут: «Мы хотим мира и отличной учебой добиваемся его, а если понадобится, сумеем, как Володя Дубинин, встать на защиту Родины».

Пионеры из города Горького сообщают керчанам: «Недавно нашему отряду третьего класса „В“ было присвоено имя Володи Дубинина. С этого дня мы стали учиться еще лучше. Нашему отряду был вручен переходящий красный вымпел».

И даже право подписать письмо, адресуемое в школу имени Володи Дубинина, дается не каждому. Подобно тому как в известной 201-й московской школе парту, за которой сидела Зоя Космодемьянская, могут занимать только лучшие, отличники класса. В коллективных посланиях, потоком приходящих в Керчь, стоят подписи самых достойных ребят. Под письмом из города Мариинска, Кемеровской области, где теперь создан отряд имени Володи Дубинина, после подписи председателя совета отряда и звеньевых так прямо и значитя: «Лучший пионер — Ветошкин Валерий».

Аля Бабкина, ученица шестого класса 22-й средней школы города Кирова (областного), в своем письме к Евдокии Тимофеевне Дубининой написала такие строки: «... Иногда я отказывалась от какого-нибудь пионерского поручения, которое, казалось мне, была не в силах выполнить. Прочитав книгу о вашем сыне Володе, я поняла, что пионер, который боится трудностей, — это самый плохой пионер. Пионеру нельзя отказываться от трудного, и ему нельзя быть белоручкой. Из пионеров мы вступаем в комсомол, из комсомола — в партию. А партия не любит белоручек. Теперь я стала принимать всякие поручения».

В начале 1952 года мать Володи Дубинина получила письмо из Сибири. Его послала учительница-комсомолка Полина Алексеевна Пупышева из села Нахрачи, Ханты-Мансийского округа.

Молодая учительница подробно описала Евдокии Тимофеевне свою далекую сельскую школу, рассказала о лучших учениках и славном коллективе педагогов, о том, как проведена, впервые в этой школе, конференция читателей по книге, посвященной Володе Дубинину. Это произошло в день десятой годовщины со дня гибели юного патриота.

«Ребята почтили вставанием память Володи, а после конференции приняли текст письма к Вам, — сообщала Е. Т. Дубининой учительница Пупышева. — Нам очень хочется, чтобы Вы ответили на это письмо ребятам. Ваше письмо поможет учителям поднять у ребят чувство ответственности за школу и знания. Вам, должно быть, нелегко отвечать на все письма, но ответ Ваш явился бы хорошим откликом на первую в вашем районе читательскую

конференцию. Ваше письмо могло бы повлиять и на таких учеников (следует несколько фамилий), с которыми трудно сладить, которые из-за лени не обладают достаточно прочными знаниями. И еще, Евдокия Тимофеевна, передам Вам одну просьбу наших ребят, не только нашей школы, но и всего нашего Кондинского района. Им очень хочется разводить цветы, но семян нет, достать их сложно. Просим немного выслать нам для начала из вашего садика. Мы эти семена будем вначале растить в рассадниках. Потом, когда они вырастут, расцветут и дадут семена, наши школьники украсят весь район цветами, семена для которых присланы с родины Володи Дубинина, младшего сына партии».

И помчалась в далекую Сибирь весной 1952 года из крымского города Керчи небольшая посылка, адресованная школьникам села Нахрачи и содержавшая различные сорта цветочных семян.

Эстонские ребята впервые узнали о подвиге Володи Дубинина из своей пионерской газеты «Сядэ». Там печатались отрывки из повести о славном керченском пионере. Читатели этой газеты не раз собирались на пионерские костры, посвященные памяти Володи. Потом в своих письмах ребята Советской Эстонии взволнованно писали об этом.

«Володя стал одним из наших любимых героев. Мы его никогда не забудем. Володя был одним из тех, с кого мы, пионеры, берем пример. Он не жалел ни сил, ни жизни для своей Родины. Поэтому и я стараюсь учиться на благо своей Родины». Эти строки взяты из письма Раисы Филипповой, ученицы пятого класса, проживающей в Абья — районном центре Эстонской ССР.

На Урале, в Свердловске, Дом пионеров Орджоникидзевогo района тоже носит ныне имя славного керченского пионера.

В пионерской комнате школы, носящей имя Володи Дубинина, хранятся интересные альбомы. Среди них — и большой самодельный альбом с фотоснимками и рисунками, присланный польскими школьниками из города Кольбушево. Маленькие польские патриоты писали о том, как восстанавливается их страна, разрушенная оккупантами, и просили рассказать им о Керчи, о Крыме, как это сделал бы сам Володя Дубинин. Земляки юного разведчика выполнили просьбу своих зарубежных друзей. Немало времени потратили они на альбом с рисунками и фотографиями, под которыми текст поясняет все, что изображено на картинке...

С 1950 года в Керчи проводятся соревнования пионерских дружин по легкой атлетике, баскетболу и волейболу на приз имени Володи Дубинина. Каждое лето лучшим школьным спортивным коллективам присуждается приз имени юного героя.

В письмах к матери, в своих выступлениях на пионерских сборах и читательских конференциях советские школьники говорят о своем славном сверстнике Володе Дубинине как о живом. «Он живет в наших сердцах, в нашей памяти. Мы хотим быть такими, каким был Володя».

Часто у домика Дубининых останавливается грузовая автомашина Камыш-Бурунского комбината. Из кабины выходит худощавый стройный водитель:

— Здравствуйте, тетя Дуся! Добрый день, Ваня! Это на минутку заглянул по пути, чтобы навестить старых друзей и родных, самый близкий друг и троюродный брат Володи, не раз хаживавший с ним в опасные партизанские разведки, — Ваня Гриценко.

Керченские ребята были очень обрадованы, когда узнали, что летом 1951 года он вернулся обратно в свой город и ныне работает шофером в тех самых местах, куда выходил он вместе с Володей на разведку.

Славные подвиги Володи Дубинина и его товарищей иной раз, в трудных случаях жизни, помогают нашим пионерам, как повелительный пример мужества и душевной отзывчивости. В начале 1953 года газеты Казахстана рассказали о подвиге двух пионеров — Миши Грачева и Алашбека Джурнашева из поселка Приозерного.

Действуя с большой находчивостью и немалой отвагой, они спасли от огня колхозное

имущество, помогли потушить пожар, который заметили первыми, когда шли берегом реки Или на рыбалку.

«Мы поступили так, как сделал бы на нашем месте Володя Дубинин. А он — наш самый любимый герой. И мы решили всегда и во всем поступать, как он», — объяснили потом свой смелый поступок Миша Грачев и Алашбек Джурнашев.

Однажды в Керченский отдел народного образования пришло письмо от девочек чехословацкого города Унгощ, изучающих русский язык. Прочитав повесть о Володе, они узнали о школьной его подруге Светлане Смирновой, тогдашнем председателе пионерского отряда.

«Мы хотели бы завязать переписку с ученицами той школы, которую после войны окончила Светлана Смирнова», — писали девочки из города Унгощ.

Их желание исполнилось: старшеклассницы школы имени Желябова стали переписываться со своими чехословацкими сверстницами. Вскоре из Унгоща пришла посылка для учениц школы имени Желябова. В ней оказались граммофонные пластинки, воспроизводящие чешские и словацкие народные песни, виды страны, фотографии и прочее.

Юные земляки Володи Дубинина и Светланы Смирновой не остались в долгу. Они отправили изучавшим русский язык чехословацким девочкам хорошую библиотечку. А на вопрос, что делает сейчас Светлана Смирнова, сообщили, что летом 1952 года она закончила Московский институт иностранных языков и теперь стала педагогом, так же как ее мать Юлия Львовна.

Светлана живет в одном из городов Украины. У нее теперь уже другая фамилия и сынишка-школьник. Она преподает в школе французский язык, но продолжает учиться и сама: хочет в совершенстве знать еще и немецкий...

Юлия Львовна по-прежнему живет в Керчи, неподалеку от школы имени Володи Дубинина. Она теперь уже на пенсии. Но нередко старая учительница рассказывает ребятам о славном своем воспитаннике, ставшем разведчиком подземных партизан.

Дядя Яша Манто работает в одной из городских столовых. Каждое лето он уезжает поваром в пионерский лагерь. И часто, накормив ребят вкусным ужином, Яков Маркович рассказывает им о Володе, о памятных днях, проведенных в каменоломнях.

Навещает Керчь и Женя Бычков. Он окончил в Ленинграде инженерно-строительный институт, стал архитектором и сейчас работает вблизи города Ленина.

Однажды Евдокия Тимофеевна Дубинина получила письмо от чехословацких ребят.

«Передаем Вам пламенные приветы пионеров и пионерок средней школы города Якимова, Карловарской области, — так писал Евдокии Тимофеевне старший пионервожатый Владимир Кубелик. — Наша пионерская дружина хочет носить славное имя Володи Дубинина... Просим Вас написать нам, можем ли мы назвать дружину именем Вашего сына. Володя воевал против фашистов. Мы боремся за мир и своей работой в школе воюем против фашистской политики новой войны. И мы, свободная молодежь Чехословакии, вместе с советскими людьми отстоим дело мира».

Евдокия Тимофеевна ответила молодым чехословацким борцам за мир, что с радостью дает свое согласие на присвоение их пионерской дружине имени Володи Дубинина, а сообщила, что она сама была избрана в состав крымского областного Комитета защиты мира.

... С глубоким волнением слушали на Крымской областной конференции сторонников мира слова Володиной матери:

«Мой сын мечтал стать изобретателем. Он хотел, сделать что-то большое для своего народа, хотел изобрести машины, которые бы облегчили труд человека. Но ему не пришлось осуществить свои мечты, не пришлось увидеть университетские лаборатории... Потому что ему не довелось жить взрослым. Немецкие фашисты пришли на нашу мирную землю с войной, они принесли смерть. Володя погиб четырнадцатилетним... — И, прокляв поджигателей войны, мать юного героя сказала, обращаясь ко всем советским людям, ко

всем разумным людям земного шара: — Мы будем до конца отстаивать великое дело мира. Да здравствует мир! Да здравствует жизнь!»

Очень часто мы слышим от наших читателей:

— Вы когда-нибудь видели сами Володю?.. А каким он был?

И мы поняли, как важно ребятам узнать подробнее о герое керченских каменоломен, как хотелось бы своими глазами поглядеть на него, увидеть самим, как он запускал свои модели к мирному небу, как в военные дни проползал под колючей проволокой, чуть ли не под ногами у фашистских часовых, чтобы добыть нужные сведения для партизан подземной крепости.

Теперь вы увидели все это, хотя Володя Дубинин, как известно, погиб 4 января 1942 года, когда наши войска уже освободили от фашистов город Керчь.

... Жгучее и слепящее июльское солнце палит вершину горы. День безветренный. Почти неподвижно пламя в чаше Огня Вечной Славы. В знойную дымку ушел далекий морской горизонт.

И снова, грохая в такт шагу барабанами, ловя солнечные блики раструбами горнов, поднимаются вверх по крутой лестнице, ведущей из города на Митридат, сотни и сотни керченских пионеров.

Вот они выстроились на вершине древней горы. И тогда из белой палатки, установленной близ памятника героям Керчи, выходит мальчик с алым, словно запылавшим на солнце галстуком на груди. И все узнают его мгновенно. И взволнованный шепот стелется по рядам пионеров, выстроившихся на Митридате:

— Володя Дубинин... Вот он!.. Это — Володя.

Все сразу узнали его. Да, вот он такой и на портрете — Володя Дубинин! И он, подняв над головой белокрылую авиамодель, направляется к тому месту, где двадцать с лишним лет назад возносилась над Митридатом рекордная модель Володи Дубинина «С+С»...

И все замерли на Митридате. Показалось, что время повернуло обратно и дало нам увидеть то, о чем мы сами написали в книге, только что вами прочитанной.

— Внимание! Начинаем!

Зажигаются спорящие с солнцем мощные осветительные приборы. Раздаются слова распоряжений. Щелкают деревянные дощечки, на которых написаны белые цифры.

Нет, время не повернуть обратно! Двадцать с лишним лет прошло с того дня, когда на этом самом месте, на вершине Митридата, Володя Дубинин поднял над головой свою дивную модель. На календаре — год 1961. Июль месяц. Приехавшая в Керчь из Белоруссии киноэкспедиция снимает фильм о жизни и подвиге Володи Дубинина.

Съемки шли и на улицах, по которым ходил в школу Володя Дубинин, и в недрах каменоломен, где сражались с захватчиками бесстрашные керченские партизаны.

Бывшие керченские партизаны, сестра Володи Валентина, бывшая учительница его Юлия Львовна охотно делились с артистами и режиссером воспоминаниями о Володе. Часто приезжали на съемки бывший партизанский повар дядя Яша Манто и школьный товарищ Володи Евгений Бычков.

Все боевые сцены, эпизоды из жизни подземной партизанской крепости снимались летом 1961 года в знаменитых партизанских каменоломнях близ Керчи. Места эти овеяны высокой и трагической славой. Камни тут хранят память о тысячах героев, которые во время Великой Отечественной войны не захотели сдать фашистам, прорвавшимся в Крым, и ушли под землю.

Прямо в этих каменоломнях, где во мраке подземных ходов белели кости павших, где лежало старое боевое оружие, изъеденное временем и ржавчиной, шли съемки фильма о подвиге юного пионера. И бушевал снова подземный бой, и Володя Дубинин подползал к баррикаде, сложенной из глыб ракушечника, и подносил патроны партизанам... Скатывались вниз с грохотом, рассыпая снопы пламени, бочки с горючим, сброшенные гитлеровцами в

каменоломни... Низвергалась с шумом морская вода, которую фашисты пустили под землю, чтобы утопить упрямых смельчаков партизан. Люди по грудь в клочковатшем потоке, неся с собой факелы и оружие, уходили в глубь каменоломен...

И часто во время этих подземных съемок нам начинало казаться, что мы на самом деле вместе с Володей Дубининым находимся в старокарантинской подземной крепости, среди храбрых партизан, а там, наверху, над нами грохочет, пылает война...

А потом на вершине Митридата снимали торжественные заключительные кадры фильма: около полутора тысяч керченских пионеров пришли сюда в этот день, чтобы присутствовать на запуске пионерской ракеты, носящей имя юного героя.

Прозвучали отрывистые слова команды. И вот над строем пионерских отрядов, над белыми рубашками и блузками, над алыми галстуками, над кумачовыми знаменами взвилась, оставляя струю огня и дыма, легкая, стремительная ракета. Она неслась над склоном Митридата, над крышами и деревьями города, простирающегося к синему морю. Она круто забирала вверх, младшая сестра тех могучих ракет, что подняли в космос Юрия Гагарина и других наших космонавтов, — маленькая пионерская ракета с надписью на борту: «Володя Дубинин».

... Так заканчивается фильм о мальчугане из города Керчи, об одном из младших бесстрашных сынов нашей Родины.

Этим мы закончим теперь и нашу книгу.

1964 г. Керчь — Москва